ИСТОРІЯ

ЛИВОНІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ I.

РИГА, 1884.

Печатано въ типо-литографіи А. І. Лишинскаго, на Театральной улицѣ,
въ домѣ Нейберта № 1.

Дозволено цензурою. Рига, 30 октября 1884 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

гг. членамъ русскихъ общественныхъ учреж-
деній въ Ливоніи

для споспѣшествованія знанію прошлаго этой страны
и для укрѣпленія среди ихъ правильнаго разумѣнія
своего настоящаго и задачь будущаго.

Отъ составителя книги гг. членамъ русскихъ общественныхъ учрежденій въ Ливоніи.

(Вмѣсто предисловія).

Мм. Гг.! Составитель этой книги, посвящая ее Вашему благосклонному вниманію, считаетъ совершенно излишнимъ излагать пользу, необходимость и важность знанія прошлаго той страны, въ которой мы живемъ, въ которой многіе изъ насъ родились и въ которой многимъ, по закону природы, придется сложить свои кости. И въ самомъ дѣлѣ кто изъ насъ не знаетъ и кто не убѣжденъ въ томъ, что наше настоящее, всѣ наши отношенія, всѣ свѣтлыя и темныя стороны нашего быта и положенія — все это результатъ прошлаго, результатъ дѣятельности и жизни предшествовавшихъ намъ поколѣній, и до извѣстной степени результатъ развитія всего нашего отечества.

Не блистательно современное намъ положеніе всѣхъ русскихъ общественныхъ учрежденій въ Ливоніи: вездѣ и всюду замѣчается скудость средствъ, слабость силъ, и что хуже всего, отсталость, но почему и отчего это происходитъ? Виноваты-ли мы сами въ этой скудости, или было нѣчто другое, обусловившее нашу скудость? Обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только прошлое нашей страны, только знаніе условій, при которыхъ приходилось жить и намъ самимъ и нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Отчасти мы виноваты сами — но только отчасти; главная же причина нашей скудости заключается въ томъ, что условія, при которыхъ мы жили въ прошломъ, намъ не благопріятствовали, даже сильно не благопріятствовали, до того сильно, что продолжай онѣ свое существованіе понынѣ, мы, конечно, не имѣли бы и того малаго, что уже имѣемъ. — Но какія же это условія? Ихъ надобно знать; а если такъ, то все сводится къ тому, что не зная отчетливо своего прошлаго, очень трудно, иногда и совсѣмъ невозможно основательно уразумѣть причины и поводы почему наше настоящее является въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ существуетъ, а не въ другомъ, лучшемъ, въ какомъ бы было желательно его видѣть. Сколькихъ ошибокъ, увлеченій, уклоненій въ стороны мы избѣгли бы, если бы задачи лучшей будущности, стремиться къ которой должно всякое общество и всякое учрежденіе, мы опредѣляли и ставили себѣ на основаніи знанія прошлаго и условій жизни и быта нашихъ предшественниковъ.

Ливонія развивалась далеко не при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ шло развитіе всего нашего отечества, и именно эти мѣстныя условія и повлекли за собою всѣ современныя намъ стремленія населеній страны къ улучшенію ихъ быта. Выяснить эти условія. другими словами дать на русскомъ языкѣ обстоятельную и по возможности полную исторію Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ (на русскомъ языкѣ такой исторіи еще не появлялось), и тѣмъ сослужить посильную службу всѣмъ русскимъ землякамъ вообще и ливонскимъ русскимъ землякамъ въ частности — такова главная цѣль, которую имѣлъ въ виду составитель этой книги. Задача не малая и не легкая, но составитель не на столько самонадѣянъ, чтобы сказать, что онъ въ состояніи выполнить всю задачу во всей ея обширности и многосторонности. Онъ это не обѣщаетъ и не можетъ обѣщать уже по одному тому, что исторія Ливоніи отнюдь не представляетъ собою поля, вполнѣ воздѣланнаго. Исторія Ливоніи хорошо разработана изслѣдователями лишь за время сомостоятельнаго существованія этой страны; исторія польскихъ и шведскихъ временъ разработана еще недостаточно, а съ 1710 г. еще менѣе. Много еще труда, много подготовительной работы предстоитъ совершить для изложенія Ливонской исторіи за три послѣднія столѣтія. Тутъ масса пробѣловъ, недовольно изслѣдованныхъ частностей; но, однако, кое-что уже и сдѣлано, кое-что и установлено, благодаря успѣхамъ исторической науки, на прочныхъ, неподлежащихъ уже оспариваніямъ, основаніяхъ.

Составитель этой книги отнюдь не претендуетъ на выполненіе существующихъ пробѣловъ въ Ливонской исторіи (къ этому онъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности), не претендуетъ онъ на какую либо новость взглядовъ; онъ подведетъ, такъ сказать, только итогъ изслѣдованной уже мѣстной старины, при чемъ особенное вниманіе обратитъ на отношенія Ливоніи къ Россіи, такъ какъ именно эти отношенія оказали самое большое и самое рѣшительное вліяніе на судьбы этой окраины Россіи.

Свое изложеніе составитель книги начнетъ краткимъ географическимъ описаніемъ края, дабы читатель видѣлъ, что Ливонія есть ничто иное какъ продолженіе русской государственной области къ Балтійскому морю, составляетъ лишь частицу этой области, никакими естественными предѣлами не отдѣляющуюся отъ оной. Не подлежитъ сомнѣнію, что ходъ событій въ данной странѣ подчинялся и неизбѣжно подчиняется природнымъ условіямъ ея. Одинаковость природныхъ условій странъ ничѣмъ не отдѣленныхъ другъ отъ друга, влечетъ за собою одинаковый образъ жизни населеніи ихъ, и такія страны, рано или поздно, такъ или иначе, но всегда сливаются въ одну общую государственную область какъ бы ни было разноплеменно и разнородно первоначальное населеніе ихъ. Такъ было всюду, такъ произошло и съ Ливоніею. Населенія ея, какъ ни отличались языками

и происхожденіемъ отъ славянскихъ племенъ, заселившихъ области нынѣшней Россіи, не могли не войти въ сношенія съ этими племенами, такъ какъ ни значительныя горы, ни значительныя воды не отдѣляли ихъ другъ отъ друга, а войдя въ сношенія не могли не подчиняться ихъ вліянію, такъ какъ славянскія племена были и сильнѣе и даровитѣе племенъ, въ отдаленнѣйшей древности жившихъ по побережьямъ Валтійскаго моря и усть-двинскимъ мѣстностямъ. Достовѣрная исторія нашего отечества, начинающаяся съ X столѣтія, застаетъ уже ливо-латышскія племена находящимися, не скажемъ подъ властію, но подъ сильнымъ вліяніемъ полочанъ, а запейпускую чудь подъ вліяніемъ правда слабымъ, но все же вліяніемъ энергичныхъ, предпріимчивыхъ и отважныхъ новгородцевъ. Русскіе городки и поселки со временъ уже Ярослава Владиміровича начинаютъ появляться въ Ливоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ вносится къ языческимъ ливонскимъ народцамъ и православіе, никому, впрочемъ, не навязывавшееся силою. Уже съ того времени начинаетъ подготовляться то, чему судили быть природныя условія Ливоніи, т. с. сліяніе ея съ русскою государственною областію, но этотъ естественный ходъ событій былъ задержанъ на нѣсколько столѣтій событіями, бывшими опять же слѣдствіемъ природныхъ условій эсто-латышскаго края, какъ прилегавшаго къ Балтійскому морю. По ливо-латышскимъ землямъ шелъ второй водный путь въ Византію. Этотъ водный путь, какъ и великій греческій, съиздавна былъ извѣстенъ скандинавскимъ мореходцамъ, направлявшимся въ Кіевъ и Византію, по Двинѣ же внизъ полочане входили въ Балтійское море и торговали въ Готландѣ, какъ по Волхову и Невѣ новгородцы входили въ Финскій заливъ, и ихъ купцы навѣщали и Швецію, и Данію, и Готландъ. Торговали выгодно и бойко, и Готландъ съ средины XII ст. явился центральнымъ пунктомъ всей торговли сѣверныхъ странъ. Торговыя выгоды привлекали на Готландъ множество купцовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Этотъ островъ со своимъ главнымъ городомъ Висби съ теченіемъ времени явился главнымъ посредникомъ русской торговли съ европейской, при чемъ готландцы извлекали столь значительныя барыши, что у бременскихъ купцовъ явилась мысль завести самимъ торговыя сношенія съ русскими безъ всякихъ посредниковъ. Снарядили корабль и съ товарами отправили его къ ливонскимъ берегамъ.

Корабль присталъ къ устью Двины и бременскимъ мореходцамъ удалось завязать торговыя сношенія съ ливами и русскими. Торговля быстро росла, нѣмецкія купцы построили себѣ амбары, учредили купеческія конторы къ общей выгодѣ и своей и русскихъ, и оставайся они при своихъ купеческихъ дѣлахъ, Ливонія, конечно, не только бы ничего не проиграла, напротивъ много-бы выиграла. Но этого не произошло: торговыя выгоды пробудили алчность бременскаго архіепископа и вотъ около 1184 г. впервые въ усть-двинской землѣ появился монахъ для

проповѣди ливонскимъ язычникамъ христіанства. Съ дозволенія православнаго полоцкаго князя (это очень удивительно, но безусловно вѣрно) началась проповѣдь католичества, а съ нею и измѣненіе хода всѣхъ дѣлъ въ Ливоніи. „Божьи дворяне“ и „честные бискупы“ утвердились среди эсто-латышскихъ народцевъ, силою обратили ихъ въ католичество, вытѣснили русскихъ изъ ихъ ливонскихъ городковъ и поселковъ, и изъ Ливоніи сдѣлали не какое либо прочное государство — какое государство могли они основать на клочкѣ русской государственной области — не монархію и не республику, а просто нѣмецкую колонію, которая бы ихъ кормила и поила.

Утвержденіе въ Ливоніи „божіихъ дворянъ“ и „честныхъ бискуповъ“ извратило естественный ходъ событій въ Ливоніи, задержало на цѣлыя столѣтія то, что должно было совершиться и что ясно намѣчалось уже до ихъ прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ внесло въ Ливонію смуту, раздоръ, войны, кровопролитія. Цѣлая пропасть легла между побѣдителями и побѣжденными, при чемъ и тѣ и другіе не знали и не могли знать покоя. Побѣдители жили подъ вѣчною грозою русскихъ, побѣжденные только и думали что о сверженіи наложеннаго на нихъ ига и рабства, — а тутъ властители, орденъ и духовенство, изъ за власти, изъ за кормленій, вѣчно ссорились, враждовали между собою. Тѣмъ не менѣе нѣмецкая колонія просуществовала самостоятельно цѣлыхъ 350 лѣтъ, благодаря единственно тому, что вся раздробленная Русь не имѣла еще единовластія, долго не могла окрѣпнуть послѣ татарскаго разгрома. Но вотъ за разгромомъ начинается собираніе русскихъ земель вокругъ Москвы и чрезъ 350 лѣтъ послѣ появленія въ Ливоніи католичества случилось то, что ливонскіе властители предвидѣли еще за 100 лѣтъ до Грознаго.

Московскій царь, осиливъ татарскія царства, заявивъ Польшѣ, что вѣчнаго мира съ нею не будетъ, пока исконная русская вотчина, Западная Россія, не соединится съ ея Восточною половиною, двинулся на Ливонію, чтобы взять обратно то, что было силою отнято узурпаторами у русскихъ. Загорѣлась сильная, двадцать лѣтъ продолжавшаяся война, но въ концѣ концовъ Іоаннъ долженъ былъ уступить своимъ соперникамъ: ему не подъ силу было бороться одновременно съ тремя державами, имѣвшими свои причины и поводы не допускать русскихъ овладѣть балтійскими гаванями. Онъ уступилъ; его соперники восторжествовали; Ливонія раздѣлилась на три части подъ двумя державами, и испытала тяжкія бѣды за то, что ея властители не пошли на подчиненіе московскому государю. Поляки разсорились со шведами, начались самыя опустошительныя войны. Шведы осилили, присоединили къ своему государству и Эстляндію и Лифляндію. Но развѣ это соединеніе соотвѣтствовало природнымъ условіямъ Ливоніи, но развѣ шведы, ограбившіе русскихъ „отеческими пристаньми“, какъ выразился Петръ Великій, могли расчитывать на

прочность присоединенія, на возможность удержанія за собою клочка русской государственной области? Если и расчитывали, то сильно ошибались въ своихъ расчетахъ. Они продержались въ Ливоніи лишь до 1710 г.; ихъ ливонскія пріобрѣтенія отошли по своей принадлежности къ русской государственной области, и Петръ Великій совершилъ то, къ чему тщетно стремился его предокъ — Іоаннъ Грозный. Собираніе земель русской государственной области въ единое государство продолжалось послѣ Петра и кончилось лишь къ концу XVIII ст., когда Западная Россія соединилась наконецъ послѣ много вѣковаго раздѣленія съ Восточною половиною Россіи — лишь къ 1796 г.

Совершилось то, что неминуемо и неотразимо должно было совершиться на равнинѣ, не имѣющей ни горъ, ни всего, что питало бы областныя раздѣльности, и лишь съ этого только времени повелитель этой исполинской равнины сдѣлался de facto Всероссійскимъ Царемъ.

Собираніе кончилось. Теперь Россіи осталось устранить все то, что было результатомъ ненормальнаго хода событій, шедшаго вопреки природныхъ условій частей ея; сгладить неровности, засыпать пропасти, которыя образовались мѣстами между бывшими нѣкогда побѣдителями и побѣжденными и направить дѣла ихъ естественнымъ путемъ къ общему единенію всей русской семьи.

Таковъ планъ, назначеніе этой книги. На сколько составитель достигъ своей цѣли — судить уже не ему. Онъ проситъ только снисхожденія къ своему труду, какъ нѣкогда просилъ снисхожденія продолжатель нашей древнѣйшей Лаврентьевской лѣтописи: „И нынѣ, господа отци и братія, еже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправливая Бога деля, а не кленіте.“

Рига,
октябрь 1884 года.

Исторія Ливоніи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Ливонскій край, его населенія и отношенія къ сосѣдямъ до прибытія нѣмцевъ.

1. Общее обозрѣніе страны и общій выводъ. Разселеніе славянъ.

Общимъ именемъ *Ливоніи* мы будемъ означать три нынѣшнія губерніи Россійской имперіи: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую съ тремя нынѣшними уѣздами Витебской губерніи: Рѣжицкимъ Люцинскимъ и Динабургскимъ, имѣвшими у поляковъ общее названіе Инфлянтовъ. Весь этотъ край не великъ пространствомъ: онъ занимаетъ площадь въ 1737 квадр. миль, между 55°40′ и 58°30′ широты, не знаменитъ онъ какими либо естественными богатствами или особеннымъ плодородіемъ почвы; никогда не славился онъ богатствомъ или многочисленностію своего населенія, потому что въ этомъ краѣ нынѣ живетъ неболѣе 3 мил. народа, тѣмъ не менѣе этотъ край въ свое время игралъ не маловажную роль въ исторіи сѣверныхъ державъ вообще и въ исторіи русскаго государства въ частности. Туть, на этомъ небольшомъ сравнительно клочкѣ русской государственной области, столкнулся міръ германскій — нѣмцы, шведы, датчане — съ міромъ славянскимъ, русскими и поляками; тутъ изъ за вопроса кому владѣть гаванями восточнаго прибрежья Балтійскаго моря разыгралась драма, преисполненная войнъ и переворотовъ, драма, прологомъ къ которой послужило появленіе въ ливскихъ, земляхъ католическаго монаха, и эпилогъ которой законченъ русскими государями, Петромъ I и Екатериною II, сдѣлавшими наконецъ Ливонію тѣмъ чѣмъ судили быть этой странѣ ея географическія условія, т. е. нераздѣльною частію Россійской имперіи.

Сѣверную часть Ливоніи составляетъ нынѣшняя Эстляндская губернія, имѣющая тѣже самыя предѣлы, какія она имѣла въ старину, когда оть датчанъ перешла во владѣніе тевтонскаго ордена. Это старинная Эстонія. Начинаясь отъ устья Наровы, она прилегаетъ къ Финскому заливу и Балтійскому морю, примыкая съ юга къ сѣвернымъ уѣздамъ Лифляндской губерніи. Въ Эстляндіи нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, но много болоть, лѣсовъ, сѣнокосовъ. Доходя до 59°30′ сѣверной широты, она подвержена холоднымъ вѣтрамъ и по

своему климату принадлежитъ скорѣе къ сѣверной, чѣмъ къ средней полосѣ Россіи. Подпочву этой губерніи составляетъ известковый пластъ, покрытый тонкимъ слоемъ нахатной земли, но вообще эта губернія камениста, а короткое лѣто значительно затрудняетъ земледѣліе.

Среднюю часть Ливоніи составляетъ Лифляндская губернія. Балтійское море отъ Эстоніи до устья Западной Двины и нѣсколько далѣе по Рижскому заливу до Домеснеса составляетъ ея западную границу; Двина южную; сѣверное плоскогоріе, тянущееся отъ плоскогорія Валдайскаго, отдѣляетъ къ сѣверу эту губернію отъ Эстоніи; съ востока Пейпусъ и Псковское озеро отдѣляютъ Лифляндію отъ псковскихъ земель, но за тѣмъ отъ Псковскаго озера уже нѣтъ рѣшительно ничего, чтобы служило естественною границею между Лифляндіею и землями псковскими и древнихъ полочанъ. Подпочва въ Лифляндской губерніи желто-красный песчанникъ; тутъ ряды холмовъ пересѣкаются равнинами и болотами, замѣчаются плоскогорія и круглыя возвышенности, поднимающіяся до 1000 футовъ надъ уровнемъ моря. Самыя значительныя возвышенности образуютъ ряды холмовъ около Муннамегги у Гангофа, у водораздѣла между южными притоками Пейпуса и притоками Западной Двины и Аа Плодородными можно считать земли, лежащія по Западной Двинѣ, а также окрестности Феллина, Руэна, Салисбурга, Эрмеса и Вольмара; самые неплодородныя земли — это песчанный морской берегъ и болотистый бассейнъ Пернавы.

Въ Курляндской губерніи подпочва похожа на Лифляндскую, но съ наноснымъ большимъ слоемъ глины очень удобнымъ для сѣянія пшеницы, именно въ плодородной Митавской равнинѣ, въ окрестностяхъ Бауска и въ юго западной части губерніи, между тѣмъ какъ въ Лифляндіи и Эстляндіи пшеница или не родится вовсе или родится очень плохо. Вдоль морскаго берега тянутся песчаные холмы, которые проходятъ чрезъ Лифляндскую губернію до Пернова и достигаютъ крутаго известняковаго берега Эстляндіи.

Всѣ три губерніи очень богаты водами и озерами. Главные продукты края — пшеница въ Курляндіи, рожь въ Лифляндіи и Эстляндіи, ленъ въ Лифляндіи; кромѣ того вездѣ разводится ячмень, овесъ, гречиха, горохъ, бобы. Свекла не родится; но скотоводство въ краѣ значительно распространено. И теперь еще болотистые лѣса и луга и безполезныя болота занимаютъ по крайней мѣрѣ $^1/_3$ всего края; въ Перновскомъ уѣздѣ болота составляютъ $^3/_4$ всего его пространства. Въ Курляндіи болота занимаютъ только $^1/_5$ часть ея пространства. Самыя большія болота находятся въ Викѣ въ 100 кв. верстъ, въ Аллентакенѣ въ 250 кв. верстъ, къ сѣверу отъ Пернова около озера Лавварзаръ въ 150 кв. верстъ, между Перновомъ и Феллиномъ въ 400 кв. верстъ, между Перновомъ и Салисомъ во столько же (Ольгепурвское болото въ 150 кв. верстъ). У Пейпуса, у Вирцъерва, у Эвста и у Аа находятся болота каждое въ 100 кв. верстъ.

Древнія лѣтописи крайне скудны описаніями мѣстностей Ливоніи, но всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что Ливонія чрезвычайно обиловала лѣсами. Лѣса простирались на громадныя пространства, прерываясь малыми и рѣдкими поселками. Даже путешественники XVII в. описывали Ливонію лѣсистою и мало обработанною страною.

Какъ бы то ни было, но Ливонія, примыкая съ юга къ нынѣшней Ковенской губерніи и съ востока къ губерніямъ Витебской, Псковской и С.-Петербургской, никакими естественными границами не отдѣляется отъ нихъ. Одинъ взглядъ на карту Прибалтійскихъ губерній, показываетъ, что край этотъ есть не что иное какъ продолженіе къ Балтійскому морю громадной равнины, составляющей русскую государственную область и простирающейся отъ Бѣлаго моря къ Черному и отъ Балтійскаго къ Уралу и Каснію. Нѣтъ на этой равнинѣ никакихъ значительныхъ возвышеній, никакихъ рѣзкихъ переходовъ, нѣтъ ничего, что затрудняло бы разселеніе по ней народовъ и нѣтъ ничего, что обусловливало бы областныя раздѣльности, напротивъ имѣются всѣ условія для легкости передвиженія и взаимнаго сближенія поселенцевъ. — Однообразіе природныхъ формъ, говоритъ нашъ историкъ (см. Исторію Россіи Соловьева I, 1) исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы не была обширна, какъ бы не было въ началѣ разноплеменно ея населенія, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однобразіе частей и крѣпкая связь между нами, отсюда же понятно также, что ливонскія земли рано или поздно, такъ или иначе, но должны были войти въ составъ русскаго государства, ибо не въ силахъ человѣка измѣнить природныя условія страны и ходъ событій въ ней, всегда обусловливаемыхъ этими условіями и совершавшихся сообразно имъ.

Современная намъ историческая наука принимаетъ, что при первомъ движеніи арійскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу были прежде всего заселены Греція, Италія и Испанія. За этимъ первымъ движеніемъ слѣдовало второе — движеніе кельтовъ — которые, найдя южную Европу уже занятою, должны были остановиться въ западныхъ частяхъ средней Европы и уже отсюда пробиваться на полуострова южной Европы, въ Испанію, гдѣ смѣшались съ первоначальными насельниками, иберами, и въ Италію, значительную часть которой они и заняли. Третье движеніе арійскихъ племенъ въ Европу было движеніе *славянъ*, которые, найдя югъ и западныя части средней Европы уже занятыми, должны были основываться въ лучшей изъ остальныхъ

частей — въ области Дуная. Четвертымъ движеніемъ арійскихъ племенъ было движеніе *литовское*. Литовцамъ уже не было мѣста ни на Дунаѣ, ни въ средней Европѣ: они пошли болѣе къ сѣверу и сѣли въ обширныхъ мѣстностяхъ по нижнимъ теченіемъ рѣкъ Вислы. Нѣмана и Западной Двины Пятое движеніе арійскихъ племенъ изъ Азіи было движеніе германцевъ. За невозможностью потѣснить племена, прежде прошедшія, они прошли чрезъ земли нынѣшней Россіи на Скандинавскій полуостровъ и уже отсюда, впослѣдствіи, двинулись на югъ.

Славяно — арійское племя, появившееся въ Европѣ послѣ кельтовъ, не помнитъ ни времени своего прихода, ни вождя, который вывелъ его изъ Азіи, сохранило лишь преданіе, что первоначальное его пребываніе было на Дунаѣ, что какой-то сильный врагъ въ отдаленной древности потѣснилъ славянъ съ Дуная, которые вслѣдствіе того должны были селиться сперва на сѣверъ отъ первоначальнаго пребыванія, а потомъ на сѣверо-востокъ на земли, составляющія нынѣ русскую государственную область. Когда именно началось движеніе славянъ къ сѣверо-востоку отъ первоначальнаго пребыванія — трудно сказать, даже приблизительно. Съ вѣроятностію можно лишь предполагать, что разселеніе происходило по рѣкамъ Рѣчныя системы (бассейны) опредѣлили въ самой глубокой древности системы русскихъ областей и княжествъ, и по четыремъ главнѣйшимъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлилась на четыре главныя области: озерно-ильменскую, западно-двинскую, днѣпровскую и верхне-волжскую. Озерно-ильменскую область заняли племена, единственно сохранившія за собою имя славянъ; верховья Западной Двины и Днѣпра заняло славянское племя кривичей, родоначальниковъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ; земли днѣпровскаго бассейна, днѣпровскую область, составившую собственно Русь, заняли родоначальники нынѣшнихъ малоруссовъ; земли верхне-волжскія составили ростовскую область, которую заняли родоначальники нынѣшнихъ великоруссовъ.

Разселеніе славянскихъ племенъ по русскимъ рѣчнымъ системамъ происходило, конечно, медленно, постепенно, но происходило-ли это разселеніе, эта колонизація совершенно мирнымъ путемъ или поселенцамъ приходилось вытѣснять прежнихъ насельниковъ, кто бы они ни были — опять ничего не извѣстно. Вѣроятнѣе предполагать, что разселеніе совершалось безъ всякихъ войнъ: земли никому не принадлежащей было такъ много, первоначальныхъ насельниковъ было такъ мало, что и вытѣснять никого не приходилось; происходило, быть можетъ, то же самое, что происходитъ въ наши дни при колонизаціи громадныхъ пространствъ Амурскаго края, гдѣ, какъ и въ древне-русскихъ областяхъ, земли никому, не принадлежащей чрезвычайно много, а первоначальныхъ насельниковъ чрез-

вычайно мало: всѣмъ мѣста довольно, спорить изъ за мѣста никому не приходится.

Какъ бы то ни было, но славянскія племена появились на земляхъ нынѣшней Россійской имперіи уже послѣ того времени, когда литовцы сѣли по низовьямъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Двины, послѣ того времени, когда германское племя прошло въ Скандинавію, и гораздо позднѣе того времени, когда финское племя, вышедшее также изъ Азіи, но не имѣвшее ничего общаго съ арійцами, заняло неизмѣримыя пространства сѣверной и сѣверо-восточной Россіи и Сибири.

Славянское племя, сѣвшее въ озерно-ильменской области, при своемъ дальнѣйшемъ распространеніи къ западу, сѣверу и сѣверо-востоку не могло не встрѣтиться съ финскими племенами, какъ и славянское племя, сѣвшее на верховьяхъ Двины и Днѣпра, при своемъ дальнѣйшемъ разселеніи къ западу, не могло не встрѣтиться съ литовскими племенами.

Посмотримъ же ближе съ кѣмъ встрѣтились славяне новгородскіе.

II. Финны — Ихъ бытъ и характеръ. — Ливы и чудь — Ихъ мѣста обитанія. — Языкъ. — Образъ жизни. — Религіозныя вѣрованія

Когда то въ незапамятныя времена изъ степей Средней Азіи вышло къ берегамъ Оби и Енисея племя, не имѣвшее ничего общаго съ арійцами и извѣстное подъ именемъ *финновъ*. Распространяясь во всѣ стороны къ сѣверу, востоку и западу, племя это въ глубочайшей древности заняло громадныя, неизмѣримыя пространства отъ Оби и Енисея до Балтійскаго моря. Сѣверною границею служилъ этому племени Ледовитый океанъ, а южные предѣлы приблизительно шли отъ Рижскаго залива къ Верхней Волгѣ и верхнему Уралу. По географическому положенію, но нѣкоторымъ наружнымъ отличіямъ финны распадаются на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную. Западная вѣтвь занимаетъ обширную страну между морями Балтійскимъ и Бѣлымъ и верхнею Волгою; восточная вѣтвь занимала еще болѣе обширную страну — мѣстности средней Волги, Зауралья и Сибирь. Какъ та, такъ и другая вѣтвь имѣла многочисленныя подраздѣленія, состоявшія изъ различныхъ племенъ и народцевъ.

Западную вѣтвь финскаго племени составляли *Эсты* или *Эстіи*, населяющіе нынѣ Эстляндскую и сѣверныя уѣзды Лифляндской губерній; *Водь*, жившіе по восточной сторонѣ Чудскаго озера или Пейпуса. Оба эти племени въ русскихъ лѣтописяхъ называются *Чудью* по преимуществу. Финское племя, обитавшее около озеръ Ладожскаго и Онежскаго до рѣкъ Онеги и Сѣверной Двины, въ русскихъ лѣтописяхъ называется *Чудью Заволоцкою*; племя обитавшее около Бѣлоозера, называлось *Весь*. Южныя племена заволоцкой чуди, земли которой тянулись до береговъ Ботническаго залива, назывались *Емь*. Сѣверную часть заволоцкой чуди составляли *Карелы*. Карельскій народецъ,

жившій по лѣвому берегу Невы, носилъ названіе *Ингровъ* или *Ижоры*: другой карельскій же народецъ, придвинувшійся къ самому Ботническому заливу, назывался *Квены*. Карелы оттѣснили далеко на сѣверъ соплеменный себѣ народецъ *Лопарей*. Общее туземное названіе финской вѣтви есть *Суоми*. Восточная вѣтвь финскаго племени состояла тоже изъ разныхъ народцевъ: Меря, Мурома, Мордва, Черемисы, Зыряне, Вотяки, Вогулы, Остяки и пр Объ этихъ народцахъ, какъ неимѣвшихъ никакого отношенія къ Ливоніи и ливонцамъ, распространяться не будемъ, но приведемъ однако слѣдующія подробности о бытѣ и характерѣ финновъ, изложенныя Иловайскимъ въ его Исторіи Россіи (т. II, 154):

Наша исторія застаетъ ихъ на низкихъ бытовыхъ ступеняхъ, впрочемъ, далеко неодинаковыхъ по разнымъ племенамъ. Болѣе сѣверные народцы живутъ въ грязныхъ шалашахъ, въ землянкахъ или пещерахъ, питаются травою, тухлою рыбою и всякою падалью, или скитаются за стадами оленей, которые ихъ кормятъ и одѣваютъ. Между тѣмъ другіе ихъ соплеменники, иоволжскіе и эстонскіе, уже имѣютъ нѣкоторые признаки довольства, занимаются звѣринымъ промысломъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и отчасти земледѣліемъ; живутъ большими селами въ бревенчатыхъ избахъ: добываютъ себѣ разные предметы утвари и украшеній отъ торговцевъ, которые посѣщали ихъ земли. Эти торговцы приходили отчасти изъ Камской Болгаріи, но главнымъ образомъ изъ Руси, новогородской и суздальской, и мѣняли свои и иноземные товары у жителей преимущественно на шкуры пушныхъ животныхъ. Вотъ почему въ могильныхъ чудскихъ курганахъ нерѣдко находимъ не только издѣлія туземныя, русскія и болгарскія, но даже монеты и вещи, привезенныя изъ такихъ далекихъ странъ какъ мусульманская Азія, Византія, Германія и Англія. При всей грубости и дикости, финскіе народы издревле были извѣстны своимъ кузнечнымъ ремесломъ, т. е. обработкою металловъ. Скандинавскія саги прославляютъ финскіе мечи, которымъ приписываютъ волшебную силу, такъ какъ сковавшіе ихъ кузнецы вмѣстѣ съ тѣмъ слыли за людей искусныхъ въ колдовствѣ. Впрочемъ языкъ Финновъ и памятники, находимые въ ихъ странѣ, показываютъ, что слава ихъ ковачей должна быть отнесена къ «мѣдному вѣку», т. е. къ искусству обработывать мѣдь, а не ковать желѣзо. Послѣднее искусство принесено на сѣверъ народами болѣе одаренными.

Прирожденныя финскому племени черты всегда рѣзко отличали его отъ Славянъ, Литвы и другихъ арійскихъ сосѣдей. Оно непредпріимчиво, необщительно, не любитъ неремѣнъ (консервативно), наклонно къ тихому семейному быту и не лишено плодовитаго воображенія, на которое указываютъ его богатыя содержаніемъ поэтическіе вымыслы. Эти племенныя качества вмѣстѣ съ сѣверною угрюмою природою и отдаленіемъ отъ народовъ образованныхъ и были причиною того, что финны такъ долго не могли подняться на болѣе высокія ступени общественнаго развитія и почти нигдѣ не создали самобытной государственной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи извѣстно только одно исключеніе, именно Угро-Мадьярскій народъ, получившій примѣсь нѣкоторыхъ прикавказскихъ племенъ, попавшій на Дунай въ сосѣдство латинской и византійской гражданственности и основавшій тамъ довольно сильное государство, благодаря враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ. Кромѣ того изъ среды финскихъ народцевъ выдается Пермское или Зырянское племя, болѣе другихъ отличавшееся способностію къ промышленнымъ, торговымъ занятіямъ и подавшее

новодъ къ скандинавскимъ разсказамъ о какой-то богатой цвѣтущей странѣ, Біарміи.

Обратимся теперь къ финскому племени населявшему и населяющему нынѣ ливонскія земли.

Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что финское племя было первоначальнымъ насельникомъ всей Ливоніи, но съ появленіемъ литовско-арійскаго племени на назовьяхъ Вислы и Нѣмана и его отрасли латышей, постепенно оттѣснялось къ Рижскому и Финскому заливамъ. Достовѣрная исторія застаетъ финское племя въ Ливоніи раздѣлившимся на двѣ главныя отрасли: *ливовъ и эстовъ*.

Ливы обитали по морскому приброжью отъ Виндавы къ Домеснесу, отсюда поселки ихъ шли къ нынѣшнему Шлоку, Ригѣ и тянулись по прибрежью Рижскаго залива до нынѣшняго Пернова. За тѣмъ шли по рѣкѣ Пернавѣ до Торгеля, оттуда шли къ Буртнекскому озеру и нынѣшнему Вендену. Отъ Вендена ливскія земли простирались къ Кокенгузену, тянулись по правому берегу Двины; около нынѣшняго Ремерсгофа переходили на лѣвую сторону Двины, достигали нынѣшней Митавы и простирались по рѣкѣ Курляндской Аа, до впаденія ея въ Рижскій заливъ. Въ древнихъ лѣтописяхъ упоминаются ливскіе округи, находившіеся на правой сторонѣ Двины: *Торейда* (гдѣ нынѣ Трейденъ и Зегевольдъ, по рѣкѣ Лифляндской Аа); *Идумея* (гдѣ нынѣ Лемзаль и гдѣ протекаетъ рѣка Салисъ); *Метцеполе* (къ Пернову); упоминаются также и ливскіе городки (замки), находившіеся по правой сторонѣ Двины: Гольмъ, Леневардъ, Ашерадъ, Икскуль, въ Торейдѣ Затесель, Зигевальдъ, Урель и нынѣ уже изчезнувшіе замки Добреля и Каупо.

Ливское племя не устояло предъ латышами. Съ XIII ст. когда завершилось покореніе ихъ земель нѣмцами, оно медленно, незамѣтно и постепенно утрачивало свои племенныя особенности и языкъ, и въ концѣ концовъ олатышилось. Въ настоящее время ливовъ почти нигдѣ нѣтъ, масса ихъ давно изчезла, обратившись въ латышей, точно такъ какъ изчезло нѣкогда значительное племя восточныхъ финновъ, Мери, съ теченіемъ времени совершенно обрусѣвшее.

Вторая отрасль финскаго племени — эсты, эстіи или эстонцы, чудь нашихъ лѣтописей — населяли всю нынѣшнюю Эстляндскую губернію, нѣкогда находившуюся подъ владычествомъ датчанъ, съ островами Эзелемъ, Мономъ, Дагденомъ и др. и сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи, подъ владычествомъ датчанъ не находившіеся. Лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ старинныхъ эстонскихъ земляхъ, находившихся подъ властію датчанъ: 1) Виронія, занимавшая собою земли отъ Наровы по прибрежью Финскаго залива. Она раздѣлялась на 5 малыхъ округовъ (кнлегундъ) и имѣла нѣсколько городковъ (замковъ): Маяннаке, Агелинде, Зомелинде, Ріола. 2) Іерве съ Ланнегунде и большой деревней Каретенъ. Эти земли (нынѣ Вейсенштейнскій уѣздъ) раздѣлялись на 3 кнлегунды. 3) Вайгеле, на лѣво

отъ Эмбаха, 1 килегунда: г) Моке, одна килегунда; 4) Нурмегунде съ замкомъ на Палѣ, одна килегунда; 5) Алемпойсъ, одна килегунда; 6) Гарріенъ съ замками Лоне и Варболе съ мѣстностію Ругеле, куда собирались эсты изъ всѣхъ своихъ земель для совѣщаній, 3 килегунды; 8) Ротеле Викъ съ замкомъ старшины Лембита, Леалемъ, и замкомъ Ротала, въ 7-ми килегундахъ; 8) Ревеле, въ трехъ килегундахъ, съ замкомъ Линданисса, названнымъ такъ, какъ говоритъ сага. по имени супруги миѳическаго героя Калева, Линдѣ, у груди которой (нисса) жители питались какъ дѣти у груди матери; на мѣстѣ этого-то Линданисса былъ построенъ позднѣе датчанами замокъ Ревель, называвшійся также Данилиномъ (городъ датчанъ); и 9) Эзель, который послѣ назывался также Курресааръ (островъ журавля) и Сарема (земля-островъ). Онъ раздѣлялся на 4 килегунды, но словамъ же Люце и документу отъ XIV ст., приведенному имъ только съ памяти, на восемь; его самые сильные замки были Вольде и Моне. Точное раздѣленіе края, населеннаго эстами, произошло въ половинѣ XIII го вѣка, когда былъ составленъ датчанами родъ кадастра (сохранившійся по нынѣ lieber Census Daniæ), для сбора податей съ края, послѣ завоеванія его.

Земли, подъ властію датчанъ не находившіяся, были: Зонтагапа съ замкомъ того же имени (нынѣ перновскій уѣздъ); Сакала (нынѣ феллинскій уѣздъ) съ замками Филіенде, Ореле, Пурке; Уггаунія или Уггенойсъ (нынѣ дерптскій уѣздъ) и нѣкоторые мелкіе: Собелицъ, Согентагана.

Въ русскихъ лѣтописяхъ сохранились названія эстонскихъ народцевъ, обитавшихъ въ нынѣшной эстонщинѣ: чудь сысола (сакалане), чудь ерева (ервенъ), чудь торма (унганійцы), чудь очела, чудь юрьевцы, чудь медвѣжане (Оденпе), чудь вельядцы (Феллинъ) и др.

Языкъ, которымъ говорятъ эстонцы, есть обще-финскій западной вѣтви этого племени съ нѣкоторыми измѣненіями и уклоненіями отъ него, происшедшими съ теченіемъ вѣковъ. Нынѣшній эстонскій языкъ имѣетъ нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ главнѣйшія: ревельское и дерптское. Вообще языкъ эстонцевъ обилуетъ гласными и весьма благозвученъ. Едва-ли въ мірѣ есть другой языкъ, который столь обиловалъ бы двугласными (дифтонгами), какъ языкъ эстонскій. Таковы ä, ae, ai. au, üe, ea, eë, ei, eu, iw, o, oe, oö, ou, oi, öi, ü, ui и кромѣ того въ дерптскомъ нарѣчіи имѣются еще aй, öu, äu. eй, oй. Всѣ эти двугласныя имѣютъ свои особенности произношенія, и легкое измѣненія оттѣнка произношенія весьма легко измѣняетъ значеніе слова. Такъ слово teiwas значитъ колъ для забора, и taiwas — небо. Незнающій правильно произнести отъ слова впадаетъ самовольно въ грубую ошибку. Вообще языкъ эстонцевъ для изученія иностранцу представляетъ не мало трудностей.

Древнія лѣтописцы описываютъ ливовъ и эстонцевъ людьми свирѣпыми, коварными, безконечно упрямыми, склонными къ хищни-

честву и разбоямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя онисанія народнаго характера крайне преувеличены, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что эстонцы въ сравненіи съ латышами, мужественнѣе и рѣшительнѣе послѣднихъ, тверже въ исполненіи разъ принятаго намѣренія, настойчивѣе и упрямѣе послѣднихъ Эстонцы искони жили и живутъ деревнями, чѣмъ рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей латышей, которые искони, какъ нынѣ, любили и любятъ жить отдѣльными дворами, не скученными вмѣстѣ. Другое рѣзкое отличіе эстонцевъ отъ латышей составлялъ цвѣтъ ихъ верхней одежды, кафтановъ. Эстонцы носили встарину, какъ и носятъ нынѣ, кафтаны чернаго цвѣта, латыши же свѣтлаго цвѣта; эта разница подмѣчена въ глубокой древности. Такъ Геродотъ называетъ эстонцевъ меланхленами (чернокафтанниками); чернокафтанниками же Melleswairki — иногда называютъ эстонцевъ и латыши. Не излишнее отмѣтить, что эстонцы не имѣютъ особаго названія своей земли. Самихъ себя они называютъ шаа rahwas (народъ земли), та mees (человѣкъ земли). Названіе эстъ — дано имъ нѣмцами; чудь, чудинъ — чудинка русскими, но сами эстонцы никогда не называли себя такими именами. Латыши иногда называютъ эстонцевъ словомъ Iggaunus (изгнаникъ), — словомъ имѣющимъ историческое основаніе, ибо латыши, какъ племя чуждое, пришедшее въ Ливонію, вытѣснили эстовъ изъ мѣстъ ихъ обитанія, и сами заняли ихъ земли. Эсты нѣмцевъ называютъ *саксами*, а русскихъ *веннеланами*. И то и другое названіе тоже имѣетъ историческую основу.

Завоеватели Ливоніи были дѣйствительно саксы. Что же касается до слова веннелане, то корень его означаетъ союзника и собрата. Быть можетъ это слово указываетъ, что первоначальныя отношенія чуди къ русскимъ были союзническія, какъ на то указываетъ и наша древнѣйшая лѣтопись. Латышское названіе русскихъ „кревсъ“, кривичъ, указываетъ, что латыши, кромѣ кривичей, не имѣли никакихъ ближайшихъ связей и сношеній съ другими славяно-русскими племенами, а это именно такъ и было.

Эстонцы, какъ и ливы, никогда не составляли государства, никогда не соединялись въ государственное цѣлое. Они жили отдѣльными родами, подъ управленіемъ старшинъ. Для обсужденія же общихъ дѣлъ составлялись общія народныя собранія въ Ругелѣ (въ Гарріенѣ). За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, трудно сказать были-ли старшины выборные или старшій въ родѣ былъ и старшиною его. Достовѣрная исторія застаетъ ливовъ и эстовъ уже достигшими значительной степени благосостоянія: они уже, кромѣ охоты и рыболовства, занимались земледѣліемъ, а скотоводство у нихъ было развито даже весьма значительно. Такъ Генрихъ Латышскій разсказываетъ, что нѣмцы во время одного похода забрали въ добычу съ ливскаго прибрежья болѣе 4000 головъ рогатаго скота и еще болѣе

лошадей. съ Эзеля нѣмцы взяли однажды 2000 лошадей и столько же обобрали у жителей Сакалы. Нѣтъ причинъ невѣрить этимъ цифрамъ, но ихъ значеніе усиливается, если только вспомнить, что общее число ливовъ и эстовъ къ концу XII ст. едва-ли доходило до 100000 человѣкъ. Занятіе ремеслами ограничивалось приготовленіемъ одежды, оружія и домашней утвари. Древніе ливы и эстонцы свои дома строили изъ дерева, безъ печей и оконъ, потому что не знали стекла. Жители Эзеля и обитавшіе по морскому прибрежью ливы и эсты умѣли строить корабли, знали тканіе и канатное искуство и владѣли значительнымъ количествомъ морскихъ судовъ, на которыхъ разъѣзжали по морю то для торговли, то для морскихъ разбоевъ.

Эстонскія религіозныя вѣрованія были общія со всѣми финнами.

Языческая религія финновъ, говоритъ Иловайскій (см. Исторію Россіи, II, 156), вполнѣ отражаетъ на себѣ невеселый ихъ характеръ, ограниченное міросозерцаніе и лѣсную или пустынную природу, ихъ окружавшую. Мы почти не встрѣчаемъ у нихъ свѣтлаго, солнечнаго божества, игравшаго такую видную роль въ религіозномъ сознаніи, въ празднествахъ и преданіяхъ арійскихъ народовъ. Грозныя, недобрыя существа здѣсь рѣшительно преобладаютъ надъ добрымъ началомъ: они постоянно насылаютъ разныя бѣды на человѣка и требуютъ жертвъ для своего умилостивленія. Эта религія первобытнаго идолопоклонства; преобладающее у арійскихъ народовъ человѣкообразное представленіе о богахъ было мало развито у финновъ. Божества являлись ихъ воображенію еще въ видѣ или неясныхъ стихійныхъ образовъ, или неодушевленныхъ предметовъ и животныхъ: отсюда поклоненіе камнямъ, медвѣдямъ и т. п. Впрочемъ у финновъ уже въ древнія времена встрѣчаются идолы, имѣвшіе грубое подобіе человѣка. Всѣ болѣе важныя событія жизни у нихъ опутаны множествомъ суевѣрій; откуда почитаніе шамановъ, т. е. колдуновъ и гадателей, которые находятся въ сношеніяхъ съ воздушными и подземными духами, могутъ вызывать ихъ дикими звуками и бѣшеными кривляніями. Эти шаманы представляютъ родъ жреческаго сословія, находящагося на первыхъ ступеняхъ развитія.

Поклоненіе грозному недоброму божеству наиболѣе господствовало у восточныхъ финновъ. Оно преимущественно извѣстно годъ именемъ *Керемети*. Этимъ именемъ стало называться и самое мѣсто жертвоприношеній, устроенное въ глубинѣ лѣса, гдѣ въ честь божества закалали овецъ, коровъ, коней: при чемъ часть жертвеннаго мяса откладывается богамъ или сожигается; а остальное служитъ для пиршества вмѣстѣ съ приготовленнымъ на тотъ случай одуряющимъ напиткомъ. Понятія финновъ о загробной жизни весьма незатѣйливы; она представлялась имъ простымъ продолженіемъ земнаго существованія: почему съ покойникомъ, какъ и у другихъ народовъ, зарывалась въ могилу часть его оружія и домашней утвари. Нѣсколько менѣе мрачное религіозное настроеніе встрѣчаемъ у западныхъ финновъ, которые издавна находились въ сношеніяхъ съ германскими и славянскими племенами, и подвергались нѣкоторому ихъ вліянію. У нихъ преобладаетъ почитаніе верховнаго стихійнаго существа *Укко*, впрочемъ болѣе извѣстнаго подъ общефиннскимъ именемъ *Юмала*, т. е. бога. Онъ олицетворяетъ видимое небо и повелѣваетъ воздушными явленіями, каковы облака и вѣтеръ, громъ и молнія, дождь и снѣгъ. Скандинавскія саги сообщаютъ любопытный разсказъ о святилищѣ Юмалы въ легендарной Біарміи. Въ первой половинѣ XI вѣка (1026 г.), слѣдовательно во времена Ярослава I, норманскіе викинги снарядили нѣсколько кораблей и

отправились въ Біармію, гдѣ намѣнили у туземцевъ дорогихъ мѣховъ. Но этого имъ показалось мало. Слухи о близь находившемся святилищѣ, наполненномъ разными богатствами, возбудили въ нихъ жажду добычи. У туземцевъ, какъ имъ сказали, былъ обычай, чтобы часть имущества покойниковъ была отдаваема богамъ; ее зарывали въ священныхъ мѣстахъ и сверху насыпали курганы. Такихъ приношеній особенно много скрывалось вокругъ идола Юмалы. Викинги пробрались къ святилищу, которое было огорожено деревяннымъ заборомъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Тореръ, хорошо знавшій финскіе обычаи, перелѣзъ черезъ заборъ и отворилъ ворота товарищамъ. Викинги разрыли курганы и набрали изъ нихъ много разныхъ сокровищъ. Тореръ захватилъ чашу съ монетами, которая находилась на колѣняхъ идола. На шеѣ у него висѣло золотое ожерелье; чтобы снять это ожерелье, разрубили шею. На происшедшій отсюда шумъ прибѣжали сторожа и затрубили въ рога. Грабители поспѣшили спастись бѣгствомъ, и успѣли достигнуть своихъ кораблей.

Относительно религіозныхъ воззрѣній эстовъ приводимъ слѣдующія подробности изъ Рихтера (Geschichte der deutschen Ostseeprowinzen I, 59—63):

Адамъ Бременскій говоритъ, что эсты боготворили драконовъ и птицъ. Генрихъ Латышскій упоминаетъ объ ихъ идолахъ и разсказываетъ объ удивленіи эстовъ, что изъ идоловъ не потекла кровь, когда христіанскій священникъ порубилъ ихъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ о Тарапитѣ, какъ о великомъ богѣ жителей Эзеля, который будто бы родился въ Лаппегундѣ и бѣжалъ оттуда на Эзель. По словамъ Гіэрна (книга I), эсты боготворили солнце, луну и звѣзды, змѣй и другихъ животныхъ, камни и чурбаны. Что они знали человѣческія жертвы, видно изъ разсказа Генриха о томъ, какъ ливы хотѣли принесть въ жертву своимъ богамъ священника Дитриха, и какъ дѣйствительно принесли въ жертву въ 1204 г. многихъ плѣнниковъ, видно также изъ словъ Адама Бременскаго, который опредѣленно говоритъ, что эсты покупали людей, чтобы принесть ихъ въ жертву.

Тара или Юмала есть названіе божества вообще, но оно носитъ въ многочисленныхъ и поэтическихъ сагахъ эстовъ имя старца (Ваннамеесъ) или стараго отца (Ваннаиса). Таравита или скорѣе Тараавита значитъ по эстонски Тара помоги, потому приведенное Генрихомъ Латышскимъ названіе Тара съ незначительными звукоизмѣненіями означало у многихъ финскихъ племенъ имя Бога и можетъ быть дало поводъ къ названію Тарбатъ, Дорпатъ (Дерптъ). «Старый отецъ» жилъ, по словамъ саги, разсказанной Фэльманномъ, на своемъ высокомъ небѣ; въ его сѣняхъ блистало высокое солнце. Героевъ онъ создалъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами, искуствомъ и силой. Старшій между героями былъ Ваннемуйне (по переводу Фэльманна, старшій надъ другими). Онъ его создалъ старикомъ, съ сѣдыми волосами и бородой и даровалъ ему мудрость старости, но сердце у него было молодое и онъ обладалъ даромъ поэзіи и пѣнія. Старый отецъ пользовался его совѣтами, и когда его чело омрачалось заботами. Ваннемуйне игралъ передъ нимъ на свой чудесной арфѣ и пѣлъ ему свои пріятныя пѣсни. Второй былъ Ильмаринне въ лучшемъ мужескомъ возрастѣ и мужской силѣ; на челѣ его была написана мудрость, а въ глазахъ раздумье. Ему былъ опредоставленъ даръ искуства. Третій былъ Леммекюне, свѣжій юноша, своевольный, всегда веселый и расположенный ко всякимъ шалостямъ. Другіе герои, какъ Вибране, могущественный стрѣлецъ изъ лука, были менѣе замѣчательны. Но всѣ они считали другъ друга братьями, и старецъ называлъ ихъ своими дѣтьми. Ихъ мѣстопребываніе было Каллеве или Кальовалдъ (область скалъ)».

«Тогда старецъ пришелъ къ героямъ и сказалъ: «я рѣшился въ своей

мудрости сотворить міръ». Озадаченно посмотрѣли герои на него и отвѣчали: «Если ты что рѣшилъ въ своей мудрости, то это не можетъ быть худо. И пока они спали, онъ сотворилъ міръ, и когда они проснулись, то протирали себѣ глаза и удивлядись этому творенію. Но старикъ усталъ отъ трудовъ при сотвореніи міра и легъ спать (пукама). Тогда Ильмаринe взялъ кусокъ своей лучшей стали и выковалъ изъ него сводъ, распростеръ этотъ сводъ какъ бы палатку надъ землей и прикрѣпилъ къ ней серебряныя звѣздочки и мѣсяцъ; изъ сѣней старца онъ взялъ свѣтило и прикрѣпилъ помощью чуднаго механизма къ своду (палаткѣ), такъ что оно постоянно то поднимается, то опускается. Полный радости Ваннемуйне взялъ свою арфу, запѣлъ радостную пѣснь, соскочилъ на землю, и пѣвчія птицы послѣдовали за нимъ, и гдѣ его танцующія ноги касались земли, тамъ выростали цвѣты, и гдѣ онъ, сидя ни камнѣ, пѣлъ, выростали деревья, и пѣвчія птицы садились на нихъ и вторили его пѣнію. Леммекюне радовался въ лѣсахъ и на горахъ, а Виббране пробовалъ свой лукъ. Старецъ проснулся отъ шума, и удивлялся, что міръ сдѣлался другимъ, нежели онъ его создалъ. И онъ сказалъ героямъ: «хорошо, мои дѣти. Я создалъ міръ грубымъ обрубкомъ; ваше дѣло теперь его украсить. И скоро я населю міръ всякими животными, и потомъ создамъ людей, которые должны будутъ управлять міромъ. Но человѣка я создамъ слабымъ, чтобъ онъ могъ хвалиться своей силой, и вы должны подружиться съ людьми и смѣшаться съ ними, чтобъ выросло поколѣніе, которое не будетъ легко поддаваться злу; зла я нехочу и не могу уничтожить: оно мѣра и жало добра».

Старецъ тогда самъ руководилъ развитіемъ міра, пока оно не пошло въ ходъ. Каждый человѣкъ есть членъ колеса, погоняющій и погоняемый, и каждый есть приготовитель существованія этого колеса. Старецъ болѣе не приходитъ въ тѣлесномъ видѣ на землю и болѣе не хватается своей рукой за колесо; но никто не долженъ на это жаловаться: онъ можетъ быть увѣренъ, что старый отецъ дунулъ въ чело каждаго человѣка, такъ что каждый можетъ избѣжать зла. Но кто покорится судьбѣ, тому это не вмѣняется въ вину; теперь судьба ходитъ вездѣ желѣзной поступью и никто не радуется, если она кого затронетъ и иной болѣе не встанетъ.

Непосредственные потомки героевъ (называемые Каллеве Пэадъ, сыновьями области скалъ) были первыми владѣтелями земли. Между ними выдается Зони, называемый просто Каллевъ Пэадъ, любимецъ эстонскаго народа, великанъ, ломавшій деревья и лежавшій на нихъ какъ на соломѣ. Онъ былъ младшимъ сыномъ одного могущественнаго владѣтеля земли и моря, который будто погребенъ на высокомъ скалистомъ берегу, и именно на большой горѣ, тамъ гдѣ стоялъ древній Данилинъ. Руское названіе Ревеля Колывань взятое съ эстонскаго отъ Калева и Ванъ, старый, напоминаетъ также эту сагу. Вдова Зони положила его въ могилу, вырытую ею самою, и принесла на могилу камней (какъ на многихъ могилахъ въ Ашерадѣ, Эзелѣ и Нейгаузенѣ). Изъ ея слезъ образовалось верхнее озеро у Ревеля; его сыновья кинули жребій камнями, кому владѣть землею и моремъ. Младшій изъ нихъ Калеве Поегъ бросилъ камень далѣе всѣхъ за Садъервское озеро. Этотъ камень, будто бы и нынѣ еще лежащій около озера, есть кусокъ гранита, раздвоенный молніей, величиною въ $1^1/_2$ человѣческаго роста. Въ морѣ у Або есть подобный же камень, который, по вѣрованіямъ финновъ, Калевамъ Пойка будто бы бросилъ (но не попалъ) въ первую тамъ построенную церковь. Въ Финляндіи ходятъ сказанія (саги) о 12 сыновьяхъ великанахъ Калевама, которые строили большіе замки; эти саги изданы Ленротомъ. Когда чужемцы угрожали краю, Калеве-Пегъ прошелъ черезъ Пейпусъ съ 10-ю дюжинами

досокъ; вода достигла ему только до пояса, не смотря на то, что одинъ Алоцкивскій колдунъ поднялъ воду до высоты горъ. Потомъ онъ сѣлъ отдохнуть на холмѣ (по словамъ Крузе въ старомъ крестьянскомъ замкѣ), названномъ кроватью Калева Поега. Во время его сна, колдунъ укралъ у него и бросилъ въ рѣку его мечъ, тотъ самый мечъ, который его дядя изъ Финляндіи ежедневно ковалъ въ продолженіи семи лѣтъ, изъ семисортоваго желѣза при семи магическихъ изреченіяхъ и окрасилъ въ семи водахъ (между прочимъ въ Аа и Вирцъервѣ, гдѣ теперь живутъ только латыши). Въ слѣдующіе четыре дня, впродолженіи которыхъ великанъ выдержалъ нѣсколько приключеній и создалъ колючую шкуру ежа, который ободрялъ его во время битвы, бросивъ ему кусокъ своей шубы, онъ дошелъ до Ревеля, который онъ построилъ; мѣста его ночлеговъ еще и теперь видны. У Ассама, между малымъ Маріеномъ и Везенбергомъ, онъ прогналъ враговъ, приставшихъ къ Финскому заливу. Но его конь — великанъ, при скачкѣ съ одной вершины горы на другую, низринулся внизъ, и изъ живота его образовалось еще и нынѣ существующее и проклятое героемъ болото съ четырьмя рвами, произведенными ногами животнаго. Въ другой разъ, когда онъ удалился въ глубь лѣса около Аа, а его войско было уничтожено желѣзными воинами, трое изъ послѣднихъ пришли къ нему требовать подчиненія, но онъ ихъ кинулъ съ размаха и вбилъ глубоко въ землю. Другаго переговорщика онъ послалъ къ Аа, чтобъ тотъ вытащилъ его палку, на которой была привѣшена приманка для раковъ. Но тотъ не могъ этого сдѣлать, потому что палка была стволомъ дерева, а приманкою была лошадь. Великанъ вытащилъ палку и сказалъ переговорщику: иди къ своимъ и скажи имъ, что ты видѣлъ; я слишкомъ силенъ, чтобъ вамъ служить и не нуждаюсь въ васъ, чтобы жить. Причиной его смерти былъ его собственный мечъ, который отрѣзалъ ему обѣ ноги, когда онъ переходилъ черезъ рѣку. Онъ самъ еще прежде наказалъ мечу отрѣзать тому ногу, кто его будетъ носить, при чемъ онъ имѣлъ въ виду колдуна. Его тѣло закрылъ одинъ лофъ земли, его стоны достигли самаго неба, откуда приходили его друзья и вливали напрасно цѣлебный сокъ изъ травъ въ его раны. Его духъ вознесся къ богамъ. Старый отецъ обезпокоился и, чтобъ дать ему занятіе, поручилъ ему наблюдать порядокъ въ аду. По словамъ другой саги, и теперь еще видны слѣды его пальцевъ длиною въ футъ на кускѣ камня около Пейпуса у Перзекивви. Этотъ камень великанъ будто бы перебросилъ съ другаго берега, чтобъ убить имъ волка, терзавшаго ягненка. Великанъ господствовалъ надъ землей и доставлялъ ей избытокъ, но исчезъ совершенно съ появленіемъ Христа, и былъ пригвожденъ къ вратамъ ада. Указываютъ также около Садъервскаго озера его сѣдалище, на скалу въ $1^1/_2$ раза больше человѣческаго роста, со спинкой и двумя грубыми ручками, которая будто бы получила эту форму отъ прикосновенія къ ней тѣла великана. Тоже самое говоритъ Саксонъ о Старкатерѣ. И на Эзелѣ сохранились саги объ одномъ великанѣ, Толлѣ, который былъ ваннемомъ (предводителемъ) въ Теллистѣ (около Аренсбурга), и у котораго былъ капустный огородъ на Руно, куда онъ ходилъ пѣшкомъ. Умирая, онъ завѣщалъ своимъ друзьямъ призвать его, когда прійдетъ непріятель. Позванный однажды шалуномъ мальчикомъ, онъ явился, увидѣлъ, что его только дразнили, и съ тѣхъ поръ не является болѣе.

Не лишена поэтичности эстонская сага объ утренней и вечерней заряхъ, которыя тушитъ и опять зажигаетъ небесное свѣтило. Эти зари были нѣкогда слугой и служанкой стараго отца, изъ рода, которому дарована была вѣчная юность. Они воспламенились другъ къ другу любовью, и старый отецъ хотѣлъ было ихъ соединить бракомъ, но они пожелали нѣчно остаться

женихомъ и невѣстой. Только разъ въ году они сходятся на четыре недѣли въ полночный часъ. и когда вечерняя заря кладетъ потухающее солнце въ руку своего возлюбленнаго, то онъ жметъ ей руку и цѣлуетъ ее, и ея щека краснѣетъ и отражается на небѣ. пока возлюбленный опять зажигаетъ свѣтило и желтая полоса на небѣ объявляетъ о восходѣ солнца. Старый отецъ всегда украшаетъ поля великолѣпными цвѣтами ко дню пламенной встрѣчи, и соловьи взываютъ вечерней зарѣ: мѣшкотная дѣвушка. ночь длина!

Эстонскія саги довольно многочисленны. Нельзя однако не замѣтить, что они страдаютъ недостаткомъ живости, стройности и ясности, которыми отличаются поэтическія произведенія арійцевъ. Обратимся теперь къ латышамъ.

III. Литовцы и ихъ развѣтвленія. — Латышскія племена. — Языкъ и религіозныя вѣрованія литовцевъ.

Литовско-арійское племя, подобно славянскому, тоже не помнитъ ни имени вождя, который вывелъ его изъ Азіи, ни времени, когда первые литовскіе поселенцы появились на мѣстахъ, сдѣлавшихся вноследствіи мѣстонребываніемъ всѣхъ литовскихъ народцевъ. Мѣста эти находились вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря отъ устьевъ Вислы. до нижняго теченія Западной Двины.

Литовское племя съ глубокой древности раздѣлялось на три главнѣйшія вѣтви: *прусскую*, *принѣманскую* и *латышскую*. Прусская Литва занимала земли отъ нижней Вислы до нижняго Нѣмана. Надобно сказать, что названіе пруссовъ созвучно съ именемъ Русь или Рось, которое носили нѣсколько рѣкъ восточной Европы. Самый Нѣманъ въ нижнемъ теченіи своемъ назывался Русью. Прусская вѣтвь имѣла своими сосѣдями народы славяно-ляшскаго племени и дѣлились на многіе мелкіе народцы: Скаловиты, Самбы, Натанги, Вармы, Галинды, Судавы и др.

Принѣманская вѣтвь занимала область нижняго и средняго теченія Нѣмана съ его притоками: Дубиссой, Невяжей и Виліею. Она дѣлилась на верхнюю или собственную Литву — Аукстоте, — жившую на среднемъ Нѣманѣ и Виліи, и на нижнюю — Жомойтъ. Жмудь (Самогитія въ латинской формѣ), — обитавшую по низовьямъ Нѣмана и въ нынѣшней Ковенской губерніи.

Латышская или летская (очевидное видоизмѣненіе слова Литва) вѣтвь литовскаго племени состояла изъ нѣсколькихъ народцевъ: 1) Венды, обитавшіе по прибрежью Балтійскаго моря отъ нынѣшнаго Мемеля до Виндавы и въ нынѣшниюъ округахъ Пильтенскомъ и Газенпотскомъ; 2) Куроны (корсь русскихъ лѣтописей), занимавшіе уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ и въ нынѣшныхъ округахъ Пильтенскомъ и Туккумскомъ; 3) Семигалы (зимгола русскихъ лѣтописей), жившіе къ юго-востоку отъ куроновъ въ нынѣш-

нихъ Добленскомъ, Митавскомъ и Баускомъ округахъ; 4) Зелы или зелоны, обитавшіе земли вдоль лѣваго берега Двины отъ Кокенгузена, до нынѣшней Друи; 5) Латыши (Леты, Летгола), занимавшія земли по правой стороны Двины и нынѣшніе уѣзды: Венденскій, часть Валкскаго, Рѣжицкій, Люцинскій и Динабургскій.

Независимо этихъ трехъ главныхъ вѣтвей литовскаго племени, существовалъ еще народъ, обитавшій по землямъ, примыкавшимъ къ Западному Бугу и лѣвому берегу Нѣмана и врѣзывавшимся клиномъ между русскими и польскими славянами. Это *Ятвяги*. По всѣмъ признакамъ, народъ этотъ былъ литовцы и его считаютъ четвертою вѣтвію литовскаго племени.

Былъ еще литовскій народецъ, проживавшій въ восточномъ углу Смоленской земли на берегахъ верхней Протвы. Это *Голядь*, названіе напоминающее прусскихъ галиндовъ.

Языкъ литовскихъ племенъ болѣе всѣхъ арійскихъ языковъ сохранилъ родство съ санскритомъ, т. е. съ языкомъ священныхъ индійскихъ книгъ, корнемъ всѣхъ арійскихъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ литовскій языкъ ближе всѣхъ другихъ арійскихъ языковъ къ славянскому. Не безъ основаній полагаютъ, что литовско-арійское племя, вышедшее изъ Азіи послѣ славянъ и сѣвшее по низовьямъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Западной Двины въ непроходимыхъ нущахъ и лѣсахъ очень долгое время, цѣлыя столѣтія, жило внѣ всякихъ иноземныхъ вліяній и иереворотовъ и потому сохранило языкъ наименѣе уклонившійся отъ санскрита.

Русская исторія застаетъ литовцевъ на самыхъ первобытныхъ степеняхъ гражданственности. По свидѣтельствамъ древнѣйшихъ писателей, литовцы были людьми крѣпкаго сложенія, съ бѣлою кожею, румяны, съ голубыми глазами и свѣтлыми, съ лѣтами темнѣвшими волосами. Въ домашнемъ быту литовцы были обходительны и гостепріимны, но на войнѣ свирѣпы и суровы. Жили они небольшими поселками по лѣсамъ, питаясь звѣроловствомъ и отчасти земледѣліемъ. Литовское племя первоначально дробилось на множество мелкихъ владѣній или общинъ, управляемыхъ старшинами, кунигасами. Единство племени, кромѣ языка, поддерживалось жреческимъ сословіемъ и религіею, имѣвшею много общаго съ славянскою, но получившею большее, чѣмъ славянская, развитіе вслѣдствіе большаго чѣмъ у славянъ вліянія жрецовъ и большею, чѣмъ у славянъ, продолжительностію существованія язычества.

Основа литовской миѳологіи, какъ и вездѣ, была почитаніе стихій. Литовцы, какъ и славяне, поклонялись верховному богу громовнику Перуну, который по литовски произносился *Перкунасъ*. Предъ идоломъ Перкунаса, олицетворявшаго стихію огня, горѣлъ священный неугасимый огонь, называвшійся *Зничъ*. Богиня Праурима завѣдывала этинъ огнемъ. Солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, чтилось

подъ именемъ бога *Сотвароса* (были и др. имена этаго бога). Богиня мѣсяца называлась *Лайма*; богъ дождя былъ *Летуванисъ*. Былъ особый богъ веселья *Гагутисъ*; почитались и славянскія божества *Лель* и *Ладо*. Нѣкоторыя божества въ разныхъ мѣстностяхъ носили разныя названія, чѣмъ и объясняется большое количество литовскихъ божествъ, упоминаемыхъ въ древнихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ. Воображеніе литовцевъ, какъ и всюду у язычниковъ, всю видимую природу населяло особыми божествами и геніями, добрыми и злыми, вліявшими на жизнь человѣка, которому вслѣдствіе того приходилось располагать ихъ къ себѣ поклоненіемъ и жертвами. Рядомъ съ божествами почитались нѣкоторые животныя, птицы и гады, особенно ужи, и рядомъ съ такимъ совершенно уже грубымъ идолопоклонствомъ встрѣчаются признаки индійской тримурти или трехъ высшихъ божествъ греческаго Олимпа. Перкунасъ, подобно Зевсу, повелѣваетъ небомъ; *Атримпосъ* (Нептунъ) повелѣваетъ водою и *Поклусъ* (славянскій Пекло, греческій Плутонъ) подземнымъ царствомъ.

Богамъ посвящались особые лѣса и озера, дѣлавшіяся чрезъ то неприкосновенными для народа. Дубъ считался деревомъ Перкунаса, и капища, святилища этаго бога, обыкновенно располагались среди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ такихъ святилищъ назывались *Ромово*; оно находилось гдѣ-то въ Пруссіи. Здѣсь подъ вѣтвями священнаго дуба стояли изображенія Перкунаса, Атримпоса и Поклуса и передъ ними горѣлъ неугасаемый костеръ. Особые жрецы и жрицы должны были смотрѣть за этимъ огнемъ и если онъ угасалъ, то виновные въ недосмотрѣ сжигались живыми, и огонь добывался снова изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Подлѣ главнаго святилища въ Ромовѣ жилъ и верховный жрецъ, называвшійся *Криве-Кривейто*.

Жрецы не составляли какой либо особой касты, жрецомъ могъ быть всякій литовецъ, но они составляли сословіе сколько многочисленное, столько же и сильное своимъ значеніемъ въ народѣ. Жрецы, вообще назывались *вайделотами* и дѣлились на разныя степени и занятія, ибо они, кромѣ жертвоприношеній, занимались леченіемъ, гаданіемъ, заклинаніемъ отъ злыхъ духовъ, обученіемъ народа въ вѣрѣ. Высшій жрецъ въ данномъ округѣ назывался *криве*. Онъ надзиралъ за святилищами и вайделотами округа и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ судьею. Криве, достигавшіе извѣстнаго почета и уваженія, получали названіе криве-кривейта. Изъ всѣхъ криве-кривейтовъ самымъ важнымъ былъ криве-кривейто, проживавшій въ прусскомъ Ромовѣ. Приказанія прусскаго криве-кривейта, разсылавшіяся съ вайделотами, исполнялись не только въ Пруссіи, но и въ другихъ литовскихъ земляхъ. Ему принадлежала третья часть военной добычи.

Кромѣ жрецовъ у литовцевъ были и жрицы или вайделотки, под-

державшіе огонь въ капищахъ богинь и занимавшіяся, подобно вайделотамъ, гаданіями, леченіями, прорицаніями и т. п.

Литовцы любили частыя и обильныя жертвоприношенія, состоявшіе обыкновенно изъ животныхъ: козелъ, быкъ, конь и пр. Если жертвы сжигались въ честь божества, изъ остальнаго устроивалось пиршество. Бывали и человѣческія жертвы: въ честь побѣды иногда сжигали живыхъ плѣнниковъ; приносили въ жертву иногда и дѣтей, чтобы умилостивить нѣкоторыхъ боговъ.

Литовцы подобно славянамъ, вѣрили, что загробное существованіе похоже на настоящее и, подобно славянамъ, своихъ знатныхъ покойниковъ сжигали вмѣстѣ съ ихъ любимыми вещами, оружіемъ, рабами и рабынями. При погребеніяхъ совершались пиршества въ родѣ славянской тризны. Остатки сожженныхъ труповъ собирали въ глиняные сосуды и зарывали въ пескѣ. Иногда надъ могилами насыпали курганы. Вѣра въ очистительное дѣйствіе огня была такъ велика, что криве-кривейто, достигши старости, добровольно приносилъ себя въ жертву богамъ за свой народъ и торжественно сожигался живой на кострѣ. Бывали нерѣдкіе случаи, что старцы, больные и увѣчные добровольно всходили на костеръ, считая смерть отъ сожженія самою пріятною богамъ.

Литовско-арійскому племени пришлось занять мѣстности трудно доступныя, покрытыя болотами и лѣсами. Кто жилъ въ этихъ мѣстностяхъ до появленія въ нихъ литовцевъ трудно сказать съ точностію за неимѣніемъ какихъ либо надежныхъ данныхъ на этотъ счетъ. Кажется, и это, полагаемъ, будетъ всего ближе къ истинѣ, что литовцы были первыми насельниками побережья Балтійскаго моря между Вислою и Нѣманомъ и земель по низовьямъ этихъ рѣкъ. Быть можетъ прусская, жмудская и ятвяжская вѣтвь литовскаго племени сѣли на мѣстахъ, на которыхъ ихъ застаетъ достовѣрная исторія, никого не вытѣсняя, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь, потому что и тѣснить никого не было, но этаго нельзя сказать про латышскую вѣтвь литовцевъ. Они застали мѣста, на которыхъ утвердились впослѣдствіи, занятыми финскими народцами, и потѣснили ихъ къ берегамъ Балтійскаго моря и заливовъ Рижскаго и Финскаго. Финскій народецъ, ливы, прижатый къ Балтійскому морю, постепенно смѣшивался съ латышами и въ наши дни, какъ сказано выше, почти окончательно уже олатышился; финскіе народцы, обитавшіе по прибрежью Курляндской губерніи, также не устояли предъ напоромъ литовцевъ и смѣшались съ ними. Полагаютъ, что венды и куроны были смѣсью финновъ съ литовцами, олатышившіяся гораздо ранѣе ливовъ.

Латышская вѣтвь литовцевъ, состоявшая изъ пяти вышеназванныхъ народцевъ, потѣснивъ финновъ, заняла страны въ всякомъ случаѣ лучшія тѣхъ, на коихъ пришлось жить послѣднимъ. Земли латышей, лифляндскихъ и въ особенности курляндскихъ, несравненно

лучше и плодороднѣе земель чудскихъ и ливскихъ: климатъ мягче, рѣки сподручнѣе для судоходства и торговли.

Языкъ нынѣшнихъ лифляндскихъ и курляндскихъ латышей есть обще-литовскій, конечно, нѣсколько уклонившійся отъ своего первообраза, но иначе и быть не можетъ и не могло: литовское племя заняло весьма обширное пространство, сношенія между отдѣльными племенами были и трудны и рѣдки, такъ какъ же не образоваться уклоненіямъ отъ первоначальнаго общаго всему племени языка. Не вдаваясь въ частности можно однако сказать, что разница между латышскимъ языкомъ нынѣшнимъ и языкомъ нынѣшнихъ жмудиновъ меньшая, чѣмъ нынѣшняя разница между языками польскимъ и русскимъ, — языками несомнѣнно происходящими отъ одного и того же языка — славянскаго, нѣкогда общаго всему славяно-арійскому племени.

Какъ религіозныя воззрѣнія и вѣрованія эстовъ т. е. запейпуской чуди были общія съ возрѣніями и вѣрованіями всей западной чуди, такъ религіозныя воззрѣнія и вѣрованія латышской вѣтви литонцевъ не уклонялись слишкомъ много отъ воззрѣній и вѣрованій общихъ всему литовско-арійскому племени. Правда, нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы латыши лифляндскіе и курляндскіе признавали надъ собою духовную власть главнаго криве кривейта, правда и то, что жреческое сословіе у латышей никогда не было такъ сильно развито какъ въ литовскихъ вѣтвяхъ прусской и жмудской, но общій складъ вѣрованій, поклоненій, жертвоприношеній одинъ и тотъ же. Латыши какъ лифляндскіе, такъ и курляндскіе, долго, очень долго даже послѣ принятія христіанства сохраняли свои языческія преданія и поклоненія. У Крузе (въ его сочиненіи Ur-Geschichte der Liv-, Esth- und Kurland, 1846.) приведено нѣсколько свидѣтельствъ тому. Давидъ Вундереръ въ описаніи своего путешествія въ Россію, совершеннаго въ 1590 г., говоритъ о латышахъ, что они въ его время поклонялись солнцу, лунѣ, звѣздамъ, деревьямъ, тѣнямъ умершихъ. Курляндскій суиеръ-интендантъ Павелъ Эйнгорнъ въ своей Historia Lettina жалуется, что латыши не перестаютъ поклоняться своимъ древнимъ языческимъ божествамъ и деревьямъ. Сохранился протоколъ церковной визитаціи отъ 1613 г., гдѣ сказано, что латыши у Маріенгаузена не имѣютъ ни проповѣдниковъ, ни церквей, но всѣ преданы язычеству: почитаютъ священное дерево, подъ которымъ собираются въ извѣстное время и совершаютъ жертвоприношенія. Дубъ былъ у нихъ мужскимъ божествомъ, а липа женскимъ. Самъ Крузе въ сѣверной Курляндіи у Ауцена еще видѣлъ и срисовалъ священную липу и у Эрмеса другое священное дерево, которое только 13 мая 1836 г. было срублено тамошнимъ насторомъ Карбломомъ. Тутъ у этаго дерева стоялъ четырехъ-угольный камень, на который латыши съ незанамятныхъ временъ клали деньги и др. дары въ видѣ жертвы. Это дерево и алтарный камень находились на холмѣ, густо обросшемъ деревьями.

Названный пасторъ разрушилъ и въ другихъ курляндскихъ мѣстностяхъ не мало алтарей и вырубилъ деревъ, которымъ поклонялись латыши.

Такое почитаніе деревъ, въ особенности дуба, было общее у всѣхъ литовцевъ. Тотъ же Крузе приводитъ свидѣтельства, что древніе латыши поклонялись Перкуну, какъ и всѣ литовцы. приводитъ названія латышскихъ мужскихъ и женскихъ божествъ. Такъ богъ *Аускутсъ*, неумилостивленный жертвами, наводилъ на людей моровое повѣтріе; *Гардегасъ* былъ богъ вѣтра и бурь; *Лиго* былъ богъ или богиня любви и радости (латыши и нынѣ воспѣваютъ Лиго въ Ивановъ день); *Перкрубисъ* былъ богъ весны, *Пилнитисъ* богъ наводненій и пр. Онъ приводитъ имена и женскихъ божествъ: *Брексена*, *Дида*, *Лайме* и пр. Однимъ словомъ и латыши, подобно всѣмъ своимъ литовскимъ единоплеменникамъ, населяли всю видимую природу особыми божествами и геніями.

Латышскія праздники: Blukku wakars, зимній праздникъ чурбана, когда сжигался чурбанъ, изображавшій собою трудъ; весенніе праздники, осенній праздникъ, когда въ жертву божествамъ приносился козелъ или быкъ — все это имѣло много общаго съ литовцами, составляло отзвуки обще-литовскихъ вѣрованій и воззрѣній.

И такъ древнѣйшими насельниками Ливоніи слѣдуетъ признать финское племя — чудь — а за тѣмъ литовское племя — латышей. Къ Ливоніи издревле принадлежали и острова, лежащія на Балтійскомъ морѣ близь материка. Изъ этихъ острововъ Эзель, Моне, и Дагденъ имѣютъ чудское населеніе, явившееся здѣсь въ очень отдаленное время, — но населеніе этихъ острововъ имѣетъ и немаловажныя отличія отъ коренной чуди, населяющей нынѣшнюю эстонщину. Здѣсь въ одеждѣ мущинъ не преобладаетъ черный цвѣтъ, какъ у коренныхъ эстовъ; женщины одѣваются нѣсколько иначе, чѣмъ коренныя чудинки, и своимъ костюмомъ напоминаютъ скандинавокъ и датчанокъ. Но и наружность островитянъ отличается отъ коренной чуди: они сильнѣе сложены и гораздо дѣятельнѣе и подвижнѣе материковыхъ чудинцевъ. Обстоятельство это, конечно, объясняется образомъ жизни, который должны были вести островные поселенцы, но несомнѣнно и то, что на нихъ имѣли вліяніе скандинавы, съ которыми имъ приходилось имѣть постоянныя сношенія и которые селились между ними. Нѣкоторые острова, какъ-то: Вормсъ, Оденсгольмъ, Кюнъ и Руно были заселены въ глубокой древности скандинавами, потомки которыхъ живутъ и понынѣ, сохранивъ у себя и языкъ, очень близкій къ нынѣшнему шведскому (на маленькомъ островѣ Руно, лежащемъ посрединѣ Рижскаго залива, другаго языка и не знаютъ вовсе) и множество особенностей, характеризующихъ скандинавовъ.

Таковы были древнѣйшіе жители Ливоніи, съ которыми пришлось сойтись славянскимъ племенамъ, когда съ береговъ Дуная, они, оттѣсненные сильнымъ врагомъ, въ очень отдаленныя времена, принуждены

были покинуть свои первобытныя жилища и селиться въ нынѣшней Европейской Россіи. Когда именно, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ славяне ильменскіе (новгородцы) встрѣтились и вошли въ связи съ финскими народцами и преимущественно съ чудью (эстонцами), а кривичи (бѣлоруссы) съ литовскими народцами и преимущественно съ латышами — напрасно искать какихъ либо указаній въ лѣтописяхъ или въ какихъ бы то ни было документахъ, потому что эти связи между племенами финскими, литовскими и славянскими, естественными границами не отдѣленными другъ отъ друга, начались съ незапамятныхъ временъ и во всякомъ случаѣ раньше того времени, когда начинается достовѣрная исторія русскаго народа.

Всѣ дошедшія до насъ древнія свидѣтельства о бытѣ и чуди и латышей единогласно указываютъ, что эти старинные насельники Ливоніи никогда не составляли никакого государства: каждое племя, каждый родъ жили отдѣльно подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ, а это именно влекло за собою раздѣльность силъ и невозможность устоять противъ вліяніе сосѣдей, племенъ болѣе ихъ сильныхъ, болѣе энергичныхъ и болѣе даровитыхъ, какими на востокѣ для чуди были ильменскіе славяне (новгородцы). и для латышей кривичи (бѣлоруссы). Чудскіе и латышскіе народцы, ничѣмъ не отдѣленныя отъ племенъ славяно-русскихъ, чуть лишь завязались связи между ними, торговыя-ли, дружественныя-ли или враждебныя все равно, не избѣгли этаго вліянія, намѣтившаго и опредѣлившаго весь дальнѣйшій ходъ жизни ливонскихъ туземцевъ, ходъ самый естественный и правильный.

Посмотримъ же въ чемъ состояло это вліяніе, въ чемъ оно выражалось, къ чему въ концѣ концовъ оно клонилось.

V. Полоцкіе кривичи и ихъ отношенія къ литовцамъ. — Русскія поселки на Двинѣ. — Кукейносъ и Герсикъ. — Отношенія новгородцевъ къ чуди. — Юрьевъ и походы на чудь. Вліяніе русскихъ на Ливонію.

Съ самаго начала русской исторіи въ кривской землѣ (Вѣлорусія) уже были два средоточія, около которыхъ впослѣдствіи развивалась мѣстная, областная жизнь кривичей. То были Полоцкъ и Смоленскъ. Полоцкъ ранѣе другихъ областей выдѣлился изъ общаго состава собранной кіевскими князьями Руси, получивъ особую династію въ лицѣ потомковъ урожденной полоцкой княжны Рогнѣды и ея сына Изяслава Владиміровича, и составивъ особое полоцкое княжество, — главнымъ городомъ котораго былъ Полоцкъ, нынѣ уѣздный городъ Витебской губерніи.

Ближайшими сосѣдями полоцкихъ кривичей на западѣ были народцы литовскаго племени: жмудины въ нынѣшней ковенской губерніи и латыши въ нынѣшней курляндской и лифл. губ. Никакихъ естественныхъ границъ между поселеніями полочанъ и литовцевъ не было:

предѣлы полоцкой земли просто терялись въ неизмѣримыхъ лѣсахъ литовскихъ, — куда, однакоже, постепенно и мало по малу проникали поселенія кривичей, заводившіяся отчасти путемъ торговли, отчасти и силою оружія. Полоцкіе князья, проникая къ западу, налагали дани на литовскіе народцы и на удобныхъ мѣстахъ рубили городки, въ которыхъ шла мѣновая торговля съ окрестными народцами и съ которыхъ княжескіе дружинники ходили собирать дань. Вилкоміръ, Новгородокъ, Гродна или Городна были такими городками. Пограничные съ кривичами литовцы довольно легко подчинялись вліянію русской гражданственности: въ XII в. въ полоцкихъ войскахъ уже бывали вспомогательные литовскіе отряды, а въ концѣ XII в. между литовцами появляются и начатки православія, по крайней мѣрѣ, извѣстны четыре князя литовско-новгородскіе, бывшіе православными: Гинвилъ (Георгій или Юрій въ крещеніи) Михайловичъ († 1199); сынъ его Борисъ Гинвиловичъ († 1206); сынъ Бориса Василій Рогвольдъ († 1223) и сынъ Рогвольда Глѣбъ (см. Исторію русской церкви Макарія III. 27). То были, конечно, одиночныя явленія, но во всякомъ случаѣ доказывающія, что православіе у пограничныхъ съ кривичами литовцевъ появилось уже въ XII ст.

Одновременно съ распространеніемъ поселеній кривичей между литовцами въ нынѣшней ковенской и гродненской губ., распространялись поселенія полоцкихъ кривичей и по Двинѣ почти до самаго Балтійскаго моря, — а съ появленіемъ поселеній народцы, обитавшіе по Двинѣ, латыши и ливы, подчинялись вліянію полочанъ, вліянію выражавшемуся въ данничествѣ. Когда появились на Двинѣ въ латышско-ливскихъ земляхъ поселенія полоцкихъ кривичей, когда придвинскіе туземцы стали платить дань полоцкому князю и въ чемъ состояла эта дань — ничего этого неизвѣстно, но что придвинскіе народцы были данниками полоцкяго князя въ очень отдаленное время, гораздо ранѣе прихода нѣмцевъ, то на это имѣется уже прямое свидѣтельство. — Генрихъ Латышскій въ своей «Ливонской хроникѣ», составляющей важнѣйшій и основный источникъ исторіи Ливоніи, въ 1-й же главѣ, въ § 3 пишетъ: Accepta itaque licentia praefatus sacerdos a rege Woldemaro de Plosceke, cui Livones adhuc pagani tributa solvebant, simul et ab eo muneribus receptis, audacter divinum opus aggreditur, Livonibus praedicando, et ecclesiam Dei in villa Ykeskola construendo. Т. е. названный священникъ (Мейнгардъ), получивъ позволеніе отъ короля плоцекскаго (полоцкаго) Вольдемара (Владиміра), *которому языческіе ливы платили дань*, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него (князя полоцкаго), приступилъ усердно къ божескому дѣлу, и проповѣдуя (христіанство) ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ (нынѣ Икскуль).

Тоже самое подтверждаетъ и другая древняя ливонская лѣтопись, именно Рифмованная Хроника (Reimchronik). Тутъ, въ стихахъ 645—648, сказано:

Selhen, Liven, Letten lant
Waren in der Rusen hant
Vor der bruder ziten komen:
Der gewalt wart im benomen.

Т. е земли зеловъ, ливовъ, летовъ находились до прихода братьевъ (меченосцевъ) въ рукахъ русскихъ, у которыхъ была отнята власть надъ этими землями.

Въ Лаврентьевской лѣтописи (Пол. Соб Рус. Лѣт. I, 5) читаемъ: «А се суть иніи языцы, иже дань дають Руси: *Чюдь*, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, *Литва*, *Зимигола*, *Корсь*, *Нарова*, *Либь*; си суть свой языкъ имуще, оть колѣна Афетова. иже живутъ въ странѣхъ полуиощныхъ».

Папа Климентъ III (1188—1191) въ буллѣ своей къ бременскоиу архіепископу (см. Script. rerum Livonicarum I, 336) пишетъ: Eapropter, venerabilis in Christo frater, tuis justis postulationibus clementer annuimus et Yxcolanensem episcopatum, quem tu et clerus tuae curae commisus, per ministerum Meinardi sacerdotis, religiosi et discreti viri in Ruthenia, sancti Spiritus gratia doneante, acquisivisse dicuntur .. Папа, слѣд. прямо говоритъ, что епископство икскульское (Икскуль на Двинѣ, въ 30 верстахъ отъ Риги) основано въ Россіи

Русскія лѣтописи умалчиваютъ какія поселенія, какіе укрѣпленныя мѣста въ латышско-ливскихъ земляхъ находились во власти полоцкаго князя до появленія нѣмецкихъ завоевателей, въ концѣ XII ст. Изъ хроникъ Генриха и Рифмованной видно, однако, что полоцкіе князья владѣли теченіемъ Двины почти до самаго Балтійскаго моря, собирая дань съ туземныхъ жителей, и имѣли на Двинѣ два городка, двѣ крѣпостцы: Кукейносъ (нынѣшній Кокенгузенъ) и Герсикъ. Полоцкіе князья не позаботились укрѣпить за собою устье Двины постройкою какого либо города (древніе наши города всѣ были крѣпостцами), не озаботились утвердиться и въ латышскихъ городкахъ, напр. Беверинѣ, Антинѣ и др. Причиною тому была, конечно, слабость полоцкаго княжества, происходившая (см. Иловайскаго Ист. Россіи II, 99 и Соловьева II, 381 и слѣд.) какъ отъ недостатка внутренняго единства между всеславичами, такъ равно и въ безпокойномъ, строптивомъ отношеніи полочанъ къ своимъ князьямъ Не слѣдуетъ и то упускать изъ вида, что главный полоцкій столъ былъ предметомъ вѣчныхъ распрей межеу внуками Всеслава. Кто овладѣвалъ этимъ столомъ, тотъ не пользовался большимъ значеніемъ между другими своими родичами, удѣльными князьями. Къ тому же въ теченіе всего столѣтія, протекшаго отъ возвращенія всеславичей въ Полоцкъ до времени татаръ, на полоцкомъ столѣ не было ни одной личности, сколько нибудь энергической или способной систематически и твердо дѣйствовать въ трудныхъ обстоятельствахъ, начавшихся со времени утвержденія нѣмцевъ въ Ливоніи. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ настоящее время отъ древняго русскаго городка Кукейноса не осталось ровно никакихъ слѣдовъ. Его паденіе и дальнѣйшая судьба будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ.

Относительно мѣста, гдѣ находился русскій городокъ Герсикъ (названіе едва-ли не древне-славянское: въ Черногоріи есть городокъ Герсикъ), мнѣнія изслѣдователей далеко не одинаковы. До послѣдняго времени полагали, что древній Герсикъ лежалъ на берегу Двины, верстахъ въ двухъ отъ нынѣшней желѣзно-дорожной станціи Штокмансгофъ, и указывали на существующія здѣсь остатки каменной ограды какъ на остатки Герсика. Но въ 1874 г. изслѣдованія Деринга показали, что остатки этой ограды принадлежатъ старинному епископскому замку Локстену, и что Герсикъ находился не здѣсь, а на Двинѣ ближе къ Динабургу, а именно близъ нынѣшней усадьбы Шлосбергъ, ливенгофскаго полумызка (между нынѣшними имѣніями Ливенгофъ и Царьградъ). Здѣсь на берегу Двины возвышается гора съ остатками землянаго вала и рва. Тутъ и указываютъ мѣсто Герсика.

Отъ русскаго Герсика въ настоящее время тоже не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ; паденіе и уничтоженіе его тоже будетъ описано въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же замѣтимъ только, что распространеніе поселковъ полочанъ между придвинскими народцами происходило по видимому мирно, по крайней мѣрѣ, о враждебныхъ столкновеніяхъ между полочанами и придвинскими ливскими туземцами не сохранилось никакихъ извѣстій, но не таковы были отношенія русскихъ къ запейпуской чуди. Главнымъ средоточіемъ славянскаго племени, явившагося въ озерной области, было прибрежье озера Ильменя. Здѣсь въ этомъ средоточіи въ глубокой древности явился и главный городъ ильменскихъ славянъ, главный городъ озерной области, Новгородъ Великій, нѣкогда игравшій въ нашей исторіи видную и выдающуюся роль. Населеніе озерной области, ильменскіе славяне, болѣе извѣстные подъ именемъ новгородцевъ, искони отличалить энергіею, предпріимчивостію и промышленнымъ духомъ. Они не замедлили распространить свои торговыя связи со всѣми сосѣдними народцами и въ томъ числѣ съ чудью, обитавшею по обѣимъ сторонамъ большаго озера Пейпуса (эсты и водь).

Есть указанія, что первоначальныя отношенія новгородцевъ къ чуди были больше союзническія и дружественныя, чѣмъ враждебныя. Такъ въ Лаврентьевской, нашей несомнѣнно древнѣйшей лѣтописи, подъ 862 г. (см. Пол. Соб. Рус. Л. I, 8) упомянуто, что въ призваніи князей (Иловайскій какъ извѣстно, безусловно отрицаетъ этотъ фактъ) учавствовала чудь: „Рѣша Руси *Чюдь*, Словене и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да поидите княжить и владѣть нами“. Подъ 882 г. (тамъ же, стр. 10) читаемъ: „Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, *Чюдь*, Словени, Мерю, Весь, Кривичи и приде къ Смоленску съ кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой“. Подъ 907 г. (тамъ же, стр. 12) читаемъ: „Иде Олегъ

на Грекы, Игоря оставивъ Кыеви; поя же множество варягъ, и словѣнъ, и *чюди*, и кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣвере, и Деревляны, и Рыдимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яже суть Толкованы (?) (волыняне): си вси звахуся Великая Скуфь". Подъ 980 г. (тамъ же, стр. 32) сказано: Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, *Чюдь* и Кривичи. и поиде на Рогволода (князь полоцкій). Подъ 989 г. (тамъ же стр. 52) читаемъ: „И рѣче Володимеръ: се недобро, еже малъ городъ около Кіева И нача ставити городы на Деснѣ. и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичей, и отъ *Чюди* и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгѣ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ".

Въ Лаврентьевской лѣтописи, правда, положительно не опредѣлено, какая именно чудь учавствовала въ походахъ вмѣстѣ съ русскими: запейпуская (эстонская), водьская или заволоцкая, но, однакоже, нельзя безусловно отрицать участіе въ этихъ походахъ эстонцевъ. Какъ бы то ни было, но съ XI ст. начинается обложеніен данью занейпуской чуди, начинаются и походы на нее. Что именно вызывало эти походы — неизвѣстно, но всей вѣроятности причиною походовъ служили набѣги запейпуской чюди на сосѣднія съ ними новгородскія земли. Древніе эстонцы были вообще склонны къ хищничеству, — и эстонцы, обитавшіе по морскимъ прибрежьямъ, были отважными пиратами, какъ о томъ будетъ сказано ниже. Для удержанія разбоевъ и были предпринимаемы походы. Такъ въ Лаврентьевой лѣтописи подъ 1030 г. (см. стр. 64) сказано: „Семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ". Этотъ градъ былъ поставленъ на рѣкѣ Амовжѣ (Эмбахъ, Матерь Водъ) въ унганійской мѣстности Тарбетенѣ (Дарбетенъ, Дорпатъ, Дерптъ). Въ какомъ видѣ былъ построенъ древній Юрьевъ ирямыхъ извѣстій не сохранилось. Крузе вь своей Urgeschichte des esthnischen Volkstamms (стр 486—488) излагаетъ предположенія, что ярославова крѣпость Юрьевъ была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится университетская обсерваторія, что эта крѣпость была окружена каменною стѣною и имѣла водяной ровъ. Это очень сомнительно, безспорно лишь то, что Юрьевъ въ эстонщинѣ составлялъ для новгородцевъ точно такую же опору, какую въ латышщинѣ составляли для полоцкаго князя Кукейносъ и Герсикъ. Есть извѣстія (см. книгу преосвященнаго Павла: „Кое что изъ прежнихъ занятій" стр. 24), что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, срубивъ Юрьевъ, построилъ въ немъ и двѣ православныя церкви, одну во имя великомученника Георгія, другую во имя Николая чудотворца. Но эстонская чудь не такъ легко покорялась чуждой власти, какъ латыши. Въ 1054 году новгородскій посадникъ Остромиръ пошелъ на чудь, вѣроятно, отказавшуюся платить дань или, быть можетъ, сдѣлавшую набѣгъ на новгороднія земли. Походъ былъ неудаченъ: новгородцы

потерпѣли пораженіе и самъ Остромиръ былъ убитъ. Въ 1060 г. великій князь Изяславъ Ярославичъ повелъ рать на чудь-сысолу взялъ Оденпе. наложилъ на чудь дань въ 2000 гривенъ. Но весною того же года чудь отказалась платить дань, подожгли Юрьевъ и двинулись на Псковъ. Новгородцы выступили противъ чуди и разбили ихъ: „и паде руси 1000, и чуди безъ числа, сказано въ Псковской лѣтописи подъ 6598 (1060) годомъ. Въ XII ст. не разъ происходили походы на чудь Такъ въ Новгородской первой лѣтописи (Пол. Соб. Рус. Лѣт. III, 4) читаемъ: „Тѣмъ же 6619 (1111) лѣтѣ ходи Мстиславъ на очелу;“ подъ 6621 г. записано: „Симъ же лѣтѣ (1113) побѣди Мстиславь на Бору чудь. Далѣе тамъ же читаемъ: Въ лѣто 6624 (1116). Иде Мстиславъ на чюдь, съ новгородци, и взя Медвѣжю Голову (Оденпе). Вотъ еще выписки изъ этой же лѣтописи: „Въ лѣто 6638 (1130). Иде Всеволодъ съ новгородци на чюдь, зимѣ, въ говѣніе и самы изсѣце, а хоромы пожьже, а жены и дѣти приведе домовъ. Въ лѣто 6639 (1131). Тѣмъ же лѣтѣ, на зиму, иде Всеволодъ на чюдь; и створися пакость велика, много добрыхъ мужь избиша въ Клинѣ новгородци, мѣсяца генваря, въ 23, въ суботу. Въ лѣто 6684 (1176). Той же зимѣ приходиша вся чюдская земля Плескову, и бишася съ ними, и убиша ту Вячеслава и Микиту Захарьиниця и Станимира Иваниця и инѣхъ, а чюди множество избиша. Въ лѣто 6687 (1179). А на зиму иде Мстиславъ на чюдь, на очелу, и пожьже всю землю ихъ, а сами отбѣгоша къ морю; но и ту ихъ досыти паде. Въ лѣто 6699 (1191). И бысть на зиму и иде князь Ярославъ съ новгородци и съ плесковици, и съ областью своею на чюдь, и взя городъ Юрьевъ; и пожгоша землю ихъ, и полона безъ числа приведоша, а сами придоша здорови въ Новгородъ. Въ лѣто 6700 (1192) иде князь Ярославъ Плескову, на Петровъ день, и новгородци въ малѣ, а самъ сѣде на Плесковѣ, а дворъ свой пославъ съ Плесковици воевать; и шедше взяша городъ Медвѣжю Голову, и пожьгоша, и придоша здорови“.

Всѣ эти походы оставались, однако, безъ существенныхъ результатовъ: новгородцы объ упроченіи своей власти въ эстонщинѣ также мало думали, какъ и полоцкіе князья объ упроченіи за собою власти надъ устьемъ Двины.

Какъ бы то ни было, но появленіе русскихъ городковъ на Двинѣ въ латынщинѣ и городка на Амовжѣ въ эстонщинѣ неоспоримо свидѣтельствуютъ, что въ очень отдаленное время, во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе утвержденія въ Ливоніи нѣмецкаго господства, ливонскіе туземцы если не всѣ, то нѣкоторые находились уже въ данническихъ отношеніяхъ къ русскимъ, подчинялись вліянію русскихъ.

Не трудно видѣть къ чему бы привлекло въ концѣ концовъ это данничество и это вліяніе: привлекло бы къ единенію съ русскими, вступленіе въ общую связь съ ними, которую закрѣпило бы и утвердило православіе, появившееся, какъ увидимъ ниже между ливон-

скими туземцами гораздо ранѣе появленія между ними католическихъ проповѣдниковъ. Другими словами къ отдаленной древности произошло бы то, что указано географичесвими условіями ливонской страны: она сдѣлалась бы частію Россіи. Къ единенію уже намѣчалось все: и связи, и вліяніе, и православіе, но, однакоже, намѣченное не пошло прямымъ путемъ, а лишь окольнымъ, и пришло къ цѣли лишь послѣ многочисленныхъ переворотовъ и потрясеній, происшедшихъ въ свою очередь отъ того, что Ливонія, не отдѣляясь ничѣмъ отъ русскихъ земель, составляя лишь продолженіе русской государственной области, была вмѣстѣ съ тѣмъ и приморскою страною, доступною мореходцамъ, плававшимъ по Балтійскому морю, слѣд. не могла избѣгнуть, и дѣйствительно не избѣгла, вліянія тѣхъ народовъ и племенъ, которые по Балтійскому морю доставляли свои товары въ сѣверныя страны и оттуда получали для себя полезныя и нужныя произведенія этихъ странъ.

V. Отношенія иноземцевъ къ Ливоніи. — Извѣстія о Ливоніи грековъ. — Свѣдѣнія о Ливоніи римлянъ. — Германскія племена. — Скандинавы. — Походы викинговъ. — Норманы. — Варяги. — Появленіе христіанства у скандинавовъ. — Бремено-гамбургское архіепископство. — Образованіе сѣверныхъ государствъ. — Отношенія русскихъ къ скандинавамъ.

Балтійское море было извѣстпо древнимъ мореходцамъ въ отдаленнѣйшее время. Такъ несомнѣнно извѣстно, что финикіяне торговали янтаремъ (электронъ у древнихъ народовъ, бѣлъ горючь камень алатырь въ древнихъ русскихъ сказаніяхъ). Уже Гомеръ въ свой Одиссеѣ (см. гл. XV, 415—462) пишетъ:

. . . . Случилось, что въ Сиру
Прибыли хитрые гости морей Финикійскіе люди.
. . . . Мелочи всякой привезши въ своемъ кораблѣ чернобокомъ,
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искуствомъ.

Гезіодъ, современникъ Гомера, также знаетъ янтарь. Въ древности янтарю приписывали цѣлебную и волшебную силу, потому и цѣнили его очень дорого. Но откуда же финикіяне могли покупать или вымѣнивать янтарь, если не съ прусскихъ или курляндскихъ береговъ Балтійскаго моря. Впрочемъ, это только догадка; прямяго доказательства на то нѣтъ, и до какихъ мѣсть Балтійскаго моря доходили финикійскіе корабли остается совершенно неизвѣстнымъ.

Географическія познанія древнихъ грековъ о сѣверныхъ странахъ Европы были крайне скудны. Для нихъ эти страны были страны чудесъ и обиталище странныхъ существъ. Для грека временъ аргонартовъ Дунай и сѣверные берега Чернаго моря составляли уже границы обитаемой земли. Далѣе простирался уже Океанъ, доступный лишь лучезарному богу Геліосу. Въ сказаніяхъ о походѣ аргонавтовъ и у Діонисія Перигета встрѣчается упоминаніе о Кроновомъ морѣ, какъ части Океана, но было бы очень странно слово Кроново читать Куро-

ново, — и отсюда дѣлать выводы, будто греческіе мореходы посѣщали Балтійское море, въ то время когда было бы вѣрнѣе сказать, что греческіе мореходы не только не посѣщали Балтійскаго моря, но и не знали вовсе о его существованіи. Для нихъ берега Чернаго моря, носившаго первоначально названіе Понта Аксинскаго (негостепріимнаго), дѣлаются болѣе извѣстными лишь съ появленія, около 750 г до Р. Х., на берегахъ его милетской колоніи, Ольвіи. Съ этаго лишь времени Черное море получаетъ названіе Понта Евксинскаго (гостеиріимнаго) и съ этаго лишь времени начинается знакомство, хоть и крайне поверхностное, съ обитателями земель по Днѣпру.

Знаменитый отецъ исторіи, Геродотъ (484—424 до Р. Х.), лично посѣтилъ Ольвію и сѣверные берега Чернаго моря, но едва-ли отходилъ далеко отъ береговъ и едва-ли далеко проникалъ въ земли нынѣшней Новороссіи. Тѣмъ не менѣе онъ собралъ все, что можно было узнать о современныхъ ому жителяхъ нынѣшней Европейской Россіи отъ греческихъ купцовъ и путешественниковъ, и въ своемъ описаніи Скиѳіи сдѣлалъ нѣсколько поразительно вѣрныхъ общихъ замѣчаній; его разсказы составляютъ, однако, смѣсь извѣстій несомнѣнно историческихъ съ темными слухами и вымыслами греческихъ колонистовъ. Здѣсь, конечно, нѣтъ надобности приводить разсказъ Геродота о скиѳахъ, — не излишне, однако, упомянуть, что во времена Геродота греки уже знали о существованіи на сѣверѣ нынѣшней Европейской Россіи народовъ не скиѳскаго ироисхожденія — маланхленовъ (чернокафтанники). Полагаютъ не безъ основаній, что геродотовы меланхлены есть чудь. Изъ разсказа Геродота не видно, чтобы греки его времени посѣщали Балтійское море.

Но и другія извѣстія грековъ о сѣверныхъ странахъ очень скудны и неопредѣленны. Такъ Пиѳей Массилійскій (около 360 до Р. Х.) указываетъ, что около Сѣвернаго моря по ту сторону Рейна жили *остіи* или *остіоны*, и что въ трехъ дняхъ пути отъ берега, гдѣ скиѳы находили янтарь, находился большой островъ *Базилія*, который Ксенофонтъ Ламисакскій называетъ *Балтіей*. Тимей (около 320 г. до Р. Х.) упоминаетъ также объ островѣ Базиліи, упоминаетъ и объ островѣ Равноніи (Руно?), на который море выбрасывало янтарь. Объ островѣ Базиліи, какъ объ янтарномъ островѣ, упоминаетъ также Діодоръ Сицилійскій. Артемидоръ Ефескій (около 100 г. до Р. Х.) говоритъ опять объ остіонахъ.

Географическія свѣденія римлянъ о странахъ средней и сѣверной Европы уже были несравнено опредѣленнѣе, чѣмъ у грековъ. Эти свѣденія въ особенности расширились со временъ Юлія Цезаря, когда начались измѣренія пространства Римской имперіи. Пространства измѣряли шагами, ставя камень чрезъ каждые 1000 шаговъ, составлявшихъ одну миллеарію. Этикъ въ предисловіи къ своей космографіи говоритъ, что весь міръ (omnis orbis terrae; подъ этими словами, конечно, слѣдуетъ разумѣть не вею землю, а лишь владѣнія Римской

имперіи кои начали измѣрять въ консульство Юлія Цезаря и Марка Антонія. Въ теченіе 21 года, 5 мѣсяцевъ и 9 дней Зеноботъ измѣрилъ весь Востокъ. Начиная съ консульства Цезаря и Антонія въ теченіе 29 лѣтъ и 10 дней Тегдатъ измѣрилъ весь сѣверъ, а южную часть имперіи Поликлетъ въ теченіи 25 лѣтъ. Результаты этихъ измѣреній были представлены сенату. На основаніи этихъ измѣреній Плиній считаетъ отъ Каркунта (у Петронелла) на Дунаѣ до противоположнаго берега Германіи 600 миллеарій. Считая миллеарій въ $^1/_5$ часть нѣмецкой мили, получимъ 120 нѣмецкихъ миль или 840 верстъ. Это довольно близко къ истинѣ, потому что дѣйствительно разстояніе исчисленное по нынѣшнимъ измѣреніямъ составляетъ $117^1/_2$ миль. Отъ устья Днѣпра (Бористена) по его теченію на сѣверъ чрезъ землю скиѳовъ и сарматовъ онъ насчитываетъ 930 миллеарій (186 нѣмецкихъ миль, до устья Невы 173 мили). Протяженіе восточной Германіи и Скиѳіи отъ считаетъ въ 1200 миллеарій. У Плинія встрѣчаются имена Нерингіи (Норвегія), Коданскаго залива, Скандіи, Феннигіи (Финляндія) и имена обитателей южнаго побережья Балтійскаго моря: гирры, скирры, венеды, сарматы. Плиній упоминаетъ о янтарѣ, выкапываемомъ въ нѣкоторыхъ странахъ изъ земли (какъ нынѣ у прусскаго берега). Тацитъ упоминаетъ о собирателяхъ янтаря эстіерахъ и жившихъ далѣе за ними певцинахъ, венедахъ и феннахъ. Птоломей и Марціанъ перечисляютъ, впрочемъ очень неопредѣлено, устья четырехъ рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море съ восточной его стороны. Перечисляютъ они также и народы, обитавшіе по восточному прибрежью этаго моря. Изъ этихъ перечисленій, какъ они не неопредѣленны, но можно, однако, заключить что въ I в. по Р. Хр. прибрежья отъ устья Вислы до Нѣмана занимали народцы литовскаго племени, отъ устьевъ Нѣмана по морскому прибрежью жили уже финскія племена.

Посѣщали-ли греческіе и римскіе купеческіе корабли прибрежья Балтійскаго моря, прибрежья Ливоніи? Прямыхъ доказательствъ на это нѣтъ, но раскопки, произведенныя въ разныхъ мѣстностяхъ нынѣшней Курляндской и Лифляндской губерніи, показали, что греческіе и римскія купцы пріѣзжали въ очень отдаленныя времена къ Балтійскимъ побережьямъ для торговли и преимущественно для торговли янтаремъ, такъ цѣнимомъ въ древности. Это доказываютъ греческія и римскія монеты и другія древности найденныя у Кольцена, къ сѣверу отъ Риги на морскомъ берегу, деревни, до которой простираются мѣстопахожденія настоящаго янтаря. Это указываютъ и монеты Ѳазоскія, Сиракузскія и Македонскія, относящіяся къ времени Діонисія Поліоркета и бронзовая статуйка, относящаіоя ко времени Александра Македонскаго. Немного сѣвернѣе Дреймансдорфа найдена греческая кирапейская монета; на Эзелѣ найдена монета изъ Панорма, въ Дерптѣ найдена монета изъ Неаполя. — Римскія монеты временъ Августа нашлись въ могилахъ на Эзелѣ; монеты временъ Тиверія,

Калигулы, Клавдія, Домиціана и Траяна, очень мало потертыя, нашлись въ могилѣ около Капсетена. Позднѣйшія римскія монеты до конца 4-го ст. найдены въ Курляндіи у Берземюнде и въ Лифляндіи у Зунцена.

Однимъ словомъ древніе финикіяне, греки и римляне знали Балтійское море, ихъ купцы посѣщали мѣста нахожденія янтаря, покупали и развозили этотъ товаръ по всему свѣту, но и только: прочнаго слѣда они не оставили никакого. На Ливонію существенное вліяніе оказывали тѣ германскіе народы, которыя сдѣлались хозяевами, такъ сказать, Балтійскаго моря. Къ нимъ мы и должны обратиться.

Германо-арійское племя, какъ и славянское, не помнитъ ни времени, когда оно вышло изъ Азіи, ни вождя, который вывелъ его оттуда. Оно появилось въ Европѣ послѣ литовцевъ и послѣ славянъ. Найдя южные полуострова. западъ Европы и страны придунайскіе уже занятыми другими арійцами, говоритъ Соловьевъ (см. Соч. 465), германцы должны были принять движеніе къ сѣверо-западу и занять Скандинавію, откуда вытѣсненные нуждою, должны были перейти на южный берегъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, занять нынѣшнюю сѣверную Германію. Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ или не такъ, здѣсь разсуждать не мѣсто, по слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ самое отдаленное время, какое только доступно изслѣдованіямъ, германцы дѣлились на двѣ вѣтви: скандинавскую или сѣверную и собственно германскую или нѣмецкую. Скандинавская вѣтвь съ древнѣйшихъ временъ заняла Скандинавскій и Ютландскій полуострова; нѣмецкая вѣтвь занимала мѣстности средней Европы отъ Вислы до Рейна и отъ Дуная до береговъ Сѣвернаго и части Балтійскаго морей. Та и другая вѣтвь дробилась на многія народцы, говорившіе однимъ и тѣмъ же языкомъ, съ 4 стол. раздѣлившимся на два нарѣчія: сѣверное и нѣмецкое. Отъ древне-сѣвернаго произошли нынѣшніе исландскій, шведскій и датскій языки. Отъ древне-нѣмецкаго (deutsche Ast) произошли всѣ языки, употребляемыя нынѣ народами нѣмецкой вѣтви германо-арійскаго племени. Независимо общности языка, обѣ вѣтви германо-арійскаго племени имѣли почти одни и тѣже религіозныя воззрѣнія, а географическія условія мѣстностей, на которыхъ имъ пришлось селиться, обусловили почти одинаковый образъ жизни. Скудны были эти мѣстности и непроизводительны. «Кто, оставивъ Азію, Африку или Испанію, говоритъ Тацитъ, захочетъ пойти въ Германію, безобразную почвою, суровую климатомъ, печальную обработкою и видомъ, развѣ кому она будетъ отечествомъ?» Не хотѣли признать эту скудную и суровую страну своимъ отечествомъ и древніе германцы. Выселиться изъ нея въ другія страны, пріобрѣсти лучшія мѣста для поселенія было задачею древнихъ германцевъ, а стремленіе къ осуществленію ея выработало въ этомъ племени энергію и отвагу необыкновенныя.

Достовѣрная исторія застаетъ обѣ вѣтви германо-арійскаго племени въ сильномъ движеніи именно за поискомъ лучшихъ мѣстъ для поселенія. Первые такіе искатели были *кимвры* и *тевтоны*. По всей вѣроятности они вышли изъ Ютландскаго полуострова (и понынѣ называемаго иногда Кимврскимъ) и въ 104 г. до Р. Х. появились въ римскихъ предѣлахъ. Появленіе этихъ сколько рослыхъ и сильныхъ, столько же свирѣпыхъ и отважныхъ варваровъ привело въ такой же ужасъ римлянъ, въ какой привело Россію XIII вѣка появленіе татаръ. Четырнадцать лѣтъ продолжалось исканье земель, пока наконецъ Марію въ 101 до Р. Х. удалось окончательно осилить и уничтожить выходцевъ изъ невѣдомыхъ для тогдашняго Рима странъ. Съ тѣхъ поръ движеніе германцевъ уже не прекращалось: Юлію Цезарю пришлось уже биться съ герман-

цами изъ за Галліи, пришлось уже и самому начать наступленіе на германцевъ, чтобы обезопасить предѣлы римскихъ владѣній отъ вторженій племенъ. не желавшихъ признать Германію своимъ отечествомъ. Начинается война тяжкая, продолжительная, тянувшаяся цѣлыя годы, столѣтія, и въ результатѣ своемъ имѣвшая паденіе греко-римскаго міра и наступленіе въ Западной Европѣ міра новаго съ новыми уже условіями жизни и развитія.

Когда именно появились на Скандинавскомъ полуостровѣ племена норреновъ (родоначальниковъ нынѣшнихъ норвежцевъ), племена готовъ и свеоновъ (скоро слившихся въ одинъ народъ, родоначальный нынѣшнимъ шведамъ), трудно сказать даже и приблизительно за недостаткомъ какихъ либо положительныхъ данныхъ на ототъ счетъ. Несомнѣнно только одно, что германскія племена, появившіяся на Скандинавскомъ полуостровѣ, не были первоначальными насельниками его. Они уже застали здѣсь финновъ, родственныхъ тѣмъ самымъ финнамъ, которыя съ незапамятныхъ временъ населяли сѣверъ Европы.

Германскіе племена оттѣснили финновъ на сѣверъ полуострова, сами же заняли южныя и среднія части полуострова.

Точно также неизвѣстно, когда именно появились германскія племена на Ютландскомъ полуостровѣ и островахъ сосѣднихъ съ нимъ. племена готовъ, дановъ, родоначальниковъ нынѣшнихъ датчанъ. Но и они также не были первоначальными насельниками Даніи, ибо раскопки и многочисленныя находки отъ древнѣйшихъ временъ неоспоримо доказываютъ, что первоначальными насельниками Даніи были люди не германскаго племени, а другаго неизвѣстнаго, почти незнавшаго никакихъ металловъ (каменный періодъ) и только съ теченіемъ вѣковъ узнавшаго употребленіе сначала бронзы, а потомъ и желѣза (бронзовый и желѣзный періоды).

Скандинавская отрасль германо-арійскаго племени состояла изъ многихъ мелкихъ народцевъ. въ свою очередь подраздѣлявшихся на меньшія отдѣлы. Король стоялъ во главѣ народца, меньшія отдѣлы управлялись *ярлами*, подчинявшимися королю; ярлы же имѣли въ своемъ подчиненіи *горзовъ* или старшинъ мелкихъ округовъ. Королевское достоинство было наслѣдственное; король былъ одновременно верховнымъ жрецомъ, судьею и военачальникомъ, но высшая власть принадлежала не ему, а *тингу* т. е. собранію всѣхъ свободныхъ людей даннаго народца Тотъ король считался почетнѣйшимъ, у котораго дружина была многочисленнѣе и храбрѣе, чѣмъ у короля, неимѣвшаго средствъ или неумѣвшаго привлечь къ себѣ много дружинниковъ. У скандинавовъ, какъ и въ нѣмецкой отрасли германо-арійскаго племени, многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народцѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ (королямъ) являлись посольства, приносились дары. Набирать же многочисленную и храбрую дружину не составляло какого либо особаго труда для скандинавскихъ вождей, вслѣдствіе какъ природы ихъ страны, такъ и образъ жизни скандинавскихъ народцевъ, обусловленнаго этою природою.

Близость моря выработала въ скандинавахъ сильныхъ и искусныхъ мореходцевъ, а скудость почвы, суровость климата, причинявшаго частыя неурожаи и голодъ, обусловили такой способъ владѣнія движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, въ силу котораго глава семейства дѣлалъ собственникомъ своего имущества только однаго своего сына, прочіе же сыновья должны были искать себѣ пропитанія на сторонѣ, какъ знали и какъ умѣли. иначе глава семейства выгонялъ ихъ изъ дома. Но куда пти юношѣ, кипящему силою и отвагою, какъ не въ сообщество съ другими такими же удаленными отъ наслѣдства людьми, какъ не въ дружину или королей или въ дружины, составляемыя отважными людьми королевскихъ родичей? Гдѣ и какъ имѣть дружинѣ пропитаніе, какъ не на чужбинѣ или военною службою чужому государю, или же войною ради добычи? Съ увеличеніемъ населенія увеличи-

валось количество и численность дружинъ, сдѣлавшихъ войну своимъ ремесломъ Дружины, жившія войною. первоначально дѣлали набѣги на своихъ же земляковъ, сосѣдей, но впослѣдствіи дружины начали воевать и грабить чужія страны. Вожди такихъ дружинъ назывались *войсковыми королями* (Heerkönige), если дружина дѣлала сухопутный походъ, и *королями морскими*, если дружина отправлялась на войну или грабежъ въ ладьяхъ моремъ. Морскіе походы извѣстные подъ именемъ *походовъ викинговъ*, какъ наиболѣе выгодныя. скоро сдѣлались преимущественнымъ занятіемъ скандинавскихъ дружинъ, и ихъ ладьи скоро появились на берегахъ Сѣвернаго моря. на морскихъ прибрежьяхъ нѣнѣшней Англіи, Нидерландовъ, Франціи, Испаніи, Португалліи и наконецъ появились на прибрежьяхъ Средиземнаго моря. Ладьи скандинавскихъ дружинъ отличались быстрымъ ходомъ и шли обыкновенно на веслахъ, вмѣщая въ себѣ по нѣсколько десятковъ человѣкъ народу (самая большая ладья вмѣщала въ себя не болѣе 120 человѣкъ). Часто бури разсѣевали и топили эти ладьи, но гибель однихъ дружинъ отнюдь не смущала другихъ, ибо погибнуть въ морѣ считалось такою же геройскою смертью, какъ и пасть на полѣ сраженія; геройская же только смерть, по религіознымъ воззрѣніямъ скандинавовъ. вводила павшаго въ битвѣ воина въ обитель боговъ Асгардъ и въ дворецъ Валгалу (умиравшіе естественною смертью ни до тупа въ Валгалу, ни общенія съ героями не имѣли). Для морскаго похода соединялись отъ 12 до 100 ладей и страшный грабежъ, свирѣпыя убійства, пожары и опустошенія знаменовали такіе походы викинговъ. Не довольствуясь ограбленіемъ морскихъ прибрежій, морскіе короли и ихъ дружины на своихъ ладьяхъ входили въ рѣки и начинали грабить прирѣчныя области. Провѣдавъ, что обратный выходъ рѣкою загражденъ кѣмъ либо, скандинавы переносили свои лодки съ награбленною добычею на себѣ въ другую рѣку, и уходили въ море большею частію безнаказанно. Ни во что не ставя свою жизнь, ища смерти на полѣ битвы или въ морскихъ волнахъ, скандинавскія дружины не щадили и чужой жизни. Свирѣпость скандинавскихъ дружинъ, сдѣлавшихся извѣстными въ Европѣ подъ именемъ *сѣверныхъ людей* (норманновъ), не знала предѣловъ, такъ что въ тогдашнихъ церквахъ молились объ избавленіи отъ норманновъ (de furore Normanorum libera nos, Domine).

Скандинавскія дружины не ограничивались набѣгами на западно-европейскія прибрежья, не одни западно-европейскія рѣки и водныя пути имъ были извѣстны въ глубокой древности, но они знали въ отдаленной древности и восточныя прибрежья Балтійскаго моря и водныя пути. вединія изъ этаго моря въ глубь земель нынѣшней Россіи. Въ началѣ VI ст. слѣд. задолго до начала русской достовѣрной исторіи, скандинавскія дружины уже знали два водныя пути въ Византію: одинъ изъ Финскаго залива Невою, Ладожскимъ озеромъ, рѣкою Волховымъ, озеромъ Ильменемъ, Ловатью, за тѣмъ волокомъ до Днѣпра; другой Западною Двиною до ея верховьевъ и волокомъ до Днѣпра. Скандинавскія дружины этими путями доходили до Чернаго моря и Византіи и вступали въ службу византійскихъ императоровъ, которые именно изъ скандинавовъ составляли отряды своихъ тѣлохранителей. Скандинавскіе дружинники, вступавшіе въ военную службу въ Византіи и въ Россіи, назывались *варягами, варенгами* (буквально значитъ жолнеръ, Söldner, наемный солдатъ). Но имѣются извѣстія, что скандинавы знали водный путь изъ Балтійскаго моря къ Черному гораздо ранѣе. Во 2 или въ началѣ 3 вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе скандинавскихъ дружинъ, подъ именемъ готовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному. Какимъ именно путемъ пробирались эти дружины неизвѣстно; готскій писатель Іорданъ (см. Jordanis de reb. Get. c. 19, 23, 24 и др.) разсказываетъ. что одна скандинаво-готская дружина на трехъ только ладьихъ, пробралась къ Черному морю и здѣсь вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ своихъ и чужихъ, явилась

многочисленнымъ народомъ, недававшимъ покоя Византійской имперіи. Въ 4 в. готскія вождь Германарихъ, владѣя тринадцатью племенами, между которыми не трудно прочесть имена чуди, веси, мери и мордвы. положилъ было основаніе огромнѣйшему готскому государству, но это государство, не успѣвъ окрѣпнуть, было разрушено гуннами.

Какъ бы то ни было, но достовѣрная исторія скандинавскихъ народовъ, скандинавскихъ государствъ, Даніи, Швеціи и Норвегіи, начинается только со времени Карла Великаго, со временъ его борьбы съ саксами. Эта борьба имѣла чрезвычайно важныя позлѣдствія для всѣхъ сѣверныхъ державъ, ибо результатомъ ея явилось появленіе католичества у скандинавовъ и образованіе бремено-гамбургскаго архіепископства, въ первые годы утвержденія католичества въ Ливоніи игравшаго выдающуюся роль. Объ учрежденіи этаго архіепископства мы и должны сказать нѣсколько словъ.

Въ началѣ VIII ст сѣверо-восточная часть Галліи представляла украйну римско-христіанскаго міра, хранившаго остатки древней языческой цивилизаціи и начатки новой христіанской. Далѣе на востокъ былъ міръ варваровъ, варваровъ — осѣдлыхъ и способныхъ къ цивилизаціи, германцевъ, и степныхъ варваровъ, знаменующихъ свою дѣятельность въ исторіи одними опустошеніями и разореніями. Государство древнѣйшее извѣстной прочности и цивилизаціи не можетъ не ограждать себя отъ нападеній варваровъ, борьба на украйнѣ между государствомъ и варварами была неизбѣжна. Борьба началась со временъ Карла Мартелла; франки открыли наступленіе на варваровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ началось и проповѣдь христіанства. За одно съ Карломъ Мартеломъ, говоритъ Соловьевъ (см Соч., 501) дѣйствуетъ знаменитый проповѣдникп Винфильдъ и или Бонифацій: въ дремучихъ лѣсахъ варваровъ онъ проповѣдуетъ Бога, который сильнѣе ихъ боговъ. По мановенію проповѣдника, рубятся священныя деревья и ни одинъ богъ язычниковъ не приходитъ отмстить за свою обиду. Въ пустыняхъ, гдѣ жили только дикіе звѣри, начинаютъ строиться церкви и монастыри, куда начинаетъ стекаться много народа. Варвары, оскорбленные вторженіемъ чужихъ людей, чужой вѣры, собираются, жгутъ церкви и монастыри, убиваютъ проповѣдниковъ, но уже ничего не могутъ сдѣлать съ новою силою: на мѣсто убитыхъ являются новые проповѣдпики, на мѣсто сожженныхъ церквей и монастырей отстраиваются новыя и свѣтская сила беретъ наконецъ подъ свое покровительство и монаховъ и новообращенныхъ христіанъ. Карлъ Мартелъ беретъ подъ свое покровительство Бонифація, который въ свою очередь помазуетъ на царство, провозглашаетъ королемъ Пепина, сына своего покровителя.

Бонифацій пошелъ проповѣдывать христіанство между фризами и былъ убитъ ими. Пенинъ страшно опустошилъ за это земли фризовъ, но сынъ Пепина, Карлъ Великій (768—814 г.), поставилъ задачею своей дѣятельности, чтобы впередъ въ Германіи не убивали проповѣд-

никовъ христіанства. Въ исполненіи этой задачи и состоитъ историческое значеніе Карла Великаго: онъ далъ Германіи единство, онъ сдѣлалъ ее христіанскою и доступною къ принятію цивилизаціи страною и ввелъ ее въ общую жизнь съ Италіею и Галліею.

Самымъ суровыми, самымъ крѣпкими между германскими племенами были *саксы*, которые не были какимъ либо отдѣльнымъ племенемъ, а составляли союзъ разныхъ германскихъ народцевъ. Въ союзъ этотъ входили: вестфалы, жившіе на Везерѣ; остфалы, жившіе по Эльбѣ и энгерны, жившіе между обѣими этими народами. Война съ саксами началась съ 772 г. и продолжалась 32 года, отличаясь необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Для проповѣди христіанства саксамъ Карлъ въ 788 г. открылъ въ городѣ Бременѣ (на рѣкѣ Везерѣ, впадающей въ Нѣмецкое море) епископство, но оно мало приносило пользы, ибо вестфалы, руководимые своимъ вождемъ Витекиндомъ и остфалы, предводимые Албоиномъ, возставали всякій разъ, какъ только Карлъ уходилъ изъ ихъ земель, и разрушали тѣ церкви, какіе строили для нихъ франки. Борьба кончилась и стихла окончательно, когда Карлъ въ 807 г. выселилъ съ береговъ Эльбы въ отдаленныя провинціи Франкскаго королевства 10000 саксовъ съ ихъ женами и дѣтьми, и когда на границахъ сакскихъ земель построилъ укрѣпленные города и крѣпость Эссефельдъ для обезпеченія своихъ владѣній съ сѣвера отъ датчанъ, а съ востока отъ славянскихъ племенъ. Паденіе саксовъ, постройка крѣпостей, появленіе проповѣдниковъ христіанства сильно встревожило скандинавскія племена, въ особенности когда въ 811 г. на берегахъ Эльбы (Лабы), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія ея въ Нѣмецкое море, появился Гамбургъ съ христіянскою церковью и въ немъ учредилось архіепископство, во главѣ котораго сталъ священникъ Геридагъ, посвященный въ санъ епископа и назначенный Карломъ Великимъ архіепископомъ новоучрежденной епархіи. Въ 814 г. Карлъ умеръ, вслѣдъ за тѣмъ скоро умеръ и Геридагъ, и гамбургская церковь осиротѣла на многія годы, но христіанство отсюда все-таки пошло къ скандинавамъ.

Еще въ 777 г. Карлъ Великій, ведя войну съ саксами, вошелъ въ столкновеніе съ ютландскимъ королемъ Зигфридомъ, къ которому сакскій герцогъ Витекиндъ неоднократно обращался за помощью. Во время возникшихъ междоусобій послѣ его смерти, одинъ изъ претендентовъ на ютландскій престолъ, Гаральдъ, обратился за помощью къ сыну Карла Великаго, Людовику Благочестивому. Онъ получилъ помощь, но за то долженъ былъ допустить христіанскихъ миссіонеровъ въ свое королевство. Во главѣ миссіонеровъ сталъ архіепископъ реймскій Эббо и съ 823 г. началъ проповѣдь христіанстра въ Ютландіи. Многіе язычники крестились, крестился въ 826 г. въ Маинцѣ и самъ Гаральдъ съ сыномъ. Возвращаясь домой, онъ привезъ въ свое королевство знаменитаго миссіонера Ансгарія (причисленнаго католическою церковію къ лику святыхъ). Проповѣдь Ансгарія имѣла, однако, ма-

лыя успѣхи: язычники ни за что не хотѣли разставаться съ культомъ Одина и съ божествами Азовъ. Тѣмъ не менѣе Ансгарій не унывалъ, и въ 829 г. рѣшился отправиться на проповѣдь въ Швецію, гдѣ въ то время царствовалъ король по имени *Біернъ*. Цѣлый годъ провелъ Ангарій въ Швеціи, крестилъ нѣкоторыхъ, и въ томъ числѣ однаго знатнаго придворнаго шведа, который впослѣдствіи выстроилъ въ Швеціи первую христіанскую церковь. Людовикъ Благочестивый, надѣясь на дальнѣйшія успѣхи христіанства, рѣшился возстановить гамбургское архіепископство. Возстановленіе произошло въ 831 г. съ назначеніемъ архіепископомъ Ансгарія.

Датскіе и вообще скандинавскіе язычники, не безъ основаніи считавшіе гамбургское архіепископство главнѣйшимъ врагомъ своимъ, не оставили въ покоѣ Ансгарія. Въ 845 г. они вошли на 600 ладьяхъ въ устье Эльбы и разорили Гамбургъ до тла, сожгли церковь и монастырь, и увели въ плѣнъ всѣхъ, кто остался въ живыхъ. Ансгарій спасся съ величайшимъ трудомъ, но, послѣ удаленія скандинавскихъ дружинъ, явился въ ррзоренный Гамбургъ, построилъ вновь церковь и монастырь, и продолжалъ дѣло проповѣди сѣвернымъ варварамъ съ тою непреклонною ревностію, какая знаменовала первыхъ апостоловъ христіанства. Никакія трудности и препятствія не смущали Ансгарія и онъ по истинѣ заслужилъ прозваніе *апостола сѣвера*, какое ему было дано впослѣдствіи. Въ 847 г. по смерти бременскаго архіепископа Лейдигера, папа Левъ IV соединилъ гамбургское архіепископство съ бременскимъ, прислалъ Ангарію архіепископскій палліумъ, далъ ему обширныя полномочія, право строить въ гамбурго-бременскомъ архіепископствѣ церкви и посвящать священниковъ и епископовъ для новокрещаемыхъ сѣверныхъ язычниковъ. Архіепископъ Ансгарій умеръ въ 865 году и мѣстонребываніе архіепископа было перенесено изъ Гамбурга въ Бременъ.

Такъ учредилось Бременское архіепископство, игравшее впослѣдствіи важную роль въ исторіи христіанства на сѣверѣ Европы.

Христіанство, однако же, распространялось въ Скандинавіи очень медленно, встрѣчая себѣ сильное сопротивленіе во всѣхъ слояхъ скандинавскаго населенія. Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Германскіе племена, вступившіе въ области Рима, легко уничтожали матеріальныя силы одряхлѣвшей имперіи, но въ свою очередь легко были побѣждаемы христіанствомъ. Христіанская церковь, говоритъ Соловьевъ (Соч. 471) первая встрѣтила варвара на новой, чужой ему почвѣ, первая дала ему нравственное убѣжище, отдыхъ, первая приласкала его, назвала своимъ, роднымъ, и указала ему въ прежнихъ жителяхъ римскихъ областей не чужихъ, не варвара, а своихъ же братьевъ, свела, ознакомила старое и новое народонаселеніе, завязала между ними тѣсную, неразрывную связь. Варвары-германцы тѣмъ охотнѣе пошли на призывъ христіанства, церкви, что во время продолжительнаго движенія своего изъ дальнихъ странъ сѣвера, отрываясь все болѣе и болѣе отъ той почвы, гдѣ развились и окрѣпли ихъ національныя вѣрованія, сталкиваясь безпрестанно съ другими народами, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отрывались отъ этихъ вѣрованій, которыя постепенно тускнѣли, блѣднѣли для нихъ.

Варвары, вступившіе на римскую почву, принимали христіанство съ изумительною легкостію и быстротою, такъ что нельзя опредѣлить времени, когда какіе нибудь вандалы, свевы, лонгобарды приняли христіанство. Но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ христіанство встрѣчало сопротивленіе все больше и больше. Въ Скандинавіи національная религія, культъ Одина, глубоко вкоренилась въ населеніи; скандинавы имѣли общественное богослуженіе и жречество, да и ученіе христіанское черезъ-чуръ сильно противорѣчило всему складу, всему строю жизни скандинава. Культъ Одина поощрялъ войну, грабежъ, завоеванія; религія Одина обѣщала удовольствія Валгалы только воину, только человѣку, погибшему на войнѣ или въ морѣ, христіанство безусловно воспрещало и грабежъ и хищничество, воспрещало набѣги на чужія земли, разбойничество и не обѣщало въ загробной жизни ничего такого, что воображеніе скандинава создавало себѣ въ Валгалѣ. Да и какъ скандинаву было обойтись безъ грабежа и войны, безъ вступленій въ военную дружину, когда отецъ просто выгонялъ его изъ дому на поиски пропитанія, когда сама религія учила его, что не хорошо скандинаву являться по своей смерти къ Одину бѣднымъ, что чѣмъ больше награбленныхъ сокровищъ при жизни взвалятъ на костеръ для сожженія вмѣстѣ съ трупомъ его, тѣмъ большими удовольствіями будетъ пользоваться въ Валгалѣ умершій. Какъ же было оставить въ покоѣ чужихъ людей, опровергавшихъ всѣ религіозныя воззрѣнія скандинава, говорившихъ то самое, что нѣкогда говоримъ епископъ, крестившій Хлодовика: «Преклони смиренно голову, Сикамбръ, поклоняйся тому, что ты жегъ, жги то, чему ты поклонялся!»

И скандинавъ не оставлялъ въ покоѣ проповѣдниковъ христіанства и не покидалъ хищничества. Никогда морскія походы скандинавскихъ дружинъ не были такъ многочисленны и свирѣпы, какъ въ IX ст., и никогда дружины не заходили такъ далеко, какъ захаживали во времена прибытія къ нимъ Ансгарія. Грабя приморскія стороны Западной Европы, скандинавскія дружины не оставляли въ покоѣ и странъ, прилегавшихъ къ восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи (см. Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, 8) читаемъ: «Въ лѣто 6367 (859). Имаху дань варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичахъ». Три года продолжалось это данничество. «Въ лѣто 6370, говорится въ той же лѣтописи, изгнаша (чудь, словени и кривичи) варяги за море, и не даша имъ дани, и начаша сами по себѣ володѣти.

Появленіе христіанства въ Даніи, появленіе укрѣпленныхъ городковъ на границахъ съ Германіею вызвало тревогу и движеніе въ населеніи этой скандинавской земли. Въ концѣ IX ст. властитель въ Зеландіи и Шоніи, Гормъ Старый, покорилъ всѣ датскія земли подъ свою власть, изгнавъ изъ Ютландіи и Шлезвига всѣхъ мелкихъ князьковъ и владѣльцевъ. Врагъ христіанства, онъ истребилъ всѣхъ христіанъ въ своихъ владѣніяхъ, и началъ уничтожать сѣмена новой религіи, посѣянной Ансгаріемъ, но истребляя христіанство, онъ не оставлялъ въ покоѣ и своихъ нѣмецкихъ сосѣдей, уже христіанъ. Онъ сдѣлалъ набѣгъ на Фрисландію; въ отмщеніе за набѣгъ, германскій король Генрихъ I въ 934 г. вступилъ въ Ютландію, наложилъ дань на датчанъ и принудилъ ихъ короля позволить нѣмецкому епископу вновь проповѣдывать христіанство въ Даніи. Устроенная Карломъ Великимъ датская марка (рядъ укрѣпленій) была возстановлена. Данничество, однако, продолжалось недолго: сынъ и пріемникъ Горма, Гаральдъ Синій Зубъ, вступившій на датскій престолъ въ 936 г., призвавъ къ себѣ на помощь дружины скандинавовъ, положившихъ начало Нормандскому герцогству въ Франціи и сильно тѣснимыхъ тогдашнимъ франкскимъ королемъ, свергъ съ себя зависимость отъ Германіи, и воспользовался неустройствами въ Норвегіи, чтобы присоединить эту страну къ своимъ владѣніямъ.

Норвегія въ древности была раздѣлена на 30—40 мелкихъ королествъ и имѣла много независимыхъ отъ королей ярловъ. Эта страна доставляла наибольшій контвнгентъ дружянниковъ, людей, не признававшихъ ничьей власти надъ собою. Подобная раздѣльность и такое множество королей, ярловъ (острова и островки имѣли тоже своихъ независимыхъ королей) влекли за собою такую спутанность отношеній, что дальнѣйшее существованіе ихъ не могло продолжаться. Въ то самое время, когда въ Даніи Гормъ Старый началъ сосредоченіе датскихъ земель въ одно королевство, такое же сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ началось и въ Норвегіи. Одинъ изъ южнонорвежскихъ королей, Гильфданъ, въ половинѣ VIII ст., покорилъ своей власти шесть или семь мелкихъ владѣній. Его сынъ, Гаральдъ Гаарфагръ (Прекрасн волосый), современникъ Горма Стараго, овладѣвая постепенно другими владѣніями, явился королемъ всей Норвегіи. Такое возвышеніе конечно, можно себѣ объяснить единственно тѣмъ, что у Гаральда была многочисленная дружина, щедро оплачиваемая изъ захватовъ. Противиться такой дружинѣ, при совершенной раздѣльности мелкихъ королей и ярловъ, было невозможно: поневолѣ приходилось подчиняться единовластію людямъ болѣе или менѣе находившимъ себѣ выгоды въ такомъ подчиненіи; смѣлымъ и отважнымъ мореходамъ, какими были всѣ норвежцы, не желавшимъ единовластія не оставалось ничего болѣе, какъ покидать свое отечество и искать земель для поселеній. Образовались дружины недовольныхъ, покинувшихъ отечество и отправившихся искать счастья на сторонѣ. Эти то дружины норвежцевъ частію открыли, а частію и вновь заселили Исланлію, Феррерскіе, Оркадскіе и Шотландскіе острова; нѣкоторые дружины выселились на датскіе острова, нѣкоторые поселились на прибрежьяхъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, и одинъ изъ предводителей такихъ дружинъ, Рольфъ, со своею дружиною вторгся во Францію и положилъ основаніе Нормандскому королевству.

Дѣти Гаральда Прекрасноволосаго не съумѣли и не смогли поддержать единовластіе между собою. Между ними возникли распри, междоусобія, войны, обращеніе за помощію въ Данію, и вся неурядица кончилась тѣмъ, что одинъ изъ потомковъ Прекрасноволосаго, Гаконъ Богатый, при помощи датчанъ изгналъ въ 960 г. всѣхъ своихъ соперниковъ, но за то и самъ превратился въ вассала короля датскаго: Норвегія явилась страною подчиненною Даніи.

Вскорѣ послѣ этаго Гаральдъ Синій Зубъ пересорился со своимъ главнымъ леннымъ властителемъ, съ императоромъ Оттономъ Великимъ, борьба съ которымъ была уже непосильна Синему Зубу. Оттонъ разбилъ дружины датскаго короля и вынудилъ его не только признать надъ собою ленную зависимость Германіи, но и принять крещеніе. Гаконъ Норвежскій также принужденъ былъ креститься; онъ крестился, но скоро однако же возвратился къ язычеству. По смерти Оттона Великаго, Гаральдъ вступилъ въ новую борьбу съ преемникомъ Оттоновымъ, Оттономъ II, но былъ побѣжденъ. Борьба эта имѣла своимъ послѣдствіемъ усиленіе христіанства въ Даніи, и это усиленіе вызвало реакцію со стороны язычниковъ. Сынъ Гаральда, Свено Счастловый, крещенный вмѣстѣ съ отцомъ, отрекся отъ христіанства и вспомоществуемый языческими дружинами и всѣми кто принялъ христіанство по принужденію, поднялъ оружіе противъ своего престарѣлаго отца. Старикъ потерпѣлъ пораженіе и скоро умеръ. Датскимъ королемъ въ 986 г. явился Свено. Онъ страшно преслѣдовалъ христіанъ въ своихъ владѣніяхъ, но уже не смогъ окончательно искоренить христіанство въ Даніи. Царствованіе Свено было преисполнено приключеніями всякаго рода, преимущественно набѣгами и походами. Онъ пересорился съ морскою разбойничьею республикою, Іомсбуромъ или Винетою, два раза попадался разбойникамъ въ плѣнъ, выкупался изъ плѣна большими деньгами, перессорился съ Эрихомъ, королемъ шведскимъ,

который напалъ на него, разбилъ и въ 987 г. изгналъ изъ Даніи и присоединилъ все его королевство къ Швеціи. Свено, очутившись безъ королевства, отнюдь не унывалъ: какъ истый норманъ, онъ собралъ кое какія остатки своихъ дружинъ и вошелъ въ союзъ съ однимъ изъ морскихъ королей (морскихъ разбойниковъ), правнукомъ Гаральда Прекрасноволосаго Олафомъ Тригвасономъ. Снарядивъ флотъ, они напали на прибрежья Англіи и Свено собралъ такую громадную добычу, что заслужилъ себѣ прозваніе Счастливаго. Огромныя суммы денегъ, награбленныхъ въ Англіи, дозволили ему нанять сильную дружину, съ которою онъ въ 1000 г., по смерти Эриха, воротился въ Данію, женился на его вдовѣ и снова сдѣлался датскимъ королемъ, а его союзнику Олафу удалось изгнать Гакона и овладѣть Норвегіею. Впрочемъ Олафу не пришлось долго владѣть Норвегію. Принявъ во время своихъ безчисленныхъ морскихъ походовъ христіанство, онъ началъ вводить христіанство въ Норвегію съ такими насиліями, что только возстановилъ противъ себя язычниковъ, перессорился съ преемникомъ шведскаго короля Эриха, Олафомъ, и со Свено датскимъ. Они напали на него и Олафъ Тригвасонъ, послѣ отчаянной морской битвы, чтобы не попасть въ плѣнъ, самъ бросился въ море. Норвегію подѣлили тежду собою Свено датскій и Олафъ шведскій, предоставивъ, впрочемъ, большую часть Норвегіи двумъ сыновьямъ Гакона въ качествѣ лена.

Между тѣмъ въ Англіи произошли важныя событія. Король Этельредъ, чтобы избавиться отъ датскихъ поселенцевъ, рѣшился истребить ихъ всѣхъ поголовно, и такое истребленіе дѣйствительно исполнилъ 13 ноября 1002 г. Свено не могъ оставить безъ отмщенія нодобнаго варварскаго поступка и началъ войну, кончившуюся въ 1013 г. страшнымъ иораженіемъ Англіи и покореніемъ этой страны подъ власть датчанъ. Англія была присоединена къ Даніи. Въ февралѣ 1014 г. Свено умеръ язычникомъ, хотя въ послѣдніе годы онъ уже и не такъ преслѣдовалъ христіамъ, какъ прежде. Онъ оставилъ послѣ себя друхъ сыновей, Канута и Гаральда, которые и раздѣлили между собою отцовское наслѣдіе: Гаральдъ получилъ Данію, а Канутъ, принявшій крещеніе вскорѣ послѣ смерти отца, Англію. Черезъ два года Гаральдъ умеръ и Канутъ явился такимъ образомъ и королемъ Даніи. Подъ его властію явились Англія, Данія, Норвегія и часть Швеціи. Онъ такимъ образомъ явился однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государей сѣвера и получилъ прозваніе Великаго. При немъ только христіанство начало брать перевѣсъ надъ религіею Одина въ Даніи и Норвегіи, но до полнаго торжества было еще далеко.

Канутъ умеръ въ 1034 г., и съ нимъ распалось все его королевство. Герцогъ нормандскій Вильгельмъ, послѣ сраженія при Гастингсѣ, 14 октября 1066 г., утвердился въ Англіи, лишивъ датчанъ всѣхъ завоеваній въ этой странѣ. Норвегія отпала еще ранѣе. Сынъ Олафа святаго шведскаго, Магнусъ, еще въ 1035 г. немедленно послѣ смерти Канута, былъ признанъ норвежцами своимъ королемъ, а когда наслѣдникъ Канута въ Даніи, Гардиканутъ, въ 1042 г. умеръ, то на основаніи договора, заключеннаго съ Магнусомъ еще въ 1035 г., по которому оба государя взаимно обезпечили другъ другу наслѣдство, Магнусъ явился королемъ и Даніи, хотя и не надолго.

Въ то самое время, когда раздробленныя на многія владѣнія Данія и Норвегія слагались въ государство, когда христіанство, слабое въ началѣ, то угасавшее, то снова возникавшее въ этихъ странахъ, вносило въ жизнь и понятія скандинавовъ начала, неимѣющія ничего общаго съ религіею Одина, когда наконецъ въ началѣ XI в. взяло перевѣсъ надъ язычествомъ, Швеція также не оставалась неподвижною, она также слагалась въ государство.

Древняя исторія Швеціи крайне баснословна. Она наполнена сказаніями о подвигахъ и дѣяніяхъ династіи *инглинговъ*, ведшей свое начало отъ Одина. Династія эта продолжалась до VII ст. Въ тѣ времена Швеціи, подобно Даніи и Норвегіи, была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣло своего князя (тилькисъ-конунга). Всѣ мелкія владѣнія признавали, однако, верховнаго наслѣдственаго короля и верховнаго жреца, имѣвшаго пребываніе въ Упсалѣ, гдѣ находился деревянный храмъ Одина. О королякъ изъ династіи инглинговъ дошли до насъ лишь баснословныя преданія въ скандинавскихъ .сагахъ. Король Дигъ или Дигверъ, жившій въ III ст., первый сталъ называться королемъ упсальскимъ. Послѣдній изъ инглинговъ, Ингіальдъ Иллада, за свою жестокость ненавидимый шведами, былъ лишенъ престола датскимъ королемъ Иваромъ Видфадмою (далеко охватывающій). Отъ него съ 690 г. ведетъ свое начало новая династія. Сага разсказываетъ, что Иваръ владѣлъ не тодько Даніею, Швеціею и Норвегіею, но и прибрежьями Балтійскаго моря до самаго Гардарика (Руси). Но еще болѣе славы пріобрѣлъ себѣ, какъ разсказываютъ саги, его внукъ Гаральдъ Гильдетанъ. правнукъ Сигурдъ Рингъ и его сынъ Рагнаръ Лодброкъ. Гаральдъ и Сигурдъ сразились между собою въ кровопролитной битвѣ подъ Бравалою у озера Азенъ, около Сорби. Въ этой битвѣ Гаральду будто бы помогали датчане и ливы, а Сигурду куроны и эсты. Гаральдъ былъ побѣжденъ, потерявъ 30000 воиновъ. Сказанія объ этой битвѣ очень преувеличены и баснословны, но что она дѣйствительно происходила, указываетъ руническая надпись, начертанная на скалѣ въ Блекингенѣ у Гоби и содержащая желаніе побѣды Гаральду. Подъ Браваллою и теперь еще находятся множество могилъ. Сынъ Гаральда, Эйстенъ Бели, въ 790 г. былъ побѣжденъ сыномъ Сигурда, Рагнаромъ Лодброкомъ, о приключеніяхъ котораго и геройскихъ подвигахъ саги въ особенности много распространяются. Рагнаръ Лодброкъ прославился безчисленными морскими походами, часто нападалъ на прибрежья Англіи и Шотландіи, наконецъ въ Англіи попалъ въ 794 г. въ руки своихъ враговъ и былъ ими брошенъ въ яму, наполненную змѣями. Сынъ его, Біернъ I. сдѣлался шведскимъ королемъ. Въ первой половинѣ XI в. именно въ 829 г. началась проповѣдь христіанства. Извѣстный проповѣдникъ Ансгарій съ монахомъ Виниларомъ положили въ Швеціи первыя сѣмена христіанства. Впрочемъ Ансгарій скоро оставилъ Швецію и христіанство пресѣклось. До 967 г. по нѣскольку королей царствовали вмѣстѣ, послѣдними изъ нихъ былъ Эймундъ Злой и Эрикъ Побѣдоносный. Эрикъ пережилъ Эймунда, явился королемъ Швеціи и въ 987 г., какъ сказано выше (см. стр. 37) присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и владѣнія датскаго короля Свено.

Достовѣрная исторія Швеціи начинается только съ царствованія сына Эрика, Олафа III Скауткоиунга, сдѣлавшагося шведскимъ королемъ въ 993 г. Онъ крестился самъ и началъ вводить христіанство въ Швеціи, постепенно подчиняя себѣ мелкихъ державцевъ. Онъ умеръ въ 1024 г. Сынъ его, Іаковъ Анундъ, велъ продотжительную войну съ Канутомъ Великимъ датскимъ. Ему наслѣдовалъ въ 1060 г. братъ его, Эдмундъ Старый. съ которымъ въ 1066 г. и пресѣклась династія Ивара.

Такъ постепенно формировалось шведское королевство. И здѣсь мелкіе державцы должны были уступить свои владѣнія королямъ, но многіе изъ нихъ не хотѣли терять своей независимости, формировали дружины и отправлялись искать счастья кто войною въ чужихъ странахъ, а кто и военною службою у сосѣднихъ государей въ качествѣ наемнаго войска. Большая часть пошла воевать на западъ,

громить и грабить прибрежья Германіи, Франціи и Англіи, и повторяемъ, никогда походы скандинавовъ не были такъ опустошительны какъ въ IX и X столѣтіяхъ, но часть скандинавскихъ дружинъ отправилась и на Востокъ, кто для грабежа, а кто искать службы.

Наша древняя лѣтопись отмѣтила появленіе дружинъ въ половинѣ IX ст. въ новгородскихъ земляхъ въ видѣ завоевателей, но за тѣмъ въ лѣтописи упомянуто о скандинавскихъ дружинахъ, какъ о наемныхъ отрядахъ. Такъ подъ 882 году въ Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л 1, 10) читаемъ: Поиде Олегъ, поимъ воя многи, *Варяги*, Чюдь, Словѣни, Мерю. Весь. Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ и взя Любецъ, и посади мужъ свой . . . Бѣша у него *Варязи* и Словѣни . . . Се же Олегъ нача городы ставити и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави *Варяномъ* дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира деля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.

Изъ послѣднихъ словъ лѣтописи имѣетъ право заключить, что кіевскіе князья, подчинивъ себѣ Новгородъ, для удержанія этого города въ мирѣ и порядкѣ, водворили въ немъ скандинавскій гарнизонъ, на содержаніе котораго новгородцы и обязаны были давать по 300 гривенъ въ годъ.

Съ помощію скандинавскихъ дружинъ дѣлали походы на Грецію и Олегъ и Игорь.

Сношенія Руси со скандинавами въ особенности усилились во времена Владиміра. Въ той же Лаврентьевской лѣтописи (стр. 32) читаемъ: Слышавъ же се Владимеръ въ Новгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа (въ 977 году) за море . . . Приде Володимеръ (въ 980 году) съ Варяги Ноугороду и рече посадникомъ Ярополчимъ: идѣте къ брату моему и рцѣте ему: «Володимеръ ти иде на тя, пристраивайся противу биться».

При помощи варяговъ, Владиміръ, какъ говорится въ той же лѣтописи, овладѣлъ Полоцкомъ и потомъ Кіевомъ. По взятіи въ 980 году Кіева, рѣша Варязи (тамъ же, 33) Володимеру: «се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окунь на нихъ, но 2 гривнѣ отъ человѣка». И рече имъ Володимеръ: «ножде, да же ны куны сберуть, за мѣсяць». Ждаша за мѣсяць и не дастъ имъ, и рѣша Варязи: «сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки»; онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, раздая имъ грады; прочіе же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: «се идутъ къ тебѣ Варязи, не можи ихъ держати въ градѣ, оли то створятъ ти зло, яко и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единаго».

Императоръ греческій принялъ пришельцевъ въ службу: съ этихъ

норъ въ числѣ греческихъ наемныхъ войскъ значатся отряды изъ варяговъ — это некто иные. какъ скан..инавскіе дружины.

Русскіе князья нерѣдко вступали въ дружескія и родственныя связи съ норманскими конунгами, которые иногда, во время частыхъ междоубій между собою, искали пріюта въ Россіи. Такъ, по извѣстіямъ исландскихъ сагъ, сынъ норвежскаго короля Тригвія, Олафъ, нашелъ убѣжище въ Россіи, воспитался при кіевскомъ дворѣ, былъ однимъ изъ военноначальниковъ Владиміра. Впослѣдствіи Олафъ возвратился на родину, принялъ крешеніе и послѣ многихъ приключеній овладѣлъ норвежскимъ престоломъ.

Бывали и враждебные набѣги. Такъ, во время Владиміра, норвежскій ярлъ Эрикъ захватилъ Ладогу и четыре года грабилъ новгородскія земли, пока наконецъ былъ прогнанъ Владиміромъ.

Самыя дѣятельныя и дружескія сношенія со скандинавами происходили во время Ярослава. Онъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Олафа Скетконунга, Ингигердѣ (въ православіи Ирина), и охотно давалъ пріютъ у себя скандинавскимъ государямъ и принцамъ. Такъ норвежскій король Олафъ Святой, лишенный престола датскимъ королемъ Канутомъ Великимъ, нашелъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Магнусомъ убѣжище при дворѣ Ярослава. Магнусъ воспитывался вмѣстѣ съ дѣтьми Ярослава и потомъ, не безъ помощи Ярослава, вернулся на родину и занялъ впослѣдствіи наслѣдственный престолъ. Прославленный сагами младшій братъ Олафа Святаго, Гаральдъ Смѣлый, также нашелъ убѣжище при кіевскомъ дворѣ и нѣкоторое время служилъ въ варяжской дружинѣ великаго князя. Впослѣдствіи онъ женился на дочери Ярослава, Елисаветѣ, отправился въ Норвегію, наслѣдовалъ своему племяннику и былъ убитъ въ 1066 году во время высадки въ Англію. Вообще Ладога и Новгородъ служили главными пристанищами для варяговъ — скандинавовъ, приходившихъ въ Россію или торговать или наниматься въ военную службу, а также и для скандинавскихъ принцевъ, покидавшихъ родину и отправлявшихся въ Кіевъ.

Связи со скандинавскими державами, начавшіеся съ IX ст. долго не прерывались. По мнѣнію Иловайскаго (см. его Исторію Россіи I, 103) здѣсь, въ этихъ родственныхъ, дружескихъ связяхъ Игорева дома съ варягами, въ томъ положеніи, которое эти иноземцы заняли на Руси при Владимірѣ Великомъ и особенно при сынѣ его Ярославѣ, въ происхожденіи послѣдующихъ кіевскихъ князей по матери отъ скандинавскаго королевскаго дома, въ частыхъ призывахъ варяжскихъ дружинъ и громкой славѣ, которою пользовались тогда германскіе викинги, — здѣсь и надобно искать зародышъ той басни, которая впослѣдствіи такъ распространилась и укрѣпилась. Извѣстно, что эта басня весь русскій княжескій родъ начала вести отъ варяжскихъ

ириицевъ, которые будто бы были когда то призваны въ новгородскую землю для водворенія въ ней порядка.

VI. Борьба съ Балтійскими славянами. — Архіепископъ Адальбертъ. — Походы въ Ливонію.

Скандинавскія дружины, появляясь въ Новгородѣ, Полоцкѣ и Кіевѣ, проходили въ Россію или по Финскому заливу чрезъ Неву, Ладожское озеро и Волховъ или по Рижскому заливу чрезъ Западную Двину. Зная эти мѣста, они не могли не знать и ливонскихъ прибрежій Финскаго залива, слѣд. не могли не знать и народцевъ, обитавшихъ по этимъ прибрежьямъ т. е. эстовъ, не могли не знать тоже и народцевъ, обитавшихъ по прибрежьямъ Рижскаго залива и землямъ Двинскаго бассейна, ливовъ и латышей. Они знали ихъ несомнѣнно, но исторія скандинавовъ до самаго утвержденія между ними христіанства до такой степени баснословна, до такой степени преисполнена вымысловъ, что полагаться на сказанія сагъ, въ которыхъ изложена древняя скандинавская исторія, никакъ не возможно. Къ тому же сѣверныя саги не дошли до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, а въ сборникахъ и переработкахъ Снорре Стурлесона и Саксона. По Саксону, скандинавы знали Ливонскіе края еще въ I ст. по Р. Х. Въ этомъ ничего невѣроятнаго еще нѣтъ, но крайне сомнительны его іоказанія о скандинавскихъ завоеваніяхъ въ Ливоніи. Преисполнены вымысловъ его и дальнѣйшія разсказы. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Гадингъ, девятый король Даніи и современникъ Одина, покорилъ въ Ливоніи городъ Дину, напалъ на куретовъ (куроновъ, куровъ), и былъ отбитъ ими, но города Дины въ Ливоніи никогда не существовало. Далѣе онъ разсказываетъ, что преемникъ Гадинга, Фрото I, покорилъ куровъ и Британію, всѣ земли по обѣ стороны Рейна и Геллесионтъ. О королѣ Готбродѣ и его сынѣ Гетерѣ разсказывается, что они воевали съ восточными народами (какими?), что куры, свеоны и славяне, послѣ того какъ Гетеръ былъ убитъ, отказались отъ датскаго владычества и дани, но что сынъ Гетера, Рорикъ, опять покорилъ ихъ своей власти, между тѣмъ какъ сынъ послѣдняго, снова воевавшій съ восточными народами, потерпѣлъ пораженіе отъ нихъ и долженъ былъ бѣжать въ Швецію. Далѣе разсказываетъ, что шведскій король Ботойльдъ бѣжалъ къ курамъ, спасаясь отъ набѣга враговъ, что на короля Граммера напали эсты и куры въ самой Швеціи и повѣсили его въ оковахъ, что сынъ Граммера, Торда, ирогналъ ихъ назадъ. Саксонъ умпнаетъ о какомъ-то Олимарѣ, который соединился съ гуннами и съ флотомъ, состоявшимъ изъ 30000 кораблей, на которыхъ находились 9 мил. войновъ, напалъ на Швецію, но безуспѣшно. Въ это же время жилъ эстскій великанъ Старкатеръ, который побѣдоносно прошелъ всю Европу и отпечатокъ

своего огромнаго тѣла оставилъ на одной скалѣ. Полубаснословный Рагнаръ Лодброкъ покорилъ будто бы въ IX ст. Курляндію и Самбію. Разсказывается, что въ IX и X ст. въ Эстляндіи воевалъ норвежскій король Гальфданъ Черный и его преемникъ, что короли Олафъ и Эрикъ подчинили себѣ Эстляндію и Курляндію съ островомъ Эйсислемъ (Эзель).

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ имѣетъ право заключить только то, что скандинавы знали Ливонію, дѣлали набѣги на эту страну, что туземные ливонцы въ свою очередь дѣлали набѣги и на Швецію. Набѣги были несомнѣнно, но чтобы скандинавы думали прочно сѣсть въ Ливонію — этого не было, да и стоило-ли имъ селиться въ странѣ скудной, бѣдной, когда на Западѣ были мѣста и обильныя и привольныя. Болѣе точныя извѣстія о Ливоніи начинаются съ XI и XII ст., когда христіанство утвердилось въ Скандинавіи, и когда на Балтійскомъ побережьи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является нѣмецкая отрасль германо-арійскаго племени.

Борьба Карла Великаго съ саксами, кончившаяся торжествомъ этаго знаменитаго короля франковъ и перваго императора священной Римской имперіи, имѣла важное значеніе для Германіи, ибо этою тридцатилѣтнею войною Карлъ Великій ввелъ Германію въ область исторіи, давши ей христіанство, начатки цивилизаціи и начатки гражданственности. Вслѣдствіе такого расширенія исторической сцены, Германія, говоритъ нашъ историкъ (см. Сочиненія Соловьева, 519), получила значеніе украйны западнаго римско-христіанскаго міра, значеніе которое имѣла прежде Галлія. Германцы, утвердившіеся въ Галліи, франки, принявши христіанство и усыновившись Риму, переняли на себя обязанность бороться со всѣми зарейнскими соплеменниками, которые, особенно какъ язычники, являлись для нихъ варварами; теперь восточныя германцы, принявшіе христіанство, относятся точно также къ народамъ, жившихъ на востокѣ отъ нихъ, относятся къ нимъ какъ къ варварамъ, считая свою обязанностью распространять между ними христіанство и подчинять ихъ Римской имперіи, т. е. дѣлать съ ними тоже самое, что сдѣлалъ Карлъ Великій съ самими восточными германцами. Эти варвары, восточные народы, относительно которыхъ Германія становилась украйною римско-католическаго міра, сильно разнились между собою: одни народы были туранскаго происхожденія, не переставшіе, по слѣдамъ гунновъ, дѣлать опустошительныя вторженія въ Европу, до самой Галліи. Германія, какъ украйна, должна была подвергнуться сильнымъ ударамъ этихъ народовъ, ограничиваясь борьбою оборонительною. Но кромѣ этихъ кочевыхъ пришельцевъ изъ Азіи, восточными сосѣдями германцевъ были давніе осѣдлые жильцы Европы, народы арійскаго племени, славяне. Столкновенія ихъ съ германцами, разумѣется, должны были начаться очень рано; но съ Карла Великаго начинается это, можно сказать, систематическое движеніе германскихъ королей на славянъ

съ цѣлію распространенія между ними христіанства и подчиненія ихъ своей власти.

Балтійскіе славяне, съ незапамятныхъ временъ поселившіеся по южному берегу Балтійскаго моря между Лабою (Эльбою) и Вислою, не успѣли сплотиться въ государство, когда Карлъ Великій перешелъ чрезъ Лабу и открылъ тамъ наступленіе на нихъ. Бодричи, лютичи, скидаряне, поморяне и др. славянскія племена враждовали между собою и хотя отчаянно бились съ нѣмцами, но всегда раздѣльно и потому всегда безуспѣшно. Генрихъ I Птицеловъ (918—936) повелъ систематическую борьбу съ балтійскими славянами, шагъ за шагомъ утверждался въ ихъ землѣ, отнималъ у нихъ города, завелъ нѣмецкія колоніи въ ихъ земляхъ, заставлялъ силою принимать христіанство; сынъ Генриха, Оттонъ I Великій (936—974), по отношенію къ Балтійскимъ славянамъ, продолжалъ политику отца, вынудилъ ихъ въ 939 году платить дань нѣмцамъ, овладѣлъ ихъ городами. Разрозненные и потому слабые славяне не могли противиться германцамъ, объединеннымъ и потому сильнымъ, должны были принять христіанство и вмѣстѣ отказываться не только отъ своей независимости, но и отъ народности, нѣмечиться, утрачивая основу народности — языкъ.

Распространеніе христіанства въ Скандинавіи и между Балтійскими славянами, устроеніе и открытіе приходовъ и назначеніе священниковъ и миссіонеровъ — все это увеличило значеніе Бременгамбургскаго архіепископства, объ учрежденіи котораго уже сказано (см. стр. 34). Это архіепископство заняло выдающееся положеніе въ ряду всѣхъ католическихъ епископствъ и архіепископствъ въ Германіи, когда въ іюлѣ 1045 г. бременскимъ архіепископомъ явился сколько честолюбивый, столько же дѣятельный сынъ пфальцграфа Фридриха I изъ знатнаго рода Веттиновъ, *Адальбертъ*. Задачею своей жизни онъ поставилъ учрежденіе *сѣвернаго патріархата*, независимаго отъ какой-бы то нибыло свѣтской власти, но подчиненнаго единственно вѣдѣнію бременскаго архіепископа. Всѣ сѣверныя земли, принявшія христіанство: Англія, Данія, Швеція, Норвегія и Прибалтійскія земли должны были входить въ составъ этого патріархата. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ себѣ задачею и подъемъ торговли и промышленнаго значенія Бремена. Поддерживаемый императоромъ Генрихомъ III, придавъ блескъ мѣстопребыванію архіепископа многочисленными постройками церквей и монастырей, находясь въ сношеніяхъ съ европейскими королями и византійскими императорами, оказывая сильное вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ священной Римской имперіи, Адальбертъ былъ признанъ папою легатомъ и викаріемъ всѣхъ сѣверныхъ странъ. Въ Бременъ начали являться послы датскіе, шведскіе, вендскіе. «Нашъ маленькій Бременъ, писалъ каноникъ Адамъ, сдѣлался въ то время для всѣхъ жителей сѣвера столь же знаменитымъ, какъ и

Римъ.» Осуществленіе мысли о патріархатѣ казалось и возможнымъ и близкимъ, но внезапная смерть Генриха III, послѣдовавшая осенью 1056 года, измѣнила положеніе дѣлъ. Возникли смуты въ имперіи, возникли смуты и въ сѣверныхъ странахъ, противъ Адальберта возстали его враги, и все это помѣшало учрежденію патріархата. Въ мартѣ 1072 года Адальбертъ умеръ, а съ нимъ разлетѣлись прахомъ и всѣ его обширные планы. Въ слѣдующемъ 1073 г. на ганскомъ престолѣ является сынъ тосканскаго плотника Гильдебрандта, знаменитый Григорій VII, а съ нимъ начинается и знаменитая въ исторіи борьба духовной власти со свѣтскою. Папа восторжествовалъ: онъ лишилъ государей права назначать епископовъ и архіепископовъ въ ихъ земляхъ, устроилъ изъ католическаго духовенства армію послушную единственно папѣ, поставилъ власть папы на небывалую до того высоту. Не было страны въ западной Европѣ, на которую не распространялось бы вліяніе папы, и только со временъ Григорія VII начинается усиленная пропаганда католичества въ сѣверныхъ странахъ.

Современникомъ бременскаго архіепископа, Адальберта, въ Даніи былъ король Свенъ III Эстритсонъ (1047—1076). Онъ основалъ датскія епископства въ Лундѣ, Дульби, Виборгундѣ, Берглюмѣ, и ему же приписываютъ основаніе первой католической церкви въ Курляндіи. Бременскій каноникъ Адамъ пишетъ (см. Ad. Br стр. 58): „Но и другія острова на Балтійскомъ морѣ находились во власти шведовъ. Наибольшій изъ нихъ былъ тотъ, который называется *Курляндіею*, простирающійся на восемь дней пути (iter octo dierum habens) . . . Здѣсь живетъ очень свирѣпый народъ . . . Золота здѣсь очень много и отличныя лошади. Всѣ дома наполнены колдунами и гадателями, носящими монашеское одѣяніе (vestito monachio) . . . Полагаютъ, что св. Ансгарій назвалъ этотъ островъ островомъ Кори, который былъ въ его время данникомъ свеоновъ. Нынѣ, король Свенъ построилъ здѣсь церковь (una ibi nunc facta est ecclesia) трудами однаго купца, побужденнаго къ тому королемъ многими подарками». Полагаютъ, что эта церковь была построена на Домеснессѣ, сѣверной оконечности Курляндіи (названіе Домеснессъ, полагаютъ, произошло именно отъ слова Дом, церковь); въ настоящее время отъ нея не осталось и слѣдовъ. Адамъ Бременскій считалъ Курляндію островомъ, островомъ-же онъ считалъ и Эстляндію. Онъ пишетъ (см. Ad. Br., стр. 59): „Потомъ разсказывалъ (король Свенъ?) намъ, что на Балтійскомъ морѣ находятся еще многіе другіе острова, изъ которыхъ большой называютъ Эстляндія; онъ не меньше того острова, о которомъ я говорилъ (Курляндіи). Здѣсь также не знаютъ Бога христіанъ, поклоняются драконамъ и птицамъ, которымъ приносятъ въ жертву живыхъ людей, покупаемыхъ у купцовъ. Этихъ назначенныхъ въ жертву людей тщательно осматриваютъ, чтобы на ихъ тѣлѣ не было

никакого недостатка, чтобы не подвергнуться напрасно наказанію со стороны дракона». Подобныя разсказы, конечно, не имѣютъ никакого важнаго значенія.

У Свена Эстристсона было двое сыновей — Гаральдъ и Канутъ. Первый, какъ слабый духомъ, былъ устраненъ отцомъ отъ наслѣдства, но вельможи не желали видѣть своимъ королемъ Канута и возвели, вопреки волѣ покойнаго короля, на престолъ Гаральда. Тогда Канутъ съ партіею недовольныхъ удалился въ Шонію и въ 1076 г. сдѣлалъ, какъ разсказываетъ Саксонъ Грамматикъ, набѣгъ на Курляндію, Самогитію и Эстляндію, такой же, походъ, какой лѣтъ за 40 лѣтъ предъ тѣмъ дѣлалъ на Эстляндію король Канутъ Великій, простершій было, какъ кажется, свои завоеванія до Амовжи (Эмбаха), завоеванія, имѣвшія, впрочемъ, характеръ набѣга — ничего больше. По всей вѣроятности, датчанамъ, какъ и прочимъ скандинавамъ, были извѣстно приморскія берега Ливоніи и пункты, удобные для высадокъ.

Въ 1078 году король датскій Гаральдъ IV отправилъ въ Римъ молодыхъ людей для подготовки ихъ къ проповѣди христіанства по прибрежьямъ Балтійскаго моря. Судьба этихъ молодыхъ людей неизвѣстна, да и самъ Гаральдъ скоро умеръ. Ему наслѣдовалъ его братъ Кануть II Святой (1080—1086), тоть самый, который дѣлалъ уже набѣгъ на Ливонію. Біографъ этого короля, англійскій монахъ Эльнотъ, разсказываетъ, что онъ покорилъ своей власти куровъ, зембоновъ и эстонцевъ, но объ этомъ древнѣйшая русская лѣтопись (Лаврентьевская) не упоминаетъ ни слова.

Кануту св. наслѣдовалъ Олофъ III (1086—1093), преемникомъ котораго былъ Эрихъ Добродушный (Эйегодъ). Ливонскій лѣтописецъ Брандисъ (1606 года) пишетъ, будто Эрихъ въ 1093 году основалъ, находившійся впослѣдствіи въ Ревелѣ, женскій Михайловскій монастырь. Но извѣстіе это крайне сомнительное: Генрихъ Латышскій, описывая разрушеніе Линданиссы (Ревеля), ни слова не говоритъ о монастырѣ, да и грамота, на которую ссылается Брандисъ, не подлинная.

Кажется, что датскіе короли въ началѣ XII в. приняли титулъ герцоговъ эстляндскихъ, по крайней мѣрѣ въ буллѣ папы Пасхалія II отъ 1104 года, приведенной у Петра Олая, титулъ этотъ уже значится. Булла эти адресована такъ: Illustrisſiue Prīncipi Regi Danorum Slaworumque Erico Egothe, Duce Esthoniae et Domino Nordalbingiae (см. Petri Olai, Chron. regum Daniae I, 119). Около Рингена, Вендена, Верро и Раппина найдено много монетъ англосаксонскихъ и датскихъ отъ XI в., также отъ времени Канута (1017—1035) и Гаральда, такъ что съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ можно принимать, что датскія завоеванія распространялись и на югъ отъ Амовжи.

Впрочемъ эти завоеванія не имѣли въ себѣ ничего прочнаго, — а возникшія въ Даніи вскорѣ послѣ смерти преемника Эрика, Никльса

(Николая), смуты отвлекли вниманіе датчанъ отъ Эстоніи на долгое время, до вступленія на престолъ Вальдемара I Великаго (1157 г.), утвердившаго внутренній порядокъ въ Даніи и распространившаго свои завоеванія на обширныя пространства.

Изъ лѣтописныхъ сказаній о датскихъ завоеваніяхъ въ Ливоніи не видно, чтобы датчане особенно много заботились объ учрежденіи католичества въ этихъ мѣстахъ; не видно, чтобы они посылали сюда священниковъ, чтобы строили католическія храмы, присоединяли къ католичеству ливонскихъ туземцевъ.

Въ то время, когда датчане совершали свои походы на ливонскія побережья, шведы не являлись еще ихъ соперниками, чему, конечно, было причиною смуты и безпокойства въ самомъ шведскомъ королевствѣ Здѣсь, конечно, не мѣсто разсказывать подробности объ этихъ смутахъ, достаточно лишь замѣтить, что шведскіе короли часто вели изнурительныя войны съ датчанами. Послѣдній шведскій король изъ династіи Ивара Вилфадмы (см. выше стр. 38), Эдмундъ Старый, былъ убитъ въ войнѣ съ датчанами. На престолъ явилось много претендентовъ, не замедлившихъ вступить въ борьбу между собою. Наконецъ Инге I, сынъ Стенкиля, учредившаго новую династію, одолѣлъ своихъ противниковъ и управлялъ королевствомъ до 1112 г. Въ 1130 г. изчезла династія Стенкиловъ, начались новыя смуты и споры о престолонаслѣдіи, тянувшіяся много лѣтъ: не до походовъ и внѣшнихъ завоеваній было въ тѣ времена шведамъ. О нимъ словомъ, къ утвержденію католичества въ Ливоніи главнѣйшимъ вбразомъ способствовали не датчане, а нѣмцы, морская торговля которыхъ съ сѣверными державами къ срединѣ XII ст. получили сильное развитіе. Объ этомъ торговомъ движеніи и необходимо упомянуть подробнѣе.

VII. Торговыя сношенія со скандинавскими государствами. — Готландъ и Висби — Появленіе нѣмецкихъ купцовъ въ Ливоніи.

Уже было разсказано выше (см. стр. 30), что именно побуждало скандинавовъ къ ихъ походамъ на иноземные страны. Скандинавскіе дружины при этихъ походахъ собирали громадную добычу всякимъ добромъ и товарами. Религія Одина поощряла собираніе добычи, но много добычи внушало желаніе и выгодно сбыть ея, обмѣнять на что либо для себя получше, и вотъ тотъ-же самый дружинникъ, совершавшій военные походы, при случаѣ является купцомъ: сбываетъ, вымѣниваетъ, продаетъ добычу. Однѣ и тѣже люди, смотря по обстоятельствамъ, были то купцами, то пиратами. Новгородъ или Гольмгардъ, какъ его называли скандинавы, былъ очень выгоднымъ мѣстомъ для сбыта и обмѣна товаровъ, и древнія скандинавскія саги не разъ упоминаютъ, что въ Гольмгардѣ для скандинавскихъ конунговъ скандинавскіе купцы покупали скатерти, ковры, златотканныя одежды, приво-

зимыя сюда изъ мусульманскихъ странъ съ востока и изъ Византіи. Главнымъ пристанищемъ для скандинавовъ, плававшихъ въ новгородскій край былъ городъ Ладога (Альдейгаборгъ скандинавскихъ сагъ). Здѣсь они торговали съ новгородцами, а зимнимъ путемъ и сами являлись въ Новгородъ для торговли. Весною, они возвращались въ Ладогу, чинили свои ладьи и отплывали или на родину, или на морской разбойничій промыселъ. Скандинавскія дружины (см. выше стр. 31) знали два пути въ Византію: нево-ладожскій и западно-двинскій, но еще лучше знали пути по сѣвернымъ морямъ. Имѣются извѣстія, что они проложили морской путь къ самымъ сѣвернымъ краямъ восточной Европы: ихъ торговцы и пираты огибали Норвегію, входили въ Бѣлое море и приставали къ берегамъ сѣверной Двины. Здѣсь, по извѣстію исландскихъ сагъ, лежала обширная Біармія, будто бы богатая серебромъ, золотомъ и мѣхами; здѣсь въ Біарміи купцы-пираты ограбили главное святилище финновъ біармійцевъ храмъ и идола верховнаго ихъ бога Юмалы (см. выше стр. 11).

Мы видѣли (см. выше стр. 39), что наши князья не рѣдко хаживали за море къ скандинавамъ и приводили съ собою скандинавскія дружины, хаживали за море къ скандинавамъ и купцы новгородскіе, смолепскіе и кривскіе. До насъ дошелъ въ подлинникѣ договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича, заключенный въ 1229 г. съ Ригою и Готскимъ берегомъ. Изъ этаго договора (о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ подробнѣе) имѣемъ право заключить, что купцы смоленскіе и полоцкіе хаживали для торговли па Готскій берегъ, т. е. на островъ Готландъ и въ Любекъ. Торговыя сношенія начались, конечно, ранѣе 1229 г., быть можетъ, начались съ того времени, когда Готландъ сдѣлался главнымъ пунктомъ для всей торговли по Балтійскому морю, а такимъ мѣстомъ онъ явился уже въ первой половинѣ XII ст. Новгородскіе купцы хаживали для торга за море къ скандинавамъ. Такъ въ первой новгородской лѣтописи (Пол. Соб. Рус. Лѣт III, 6) подъ 6642 (1134) г. читаемъ: Томъ же лѣтѣ рубоша (посадили въ тюрьму) новгородць за моремъ въ Дони (Даніи). Въ той же лѣтописи подъ 6650 (1142) г. читаемъ: „Въ тоже лѣто приходи Свьйскѣ князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ; и бишася, не уснѣша ничто-же, и отлучиша ихъ 3 лодьѣ, избиша ихъ полутораста“. Значитъ новгородскіе купцы бывали для торга за моремъ раньше 1142 г., бывали, быть можетъ, не только въ XII, но и въ XI столѣтіи.

Но куда собственно главнѣйшимъ образомъ отправлялись русскіе купцы, ведшіе заграничную торговлю по Балтійскому морю?

Почти по самой серединѣ Балтійскаго моря, между Швеціею и нынѣшнею Курляндскою губерніею, находится довольно большой островъ Готландъ. По своему климату и гористой мѣстности, онъ несовсѣмъ удобенъ для земледѣлія, но за то имѣетъ много хорошихъ для море-

ходцевъ бухтъ и много благопріятныхъ условій, чтобы сдѣлаться торговымъ центромъ для странъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю. Въ отдаленнѣйшей древности шведы населяли этотъ островъ и, конечно, не могли не вести такой образъ жизни, какой указала имъ природа острова: они сдѣлались по преимуществу мореходцами и торговыми людьми.

Тѣмъ не мѣнѣе Готландъ долго не игралъ замѣтной роли въ Балтійской торговлѣ. Мореходецъ Вульфстанъ, плававшій по Балтійскому морю въ концѣ IX ст., по возвращеніи въ Англію, только и могъ разсказать королю Альфреду, что на морскомъ пути изъ Шлезвига къ устью Вислы на лѣво лежитъ островъ Готландъ, принадлежащій шведамъ. Даже и въ послѣдующія времена Готландъ такъ мало обращалъ на себя вниманіе, что свѣдущій бременскій каноникъ Адамъ въ своемъ описаніи евроиейскаго сѣвера не уиоминаетъ имени Готланда. А между тѣмъ готландцы въ очень отдаленное время знали дорогу въ Новгородъ и не безъ основаній имъ приписываютъ первую колонизацію острова Даго, западнаго берега острова Эзеля и острова Руно (въ Рижскомъ заливѣ). Въ книгѣ древняго права острова Готланда (Gute Lahg) совершенно вѣрно сказано, что готланцы, будучи еще язычниками, на своихъ корабляхъ являлись для торговли во всѣ земли какъ христіанскія, такъ и языческія. Являлись въ иноземныя страны купцами, скупая мѣстныя произведенія и обмѣнивая ихъ въ другихъ странахъ на другія, они привлекали къ себѣ на свой островъ и иноземныхъ купцовъ. Къ главному готландскому городу, Висби, начали являться торговыя суда шведскія, русскія, датскія, вендскія (славянскія) и нѣмецкія. Торговыя выгоды, еще болѣе права и преимущества, которыя готландцы съумѣли пріобрѣсти для Висби, побуждали иноземцевъ селиться въ этомъ городѣ. Изъ такихъ иноземныхъ колонистовъ наибольшимъ значеніемъ, и по своему количеству и по своимъ оборотамъ, пользовались колонисты — купцы изъ нижне-саксонскихъ и вестфальскихъ городовъ: Сэста, Дортмунта, Минстера, Зельтведеля, Бардовина. Эти колонисты — купцы составляли какъ бы государство въ государствѣ и вослѣдствіи неоднократно ссорились съ готландцами.

Въ тѣ времена Новгородъ и отчасти Смоленскъ составляли очень важные торговые пункты для сѣверныхъ странъ, потому что сюда шли товары изъ Византіи и съ мусульманскаго востока. Новгородъ въ особенности велъ дѣятельную торговлю съ восточными землями и въ Новгородѣ весьма часто являлись иноземные купцы. До насъ дошелъ договоръ новгородцевъ съ нѣмцами и готландцами, относящійся къ 1230 г., латинскій текстъ котораго былъ найденъ въ любекскомъ архивѣ (см. Карамзина Ш, прим. 244). Изъ этого договора оказывается, что купцы, пріѣзжавшіе въ Новгородъ, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ (пріѣзжавшихъ

сухимъ путемъ, горою); въ первой новгородской лѣтописи подъ 1201 г. читаемъ: „И ти все лѣто дъжгево, а Варязи пустиша безъ мира за море . . . а на осень придоша Варязи на миръ; и даша имъ миръ, на всей волѣ своей". Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ. Иноземные купцы въ Новгородѣ имѣли два двора: нѣмецкій и готскій, и каждый дворъ имѣлъ свою церковь — готскій во имя св. Олафа, а нѣмецкій во имя св. Петра. Договоръ опредѣлялъ разныя подробности торга и отношеній иноземныхъ купцовъ къ новгородскимъ. Когда именно появились въ Новгородѣ дворы готскій и нѣмецкій — съ точностію неизвѣстно, быть можетъ, въ первой полов. XII ст.

Не смотря на то, что готландскіе купцы имѣли свои дворы въ Новгородѣ, Готландъ и его главный городъ Висби до средины XII ст. имѣлъ себѣ сильныхъ соперниковъ въ лицѣ купцовъ, торговавшихъ въ другихъ прибалтійскихъ городахъ, въ особенности въ городахъ Шлезвигѣ, Юлинѣ и Сигтунѣ. Но эти города одинъ за однимъ пали, и тогда вся сѣверная торговля перешла въ Висби.

Шлезвигъ еще во времена Карла Великаго славился своими ярмарками и торговлею. Со всѣхъ странъ тогдашней Европы въ Шлезвигскій іортъ являлись купеческіе корабли, въ числѣ которыхъ бывали и русскіе. Въ 1157 г. датскій король Свенъ напалъ на Шлезвигъ, и здѣсь, какъ разсказываетъ Саксонъ Грамматикъ, ограбилъ русскіе корабли, стоявшіе въ гавани. Овладѣвъ грузомъ русскихъ кораблей, онъ заплатилъ имъ жалованье своимъ наемнымъ солдатамъ. Это нападеніе и грабежъ подорвали шлезвигскую торговлю. Иноземные корабли, пишетъ Саксонъ, перестали являться въ шлезвигскій портъ и городъ, нѣкогда цвѣтущій, скоро превратился въ незначительное мѣстечко.

Не менѣе важнымъ торговымъ пунктомъ былъ и славянскій городъ Юлинъ, построенный при устьѣ Одера. Юлинскіе корабли привозили товары въ Новгородъ и Сигтуну, а на юлинскія ярмарки являлись для покупокъ сѣверныхъ продуктовъ саксы, венды и греки въ такомъ значительномъ числѣ, что Адамъ Бременскій причисляетъ Юлинъ къ самымъ большимъ городамъ Европы. Датскій король Канутъ VI, сынъ Вальдемара Великаго, воюя съ балтійскими славянами, сжегъ этотъ городъ и тѣмъ уничтожилъ торговлю юлинскаго порта.

Шведскій городъ Сигтуна, построенный при Меларскомъ озерѣ, составлявшій древнюю столицу баснословнаго Одина и ведшій значительно большую торговлю съ финскими народцами, былъ ограбленъ и разрушенъ эстонскими и карельскими пиратами въ 1189 г.

Такимъ образомъ къ концу XII в. всѣ соперники Готланда погибли, и Висби сдѣлался дѣйствительно центральнымъ пунктомъ сѣверной торговли. Сюда западно-европейскіе купцы начали свозить сельди, сукна и желѣзныя товары, сюда же прибывали товары изъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ: кожа, воскъ, мѣха и товары азіатскаго произ-

водства. Торговля шла очень оживленная и къ готскому берегу начали направляться по преимуществу русскіе товары изъ Новгорода, Смоленска, Витебска и Полоцка.

Въ то самое время когда Висби изъ маленькаго мѣстечка постепенно превращался въ важный торговый пунтъ, возвышались и германскіе города, основывавшіеся первоначаляно для обезпеченія жизни и имущества населенія отъ хищниковъ своихъ и чужихъ. Въ древней Германіи населеніе жило разбросанно, не любило скучиваться на небольшихъ пространствахъ, но нужда заставила переспилить эту нелюбовь, потому что черезъ-чуръ ужь часто на разрозненныхъ жителей нападали враги. При такихъ нападеніяхъ разрозненное населеніе бросалось въ горы и лѣса, но множество захватывалось въ расплохъ, нагонялось и истреблялось во время бѣгства. Чѣмъ же избавиться отъ такой бѣды, если не скучиваніемъ въ удобныхъ мѣстахъ населенія, не обведеніемъ этихъ мѣстъ валами и рвами. Германскій король Генрихъ I Птицеловъ (918—936) въ особенности заботился о постройкѣ городовъ, сводя туда волею и неволею жителей, по преимуществу лучшихъ людей, а лучшими въ тѣ времена считались люди отважные, воинственные. Городъ, наполненный такими людьми, отобьетъ врага и, кромѣ того, дастъ убѣжище у себя и окрестному населенію, ибо Генрихъ иногда употреблялъ для снабженія новыхъ городовъ жителями и такой способъ: онъ бралъ изъ сельскаго населенія девятаго человѣка въ новый городъ, этотъ девятый долженъ былъ держать въ городѣ на готовѣ дворъ, въ которомъ восемь человѣкъ, остававшихся въ селѣ, могли найти убѣжище въ случаѣ войны. При постройкѣ городовъ достигались не однѣ военныя цѣли: городки становились центрами власти свѣтской и церковной и въ то же время центрами промышленности и торговли.

Удержать горожанъ въ городахъ, не давать имъ причинъ и поводовъ уходить во всѣ стороны изъ города, можно было не иначе какъ предоставленіемъ имъ выгодныхъ правъ и преимуществъ, и въ германскіе города, начиная съ XI в., появляются городскія общины, сильныя своимъ единствомъ на столько, что могутъ помогать королямъ въ ихъ безчисленныхъ войнахъ. За оказанную помощь отъ города короли давали городу новыя права и преимущества, новыя льготы, наконецъ начали давать грамоты на вольность. Возникли, преимущественно въ Германіи и Италіи, вольные города, имѣвшіе свою монету, свое войско, ведшіе иногда отъ своего имени войны. Вольные города для взаимной поддержки и главное для защиты своихъ торговыхъ каравановъ отъ нападеній хищниковъ заключали союзы между собою. Такъ въ сѣверной Италіи образовался союзъ ломбардскихъ городовъ, позднѣе въ Германіи ганзейскій и рейнскій союзы. Изъ нѣкоторыхъ городовъ образовались даже цѣлыя торговыя государства (Венеція, Генуя).

Устройство германскихъ городскихъ общинъ въ главныхъ чертахъ было одно и тоже. но въ частностяхъ замѣчалось такое разнообразіе, что не было даже двухъ городовъ, которыхъ законодательство и право были-бы совершенно одинаковы. Съ теченіемъ времени болѣе другихъ распространилось такъ называемое Магдебургское право, Магдебургское устройство городской общины, проникшее впослѣдствіи даже и въ Западную Россію.

Мы уже видѣли съ какою цѣлію было основано бременское архіепископство и какого важнаго значенія въ католическомъ мірѣ достигало оно при архіепископѣ Адальбертѣ (см. выше стр. 43). Торговое значеніе Бремена начало дѣлаться значительнымъ по мѣрѣ того какъ возвышалось значеніе бременскаго архіепископа. При Адальбертѣ, когда Бременъ сдѣлался мѣстомъ откуда сѣверныя страны получали себѣ священниковъ и епископовъ, когда въ Бременѣ стали являться посольства изъ отдаленныхъ странъ, когда въ этомъ городѣ появились великолѣпныя церкви и монастыри, оживилась и торговля. Бременскіе торговые корабли появились на Нѣмецкомъ морѣ, скоро стали являться и въ Висби на Готландѣ, куда, какъ сказано выше, съѣзжались купцы изъ разныхъ странъ для выгоднаго торга. Одновременно съ Бременомъ начали возвышаться и другіе германскіе города, купцы которыхъ завели въ Висби свои амбары и конторы, но нѣкоторые не удовольствовались тѣмъ: посредничество Готланда, какъ не было выгодно, но, конечно, не могло доставлять столько барышей, сколько бы можно получить при прямыхъ сношеніяхъ съ народами, купцы которыхъ доставляли въ Висби товары, находившіе себѣ большой сбытъ въ Европѣ: мѣха, кожи, воскъ и пр. Явилась мысль завязать прямыя торговыя сношенія съ этими народами съ тѣмъ, чтобы получать отъ нихъ товары изъ первыхъ рукъ, безъ всякаго посредничества. Эти народы жили по восточному побережью Балтики: отыскать гдѣ либо удобную пристань на этомъ побережьи сдѣлалось задачею нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ нѣмецкихъ купцовъ. Они рѣшились попытать счастья: снарядили корабль, нагрузили его товарами, какіе русскіе вымѣнивали для себя въ Висби, и подъ руководствомъ человѣка, ѣзжавшаго по Балтійскому морю, отправились на поиски.

Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что корабль этотъ былъ бурею загнанъ въ Рижскій заливъ и устье Двины. Купцы, очевидно, пробирались къ сѣверу, быть можетъ, въ Эстлянію, куда до нихъ датчане направляли свои походы (см. выше стр. 45). Нѣмецкіе купцы открыли случайно устье Двины: они не знали вовсе этихъ мѣстъ, бывшихъ извѣстными скандинавскимъ мореходцамъ. Послушаемъ, однако что говорятъ древніе ливонскія лѣтописи объ этомъ событіи, по видимому такомъ ничтожномъ, но повлекшемъ за собою послѣдствія весьма важныя, — именно утвержденіе нѣмцевъ въ Ливоніи.

Въ древнѣйшей ливонской хроникѣ, а такою есть хроника Генриха Латышскаго, въ 1 гл. § 2 упомянуто лишь вскользь, что „нѣмецкіе купцы, находясь въ дружбѣ съ ливами, не разъ бывали въ ихъ землѣ и на корабляхъ приставали къ устьямъ Двины.“ Въ варіантѣ къ гл. 29, § 9 той лѣтописи упомянуто, что въ Лифляндіи совершилось много славнаго при обращеніи язычниковъ къ христіанство въ теченіе 67 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ лифляндская гавань впервые была открыта бременскими купцами. Но это мѣсто въ лѣтописи считается интерпелированнымъ.

Въ другой древней ливонской лѣтописи, именно въ Рифмованной Хроникѣ (Livländische Reimchronik, писанной въ концѣ XIII ст.), со стиха 113 до 485, изложены нѣкоторыя подробности о первоначальномъ прибытіи нѣмцевъ въ Ливоніи. Однажды богатые и уважаемые купцы, разсказываетъ лѣтописецъ, были завезены человѣкомъ, знакомымъ съ чужими землями, въ Балтійское море къ тому мѣсту, гдѣ впадаетъ рѣка Двина, вытекающая изъ Русской земли (von Russen lant), по этой рѣкѣ жили язычники: ливы, зелы, русскіе. Знали нѣмцы, что являться сюда опасно, но они были занесены сюда бурею. Немедленно послѣ ихъ прибытія, толпы язычниковъ, прибывшія частью на лодкахъ, а частію и по сушѣ, напали на нѣмцевъ, чтобы перебить ихъ и овладѣть ихъ имуществомъ. Нападеніе было отражено: нѣмцы переранили многихъ язычниковъ, которые, видя что силою ничего не подѣлаютъ, предложили христіанамъ миръ. Христіане обрадовались предложенію, сошли съ корабля на землю и начали мѣновую торговлю съ язычниками, очень для себя выгодную. Купцы подарили язычникамъ меду и вина, возвратились въ свои земли и за тѣмъ пріѣзжали не разъ въ Ливонію, гдѣ были желанными гостями, и хорошо торговали. Они проникли миль на шесть во внутрь страны, и съ позволенія язычниковъ, выстроили на одной горѣ городокъ (бургъ), въ которомъ можно было бы безопасно продолжать торговлю. Этотъ городокъ былъ названъ Икскулемъ.

Прибытіе нѣмцевъ къ устью Двины Рифмовская Хроника относитъ къ началу сороковыхъ годовъ XII в. (ранѣе 1143 года). Позднѣйшія лѣтописныя сказанія лишь повторяютъ разсказъ Рифмованной Хроники. Такъ лѣтописецъ XVI в. Рюссовъ пишетъ (см. Прибалт. Сбор. II, 172—174): Въ лѣто Господа нашего 1158, во времена императора Барбароссы, къ Ливоніи подъѣхали на парусныхъ судахъ бременскіе купцы, и противъ воли были прибиты бурею и непогодой къ мѣстности, обитаемой ливами, гдѣ нашли злой, языческій народъ. И когда язычники замѣтили христіанскихъ купцовъ, то обошлись съ послѣдними самымъ жестокимъ образомъ, ограбили имущество и многихъ убили. Купцы оборонялись, стрѣляя, бросая въ непріятеля камни пращами и вступая въ рукопашный бой, и также убили многихъ язычниковъ. Наконецъ заключили миръ, который обѣ стороны съ

клятвой обѣщали сохранять. Тутъ купцы обрадовались, ободрились и смѣло стали ѣздить въ эту страну, потому что имъ казалось, что самъ Богъ иослалъ ихъ сюда. И у нихъ было много добра на корабляхъ, которое они обмѣняли съ большою выгодою и барышомъ на другой товаръ. Тогда они заключили миръ еще крѣпче съ язычниками — ливонцамп такъ, чтобы они часто могли снова пріѣзжать, и чтобы тѣ, которые пріѣдутъ съ ними и захотятъ вести торгъ, были включены въ миръ и встрѣчены привѣтливо. Это случилось въ устье Двины въ Ливоніи, и бременскіе купцы поѣхали въ свою страну, и снова часто пріѣзжали со своимъ товаромъ, пріѣзжали и многіе другіе купцы въ большомъ числѣ, которые всѣ были хорошо принимаемы. И это продолжалось долгое время, и имъ посчастливилось. Наконецъ, они со своимъ товаромъ пробрались въ эту страну на 6 миль, и сложили тамъ свой товаръ съ согласія язычниковъ, и многіе купцы остались на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ язычники дали имъ право построить торговый домъ (факторію). Тогда они выстроили великолѣпное зданіе у Двины на горѣ и замокъ (бургъ, городокъ) такой крѣпкій, что въ немъ могли сидѣть смѣло; и городокъ этотъ былъ названъ Укскуль Но язычники не думали, что изъ этаго для нихъ выйдетъ что либо дурное. Не долго спустя былъ выстроенъ и домъ (замокъ) Даленъ. Это были первыя крѣпости христіанъ въ Ливоніи

Другіе лѣтописцы дополняютъ первоначальный разсказъ Риѳмованной Хроники подробностями, но уже вымышленными.

Не имѣемъ ни причинъ, ни поводовъ отвергать первоначальныхъ ливонскихъ свидѣтельствъ о прибытіи нѣмецкихъ купцовъ къ устью Двины, но какіе же были эти купцы, къ какому времени относится ихъ прибытіе? Большинство изслѣдователей полагаютъ, что то были бременскіе купцы; Гельбаумъ въ новѣйшее время доказываетъ, что то были купцы изъ Любека, стариннаго славянскаго города, разрушеннаго въ 1143 г. графомъ Адольфомъ Гольштейнъ-Шаумбургскимъ и въ 1158 г. перенесеннаго на его нынѣшнее мѣсто на рѣкѣ Травѣ. Трудно сказать въ какомъ именно году впервые появились нѣмецкіе купцы въ усть-двинскихъ мѣстахъ По варіанту къ § 9 глав. 29 лѣтописи Генриха, это было въ 1158 или 1159 году; по Рифмованной Хроникѣ это было ранѣе 1143 г. — Гельбаумъ (Hans. Geschichtsbl.; 1872 г.) полагаетъ, что установленіе прочной торговли нѣмецкихъ купцовъ съ Ливоніею слѣдуетъ отнести къ промежутку времени между 1164—1170 или даже 1180 годами. Безъ большой ошибки можно, слѣд., принимать, что нѣмецкіе купцы начали посѣщать придвинскія мѣста съ половины XII ст. и, начавъ тутъ торговать съ ливами, нашли эту торговлю очень для себя выгодною, что верстахъ въ 40 отъ устья на Двинѣ устроили амбары и домъ для своихъ конторъ. Явилась колонія, городокъ Укскуль (нынѣ Икскуль). Ни ливы, ни русскіе не препятствовали появленію нѣмецкой колоніи, потому

что для нихъ было выгодно имѣть дѣло съ покупателями и продавцами безъ всякаго посредничества какихъ либо другихъ конторъ, не подвергаясь риску морской перевозки товаровъ въ Висби. Не препятствовали еще и потому, что нѣмецкіе купцы, кто бы они ни были — бременцы или любекцы или другого какого города — на первыхъ порахъ не имѣли рѣшительно никакихъ миссіонерскихъ или завоевательныхъ плановъ.

Но однакоже миссіонерскіе, а потомъ и завоевательные планы явились, потому что время въ половинѣ XII ст. было временемъ сильнаго возбужденія религіознаго чувства во всей Западной Европѣ. Крестовые походы были въ это время въ полномъ разгарѣ: крестоносцы стремились въ Палестину на борьбу съ невѣрными, государи же сѣверныхъ державъ изъ того же религіознаго чувства стремились къ обращенію въ католичество язычниковъ, обитавшихъ по Балтійскому побережью: языческихъ славянъ, литовскихъ и финскихъ народцевъ. Польскій, нѣмецкій и датскій короли употребляли особенныя усилія на обращеніе въ католичество народовъ, обитавшихъ по южному берегу Балтики. Со стороны Польши проповѣдь пошла къ пруссамъ; датскій король Вальдемаръ I почти во все свое царствованіе (1157—1179) велъ упорную борьбу съ венедами; шведы въ это время направили свою миссіонерскую дѣятельность на Финляндію.

Въ Швеціи христіанство утвердилось и сдѣлалось господствующею религіею въ началѣ XII вѣка. Тамъ въ 1130 г., со смертію короля Инге II, прекратилась династія Стенкиля. Начались споры о престолонаслѣдіи и за тѣмъ явились два владѣтельные дома — готскій и шведскій, борьба между которыми продолжалась до 1222 года. Одинъ изъ готскихъ королей, Эрихъ IX (1150—1160), человѣкъ благочестивый, причисленный впослѣдствіи католическою церковью къ лику святыхъ, совершилъ въ 1156 г. миссіонерскій походъ въ нынѣшнюю Финляндію. Очень возможно, что къ походу на Финляндію побудилъ короля Эриха папа Адріанъ, посѣтившій до своего избранія въ 1152 г. Швецію въ качествѣ папскаго легата. Король собралъ крестоносцевъ и въ сопровожденіи епископа упсальскаго Генриха и священниковъ высадился въ нынѣшнемъ Або. Финнамъ предложили католичество и потребовали дани. Когда язычники отказались и отъ того и отъ другого, то шведы употребили въ дѣло оружіе и силою принудили финновъ креститься. Король въ тоже лѣто 1157 г. возвратился домой, но епископъ Генрихъ остался въ Финляндіи и съ проповѣдью христіанства дошолъ до Кокемы. Зимою 1158 г. онъ былъ убитъ однимъ финскимъ язычникомъ. Послѣ него дѣло проповѣди продолжали миссіонеры Рудольфъ (1158—1178) и Фольквинъ, но христіанство между финнами распространялось крайне медленно, появленіе же шведовъ въ Финляндіи и ихъ завоевательные планы не могли не тревожить новгородцевъ, не безъ основаній боявшихся

за безопасность своихъ предѣловъ отъ шведскихъ вторженій. Очень возможно, что новгородцы мѣшали дѣйствіямъ шведовъ въ Финляндіи и что вслѣдствіе этаго шведы сдѣлали нападеніе на Ладогу. Въ новгородской первой лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 13) подъ 6672 (1164) г. читаемъ: «Придоша Свье подъ Ладогу, и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомъ съ Нѣжатою, а по князя послаша и по новгородцѣ». Далѣе разсказывается, что шведы ничего не могли сдѣлать городу, отступили къ рѣкѣ Воронаи; князь Святославъ съ новгородцами прибылъ на помощь, сразился со шведами 28 мая, и разбилъ ихъ. Въ 1178 г. король ходилъ на финновъ, которые взяли Рудольфа въ плѣнъ и умертвили его. Въ 1186 г. новгородцы ходили на Емь (ходиша молодьци о Вышатѣ о Василевици, и придоша опять здорови, добывше полона, сказано въ первой новгородской лѣтописи). Но новгородцы на этомъ не остановились: въ 1187 г. соединились съ финскими народцами, они вторглись въ самую Швецію, на ладьяхъ вошли въ Меларское осеро, разрушили 14 іюня торговый городъ Сигтуну, умертвили упсальскаго архіепископа Іоанна и возвратились съ большою добычею. Между прочимъ изъ Сигтуны они увезли церковныя врата, которыми украсили соборную церковь новгородскую (см Карамзина Ш, и прим. 85). Въ 1191 г. новгородцы снова ходили на Емь, а въ 1198 г. сожгли самый городъ Або. Разореніе Або на нѣсколько лѣтъ пріостановило обращеніе финновъ въ католичество.

Успѣхи шведовъ въ Финляндіи побудилъ къ попыткамъ распространить католичество въ земляхъ по другую сторону Финскаго залива, въ земляхъ Эстоніи. Реймскій абать Петръ, предназначивъ для проповѣди эстонцамъ своего ученика, монаха Фулько, отправилъ его къ лундскому архіепископу Эскину, который и посвятилъ его въ епископы. Изъ Лунда Фулько отправился къ папѣ (вѣроятно въ 1169 г.) Александру Ш, который одобрилъ его намѣреніе проповѣдывать христіанство въ Эстоніи и писалъ къ сѣвернымъ государямъ и властителямъ, чтобы они поддержали Фулько. Независимо этаго папа далъ разрѣшеніе грѣховъ на цѣлый годь всѣмъ, которые изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи отправятся на борьбу съ эстонскими язычниками и отпущеніе всѣхъ грѣховъ тѣмъ, которые падуть на полѣ брани. Можно было расчитывать, что датскіе короли въ особенности поддержатъ предпріятіе Фулько, потому что ихъ владѣнія на южномъ побережьи Балтійскаго моря подвергались нападеніямъ со стороны куронскихъ и эстонскихъ язычниковъ — пиратовъ, которые овладѣли было островомъ Эландомъ и были въ 1170 г. истреблены датчанами послѣ отчаяннаго боя, но, однако же, на дѣлѣ Фулько не получилъ ни отъ кого никакой существенной помощи и не являлся даже въ Эстоніи.

Вообще не скандинавамъ суждено было положить начало католичества въ Ливоніи. Католическая пропаганда началась на берегахъ

Двины не со стороны скандинавовъ, не съ ихъ попытокъ овладѣть Эстоніею, а началась съ того времени, когда въ Икскулѣ появились купеческія конторы нѣмецкихъ купцовъ, когда въ Икскулѣ появился наконецъ дѣйствительный проповѣдникъ католичества, монахъ Мейнгардъ. Но если никакой проповѣди католичества до Мейнгарда не было въ Ливоніи, если никто изъ ливонскихъ туземцевъ не былъ католикомъ до Мейнгарда, то не существовало-ли православіе между ними до Мейнгарда, не шла ли къ нимъ проповѣдь православія съ стороны Россіи, отъ которой земли эсто-латышей не отдѣлялись никакими естественными границами? Разсмотримъ этотъ вопросъ прежде чѣмъ начнемъ изложеніе дѣятельности Мейнгарда въ Ливоніи.

VII. Существовало-ли православіе въ Ливоніи до появленія и утвержденія въ ней нѣмцевъ.

Было уже выше сказано (стр. 22), что полоцкіе князья въ отдаленное время, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе появленія въ устьдвинскихъ мѣстностяхъ нѣмцевъ, имѣли на Двинѣ два укрѣпленные городка: Кукейносъ и Герсикъ, и что на Амовжѣ еще Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1030 г. былъ основанъ Юрьевъ. Имѣется нѣкоторыя данныя полагать, что русскіе жили и въ другихъ мѣстахъ Ливоніи. Такъ въ 1-мъ томѣ Urkundenbuch Бунге (подъ № 101, а) упоминается о русскихъ селахъ, Вендекулѣ и Квевелѣ, лучше которыхъ едва-ли можно было найти въ Викѣ (эзельской епархіи). Эти поселки были пожалованы эзельскимъ епископомъ динаминдскому монастырю. За тѣмъ, въ документѣ № 518 того же сборника, упоминается о русской деревнѣ Вендеверѣ, которую датскій король Вальдемаръ утвердилъ за монастыремъ св. Михаила въ Ревелѣ. Въ той же книгѣ подъ № 1182 г. упоминается о существованіи въ 1382 г. близь Эрмы (въ нынѣшнемъ Венденскомъ уѣздѣ) русской деревни — Russen Dorp — имѣвшей 26 гаковъ земли, принадлежавшей рыцарю Іоанну Тизенгаузену.

Изъ лѣтописи Генриха (гл. XI) узнаемъ, что во время епископства Альберта княземъ Кукейноса, въ 1207—1208 г., былъ Весцека (искаженное Вячеславъ или Вячко) тотъ самый Вячко, который впослѣдствіи былъ княземъ въ Юрьевѣ и въ августѣ 1224 г., во время штурма этого города нѣмцами, былъ убитъ. Древній Кукейносъ былъ окруженъ земляннымъ валомъ; замокъ (княжій дворъ) находился внутри города. Въ 1208 г. русскіе, видя невозможность бороться съ Альбертомъ, сами покинули Кукейносъ. Вячко удалился въ Россію, его дружина и русскіе жители зажгли замокъ (княжій дворъ) и бѣжали (говоритъ Генрихъ) каждый своею дорогою, а жившіе въ Кукейносѣ латыши и зелоны скрылись въ чащѣ лѣсовъ. Рижане преслѣдовали

бѣглецовъ и Кукейносъ запустѣлъ. Въ слѣдующемъ 1209 г. (см. у Генриха гл. XIII, § 1) Альбертъ съ войскомъ прибылъ въ Кукейносъ и приказалъ очистить и укрѣпить его вновь. Въ Кукейносѣ былъ построенъ новый прочный замокъ*).

Изъ разсказа Генриха не видно, чтобы въ древнемъ Кукейносѣ была православная церковь, но быть же не можетъ, что въ мѣстопребываніи князя не было церкви. По всей вѣроятности церковь была, но сгорѣла со всѣми зданіями въ 1208 г.

Герсикскимъ княземъ въ началѣ XIII в. былъ Всеволодъ (Висевальде, какъ его называетъ Генрихъ). Онъ былъ, по свидѣтельству Генриха (гл. XIII, § 4), ожесточеннымъ врагомъ латинянъ, и женатый на дочери литовскаго князя Даугерута постоянно враждовалъ съ нѣмцами Esset Gercike semper in laqueum et quasi in diabolum magnum omnibus in ipsa parte Dunae habitantibus, baptizatis et nun baptizatis (былъ Герсикъ всегда какъ бы дьявольскою сѣтью для всѣхъ жителей этой стороны Двины, крещеныхъ и некрещеныхъ), потому-то епископъ въ октябрѣ 1209 г и двинулся на Герсикъ. Русскіе выступили на встрѣчу, но не выдержали натиска, бѣжали въ городъ, а за ними въ ворота ворвались и нѣмцы. Всеволодъ бѣжалъ за Двину, нѣмцы же захватили въ плѣнъ его жену и ограбили городъ. „И собрали они, пишетъ Генрихъ, въ гл. XIII, § 4 свой лѣтописи, много добычи, снося со всѣхъ угловъ города одежду и серебро и пурпуръ и сгоняя скотъ въ множествѣ, и взяли изъ церквей колокола и иконы (campanas et yconias), и деньги, и много добра (pecuniam et bona multa)". Обобравъ Герсикъ и забравъ въ плѣнъ жителей, они зажгли его.

Изъ разсказа Генриха о взятіи и сожженіи Герсика имѣемъ полное право заключить, что въ этомъ городѣ были православныя церкви, не одна, а нѣсколько, ибо онъ говоритъ о взятіи колоколовъ и иконъ не изъ одной церкви, а изъ нѣсколькихъ, de ecclesiis, а не de ecclesiae. Герсикъ, однако же, на этотъ разъ еще не опустѣлъ. Въ главѣ XVIII, § 4 Генрихъ разсказываетъ о вторичномъ нападеніи нѣмцевъ на Герсикъ, произведенномъ въ 1214 г; въ главѣ XXIX, § 4 онъ упоминаетъ, будто герсикскій князь Всеволодъ пріѣзжалъ въ Ригу къ панскому легату, епископу Вильгельму, но это едва-ли вѣрно: имѣется извѣстіе (см. Mon. Liv. ant. III, 78) что Всеволодъ былъ убитъ во время вторичнаго нападенія на Герсикъ и самый городъ былъ разрушенъ. Съ тѣхъ поръ. т. е. съ 1214 г. герсикскій

*) Этотъ замокъ (лучше сказать крѣпость) существовалъ очень долго. Въ 1577 г. въ немъ былъ Іоаннъ Грозный. Въ 1700 г. шведы, видя невозможность защищать кокенгузенскойю крѣпостцу противъ русско-саксонскихъ войскъ, покинули ее, взорвавъ стѣны. Съ тѣхъ поръ кокенгузенскій замокъ возобновляемъ небылъ, и въ настоящее время представляетъ собою однѣ развалины.

замокъ возобновляемъ не былъ и самое имя Герсика съ XIV ст. уже нигдѣ не упоминается въ документахъ *).

Какъ было ни было, изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Генриха можно безошибочно заключить, что ливонскіе туземцы, жившіе подъ Кукейносомъ и Герсикомъ, не могли не знать, что у русскихъ имѣются церкви съ иконами и колоколами, что въ этихъ церквахъ совершается богослуженіе, что русскіе имѣютъ вѣру, неимѣющую ничего общаго съ язычествомъ. Но распространялось-ли православіе изъ Кукейноса и Герсика между ливонскими туземцами, обитавшими поблизости этихъ городковъ, въ предѣлахъ кукейноскаго и герсикскаго княжествъ?

Генрихъ въ XVI гл. § 2 своей лѣтописи пишетъ: Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcunque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subiicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare. Т. е. Таковъ былъ обычай русскихъ князей, что при покореніи народовъ, они подчиняютъ ихъ себѣ не для приведенія въ христіанскую вѣру, а лишь для того, чтобы они платили имъ подати и деньги.

Не имѣемъ ни причинъ, ни поводовъ оспаривать эти слова Генриха, потому что и въ самомъ дѣлѣ наши князья, подчиняя себѣ разныхъ инородцевъ, налагали на нихъ дани, но не навязывали имъ христіанства, не принуждали ихъ къ принятію православія оружіемъ. Такъ дѣйствовали всѣ областные русскіе князья по отношенію къ подчиняемымъ имъ инородцамъ, такъ дѣйствовали и князья полоцкіе, подчинившіе своей власти придвинскихъ туземцевъ. Но именно за это и осуждаетъ ихъ Генрихъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ XXVIII, § 4 онъ пишетъ: „Названная (эстонская) церковь никоимъ способомъ не могла освободиться отъ столь великой

*) Съ именемъ Герсика соединено темное, отдаленное преданіе, хотя и не имѣющее за собою никакихъ историческихъ доказательствъ, но тѣмъ не менѣе весьма вѣроятное.

Описывая въ XVIII гл. § 4 вторичное нападеніе нѣмцевъ на Герсикъ, Генрихъ говоритъ, что кукейноскіе рыцари, приблизившись ночью къ герсикскому замку, захватили какого-то русскаго и, связавъ его, повели къ замку. Русскій перелѣзъ чрезъ ровъ, какъ ему было приказано, и началъ говорить съ часовымъ, а за русскимъ шли прочіе нѣмцы одинъ за другимъ. Часовой подумалъ, что это идутъ находившіеся въ отсутствіи свои русскіе (suos cives), и не дѣлалъ тревоги. Нѣмцы влѣзли на валъ и начали стеречь, чтобы никто изъ русскихъ до свѣту не вышелъ изъ замка. Съ разсвѣтомъ они ворвались въ замокъ, ограбили все, что тамъ было (rapuerent omnia, quae, erant ibidem), взяли многихъ въ плѣнъ, а другимъ дозволили спастись бѣгствомъ (alios per fugam evadere permiserunt).

Бѣглецы, разсказываетъ преданіе, переправились на лѣвый берегъ Двины и поселились между курляндскими латышами. Отъ этихъ именно бѣглецовъ и ведетъ свое начало русская слобода, возведенная курляндскимъ герцогомъ Яковомъ въ 1670 г. на степень города съ наименованіемъ его въ честь герцога *Якобштатомъ*. Латыши не прерывали связей съ русскою слободою, въ которой, конечно, была и церковь. Въ Якобштатѣ въ 1675 г. была построена деревянная свято-духовская церковь (нынѣ возобновленная стараніями Прибалійскаго Спасскаго въ Петербургѣ братства). Разсказываютъ, что въ этой церкви еще находилась древняя плащаница, относившаяся къ 1300 или къ 1400 году, но куда она дѣлась и гдѣ находится въ настоящее время неизвѣстно. Какъ бы то ни было, по лифляндскіе латыши изъ бывшей Герсикской волости будучи уже лютеранами, являлись въ Якобштатскую церковь, гдѣ служили молебны, запасались святою водою. Такъ была изстари, и такъ продолжается по нынѣ.

военной опасности, ибо она была еще малою и слабою, ее (могла освободить) лишь ливонская (рижская) церковь, которая всегда была ея истинною и первою матерью по трудамъ покоренія, и которая родила ее банею пакибытія (въ вѣрѣ) Іисуса Христа; хотя многіе матери несправедливо овладѣвали этою дочерью и всегда лживо присвоивали ее себѣ, къ числу которыхъ принадлежитъ русская церковь, всегда безплодная и бездѣтная, которая приводитъ земли подъ свое иго не изъ надежды возрожденія ихъ въ вѣрѣ Господа Іисуса Христа, а изъ надежды на дани и добычи".

Генрихъ негодуетъ на русскихъ, что они не крестили ливонскихъ туземцевъ силою, какъ крестили нѣмцы. Въ укоризнѣ этой скрывается, однако, та отрадная истина, что наши древніе князья издревле никого изъ языческихъ своихъ подданныхъ не принуждали къ православію, но крестили единственно желавшихъ добровольно креститься. Въ нашихъ лѣтописяхъ не сохранилось извѣстій не только о распространеніи православія среди латышей изъ Герсика и Кокенгузена, но и о самомъ Герсикѣ и Кокенгузенѣ. Въ Герсикѣ были церкви, были священники, не можетъ же быть, чтобы бы не было и крещенныхъ туземцевъ въ волости, но допустимъ, что не было. У того же Генриха имѣются другія свидѣтельства, что если православіе не шло къ латышамъ изъ Герсика и Кокенгузена, то уже несомнѣнно шло изъ Пскова, — древняго города, основаннаго кривичами же. Въ главѣ XI, § 7 онъ пишетъ:

„Въ это же время (въ 1207 г.) священникъ Алобрандъ съ нѣсколькими другими былъ посланъ въ Унганію*) получить обратно (requirere) товары (bona) купцовъ, отнятые у нихъ до построенія Риги (1201 г.), когда они на повозкахъ (саняхъ, vehiculis) везли (тѣ товары) съ Двины къ Пскову (Plescekowe); унганійцы, по внушенію ливовъ, ограбили товары; много было товаровъ, марокъ на 1000 и больше. Унганійцы, однако, ни товаровъ не возвратили, ни отвѣта, когда возвратятъ, не дали. Посему Алобрантъ, мало заботливый о томъ, а болѣе внимательный къ другимъ предметамъ, возвращается назадъ и на дорогѣ предлагаетъ леттгаламъ (т. е. латышамъ), живущимъ около Имеры**), слово Божіе о принятіи крещенія, особенно когда уже вся Ливонія (земля ливовъ) и многіе изъ летгалловъ приняли слово Божіе. Они были рады приходу священника, такъ какъ часто были опустошаемы литовцами (Letthonibus vastati) и всегда угнетаемы ливами, и надѣялись, что чрезъ нѣмцевъ (per Teutonicos) получатъ облегченіе и защиту себѣ, потому съ радостію приняли слово Божіе. Однакожъ напередъ они бросили жребій и

*) Ungannia, иначе Угепоисъ, Огонія — это мѣстность между Оденпэ (Медвѣжья Голова) и Дерптомъ, населенная чудью — тормою.

**) Имера, нынѣ Зедда — рѣчка впадающая въ Буртнекское озеро; за этой рѣчкой начиналась эстонская (чудская) земля Саккала.

испрашивали отвѣта у боговъ своихъ: принять-ли имъ крещеніе псковскихъ русскихъ, которые вмѣстѣ съ другими летгалламя Толовы*) держатся греческой вѣры, или же крещеніе латинянъ и нѣмцевъ. Ибо русскіе въ ихъ время (eorum tempore) приходили крестить своихъ летгалловъ Толовы. всегдашнихъ данниковъ ихъ (venerant baptizantes LetingaNos suos de Tholowa, sibi semper tributarios). Жребій палъ на латинянъ и они причислены съ ливскою церковью къ рижанамъ (et annumerati sunt cum Livoniensi Ecclesia Rigensibus). И крестилъ Алобрандъ нѣкоторыя деревни (villas) и возвратился въ Ригу и донесъ обо всемъ епископу . . .“

Изъ этой выписки и въ особенности изъ словъ „въ ихъ время“ (eorum tempore) можно бы заключить, что русскіе, до самаго прибытія латинцевъ не проповѣдывали христіанства ливонскимъ туземцамъ вовсе, а начали заботиться объ обращеніи ихъ въ православіе лишь съ прибытіемъ нѣмцевъ, лишь во времена епископства Альберта, но, однакоже, такое заключеніе было-бы черезъ-чуръ поспѣшно.

Имерскіе латыши были ближайшіе сосѣды латышей толовскихъ. Изъ словъ Генриха имѣемъ право заключить, что еще до прибытія священника Алобранда они уже слышали о принятіи православія ихъ толовскими земляками и знали разницу между крещеніемъ т. е. обрядомъ крещенія, существовавшимъ у православныхъ русскихъ, и обрядомъ латинскимъ (погруженіе въ воду у православныхъ и окропленіе св. водою у латинянъ), иначе съ какой бы стати они бросали жребій и совѣтовались со своими богами? Генрихъ пишетъ: ибо русскіе въ ихъ время приходили крестить летгалловъ Толовы, всегдашнихъ данниковъ своихъ. Но въ какое же именно ихъ время, eorum tempore? Въ то-ли время, когда имерскіе латыши приняли крещеніе отъ Алобранда, или въ другое? И при томъ что это значитъ: приходили крестить (venerant baptizandes)? Генрихъ ничего этого не объясняетъ. Но вотъ что пишетъ Гіернъ (Hiärns Chron , стр. 79): „Имерскіе латыши (подобно толовскимъ) были подвластны псковскимъ русскимъ (псковичамъ); которые иногда (dann und wann) *во всѣ мѣста* посылали (herumsandten) священниковъ совершать крещеніе, если кто добровольно принималъ вѣру (православіе); они, имерскіе латыши, сначала не рѣшались принять крещеніе отъ русскаго священника“ . . . Этимъ свидѣтельствомъ объясняются слова Генриха: venerant baptizantes. Псковскіе священники по временамъ объѣзжали и Толову и мѣстности по Зеддѣ и совершали крещеніе какъ надъ желавшими принять православіе взрослыми, такъ и надъ дѣтьми, рожденными отъ православныхъ латышей. Они и приходили крестить eorum tempore, т. е. въ ихъ время, до прихода Алобранда. Мѣстныхъ

*) Толова — мѣстность отъ нынѣшняго Вэлка до Маріенбурга. — Толовскіе латыши были сосѣдями унганійцевъ. Отъ Пскова дорога къ нимъ шла на Изборскъ и Печоры.

священниковъ, мѣстныхъ православныхъ приходовъ, еще не было, но во всякомъ случаѣ объѣзды священниковъ для совершенія крещенія и др. таинствъ происходили, слѣд. православіе между латышскими племенами существовало если далеко не повсемѣстно, то мѣстами гораздо ранѣе прихода къ нимъ латинскихъ священниковъ.

Генрихъ въ своей лѣтописи пишетъ, что толовскій старшина Талибальдъ и его сыновья, Рамеко, Друнвальдъ и Вараболь, были православные. Въ гл. XVШ, § 3 онъ говоритъ: „И тутъ (въ Торейду, нынѣшній Трейденъ въ 1214 г.) пришли къ нему (рацебургскому епископу Филиппу) сыновья Талибальда толовскаго, Рамеко съ братьями своими, и предали себя власти епископа, обѣщая перемѣнить христіанскую вѣру, принятую отъ русскихъ на обрядъ латинянъ, платить ежегодно съ 2-хъ унковъ*) по мѣрѣ зерноваго хлѣба, съ тѣмъ чтобы епископъ всегда защищалъ ихъ какъ въ мирное, такъ и военное время: они съ нѣмцами будутъ составлять едино сердце и едину душу и получатъ всегдашнюю защиту отъ эстовъ и летоновъ. И епископъ принялъ ихъ съ радостію, и потомъ послалъ вмѣстѣ съ ними своего священника, который былъ недалеко отъ Иммеры, съ тѣмъ, чтобы этотъ священникъ исполнилъ имъ таинство вѣры и преподалъ имъ хрпстіанское ученіе“.

Очевидно, что Рамеко съ братьями перешли въ латинство изъ за житейскихъ расчетовъ (отецъ ихъ остался православнымъ). Но если толовскій старшина съ сыновьями были православные, то не имѣемъ-ли права заключить, что православіе между толовскими латышами во время Альберта было распространено уже довольно значительно.

Вообще изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ древнѣйшимъ ливонскимъ лѣтописцемъ Генрихомъ, имѣемъ право заключить:

1) Туземцы, обитавшіе на правой сторонѣ Двины (ливы и латыши), до времени прихода нѣмцевъ, были данниками полоцкаго князя.

2) Полоцкіе князья не заботились закрѣпить за собою устья Двины постройкою укрѣпленнаго города въ родѣ тѣхъ укрѣпленныхъ городковъ, какія они имѣли на Двинѣ (Герсикъ и Кукейносъ).

3) Въ Герсикѣ несомнѣнно, а въ Кукейносъ вѣроятно, были православныя церкви до появленія къ устьяхъ Двины нѣмцевъ, были церкви, были слѣд. и прихожане.

4) Православіе между латышами, обитавшими внѣ Герсикской и Кукейноской волостей (имерскими и толовскими), начало распространяться изъ Пскова гораздо ранѣе появленія между ними латинскихъ священниковъ. Мѣстныхъ православныхъ приходовъ и постоянныхъ мѣстныхъ православныхъ священниковъ между этими латышами не

*) Унка пашни вѣроятно было тоже самое, что новгородская „обжа,“ т. е. количество земли, сколько одному можно было *обжать* въ день.

было; псковскіе священники по временамъ лишь являлись въ Толову къ туземцамъ христіанамъ для совершенія требъ и крещенія желающихъ. Насильственныхъ обращеній язычниковъ въ православіе нигдѣ не было, вслѣдствіе чего ливы, платившіе дань полоцкопу князю, оставались язычниками.

Обратимся теперь къ чуди.

Уже было выше сказано (см. стр. 24) что въ какомъ видѣ былъ построенъ въ 1030 г. древній Юрьевъ извѣстій не сохранилось, но есть, однако, извѣстія, что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, срубивъ городъ, построплъ въ немъ и двѣ православныя церкви, одну во имя св. Николая чудотворца, другую во имя великомученика Георгія (см. выше стр. 24). Были церкви, были значитъ и прихожяне, положимъ, исключительно русскіе, а не эстонцы, но однакоже имѣется доказательство, хотя и косвенное, но все же доказательство, что чудь принимала православіе не только ранѣе утвержденія нѣмцевъ въ устьяхъ Двины, но и ранѣе временъ новгородскаго и псковскаго епископа Нифонта, управлявшаго церковными дѣлами въ Новгородѣ и Псковѣ съ 1130 по 1156 годъ.

Іеромонахъ Кирикъ, живній въ Новгородѣ въ первой половинѣ XII столѣтія, предлагалъ свои вопросы (см. исторію русской церкви Макарія Ш, 184) о предметахъ каноническихъ разнымъ духовнымъ особамъ устно и, получая отъ нихъ устные отвѣты, записывалъ все это. Вѣроятно, онъ записывалъ только для себя, но вскорѣ записки его были внесены въ Кормчую книгу и сдѣлались руководствомъ, если не для всей русской церкви, то для новгородской епархіи (древнѣйшій списокъ Кормчей относится къ XIII ст. и хранится въ московской сцнодальной библіотекѣ). Въ запискахъ Кирика три части. Въ первой самой обширной содержатся вопросы его и отвѣты на нихъ преимущественно Нифонта, епископа новгородскаго (умеръ въ 1156 г.) Въ вопросахъ и отвѣтахъ касательно крещенія сказано, что огласительныя молитвы для болгарина, половца и *чудина* слѣдуетъ совершать въ продолженіе 40 дней предъ крещеніемъ; въ эти дни оглашаемые должны поститься и выходить изъ церкви по окончаніи литургіи оглашенныхъ. Для славянина тоже самое продолжать только 8 дней, а для малаго дитяти совершать все разомъ, хотя и лучше было-бы продолжать нѣсколько дней. Оглашенія совершать четырьмя молитвами, которыя произносить по 10 разъ.

Изъ этихъ вопросовъ Кирика имѣемъ право заключить, что въ срединѣ XII ст. бывали случаи крещеній язычниковъ, если для этихъ случаевъ испрашивалось правило и срокъ оглашеній. Положимъ, что словомъ чудинъ обезначалась вся западная вѣтвь финскаго племени, но, однакоже, нельзя положительно и безусловно сказать, чтобы никто ужь изъ эстонской чуди, между которыми былъ и русскій городъ и православныя церкви въ немъ, не принималъ православія, нельзя без-

условно отрицать, чтобы новгородское и псковское духовенство, послѣ Ярослава, не совершало между эстонцами тоже самое, что совершало между латышами, т. е. не приходило въ чудскія деревни крестить желающихъ. Унганія находилась между Псковомъ и Толовою, псковскіе священники, проѣзжая изъ Юрьева-ли или изъ Пскова въ Толову (ближайшій путь изъ Пскова въ Толову шелъ на Изборскъ и Печоры) не могли миновать унганійцевъ, слѣд. чудь унганійская если и не крестилась вся, то имѣла возможность слышать о православіи и крещеніи гораздо прежде, чѣмъ пришли къ нимъ латинскіе священники и меченосцы.

Крещеніе нѣкоторыхъ унганійцевъ въ православіе ранѣе появленія между ними католичества засвидѣтельствовано древнѣйшимъ ливонскимъ лѣтописцемъ.

У Генриха въ главѣ 14, § 2 читаемъ: «Въ это время (1210 г.) великій король новгородскій (князь Мстиславъ Мстиславовичъ) и король псковскій (князь псковскій Владиміръ) со всѣми ихъ русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Унганію, и, осадивъ замокъ Одемпе, бились съ тамошними жителями восемь дней, и когда въ замкѣ произошелъ недостатокъ въ водѣ и въ съѣстныхъ припасахъ, то они запросили мира у русскихъ, и русскіе дали имъ миръ и своимъ крещеніемъ (православнымъ) крестили нѣкоторыхъ, и взяли съ нихъ 400 марокъ нагатъ и отошли отъ нихъ и воротились въ свою землю, говоря, что пришлютъ къ нимъ своихъ священниковъ для довершенія бани святаго накибытія (возрождающаго омовенія), что однакоже ради страха нѣмецкаго не исполнили. Ибо унганійцы впослѣдствіи приняли рижскихъ священниковъ и были крещены ими, и подчинены рижанамъ (т. е. рижской церкви)".

Походъ этотъ, по новгородской первой лѣтописи (см. Полное Собр. Рус. Лѣтописей III, 31), происходилъ не въ 1210 г., а въ 1212 г. Въ лѣтописи этой читаемъ: «Въ лѣто 6720. — Ходи Мстиславъ на Чюдь, рекомую Торму, съ новгородцами, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же, на зиму, иде князь Мстиславъ съ новгородци на чюдскій городъ, рекомый Медвѣжю Голову (Одемпе, по эстонски медвѣжья голова), села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонишася чюдь князю, и дань на нихъ взя; и придоша вси здрави».

Не излишне отмѣтить, что православіе въ Ливоніи держалось не малое время послѣ обращенія въ латинство латышей и эстонцевъ, а въ Юрьевѣ такъ и никогда не прекращалось.

Въ историческихъ актахъ Тургенева подъ № 12 находимъ письмо папы Гонорія, писанное 8 февраля 1222 г. къ судьямъ Ливоніи, доказывающее, что православіе, не смотря на усилія латинскихъ священниковъ, долго не искоренялось въ этой сторонѣ. Въ письмѣ этомъ папа пишетъ: „Достопочтенный братъ нашъ, епископъ церкви Ливон-

ской (т. е. Альбертъ), доводя до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые русскіе приходятъ жить въ Ливоніи и, слѣдуя обрядамъ грековъ, отвращаются крещенія латинскаго какъ вещи презрѣнной, не наблюдаютъ праздниковъ и постановленныхъ постовъ, расторгаютъ браки новокрещенныхъ (значитъ приходили и не міряне, а священники). И такъ, чтобы не воскресъ расколъ грековъ (schisma Graecorum, т. е. православіе suscitetur, значитъ православіе было между туземцами до принятія латинства) вслучаѣ, если гордость тѣхъ не будетъ укрощена, и мы не казались бы покровителями того раскола, повелѣваемъ укрощать гордость тѣхъ русскихъ властію апостольскою (auctoritate apostolico) и во избѣжаніе соблазна для новокрещенныхъ заставлять ихъ исполнять обряды латинянъ (ut praedicti Rutheni latinorum observantiis constringatur).

Само собою разумѣется, что слова „властію апостольскою“ означали укрощать огнемъ и мечемъ, — единственно съ помощію которыхъ латинство восторжествовало и въ латыщинѣ и въ эстонщинѣ.

Въ Лаврентьевской лѣтописи (см. Собр. Рус. Лѣт. I, 199) читаемъ: „Въ лѣто 6742 (1234) благовѣрный князь Святославъ Всеволодовичъ сверши церковь въ Юрьевѣ святаго мученика Георгія и украси ю“. — Церковь была отстроена чрезъ десять лѣтъ послѣ перехода Юрьева въ руки нѣмцевъ, были же значитъ въ этомъ городѣ православные жители, для которыхъ и отстроена была церковь. По свидѣтельству Арндта (см исторію княж. Псковскаго Ш, 7), псковскій князь Ярославъ Владиміровичъ въ 1245 г. отказалъ юрьевской церкви половину своего наслѣдства. Вообще православіе, православныя церкви и русскій конецъ въ Юрьевѣ никогда не исчезали, пережили всѣ перевороты, какіе испыталъ этотъ городъ съ 1224 г., пока наконецъ Юрьевъ въ 1705 г. окончательно возсоединился съ коренною Россіею, отъ которой получилъ свое начало.

И такъ надобно же признать, что православіе среди эстонской чуди появилось гораздо ранѣе прихода къ ней латинскихъ священниковъ, ибо появилось съ самаго основанія Юрьева. Новгородцы, какъ и полочане, не принуждали чудь креститься, — не дѣйствовали насиліемъ — это правда, но что нѣкоторые чудины приняли православіе и что всѣ чудины эстонскіе слышали и знали о православіи гораздо ранѣе прибытія проповѣдниковъ католичества — то въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться.

Обыкновенно думаютъ, что ни между латышами, ни между эстонцами не сохранилось никакого воспоминанія, никакого преданія о томъ, что нѣкогда православіе существовало между ними. Это не совсѣмъ такъ. Въ латышскомъ языкѣ и понынѣ сохранились слова, заимствованныя очевидно отъ русскихъ и свидѣтельствующія, что латыши съ начатками гражданственности принимали и православіе отъ русскихъ во времена отдаленнѣйшія, столѣтія за два, быть можетъ,

до прихода нѣмцевъ. Латыши и понынѣ церковь называютъ словомъ *базница* (русское старинное божница); *паганс* у нихъ значитъ тоже самое, что и у русскихъ, ноганый, язычникъ; *свєтка* значитъ святки; *святіатъ* значитъ святить, праздновать. Вотъ еще слова, очевидно, взятыя отъ русскихъ и оставшіяся съ того времени, когда латыши исповѣдывали православіе: *крієтіити* — крестить; *кристйте цилвексъ* — крещенный человѣкъ; *крусту мостъ* — метать крестъ (старинное русское выраженіе, означающее творить на себѣ крестное знаменіе), *гавеэтъ*, *гавани* — говѣть, говѣніе. Откуда бы взяться у латышей этому слову, если бы они не были нѣкогда православными, ибо въ католичествѣ даже и понятія о говѣніи не существовало и не существуетъ. *Круты кутья* у латышей и по нынѣ называется варенная *пшеница* съ горохомъ, которую они и донынѣ ѣдятъ въ рождественскій сочельникъ. Откуда взяться слову „кутья“ если не отъ кривичей. Праздникъ крещенія (6 января) латыши и понынѣ называютъ словомъ *крустайне* — крещеніе, хотя этотъ праздникъ у католиковъ никогда не назывался и не называется этимъ словомъ.

Нынѣшніе латыши лютеране, обитающіе въ мѣстностяхъ, составлявшихъ нѣкогда герсикскую волость, а также Толову и Имеру, являются къ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресснье въ нынѣшнія сельскія православныя церкви и, являясь въ церковь со свѣчами, считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ христосоваться съ самимъ священникомъ. Съѣзды лютеранскихъ латышей къ заутрени бываютъ такъ многочисленны, а христосованье со священникомъ считается такимъ непремѣннымъ долгомъ, что священникъ не начнетъ обѣдни пока не перехристосуется со всѣми присутствующими, православными или лютеранами, все равно. Вслѣдствіе того богослуженіе, начавшись въ 12 часовъ ночи, оканчивается лишь къ 9 часамъ утра. Откуда же бы это было, еслибы латыши Герсика, Толовы и Имеры не сохраняли у себя преданія, что въ *ліала діана* (великъ день, такъ они и по нынѣ называютъ первый день св. Пасхи) ихъ отдаленнѣйшіе предки являлись въ православныя церкви и христосовались со священникомъ.

Нынѣшніе латыши-лютеране весьма часто въ нынѣшнихъ сельскихъ православныхъ церквахъ служатъ заздравные молебны, панихиды, обращаются къ священникамъ за святою водою, которою окропляютъ свои дома. Откуда же это все, если не видѣть въ томъ остатковъ православія, нѣкогда существовавшаго между ихъ древними предками?

Унганійская чудь и толовскіе латыши искони хаживали и ходятъ понынѣ на богомолье въ Печерскій монастырь подъ Псковомъ. Имъ, лютеранамъ, съ какой-бы стати ходить на богомолье въ чуждый ихъ вѣроисповѣданію монастырь, если-бы у нихъ не сохранилось преданіе, что ихъ [redacted] предки были православными и хаживали на богомолье въ монастырь. Преданіе осталось, сохраняется и исполняется по нынѣ.

Съ какой стати тарбатской чуди являться на богомолье въ георгіевскую православную церковь въ Юрьевѣ, когда они принадлежитъ къ лютеранству съ XVI вѣка? А между тѣмъ профессоръ деритскаго университета, Розенбергъ, положительно, какъ очевидецъ, свидѣтельствовалъ, что въ воскресные и праздничные дни въ 30-хъ еще годахъ текущаго столѣтія эсты приходили въ православную церковь, ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты. Развѣ это не остатки древняго православія въ древней чуди-тормѣ?

Повторяемъ — кривичи и новгородцы никогда не принуждали силою къ православію ливонскихъ туземцевъ, крестили только желающихъ, и не смотря на то преданія о древнемъ православіи у латышей и чуди сохранились и по нынѣ. Латыши, какъ сказано выше, русскихъ называютъ и по нынѣ кривичами; православіе у нихъ называется и по нынѣ старою, строгою вѣрою; — у эстонцевъ же вене-ойге устъ т. е. русская правая вѣра.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Завоеваніе Ливоніи нѣмцами

(1184—1237).

Источники.

Главнымъ и важнѣйшимъ источникомъ исторіи завоеванія Ливоніи нѣмцами есть „Лѣтопись Генриха Латышскаго“. Лѣтопись эта впервые была издана Груберомъ по ганноверскому списку въ 1740 г. подъ заглавіемъ: Origines Livoniae sacrae et civiles. Нѣмецкій переводъ оной сдѣланъ Арндтомъ и изданъ въ Галле въ 1747 г. Эти два изданія съ нѣкоторыми измѣненіями были напечатаны Ганзеномъ въ 1853 г. въ 1-мъ томѣ «Scriptores rerum Livonicarum» (Ганзену принадлежитъ заслуга объясненія лѣтосчисленія лѣтописи). Въ 1865 г. въ Варшавѣ, въ дворцѣ Замойскаго, Вильгельмомъ Арндтомъ былъ найденъ самый исправный текстъ лѣтописи Генриха. Текстъ этотъ былъ изданъ въ Monum. Germ. hist. t. XXIII p. 231—332. Сличивъ этотъ текстъ съ другими уже изданными, Пабстъ въ 1867 г. издалъ въ Ревелѣ полный переводъ лѣтописи на нѣмецкій языкъ съ многочисленными примѣчаніями и объясненіями (переводъ книги Пабста на русскій языкъ помѣщенъ въ 1-мъ томѣ «Прибалтійскаго Сборника»). За тѣмъ въ Ганноверѣ въ 1874 г. для школьнаго употребленія лѣтопись Генриха была издана Пертцомъ подъ заглавіемъ: „Heinrici Chronicon Livoniae ex recensione Wilhelmi Arndt“.

Относительно личности автора ливонской хроники извѣстно лишь то, что онъ самъ написалъ о себѣ въ этой лѣтописи. Онъ былъ ученикомъ епископа Альберта и рукоположенный въ духовный санъ, былъ въ 1208 г. посланъ священникомъ (см. гл. XI, § 7 лѣтописи) къ имерскимъ латышамъ, жившихъ по сосѣдству съ эстами. Henricus Lettorum minister называетъ самаго себя Генрихъ въ XXIV г. § 1 своей лѣтописи; Lettorum de Imera sacerdo as повторяетъ онъ про себя въ той же главѣ въ § 5. У имерскихъ латышей онъ построилъ церковь, жилъ между ними и проповѣдывалъ христіанство, подвергаясь многимъ опасностямъ (гл. XI, § 8). Онъ пользовался у ливонскихъ туземцевъ значительнымъ уваженіемъ и вліяніемъ, ибо посланный въ 1212 г. посредникомъ къ ливамъ (гл. XVI, § 3) онъ одинъ изъ всѣхъ посредниковъ остался живъ, и даже помѣшалъ захвату въ

плѣнъ епископа рацебургскаго. Въ 1214 г. былъ посланъ къ толовскимъ латышамъ, старшины которыхъ изъ православія перешли въ католичество (гл. XIX, § 5, 6). Въ 1215 г. онъ присутствовалъ на Латеранскомъ соборѣ, и по возвращеніи изъ Италіи участвовалъ въ многихъ походахъ на эстовъ. При столкновеніи съ датчанами, онъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе и, обходя эстонщину, всюду совершалъ крещеніе.

Онъ зналъ и латышскій и эстонскій языки, ибо иначе не могъ бы быть посредникомъ у ливовъ, переводчикомъ у епископа; зналъ конечно, нѣмецкій языкъ и хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ (его лѣтопись, по изяществу языка, составляетъ, безспорно, замѣчательное литературное произведеніе XIII в.); отлично хорошо зналъ священное писаніе (съ замѣчательнымъ искуствомъ и всегда кстати онъ употреблялъ библейскія выраженія въ своей лѣтописи) и потому самому былъ уже не заурядnымъ богословомъ.

Вотъ и все, что извѣстно о личности Генриха.

Одно мѣсто въ его лѣтописи, именно въ гл. XVI, § 3, гдѣ сказано: «и хотѣли (ливы)схватить епископа, но помѣшалъ имъ въ томъ священникъ его и переводчикъ Генрихъ Латышскій (sacerdas ipsius et interpres, Henricus de Lettis), подало поводъ предполагать, что онъ былъ латышъ родомъ. Основаніемъ такому предположенію служитъ частица de, употребленная предъ словомъ Lettis. Эту частицу Генрихъ во многихъ мѣстахъ своей лѣтописи употребляетъ для означенія отечества, владѣнія, мѣсто рожденія лица. Такъ, напр., во гл. X, § 7 онъ пишетъ: священникъ Іоаннъ natus de Vironia; въ гл. XIX, § 4 — Petrus Cacuvalde de Vinlandia, въ гл. XV, § 2 — Bernardus de Lippia, Helmoldus de Plesse и пр. Въ силу этаго Henricus de Lettis должно значить Генрихъ латышъ родомъ. Въ гл. IV, § 4 лѣтописи Генриха сказано, что епископъ Альбертъ въ 1200 г. взялъ въ заложники 30 мальчиковъ изъ знатнѣйшихъ ливскихъ семействъ, которыхъ и отиравилъ въ Германію для обученія тамъ. Явилось предположеніе, что Генрихъ былъ однимъ изъ этихъ заложниковъ, что свое дѣтство онъ провелъ въ латышскомъ семействѣ, жившемъ по сосѣдству съ эстонцами, потому оба языка ливонскихъ туземцевъ, латышскій и эстонскій, зналъ въ дѣтствѣ. Получивъ по распоряженію Альберта, богословское образованіе, въ какомъ либо монастырѣ Бременской епархіи, онъ имѣлъ полное право называть себя ученикомъ Альберта и, возвратившись, опять же по распоряженію Альберта на родину, онъ явился усерднымъ почитателемъ этаго во всякомъ случаѣ умнѣйшаго человѣка, усерднымъ исполнителемъ его плановъ по подчиненію Ливоніи католичеству.

Въ подкрѣпленіи мнѣнія о латышскомъ происхожденіи Генриха, изслѣдователи ливонской старины приводятъ и то обстоятельство, что Генрихъ сочувствовалъ латышамъ несравненно болѣе, чѣмъ эстамъ, старался даже стушевать непохвальныя черты дѣйствій латышей.

обходя молчаніемъ. напримѣръ, что они вмѣстѣ съ ливами возставали противъ нѣмцевъ.

Другіе изслѣдователи (Гильдебрандтъ, Пабстъ) не считаютъ выраженіе de Lettis достаточнымъ основаніемъ допускать латышское происхожденіе Генриха, ибо частица «de» означаетъ не отечество, а должность и занятіе. Henricus de Lettis слѣд. должно значить не Генрихъ Латышъ, а Генрихъ Латышскій (священникъ). Онъ, говорятъ эти изслѣдователи, былъ скорѣе нѣмецъ родомъ, чѣмъ латышъ, но, однакоже, прямаго доказательства своего мнѣнія они не приводятъ, — да и привести не могутъ, потому что на это такого доказательства нѣтъ, по крайней мѣрѣ, его не открыто до настоящаго времени.

Вообще вопросъ о національности Генриха остается нерѣшеннымъ до настоящаго времени: во всякомъ случаѣ данныхъ противъ латышскаго происхожденія этаго лѣтописца нѣтъ, напротивъ имѣются нѣкоторыя данныя, дозволяющія называть Генриха латышемъ, но эти данныя нуждаются въ подтвержденіяхъ болѣе прямыхъ, чѣмъ извѣстныя до настоящаго времени.

Лѣтопись Генриха начинается съ описанія дѣяній Мейнгарда (съ 1184 г.) и заключается описаніемъ пребыванія въ Ливоніи въ 1226 г. папскаго легата, епископа моденскаго Вильгельма, прибывшаго въ Ливонію, по распоряженію папы, для устройства ливонскихъ дѣлъ, и описаніемъ покоренія острова Эзеля. Гильдебрандтъ полагаетъ, что вся лѣтопись была написана въ 1225 г., а послѣдняя 30-я глава ея въ началѣ 1227 г. Въ главѣ XXIX, § 9 Генрихъ объясняетъ, что онъ ливонскую лѣтопись написалъ по желанію и просьбѣ властителей страны и своихъ вѣрныхъ сотоварищей (rogatu et instantia dominorum et sociorum fidelium, дабы слава Господня, явленная въ Ливоніи, не пришла въ забытье въ будущемъ упущеніемъ нерадивыхъ людей, per negligentiam pigrorum oblivioni in posterum traderetur) Далѣе въ томъ же § онъ говоритъ, что писалъ лишь то, что видѣлъ самъ своими глазами или слышалъ отъ тѣхъ, которые были не только современниками, но и очевидцами событій. Во многихъ мѣстахъ онъ прямо указываетъ источникъ своего разсказа, наир. въ гл. XV, § 5 пишетъ: разсказывалъ священникъ Іоаннъ, бывшій въ илѣну въ Литвѣ . . . въ гл XV, § 4: разсказывалъ графъ Бернардъ Липскій . . . въ гл. XVIII, § 8: тѣ, по возвращеніи, разсказали . . . и пр. Все это придаетъ лѣтописи характеръ достовѣрности и отсутствія какой либо преднамѣренной неправды.

Онъ началъ лѣтопись по желанію и просьбѣ властителей страны, но и не думалъ льстить имъ. „Не изъ лести или временной выгоды мы написали это, говоритъ онъ въ заключеніи своей лѣтописи, но ради ирощенія грѣховъ нашихъ“. Какъ истый католикъ онъ описывалъ событія въ Ливоніи съ религіозной точки зрѣнія, его интересуютъ побѣды и пораженія, но мало занимаютъ отношенія властителей страны

между собою и отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Онъ является усерднымъ почитателемъ епископа Альберта и съ восторженностію относится къ миссіи нѣмцевъ въ Ливоніи, не видя, однакоже, что они строятъ зданіе далеко не надежное.

Хронологію Генриха разъяснилъ Ганзенъ. — Генрихъ начинаетъ новый годъ съ Благовѣщенія, т. е. съ 25 марта, отсюда Ганзенъ дѣлаетъ совершенно вѣрный расчетъ къ какому именно году нынѣшняго лѣтосчисленія относится первый и т. д. годы епископства Альберта. Назначеніе Альберта епископомъ произошло, по счисленію Генриха, въ концѣ 1198 г., это значитъ въ концѣ февраля или началѣ марта 1199 г., слѣд. первый годъ епископства Альбера простирается отъ начала марта 1199 до марта 1200 г., второй до марта 1201 г. и т. д. Хронологіи Ганзена мы и будетъ слѣдовать въ изложеніи этой главы.

Другимъ важнымъ источникомъ для исторіи завоеванія Ливоніи служитъ „Лифляндская Рифмованная Хроника“ — Livländische Reimchronik, названная такъ потому, что вся написана рифмованными стихами, для образчика которыхъ приводимъ слѣдующія четыре первыя стиха:

Got, der hímel und erden
zu dem ersten lies gewerden
und alles, das dar inne ist
geschaf in vil kurtzer vrist.

Всѣхъ стиховъ въ этой хроникѣ 12017. Она извѣстна въ спискахъ: рижскомъ, хранящемся въ архивѣ лифляндскаго дворянства и имѣющемъ на себѣ надпись „geschrieben in der Kumentur zu Reval durch den Ditleb von Alnpeke in MCCLXXXXVI jar“, т. е. написано въ ревельскомъ командорствѣ Дитлебомъ фонъ Альнпеке въ 1296 г., и гейдельбергскомъ. Рижскій списокъ имѣетъ большой пробѣлъ со стиха 2561 по 3840, но этотъ пробѣлъ дополняется гейдельбергскимъ спискомъ, писанномъ въ XV ст. Впервые рижскій списокъ Рифмованной Хроники былъ изданъ въ Ригѣ въ 1817 г. Либоріемъ Бергманомъ. Послѣ отрытія гейдельбергской рукописи, Рифмованная Хроника въ 1844 г. была напечатана полностью Францемъ Пфейферомъ въ 7-ой части штутгардскаго литературнаго общества. За тѣмъ въ 1853 г. Рифмованная Хроника была напечатана Кальмейеромъ и Наперскимъ въ 1 томѣ „Scriptores rerum Livonicarum“ съ многочисленными примѣчаніями и пространнымъ парафразомъ на современномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1861 г. Хроника была напечатана вновь въ Лейпцигѣ въ 1 томѣ „Scriptores rerum Prussicarum“. За тѣмъ въ 1876 г. въ Петербургѣ было отпечатано самое полное и самое лучшее изданіе Хроники, сдѣланное дерптскимъ профессоромъ Львомъ Мейеромъ, — съ примѣчаніями, спискомъ личныхъ писемъ и лексикономъ.

Рифмованая Хроника начинается съ прибытія и поселенія нѣмцевъ въ Ливоніи и заканчивается изложеніемъ событій, происходившихъ около 1290 г.

Кто именно былъ авторомъ Рифмованной Хроники остается неизвѣстнымъ. Судя по языку, по стихосложенію, необходимо признать, что Хронику эту писалъ одинъ и тотъ же авторъ. Пфейферъ полагаетъ, что родиною автора Хроники была средняя Германія; вышеприведенную же надпись на рижскомъ спискѣ изслѣдователи признаютъ не подлинною и не безъ основаній утверждаютъ, что Дитлебъ Альнпеке былъ не авторъ Хроники, а переписчикъ ея; самый же списокъ относятъ ко времени послѣ 1346 г., когда въ Ревелѣ учредилось командорство тевтонскаго ордена. Кальмейеръ полагаетъ, что авторъ Хроники, нѣмецъ родомъ, былъ вассаломъ датскаго короля и писалъ Хронику въ Ревелѣ; Ширренъ же думаетъ, что авторъ Хроники жилъ въ окрестностяхъ Гольдингена и здѣсь писалъ свое произведеніе.

Какъ бы то ни было, но авторъ „Рифмованной Хроники“ былъ приверженцемъ не духовенства, а ордена. Онъ отдаетъ мѣстами должную справедливость туземцамъ, сочувствуетъ ихъ бѣдствіямъ и дозволяетъ себѣ слегка смѣяться надъ духовенствомъ. Это несомнѣнно свѣтскій писатель. Онъ писалъ свою хронику совершенно независимо отъ лѣтописи Генриха. О временахъ первыхъ двухъ епископовъ онъ допустилъ столько невѣрностей, что можно даже предположить, что существованіе лѣтописи Генриха было ему неизвѣстно. Вообще къ хронологическимъ даннымъ и разсказу Рифмованной Хроники до самаго 1250 г. слѣдуетъ относится съ большею осторожностію, но съ 1250 г. показанія ея уже заслуживаютъ большаго довѣрія, такъ какъ, по видимому, онъ разсказываетъ многое, чему былъ самъ очевидцемъ. Онъ хорошо зналъ священное писаніе и вѣрнѣе Генриха передаетъ мѣстныя названія.

Независимо этихъ двухъ лѣтописей, 1-й томъ сборника документовъ и актовъ, изданный въ Ревелѣ въ 1853 г. докторомъ Фридрихомъ Георгомъ Бунге подъ заглавіемъ: Liv- Est und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten, доставляетъ богатый матеріалъ и пособіе для изложенія событій, описываемыхъ въ этой главѣ. Въ этомъ томѣ (всѣхъ томовъ сборника Бунге имѣется шесть) помѣщены различные документы за время отъ 1093 до 1300 года.

Сборникъ документовъ, подъ заглавіемъ Silva documentorum, отпечатанныхъ въ 1-мъ томѣ „Scriptores rerum Livonicarum — также составляетъ важное пособіе. Объяснительныя примѣчанія къ документамъ, составленныя Наперскимъ, и указатели придаютъ этому сборнику особую цѣну. Всѣхъ документовъ въ этомъ сборникѣ заключается 69.

Прочіе источники указаны при самомъ изложеніи событій.

I. Начало католичества въ Ливоніи.

Зигебергскій монастырь. — Мейнгардъ. — Полоцкое княжество. — Первые католики между ливами. — Постройка первой католической церкви въ Икскулѣ. — Посвященіе Мейнгарда въ епископы. — Смерть его. — Новгородскія дѣла.

(1184—1196).

Нѣмецкіе купцы (см. выше стр. 53), учредивъ свои конторы и амбары въ Ливоніи, первоначально не имѣли никакихъ миссіонерскихъ или завоевательныхъ плановъ, по крайней мѣрѣ о томъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, ни указаній въ лѣтописяхъ. Надобно полагать, что они пріѣзжали съ товарами весною, торговали все лѣто и уѣзжали обратно домой осенью, надобно также полагать, что они привозили съ собою на лѣто въ Ливонію и священника для совершенія богослуженія и религіозныхъ требъ. Прямаго указанія на это хотя и нѣтъ, однакоже, положительно извѣстно, что купцы нѣмецкіе и готландскіе, торговавшіе съ Новгородомъ, привозили съ собою священниковъ. Въ Новгородѣ у этихъ купцовъ существовали даже постановленія кому изъ купцовъ привозить съ собою священника, сколько платить содержанія священнику изъ доходовъ двора (50 марокъ кунъ); опредѣлялось, что купцы пріѣзжающіе на лѣто должны сами содержать своего священника, какъ во время плаванія, такъ и въ дворѣ (Cm Ur. Gesch. d. Deut. Hanse, II, нум. 9). Привозили-ли купцы, пріѣзжавшіе въ Ливонію, постоянно священника съ собою неизвѣстно, но что съ ними неоднократно ѣзжалъ монахъ Зигебергскаго монастыря, Мейнгардъ, то на это имѣется, довольно вѣрное свидѣтельство. Зигебергскій монастырь въ Гольштейнѣ былъ основанъ при императорѣ Лотарѣ (840—855 г.). Монастырь этотъ первоначально принадлежалъ къ архіепископству Бременскому, а иотомъ къ епископству Ольденбургскому, когда же епископство Ольденбургское было переведено герцогомъ Генрихомъ Львомъ въ Любекъ, то и Зигебергскій монастырь подчинился вѣдѣнію епископа Любекскаго. Зигебергскіе монахи носили черную мантію на бѣломъ одѣяніи и въ обители своей руководились уставомъ блаженнаго Августина, за свою ревность къ проповѣди христіанства язычникамъ причисленнаго католическою церковію къ лику святыхъ. Въ числѣ Зигебергскихъ монаховъ находился Мейнгардъ, любчанинъ родомъ. Къ какой семьѣ онъ принадлежалъ до постриженія, когда родился ничего этаго неизвѣстно; древнѣйшіе лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ только, что онъ былъ мужъ христіанской, непорочной жизни. „Былъ достопочтенный и посѣдѣвшій въ благочестіи мужъ (vir vitae venerabilis at venerandae conitiei), пишетъ Генрихъ въ 1-й главѣ § 2 своей лѣтописи, священникъ (sacerdos) ор ена блаженнаго Августина въ Зигебергской обители. Онъ лишь Христа и только проповѣди ради, въ сопровожденіи купцовъ, прибылъ

въ Ливонію". Въ Рифмов. Хроникѣ въ стихахъ 220—233 читаемъ, что въ ливскую землю съ купцами прибылъ мудрый мужъ (wiser man), непорочный священникъ (reiner prister), по имени Мейнгардъ. Болѣе подробное и обстоятельное свѣдѣніе о Мейнгардѣ даетъ Арнольдъ Любекскій (ум. въ 1213 или 1214 г.) въ своей лѣтописи (Chron. Slavor.), обнимающей время съ 1171—1209. Въ главѣ V, 30, онъ пишетъ, что первый распространившій христіанство въ Ливоніи былъ Мейнгардъ, зегебергскій каноникъ, возжегшій слово Божіе среди языческаго народа. И когда этотъ добрый мужъ (bonus vir) съ купцами нѣсколько лѣтъ ходилъ въ Ливонію, исполнялъ свое дѣло, то замѣтилъ тутъ „не слабую (non invalidum) десницу Господню и многое смиреніе въ своихъ слушателяхъ". Другими словами, онъ убѣдился, что проповѣдь католичества среди ливскихъ туземцевъ, торговавшихъ съ нѣмецкими купцами въ Икскулѣ, будетъ имѣть успѣхъ, если начать таковую. Онъ рѣшился быть миссіонеромъ среди ливскихъ язычниковъ и, какъ разсказываетъ Арнольдъ Любекскій, отправился въ Бременскую церковь, которою въ то время управлялъ архіепископъ Гартвигъ, съ тѣмъ чтобы изложить ему и архіепископскому капитулу какъ свое намѣреніе быть миссіонеромъ, такъ и смиреніе своихъ учениковъ, съ тѣмъ чтобы получить высшій авторитетъ или совѣтъ при начинаніи дѣла. Архіепископъ, надѣясь крещеніемъ ливскихъ язычниковъ увеличить паству Господню, послалъ Мейнгарда проповѣдывать язычникамъ, и архіепископъ съ капитуломъ придали ему высшій авторитетъ посредствомъ возложенія на него священническаго сана.

Много было причинъ и поводовъ архіепископу Бременскому и его капитулу не только одобрить предложеніе Мейнгарда быть миссіонеромъ въ Ливоніи, но и всячески поддержать его намѣреніе. Во первыхъ, Бременское архіепископство во второй половинѣ XII ст., за образованіемъ самостоятельныхъ епископствъ и архіепископствъ въ подвѣдомственныхъ ему прежде сѣверныхъ странахъ, утратило свое первенствующее значеніе въ этихъ странахъ, слѣд присоединеніе къ архіепископству новыхъ земель непремѣнно бы подняло значеніе его; во вторыхъ, утвержденіе католичества между ливскими язычниками могло бы обезпечивать торговлю съ ними нѣмецкихъ купцовъ гораздо прочнѣе, чѣмъ при оставленіе въ язычествѣ придвинскихъ туземцевъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что Бременскій архіепископъ. Гартвигъ II, въ тѣ времена былъ сильно стѣсненъ въ своихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Онъ переплатилъ много денегъ Христіану Ольденбургскому и Адольфу Голштейнскому за оказанную ему помощь, такъ что въ 1186 г. вынужденъ былъ забрать свои доходы за три года впередъ. Съ присоединеніемъ новыхъ земель представлялась возможность увеличить и доходы архіепископа.

Къ какому же времени слѣдуетъ относить начало проповѣди

католичества среди ливовъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ ни слова не упоминается ни о Мейнгардѣ, ни о появленіи католичества у придвинскихъ народцевъ. Генрихъ Латышскій, хотя и начинаетъ свою лѣтопись именно съ прибытія въ Ливонію Мейнгарда, но времени его прибытія не опредѣляетъ. По Рифмованной Хроникѣ (см. стихи 430—433) Мейнгардъ уже былъ посвященъ папою въ епископы Ливоніи въ 1143 г. слѣд. началъ свою проповѣдь ранѣе этаго времени, но указаніе Рифмованной Хроники не можетъ быть допущено потому одному, что въ этой хроникѣ сказано, что послѣ посвященія въ епископы Мейнгардъ прожилъ въ Ливоніи 23 г., слѣд. умеръ около 1166 г., между тѣмъ какъ Мейнгардъ умеръ въ Икскулѣ не въ этомъ году, а 30 годами позднѣе. Да и самый разсказъ о пребываніи Мейнгарда въ Римѣ не вѣренъ, потому что Мейнгардъ въ Римѣ не былъ вовсе, а былъ посвященъ въ епископы не папою, а Бременскимъ архіепископомъ. Наиболѣе вѣроятно свидѣтельство Арнольда Любекскаго, который въ своей лѣтописи пишетъ, что „въ 1186 г. начали ливонцы познавать Христа, когда проповѣдывалъ Мейнгардъ любекскій священникъ“. Къ этому году относятъ построеніе и церкви въ Икскулѣ, слѣд. проповѣдь началась нѣсколько ранѣе, быть можетъ, въ 1184 или даже въ 1183 году, но едва-ли ранѣе.

Вообще не будетъ ошибки если сказать, что начало католичества среди ливовъ относится къ восьмидесятымъ годамъ XII столѣтія.

Какъ бы то ни было, но Мейнгардъ повелъ искусно свое дѣло. Прежде всего онъ заручился позволеніемъ на проповѣдь католичества ливамъ отъ полоцкаго князя Владиміра (см. у Генриха гл. I, § 3), которому эти ливы платили дань. Неизвѣстно пріѣзжалъ-ли онъ лично въ Полоцкъ, чтобы получить позволеніе на проповѣдь, или же за него хлопоталъ кто либо другой. Вѣрнѣе предположить, что нѣмецкіе купцы, съ которыми Мейнгардъ пріѣзжалъ въ Икскуль, привезли его и въ Полоцкъ, гдѣ вмѣстѣ и хлопотали о позволеніи на проповѣдь. Нѣмецкіе купцы, какъ сказано, являясь въ Ливонію для торга, первоначально не имѣли въ виду ни миссіонерскихъ, ни завоевательныхъ цѣлей, но лишь только у духовныхъ возникъ планъ обращенія ливовъ въ католичество, то и купцы не могли не понять всѣхъ выгодъ помочь этому плану, несомнѣнно полезному для упроченія ихъ торговли съ Россіею. Какъ бы то ни было, но Мейнгардъ не только получилъ дозволеніе крестить ливовъ, но такъ съумѣлъ понравиться князю, что получилъ отъ него, какъ пишетъ Генрихъ, подарокъ.

Кто же былъ этотъ полоцкій князь Владиміръ, и въ какомъ положеніи находилось его княжество въ концѣ XII столѣтія, когда на низовьяхъ Двины впервые появился католическій миссіонеръ?

Извѣстно, что Равноапостольный князь Владиміръ отдалъ своему старшему сыну Изяславу полоцкое княжество, составлявшее волость дѣда его по матери, Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или великимъ княземъ, слѣдовательно потомство его не могло уже двигаться къ старшинству, мѣнять волость, и потому должно уже было ограничиться одною полоцкою волостью. Князья полоцкіе явились по отношенію къ прочимъ князьямъ, потомству младшаго сына Владиміра, Ярослива Владиміровича, изгоями. Внукъ Изяслива полоцкаго, Всеславъ Брячиславичъ, немилостивый на кровопролитье, недовольный своими дядями, ярославичами, за то, что они не давали ему никакой части въ другихъ областяхъ, ограничивъ его владѣнія одною полоцкою волостью, задумалъ овладѣть Псковомъ и Новгородомъ, на которые имѣлъ притязанія его отецъ. Въ 1065 г. онъ безуспѣшно осаждалъ Псковъ, а въ слѣдующемъ году страшно ограбилъ Новгородъ. Ярославичи пошли на него войною, нанесли ему сильное пораженіе на берегахъ рѣчки Немизы, а вслѣдъ за тѣмъ вѣроломнымъ образомъ захватили Всеслава, отвезли въ Кіевъ и засадили въ порубъ (тюрьму) съ двумя его сыновьями. Въ 1068 г., когда кочевники — половцы разбили ярославичей на рѣкѣ Альтѣ, кіевляне освободили изъ тюрьмы Всеслава и возвели его на велико-княжескій столъ, который онъ занималъ, впрочемъ, не болѣе семи мѣсяцевъ. Будучи не въ силахъ противиться дядямъ, онъ бѣжалъ въ Полоцкъ, былъ выгнанъ оттуда, снова воротился, и успѣлъ — таки удержаться на отцовскомъ столѣ. Воинственный Всеславъ кончилъ свою тревожную, преисполненную приключеній жизнь въ 1101 г., оставивъ послѣ себя семерыхъ сыновей. Всеславичи, не получая доли въ остальныхъ русскихъ земляхъ, постоянно враждовали съ дядями, не хотѣли признавать старшинство кіевскаго князя и всячески старались увеличить свои части на счетъ потомковъ Ярослава. Для обузданія всеславичей, великій князь Мстиславъ, сынъ знаменитаго Владиміра Мономаха, въ 1127 г., отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Всеславичи смирились, но въ слѣдующемъ же году, вопреки данной присягѣ, отказались итти вмѣстѣ съ велико-княжескою дружиною на половцевъ. Въ отмщеніе за отказъ, великій князь рѣшился покончить со всеславичами: захватилъ (неизвѣстно, впрочемъ, какимъ образомъ) трехъ всеславичей — Давыда, Ростислава и Святослава вмѣстѣ съ дѣтьми старшаго всеславича Рогволода и всѣхъ ихъ, съ женами и дѣтьми, отправилъ въ Царьградъ, къ своему родственнику, императору Іоанну Комену, а полоцкую волость отдалъ одному изъ своихъ сыновей, Изяславу. Полоцкіе всеславичи не слишкомъ долго пробыли въ Византіи. Воспользовавшись спорами, возникшими по смерти Мстислава и ослабившими племя мономахово, они около 1132—1139 г. возвратились въ свою волость и одинъ изъ сыновей Святослава Всеславича, Василько, въ 1132 г. уже княжилъ въ Полоцкѣ. У Василько было три сына: Всеславъ, Владиміръ и Брячиславъ. Очень быть можетъ, что Владиміръ Васильковичъ и есть именно тотъ самый князь полоцкій Владиміръ, который далъ Мейнгарду позволеніе крестить ливовъ въ католичество. Нѣтъ данныхъ утверждать это положительно, потому что очень возможно, что слова Генриха Латышскаго (гл. 1, § 3): accepta itaque licentia a rege Woldemaro de Plosceke относятся не къ Владиміру Васильковичу, а къ сыну Глѣба Всеславича, князю Володарю Глѣбовичу, враждовавшему съ васильковичами и успѣвшему на короткое, впрочемъ, время взгнать ихъ изъ Полоцка.

Какъ бы то ни было, но изгнаніе всеславичей въ Византію, возвращеніе ихъ, а потомъ неоднократное перемѣщеніе совершенно перепутали родовые счеты между ними. Многочисленные внуки Всеслава вступили въ борьбу

между собою изъ за главнаго стола полоцкаго, но и кто овладѣвалъ Полоцкомъ, тотъ ни мало не пользовался большимъ значеніемъ между своими родичами. Безпрерывныя распри подорвали княжескую власть въ Полоцкѣ и обезсилили наконецъ полоцкое княжество до того, что оно подпало сильному вліянію князей смоленскихъ. Да и не до Ливоніи было полоцкому князю въ тѣ времена, когда Мейнгардъ явился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на проповѣдь христіанства ливамъ, еще и по слѣдующей причинѣ.

Мы уже видѣли въ какихъ мѣстахъ разселились литовско-арійскія племена (см. выше стр. 14). Полоцкія земли на западѣ никакими естественными границами не отдѣлялись отъ поселеній литовскихъ народцевъ; границы терялись въ неизмѣримыхъ лѣсахъ литовскихъ, куда, однакоже, постепенно проникали поселенія кривичей. Русскіе князья налагали дани на сосѣднія имъ литовскія племена, рубили городки въ удобныхъ для торга съ литовскими народцами мѣстахъ. Было уже замѣчено (см. выше стр 21), что литовскіе народцы, сопредѣльныя съ кривичами, довольно легко подчинялись русской гражданственности, на украйнахъ своихъ они довольно легко русѣли, но въ общей массѣ своей литовцы, сосѣднія съ кривичами, были народъ дикій и бѣдный Бѣдность и недостатки всякаго рода побуждали литовцевъ предпринимать набѣги на сосѣдей, болѣе ихъ зажиточныхъ, на Русь и Польшу. Набѣги не оставались безъ отмщеній, и князья русскіе и польскіе, чтобы предохранить свои владѣнія отъ грабежей, начали тѣснить литву: съ юга начали наступать на литву польскіе славяне, съ востока славяне русскіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ литовскіе предѣлы начало проникать и католичество. Уже въ концѣ X вѣка чешскій архіепископъ Войтехъ (Адальбертъ), покровительствуемый польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ, отправился проповѣдывать евангеліе язычникамъ, обитавшимъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Онъ и его спутники пробрались въ землю пруссовъ, и однажды зашли въ священную рощу, куда доступъ чужеземцамъ былъ воспрещенъ. Жрецы умертвили Войтеха, умертвили и другаго христіанскаго миссіонера, Бруно, когда тотъ, епустя лѣтъ 10 послѣ Войтеха (около 1109 г.) явился проповѣдывать христіанство пруссамъ. Въ отмщеніе за смерть миссіонеровъ Болеславъ Храбрый съ большимъ войскомъ вторгся въ глубь Пруссіи и страшно разорилъ эту страну: пережегъ много деревень, разрушилъ главное святилище пруссовъ, Ромово, переказнилъ жрецовъ и наложилъ дань на пруссовъ. Съ тѣхъ поръ значеніе жреческаго Ромова и кривекривейта сильно упали. Столица его вмѣстѣ со святилищемъ перешла къ жмудинамъ на устье Дубиссы, откуда впослѣдствіи перешла на устье Невяжи, потомъ на берега Виліи, наконецъ въ Вильну.

Въ то время когда католичество начало проникать къ литовцамъ съ юга отъ польскихъ славянъ, къ пограничнымъ съ кривичами литовцамъ изъ городовъ, построенныхъ въ ихъ земляхъ русскими, Вилкоміра, Новгородка, Городны, начало проникать православіе. Пограничные князьки начали принимать православіе (см. выше стр. 35) уже въ концѣ XII ст.

Напоръ на литовцевъ съ юга польскихъ, а съ востока русскихъ славянъ, произвелъ тоже самое явленіе, какое произвелъ у датчанъ напоръ Карла Великаго на саксовъ (см. выше стр. 33): у литовцевъ начинается сосредоточеніе и объединеніе племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіе воинственной энергіи въ сосредоточиваемомъ народѣ, и какъ за походами Карла усилилось движеніе скандинавскихъ дружинъ и опустошительныя ихъ набѣги на западныя прибрежья Европы, такъ и за напоромъ славянъ на литовцевъ послѣдовало усиленіе власти военныхъ вождей ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усиленіе набѣговъ ихъ на сосѣдей. Литовскія дружины, болѣе или менѣе мно-

гочисленныя, вооруженныя дубинами, каменными топорами и стрѣлами, на своихъ крѣпкихъ коняхъ чаще и чаще начинаютъ вторгаться въ сосѣднія земли, подвергая все встрѣчное разоренію и опустошенію. Награбленная добыча дала возможность пріобрѣтать желѣзное вооруженіе, а удачи походовъ увеличивали численность дружинъ. Съ половины XII в. литовско-нѣмецкіе (жмудскіе) князьки уже не даютъ покоя сосѣдямъ: дружины ихъ начинаютъ безпрестаноо вторгаться въ полопкія земли, князья которыхъ обезсиленные усобицами, не могутъ оказать сильнаго сопротивленія; начинаютъ вторгаться въ придвинскія земли и князьки литовскіе съ своими дружинами все болѣе и болѣе распространяютъ кругъ своихъ грабежей, доходя иногда до Финскаго залива, до Пскова и Полоцка, а послѣ и до самаго Кіева. «Уже Сула не тѣчетъ свѣтлыми струями къ городу Переяславу, а Двина мутно течетъ у полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой литвы», говоритъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ и поясняетъ, что всеславичи, враждуя другъ съ другомъ, сами неоднократно призывали литву на свою землю и разоряли ее до тла.

Въ концѣ XII ст., ко времени когда начинается миссіонерская дѣятельность Мейнгарда у придвинскихъ ливовъ. набѣги литовскихъ князьковъ происходили въ обширныхъ уже размѣрахъ во всѣ стороны. Полоцкому князю, тѣснимому то своими родичами, то литвою, уже было не до Мейнгарда. Позволивъ ему проповѣдь католичества подвластнымъ полоцкому княжеству ливамъ, онъ уже не обращалъ никакаго вниманія на католическаго миссіонера, ни на его дѣйствія и стремленія.

Проповѣдь Мейнгарда имѣла успѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Мейнгардъ зналъ ливскій языкъ, иначе какъ бы онъ могъ бесѣдовать съ ними, какъ бы могъ проповѣдывать евангеліе язычникамъ, не зная и не понимая ихъ рѣчи. Онъ долженъ былъ знать языкъ народа, къ которому шелъ съ проповѣдью, долженъ былъ выучиться по ливски, прежде чѣмъ заговорить съ ними о крещеніи. Выучиться же могъ только вращаясь между ливами, слѣд. предположеніе, что нѣмецкіе купцы постоянно брали съ собою и привозили въ Икскуль Мейнгарда для богослуженія и совершенія требъ имѣетъ за собою большое вѣроятіе.

Упрочить дѣло проповѣди — было невозможно безъ устройства постоянной церкви (нѣмецкіе купцы, привозя съ собою священника, конечно, привозили въ Икскуль и походную церковь); къ постройкѣ постоянной церкви въ Икскулѣ Мейнгардъ и приступилъ тотчасъ же, какъ проповѣдь увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Надобно полагать, что купцы помогли ему въ этой постройкѣ, дали денегъ на работу. Какъ бы то ни было, но въ Икскулѣ явилась церковь. Многіе изслѣдователи ливонской старины, Крузе, напр. убѣждены, что нынѣшняя маленькая каменная церковь въ Икскулѣ и есть Мейнгардова церковь, что фундаментъ и стѣны ея остались нетронутыми со времени Мейнгарда, но это едва-ли правда. Возводить каменное зданіе ливы еще не умѣли, а каменьщики изъ Готланда прибыли, какъ будетъ сказано ниже, уже послѣ постройки первой церкви. Вѣрнѣе предположить, что первая католическая церковь въ Икскулѣ была деревянная.

Съ устройствомъ постоянной церкви, съ началомъ въ ней богослуженія и проповѣди, начались и крещенія. Первыми крестились,

какъ пишетъ Генрихъ, Ило, отецъ Кулева, и Вицо, отецъ Ало, а за нимъ послѣдовали и другіе. Конечно, это были почетные люди изъ туземцевъ. Рифмованная Хроника (см. стихи 260—270) въ числѣ первыхъ католиковъ называетъ богатаго лива, жившаго близъ Икскуля, по имени *Копе* *). Онъ принялъ крещеніе со многими своимъ друзьями и родичами отъ Мейнгарда. Крещеніе богатаго и уважаемаго Копе, говоритъ Хроника, произвело сильное впечатлѣніе во всей ливской землѣ. Отрицать это свидѣтельство Хроники никакъ нельзя: оно совершенно согласуется съ ходомъ дѣла.

Построивъ церковь, Мейнгардъ учредилъ при ней въ Икскулѣ *конвентъ* изъ клериковъ и монаховъ, которые должны были помогать ему въ распространеніи христіанства между ливами. Вслѣдъ за тѣмъ была построена другая церковь на двинскомъ островѣ (Гольмѣ) ниже Икскуля, впослѣдствіи получившемъ названіе Мартинсгольма.

Въ это время разбойничьи набѣги литовцевъ распространялись уже на большія пространства. Въ одну зиму, по всей вѣроятности въ началѣ 1185 г., литовцы, или летоны, какъ ихъ называетъ Генрихъ, вторглись въ земли ливовъ. Никакого сопротивленія не было: ливы, кто могъ и кто усиѣлъ, скрывались въ лѣсахъ; бѣжали въ лѣса и Мейнгардъ съ икскульскимя ливами. Разбойничья литовская дружина опустошила страну и увела съ собою большой полонъ. По возвращеніи изъ лѣсныхъ трущобъ, Мейнгардъ говорилъ ливамъ, что никогда бы имъ не пришлось терпѣть столько разореній отъ разбойниковъ, если бы у нихъ были хорошо укрѣпленные городки, гдѣ бы можно было защититься отъ набѣговъ. Онъ обѣщалъ, что будутъ у нихъ и замки, если они рѣшатся сдѣлаться сынами Божіими, какъ пишетъ Генрихъ (глава I, § 5). Икскульскіе и гольмскіе ливы (у другихъ уже прежде были укрѣпленные города) обѣщали креститься, если Мейнгардъ построитъ для нихъ замки. Съ открытіемъ судоходства, весною 1185 г., Мейнгардъ выписалъ изъ Готланда каменьщиковъ (весьма возможно, что купцы дали денегъ на это, ибо и для нихъ важно было имѣть укрѣпленные города для защиты своихъ конторъ и амбаровъ), и построилъ въ Икскулѣ и Гольмѣ замки (бурги), вооруживъ ихъ балистами (камнеметными машинами), бывшими въ употребленіи въ Европѣ, но неизвѣстными ни прибалтійскимъ язычникамъ, ни тогдашнимъ русскимъ. Въ то время когда строились укрѣпленія въ Икскулѣ и Гольмѣ, архіепископъ бременскій Гартвигъ, видя несомнѣнные успѣхи католичества между ливами, возвелъ Мейнгарда въ санъ Икскульскаго епископа. Папа Климентъ III грамотою отъ 25 сентября 1188 г. подчинилъ новоучрежденную Икскульскую епископію главному вѣдѣ-

*) Не излишнее отмѣтить, что нынѣшній баронскій и княжескій родъ *Ливеновъ* ведетъ свое начало отъ лива Копе.

нію архіепископа Бременскаго, а 1 октября того же года, утвердивъ за архіепископомъ Икскульское епископство, утвердилъ и Мейнгарда епископомъ Икскульскимъ (см. Scriptores rerum Livonicarum I, 334. гдѣ напечатаны обѣ эти грамоты).

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе и приведемъ разсказъ «Рифмованной Хроники» о посвященіи Мейнгарда въ епископы, разсказъ любопытный по своимъ подробностямъ, хотя и неимѣющій за собою никакого особеннаго значенія. Авторъ Рифмованной Хроники записалъ дошедшее до него преданіе о Мейнгардѣ, не справляясь съ названными выше папскими грамотами, которые, быть можетъ, были ему и совершенно неизвѣстны. Вотъ содержаніе стиховъ 305—440 Рифмованной Хроники о Мейнгардѣ какъ епископѣ:

Вскорѣ послѣ крещенія Копе, добрый священникъ Мейнгардъ постановилъ съ нѣмцами, чтобы они отправили его за море хлопотать о посвященіи имъ епископа. Копе былъ посланъ вмѣстѣ съ Мейнгардомъ, и ради пользъ христіанства большая часть купцовъ поѣхала вмѣстѣ съ ними въ Римъ къ папскому двору.

Прибывъ благополучно въ Римъ, они изложили папѣ цѣль своего пріѣзда, и тотъ требовалъ отъ нихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ краѣ. „Тамъ, святой отецъ, живутъ разные язычники, говорили они, которые намъ въ тягость и которые много вредятъ христіанству. Одни изъ нихъ называются Литовцами (Littowen); это дерзкій, очень часто вредящій христіанству народъ, ибо власть его далеко распространяется. По сосѣдству съ Литовцами живутъ Семигалы, сильные своимъ числомъ, опустошающіе земли далеко отъ себя. Зелы также язычники, преисполненные пороковъ, безбожные и злые безмѣрно. За тѣмъ лежитъ страна Латышей, людей хитрыхъ, которые рѣдко живутъ совмѣстно, а селятся въ лѣсахъ каждый особо. Ихъ жены имѣютъ странную наружность и странное одѣяніе: онѣ ѣздятъ верхомъ подобно мущинамъ Этотъ народъ можетъ выставить большое войско. По морскому прибрежью простирается миль на 50 страна, называемая Курляндіею. Христіанину, если не хочетъ онъ потерять свою жизнь и имущество, въ страну эту нельзя показываться. Въ сосѣдствѣ съ куронами, на островѣ въ морѣ, гдѣ нечего бояться многочисленныхъ войскъ, живутъ Эзельцы, злые язычники. Въ лѣтнее время они совершаютъ моремъ разбойничьи набѣги на христіанскія и языческія страны и увозятъ съ собою большую добычу, потому что въ корабляхъ состоитъ вся ихъ сила. Эсты также язычники; живутъ они въ далеко простирающейся землѣ, между ними много храбрыхъ людей. Равно и ливы также язычники, которыхъ Господь Богъ, намъ кажется, скоро исключитъ изъ числа идолопоклонниковъ, какъ то Онъ и совершилъ надъ Копе, прибывшимъ сюда вмѣстѣ съ нами. Божеское Провидѣніе привело его къ христіанству, родъ его далеко распространенный большею частію уже присталъ къ намъ и принялъ крещеніе.

Пана тотчасъ же потребовалъ разсказать ему подробно какъ Копе крестился. Мейнгардъ былъ вѣрный, преисполненный благодати рабъ Господень, что папа благосклонно и замѣтилъ въ немъ, былъ также и разумный мужъ, такъ что описалъ папѣ все то, что Господь Богъ совершилъ съ пими отъ начала до настоящаго времени. Онъ разсказалъ папѣ какъ Божіею милостію христіанство было ниспослано въ Ливонію и тамъ утвердилось и какъ язычество всѣми силами хотѣло противостоять христіанству. Тогда папа сказалъ ему: „Хочу уменьшить вашу заботу и сдѣлаю все, чего отъ меня попросите". Это доброе утѣшеніе обрадовало Мейнгарда и его спутниковъ, почтенныхъ наломниковъ, и они тотчасъ попросили дать имъ епископа для страны. Когда папа услышавъ это, то обрадовался и съ искренностію сказалъ имъ: „Сердечно радъ вашему докладу. Мейнгардъ, любезный сынъ мой, ты долженъ быть епископомъ; передаю на твою душу людей и землю въ твои руки и большую власть. Впредь кто придетъ паломникомъ въ Ливонію, да будетъ прпнятъ съ миромъ." Мейнгардъ былъ посвященъ въ епископы прежде чѣмъ собрались въ обратный путь. Это случилось въ 1143 г. по Р. Х. Видѣть папу для Копе ничего не могло быть любезнѣе. Папа благословилъ его и просилъ Господа Бога защиты всѣмъ имъ. Тогда радостный преосвященный отправился въ страну и они благополучно возвратились въ Ливонію.

Таково преданіе, записанное въ Рифмованной Хроникѣ о посвященіи Мейнгарда въ епископы, но оно не имѣеоъ за собою никакого основанія: Мейнгардъ вовсе не былъ въ Римѣ и посвященъ въ епископы не папою, а Бременскимъ архіепископомъ. Весьма возможно, что основою этаго преданія послужили разсказы о Фулько (см. выше стр 55), который дѣйствительно былъ аъ Римѣ и который дѣйствительно былъ посвященъ въ епископы для Эстляндіи, въ которой лишь предполагалось начать проповѣдь (предположеніе это такъ и осталось неосуществившемся: Фулько остался лишь епископомъ in partibus).

Но обратимся къ разсказу Генриха, какъ наиболѣе достовѣрному. Ливы, разсказываетъ Генрихъ (гл. 1, § 6), обѣщали, что часть ихъ народа крестится иредъ началовъ постройки икскульскаго замка, а остальные примуть крещеніе, когда замокъ будетъ готовъ, но обѣщанія не исполнили; не исполнили обѣщанія и гольмцы: они получили замокъ, но крестились только шестеро: Вилинде, Ульденаго, Ваде, Вальдеко, Герведеръ и Вицо. Мало того, началось обратное движеніе къ язычеству: крещеные уже ливы начали погружаться въ Двину, чтобы смыть крещеніе и отослать его обратно въ Германію; начались и открытыя ненріязненныя дѣйствія со стороны сосѣдей. Такъ семигаллы, услышавъ о каменныхъ постройкахъ въ Икскулѣ, пришли подъ замокъ и думали было каменную постройку свалить канатами въ Двину, не зная, что камни скрѣплены извѣстью.

Попытка ихъ, конечно, осталась безуспѣшною: многіе ихъ нихъ были переранены изъ баллистарій, находившихся тутъ, а прочіе должны были отступить, ничего не сдѣлавъ постройкѣ.

Чѣмъ же объяснить это обратное движеніе и вражду сосѣдей къ миссіонерамъ?

Проповѣдуя католичество, Мейнгардъ не могъ не внушать новокрещеннымъ покорность Бременскому архіепископу, подъ главенствомъ которою онъ самъ состоялъ, не могъ также не потребовать и даней десятины съ нихъ на содержаніе церкви и причта. Но ливы были уже данниками полоцкаго князя, новокрещеннымъ приходилось такимъ образомъ платить дань и князю и десятину Мейнгарду. Все это не могло не питать неудовольствія, не могло не возбуждать вражды. Со возведеніемъ же Мейнгарда въ санъ епископа, съ учрежденіемъ капитула, въ Икскулѣ начинаетъ прибывать пришлое населеніе, къ которому ливы не могли не отнестись подозрительно. Требованіе десятины, боязнь усиленія пришельцевъ вызвали вражду къ Мейнгарду: ливы говоритъ Генрихъ (гл. I. § 9) разграбили его имущество, избили кулаками его людей.

Не лучшая участь была и помощника его по дѣлу проповѣди, цистерціенскаго монаха Теодориха (Дитриха, впослѣдствіи съ 1211 г. епископа эстонскаго). Онъ проповѣдывалъ католичество ливамъ, жившимъ въ Торейдѣ (мѣстность по обѣимъ сторонамъ рѣки Лифляндской Аа, гдѣ нынѣ Трейденъ). Этаго Теодориха торейдскіе ливы вздумали однажды принести въ жертву своимъ богамъ, чтобы жатва была обильнѣе и дожди не вредили полямъ. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели коня, смотрятъ какою ногою ступитъ конь чрезъ копье, ногою-ли жизни (правою), или ногою смерти. Конь переступилъ чрезъ копье ногою жизни. Волхвъ (arioIus) прогнѣвался, говоритъ, что христіанскій Богъ сидитъ на конѣ и нравитъ имъ, надобно смыть Бога съ хребта. Обмыли хребетъ, снова повели чрезъ копье коня, и тотъ снова ступилъ ногою жизни. Только вслѣдствіе такаго гаданья Теодорихъ остался живъ.

Въ другое время этотъ самый Теодорихъ былъ посланъ на проповѣдь въ Эстонію. Произошло солнечное затмѣніе въ день Іоанна Крестителя (24 іюня 1191 г.); язычники говорили, что миссіонеръ пожираетъ солнце и думали его убить, но Теодорихъ какимъ-то образомъ спасся отъ смерти и возвратился въ Торейду. Здѣсь то въ Торейдѣ принялъ крещеніе богатый и знатный ливъ Каупо (Копе по Рифмованной Хроникѣ), жившій въ своемъ собственномъ замкѣ Кубеселѣ и исцѣленный Теодорихомъ отъ раны. Примѣру Каупо послѣдовали многіе его родственники и друзья. Это обстоятельство сильно встревожило язычниковъ: они раскаялись, что дали позволеніе христіанамъ утвердиться въ Икскулѣ, охотно бы повыгоняли всѣхъ иѣмцевъ, но уже не могли ничего подѣлать. Съ каждымъ днемъ число

вѣрующихъ увеличивалось, многіе принимали крещеніе добровольно, но многіе упирались и съ Божіею помощію были, говоритъ Рифмованная Хроника (стихи 285 и слѣд.), принуждаемы къ христіанству.

Мейнгардъ, однакоже, очень хорошо видѣлъ всю непрочность своего положенія въ Икскулѣ, въ особенности послѣ ограбленія его имущества, и рѣшился уѣхать съ купеческими кораблями на Готландъ вмѣстѣ со своимъ конвентомъ, клериками и братьями — монахами. Ливы, подозрѣвая не безъ основаній, что Мейнгардъ непремѣнно возвратится къ своей церкви и привезетъ съ собою христіанское войско для удержанія ихъ въ покорности, старались отговорить Мейнгарда отъ его намѣренія и снова обѣщались принять крещеніе. Мейнгардъ повѣрилъ имъ, въ особенности когда купцы обѣщали, что вслучаѣ нужды привезутъ войско. Купцы уѣхали на Готландъ, а Мейнгардъ возвратился въ Икскуль. Гольмскіе ливы, увидя возвращавшагося епископа, насмѣшливо спрашивали его: а почемъ соль, почемъ ватмалъ (грубая шерстяная ткань) на Готландѣ? Въ Икскулѣ Мейнгардъ назначилъ день для народнаго собранія, чтобъ напомнить ливамъ объ обѣщаніи креститься, но ливы на собраніе не явились и обѣщанія не исполнили.

Мейнгардъ, видя, что ливы добровольно не окрестятся, рѣшился пробраться въ Эстляндію, чтобы оттуда ѣхать на Готландъ съ зимовавшими тамъ купцами. Онъ выѣхалъ изъ Искуля, но въ Торейдѣ былъ предупрежденъ одимъ ливомъ, Анно, что ливы подстерегаютъ епископа, чтобы убить его на дорогѣ. Мейнгардъ возвратился въ Искуль и жилъ здѣсь, какъ въ плѣну.

Вытти изъ такаго положенія Мейнгарду не было возможности безъ посторонней помощи. Зная, что на Бременскаго архіепископа разчитывать много нельзя, потому что архіепископъ и самъ нуждался въ помощи и деньгахъ (см. выше стр. 73), Мейнгардъ рѣшился обратиться къ папѣ и послалъ въ Римъ своего помощника Теодориха. Теодорихъ, жившій въ Торейдѣ, котораго ливы тоже стерегли и не выпусками изъ своей земли, исполнилъ порученіе, прибѣгнувъ къ хитрости: одѣлся въ священническое облаченіе (стулу) съ молитвенникомъ и святою водою поѣхалъ чрезъ землю ливовъ подъ видомъ посѣщенія больнаго и благополучно вышелъ изъ Торейды. Прибывъ въ Римъ къ папѣ Целестину III (1191—1198), Теодорихъ изложилъ ему бѣдственное положеніе Ливонской церкви. Папа, какъ пишетъ Генрихъ (гл. 1, § 12), узнавъ о числѣ новокрещенныхъ, рѣшилъ, что не только не слѣдуетъ дозволять отпаденій, а нужно силою удержать въ вѣрѣ, принятой добровольно, и далъ отпущеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ для поддержанія новоучрежденной церкви, т. е. объявилъ крестовый походъ на ливовъ.

Генрихъ разсказываетъ (гл. 1, § 13), что въ это время самъ

енископъ съ однимъ шведскимъ герцогомъ, нѣмцами и эстами, предпринялъ войну противъ куровъ. Но буря снесла ихъ въ эстонскую провинцію, Виронію, гдѣ они пристали и трое сутокъ опустошали земли. Но когда вироицы начали переговоры о принятіи крещенія, герцогъ собралъ съ нихъ дань, распустилъ паруса и уѣхалъ домой къ досадѣ нѣмцевъ.

Разсказъ этотъ едва-ли справедливъ: Мейнгардъ не могъ учавствовать въ походѣ, потому что ливы стерегли его и держали какъ бы въ плѣну, да и шведскія лѣтописи не упомянаютъ о походѣ шведовъ на Виронію (прибрежье Финскаго залива отъ Наровы на нѣсколько десятковъ верстъ вдоль залива къ западу).

Мейнгардъ не дождался прибытія крестоносцевъ. Онъ заболѣлъ, слегъ въ постель и, почувствовавъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ старшинъ Ливоніи и Торейды и спрашивалъ ихъ, желаютъ-ли они, послѣ его смерти, быть безъ епископа. Они единогласно, какъ пишетъ Генрихъ, завѣрили, что съ радостію желали-бы имѣть епископа и отца. Мейнгардъ умеръ въ октябрѣ 1196 г. Его похоронили въ Икскульской церкви, но впослѣдствіи, спустя быть можетъ много лѣтъ послѣ смерти Генриха, тѣло его было перенесено въ рижскій соборъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки памятника и надписи на немъ. Въ надписи сказано, что Мейнгардъ умеръ 12 октября 1196 г.

Во все время миссіонерства Мейнгарда, полоцкій князь ни разу не обратилъ вниманія на то, какъ среди его ливскихъ данниковъ началось и распространялось католичество. Ему, повидимому, было совершенно неизвѣстно, что дѣлается въ Икскулѣ, какъ было неизвѣстно и то, что папа объявилъ крестовый походъ на ливовъ. Но мы уже видѣли положеніе полоцкаго князя: вѣчныя распри съ родичами и съ жителями главнаго города княжества, опустошительныя набѣги литовцевъ — все это обезсиливало князя, не давалъ ему возможности обратить надлежащее вниманіе на то, что дѣлается у него на окраинахъ между его данниками. Не лучше было и въ Новгородѣ.

Достовѣрная исторія нашего отечества застаетъ новгородцевъ въ политическомъ единеніи съ Кіевомъ. Изъ всѣхъ кривичей новгородцы были самые предпріимчивые, дѣятельные и энергическіе. Находясь подъ властію Кіева, но имѣя обширныя владѣнія, ведя значительную торговлю сухопутную и морскую, новгородцы всегда стремились къ ослабленію зависимости отъ Кіева, къ расширенію правъ своего вѣча, и ихъ стремленія были не неудачны. Со временъ сына Равноапостальнаго князя Владиміра, великаго князя Ярослава, они получили разныя льготы и права. Соперничество потомковъ Ярослава, вѣчныя распри и военныя столкновенія между ними страшно обезсиливали Русь. Авторитетъ великаго князя кіевскаго цадалъ, и Русь явно начала клониться къ расчлененію на многія самостоятельныя княженія. При княжескихъ усобицахъ Новгородъ дѣлался все болѣе и болѣе независимымъ отъ Кіева и началъ получать себѣ князей. смотря по обстоятельствамъ, то

изъ рода черниговскихъ ольговичей, то изъ рода мономаховичей, князей волынскихъ, смоленскихъ, суздальскихъ. Право выбора повлекло за собою, какъ всегда бываетъ при избирательномъ правленіи, образованіе партій и борьбу между ними и за тѣмъ частую смѣну князей. Вѣче безпрестанно то призывало, то изгоняло князей, вступая въ союзъ или подъ покровительство княжеской вѣтви, къ которой принадлежалъ князь, а это въ свою очередь влекло за собою вѣчныя смуты и неурядицу, обезсиливавшіе и Новгородъ и всѣ его пригороды.

По мѣрѣ постепеннаго упадка значенія кіевскаго княженія, начало возвышаться значеніе князя суздальскаго. который не могъ хладнокровно смотрѣть, чтобы новгородскіе вѣчники вступали въ союзы ему враждебные. Уже Юрій Долгорукій началъ стремиться къ тому, чтобы въ Новгородѣ былъ князь ему подручный и уже въ 1160 г. князь суздальскій Андрей Боголюбскій послалъ сказать новгородцамъ: «вѣдомо буди, хочу искати Новгорода добромъ и лихомъ». Онъ началъ искать лихомъ. Правда, въ 1169 г. новгородцы поразили войско Андрея, но въ слѣдующемъ году вынуждены были смириться и принять къ себѣ князя изъ рукъ Андреевыхъ. Смуты, возникшія въ суздальской землѣ за убіеніемъ Андрея, на нѣкоторое время ослабяли въ Новгородѣ значеніе суздальскаго князя, но только на нѣкоторое время, ибо Всеволодъ Большое Гнѣздо (младшій братъ Андрея) еще съ большею настойчивостію, чѣмъ его отецъ и братъ, началъ стремиться къ полному подчиненію себѣ Новгорода. Для противодѣйствія суздальскому князю новгородцы искали себѣ опоры у другихъ русскихъ князей, призывали и смѣняли другихъ коязей не подручныхъ Суздалю, а это вызывало въ суздальскомъ князѣ не только неудовольствіе, но даже и вооруженныя столкновенія. Такъ въ 1182 г. Всеволодъ сжегъ новгородскій пригородъ Торжокъ и множество жителей увелъ въ плѣнъ. Были и другіе разоренія, въ виду которыхъ суздальская партія въ Новгородѣ взяла верхъ: новгородцы выпроводили отъ собя князя неугоднаго Всеволоду и просили у него дать имъ князя. Онъ далъ имъ въ 1180 г. своего свояка, безъудѣльнаго князя Ярослава Владиміровича, который втеченіе 17 или 18 лѣтъ былъ три раза изгоняемъ и три раза призываемъ, смотря потому какая партія брала въ Новгородѣ верхъ: суздальская или южно-русская.

При вѣчныхъ смутахъ и неурядицѣ, новгородцамъ было не до своихъ западныхъ окраинъ, не до упроченія своего вліянія и власти въ нихъ. Пользуясь этими неурядицами, запейпуская чудь и литва дѣлали нерѣдкія набѣги на псковскія и новгородскія земли. Набѣги вызывали отмщенія и нерѣдкія походы на чудь (см. выше стр. 25). Чудь терпѣла пораженія, новгородцы довольствовались полономъ, довольствовались тѣмъ, что возвращались домой безъ потерь, но объ упроченіи власти не думали, да и не могли ничего сдѣлать, потому что неурядицы и безпрерывныя смѣны князей обезсиливали ихъ. точно также какъ танія же неурядицы и смуты обезсиливали полоцкое княженіе, обезсиленіе же и полочанъ и новгородцевъ какъ нельзя болѣе благопріятствовало католической пропагандѣ въ придвинскихъ земляхъ.

II. Начало завоеванія Ливоніи.

Назначеніе икскульскимъ епископомъ Бертольда. — Прибытіе его. — Первый крестовый походъ на ливовъ. — Смерть Бертольда. — Положеніе ливонской церкви. — Назначеніе и прибытіе епископа Альберта. — Его первыя дѣйствія. — Основаніе Риги.

Послѣ отпѣванія и погребенія Мейнгарда, совершеннаго при восклицаніяхъ и слезахъ ливовъ, пришлось, разсказываетъ Генрихъ (гл. I, § 1), подумать о назначеніе ему преемника. Совѣщанія, конечно, происходили въ Икскулѣ, въ епископскомъ капитулѣ. — Обратились за назначеніемъ новаго епископа въ Бременскую митрополію, главному вѣдомству которой было подчинено новоучрежденное Икскульское епископство (см. выше стр. 79). Арнольдъ (кн. V, гл. 30, 214) свидѣтельствуетъ, что Икскульскій клиръ и новокрещенные ливы желали имѣть у себя епископомъ Бертольда, бывшаго миссіонеромъ у ливовъ еще при Мейнгардѣ. Это весьма возможно и даже болѣе чѣмъ вѣроятно: желали кого уже знали, а указаніемъ лица архіепископу Бременскому, которымъ въ то время былъ Гартвигъ II, много облегчали выборъ новаго епископа. Бертольдъ былъ монахомъ цистерціенскаго ордена и въ то время состоялъ абатомъ (настоятелемъ) Лукскаго (Локумскаго) монастыря въ Ганноверѣ, недалеко отъ Ніенбурга. Архіепископъ и предназначилъ Бертольда на Икскульское епископство. Первоначально Бертольдъ не соглашался на это назначеніе, вовсе не лестное и даже небезопасное среди дикарей, но склонился, однакоже, на убѣжденія архіепископа и его капитула (Арнольдъ говоритъ, что Бертольдъ долженъ былъ получать отъ Бременской церкви по 20 марокъ въ годъ) и принялъ на себя санъ епископа Икскульскаго, въ который и былъ посвященъ архіепископомъ.

Безъ всякаго войска онъ отправился въ 1197 г. въ Ливонію (по всей вѣроятности съ купцами), прибылъ въ Икскуль и, вступивъ въ управленіе церковью и ея имуществомъ (ecclesiae dotem ingrediens, говоритъ Генрихъ въ § 2, гл. II), — созвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ ливовъ, какъ язычниковъ, такъ и новокрещенныхъ, угостилъ ихъ, одарилъ подарками и сказалъ, что прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ своему предшественнику со всѣми его правами. Ливы, пишетъ Генрихъ, приняли его ласково. Дружба, однакоже, продолжалась очень недолго. Бертольдъ, подобно своему предшественнику, не могъ не внушать крещенымъ ливамъ повиновенія Бременскому архіепископу и не могъ не требовать десятины на церковь. Требованіе это крайне не нравилось ливамъ; они начали говорить, что только бѣдность заставила Бертольда пріѣхать къ нимъ. Когда-же Бертольдъ освятилъ кладбище при Гольмской церкви, то ливы начали толковать между

собою, что имъ дѣлать, съ новымъ епископомъ: сжечь-ли его въ церкви (обстоятельство это даетъ поводъ думать, что Икскульская, построенная Мейнгардомъ, церковь была деревянная), убить ли его или утопить въ Двинѣ. Неизвѣстно съ точностію, чѣмъ именно обидѣлись ливы при этомъ освященіи кладбища: тѣмъ-ли, что на содержаніе его приходилось платить новые налоги, или, что гораздо вѣрнѣе, они находили неприличнымъ зарывать въ землю покойниковъ, такъ какъ, подобно куронамъ и всѣмъ эстонцамъ, умершихъ они не зарывали, а сжигали.

Провѣдавъ про такія рѣчи, Бертольдъ видѣлъ, что ему не сдобровать у ливовъ, потому тайно (иначе бы ливы его не пропустили) онъ пробрался на корабль и уѣхалъ (конечно, съ купцами-же) на Готландъ. Отсюда онъ прибылъ въ Саксонію и принесъ жалобу на паденіе ливонской церкви папѣ, Бременскому архіепископу и всѣмъ христіанамъ. Папа Целестинъ III обѣщалъ прощеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ крестъ на себя и вооружится противъ вѣроломныхъ ливовъ, на что и вручилъ Бертольду грамоту (litteras, буллу) подобную той, какая была дана его предмѣстнику (см. выше стр. 78). Целестинъ умеръ 8 января 1198 г. слѣд. его грамота могла состояться развѣ въ концѣ 1197 г.

Собравъ войско, епископъ изъ Любека, какъ пишетъ Арнольдъ, отправился въ Ливонію, и по прибытіи туда двинулся къ Гольмскому замку, построенному Мейнгардомъ (см. выше стр. 78) и стоявшему на островѣ посреди рѣки. Тутъ онъ послалъ гонца въ замокъ спросить: желаютъ-ли ливы, не принявшіе крещенія, креститься, а принявшіе желаютъ-ли не отступать отъ христіанства? Ливы на отрѣзъ сказали, что не хотятъ ни принимать вѣры, ни держаться ея. Бертольдъ, видя, что силою ничего нельзя сдѣлать замку, такъ какъ корабли остались въ устьѣ Двины, отступилъ съ войскомъ отъ Гольма и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Рига (locum Rigae, говоритъ Генрихъ), у горы называемой Риге. Тутъ на военномъ совѣтѣ разсуждали, что дѣлать дальше.

Между тѣмъ ливы также приготовились къ бою, и заняли позицію по другую сторону горы Риги (вѣрнѣе на пескахъ, которыми столь обилуютъ окрестности Риги по правой сторонѣ Двины). Они прислали гонца къ епископу спросить: изъ за чего онъ привелъ войско? Изъ за того, отвѣчалъ епископъ, что они изъ христіанства возвращаются къ язычеству. — Причину эту, возражали ливы, мы устранимъ: отошли войско и возвращайся въ миръ со своими на твое епископство. Принявшихъ вѣру ты можешь принуждать сохранять ее, другихъ же привлекай къ вѣрѣ словами любви, а не побоями (verbis non verberibus allicias, пишетъ Генрихъ въ гл. II, § 5). Епископъ потребовалъ, чтобы вѣрности ради ливы дали заложниками своихъ сыновей (конечно, ночетнѣйшихъ лицъ). Нѣкоторые отказались на отрѣзъ, но другіе согласились и потребовали перемирія, чтобы собрать часть

заложниковъ. Имъ дали перемиріе на краткій срокъ и они, по своему обычаю, прислали епископу свои копья въ знакъ мира. Между тѣмъ, во время перемирія, они убили многихъ нѣмцевъ (teutonicos), отправившихся на фуражировку. Вслѣдствіе этаго епископъ отослалъ имъ копья и прекратилъ перемиріе. Тогда ливы начали, по языческому обычаю, кричать и вопить (vociferantur et constrepunt), а нѣмецкое войско, изготовившись къ бою, ударило на нихъ. Ливы бѣжали. Епископъ, увлеченный своимъ конемъ, которымъ дурно правилъ, очутился среди бѣгущихъ ливовъ. Двое схватили его, а третій, по имени Имантъ, пронзилъ его копьемъ въ спину, а прочіе разорвали тѣло епископа въ куски. Бой этотъ происходилъ 24 іюля 1198 г.

Нѣмецкое войско, раздраженное гибелью епископа, начало огнемъ и мечомъ опустошать поля ливовъ. Тогда ливы, видя свое конечное разореніе, запросили мира, позвали къ себѣ клериковъ, и въ первый же день въ Гольмѣ крестились въ числѣ 50 человѣкъ, а на другой день въ Икскулѣ въ числѣ 100 человѣкъ. Они согласились также принять въ свои городки священниковъ и положили давать на содержаніе каждаго священника по мѣркѣ зерна съ плуга (annonae mensuram de quolibet aratro, пишетъ Генрихъ въ гл. II, § 7). Войско удовольствовалось этими условіями и приготовилось къ отъѣзду домой, ливы же, по совѣту клериковъ и братьевъ, отправили посла въ Германію (конечно, къ Бременскому архіепископу) ходатайствовать о назначеніи преемника Бертольду, котораго тѣло было похоронено въ Икскульской церкви рядомъ съ Мейнгардомъ (см. у Генриха, гл. X § 6) и впослѣдствіи перенесено въ Рижскій соборъ.

Войско отправилось домой, остались священники и одинъ купеческій корабль. Но чуть лишь вѣтеръ надулъ паруса, какъ у крещеныхъ ливовъ начались погруженія въ Двину для смытія крещенія и отсылки его въ Германію. Однажды они увидѣли на древесной вѣтви подобіе человѣческой головы, вырѣзанное кѣмъ-то изъ удалившихся саксонцевъ. Ливы вообразили, что это есть богъ саксонцевъ, причиняющій наводненіе и язву, потому собрались на совѣщаніе, наварили меду, бражничали, и за тѣмъ отдѣливъ отъ дерева изображеніе головы поставили ее, какъ саксонскаго бога (quasi Deum saxonum, пишетъ Генрихъ въ гл. II, § 8, не было-ли это изображеніе распятіемъ?), на плотъ изъ бревенъ и пустили этотъ плотъ въ море, чтобы оно отнесло въ Готландъ и бога и христіанство за тѣми, кто отплылъ отъ нихъ.

Миръ продолжался не болѣе мѣсяца. Ливы напали на братію, расхитили ихъ имущество, увели съ собою ихъ коней, чрезъ что поля остались нераспаханными и церковь понесла убытку на 200 мордокъ (usque ad ducentos martyres, пишетъ Генрихъ въ гл. II, § 9, т. е. мордокъ, куньихъ мордокъ, употреблявшихся вмѣсто денегъ. Нѣкоторые, какъ Гіернъ, переводили martyres словомъ мученики

и читали, что церковь потеряла до 200 мучениковъ, но Генрихъ вовсе не уноминаетъ объ избіеніи христіанъ, а говоритъ лишь объ ограбленіи имущества). Клиръ, послѣ расхищенія имущества, удалился изъ Икскуля въ Гольмъ, а слѣдующимъ постомъ (proxima Quadragesima) ливы на своемъ собраніи постановили умертвить всѣхъ клериковъ, какіе только останутся въ ихъ землѣ послѣ Пасхи. Клерики изъ страха смерти и для того, чтобы искать себѣ пастыря, удалились въ Саксонію. Ливы положили истребить и купцовъ, которые оставались въ ихъ землѣ, но купцы дали старшинамъ подарки и тѣмъ спасли свою жизнь.

Такъ разсказываетъ Генрихъ о событіяхъ, происшедшихъ среди ливовъ, отъ смерти Мейнгарда до назначенія преемника убитому Бартольду, по дошедшимъ до него преданіямъ и разсказамъ, быть можетъ, очевидцевъ и свидѣтелей этихъ событій. Въ Рифмованной Хроникѣ, въ стихахъ 489—583, о Бертольдѣ разсказывается далеко не такъ, какъ разсказано у Генриха. Тутъ записано преданіе уже значительно искаженное. Вотъ содержаніе этихъ стиховъ.

По смерти Мейнгарда, христіане отправили пословъ за море къ епископу Бременскому, чтобы онъ ирислалъ въ Ливонію епископа достойнаго Божеской награды. Онъ прислалъ изъ монастыря однаго благочестиваго героя, по имени Бертольда: то былъ счастливый даръ, ибо Бертольдъ былъ героемъ, гдѣ требовалось, и подвергся смерти при своихъ овцахъ.

Въ его время начались распри между христіанами въ Ливоніи съ одной и литовцами и кокенгузенскими русскими съ другой стороны, и дѣло дошло до сраженія. Триста христіанъ было убито и погибло много язычниковъ, число которыхъ не сосчитали. Отъ крови мѣсто побоища было красное. Копе былъ тяжело раненъ, не умеръ онъ на полѣ битвы, но кончилъ свои дни, привезенный домой. Онъ получилъ четыре раны и сказалъ окружавшимъ его: „Пять ранъ получилъ Господь ради меня; мнѣ остается пожалѣть, что у меня только четыре раны“. Онъ умеръ съ добрымъ покаяніемъ.

Епископъ Бертольдъ началъ строить Ригу, желая имѣть твердое мѣстопребываніе въ краѣ. Латыши и ливы платили дань и желали водворенія христіанъ. Весь народъ любилъ добраго епископа Бертольда, ибо онъ былъ добродѣтельный человѣкъ и усердно проповѣдывалъ принятіе христіанства. Тогда пришли съ издалека эсты съ войскомъ противъ Риги, гдѣ находился епископъ Бертольдъ съ пилигримами. Онъ ободрялъ своихъ и говорилъ: «Вспомните, добрые герои, что Іисусъ Христосъ пролилъ ради насъ свою чистую кровь на крестѣ; сила язычниковъ никогда не была такою великою, какъ нынѣ нападающихъ на насъ, но мы должны побѣдить ее, ибо находимся здѣсь во имя Господа Бога, который не оставляетъ своихъ друзей во время опасности въ бою и убитымъ христіанамъ даруетъ,

вмѣсто короткой земной, вѣчную жизнь. Всѣ обрадовались такому утѣшенію, вооружились, пошли противъ непріятеля и увидѣли войско эстовъ, смѣло двинувшееся на нихъ. Въ тѣ времена эсты были мужественнѣе чѣмъ теперь, какъ то мы неоднократно замѣчали, и когда намъ была нужна ихъ помощь, то рѣдкаго изъ нихъ можно было видѣть въ первыхъ рядахъ. Епископъ шелъ рыцарски впереди своихъ, подобясь господину. Съ обѣихъ сторонъ искали смерти и христіане потерпѣли пораженіе: 1100 человѣкъ изъ нихъ было убито, а остальные обращены въ бѣгство. О бѣдственное горе! Епископъ Бертольдъ также палъ и былъ оплакиваемъ явно и тайно. Онъ правилъ 11 лѣтъ. Эсты не торопились уходить оттуда, но и они потеряли въ сраженіи 600 человѣкъ, потому также дома должны были сѣтовать предъ своими друзьями о погибшихъ и ихъ жены очень плакали.

Таково преданіе, записанное въ Рифмованной Хроникѣ, но оно не имѣетъ за собой никакой достовѣрности: Копе или Каупо хотя и умеръ отъ раны, но умеръ въ 1218 при епископѣ Альбертѣ; Бертольдъ не закладывалъ Риги, почти вовсе не управлялъ Икскульскимъ епископствомъ, и былъ убитъ ливами, а не эстами.

Положеніе Икскульскаго епископства и католической церкви въ Ливоніи къ 1199 г. было самое печальное. Всѣ крещеные ливы отъ христіанства отпали; всѣ духовныя лица, какія только не находились среди ливовъ, должны были, подъ страхомъ смерти, оставить ливскія земли. Въ Икскулѣ остались купцы при своихъ конторахъ; при Икскульской церкви, конечно, остался кое-кто изъ духовныхъ подъ защитою купцовъ, быть можетъ оставался кто нибудь и при Гольмской церкви, но развѣ могли оставшіеся въ Икскулѣ католики поправить дѣла миссіонерства, клонившіяся къ совершенному упадку?

Бременскій архіепископъ Гартвигъ, возвратившійся въ свою епархію изъ большаго пилигримства 8 мая 1198 г., могъ узнать о гибели Бертольда отъ прибывшихъ изъ Ливоніи крестоносцевъ; еще болѣе подробностей о положеніи Икскульскаго епископства могъ узнать отъ бѣжавшихъ изъ Ливоніи клериковъ, и потому не могъ не притти къ убѣжденію, что изъ Икскульскаго епископства ровно ничего не выдетъ для католичества, если довольствоваться однимъ миссіонерствомъ, однимъ убѣжденіемъ дикарей. Архіепископъ не могъ не видѣть также, что посылать къ ливамъ епископа монаха, подобнаго Мейнгарду или Бертольду, не стоитъ, что въ Ливонію надобно послать человѣка, который не очень бы стѣснялся употребленіемъ силы въ дѣлѣ религіи и который былъ-бы готовъ для достиженія цѣли употребить всякія средства, не обращая вниманія на то, честныя онѣ или безчестныя. На мѣсто Бертольда требовался не отшельникъ, не человѣкъ праведный, не миссіонеръ, а человѣкъ энергичный, дѣятельный и затѣмъ человѣкъ дальновидный и обширнаго ума, который бы былъ спосо-

бенъ упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и дикарями.

Условіямъ этимъ вполнѣ удовлетворялъ одинъ изъ членовъ Бременскаго соборнаго капитула, каноникъ *Альбертъ* (Альбрехтъ). Онъ происходилъ изъ довольно знатнаго и вліятельмаго рода Апельдерновъ или Буксгевденовъ, владѣвшихъ въ Бременской епархіи большими недвижимостями. Въ молодые годы онъ и его четыре брата, Энгельбертъ, Ротмаръ, Германъ и Соломонъ вступили въ духовное званіе; два же другихъ брата, Дидрихъ и Іоаннъ, посвятили себя военному ремеслу. Уже въ 1189 г. имя Альберта упоминается (см. Лаппенберга Гамбургскіе документы, стр. 259) какъ наиболѣе выдающагося члена Бременскаго соборнаго капитула, а Любекскій абатъ Арнольдъ (VII, 9) про него пишетъ, что еще будучи юношею онъ отличался зрѣлостію ума и твердостію характера и имѣлъ многочисленныхъ друзей между государями и магнатами разныхъ странъ. Этому Альберту и было предложено занять каѳедру Икскульскаго епископа, вмѣсто убитаго Бертольда. Онъ согласился и въ томъ же 1198 г., вѣроятно осенью, и конечно Бременскимъ архіепископомъ былъ посвященъ въ санъ епископа.

Въ Рифмованной Хроникѣ, въ стихахъ 583—606, сказано, что у христіанъ (по смерти Бертольда) было большое горе, и они ежедневно совѣщались между собою, пока наконецъ отправили въ Бременъ пословъ просить, дабы имъ въ Ливонію прислали главу по Божіей волѣ и желанному назначенію. Тогда вызвался святой мужъ, по имени Альбрехтъ, ѣхать въ Римъ, и былъ онъ безъ замедленія папою утвержденъ епископомъ, при чемъ папа сказалъ: „Ты долженъ, такъ какъ того требуютъ обстоятельства страны, имѣть власть учредить духовный орденъ по уставу храмовниковъ (templi, тампліеровъ), кои зовутся Божіими рыцарями за моремъ и всюду. Они должны получать нерушимо по праву въ вѣчную собственность третью часть людей и земли и состоятъ подъ охраною престола у всѣхъ папъ и у меня“.

Какъ бы то ни было и кто бы не посвятилъ Альберта, но онъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей не такъ какъ его предшественникъ. Бертольдъ поѣхалъ на свое епископство безъ всякой вооруженной силы; Альбертъ такъ не сдѣлалъ, но прежде всего постарался заручиться содѣйствіемъ и военною помощію со стороны государей нѣмецкихъ и датскихъ земель, чѣмъ сразу уже показалъ, что онъ менѣе всего думаетъ о славѣ апостола язычниковъ, а все упованіе на распространеніе католичества въ Ливоніи возлагаетъ на силу оружія.

Прежде всего Альбертъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посвященія, лѣтомъ 1199 г. отправился, какъ пишетъ Генрихъ (гл. III. § 1), на островъ Готландъ къ купцамъ, изъ которыхъ многіе торговали съ Новгородомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ, и потому имѣли

основательныя причины и поводы желать упроченія, а не паденія католической церкви въ Ливоніи, такъ какъ съ такимъ упроченіемъ упрочивалось и ихъ положеніе въ устьѣ Двины, составлявшемъ естественную гавань земель весьма обширнаго двинскаго бассейна. На Готландѣ Альбертъ проповѣдывалъ крестовый походъ, разрѣшенный папою (см. выше стр. 82) на ливовъ. Проповѣдь была успѣшна: 500 человѣкъ изъявили желаніе учавствовать въ походѣ, которыхъ Альбертъ и отличилъ знакомъ креста (signo Crucis ad eundum in Livoniam signat, пишетъ Генрихъ въ гл. III § 1). Изъ Готланда онъ отправился въ Данію.

Въ это время королемъ Даніи былъ сынъ Вальдемара I, Канутъ VI (1182—1202), тотъ самый, который продолжалъ завоеванія своего отца, покорилъ датскому господству большую часть Помераніи и Мекленбурга, который взялъ въ плѣнъ владѣтеля Голштейна, Адольфа Шауенбурга, и присоединилъ эту землю къ Даніи, который овладѣлъ Любекомъ и Гамбургомъ и принялъ титулъ „короля датскаго и вендскаго.“ Альбертъ представился этому королю, за тѣмъ былъ у брата короля, герцога шлезвигскаго Вальдемара, который впослѣдствіи по смерти брата въ 1202 года вступилъ на датскій престолъ и своими завоеваніями пріобрѣлъ себѣ прозваніе Побѣдоноснаго. Не оставилъ онъ также посѣтить и друга короля Вальдемара I, тогдашняго архіепископа лундскаго Акселя или Абсолона, который истребленіе и умерщвленіе язычниковъ вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу предъ Богомъ и людьми. Отъ всѣхъ ихъ Альбертъ получилъ подарки (munera recipit, пишетъ Генрихъ). Въ чемъ состояли эти подарки — неизвѣстно, но, конечно, это были или деньги или такія вещи, которыя легко было продать, и вырученныя деньги обратить на необходимые расходы по снаряженію крестоваго похода въ Ливонію.

Знаменитый Иннокентій III, занявшій папскій престолъ послѣ Целестина, умершаго 8 января 1198 г., не оставилъ своею поддержкою Альберта: 5 октября 1199 г. онъ издалъ возваніе къ вѣрующимъ въ Саксоніи и Вестфаліи, приглашая ихъ на защиту ливонской церкви противъ язычниковъ. Заручившись такимъ возваніемъ, епископъ Альбертъ изъ Даніи поѣхалъ въ Германію (in Teutoniam, пишетъ Генрихъ).

Германія въ это время была сценою большихъ смутъ. Императоръ Генрихъ VI (изъ партіи гогентшауфеновъ или гибелиновъ) умеръ въ сентябрѣ 1197 г. въ Мессинѣ, оставивъ по себѣ наслѣдникомъ трехлѣтняго Фридриха.

Братъ покойнаго императора, Филиппъ герцогъ Швабскій, поспѣшилъ въ Италію, чтобы привезти съ собою ребенка и короновать его, но это ему не удалось: заклятые враги гогендшауфеновъ, архіепископы Трирскій и Кельнскій, возстали противъ избранія ребенка императоромъ, а партія вельфовъ (гвельфовъ, враж-

дебная гибеллинамъ) выбрала нѣмецкимъ королемъ Оттона IV, втораго сына герцога Генриха Льва. Тогда Филиппъ Швабскій, поддерживавшій своего маленькаго племянника, послѣдовалъ совѣту своихъ друзей и объявилъ себя нѣмецкимъ королемъ. Вопросъ кому же быть императоромъ могъ быть рѣшенъ лишь оружіемъ. Филиппъ короновался въ Маинцѣ, но въ то же время и Оттонъ короновался въ Ахенѣ. Такимъ образомъ въ Германіи явились два короля: вельфъ Оттонъ, державшійся въ Вестфаліи и нижне-рейнскихъ земляхъ, и гибеллинъ Филиппъ, госиодствовавшій въ южной и восточной части Германіи. Сторону Филиппа держали большая часть имперскихъ князей, а владѣя богатствомъ, онъ могъ легче вести войну, чѣмъ Оттонъ; война и не замедлила возгорѣться, сопровождаясь страшными опустошеніями и разореніями.

По возвращеніи въ Германію, Альбертъ въ 1199 г. прибылъ въ Саксонію, въ Магдебургъ, гдѣ въ то время находился король Филиппъ и съ супругою былъ коронованъ, пишетъ Генрихъ (гл. III, § 1), но это не такъ: король Филиппъ въ этомъ городѣ не короновался, а лишь при большомъ придворномъ торжествѣ шелъ съ супругою (дочерью византійскаго императора Исаака Ангела) въ коронѣ (торжество это было воспѣто Вальтеромъ Фогельвейде и въ свое время въ Германіи произвело сильное впечатлѣніе. Здѣсь, въ день Рождества, Альбертъ роздалъ многимъ знаки креста (plures signat), и когда въ королевскомъ совѣтѣ его спрашивали будутъ-ли ливонскіе паломники состоять подъ покровительствомъ папы, подобно паломникамъ, отправляющимся въ Іерусалимъ, то Альбертъ отвѣчалъ, что всякій ливонскій паломникъ станетъ подъ защиту папы (sub protectione apostolici), такъ какъ паломничество въ Ливонію влечетъ за собою полное прощеніе грѣховъ и равнозначительно паломничеству въ Іерусалимъ (coaequavit viae Hierosslymitanae, пишетъ Генрихъ). Альбертъ могъ по всей справедливости дать такой отвѣтъ, ибо папы Целестинъ и Иннокентій въ своихъ грамотахъ именно обѣщали то, что говорилп Альбертъ.

Весною 1200 г., когда открылось судоходство по Балтійскому морю, Альбертъ съ паломниками на 23 корабляхъ отправился въ Ливонію. Въ числѣ паломниковъ были: графъ Конрадъ Тремонскій (Дортмундъ въ Вестфаліи) и Гарбертъ Иборгскій (Ибургъ въ Оснабрикѣ).

Войдя въ Двину, епископъ, пишетъ Генрихъ (гл. IV, § 2), поручивъ себя и своихъ Господу Богу, двинулся по двинскому берегу къ Гольмскому замку (castrum Holme), намѣреваясь итти дальше въ Икскуль, въ епископское мѣстопребываніе. На пути въ Икскуль ливы напали на паломниковъ, многихъ ранили, а нѣкоторыхъ убили, въ томъ числѣ и священника Николая, сопровождавшаго, какъ видно, епископа. Съ трудомъ и опасностію епископъ со своими прибылъ въ Икскуль, гдѣ его съ радостію встрѣтила братія (fratres), жив-

ніе въ тревогѣ (anxie morantes) со времени перваго епископа Мейнгарда, и другіе (alii). Кто это были другіе Генрихъ не объясняетъ: вѣрнѣе всего, что то были нѣмецкіе купцы. Собрались въ Икскуль и ливы. Они предложили нѣмцамъ миръ на три дня, но съ коварнымъ намѣреніемъ (dolose), чтобы въ теченіе этихъ трехъ дней собрать свое войско.

По заключеніи мира, Альбертъ отправился обратно въ Гольмъ и оттуда послалъ гонцевъ (nuncios) за епископскими стулою и орнатомъ (облаченіями, pro sede sua et pontificalibus) и другими необходимыми вещами на корабли, стоявшіе въ устье Двины (рѣка въ тѣ времена впадала въ Рижскій заливъ не тамъ, гдѣ нынѣ, а нѣсколько восточнѣе, гдѣ теперь течетъ небольшой рукавъ, называемый Старою Двиною). Гонцы, взявъ съ кораблей что нужно, на двухъ ладьяхъ отплыли обратно въ Гольмъ вверхъ по Двинѣ и дошли до порожистаго мѣста на Двинѣ у Дальгольма, называемаго Руммелемъ (у Генриха Rumbula). Здѣсь ливы напали на ладьи; одна изъ нихъ успѣла во время повернуть и уйти отъ ливовъ, но другая была взята ливами, которые и перебили всѣхъ, кто ни находился на ней. За тѣмъ ливы осадили Гольмъ, гдѣ находился епископъ. Осажденные на маленькомъ островѣ терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ для себя и фуража для лошадей, но, вскопавъ землю въ разныхъ мѣстахъ, нашли закопанными въ ямахъ много зерноваго хлѣба и другихъ припасовъ, а между тѣмъ крестоносцы (именно фризы, Frisii, какъ говоритъ Генрихъ) на одномъ кораблѣ поднялись вверхъ по Двинѣ и, выйдя на берегъ, начали жечь посѣвы ливовъ (segetes Livonum incendunt) и истреблять все встрѣчное. Ливы, видя это и опасаясь дальнѣйшихъ разореній, сняли осаду Гольма и запросили мира, который и былъ данъ. Вмѣстѣ съ епископомъ и прочими нѣмцами они пошли на то мѣсто, гдѣ теперь Рига (ad locum Rigae vadunt, пишетъ Генрихъ; нѣкоторые читаютъ ad lacum — къ озеру Риге), гдѣ Ако или Ассо (кажется, что то былъ старшина трейденскихъ ливовъ Ассе, упоминаемый Генрихомъ въ гл. XVI, § 4; надобно полагать, что трейденцы пришли на помощь къ икскульскимъ ливамъ) и другіе ливы приняли крещеніе. Въ чемъ состояли мирныя условія неизвѣстно, но очень можетъ быть, что въ числѣ условій были какъ условія Бертольдова мира (см. выше стр. 87) такъ и безплатный отводъ мѣста для постройки города. Епископъ, изъ личнаго опыта убѣдившись въ вѣроломствѣ ливовъ, потребовалъ отъ Ако и Каупо (трейденскихъ старшинъ) и отъ другихъ старшинъ представить въ обезпеченіе мира заложниковъ, obsides ab Azone et Caupone et senioribus terrae exigit, пишетъ Генрихъ въ гл. IV § 4. Старшины отказывались давать заложниковъ, тогда и епископъ не затруднился прибѣгнуть къ вѣроломству: нѣмцы для переговоровъ-ли о мирѣ, или подъ какимъ другимъ предлогомъ, позвали къ себѣ старшинъ на

ниръ (ad potationem, пишетъ Генрихъ; это Trinkgelage, общественное собраніе) и когда тѣ собрались, то ихъ всѣхъ заперли въ одинъ домъ. Очутившись въ заточеніи и боясь, что нѣмцы увезутъ ихъ въ Германію, старшины согласились на требованіе и дѣйствительно представили епископу около 30 своихъ дѣтей мальчиковъ въ заложники *). которыхъ онъ и принялъ. Съ этихъ поръ дѣла проповѣди и крещенія пошли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ было при Мейнгардѣ и Бертольдѣ.

Проведя лѣто 1200 г. въ придвинскихъ земляхъ ливовъ, епископъ не могъ не видѣть, что мѣстопребываніе въ Икскулѣ за отдаленностію отъ моря крайне неудобно и необезпечено. Вслѣдствіе этаго онъ прежде всего рѣшился перевести епископское мѣстопребываніе изъ Икскуля въ другое болѣе близкое къ морю мѣсто, сколько для удобствъ торговли, столько же и потому, что новое мѣстопребываніе можно было и застроить и укрѣпить понадежнѣе Икскуля. Мѣсто это онъ выбралъ въ 14 верстахъ отъ моря на Двинѣ, то самое, около котораго палъ Бертольдъ (см. выше стр. 87) и которое ливы называли Ригою, по имени-ли находившагося здѣсь холма, называвшагося Риге или по названію озера, нѣкогда бывшаго на этомъ мѣстѣ, или же по имени протекавшаго здѣсь ручья. Не излишне замѣтить, что Риге на нижненѣмецкомъ языкѣ значитъ ручей, канава. Слово это впослѣдствіи обратилось въ Ризингъ. Очень возможно, что Риге былъ рукавъ Двины довольно широкій, чтобы назвать его озеромъ. Впослѣдствіи рукавъ этотъ былъ засыпанъ, частію застроенъ, по подземный Ризинговъ каналъ существуетъ и по нынѣ.

Какъ бы то ни было, но ливскіе старшины, какъ пишетъ Генрихъ (гл. IV, § 5), отвели мѣсто подъ новое мѣстопребываніе епископа именно то, на которомъ находится нынѣшняя Рига, и которое было избрано епископомъ.

За тѣмъ епископъ послалъ въ Римъ брата Теодориха Торейдскаго, того самаго, который былъ уже въ Римѣ еще при епископѣ Мейнгардѣ (см. выше стр. 82) съ порученіемъ исхадатайствовать у папы разрѣшительную грамоду на крестовый походъ, ибо въ буллѣ отъ 5 октября 1199 г. (см. выше стр. 91) имя епископа Альберта упомянуто не было, а ему хотѣлось получить такое же полномочіе проповѣдывать крестовый походъ, какое имѣли его предшественники.

Отправивъ Теодориха въ Римъ и поручивъ Икскульскому капитулу управлять дѣлами епископства, Альберть, осенью 1200 г., отправился въ Германію съ ливскими заложниками, которые были привезены, по всей вѣроятности, въ Бременъ для воспитанія въ христіанской религіи.

Теодорихъ благополучно прибылъ въ Римъ, получилъ отъ папы Иннокентія III разрѣшительную грамоту (папа писалъ новое письмо къ

---

*) Полагаютъ, что въ числѣ этихъ мальчиковъ былъ и Генрихъ, авторъ лѣтописи.

Альберту 19 апрѣля 1201 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ, папа, по ходатайству того же Теодорика, подъ угрозою отлученія отъ церкви, воспретилъ купцамъ посѣщать гавань семигалловъ, т. е. устье рѣки нынѣшней Курляндской Аа, впадавшей въ тѣ времена въ море. По видимому, запрещеніе это состоялось въ видахъ поднятія значенія будущаго мѣстопребыванія епископа, дабы семигальская торговля направлялась исключительно въ будущій городъ.

Весною 1201 г. епископъ, оставивъ заложниковъ въ Германіи, прибылъ въ Ливонію съ крестоносцами, сколько могъ набрать (quos habere potuit) ихъ, и немедленно же приступалъ къ закладкѣ города на намѣченномъ еще въ прошломъ году мѣстѣ. Хотя Генрихъ и не приводитъ подробностей этой закладки, но съ большою вѣроятностію можно предполагать, что въ этомъ году были заложены каѳедральный соборъ во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, городская стѣна и построенъ домъ для енископскаго капитула и самаго епископа. Первоначальный городъ занималъ небольшое пространство, не болѣе половины нынѣшней городской части. Для постройки городской стѣны, церкви и домовъ епископу Альберту приходилось, конечно, привозить мастеровъ и рабочихъ или съ Готланда, или изъ Германіи, приходилось, по всей вѣроятности, привозить и необходимый матеріалъ для работъ, а на все на это требовались значительныя суммы, собирать которыя опять же приходилось въ Германіи. Изъ этаго однаго уже можно судить на сколько былъ дѣятеленъ и неутомимъ Альбертъ. Работы производились на столько успѣшно, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ закладки городской стѣны уже были готовы дома для епископа и конвента, такъ что мѣстопребываніе епископа было перенесено изъ Икскуля въ новозаложенный городъ, названный Ригою, въ томъ же 1201 г.

Заложивъ укрѣпленный городъ, епископъ, однако, очень хорошо видѣлъ, что его власть надъ ливами будетъ самою непрочною, если онъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи никакой военной силы. Создать такую силу сдѣлалось главною заботою Альберта. Но какъ и съ чего начать? Конечно, надобно было придумать такую мѣру, чтобы крестоносцы, прибывъ въ Ливонію, оставались въ ней не временными, а уже осѣдлыми жителями, но съ обязанностями нести военную службу. Другаго способа для этаго не было, какъ раздавать замки и пріобрѣтенныя имѣнія во владѣніе на ленномъ правѣ лицамъ, которые бы несли военную службу и повиновались собственнику замка или колоніи. Къ раздачѣ леновъ Альбертъ прибѣгнулъ прежде всего и началъ эту раздачу одновременно съ закладкою укрѣпленнаго города для мѣстопребыванія епископа новоучрежденной церкви. Генрихъ пишетъ (гл. V, § 2), что въ то самое время, когда начата была постройка Риги, епископъ приблизилъ къ себѣ благороднагв мужа (virum nobilem) Даніила Баннерова и Конрада Мейендорпскаго (Conradum a Meyndorp) и пожаловалъ имъ въ лень

(iuheneficiavit) два городка (замка): Леневарденъ и Икскуль. То были первые епископскіе вассалы въ Ливоніи, первоначальники образовавшагося впослѣдствіи *сословія вассаловъ*. Конрадъ Мейендорпскій (Мейендорфъ къ западу отъ Магдебурга) началъ называться по своему лену, Икскульскимъ или просто Икскулемъ. Леневардъ (на Двинѣ, къ востоку отъ Икскуля), по всей вѣроятности, былъ старинный ливскій городокъ.

Дѣйствительно-ли оба эти замка пожалованы въ ленъ именно въ 1201 г., какъ пишетъ Генрихъ? До нѣкоторой степени можно сомнѣваться въ томъ. Икскульскій замокъ не весь принадлежалъ церкви, — ибо Генрихъ въ 1 гл. § 6 говоритъ, что только шестая часть замка, построенная на счетъ Мейнгарда, принадлежала церкви, землю подъ которую онъ пріобрѣлъ у ливовъ ранѣе постройки церкви. Остальная часть замка, надобно полагать, составляла собственность ливовъ. Но въ 1201 г. весь-ли уже замокъ принадлежалъ церкви? Свидѣтельствъ на это нѣтъ. Далѣе: Леневардъ на Двинѣ къ востоку отъ Икскуля у пынѣшняго имѣнія Ленневарденъ. Какимъ образомъ и когда онъ перешелъ въ собственность ливонской церкви? Свидѣтельствъ на это опять нѣтъ. Не будетъ-ли сообразнѣе съ истиною предположить, что Икскуль и Леневардъ пожалованы въ ленъ Даніилу и Конраду нѣсколько позднѣе, когда Альбертъ уже сталъ твердо на низовьяхъ Двины.

Слухи объ утвержденіи пошатнувшагося было христіанства въ Икскулѣ и его окрестностяхъ, о появленіи въ устьяхъ Двины цѣлаго флота и закладкѣ укрѣпленнаго нѣмецкаго города въ 14 верстахъ отъ моря распространились далеко между окрестными съ новымъ городомъ народцами, и вотъ они начинаютъ посылать къ Альберту пословъ для заключенія мира. Первыми послами явились послы отъ куроновъ, народца чудскаго, но уже значительно олатышившагося племени, обитавшаго въ западной части нынѣшней Курляндской губерніи. Не изъ страха войны, но по зову Христову (sed vocatione Christi — пишетъ Генрихъ въ гл. V, § 3) куроны прислали въ новый городъ (ad civitatem) пословъ для заключенія мира. Христіане согласились на миръ и послы утвердили миръ, по языческому обычаю, пролитіемъ крови (sanguinis effusione, жертвоприношеніемъ). Въ томъ же году прибыли въ Ригу искать мира и литовцы (letihones). По заключеніи мира, они немедленно же вступили съ христіанами въ дружесній союзъ (cum christianis amicitiae foedus ineunt).

Объ этихъ литовцахъ Генрихъ разсказываетъ (гл. V, § 4), что въ слѣдующую зиму (1201—1202 г.) они съ большимъ войскомъ (cum exercitu magno) пошли по Двинѣ въ Семигалію (конечно, для грабежа). Но предъ вступленіемъ въ землю семигалловъ (латышей, обитавшихъ въ восточныхъ уѣздахъ нынѣшней Курляндской губерніи), они услышали, что полоцкій князь (rex de Plosceke) вторгся въ Литву.

Вслѣдствіе этаго они оставили семигалловъ въ покоѣ и поспѣшно воротились домой. При переправѣ у Румбулы (нынѣшняго Далена), они ограбили двухъ епископскихъ рыбаковъ, поснимавъ съ нихъ платье. Рыбаки пришли въ Ригу жаловаться на разбойниковъ, тогда начальники захватили находившихся въ городѣ литовцевъ и до тѣхъ поръ держали ихъ въ оковахъ, пока ограбленное у рыбаковъ было возвращено. Въ разсказѣ этомъ не пояснено — какіе это литовцы находились въ Ригѣ. Да и вообще непонятно, почему литовцы предположили напасть на семигалловъ, пробравшись къ нимъ отъ Риги по Двинѣ, т. е. огромнымъ окольнымъ путемъ. Быть можетъ, они расчитывали на то, что семигаллы не могли ждать ихъ набѣга съ двинской стороны и потому успѣхъ грабежа былъ вѣроятнѣе, чѣмъ при походѣ прямымъ путемъ. При заключеніи мирнаго договора, не выговорили-ли себѣ литовцы права пребыванія въ Ригѣ, если во время набѣга нѣкоторые изъ нихъ останутся въ городѣ этомъ? Въ сообщеніи Генриха о вторженіи въ Литву полоцкаго князя нѣтъ ничего невѣроятнаго: литовцы въ это время безпрестанно нападали на полоцкія и др. сосѣднія русскія земли, нещадно грабя ихъ жителей; русскія князья, въ отмщеніе за грабежи, нападали на литовцевъ.

Одновременно съ закладкою стѣнъ для новаго города, закладкою собора въ немъ и постройкою домовъ для капитула, Альбертъ вошелъ въ переписку съ братомъ своимъ Энгельбертомъ, монахомъ Нейминстерскаго монастыря (въ Голштейнѣ, на сѣверо-западу отъ Зегеберга), приглашая его прибыть въ новоустроенный городъ для проповѣди католичества язычникамъ, и привезти съ собою горожанъ, которые бы пожелали поселиться въ новооснованномъ городѣ. Кажется, что одновременно съ закладкою Риги, Альбертъ основалъ при устьѣ Двины манастырь цистерціенскихъ монаховъ, который онъ назвалъ Динаминдомъ и киновіею горы св. Никодая, патрона мореходцевъ (quod claustrum Dunemundam et coenobium Montem Sancti Nicolai apelavit — пишетъ Генрихъ въ гл. VI, 5 своей лѣтописи), и настоятелемъ (абатомъ) этаго монастыря назначилъ брата Теодорика Торейдскаго, того самаго, который проповѣдовалъ христіанство ливамъ еще при Мейнгартѣ.

Весною 1202 г., когда изъ Германіи прибыли паломники, немногочисленные впрочемъ, Альбертъ, поручивъ ихъ охранѣ строющійся городъ, отправился въ Германію вмѣстѣ съ тѣми паломниками, которые уже пробыли цѣлый годъ въ земляхъ ливовъ. Послѣ отъѣзда Альберта, въ Ригу прибылъ его братъ Энгельбертъ — вмѣстѣ съ первыми горожанами (cum primis venit civibus — говоритъ Генрихъ въ гл VI, § 2). Этотъ Энгельбертъ въ скоромъ времени послѣ своего прибытія былъ избранъ рижскимъ капитуломъ (конвентомъ Пресвятой Маріи) соборнымъ протоіереемъ (in praepositum eligunt) и впослѣдствіи про-

повѣдывалъ христіанство язычникамъ вмѣстѣ съ Теодорикомъ Торейдскимъ, Алобрандомъ и другими монахами, прибывшими въ Ливонію и жившими тутъ подъ монашескимъ уставомъ (sub religione, пишетъ Генрихъ).

Къ 1202 г. Генрихъ относитъ основаніе въ Ливоніи военно-монашескаго ордена, о которомъ необходимо сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ на дальнѣйшій ходъ исторіи Ливоніи этотъ орденъ оказалъ существенное вліяніе.

III. Орденъ меченосцевъ.

Основаніе ордена. — Первоначальное его названіе. — Уставъ. — Составъ ордена. — Конвентъ и капитулы. — Подчиненіе ордена епископу, какъ властителю страны.

Источникъ: Изслѣдованіе Бунге „Der Orden der Schwertbrüder". Leipzig, 1875.

Принявъ санъ епископа Икскульскаго и прибывъ съ крестоносцами въ Ливонію, Альбертъ съ самаго начала обнаружилъ, что его цѣль не только распространеніе католичества среди ливовъ, но и полное подчиненіе ихъ господству католической церкви. Перенеся епископское мѣстопребываніе въ новопостроенный и укрѣпленный городъ Ригу, онъ не даромъ посвятилъ и свою каѳедру и всю Ливонію въ честь Пресвятыя Богородицы (cathedram Episcopalem cum tota Livonia beatissimae Dei genetricis Mariae honori deputavit, пишетъ Генрихъ въ гл. VI, § 4). Но подчинить господству церкви новокрещенныхъ язычниковъ и ихъ земли было невозможно, не имѣя въ рукахъ постоянной военной силы. Создать эту силу сдѣлалось сдѣлалась главною задачею Альберта. Прежде всего онъ началъ, какъ сказано выше, раздавать лены паломникамъ, чтобы удержать ихъ отъ возвращенія домой. Ленный владѣлецъ обязанъ былъ военною службою своему властителю, но многими-ли ленами могъ располагать епископъ на первое время и много-ли ленные владѣльцы могли выставить войска? Конечно, не много и во всякомъ случаѣ далеко недостаточно для дальнѣйшихъ завоеваній. Надобно было для образованія постоянной военной силы прибѣгнуть къ другому средству болѣе дѣйствительному, чѣмъ раздача леновъ. Альберту было извѣстно, какія важныя услуги оказали военно-монашескіе ордена крестоносцамъ въ Палестинѣ; было извѣстно и то, что лѣтъ за десять до его посвященія, именно въ 1190 г. въ Палестинѣ учредился третій военно-монашескій орденъ — тевтонскій для борьбы съ невѣрными, потому онъ и составилъ планъ учредить въ Ливоніи особый военно-монашескій орденъ для

борьбы съ язычниками въ Ливоніи. Полагать надобно, что Альбертъ свой планъ представилъ на утвержденіе папѣ Иннокентію III, который и утвердилъ его въ Римѣ. Говоримъ „полагать надобно“ потому что на счеть основанія въ Ливоніи военно-монашескаго ордена показанія лѣтописцевъ не согласны между собою.

Самымъ полнымъ и лучшимъ спискомъ лѣтописи Генриха изслѣдователи ливонской старины признаютъ списокъ Замойскаго. Въ этомъ спискѣ, въ главѣ VI, вслѣдъ за разсказомъ объ основаніи Динаминдскаго монастыря, сказано въ § 6, что настоятель этаго монастыря, Теодорихъ, предвидя вѣроломство ливовъ и невозможность противиться массѣ язычниковъ, учредилъ орденъ братьевъ воинства Христова (fratres militiae Christi), которому папа Иннокентій далъ уставъ военно-монашескаго ордена храмовниковъ (тампліеровъ), знаки для ношенія на одеждѣ, и повелѣлъ новому ордену быть въ повиновеніи епископу.

Но въ другихъ спискахъ говорится, что учредилъ (instituit) орденъ не Теодорихъ, а епископъ Альбертъ совмѣстно съ братомъ Теодорихомъ. Это гораздо сообразнѣе съ истиною, ибо могъ-ли абатъ, безъ вѣдома и согласія своего епископа, рѣшиться на такую важную мѣру, какъ учрежденіе ордена.

Въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 583—606 разсказывается, что папа самъ поручилъ епископу основать духовный орденъ (буквально духовное житіе, stifte ein geistliches Leben).

Вартбергъ прямо Иннокентія III называетъ основателемъ ордена. Но оба эти свидѣтельства не имѣютъ за собою никакой опоры и никакого подтвержденія, напротивъ до насъ дошла булла папы Иннокентія III (см. Бунге Urkundenbuch I, 18, № 14), писанная къ архіепископу Бременскому, въ которой епископъ Альбертъ (venerabilis frater noster Albertus) прямо называется учредителемъ соборнаго капитула, динаминдскаго монастыря и военно-монашескаго ордена (sub templariorum habitu). Булла эта помѣчена: Rome apud s. Petrum, IV idus Octobris, безъ означенія года, но какъ буллы Иннокентія III только писанныя съ 14 сентября по 7 ноября 1204 г. имѣютъ такую помѣту, потому и названную буллу относятъ къ 1204 г. Есть, впрочемъ, нѣкоторое вѣроятіе полагать, что булла эта могла быть написана и въ 1202 г., ибо буллы до 9 окт. 1202 помѣчены изъ Веллетри, а съ 29 октября 1202 г. изъ Латерана т. е. Рима. Допустивъ это, можно положительно сказать, что учрежденіе ордена послѣдовало не раньше весны 1202 г. и не позднѣе середины 1204 г., такъ какъ въ 1205 г. орденъ уже принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ язычниковъ, слѣд. въ 1205 г. уже сформировался и организовался. Полтора года потребовалось на сформированіе ордена, иначе и не могло быть: для поступленія въ орденъ надобно было и вызвать и привезти людей. Епископъ Альбертъ, уѣхавъ весною

1202 г. въ Германію, оставилъ въ Ригѣ немногихъ паломниковъ, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. VI, § 1. Изъ этихъ немногихъ нельзя было составить ордена. Епископъ воротился въ Ригу весною 1203 г. съ новыми паломниками, и только тогда можно было приступить къ организаціи ордена на дѣлѣ. Орденъ учредился по уставу военно-монашескаго ордена храмовниковъ (тампліеровъ), конечно, согласно желанія и распоряженія папы Иннокентія III, какъ то и изложено въ его буллахъ отъ 12 октября 1204 и 20 октября 1210 г. (см. Бунге Urkundenbuch №№ 14, 16, 17).

Орденъ храмовниковъ былъ основанъ въ Іерусалимѣ въ 1118 г. французскимъ рыцаремъ Гуго де Пайеномъ. Въ самомъ началѣ орденъ состоялъ всего изъ 9 рыцарей, но съ необыкновенною быстротою прославился своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ, дѣйствительно замѣчательными. Множество знатныхъ лицъ и выдающихся военныхъ людей вступали въ орденъ, существованіе котораго было утверждено папою Гоноріемъ на соборѣ въ Труа, происходившемъ въ 1128 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же 1128 г. знаменитый абатъ Бернгардъ Клервоскій составилъ и уставъ для ордена, получившаго названіе храмовниковъ отъ первоначальнаго жилища орденской братіи въ Іерусалимѣ въ замкѣ, построеномъ на развалинахъ Соломонова храма (Temple). Въ основаніи этаго устава былъ положенъ уставъ монашескаго ордена святаго Бенедикта со включеніемъ нѣкоторыхъ статей изъ устава цистерціенскихъ монаховъ. Уставъ Бернгарда въ первоначальной редакціи не дошелъ до насъ; самый древній списокъ этаго устава имѣетъ не мало прибавленій изъ позднѣйшаго времени, которыя, однако, не восходятъ ранѣе 1180 г. Уставъ этотъ, написанный на латинскомъ языкѣ, состоялъ изъ 72 пунктовъ и служилъ руководствомъ для новоучрежденнаго ордена въ Ливоніи.

Первоначальное названіе, данное новому ордену папою, было „Fratres militiae Christi“, братья воинства Христова. Вмѣстѣ съ уставомъ ордену былъ присвоенъ и отличительный знакъ его: красный крестъ и мечъ на бѣломъ плащѣ. Отъ изображенія меча на плащахъ и гербѣ, орденъ впослѣдствіи получилъ названіе *меченосцевъ*, fratres ensiferi.

Орденъ (ordo et collegium fratrum militiae Christi) состоялъ изъ братьевъ-рыцарей (Ritterbrüder или Ordensritter), братьевъ-священниковъ (Priesterbrüder или Ordensbrüder) и братьевъ-служащихъ (Ordensknechte, die dienende Brüder). Всякій, желавшій вступить въ орденъ, долженъ былъ, согласно устава, дать четыре обѣта: обѣтъ безусловнаго послушанія орденскому начальству, обѣтъ цѣломудрія (отреченіе отъ всякихъ сношеній съ женскимъ поломъ), обѣтъ бѣдности (отреченіе отъ всякой собственности) и наконецъ обѣтъ посвященія всей своей жизни на борьбу съ невѣрными и язычниками. Всѣ братья обязаны были непремѣнно присутствовать при ежедневныхъ богослуженіяхъ,

должны были жить въ мирѣ другъ съ другомъ, но и смотрѣть другъ за другомъ; должны имѣть общее жилище въ орденскихъ домахъ (замкахъ) и общій столъ. Одежда братьевъ должна быть самая простая изъ грубой ткани (burellum) бѣлой, черной или коричневой, смотря по разрядамъ братьевъ. Волоса на головѣ и бородѣ должны быть коротко подстрижены. Всякія удовольствія, даже всякая охота на звѣря или птицу, воспрещались.

Въ составъ братьевъ — рыцарей принимались лица лишь дворянскаго, рыцарскаго рода; до пріема рыцарь долженъ былъ клятвенно удостовѣрить, что онъ дворянинъ, снискалъ званіе рыцаря тамъ-то и тамъ (орденъ никого не возводилъ въ званіе рыцаря), рожденъ въ законномъ бракѣ, холостъ, не принадлежитъ ни къ какому другому ордену, не зараженъ никакою болѣзнію и никому ничего не обѣщалъ та вступленіе въ орденъ. Послѣ такой клятвы вступающій произносилъ четыре обѣта и тогда былъ торжественно принимаемъ въ орденъ, причемъ на него возлагали рыцарскій плащъ, препоясывали поясомъ, давали полное вооруженіе: щитъ, мечъ, копье и палицу, давали три лошади и назначали оруженосца для прислуги. Оружіе давали прочное и хорошее, но безъ всякихъ украшеній. Одежда брата рыцаря состояла изъ длиннаго бѣлаго кафтана и бѣлаго плаща, на лѣвой сторонѣ котораго на груди нашивался красный крестъ и подъ нимъ красный мечъ (тамплiеры меча не нашивали, чѣмъ и отличались отъ ливонскихъ рыцарей.

Въ братья-священники принимались лица, пріобрѣвшія до поступленія духовный санъ. Они могли быть и не дворянскаго рода, но обязаны были дать рыцарскіе обѣты (кажется, что обѣта о борьбѣ съ невѣрными они не давали). Столъ и одежду, состоявшую изъ узкаго, застегнутаго бѣлаго кафтана съ краснымъ крестомъ на груди, они получали отъ ордена. Братья-священники сопровождали братьевъ-рыцарей въ ихъ походахъ; со своими клериками совершали богослуженіе въ церквахъ и пользовались въ орденѣ особымъ почетомъ; за столъ они садились рядомъ съ магистромъ и имъ прислуживали первымъ. Ни одинъ братъ не могъ исповѣдываться ни у кого, кромѣ орденскаго брата-священника, и только отъ брата священника могъ получить отпущеніе грѣховъ.

Служащіе братья ордена (servi fratrum militiae) произносили также клятвы и обѣты, какъ и рыцари, но они не могли быть дворянскаго рода, должны были, однако, удостовѣрить, что они никому не принадлежатъ въ качествѣ раба или слуги. Послѣ принятія, они должны были присягнуть на вѣрность службы ордену. Служащіе братья состояли изъ братьевъ — оруженцевъ (fratres armigeri) и братьевъ-ремесленниковъ (fratres opifices). Братья-оруженосцы были стрѣлками и арбалетчиками. Они получали отъ ордена кольчугу, одежду чернаго или коричневаго цвѣта, лошадь и вооруженіе. Братья-

ремесленники исполняли не воинскія должности. То были: кузнецы, повара, слуги и пр

При орденѣ меченосцевъ, какъ у тампліеровъ, состояли еще лица, недававшія никакихъ обѣтовъ. То были собратья (confratres), жившіе на орденскихъ земляхъ и приносившіе ордену свое имущество.

Въ главѣ ордена стоялъ магистръ (magister fratrum militiae Christi). Онъ командовалъ войскомъ, распоряжался съ неограниченною властью дѣлами ордена, подчиняясь, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣту общаго собранія братьевъ-рыцарей (конвента, капитула). При монастырѣ состоялъ орденскій каплеланъ въ качествѣ орденскаго концлера и хранителя орденской печати. Другіе сановники ордена были: провинціальные магистры (командоры), попечители (начальники меньшихъ замковъ), казначей, драпиръ (вѣдавшій орденскія вооруженія и снаряженія), фохты..

Жившіе въ одномъ орденскомъ домѣ (замкѣ) братья составляли *конвентъ*, во главѣ котораго были или магистръ или попечитель. Собраніе братьевъ конвента назывались *капитулами*. Капитулы были частные и генеральные. На генеральный капитулъ созывался весь конвентъ, когда дѣло шло о чемъ-либо особенно важномъ и касалось пріема орденскихъ братьевъ, назначенія сановниковъ, отчужденія земель, военнаго похода, заключенія мира или перемирія. Впрочемъ, капитулъ не имѣлъ рѣшающаго голоса: орденскій магистръ выслушивалъ лишь мнѣнія капитула, но дѣйствовалъ всегда самостоятельно, какъ лично признавалъ лучшимъ и цѣлесообразнымъ.

Главное отличіе ордена храмовниковъ отъ ордена меченосцевъ состояло въ томъ, что храмовники стояли внѣ всякой епископской судебной власти, меченосцы же были подчинены духовной власти. Орденъ меченосцевъ при самомъ своемъ основаніи обязательно долженъ былъ подчиняться епископамъ какъ своимъ леннымъ властителямъ, и если получалъ отъ епископовъ земли во владѣніе, то не иначе, какъ на правѣ епископскихъ вассаловъ. Въ силу этого орденскій магистръ обязанъ былъ принести епископу присягу въ вѣрности (fidelitas) и послушаніи (obedientia) какъ ленному, такъ и каноническому. Такая присяга должна была быть возобновляема при всякой перемѣнѣ какъ леннаго властителя, такъ и вассала, слѣд. при всякой перемѣнѣ какъ епископа, такъ и орденскаго вассала. Ленная вѣрность обязывала вассала къ ленной (преимущественно военной) службѣ. Орденъ подлежалъ суду епископа, его духовной, какъ и свѣтской юрисдикціи.

Подчиненіе ордена духовенству, какъ увидимъ ниже, составляло источникъ вѣчныхъ раздоровъ между ними, но во всякомъ случаѣ условія подчиненія явились при самомъ учрежденіи ордена и потому орденскіе лѣтописцы совершенно неправы, когда увѣряютъ, будто орденъ былъ принятъ подъ непосредственную защиту папскаго престола, будто епископъ Альбертъ тотчасъ послѣ основанія ордена всту-

пилъ въ него членомъ. Ничего этаго никотда не бывало: орденъ былъ основанъ съ цѣлію созданія для епископа постоянной военной силы и учредился съ условіемъ подчиненія его духовной и свѣтской власти какъ властителя страны.

Кто были первыми братьями-рыцарями ордена меченосцевъ, какъ велика была численность братьевъ новаго ордена при его основаніи — извѣстій не сохранилось, но только съ его учрежденіемъ епископъ Альбертъ дѣйствительно пріобрѣлъ въ свое распоряженіе постоянную военную силу и при ея помощи дѣло покоренія Ливоніи пошло быстро впередъ. Орденъ чрезъ пять лѣтъ послѣ своего основанія является уже силою, съ которою пришлось считаться Альберту, какъ то и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія событій, къ которому и переходимъ.

IV. Покореніе ливскихъ земель.

Бой съ эзельскими морскими разбойниками. — Первое вооруженное столкновеніе съ русскими. — Отправка Каупо въ Римъ. — Столкновеніе съ литовцами. — Первый орденскій магистръ. — Постройка Динаминдскаго монастыря. — Походъ на анерадскихъ и леневардскихъ ливовъ. — Свиданіе Альберта съ Вячко. — Посольство къ полоцкому князю. — Третейскій судъ. — Собраніе ливовъ. — Походъ полочанъ на Ригу и осада Гольма. — Покореніе ливовъ.

Осень и зиму 1202 г. епископъ Альбертъ провелъ въ Германіи, набирая крестоносцевъ. Ему удалось привлечь въ ополченіе крестоносцевъ многихъ благородныхъ мужей (дворянъ, vires nobiles), Арнольда Мейендорфскаго, Бернгарда Зегузенскаго съ другими почетными лицами и воинами. Въ ополченіи этомъ находился и братъ епископа, Теодорихъ. Весною 1203 г. ополченіе на корабляхъ отправилось въ походъ въ Ливонію.

Генрихъ разсказываетъ (гл. VII, § 1, 2 и 3) довольно любопытный эпизодъ, происшедшій во время плаванія этого ополченія крестоносцевъ. Они пристали къ берегу датской области Листріи (близь Блекингена); здѣсь они застали эзельцевъ (estones de Ozilia) на 16 корабляхъ (бригантинахъ, считая по 30 человѣкъ на каждой, всего 480 человѣкъ). То были морскіе разбойники. Они только что ограбили эту провинцію и церковь, перебили людей, захватили много полону, однимъ словомъ, поступили такъ какъ дѣлывали на датскихъ берегахъ куроны и на шведскихъ чудь (эсты). Паломники (крестоносцы) хотѣли было напасть на разбойниковъ, но тѣ, провѣдавъ, что они ѣдутъ въ Ливонію, прислали сказать имъ, что заключили миръ съ

рижанами. Крестоносцы повѣрили, и не желая нарушать мира съ эзельцами, оставили ихъ въ покоѣ и поплыли на Готландъ въ Висби.

Паломники благополучно прибыли въ Висби и были дружески приняты горожанами и гостями (hospitibus, иноземными купцами). Чрезъ нѣсколько дней подошли къ Висби и эзельскіе разбойники съ добычею. Паломники, увидя ихъ плывущими, начали упрекать горожанъ и купцовъ отчего они позволяютъ врагамъ Христова имени проходить мимо ихъ гавани. Горожане и купцы, желая жить въ мирѣ эстами, не хотѣли трогать ихъ. Тогда паломники отправились къ епископу Альберту и просили его разрѣшенія сразиться съ разбойниками. Епископъ не соглашался было, не желая подвергать опасности паломниковъ въ виду трудности возмѣщенія ихъ убыли въ то время, когда въ Ригѣ нуждались въ прибытіи свѣжихъ силъ. Нѣтъ разницы между язычниками, эстами и ливами, говорили паломники, и настойчиво просили епископа, чтобы онъ позволилъ ударить на разбойниковъ, вмѣнивъ имъ это въ отпущеніе грѣховъ (hoc pro peccatis eorum injungere). Епископъ согласился. Тогда паломники вышли въ море и напали на разбойниковъ, взошли на два разбойничьихъ корабля, убили тутъ 16 человѣкъ, взяли эти корабли съ находившимися на нихъ колоколами, священническими облаченіями и плѣнными христіанами и привели ихъ въ Висби. На третій разбойничій корабль (in tertiam piraticam), говоритъ Генрихъ, вскочилъ какой-то силачъ-нѣмецъ; держа обѣими руками мечь, онъ рубилъ имъ на всѣ стороны и одинъ положилъ на мѣстѣ 22 человѣка враговъ. Въ это самое время, когда онъ работалъ всѣми силами, восемь человѣкъ, оставшихся живыми, подняли парусъ; вѣтеръ погналъ корабль и такимъ образомъ этотъ германскій воинъ (miles germanicus) попалъ въ плѣнъ и былъ убитъ разбойниками, а корабль, на которомъ происходило дѣло, за малочисленностью экипажа, былъ сожженъ самими разбойниками. Отбитыхъ у разбойниковъ плѣнныхъ и церковныя вещи епископъ Альбертъ отослалъ къ архіепископу лундскому Андрею.

Изъ этого разсказа трудно понять почему паломники, не тронувъ разбойниковъ въ Листріи, все-таки напали на нихъ въ Висби. Но во всякомъ случаѣ изъ этаго разсказа уже видно какъ далеко заходили эзельскіе пираты и на сколько беззащитны были датскія предѣлы, если шайкѣ въ 500 человѣкъ удавалось безнаказанно жечь и грабить въ цѣлой области.

Изъ Висби паломники прибыли въ Ригу. Рижскіе горожане и другіе жители, проживавшіе въ Ригѣ (cives et alii Rigae morantes, пишетъ Генрихъ, не объясняя кто это были другіе, иноземные купцы или ливы), радостно встрѣтили паломниковъ, съ почетомъ приняли какъ епископа съ привезенными имъ мощами (reliquiis), такъ и всю его дружину (omnem ipsius comitatum).

Какъ велико было число прибывшихъ Генрихъ не обозначаетъ, но сколько бы ихъ не было, они подкрѣпили рижанъ какъ нельзя болѣе своевременно. Лѣтомъ 1203 г., слѣд. въ скоромъ времени послѣ ихъ прибытія, полоцкій князь (rex de Plosceke — пишетъ Генрихъ въ гл. VII, 7) съ войскомъ неожиданно вступилъ въ Ливонію и осадилъ Икскульскій замокъ (castrum Ikeskolam), тотъ самый замокъ, который до постройки Риги было мѣстопребываніемъ епископа и который Альбертъ пожаловалъ въ ленъ Конраду Мейендорфскому (см. выше стр. 96). Конрада въ замкѣ не было, и ливы какъ народъ безоруженный (homines inermes, пишетъ Генрихъ) не могли сопротивляться и предложили князю деньги. Князь взялъ деньги и снялъ осаду. Обстоятельство это показываетъ, что онъ прибылъ въ землю ливовъ для сбора дани. Отступивъ отъ Икскуля, князь подошелъ къ Гольмскому замку, построенному на островѣ Двины, но замокъ этотъ, по распоряженію Альберта, уже заняли нѣмцы и вооружили его камнеметными орудіями (balistis). Когда русскіе обнаружили намѣреніе овладѣть замкомъ, то нѣмцы начали дѣйствовать изъ балистъ и каменьями переранили у русскихъ много лошадей. Князь, видя, что стрѣлы его войска на перелетаютъ чрезъ Двину и потому безвредны замку, отступилъ (бѣжалъ, говоритъ Генрихъ).

Это было первое вооруженное столкновеніе крестоносцевъ съ русскими. Оно могло уже показать какого опаснаго сосѣда пріобрѣлъ себѣ полоцкій князь, дозволивъ проповѣдывать католичество ливамъ, въ лицѣ Альберта.

Тѣмъ же лѣтомъ герсикскій князь въ союзѣ съ литовцами (cum Letthonibus) подступалъ къ самой Ригѣ, но ничего важнаго не смогъ сдѣлать, захватилъ только пасшійся на лугу скотъ рижскихъ горожанъ, да взялъ въ илѣнъ двухъ священниковъ, Іоанна Фехтена и Фольгарда Гарпенштеда, вырубавшихъ вмѣстѣ съ крестоносцами лѣсъ у Старой горы. Какой-то Теодорихъ Брудегамъ съ нѣсколькими горожанами бросился было преслѣдовать князя, но былъ убитъ.

Этотъ набѣгъ, какъ и предшествовавшій ему походъ князя полоцкаго, остались безъ всякихъ послѣдствій; русскіе оставили въ покоѣ Ригу, а это именно и нужно было Альберту. Съ нѣсколькими сотнями крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Германіи и нежелавшихъ оставаться въ Ливоніи болѣе года времени, съ нѣсколькими десятками рижскихъ горожанъ ему нельзя было и думать о какихъ либо наступательныхъ дѣйствіяхъ на русскихъ князей, для расширенія и упроченія новоучрежденной рижской католической церкви. Его оставили въ покоѣ, не выступалъ и не вызывалъ и онъ на бой, всецѣло предавшись дѣлу увеличенія своихъ силъ и средствъ. Для этого ему нужно было привлекать на свою сторону ливскихъ старшинъ посредствомъ дѣятельной пропаганды католичества среди ливовъ, докончить укрѣпленія Риги на столько, чтобы она могла выдержать осаду непрія-

телей, а главное привести въ исполненіе свое предположеніе, уже одобренное и утвержденное папою, объ учрежденіи военно-монашескаго ордена. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ ливскихъ старшинъ, Каупо, уже принялъ христіанство (см. выше стр. 78). Альбертъ задумалъ отправить его въ Римъ къ папѣ въ томъ расчетѣ, что видъ вѣчнаго города и блескъ папскаго двора непремѣнно произведутъ сильнѣйшее впечатлѣніе на дикаря, который, возвратившись домой, не преминетъ разсказывать своимъ землякамъ о могуществѣ и величіи папы и католической церкви и тѣмъ самымъ явится лучшимъ проповѣдникомъ католичества среди ливовъ. Альбертъ расчитывалъ также, что представленіе папѣ новокрещеннаго лива будетъ полезно и тѣмъ, что побудитъ всемогущаго въ тѣ времена папу Иннокентія Ш обратить особенное вниманіе на ливонскую церковь, едва только начинающуюся и потому требующую сильной поддержки. Альбертъ привелъ въ исполненіе это свое намѣреніе: лѣтомъ 1203 г. отправилъ въ Римъ миссіонера Теодориха (Дитриха), при Мейнгардѣ еще проповѣдывавшаго христіанство въ ливской землѣ и потому хорошо знавшаго бытъ и положеніе ливовъ, который и взялъ съ собою Каупо. Съ паломниками, возвращавшимися въ Германію, Теодорихъ и Каупо выѣхали изъ Риги. Теодорихъ привезъ Каупо въ Римъ и представилъ папѣ. Иннокентій весьма благосклонно (benignissime, пишетъ Генрихъ) принялъ лива, поцѣловалъ его и много распрашивалъ о Ливоніи. Чрезъ нѣсколько дней папа подарилъ Каупо сто червонныхъ (centum aureos) и потомъ когда Каупо долженъ былъ отправиться домой, простился съ нимъ, благословивъ на путь съ великою нѣжностью (magno caritatis affectu), а Теодориху вручилъ, для доставленія Альберту, библію (bibliothecam, пишетъ Генрихъ, ибо въ тѣ времена монахи книги вѣтхаго и новаго завѣтовъ часто такъ называли), написанную своеручно покойнымъ папою Григоріемъ.

Весною 1204 г. Альбертъ отправился въ Германію набирать крестоносцевъ. Узнавъ объ его отъѣздѣ, придвинскіе ливы (изъ Ашерадена и Леневардена, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. УШ, § 1 своей лѣтописи) и литовцы сдѣлали набѣгъ на Ригу, въ то время едва-ли успѣвшую докончить свои стѣны и укрѣпленія. Партія человѣкъ въ 300 сдѣлала попытку угнать городской скотъ, пасшійся на лугу. Боясь засады, рижане не рѣшались выдти изъ города, и лишь человѣкъ 20 бросились отбивать скотъ. Къ нимъ на помощь подошли воины (вѣроятно крестоносцы). У Старой горы произошла жаркая схватка: бились до истощенія силъ (donec fessi ab invicem separantur). Между тѣмъ другая партія ливовъ на ладьяхъ спустилась внизъ по Двинѣ и подступила къ Ригѣ съ рѣчнаго берега, но потерпѣла пораженіе. Горожане вышли на встрѣчу и, пуская стрѣлы, обратили ихъ въ бѣгство. Тогда и первая партія, бившаяся у Старой горы, видя неудачу своихъ, отступила, захвативъ всего три лошади. Этотъ

самъ по себѣ ничтожный набѣгъ, не имѣлъ никакихъ послѣдствій: ливы и литовцы не тревожили Ригу, а рижане и крестоносцы, по всей вѣроятности, за малолюдствомъ и ослабленіемъ силъ, не предпринимали ничего противъ ливовъ. Надобно полагать, что все лѣто прошло въ работахъ по укрѣпленію города, а, быть можетъ, и по формированію ордена.

Осенью 1204 г. нѣкоторые крестоносцы, въ ихъ числѣ Арнольдъ Мейендорпскій и Бернгардъ Зеегузенскій, приготовились къ отъѣзду домой въ Германію. Они возложили на себя крестъ на годъ времени и срокъ ихъ пребыванія въ Ливоніи кончился. 7 Сентября они снялись съ якоря и при выходѣ въ море встрѣтили три корабля, шедшія въ Ригу. На этихъ корабляхъ возвращались изъ Рима Теодорихъ и Каупо. Плаваніе крестоносцевъ было неблагополучное: ихъ прибило вѣтромъ къ эстонскому берегу (ad partes Estlandiae, пишетъ Генрихъ. Кажется, что ихъ прибило къ острову Даго). Эстонскіе пираты немедленно напали на нихъ, но были отбиты, съ урономъ. Крестоносцы зацѣпили крючьями одинъ разбойничій корабль и начали его тянуть къ себѣ, тогда разбойники побросались въ воду и всѣ перетонули. На берегу крестоносцы нашли 50 христіанъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, они приняли ихъ къ себѣ. Путникамъ терзалъ голодъ, такъ какъ съѣстные припасы у нихъ вышли. Къ счастію, они встрѣтили большой купеческій корабль, снабдившій ихъ припасами. Претерпѣвъ новую бурю, они достигли Висби лишь 29 ноября. Отсюда они поплыли въ Данію. На пути ихъ захватили сильнѣйшіе морозы; море у датскихъ береговъ покрылось льдомъ. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ бросить свой корабль во льду и отправиться по льду на берегъ. Они такъ и сдѣлали: бросили корабль и, забравъ свои пожитки, добрались до берега. Чрезъ Данію они возвратились въ свое отечество.

Всю зиму (1204—1205 г.) епископъ Альбертъ провелъ въ Германіи, а между тѣмъ въ его отсутствіи въ Ливоніи произошло довольно важное столкновеніе съ литовцами, разсказанное Генрихомъ въ гл. IX, §§ 1—5 его лѣтописи.

Въ недѣлѣ Quinquagesimae, слѣд. въ февралѣ 1205 г., великимъ постомъ, партія литовцевъ въ числѣ 2000 всадниковъ прошла мимо Риги, чтобъ напасть на эстовъ. Генрихъ не объясняетъ, что именно побуждало литовцевъ сдѣлать такое нападеніе и на какихъ именно эстовъ они хотѣли сдѣлать набѣгъ, говоритъ только, что набѣгъ былъ предпринятъ въ обычное время, когда большая часть этихъ народовъ дѣлаютъ свои набѣги. Это обычное время была зима, когда рѣки и болота замерзаютъ. Одинъ богатый и знатный литовецъ, по имени Суэльгатъ, находившійся въ числѣ партіи, зашелъ со своими товарищами въ Ригу. Рижане встрѣтили его дружески, быть можетъ, вслѣдствіе заключеннаго съ литовцами еще въ 1201 г.

мира (см. выше стр. 96) и одинъ рижанинъ, по имени Мартинъ (фризъ), угостилъ ихъ медомъ. Генрихъ разсказываетъ, будто этотъ литовецъ, послѣдовавъ за своими, говорилъ товарищамъ: „А вы не замѣтили, какъ у нѣмцевъ, подносившихъ намъ медъ, тряслись руки отъ страха предъ нами. Теперь мы ихъ не тронемъ, а когда побѣдимъ область, на которую идемъ, то воротимся, перебьемъ ихъ всѣхъ и уничтожимъ ихъ деревню. Ибо едва-ли въ этомъ городѣ хватитъ на столько пыли, чтобъ ея достало по полной горсти нашему народу". Этого библейскаго выраженія о пыли (Книги I Царствъ, гл. 20, ст. 10), конечно, дикарь не употребилъ.

Какъ бы то ни было, но рижане пропустили партію мимо своего города, безъ всякаго препятствія. Чрезъ нѣсколько дней въ Ригу прибылъ провѣдавшій о литовскомъ набѣгѣ семигальскій старшина, латышъ Вестгардъ (Вистгардъ, Вестардъ, по гл. XXIII, § 4 лѣтописи Генриха, старшина Терватской земли; по Рифмованной Хроникѣ Вестеръ). Онъ началъ упрекать нѣмцевъ зачѣмъ они дозволили литовцамъ спокойно пройти мимо ихъ города и не безъ основаній указывалъ, что литовцы, ознакомившись съ мѣстностію, со временемъ могутъ разрушить Ригу. Рижане, за своимъ малолюдствомъ, не хотѣли начинать какой либо войны впредь до возвращенія епископа, но Вестгардъ началъ уговаривать ихъ ударить на литовцевъ, обѣщая привесть на помощь нѣмцамъ много семигалловъ (латышей), лишь бы нѣмцы дали ему нѣсколько человѣкъ, знающихъ военное дѣло и умѣющихъ устроить къ бою. Рижане подумали и согласились на предположеніе, но потребовали, чтобы Вестгардъ представилъ надежныхъ заложниковъ въ томъ, что приведетъ свое войско. Съ семигаллами нѣмцы были въ мирѣ и дружбѣ (см. выше стр. 96), и потому когда Вестгардъ дѣйствительно привелъ войско и сдалъ въ Ригу надежныхъ заложниковъ дружина епископа и братья воинства Христова отправились къ войску Вестгарда. Съ ними пошелъ Конрадъ Икскульскій (первый вассалъ епископа, см. выше стр. 96) и нѣсколько рижанъ, безъ которыхъ можно было обойтись въ городѣ. Соединенныя силы нѣмцевъ и семигалловъ заняли позицію на возвышенныхъ мѣстахъ, а предводители между тѣмъ послали въ Торейду соглядатаевъ развѣдать гдѣ литовцы и какою дорогою они возвращаются домой.

Здѣсь впервые упоминается о братьяхъ воинства Христова, т. е. объ меченосцахъ. Очевидно, къ этому времени орденъ меченосцевъ уже устроился, но какъ существованіе ордена безъ магистра являлось дѣломъ не возможнымъ, посему надобно полагать, что выборъ магистра состоялся въ то время. Первымъ магистромъ ордена былъ *Винно фонъ Рорбахъ*. Свѣденія о его личности крайне скудны. Генрихъ не приводитъ о немъ никакихъ біографическихъ данныхъ. Въ Рифмованной Хроникѣ (стихи 619—650) о первомъ магистрѣ сказано, что епископъ Альбертъ предъявилъ людямъ папское опредѣленіе, сколько земли должно быть дано духовному ордену. Храбрые герои, обладавшіе боевымъ мужествомъ и истинною любовію, помогали другъ

другу. Изъ нихъ храбрый герой, по имени Винно, былъ избранъ магистромъ. Весь свой умъ онъ употребилъ на распространеніе христіанства. Въ то время, къ общему одобренію, былъ выстроенъ домъ въ Венденѣ для защиты латышей и впослѣдствіи домъ въ Ашратѣ. Своею военною храбростію онъ охранялъ бѣдную землю. Коварные русскіе негодовали на это, ибо до временъ братьевъ они владѣли землею зеловъ, ливовъ и летовъ, а теперь у нихъ была отнята власть надъ нею, и съ этихъ поръ они лишь изрѣдка тѣснили магистра.

Съ несмѣтною добычею скота и лошадей и со множествомъ плѣнныхъ литовцы, пишетъ Генрихъ, возвращались домой, проходя отъ поселка къ поселку безъ всякихъ затрудненій или препятствій. Они дошли наконецъ до замка Каупо (нынѣшній Трейденъ) и, довѣряясь миру съ ливами (нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ литовцы вмѣстѣ съ ливами дѣлали набѣгъ на Ригу, см. выше стр. 106), спокойно расположились на ночлегъ у нихъ. Посланные развѣдчики тотчасъ же дали знать о томъ нѣмцамъ, а другіе развѣдчики сообщили, что литовцы идутъ домой не прежнею дорогою, а на Роденпойсъ (деревня у Егельскаго озера) и Икскуль. Войско нѣмцевъ и семигалловъ (waleva, пишетъ Генрихъ; кажется, что это древнее эстонское слово, употреблявшееся до XIV ст. въ смыслѣ войска и военнаго похода), приготовились къ бою. Литовцы раздѣлили свою партію на двѣ части, плѣнныхъ, числомъ больше тысячи, поставили по срединѣ, и двигались по глубокому снѣгу впередъ по одиночкѣ, одинъ за другимъ. Передовые, замѣтивъ слѣды людскихъ ногъ и подозрѣвая засаду, остановились; задніе вмѣстѣ съ плѣнными не переставали подходить и такимъ образомъ составился клинъ (военный строй, у русскихъ называвшійся „свиньею“). Семигаллы, увидѣвъ многочисленную толпу литовцевъ, замялись и не хотѣли вступать въ бой. Тогда Конрадъ, возложивъ на себя и на своего коня латы, съ немногими нѣмцами напалъ на литовцевъ. Литовцы не выдержали удара закованныхъ въ желѣзо рыцарей, бросились бѣжать въ разсыпную. Тогда и семигаллы, видя бѣгство литовцевъ, ободрились и начали преслѣдовать бѣглецовъ. Литовцы разсѣялись, пишетъ Генрихъ, какъ овцы по дорогѣ и ихъ погибло отъ острія меча 1200 человѣкъ. Погибъ и Суэльгатъ. Одинъ изъ воиновъ епископской дружины, Теодорихъ Сцилингъ, увидѣлъ его, ѣдущаго въ саняхъ, пронзилъ ему бокъ копьемъ. Семигаллы отрубили ему голову, положили въ свои сани, нагруженныя множествомъ литовскихъ головъ, и увезли въ ихъ землю, конечно, какъ трофей. Нѣмцы умертвили также нѣсколько плѣнныхъ эстовъ, которыя поступили въ прежнее время непріязненно противъ христіанъ. Генрихъ не объясняетъ какіе это были эсты: быть можетъ, то были эзельцы, славившіеся морскими разбоями.

Разсѣявъ литовскую партію, нѣмцы въ свою очередь вторглись въ литовскую землю и опустошили ее. Получивъ безчисленную добычу, лошадей и скота, платья и оружія, они, пишетъ Генрихъ, возвратились

домой цѣлы, здоровы и невредимы (подобное выраженіе любили употреблять и наши лѣтописцы; описывая набѣги русскихъ, они часто писали: взяли полону безъ числа и воротились по здорову).

Впослѣдствіи священникъ Іоаннъ (кажется тотъ самый, который былъ взятъ въ плѣнъ герсикскимъ княземъ, см. выше стр. 100), находившійся въ это время въ плѣну въ Литвѣ, разсказывалъ, что 50 литовскихъ женщинъ, по причинѣ гибели своихъ мужей, повѣсились, вѣря, что въ другой жизни они снова будутъ жить со своими мужьями.

Весною 1205 г. епископъ Альбертъ прибылъ въ Ригу и привезъ съ собою много крестоносцевъ. Между ними находились предводитель войска (belli dux, вѣроятно предводитель крестоносцевъ) графъ Генрихъ Стумпенгузенскій, владѣлецъ Изенбургскаго замка Коно, и другіе знатные рыцари какъ изъ Вестфаліи, такъ и Саксоніи. Пріѣхалъ также изъ Зегеберскаго монастыря и братъ епископа, Ротмаръ.

Первымъ дѣломъ епископа была постройка монастыря для цистерціонскихъ монаховъ въ Динаминдѣ. Прибывшіе крестоносцы построили этотъ монастырь; настоятелемъ сюда (абатомъ) епископъ назначилъ Теодориха, того самаго, который недавно иредставлялъ папѣ Каупо (ст. выше стр. 106). Генрихъ пишетъ, что епископъ ностуиилъ въ этотъ монастырь ради „расширенія виноградника Господня“ (гл. IX, § 7), но позволительно думать, что и военныя соображенія играли тутъ не малую роль. Монастыри встарину служили и укрѣпленными пунктами данной мѣстности. Монастырь, построенный при самой устьѣ Двины, могъ играть по отношенію къ Ригѣ туже роль, какую впослѣдствіи играла Динаминдская крѣпость по отношенію къ Рижской крѣпости. Онъ могъ составлять передовой военный постъ и защищать устье Двины отъ входа въ нея враждебныхъ кораблей, напр. эзельскихъ пиратовъ. Сомнительно, чтобы работы по постройкѣ монастыря были произведены въ одно лѣто; вѣроятно въ 1205 г. ему было положено основаніе, а окончательная постройка произведена въ послѣдующее время, но объ этомъ Генрихъ ничего не пишетъ.

Въ Ригѣ епископъ узналъ о нападеніи на этотъ городъ, произведенномъ во время его отсутствія ашерадскими и леневардскими ливами вмѣстѣ съ литовцами (см. выше стр. 106), и рѣшился, пользуясь силами новыхъ крестоносцевъ, не только отомстить придвинскимъ ливамъ за ихъ набѣгъ, но и покорить ихъ своей власти. Прежде всего онъ послалъ въ Икскуль Конрада Мейендорпскаго, которому еще прежде былъ отданъ этотъ замокъ въ ленъ, но гдѣ Конрадъ, по видимому, не жилъ, опасаясь ливовъ, проживавшихъ въ Икскульскомъ городѣ (см. выше стр. 78), дабы онъ предупредилъ ливовъ, что къ нимъ скоро пребудитъ самъ епископъ.

Языческія ливы, подозрѣвая, что Конрадъ не съ даромъ прибылъ къ нимъ, начали готовиться къ побѣгу. На другой день они

призвали къ себѣ Конрада, чтобъ услышить у него за чѣмъ онъ пріѣхалъ, намѣреваясь сго тутъ же и убить. Но Конрадъ пришелъ къ нимъ вооруженный съ ногъ до головы и, конечно, не одинъ. Убійство затруднилось, а между тѣмъ къ Икскулю прибыли нередовые крестоносцы. Ливамъ, не желавшимъ добровольно покориться, ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать изъ Икскуля. Они такъ и сдѣлали: крещеные и некрещеные забрали женъ своихъ и дѣтей, сѣли на лодки и поплыли вверхъ по Двинѣ къ ливскому Леневардскому городку (castrum, называетъ его Генрихъ). Епископъ съ крестоносцами прибылъ въ Икскуль, не засталъ уже тамъ никого изъ ливовъ, и со всѣмъ воинствомъ направился вверхъ по Двинѣ. Ливы бѣжали изъ своихъ поселковъ въ лѣса, и крестоносцы достигли до Леневардена, не встрѣтивъ нигдѣ людей. Леневардскій городокъ оказался пустымъ; здѣшніе ливы вмѣстѣ съ икскульскими успѣли скрыться въ глуби лѣсовъ. Крестоносцы сожгли городокъ и пошли далѣе по двинскому берегу къ Ашераденскому городку. И здѣшніе ливы послѣдовали примѣру своихъ икскульскихъ и леневардскихъ земляковъ: они бѣжали въ лѣса. Крестоносцы сожгли и этотъ городокъ. Тогда ашераденскіе ливы, видя гибель своего городка, смирились: пришли къ епископу съ покорностію, заключили миръ съ нѣмцами, дали заложниковъ, обѣщаясь въ скоромъ времи прибыть въ Ригу для крещенія. Они сдержали обѣщаніе, прибыли впослѣдствіи въ Ригу и крестились тутъ.

Крестоносцы остановились верстахъ въ двадцати отъ Кокейноса, составлявшаго уже русское владѣніе. Кокейноскій князь Вячко, (regulus Vesceke, какъ его называетъ Генрихъ) услышавъ, что латинскіе паломники въ значительно большомъ числѣ находятся недалеко отъ его волости прислалъ гонца (internuncium) къ епископу съ просьбою дать проводника, такъ какъ онъ желаетъ видѣться съ епископомъ. Проводника дали. Вячко на ладьѣ прибылъ изъ Кокейноса въ станъ крестоносцевъ и тутъ впервые свидѣлся съ Альбертомъ. Они дружелюбно встрѣтились, подали другъ другу руку (cum datis hinc inde dextris salutassent se — пишетъ Генрихъ въ гл. IX, § 10). Вячко заключилъ прочный миръ (firmam pacem) съ нѣмцами и весело возвратился домой. Въ чемъ состоялъ миръ, Генрихъ не объясняетъ, замѣчаетъ только что миръ продолжался не долго.

Послѣ свиданія съ Вячко, епископъ съ крестоносцами двинулся обратно въ Ригу. Ленневарденскіе и икскульскіе ливы гдѣ-то въ густомъ лѣсу между Ашераденомъ и Икскулемъ но дорогѣ въ Мемекюль (кюль — по ливски значитъ деревня) сдѣлали засаду и напали на крестоносцевъ, но безъ всякаго успѣха. Хорошо вооруженные крестоносцы безъ труда отбили нападеніе и безъ потерь прибыли въ Икскуль. Здѣшній замокъ, построенный еще при Мейнгардѣ, оказался пустымъ, ибо всѣ жители разбѣжались, но онъ занималъ такое выгодное въ

военномъ отношеніи положеніе и былъ построенъ такъ крѣпко, что епископъ постановилъ впредь не пускать сюда на жительство ливовъ. Вслѣдствіе этого Конрада ввели во владѣніе Икскулемъ и оставили ему въ распоряженіе, въ видѣ гарнизона, нѣсколько крестоносцевъ храбрыхъ и опытныхъ въ бояхъ (viros fortes et ad bella paratos). Крѣпостцу надобно было снабдить хлѣбомъ. Крестоносцы сжали поспѣвшіе уже посѣвы, сдѣланные ливами, сжатый хлѣбъ доставили въ крѣпостцу, и когда вся эта работа была окончена, епископъ съ прочими крестоносцами (пилигримами) отправился въ Ригу.

Вскорѣ послѣ отбытіи епископа, ливы сдѣлали засаду на нѣмцевъ, оставшихся въ Икскулѣ, и когда тѣ вышли изъ крѣпостцы, чтобы дожать хлѣбъ, оставшійся на поляхъ, напали на нихъ, захватили 17 человѣкъ въ илѣнь и принесли ихъ въ жертву своимъ богамъ, придвергнувъ мученіямъ. Между тѣмъ подходила осень и жить въ лѣсахъ безъ домовъ оказывалось невозможнымъ. Волею — неволею иодвинскимъ ливамъ пришлось смириться: они дали зазожниковъ, обѣщали принять крещеніе и на этомъ условіи примирились съ епископомъ и нѣмцами. Епископъ дозволилъ имъ возвратиться въ ихъ деревни и пользоваться прежними полями, но не позволилъ уже жить въ Икскульскомъ замкѣ. По всей вѣроятности покорившіеся ливы должны были платить десятину въ пользу церкви, быть можетъ, обязались нести и другія повинности, но объ этомъ Генрихъ умалчиваетъ. Какъ бы то ни было, ленневардскіе и икскульскіе ливы возвратились на жительство въ свои прежніе поселки, но, однакоже, не думали окончательно мириться со своимъ положеніемъ и рѣшились прибѣгнуть къ полоцкому князю, чтобы при его помощи отбиться отъ нѣмцевъ и отъ навязываемаго имъ, ливамъ, католичества. Рѣшились они прибѣгнуть къ князю, конечно, потому что были его данниками и надѣялись, что, князь, взимая дань, долженъ же и защитить своихъ данниковъ отъ утѣсненій пришельцевъ.

Ливскіе старшины (seniores — какъ ихъ называетъ Генрихъ) по совѣщанію между собою тайно отправили осенью 1205 г. въ Полоцкъ нѣсколькихъ ливовъ заявить князю Владиміру о разореніяхъ, произведенныхъ въ ихъ земляхъ крестоносцами, и побудить его изгнать нѣмцевъ изъ Ливоніи. Послы исполнили возложенное на нихъ порученіе и сказали князю, что епископъ съ его окружающими (cum sequentibus suis) сдѣлались нестерпимыми ливамъ и что его вѣра (jugum fidei) ливамъ невыносима. Князь (rex, какъ его называетъ Генрихъ) повѣрилъ ливамъ и приказалъ по всему своему княжеству готовиться къ походу, чтобы съ вскрытіемъ Двины, будущею весною 1206 г., на ладьяхъ и плотахъ съ надлежащими для военнаго похода снарядами и припасами плыть къ Ригѣ, пользуясь быстрымъ теченіемъ рѣки, обыкновенно бывающемъ въ ней при водополыи. Князь, конечно, отъ ливовъ узналъ, что епископъ и крестоносцы осенью

обыкновенно уѣзжаютъ изъ Риги и потому раннею весною, когда корабли еще не успѣютъ придти изъ за границы, въ Ригѣ не должно быть много народу и потому овладѣть посредствомъ нечаяннаго нападенія городомъ. котораго укрѣпленія еще не были докончены, не составитъ особеннаго труда. Но для нечаяннаго нападенія было необходимо, чтобы рижане никакъ не провѣдали о предполагаемомъ походѣ на нихъ и не приняли заблаговременно мѣръ къ оборонѣ.

Въ то самое время когда ливскіе старшины тайно отправляли своихъ пословъ къ полоцкому князю, епископъ Альбертъ снарядилъ къ тому же князю свое посольство, въ главѣ котораго поставилъ ново-учрежденнаго въ Динаминдѣ монастыря абата Теодориха, того самаго который, быть можетъ, бывалъ въ Полоцкѣ и прежде. Генрихъ пишетъ (гл. X, § 1), что причиною и поводомъ снаряженія посольства было желаніе епископа снискать дружбу и расположеніе князя Владиміра, какими нѣкогда пользовался у него Мейнгардъ. Но, кажется, были и другіе причины, болѣе важныя, чѣмъ снисканіе дружбы, о которой епископъ ни мало не заботился до того времени. Дѣло въ томъ, что епископъ, какъ разсказано выше, сжегъ два ливскія городка и началъ по отношенію къ ливамъ распоряжаться какъ властитель ихъ. Но епископу было хорошо извѣстно, что придвинскіе ливы, противъ которыхъ лѣтомъ 1205 г. ходили крестоносцы, были данниками полоцкаго князя, и потому князь не только могъ, но и долженъ былъ вступиться за разоренія, причиненныя его данникамъ, а такое заступничество могло повести къ открытой войнѣ, исходъ которой могъ быть очень опаснымъ для ливской церкви. вслучаѣ если русскіе и ливонскіе туземцы будутъ дѣйствовать по одному и томуже плану.

Все это заставляетъ предполагать, что, отправляя посольство къ князю, епископъ имѣлъ въ виду не столько пріобрѣтеніе дружбы и расположенія его, сколько полученіе вѣрныхъ свѣдѣній о томъ какъ смотритъ князь на дѣйствія католиковъ въ Ливоніи и не замышляютъ ли русскіе заступиться за своихъ данниковъ. Посольство должно было постараться своими объясненіями успокоить князя, усыпить, такъ сказать, его подозрительность и вмѣстѣ съ тѣмъ переговорить не льзя ли повести дѣло о дани съ ливовъ на другихъ основаніяхъ, и не согласится-ли князь получать слѣдующую ему съ ливовъ дань прямо отъ епископа, передавъ ому право сбора этой дани.

Догадку эту до нѣкоторой степени подтверждаетъ дальнѣйшій разсказъ Генриха о посольствѣ Теодориха.

Чтобы задобрить князя, епископъ послалъ къ нему чрезъ Теодориха верховаго конь съ доспѣхами (dextrarium cum armatura). Но по дорогѣ посольство было ограблено литовскими разбойниками (a latrunculis Letthonum, пишетъ Генрихъ). Разбойники обобрали у пословъ до чиста все, что у нихъ было, говоритъ Генрихъ, отняли и княжес-

каго коня; послы, однако, здравы и невредимы пришли къ князю. Они ничего не знали о томъ, что князь велѣлъ готовиться своимъ къ походу на Ригу, ни о томъ, что у князя уже побывало ливское посольство. Когда епископскіе послы пришли представиться князю, то застали у него и ливскихъ пословъ. Князь спрссилъ: съ какою цѣлію пришло посольство отъ епископа? Послы отвѣчали, что прибыли мира и дружбы ради. Ливы тогда съ бранью и горечью (maledictione et amaritudine) закричали, что люди эти (т. е. нѣмцы) и не хотятъ и не держатъ мира (nec eos pacem velle, nec servare). Князь, опасаясь обнаруженія своихъ намѣреній, удалилъ отъ себя нѣмецкое посольство и велѣлъ ему оставаться на постояломъ дворѣ (in hospitio). Но абатъ, продолжая переговоры (значитъ было же о чемъ переговаривать), успѣлъ подкупить подаркомъ и деньгами (muneribus et pecuniae, значитъ разбойники не до чиста ограбили пословъ) одного изъ княжихъ совѣтниковъ и отъ него узналъ о замышляемомъ походѣ на Ригу. Надобно было объ этомъ сообщить епископу немедленно, но какъ и чрезъ кого? Абатъ провѣдалъ, что въ городѣ находится какой-то нищій, пришедшій изъ Гольмскаго замка подъ Ригою. Онъ далъ этому нищему полмарки серебра и поручилъ ему отнести письмо къ епископу и всѣмъ вѣрующимъ, въ которомъ описалъ все слышанное и видѣнное. Епископъ получилъ письмо во время: онъ уже приготовился было ѣхать въ Германію съ крестоносцами, кончившими срокъ, на какой они возложили на себя кресть, уже выѣхалъ было въ Динаминдъ, но, получивъ письмо, остался и воротился въ Ригу. Многіе изъ паломниковъ, приготовившихся ѣхать домой за море, также остались и возвратились въ Ригу.

Полоцкій князь какими-то путями узналъ о поступкѣ Теодориха, позвалъ его къ себѣ и спросилъ: посылалъ-ли онъ гонца въ Ригу? Теодорихъ отвѣчалъ, что переслалъ письмо чрезъ кого-то (per quendam). Прочіе послы, боясь княжаго гнѣва, неотступно просили абата отречься отъ своихъ словъ, сказать князю, что никакого письма онъ не посылалъ въ Ригу, но Теодорихъ не согласился на подобное отреченіе, зная, что сказаннаго не воротишь (quod semel emissum volat irrevocabile verbum, пишетъ Генрихъ, подражая въ этомъ мѣстѣ Горацію).

Полоцкій князь, видя, что его намѣреніе нечаянно напасть на Ригу обнаружено, бросилъ военные замыслы и прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которая ни въ какомъ сюучаѣ не могла привести ни къ какому результату: онъ отпустилъ епископскихъ пословъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ въ Ливонію русское посольство. Русскимъ посламъ было поручено выслушать обѣ стороны, ливовъ и епископа, опредѣлить на чьей сторонѣ была правда, и это рѣшеніе должно было имѣть силу (quod justum esset decerneretur et hoc ratum haberent, говоритъ Генрихъ въ гл. X, § 3). Съ чего взялъ полоцкій князь, что епископъ

послушается и исполнить опредѣленіе, если послы признаютъ правыми ливовъ — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ и тутъ видно, съ какимъ легкомысліемъ относился полоцкій князь Владиміръ къ ливонскимъ дѣламъ. Онъ дозволилъ Мейнгарду проповѣдывать католичество ливамъ, не подумавъ къ чему можетъ повести такая проповѣдь; не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлаютъ нѣмцы въ усть-двинскихъ мѣстностяхъ, дозволилъ имъ безпрепятственно построить укрѣпленія въ Икскулѣ и Гольмѣ, нимало не мѣшалъ закладкѣ Риги, и за тѣмъ, когда отъ ливскихъ пословъ узналъ, чтъ дѣлаютъ съ ливами католики, рѣшился на походъ противъ Риги, но тотчасъ же отмѣнилъ рѣшеніе, когда увидѣлъ, что впрасплохъ на Ригу напасть нельзя, и ограничивается отправкою посольства, которое не будучи подкрѣплено военною силою, не могло привести ровно ни къ какому результату. Поправить промахи прошлаго еще было можно, еще было можно совладать съ Альбертомъ и нѣмцами, но для этаго были необходимы энергія и серьезная поддержка тѣхъ, противъ кого были обращены дѣйствія нѣмецкихъ католиковъ, по никакой своевременной поддержки ни ливамъ, ни придвинскимъ русскимъ волостямъ оказано не было, чѣмъ Альбертъ и воспользовался какъ нельзя удачнѣе.

Весною 1206 г., когда Двина вскрылась, русское и нѣмецкое посольство изъ Полоцка отправилось въ Ливонію и, пользуясь водополъемъ, очень скоро прибыло въ Кокейносъ. Русскіе послы отправили діакона Стефана (другаго, не первомученника, alium tamen, quam protomartyrem, иронически замѣчаетъ Генрихъ) вмѣстѣ съ абатомъ Теодорихомъ въ Ригу сказать епископу, дабы онъ прибылъ къ 30 мая 1206 г. на назначенное мѣсто на рѣкѣ Вогенѣ (нынѣ Огеръ, впадающій въ Двину верстахъ въ 30 выше Риги), и вмѣстѣ съ тѣмъ послы разослали гонцовъ всюду по деревнямъ къ ливамъ и латышамъ, чтобъ и они къ 30 мая вооруженные (cum armis suis) приходили къ собранію. Къ назначенному сроку ливы пришли, но латыши не явились: они, говоритъ Генрихъ, хоть и были язычниками еще, но благоволили къ христіанамъ и не пришли къ собранію, не склоняясь даже подарками, которые давали имъ русскіе за нанесеніе вреда нѣмцамъ. Едва-ли это было такъ на дѣлѣ: латыши не пришли къ собранію, потому что всегда враждовали съ ливами и не хотѣли дѣйствовать съобща съ ними, какъ о томъ замѣчаетъ самъ Генрихъ въ гл. XI, § 7 своей лѣтописи.

Епископъ Альбертъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ собранію не явился. На приглашеніе прибыть къ переговорамъ онъ поручилъ діакону Стефану сказать посламъ такъ (см. у Генриха гл. X, § 4): „Общій обычай во всѣхъ странахъ требуетъ, чтобы послы своего господина приходили или посѣщали того, къ кому посланы; государь же (princeps), какъ бы слабъ и снисходителенъ онъ не былъ, никогда не выходитъ изъ своего мѣстопребыванія (de suis munitionibus)

на встрѣчу посламъ. Подобаетъ, дабы посольство и послы находились въ нашемъ городѣ, дабы ихъ можно были принять и угостить съ честію. Приходите же безъ всякихъ опасеній къ почетному пріему".

Отвѣтъ замѣчательный: епископъ выражается уже какъ владѣтельный государь и требуетъ соблюденія этикета. Впрочемъ, нельзя было и ожидать, чтобъ онъ прибылъ къ собранію, не побуждаемый никакою крайностію. Являться на собраніе это значило-бы подчиниться третейскому суду русскихъ и рисковать, быть можетъ, жизнію, а этого именно и не желалъ епископъ. Русскіе тоже не поѣхали въ Ригу, съ епископомъ не видѣлись и никакихъ переговоровъ съ нѣмцами не имѣли.

Къ назначенному времени и мѣсту вооруженные ливы начали собираться со всѣхъ сторонъ. Прежде всего явились старшины изъ Гольмскаго замка. Они приплыли на ладьѣ и, приставъ въ Икскулѣ, звали нѣмцевъ, находившихся въ этомъ городкѣ, ѣхать вмѣстѣ на собраніе, по тѣ, опасаясь не безъ основаній за свою жизнь, не поѣхали. Прибыли ливы торейдскіе и вейналенскіе (Weinalenses — пишетъ Генрихъ. Двина по ливски называется Вена, Вейна; тогда Вейнала значитъ Двинская область, а вейналенцы значитъ придвинскіе ливы); пришли кое-кто изъ иозванныхъ литовцевъ. Прибыли-ли къ совѣщанію изъ Кокейноса русскіе послы Генрихъ не пишетъ, но вѣроятно прибыли: вѣдь они же собирали собраніе.

Собраніе (placitum, кругъ) открылось 30 мая. Главную роль играли гольмскіе ливы и ихъ старшина Ако, непримиримый врагъ нѣмцевъ. Тутъ замѣтили, что между собравшимися находятся двое новокрещенныхъ икскульцевъ, Киранъ и Лайянъ. Подозрѣвая измѣну (Генрихъ пишетъ, что оба они просились у Конрада отпустить ихъ на собраніе, чтобъ узнать о замыслахъ ливовъ противъ христіанъ, — надѣясь, что ихъ не выдадутъ многочисленные родственники и друзья; Конрадъ отпустилъ ихъ), ливы потребовали, чтобъ оба они тотчасъ же отреклись отъ Христа и отъ нѣмцевъ. Тѣ отказались; тогда ливы связали обоихъ веревками по ногамъ и разорвали на куски. Начали тогда совѣщаться, что дѣлать дальше? Постановили занять ближайшій къ Ригѣ замокъ, Гольмъ, въ которомъ нѣмецкаго гарнизона не было, и изъ Гольма добывать Ригу, чтобъ совершенно разрушить этотъ городъ и изгнать изъ Ливоніи нѣмцевъ поголовно. Въ тотъ же день постановленіе это ливы начали приводить въ исполненіе. Вся вооруженная масса ихъ двинулась къ Гольму и на другой день, 31 мая, вступила въ этотъ городокъ.

Занявъ Гольмъ (островъ) и находившійся на немъ замокъ, ливы прежде всего умертвили мѣстнаго священника Іоанна. Они отрубили ему голову и тѣло разсѣкли на куски. Этотъ священникъ, говоритъ Генрихъ (гл. X, § 7) былъ родомъ изъ Виронін, крещенъ во время набѣга на эту страну шведовъ (см. выше стр. 83), отвезенъ въ

Зегебергскій монастырь, оказалъ хорошіе успѣхи въ наукахъ, привезенъ въ Ригу епископомъ Альбертомъ и рукоположенъ имъ въ священники гольмскаго прихода, въ которомъ и крестилъ много народа въ христіанство Не избѣгли бы гибели и новокрещенные, но они успѣли во время бѣжать въ Ригу.

Ливы, расчитывая, что въ Ригѣ въ это время было мало народа, надѣялись легко овладѣть этимъ городомъ. Народу тамъ дѣйствительно было не много: часть крестоносцевъ уѣхала домой еще съ осени прошлаго года, а новыхъ не прибывало; орденъ меченосцевъ, хотя и учредился, но былъ пока скуденъ числомъ братьевъ-рыцарей; горожанъ было тоже немного, — но все-таки овладѣть порядочно уже укрѣпленнымъ городомъ, какимъ была Рига въ то время, было не такъ-то легко дикарямъ, плохо вооруженнымъ и не обладавшимъ никакимъ искуствомъ атаки крѣпостей. Часть ливовъ обратились было на Ригу, захватила лошадей съ луговъ, перебила попавшихся людей, но городу ничего не могла подѣлать. Епископъ, между тѣмъ, созвавъ на совѣтъ братьевъ рыцарства, горожанъ и крестоносцевъ, оставшихся на второй срокъ, и предложилъ обсудить: что дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ? Постановили: атаковать ливовъ и овладѣть Гольмомъ, поручивъ Ригу заботамъ епископа. До какой степени было мало военнаго люда въ тогдашней Ригѣ можно судить изъ того, что для дѣйствій противъ многочисленной толпы ливовъ христіане могли сформировать отрядъ всего въ 150 человѣкъ нѣмцевъ и крещеныхъ ливовъ, проживавшихъ въ Ригѣ. Отрядъ этотъ вооружился самострѣлами, сѣлъ на ладьи и 4 іюня 1206 г. подплылъ къ Гольму. Ливы высыпали на берегъ, чтобы не допустить высадки, и пустили тучу стрѣлъ въ хрпстіанское войско. Оно было замялось, но тотчасъ ободрилось, когда братъ рыцарства (меченосецъ) Арнольдъ выскочилъ изъ ладьи въ воду, чтобы штурмовать берегъ. Его примѣру послѣдовали другіе, бросились изъ ладей и, закрываясь отъ стрѣлъ и камней щитами, вышли на берегъ. Закипѣлъ отчаянный бой: ливы не выдержали натиска хорошо вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу нѣмецкихъ войновъ, и бросились бѣжать. Одни были убиты на мѣстѣ, другіе кинулись въ замокъ, иные бросились въ Двину, чтобъ переплыть на другую сторону рѣки, при чемъ нѣкоторые утопули, но нѣкоторые спаслись (не отъ ада только, замѣчаетъ Генрихъ). Въ схваткѣ этой былъ убитъ и Ако, зачинщикъ всего возстанія. Онъ, говоритъ Генрихъ (глава X, § 8), наущалъ полоцкаго князя на войну съ рижанами, онъ поднималъ литовцевъ, онъ призвалъ торейдцевъ и прочихъ ливовъ на борьбу съ христіанами. Нѣмцы отрубили голову Ако и тотчасъ же послали ее къ епископу, какъ знакъ побѣды. Епископъ съ клериками, отслуживъ въ этотъ день обѣдню, ждалъ извѣстія изъ Гольма. И вотъ вдали появился челнокъ, въ которомъ ѣхалъ меченосецъ съ нѣсколькими рапеными, п

привезъ голову Ако. Епископъ, говоритъ Генрихъ, возблагодарилъ Бога за спасеніе церкви.

Между тѣмъ христіанскій отрядъ вступилъ въ гольмское предмѣстье. Тотчасъ же подложили огонь къ стѣнамъ замка, метательными орудіями начали бросать камни въ замокъ и стрѣлами перераниди множество ливовъ, стоявшихъ на валу. Ливы, видя невозможность защищать замокъ, запросили мира. Нѣмцы дали миръ, при чемъ изъ замка выпустили всѣхъ торейдцевъ (они оказались всѣ перераненными), но гольмцевъ не пустили: старшинъ ихъ свезли въ Ригу и тамъ заковали въ цѣпи. Въ томъ же 1206 г. епископъ, уѣзжая за море, взялъ этихъ старшинъ съ собою, чтобъ они, пишетъ Генрихъ, видѣли и слышали въ Германіи обычаи христіанъ и научились быть вѣрными. Епископъ, конечно, не одно это имѣлъ въ виду: увозя старшинъ, онъ лишалъ ливовъ людей, руководившихъ ихъ дѣйствіями.

По овладѣніи Гольмомъ, епископъ распорядился, чтобы замокъ этотъ имѣлъ постоянный нѣмецкій гарнизонъ. Онъ прислалъ въ Гольмъ своего священника Даніила, только что прибывшаго изъ Готланда, откуда онъ привезъ на двухъ корабляхъ (cum duobus coggonibus; коггами звали транспортныя суда) хлѣбъ и съѣстные припасы, въ которыхъ Рига въ то время сильно нуждалась, начальникомъ же замка назначилъ своего стольника (dapifer, Truchsesz) Гевегарда и въ его распоряженіе далъ нѣсколькихъ камнеметчиковъ и другихъ воинскихъ людей. Даніилъ и Гевегардъ должны были охранять замокъ и смотрѣть, чтобы живпіе тутъ ливы не призывали къ себѣ ни русскихъ, ни язычниковъ.

Такимъ образомъ Икскуль и Гольмъ получили нѣмецкіе гарнизоны, чѣмъ доступъ къ Ригѣ по Двинѣ сильно затруднился, какъ то вскорѣ на себѣ и испытали полочане.

Устроивъ оборону Икскуля и Гольма, епископъ, не смотря на малочисленность своего войска, рѣшился предпринять походъ на торейдскихъ ливовъ, являвшихся ожесточенными врагами нѣмцевъ (епископу было очень хорошо извѣстно, что ихъ послы ходили въ Полоцкъ звать князя Владиміра на рижанъ, что торейдцы вмѣстѣ съ прочими ливами принимали самое дѣятельное участіе въ собраніи 30 мая на Огерѣ и ходили на Гольмъ). Торейда — это была небольшая ливская область, занимавшая по рѣкѣ Лифляндской Аа, встарину называвшейся Койвою или Гойвою (эстонцы и понынѣ называютъ эту рѣку Койвою, латыши же зовутъ ее Гауя; слово Койва происходитъ отъ эстскаго слова кевъ, кейвъ, означающаго березу), мѣстности, гдѣ нынѣ находятся Трейденъ и Зегевольдъ, верстахъ въ 50—60 отъ Риги. Для обезпеченія успѣха похода, епископъ призвалъ къ общему дѣйствію на торейдцевъ семигалловъ, враждовавшихъ съ ними. Альбертъ умѣлъ пользоваться враждою между народцами,

обитавшими въ Ливоніи, и, вооружая ихъ другъ противъ друга, обезсиливалъ ихъ, чѣмъ и обезпечивалъ себѣ возможность съ ничтожными силами удерживать въ повиновеніи народцы, сравнительно довольно многочисленные. Семигаллы, говоритъ Генрихъ (гл. X, § 10), обрадовались предложенію воевать со своими врагами и въ числѣ 300 человѣкъ со своимъ предводителемъ, Вестгардомъ, пришли къ епископу. Соединенное войско, нѣмцы и семигаллы, выступило изъ подъ Риги въ походъ, и прибывъ къ рѣкѣ Койвѣ, раздѣлилось на двѣ части. Одна часть, подъ предводительствомъ Каупо, того самаго который въ 1204 г. былъ у папы и по возвращеніи изъ Рима проживалъ въ Ригѣ, направилась на городокъ, гдѣ проживали его родственники и друзья (городокъ этотъ назывался замкомъ Каупо и находился, кажется, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ Трейденъ). Другая часть направилась на Зетезель (близь нынѣшняго Зегевольда), въ которомъ проживалъ старшина торейдскихъ ливовъ, Дабрель. Каупо безъ особеннаго труда овладѣлъ своимъ замкомъ, потому что большинство его защитниковъ разбѣжалось по лѣсамъ, чуть лишь увидѣло приближающееся войско. Христіане ворвались въ замокъ, убили человѣкъ 50 язычниковъ, забрали много вещей и всякой добычи, а самый замокъ зажгли. Такъ крещеный ливъ сослужилъ службу нѣмцамъ: самъ повелъ ихъ на своихъ земляковъ и сгубилъ своихъ родичей и бывшихъ друзей. Альбертъ не ошибся въ расчетѣ, когда отправлялъ его въ Римъ (см. выше стр 106).

Другая часть войска не имѣла удачи. Въ городокъ Зетезель, доступной лишь съ сѣверной стороны и то по узкой тропинкѣ, сбѣжались окрестные ливы, увидѣвшіе дымъ и пламя отъ горѣвшаго городка Каупо, и приготовились къ отчаянной оборонѣ. Старшина Дабрель, ободрялъ, пишетъ Генрихъ, своихъ земляковъ, говоря имъ, подобно филистимлянамъ: „Будьте мужественны и сражайтесь, да не послужите евреямъ“. Крестоносцы вмѣстѣ съ семигалами бросились на приступъ, но были отбиты съ потерею 5 человѣкъ; цѣлый день они бились съ ливами, но не могли ничего подѣлать. Къ вечеру они отступили отъ городка и, удовольствовавшись разореніемъ его окрестностей, пошли на соединеніе съ отрядомъ Каупо. Оба отряда возвратились подъ Ригу. Здѣсь нѣмцы и семигаллы подѣлили между собою награбленную добычу, и епископъ, пишетъ Генрихъ, возблагодаривъ Бога (gratias agens Deo), отпустилъ семигалловъ въ ихъ земли.

Подходила осень. Альбертъ, смиривъ придвинскихъ ливовъ и возобновивъ миръ съ ними, рѣшился ѣхать въ Германію за новыми крестоносцами. Онъ вышелъ въ море, но ночью поднялась такая сильная буря, что на другой день его корабль принесло снова въ Двину. Выждавъ наступленіе хорошей погоды, епископъ снова выѣхалъ въ море, увезя съ собою въ Германію (in Alemanniam, пишетъ Генрихъ,

вездѣ называющій Германію словомъ Teuthonia) ливскихъ гольмскихъ старшинъ и, конечно, тѣхъ крестоносцевъ, которымъ вышелъ срокъ, на какой они возложили на себѣ крестъ. Съ отъѣздомъ этихъ крестоносцевъ, численность защитниковъ Риги, и безъ того небольшая, уменьшилась еще болѣе.

Какъ только уѣхалъ епископъ, ливы тотчасъ же посылали къ полоцкому князю гонцовъ (nuntios suos) съ извѣстіемъ о понесенныхъ ливами пораженіяхъ и разореніяхъ и съ просьбою, чтобы князь воспользовался отсутствіемъ епископа и шелъ на Ригу, гдѣ осталось мало народа. Владиміръ и прежде былъ не прочь отъ похода въ Ливонію, теперь рѣшился напасть на Ригу съ рѣки, не зная, вѣроятно, что добраться до Риги Двиною сдѣлалось уже несравненно труднѣе, чѣмъ было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ибо Икскуль и Гольмъ сдѣлались уже въ то время настоящими передовыми укрѣпленіями Риги, получили нѣмецкіе гарнизоны и были порядочно вооружены баллистами (камнеметными машинами, дѣйствовавшими на подобіе нынѣшнихъ пушекъ); добраться до Риги, не взявъ Гольма, было невозможно, взять же замокъ Гольмъ, не имѣя баллистъ, и съ войскомъ, вооруженнымъ лишь копьями, луками и мечами, было во всякомъ случаѣ не легко. Князь, однако, созвалъ войско со своего княжества (de omnibus locis regni sui), призвалъ на помощь подручныхъ себѣ князей (regnii vicinorum et amicorum suorum. въ ихъ числѣ, конечно, князей герсикскаго и кукенойскаго), снарядилъ ладьи и на этихъ ладьяхъ съ большою военною силою осенью 1206 года отправился внизъ по Двинѣ. Русское войско скоро явилось подъ Икскулемъ и, незная вѣроятно, что въ Икскульскомъ замкѣ уже нѣтъ ни однаго лива, а стоитъ нѣмецкій гарнизонъ подъ начальствомъ Конрада Мейендорфскаго, начали были высаживаться на берегъ. Солдаты Конрада встрѣтили русскихъ камнями изъ баллистъ и многихъ тяжело переранили. Князь тогда, оставивъ Икскуль въ покоѣ, на ладьяхъ поплылъ дальше внизъ по Двинѣ и сталъ подъ Гольмскимъ замкомъ. Гольмскій гарнизонъ заперся въ замкѣ и началъ дѣйствовать по русс имъ каменьями. Русскіе, вовсе не знавшіе баллистъ, могли дѣйствовать по замку лишь стрѣлами. Замокъ былъ окруженъ частоколомъ, русскіе начали дѣлать попытки зажечь частоколъ и замокъ, нарубили множество дровъ, и начали подносить ихъ къ замку. Но работа оказалась тщетною: баллисты не допускали близко подходить къ замку и много русскихъ при подноскѣ дровъ было убито и ранено. Князь разослалъ тогда гонцовъ къ торейдцамъ, къ латышамъ и ближайшимъ язычникамъ, чтобы они спѣшили приходить ему на помощь къ Гольму, съ тѣмъ чтобы отсюда идти на Ригу. Торейдцы пришли немедленно и начали усердно помогать русскимъ при ношеніи дровъ и осадѣ замка, но латыши изъ вражды къ ливамъ не пришли, какъ не приходили и на совѣщаніе 30 мая. Русскіе сдѣлали себѣ неболь-

шую камнеметную машину, на подобіе нѣмецкой, но не умѣя владѣть ею, только вредили самимъ себѣ, потому что камни летѣли назадъ и били своихъ. Осада шла очень неудачно, тѣмъ не менѣе и Гольмъ и самая Рига находились въ опасномъ положеніи и непремѣнно погибли бы, если бы полоцкій князь обладалъ хоть какою-либо выдержкою и постоянствомъ. Гольмскій гарнизонъ состоялъ всего изъ 20 нѣмцевъ, прочіе были ливы, на вѣрность которыхъ нѣмцы до того не полагались, что ни на минуту не сходили съ бруствера, обороняя крѣпостной валъ какъ отъ ливовъ внутри, такъ и отъ русскихъ извнѣ. Изъ этихъ 20 человѣкъ многіе уже были ранены стрѣлами, былъ раненъ и епископскій стольникъ Гевегардъ (онъ скоро умеръ отъ раны). Не въ лучшемъ положеніи была и Рига: стѣны ея были не докончены и не имѣли надлежащей высоты для обороны, число защитниковъ было самое незначительное. Если бы дни войны не сокращались, пишетъ Генрихъ, т. е. еслибъ полоцкій князь продолжалъ осаду, то и Гольмъ и Рига, за малолюдствомъ гарнизоновъ, должны бы были пасть, но въ томъ-то и дѣло, что князь не довелъ начатаго дѣло до конца. Ливскіе развѣдчики сказали ему, что по всѣмъ дорогамъ къ Ригѣ и полямъ разбросано множество трехъ-зубчатыхъ желѣзныхъ гвоздей, отчего ни проходу, ни проѣзду къ Ригѣ нѣтъ. За тѣмъ торейдцы сказали, что видѣли въ морѣ корабли, идущіе въ Ригу. Князь, предполагая, что на этихъ корабляхъ плыветъ войско на усиленіе рижскаго гарнизона, поспѣшилъ снять осаду Гольма, продолжавшуюся 11 дней, забралъ въ ладьи раненыхъ и тѣла убитыхъ русскихъ, и возвратился въ Полоцкъ, не причинивъ никакого существеннаго вреда нѣмцамъ, напротивъ потерявъ много своего народа.

Свѣдѣнія, сообщенныя князю торейдцами о видѣнныхъ корабляхъ, шедшихъ въ Ригу, оказались совершенно вѣрными. Дѣйствительно къ Ригѣ подходили два корабля. На нихъ находились архіепископъ лундскій Андрей со своимъ канцлеромъ, епископомъ шлезвигскимъ Николаемъ и частью датской епископской дружины. Они возвращались съ похода на островъ Эзель и архіепископская дружина, какъ ни была малочисленна, все же могла усилить рижскій гарнизонъ, слѣд. предположеніе князя Владиміра не было лишено основаній.

Но однако, за чѣмъ и по какому поводу ѣхалъ въ Ригу архіепископъ лундскій?

Было уже выше сказано (см. стр. 91), что по смерти короля Канута VI на датскій престолъ вступилъ въ 1202 году его братъ Вальдемаръ, герцогъ шлезвигскій, торжественно въ 1203 году короновавшійся королемъ датскимъ и вендскимъ. Мы уже видѣли также, что въ этомъ самомъ году эзельцы сдѣлали набѣгъ на датскія земли, на Листрію (см. выше стр. 103), сожгли тутъ церковь, перебили тутъ много людей и забрали не мало полона. Крестоносцы альбертовы отбили у разбойниковъ ихъ добычу, и епископъ Альбертъ

отослалъ къ лундскому архіепископу Андрею людей и вещи, захваченныя эзельцами въ Даніи. Вслѣдствіе такого набѣга король Вальдемаръ II рѣшился для пресѣченія морскихъ разбоевъ со стороны Эзеля покорить этотъ островъ. Онъ собралъ войско, но отвлеченный другими дѣлами, ничего не предпринималъ противъ Эзеля до 1206 года. Въ этомъ году онъ поднялся на эзельцевъ съ цѣлію обратить ихъ въ христіанство и овладѣть ихъ островомъ. 13 января 1206 г. папа издалъ буллу, уполномочившую архіепископа лундскаго поставить въ странѣ, какую завоюетъ король, епископа. Лѣтомъ этого года король съ войскомъ, лундскій архіепископъ со своимъ канцлеромъ и съ многочисленными крестоносцами высадились на Эзель. По всей вѣроятности, сопротивленія высадкѣ не было, и островъ Эзель безъ особенныхъ усилій былъ занятъ датчанами. Для обезпеченія власти надъ этомъ островомъ, король выстроилъ городокъ (замокъ), но остаться жить въ этомъ городкѣ и защищаться отъ нападеній язычниковъ никто изъ датчанъ и крестоносцевъ не соглашался Тогда король самъ сжегъ новопостроенный городокъ и съ наступленіемъ осени съ войскомъ возвратился въ Данію, удовольствовавшись, кажется, на этотъ разъ разореніемъ эзельскихъ поселковъ и, вѣроятно, истребленіемъ пиратскихъ кораблей. За удаленіемъ короля, пришлось возвращаться домой и архіепископу, но онъ не поѣхалъ въ Данію, а на двухъ корабляхъ со своею дружиною и съѣстными припасами отправился въ Ригу какъ разъ въ то время, когда полоцкій князь Владиміръ осаждалъ Гольмъ и угрожалъ существованію Риги.

Генрихъ не объясняетъ по какому поводу и за чѣмъ ѣхалъ въ Ригу архіепископъ Андрей, но дѣло въ томъ, что Андрей, состоя архіепископомъ лундскимъ (съ 1201 г.), былъ въ тоже время примасомъ Швеціи и папскимъ легатомъ для всѣхъ сѣверныхъ странъ. Ливонская церковь была такимъ образомъ до нѣкоторой степени подчинена ему, какъ легату, и онъ прибылъ въ Ригу, конечно, для узнанія положенія дѣлъ ливонской церкви на мѣстѣ и для сдѣланія распоряженій о дальнѣйшемъ крещеніи язычниковъ.

Энгельберть и рижскій епископскій капитулъ благоговѣйно (devotissime) приняли архіепископа, какъ папскаго легата и, конечно, не замедлили сообщить ему подробности положенія церкви. Архіепископъ, пишетъ Генрихъ, созвавъ весь клиръ, поучалъ его (doctrinam proponit theologicam) и, читая псалтырь, всю зиму (1206—1207 г.) провелъ въ Ригѣ въ благочестивомъ размышленіи (in divina contemplatione).

Можно, однако, предполагать, что не одними благочестивыми размышленіями упражнялся архіепископъ Андрей, но принималъ участіе своимъ совѣтомъ и наставленіемъ и въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія послѣдовали въ Ригѣ послѣ удаленія князя Владиміра изъ Ливоніи.

Неудачная осада Гольма показала ливамъ, что имъ ничего не остается дѣлать какъ смириться предъ епископомъ. На какой бы низкой степени развитія они не стояли, но могли однакоже понять, что епископъ ни за что не оставитъ ихъ безъ отмщенія за дѣятельное участіе въ походѣ полоцкаго князя на Ригу. Имъ не могло не быть извѣстнымъ, что епископъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратится въ Ригу, приведетъ свѣжія силы крестоносцевъ и непремѣнно накинется на всѣхъ, кто обнаруживалъ вражду къ нѣмцамъ и католичеству. Такъ не попытаться-ли покорностью выгадать что либо, чѣмъ ожидать окончательнаго и притомъ неминуемаго разоренія со стороны крестоносцевъ? Они такъ и сдѣлали: вскорѣ послѣ отступленія полоцкаго князя, слѣд. осенью 1206 г , отправили пословъ въ Ригу просить мира, просить того что служитъ къ миру (rogant ea, quae pacis sunt, говоритъ Генрихъ въ гл. X, § 13).

Ливонскими дѣлами какъ духовными, такъ и свѣтскими, за отсутствіемъ епископа, управлялъ соборный пробстъ (каѳедральный протоіерей) Энгельбертъ и епископскій капитулъ (собраніе духовенства). Къ нимъ и обратились послы, по прибытіи въ Ригу. Они обѣщали именемъ ливовъ припять крещеніе, принять къ себѣ священниковъ, какихъ имъ пришлютъ, оказывать послушаніе священникамъ. Однимъ словомъ, обѣщали признавать епископа Альберта своимъ главою и властителемъ. Сначала и пробстъ и капитулъ слышать не хотѣли о мирѣ и въ особенности упрекали торейдцевъ за ихъ вѣроломство, за то, что они разорили имѣнія Каупо, присвоили себя его поля, переломали его улья, постоянно возстаютъ противъ нѣмцевъ; ленневардцевъ упрекали въ томъ, что они враждуютъ съ Даніиломъ, который получилъ отъ епископа въ ленъ ихъ городокъ еще въ 1201 г. (см. выше стр. 95), не даютъ ему дани и пр. Тогда торейдцы и ленневардцы начали неотступно просить мира, обѣщали дать заложниковъ въ исполненіи своихъ обѣщаній, а ленневардцы обѣщались сверхъ того примириться съ Даніиломъ и давать ему ежегодно отъ плуга по полуталанту ржи (мѣра, остающаяся неизвѣстною, такъ какъ ее не объясняютъ ни Генрихъ, ни современные документы). Въ концѣ концовъ пробстъ согласился дать просимый миръ, конечно, на условіяхъ, какія онъ призналъ самыми выгодными для церкви. Быть можетъ, пробстъ и капитулъ и не рѣшились-бы безъ епископа давать миръ ливамъ, но когда свидѣтелемъ переговоровъ былъ папскій легатъ, одобрившій условія и побудившій, быть можетъ, пробста не отказывать посламъ, то и миръ состоялся.

Ливы не замедлили прислать въ Ригу заложниками мальчиковъ изъ почетнѣйшихъ ливскихъ семействъ, а пробстъ съ своей стороны не замедлилъ быть можетъ, по разрѣшенію и совѣту легата, разослать священниковъ въ разные ливскіе поселки какъ для проповѣди католичества и крещенія язычниковъ, такъ для постройки церквей и

учрежденія приходовъ Въ Торейду былъ отправленъ священникъ Алобрандъ. Онъ построилъ церковь въ Куббезелѣ (нынѣшняя Кремонская церковь, близь имѣнія Кипсаль; въ ней былъ впослѣдствіи похороненъ Каупо). Въ Метзеноль (метса по ливски значитъ лѣсъ; это нынѣшній Перновскій уѣздъ) послали священника Александра; онъ также, крестя язычниковъ, построилъ церковь для нихъ. Къ ленневардцамъ послали священника Даніила, того самаго, который, по распоряженію Альберта, былъ назначенъ священникомъ въ Гольмъ. Изъ посланныхъ священниковъ особенною дѣятельностію отличался Даніилъ. Окрестивъ реминцевъ (Реминъ — это нынѣшній Лансгольмъ, Рименъмуйжа по латышски, близь Ашерадена), ашераденцевъ, онъ пришелъ въ замокъ Дабреля. Окрестивъ здѣсь язычниковъ, онъ пробрался къ Вендену. Венденцы, замѣчастъ Генрихъ въ гл. X, § 14, были въ это время покорны и убоги: куроны ихъ вытѣснили съ рѣки Винды (Венда, Виндава); они перебрались на жительство къ Старой горѣ, гдѣ впослѣдствіи была выстроена Рига, куроны согнали ихъ и отсюда, при чемъ нѣкоторые были убиты, а другіе перебрались на жительство къ латышамъ и поселились между ними на мѣстности Аррашѣ, (недалеко отъ нынѣшняго Вендена), гдѣ впослѣдствіи было главное мѣстопребываніе меченосцевъ. Крестивъ венденцевъ, Даніилъ возвратился въ Ригу и былъ вскорѣ посланъ къ идумейцамъ. У идумейцевъ онъ построилъ церковь на Ропѣ (нынѣ называется Брасль; рѣчка эта впадаетъ въ Лифляндскую Аа) и пребывалъ у нихъ священникомъ (земли идумейцевъ, кажется, граничили съ землями венденцевъ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописею, гл. 15, § 7; гл 17, § 4; гл. 18, § 2).

Священникъ Алобрандъ пріобрѣлъ особенное довѣріе торейдцевъ. Они обратились къ нему съ просьбою, чтобъ онъ у нихъ рѣшалъ не только духовныя, но и свѣтскія гражданскія дѣла по законамъ и правамъ христіанъ. Алобрандъ согласился и такимъ образомъ явился у торейдцевъ *судьею* (фохтомъ): Генрихъ не объясняетъ, кто у торейдцевъ и вообще у ливовъ исполнялъ должность судьи (вѣроятно старшины), замѣчаетъ только, что впослѣдствіи судебная власть во всей Ливоніи явилась въ рукахъ свѣтскихъ людей, которые и начали злоупотреблять ею, заботясь о наполненіи своихъ мѣшковъ болѣе, чѣмъ о божеской справедливости (qui tam pro bursae suae impletione, quam iniustitiae inhitu hujusmodi Advocatiae officium exercuerunt). Генрихъ хвалитъ Алобранда за добросовѣстное исполненіе должности судьи: онъ усмирилъ разбои, преслѣдовалъ кражи, заставилъ возвратить неправильно отнятое, при чемъ онисываетъ ливовъ людьми коварными, хищными. Его описаніе, по видимому, сильно преувеличено: онъ вообще не любилъ ливовъ.

Какъ бы то ни было, но начало *фохтейства* въ Ливоніи слѣ-

дуетъ относить къ 1206 г., когда Алобрандъ явился судьею у торейдцевъ.

Въ то самое время, когда въ ливскихъ земляхъ происходили описанныя событія, повлекшія за собою крещеніе ливовъ и покореніе всей ливской земли власти ливонской церкви, епископъ Альбертъ переходилъ по Германіи изъ города въ городъ, всюду набирая крестоносцевъ. Осенью и зимою 1206—1207 г. отъ прошелъ Саксонію и Вестфалію и прибылъ наконецъ къ двору короля Филиппа, у котораго онъ бывалъ еще въ 1199 году (см. выше стр. 92). Въ это время борьба между Филиппомъ и Оттономъ IV, страшно разорившая Германію, стихла; могущественный пана Иннокентій III принялъ сторону Филиппа; все обѣщало гогенштауфенамъ полное торжество на ихъ соперниками, вельфами. Въ виду этого и въ виду возможности получить отъ Филиппа существенную помощь при покореніи Ливоніи, Альбертъ рѣшился на важный шагъ: предложилъ Филиппу властительство надъ Ливоніею. Филиппъ согласился на предложеніе, принялъ Ливонію и за тѣмъ въ видѣ имперскаго лена передалъ ее Альберту. Такимъ образомъ Ливонія сдѣлалась имперскимъ леномъ, а епископъ Альбертъ леннымъ владѣльцемъ страны, покореніе которой не только не было довершено, но едва лишь начиналось. Къ 1207 г. Альбертъ могъ себя считать леннымъ владѣтелемъ лишь ливскихъ земель; прочіе же земли, латышскія и чудскія, ни мало не подчинялись ему: покореніе ихъ еще было впереди.

Король Филиппъ обѣщалъ выдавать въ пособіе Альберту по сто марокъ ежегодно, но обѣщаніями богатъ не будешь (si promissis quispam dives esse poterat), говоритъ Генрихъ, давая разумѣть, что Альбертъ ничего не получалъ отъ короля. Не получалъ отъ того, что король Филиппъ 21 іюня 1208 года былъ убитъ пфальцграфомъ Оттономъ фонъ Вителъсбахомъ, мстившимъ ему свою личную обиду. Впрочемъ, объявленіе Ливоніи имперскимъ леномъ не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій: ленная зависимость Альберта существовала лишь, такъ сказать, на бумагѣ, на случай когда было полезно называть себя имперскимъ вассаломъ.

V. Покореніе русскихъ подвинскихъ княжествъ.

Прибытіе Альберта въ Ригу. — Свиданіе Вячка съ Альбертомъ. — Первый дѣлежъ покоренныхъ земель. — Назначеніе судей. — Набѣгъ литовцевъ на Торейду. — Взятіе Зельбурга. — Паденіе Кукейноса. — Первыя сношенія съ чудью. — Начало католичества у имерскихъ латышей. — Набѣгъ на Унганію. — Возобновленіе Кукейноса. — Смерть Винно и выборъ новаго магистра Вольквина. — Смерть Энгельберта. — Паденіе Герсика.

(1207—1209).

Тревожный для Ливоніи 1206 г. кончился торжествомъ новосозидаемой католической церкви: ливы, упорно не принимавшіе католичества и враждовавшіе съ нѣмцами, смирились, приняли къ себѣ священниковъ, крестились, признали надъ собою власть епископа; русскіе потерпѣли сильную неудачу, и проповѣдь католичества пошла къ ближайшимъ сосѣдямъ торейдскихъ ливовъ, къ латышамъ, жившимъ въ нынѣшнемъ венденскомъ уѣздѣ. Оставалось продолжать начатое.

Съ открытіемъ судоходства весною 1207 г. архіепископъ лундскій съ канцлеромъ и своею дружиною отправился изъ Риги въ свое мѣстопребываніе; онъ 15 апрѣля прибылъ на островъ Готландъ, здѣсь праздновалъ Пасху (22 апрѣля) и по прибытіи въ Данію не замедлилъ донести папѣ объ успѣхахъ ливонской церкви и крещеніи ливовъ. Епископъ Альбертъ прибылъ въ Ригу въ Тройцынъ день (10 іюня). Съ нимъ пріѣхали графъ Пирмонтскій, Готшалькъ, другой графъ и много другихъ паломниковъ, благородныхъ и почтенныхъ (honesti) мужей. Крестоносцы прежде всего принялись за работы по докончанію постройки городскихъ стѣнъ въ Ригѣ и такъ ихъ подвысили и укрѣпили, что городу съ тѣхъ поръ нечего было бояться нападеній язычниковъ.

Слухъ о прибытіи епископа со свѣжими силами крестоносцевъ незамедлилъ достигнуть до Кукейноса, князь котораго Вячко (Wesceka по Генриху) находился въ положеніи весьма незавидномъ: литовцы безпрестанно тревожили его волость, а средствъ для защиты противъ завоеванія мало, лучше сказать, никакихъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ какое войско могъ противопоставить мелкій князекъ (regulus) мелкой волости паломникамъ и меченосцамъ, хорошо вооруженнымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ?

Предвидя какая опасность угрожаетъ его волости, Вячко рѣшился добровольно уступить епископу половину своихъ владѣній, чтобы сохранить за собою другую, и съ этою цѣлію отправился въ Ригу на свиданіе съ епископомъ въ сопровожденіи мужей своихъ (surrexit cum viris suis, пишетъ Генрихъ въ гл. XI, § 2). Епископъ

съ почетомъ принялъ гостя въ своемъ домѣ. Князь началъ просить помощи епископа противъ литовцевъ, предложивъ ему въ вознагражденіе за помощь половину своей волости и своего замка (offerens sibi terrae et castri sui mediatatem). Генрихъ не объясняетъ послѣдовалоли такое предложеніе съ согласія полоцкаго князя или сдѣлано безъ всякаго его вѣдома, но только епископъ охотно принялъ предложеніе, обѣщавъ оказать помощь Кукейносу оружіемъ и войнами, и съ радостію отпустилъ князя домой, Князь, однако, не думалъ исполнить, какъ увидимъ ниже, свое обѣщаніе, расчитывая, быть можетъ, на перемѣну обстоятельствъ.

Епископъ между тѣмъ обратилъ особенное вниманіе на устройство приходовъ между новокрещенными ливами, разослалъ священниковъ куда было необходимо, распорядился постройкою церквей, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечилъ существованіе ордена весьма важнымъ мѣропріятіемъ, оказавшемъ впослѣдствіи самое существенное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ событій въ Ливоніи.

Военно-монашескій орденъ воинства Христова или меченосцевъ, какъ его обыкновенно называютъ, учредился по почину Альберта и съ 1205 г. (см. выше стр. 108) началъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ язычниковъ. Мѣстопребываніемъ ордена была Рига и нѣтъ сомнѣнія, что орденъ уже въ 1205 г. имѣлъ магистра, потому что существованіе ордена, какъ мы говорили, немыслимо безъ верховной главы. Братья-рыцари составляли основу ордена. Кто именно, сколько именно рыцарей дали орденскіе обѣты и составили орденъ — ничего этого неизвѣстно, но только при его учрежденіи не было опредѣлено и назначено чѣмъ жить ордену, изъ какихъ источниковъ получать средства на оружіе, снаряженіе лошадей, на содержаніе служащихъ братьевъ т. е. оруженосцевъ и всякаго рода мастеровыхъ и прислуги, безъ которыхъ обойтись было невозможно, — а между тѣмъ подобное опредѣленіе и назначеніе составляло предметъ существенной важности, потому что могъ ли бы существовать орденъ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ средствъ на свое существованіе.

Въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 619—622 сказано, будто папа самъ опредѣлилъ сколько земли слѣдовало отвести ордену на его содержаніе и будто епископъ объявилъ такое папское опредѣленіе. Лѣтописецъ XIV ст. Вартбергъ (см. Приб. Сб. II, 88) пишетъ, будто папа Иннокентій III, при самомъ учрежденіи ордена, назначилъ на содержаніе его третью часть земель всего епископства. Въ орденской хроникѣ (гл. 136) упомянуто, будто папа обѣщалъ ордену всю землю безъ всякаго дѣлежа съ кѣмъ бы то ни было. Совсѣмъ не то разсказываетъ Генрихъ, а такъ какъ его разсказъ вполнѣ подтверждается послѣдующими распоряженіями и документами (папскими буллами), потому его и слѣдуетъ признать наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Вотъ что онъ говоритъ въ главѣ XI, § 3 своей лѣтописи:

„Въ это же самое время Господь Богъ со дня на день увеличивалъ число и фамилію братьевъ воинства (numerum et familiam Fratrum Militiae; фамилія это — fratres armigeri и fratres opifices). По мѣрѣ того какъ увеличивалось численность и трудъ воинства, оно должно было получить увеличеніе въ даяніяхъ и имуществѣ, дабы, неся въ войнахъ и другихъ трудахъ тягости дня, могло получать утѣшеніе за свой трудъ (consolationem laboris sui), дневной динарій (denarium diurnum).

Потому они, воинство Христово, настоятельно (instantia quotidiana) просили отдать имъ третью часть и другихъ некрещеныхъ еще сосѣднихъ земель или народовъ, которыхъ Господь Богъ посредствомъ ихъ и другихъ рижанъ (simul cum aliis Rigensibus, т. е. принадлежащихъ рижской церкви) въ будущемъ подчинить христіанской вѣрѣ, дабы они (воинство), неся большіе расходы, могли пользоваться и большими доходами".

Надобно полагать, что магистръ и конвентъ главными побудительными причинами своего настойчиваго ходатайства объ отдѣленіи ордену третьей части покоренныхъ и имѣющихъ быть покоренными земель выставляли не только „утѣшеніе" въ видѣ увеличенія доходовъ, а скорѣе невозможность содержанія военной силы безъ опредѣленнаго на то источника. Другаго источника, кромѣ земельнаго надѣла, не было, потому о надѣлѣ и просили. Епископъ согласился на ихъ просьбу и такъ какъ получилъ отъ императора земли ливовъ въ ленъ (см. выше стр. 125) съ верховною властію и правами (cum omni dominio et jure), то и положилъ третью часть этихъ земель передать ордену съ такою же властію и правами. Что же касается до непокоренныхъ еще земель, то епископъ отказалъ ордену въ дѣлежѣ ихъ на томъ основаніи, что не можетъ давать того, чего самъ не имѣетъ. Орденъ, однакоже, относительно непокоренныхъ еще земель, настаивалъ на своихъ просьбахъ: очевидно, дѣло шло о принципѣ, или о предоставленіи ордену трети земли не на этотъ только разъ, но и впредь при будущихъ завоеваніяхъ. Споръ перенесли на рѣшеніе папы, который и присудилъ (см. UrkundenBuch n. 16) ордену предоставить третью часть завоеванныхъ земель, какъ уже положилъ епископъ Альбертъ, что же касается до земель, имѣющихъ быть завоеванными (extra Livoniam seu Lethiam), то раздѣлъ ихъ совершить по взаимному согласію епископовъ тѣхъ земель и ордена, или же по распоряженію апостольскаго престола, т. е. папы. Вслѣдствіе этого, орденъ покоренныя земли ливовъ раздѣлилъ на три части и предоставилъ епископу, какъ отцу и старшему (tamquam patri et seniori), первый выборъ. Епископъ взялъ себѣ первую часть, именно Торейду (часть Каупо) и третью часть — Метзеполь; орденъ же взялъ вторую часть, земли по другую сторону Койвы. Въ орденской части оказались земли, отданныя епископомъ въ ленъ другимъ, къ ордену не принад-

лежащимъ лицамъ; такія лица впослѣдствіи передали ордену свои участки и въ замѣнъ ихъ получили участки въ епископскихъ земляхъ.

Послѣ такаго раздѣла, епископъ послалъ священниковъ въ свои части, предоставивъ уже ордену самому заботиться о своей части. Въ епископскихъ частяхъ приходскими священниками были епископскіе священники, въ орденской же части священниками орденскіе, т. е. братья-священники, принесшіе орденскіе, по уставу, обѣты.

Раздѣлъ ливскихъ земель между епископомъ и орденомъ могъ уже ясно показать ливамъ, что принесло имъ католичество съ собою: изъ людей свободныхъ, какими они были несомнѣнно до прихода къ нимъ нѣмцевъ (данничество полоцкому князю, если гдѣ и было, ни мало не ограничивало ни свободы, ни самоуправленія ливовъ, не навязывало имъ силою православія), они обратились въ людей подвластныхъ или непосредственно епископу или ордену; проповѣдники религіи мира и любви выжгли ихъ городки, опустошили цѣлые уѣзды; наконецъ ливы лишились и своего самоуправленія, потому что за учрежденіемъ приходовъ послѣдовало и назначеніе въ приходы судей, которые должны были разбирать всѣ гражданскія дѣла и тяжбы ливовъ не по ихъ обычному праву, а уже по свѣтскому, существовавшему у нѣмцевъ праву; судьи были назначены ad procurandum officium Advocatiae in jure seculari, пишетъ Генрихъ, но вмѣсто того они обратили судъ лишь въ средство наживы для себя. Объ одномъ изъ такихъ судей Генрихъ разсказываетъ въ главѣ XI, § 4 своей лѣтописи слѣдующее: Въ 1207 г. былъ посланъ въ Торейду, слѣд. въ епископскую часть судьею одинъ изъ крестоносцевъ (quidam peregrinantium miles) по имени Годфридъ. Разбирая въ своемъ округѣ споры и пререканія (causas et lites) между ливами, онъ собралъ множество денегъ и подарковъ, изъ которыхъ малую только часть отдалъ епископу, а большую часть присвоилъ себѣ. Очевидно, назначенные судьи кормились отъ дѣлъ, хотя этого Генрихъ и не говоритъ, и отъ дѣлъ же давали часть епископу. Другіе паломники, возмущенные алчностію Годфрида, разломали его сундукъ и нашли въ немъ 19 марокъ ($9^1/_2$ нынѣшнихъ фунтовъ) серебра, собраннаго воровскимъ образомъ (furtive), не считая очень многаго другаго, что онъ уже разтратилъ. Генрихъ не разсказываетъ, куда поступило найденное серебро: оставлено-ли было Годфриду, отдано-ли епископу, или раздѣлено между крестоносцами, взломавшими сундукъ, говоритъ только, что Годфридъ, нарушая законъ, угнетая бѣдныхъ, допуская несправедливости и обижая новокрещенныхъ ливовъ, впалъ въ такой стыдъ (talem incurreret pudorem), что умеръ позорною смертію (morte pessima mortuus est).

Христіанская церковь, было сказано выше (см. стр. 34) встрѣтившая варвара — германца на чужой ему римской почвѣ, дала ему нравственное убѣжище, отдыхъ, первая приласкала его,

назвала своимъ, роднымъ, указала ему идеалы чести и добра, а теперь христіанская церковь, внесенная потомкомъ варвара — германца, но уже христіаниномъ, въ среду такихъ же варваровъ — ливовъ, какимъ онъ нѣкогда былъ самъ, не приласкала варваровъ, не назвала ихъ своими, а внесла къ нимъ разореніе и рабство, неправый судъ и хищеніе!

Раздѣлъ ливскихъ земель не послужилъ, однако, въ пользу ни епископу, ни ордену. Дѣлежъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, положилъ начало *двоевластію* и сдѣлался источникомъ безконечныхъ распрей и междоусобій.

Но продолжаемъ разсказъ.

Лѣто и осень 1207 года прошли въ работахъ по укрѣпленію Риги, но дѣлежу ливскихъ земель, по устройству приходовъ между новокрещенными; подходила зима, а съ нею наступили и вѣчныя тревоги. Литовцы не забыли претерпѣннаго пораженія за два года тому назадъ (см. выше стр. 109) и рѣшились отомстить нѣмцамъ: собрали большое войско, которое переправилось чрезъ Двину въ ночь на Рождество, вторглось въ Торейду и разсѣялось для грабежа по всѣмъ деревнямъ (per omnes villas). Литва застигла торейдскихъ ливовъ въ расилохъ, и не встрѣчая нигдѣ никакой вооруженной силы, перебила много народу, забрала большой полонъ (забирали въ полонъ лишь женщинъ и дѣтей, мужчинъ же убивали), ограбили новую церковь, построенную въ Куббезелѣ (см. выше стр. 124). Утромъ 26 декабря 1207 г. литовцы выступили въ обратный походъ, забравъ съ собою полонъ и награбленную добычу. Но грабителямъ не удалось уйти безнаказанно: епископъ, во время узнавъ о набѣгѣ на Торейду, созвалъ крестоносцевъ, орденскихъ братьевъ, купцовъ (Генрихъ впервые тутъ упоминаетъ объ участіи рижскихъ купцовъ въ военномъ дѣлѣ) и всѣхъ своихъ (ошniЬus suis), велѣлъ подъ угрозою пени въ 3 марки снарядиться къ походу крещенымъ ливамъ и латышамъ, и распорядился преслѣдованіемъ грабителей. Христіанское войско узнало, что литовцы перешли по льду чрезъ Двину у Ленневардскаго замка и пошли по дорогѣ въ селонскій городокъ (Зельбургъ, на лѣвомъ берегу Двины, противъ, нынѣшней желѣзно-дорожной станціи Штокмансгофъ; верстахъ въ 50 къ югу отъ Зельбурга начинались уже литовскіе поселки), гдѣ они при своихъ набѣгахъ всегда находили себѣ ирютъ, — и погнались за уходившею партіею. Въ Ашераденѣ христіане перешли чрезъ Двину, и настигли тутъ литовцевъ. Произошла жаркая схватка; литовцы бились отчаянно, но не устояли предъ нѣмцами, оставили плѣнныхъ и бросились бѣжать въ разсыпную. Христіане преслѣдовали литовцевъ цѣлый день и многихъ перебили, за тѣмъ освободили отъ оковъ всѣхъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей, отпустили ихъ по домамъ, не забыли и себя: добычу, на-

грабленную литовцами въ Торейдѣ, подѣлили между собою, пишетъ Генрихъ въ гл. XI § 5 своей лѣтописи.

Нанеся пораженіе литовцамъ, епископъ рѣшился уничтожить ихъ притонъ на лѣвомъ берегу Двину — селонскій городокъ (селы или селоны, латышскій народъ жилъ на лѣвомъ берегу Двины, начиная отъ нынѣшняго Фридрихштата до Друи). Снарядивъ войско (крестоносцы, оренскіе братья, крещеные ливы и латыши), епископъ послалъ его, подъ начальствомъ аббата Теодориха и своего брата, (препозита, протоіерея) Энгельберта въ землю селоновъ для овладѣнія ихъ городомъ на Двинѣ (Зельбургъ). Въ Ашераденѣ войско это перешло чрезъ Двину, нашло тутъ тѣла убитыхъ литовцевъ, и не останавливаясь здѣсь, подступило къ городку. Часть войска осадила городокъ, другая часть пошла по ближайшимъ деревнямъ забирать полонъ. Окруживъ городокъ, войско переранило стрѣлами много народа, находившагося внутри городка, нанесло дровъ, разложило огонь, чтобъ поджечь городокъ. Тогда селонскіе старшины запросили мира. Имъ дали миръ съ условіями: принять крещеніе, удалить отъ себя литовцовъ, быть во всемъ послушными христіанамъ. Селоны приняли эти условія и дали заложниковъ въ исполненіи мира. Тогда войско прекратило осаду, аббатъ и Энгельбертъ вошли въ городокъ, окропили его святою водою, на валу водрузили хоругвь Богородицы и приготовили селоновъ къ крещенію.

Генрихъ не говоритъ оставили-ли нѣмцы гарнизонъ въ селонскомъ городкѣ, но во всякомъслучаѣ начало католичества въ этихъ мѣстахъ относится именно къ этому времени.

Вскорѣ за паденіемъ селонскаго городка нѣмцы овладѣли и Кукейносомъ безъ всякихъ съ своей стороны усилій.

Дѣло происходило такъ.

Ленневардскіе ливы, подчиняясь епископу (см. выше стр 123), обязались не только помириться съ енископскимъ вассаломъ Даніиломъ, но и платить ему опредѣленную дань. Даніилъ со своими людьми прибылъ въ ленневардскій городокъ (на правомъ берегу Двины), отстоявшій отъ Кукейноса верстахъ въ 50. Между Даніиломъ и Вячкомъ возникли изъ за чего-то раздоры: много безпокойствъ причинялъ кукейноскій князекъ (regulus) людямъ Даніила, пишетъ Генрихъ, и, несмотря на частыя напоминанія Даніила оставить его людей въ покоѣ, все продолжалъ свое. Тогда Даніилъ рѣшился расправиться со своимъ безпокойнымъ сосѣдомъ силою. Вооруживъ своихъ людей, онъ отправился въ Кукейносъ и, остановившись гдѣ-то по близости этого городка, на разсвѣтѣ послалъ своихъ людей на замокъ. Въ замкѣ всѣ спали, а часовые плохо караулили замокъ. Нѣмцы взобрались на валъ и бросились на замокъ. Кто бѣжалъ, того не тронули,

которые не бѣжали, тѣхъ заковали въ кандалы; заковали въ кандалы и князя (in vincula proiiciunt). За тѣмъ все имущество, какое нашли въ замкѣ, стащили въ одно мѣсто, приставили караулъ и дали знать Даніилу, чтобъ онъ приходилъ въ замокъ. Даніилъ, однако же, въ замокъ не вступилъ, а обо всемъ происшедшемъ далъ знать епископу, — который остался крайне недоволенъ дѣйствіями Даніила и приказалъ ему немедленно же освободить князя и возвратить ему захваченное имущество. Епископъ не хотѣлъ порывать съ княземъ, такъ недавно (см. выше стр. 127) обѣщавшемъ ему отдать половину своей волости и замка за защиту противъ литовцевъ, призвалъ его къ себѣ въ Ригу и, чтобы загладить случившееся, одарилъ его подарками, далъ лошадей и нѣсколько паръ дорогаго платья (vestiam pretiosorum plura exhibet paria), хорошо угостилъ и его, и его свиту во время праздника Пасхи (6 апрѣля 1208 г.) и, уладивъ всѣ споры между нимъ и Даніиломъ, отпустилъ Вячка домой. Епископъ, говоритъ Генрихъ, не забылъ обѣщанія князя объ уступкѣ половины замка и потому отправилъ вмѣстѣ съ нимъ 20 человѣкъ надежныхъ людей изъ своей дружины, чтобъ они укрѣпили Кукейносъ какъ слѣдуетъ по нравиламъ тогдашней фортификаціи и за тѣмъ охраняли княжескій замокъ отъ литовцевъ. Эти люди, взявъ съ собою свое оружіе, лошадей, баллисты и каменьщиковъ (caementarios) для производства работъ, а также все нужное для своего содержанія, отправились съ княземъ въ дорогу. Епископъ тотчасъ послѣ праздника Пасхи собрался ѣхать въ Германію за новыми крестоносцами на слѣдующій 1209 годъ; приготовились ѣхать домой и крестоносцы, отслужившіе свой годичный срокъ. Князь простился съ епископомъ въ Динаминдѣ и прибылъ въ Кукейносъ вмѣстѣ съ епископскими людьми, въ увѣренности, что епископъ и крестоносцы уже вышли въ море, а въ Ригѣ, слѣд., осталось очень не много народа, способнаго защищать городъ.

Въ Кукейносѣ епископскіе люди немедленно же приступили къ работамъ по укрѣпленію замка, начавъ добывать изъ рва камень для работъ, а князь началъ совѣщаться со своими людьми что дѣлать дальше? И въ самомъ дѣлѣ положеніе князя было незавидное: онъ не могъ не видѣть, что его волости и Кукейносу не миновать нѣмецкихъ рукъ; средствъ и силъ для борьбы съ епископомъ нѣтъ, а между тѣмъ епископъ прислалъ въ Кукейносъ своихъ людей, которые защитятъ-ли или нѣтъ отъ литовцевъ еще неизвѣстно, но займутъ городокъ несомнѣнно. Князь, хотя и давалъ обѣщанія епископу, хотя и находился въ мирѣ съ нимъ, но давалъ, очевидно, не думая исполнять обѣщанія, потому что рѣшился теперь умертвить епископскихъ людей, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кукейносъ не безъ его же согласія, и поднять полоцкаго князя на Ригу. Улучивъ удобное время, когда епископскіе люди, не подозрѣвая нападенія, ибо считали князя своимъ

господиномъ и отцомъ (regulum quasi dominum et patrem suum non timentes — говоритъ Генрихъ въ гл. XI, § 9), вышли на работу и, сложивъ оружіе на верху рва, спустились внизъ для выломки камня, князь со своими слугами и людьми внезапно бросились на безоружныхъ и 17 человѣкъ умертвили; трое спаслись, однако, бѣгствомъ, пробрались въ Ригу и разсказали о случившемся въ Кукейносѣ.

Князь между тѣмъ послалъ въ Полоцкъ захваченное у нѣмцевъ оружіе и латы и лучшихъ коней, и поручилъ сказать Владиміру, чтобъ онъ спѣшилъ ударить на Ригу: епископъ уѣхалъ съ крестоносцами, тамъ теперь осталось мало народа и овладѣть городомъ не трудно. Владиміръ началъ готовиться къ походу.

Расчетъ Вячка оказался, однако, не вѣрнымъ: епископъ и крестоносцы не уѣхали, противные вѣтры задержали выходъ кораблей въ море, и епископъ узналъ объ избіеніи его людей въ Кукейносѣ во время. Онъ уговорилъ крестоносцевъ остаться въ Ригѣ (300 человѣкъ дѣйствительно остались и возложили на себя крестъ на новый срокъ), другихъ принялъ на жалованье и разослалъ гонцевъ по всѣмъ ливскимъ землямъ, чтобъ находившіеся тамъ орденскіе братья и нѣмцы и крещеные ливы спѣшили на защиту Риги. Собралось войско достаточно сильное, чтобъ не только оборонить Ригу, но и открыть наступательныя дѣйствія. Устроивъ войско и оборону Риги, епископъ уѣхалъ въ Германію, предоставивъ расправиться съ Кукейносомъ начальникамъ этого войска.

Владиміръ въ походъ не трогался (собрать войско въ тѣ времена было невозможно въ короткое время). Тогда Вячко, справедливо увѣренный, что нѣмцы не оставятъ безъ отмщенія избіенія епископскихъ людей, и не видя никакой возможности противиться нѣмецкому войску, о сборѣ котораго подъ Ригою онъ не могъ не узнать, рѣшился спасаться бѣгствомъ въ Россію, а кукейносскіе жители, русскіе и латыши (Letthigalli et Selones, qui ibi habitabant, пишетъ Генрихъ), собравъ свое имущество, зажгли замокъ, и поспѣшили скрыться по лѣсамъ. Кукейносъ запустѣлъ. Вскорѣ прибыли и нѣмцы, получившіе вѣсть о бѣгствѣ князя и сожженіи замка. Они начали преслѣдовать бѣгущихъ, нашли нѣкоторыхъ въ лѣсахъ и болотахъ и перебили всѣхъ, кого ни нашли, мстя за убіеніе епископскихъ людей. Кукейносская волость подпала такимъ образомъ власти епископа, и русскій подвинскій городокъ кончилъ свое существованіе.

Въ то самое время когда военныя дѣйствія нѣмцевъ въ подвинскихъ мѣстностяхъ увѣнчивались успѣхомъ, увеличивалось число крещаемыхъ язычниковъ, и католичество распространялось все болѣе и болѣе у восточныхъ сосѣдей ливовъ, латышей (въ Летгаллiи)

Мы уже видѣли, что еще въ 1206 г. священникъ Даніилъ (см. выше стр. 124) проповѣдывалъ католичество язычникамъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Вендена и окрестилъ не мало латышей. Видѣли

также, что епископъ Альбертъ, по прибытіи въ 1207 году въ Ригу, разослалъ всюду, священниковъ для постройки церквей, устройства приходовъ и проповѣди христіанства язычникамъ. Наиболѣе дѣятельнымъ проповѣдникомъ у латышей явился священникъ Алобрандъ, тотъ самый который послѣ покоренія ливовъ въ 1206 году былъ посланъ въ Торейду и построилъ церковь въ Кубезелѣ (см. выше стр. 124). Этого священника епископъ Альбертъ послалъ лѣтомъ 1207 г. къ чуди, въ Унганію (мѣстность между Юрьевымъ и Медвѣжьею головою) требовать возвращенія товаровъ, лѣтъ за 10 предъ тѣмъ, еще до основаніи Риги, отбитыхъ по наущенію ливовъ унганійцами у нѣмецкихъ купцовъ. Купцы эти везли товары въ повозкахъ въ Псковъ (Генрихъ не объясняетъ съ какой пристани), везли, значитъ, сухопутьемъ, горою, какъ выражались въ старину. По дорогѣ унганійцы гдѣ-то напали на караванъ и разграбили товары: было не мало товаровъ, марокъ болѣе чѣмъ на 1000, говоритъ Генрихъ. Съ тѣхъ поръ унганійцы ни товаровъ не возвращали, ни отвѣта не давали возвратятъ-ли ихъ когда либо, вообще купцы никакого удовлетворенія за ограбленное не получили. Епископу только этого и нужно было: онъ очень хорошо зналъ, что получить ограбленное невозможно, но ему нуженъ былъ только благовидный предлогъ, чтобъ положить руку на чудь и расширить предѣлы нѣмецкихъ завоеваній на сколько возможно больше. Алобрандъ отправился къ унганійцамъ, ничего, конечно, у нихъ не добился на счетъ товаровъ, но за то видѣлъ что такое Унганія и чудь-унганійцы. Онъ не особенно и добивался возвращенія товаровъ, какъ дѣла неисполнимаго, и отправился домой въ Ригу. На возвратномъ пути, онъ проходилъ по латышскимъ мѣстностямъ, прилегавшимъ къ рѣкѣ Имерѣ (нынѣ рѣчка Зедда, впадающая въ Буртнекское озеро) и началъ проповѣдывать жившимъ здѣсь латышамъ христіанство. Латыши этихъ мѣстъ (нынѣ Вольмарскій уѣздъ) особенно страдали отъ литовскихъ набѣговъ и были притѣсняемы ливами. Они съ радостію, говоритъ Генрихъ въ гл. XI, § 7 лѣтописи приняли возвѣщаемое имъ Алобрандомъ слово Божіе, надѣясь получить отъ нѣмцевъ защиту и облегченіе себѣ (per Teutonicos sperantes relevari ac defendi). Очевидно расчетъ на помощь побуждалъ ихъ слушать Алобранда, а вовсе не недовольство или неудовлетворенность своею религіею и своими богами, отъ воли которыхъ они отбиваться вовсе не хотѣли, потому что когда пришлось дать рѣшительный отвѣтъ примутъ-ли они христіанство или нѣтъ, то они запросили своихъ боговъ какъ имъ быть и бросили жребій: принять-ли имъ православіе отъ русскихъ, какъ приняли ихъ сосѣди всегдашніе русскіе данники, толовскіе латыши (см. стр. 60), или же подчиниться крещенію латинцевъ и нѣмцевъ (an Latinorum et Teutonicorum debeant subire baptismum)? Жребій палъ на латинцевъ. Тогда Алобрандъ окрестилъ нѣкоторыя деревни и прибылъ въ Ригу, чтобы донести

епископу какъ объ исполненіи своего порученія къ чуди, такъ и о крещеніи имерскихъ латышей. Епископъ, радуясь успѣху проповѣди, немедленно же отправилъ Алобранда обратно къ имерцамъ и въ помощь ему прислалъ Генриха своего ученика, рукоположеннаго въ священники (scholarem suum, ad sacros ordines promotum, такъ пишетъ про себя Генрихъ въ гл XI, § 7 своей лѣтописи). По прибытіи на мѣсто, довершили крещеніе имерскихъ латышей, послѣ чего Алобрандъ возвратился домой, а Генрихъ, когда была построена церковь и отдана ему въ ленъ (constructa ecclesia et in beneficia recepta) остался у имерцевъ священниковъ и жилъ не малое время между ними, подвергаясь многимъ опасностямъ.

Въ то самое время когда въ ливскихъ земляхъ и у имерскихъ латышей строились церкви, орденъ также не бездѣйствовалъ: онъ строилъ, но уже съ чисто военными цѣлями, укрѣпленные замки (дома, вѣрнѣе крѣпостцы). Рифмованная Хроника въ стихахъ 619—686 указываетъ, что такіе замки первый орденскій магистръ Винно фонъ Рорбахъ построилъ въ Венденѣ, Зигевальдѣ и Ашерадѣ. Постройка этихъ замковъ относится къ 1207—1208 годамъ. Венденскій замокъ скоро сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ ордена, а Ашераденскій (на правомъ берегу Двины, между Ленневарденомъ и Кукейносомъ) служилъ довольно важнымъ оборонительнымъ пунктомъ противъ литовцевъ. Съ отстройкой замковъ, въ нихъ появлялись и орденскіе братья-священники. Въ 1208 г. изъ Германіи прибыло нѣсколько духовныхъ лицъ; то были (пишетъ Ганрихъ въ гл. XII, § 5 своей лѣтописи): Флорентій Кассій, аббатъ цистерціенскаго ордена, Робертъ Гильбанъ, каноникъ кельнской церкви, Конрадъ Кольбенъ изъ Бремена и нѣкоторые другіе. Изъ прибывшихъ одни поступили въ Динаминдскій монастырь, другіе въ орденскіе братья-священники, иные сдѣлались проповѣдниками католичества у латышей и впослѣдствіи у чуди.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Ливоніи въ то время когда Альбертъ находился въ Германіи, гдѣ онъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, со свойственною ему неутомимостью обходилъ разные города, собирая крестоносцевъ и пожертвованія на ливонскую церковь, въ тѣ времена дѣйствительно нуждавшуюся во многомъ.

Нѣмцы застали латышскіе народцы сильно враждовавшими съ народцами чудскими. Такъ имерскіе латыши вѣчно враждовали съ ливами; изъ за вражды латыши не пошли на собраніе, происходившее 30 мая 1206 г. на Огерѣ (см. выше стр. 116), семигаллы изъ за вражды къ ливамъ охотно помогали нѣмцамъ (см. выше стр 119) въ ихъ походахъ на ливскія земли. Эта вражда и враждебныя столкновенія обезсиливали враждующихъ, и конечно, были чрезвычайно полезны нѣмцамъ при ихъ утвержденіи въ Ливоніи. Они пользовались этою враждою и, возстановляя язычниковъ противъ язычниковъ достигали весьма выгодныхъ для себя результатовъ, при чемъ,

конечно, не упускали и случаевъ когда можно было дѣйствовать язычниками противъ язычниковъ. Случай такой представился въ 1208 г. послѣ отъѣзда епископа изъ Риги.

Мы видѣли, что языческіе семигаллы и ихъ предводитель Вестгардъ были хорошими союзниками нѣмецкихъ ополченій, дѣйствуя съ ними за одно противъ ливовъ. Однажды этотъ Вестгардъ, во время отсутствіе епископа, прибылъ въ Ригу и заявилъ, что семигаллы собираются ударить на литовцевъ, опустошившихъ ихъ земли, что удача непремѣнно будетъ, такъ какъ жребій его боговъ палъ на благопріятную сторону, но необходимо, чтобы христіанское войско помогло семигалламъ своимъ участіемъ въ задуманномъ набѣгѣ. Въ благодарность же за помощь Вестгардъ обѣщалъ, что придетъ на помощь нѣмцамъ, когда имъ придется покорять другихъ язычниковъ. Крестоносцы, оставшіеся въ Ригѣ и орденскіе братья-рыцари отказали было Вестгарду, но послѣ неотступныхъ просьбъ Вестгарда, согласились дать ему помощь: человѣкъ 50 крестоносцевъ и братьевъ рыцарей снарядились въ походъ, и взявъ съ собою идумейскаго священника Даніила, пошли въ замокъ семигалловъ. Вестгардъ собралъ большое войско и вмѣстѣ съ христіанскимъ войскомъ двинулся на литовскую границу.

Генрихъ въ гл. XII, § 2 лѣтописи разсказываетъ подробности этого похода. Приводимъ ихъ: они даютъ обстоятельныя понятія какъ совершались въ тѣ времена набѣги у литовцевъ и латышей.

Подойдя къ литовскимъ поселкамъ, семигаллы бросили жребій, прося своихъ боговъ указать: не провѣдали-ли литовцы о предстоящемъ набѣгѣ на нихъ и выступятъ-ли они въ бой? Очевидно, нападающая сторона старалась напасть на своего противника внезапно, когда надѣялась не встрѣтить сопротивленія. На вопросъ жребій отвѣтилъ, что слухъ о набѣгѣ уже разошелся и литовцы приготовились обороняться. Семигаллы совѣтовали нѣмцамъ возвратиться, но тѣ и слышать не хотѣли объ отступленіи. Семигаллы также рѣшились итти, мужественно вступили въ литовскіе земли, раздѣлились на партіи, и пошли жечь и грабить по деревнямъ, но деревни уже были пусты, литовцы успѣли разбѣжаться. Тогда семигаллы, зная, что скрывшіеся литовцы гдѣ нибудь подстерегаютъ ихъ, въ въ тотъ же день начали отступленіе. Литовцы только того и ждали: на своихъ быстрыхъ коняхъ они бросились за отступавшими семигаллами, и заскакивая то справа, то слѣва, переранили копьями и дубинами множество семигалловъ. Нѣмцы, построившись клиномъ, прикрывали отступленіе. Семигаллы, поражаеные литовцами, бросились бѣжать въ разсыпную. Вся тяжесть боя пала такимъ образомъ на нѣмцевъ. Они мужественно оборонялись, но ничего уже не могли сдѣлать, чтобъ поправить сраженіе. Литовцы убили нѣкоторыхъ, другихъ взяли въ плѣнъ и увели въ Литву, только немногіе спаслись бѣг-

ствомъ отъ общаго пораженія и разсказали въ Ригѣ о постигшемъ ихъ несчастіи.

Опечалился городъ, услышавъ о бѣгствѣ своихъ и смѣлости литвы, и арфа (cythara) рижанъ вдругъ перемѣнилась въ вопль, и нѣніе ихъ сдѣлалось гласомъ плачущаго, говоритъ Генрихъ, и прибавляетъ, что всѣ старѣйшіе и разумнѣйшіе люди постановили впредь никогда не ходить съ язычниками противъ язычниковъ, а ходить на язычниковъ лишь съ крещеными ливами и латышами.

Литовцы не оставили семигалловъ безъ отмщенія за ихъ набѣгъ: ворвались въ ихъ землю, истребляя все встрѣчное. На возвратномъ пути они, однако, потерпѣли неудачу: семигаллы, срубивъ деревья (конечно, для устройства заваловъ), подстерегали литву, и когда тѣ съ награбленнымъ добромъ шли домой, напали на нихъ и истребили почти всѣхъ. Изъ полученной добычи, пишетъ Генрихъ, они прислали рижанамъ, въ утѣшеніе (in solatium) недавно понесенной потери, великолѣпные подарки (munera magnifica). Любопытно, однако, какіе это были munera magnifica, когда семигаллы могли отбить и отбили лишь свое же добро.

На сколько сильно враждовали семигаллы съ литовцами и ливами, столько же сильно враждовали латыши, обитавшіе въ нынѣшнихъ Венденскомъ, Вольмарскомъ и Валкскомъ уѣздахъ, съ чудскими сосѣдями своими, саккаланами (нынѣшній Феллинскій уѣздъ) и унганійцами. Имерскіе латыши приняли католичество въ расчетахъ получать помощь и защиту нѣмцевъ отъ литвы, дѣйствительно недававшей никому покоя, и отъ ливовъ. Вслѣдъ за имерскими латышами приняли католичество латыши, имѣвшіе свои городки: Беверинъ у Буртнекскаго озера, Антипъ недалеко отъ нынѣшняго Вольмара, Сотекль между нынѣшнимъ Пебальгомъ и Зупцелемъ, приняли, конечно, съ расчетомъ на помощь противъ своихъ непріятелей. Заключаемъ это изъ того, что не успѣли они креститься какъ, опираясь уже на нѣмцевъ, задумали немедленно требовать отъ унганійцевъ удовлетворенія за обиды и несправедливости, оказанныя въ прежніе годы. Старшины названныхъ городковъ: Руссинъ Сотекльскій, Варадотъ Антинскій и Таліальдъ Беверинскій отправили пословъ въ Унганію требовать отъ унганійцевъ удовлетворенія за обиды. Къ латышскимъ посламъ присоединились и нѣмецкіе отъ орденскаго брата Бертольда, начальствовавшаго въ Венденскомъ орденскомъ замкѣ. Надобно полагать, что нѣмецкіе послы, поддерживая требованія латышей, возобновили тѣ требованія вознагражденія, съ которыми былъ посылаемъ къ нимъ священникъ Алобрандъ (см. выше стр. 134). Унганійцы (чудь-торма) и слышать не хотѣли о какомъ либо удовлетвореніи, послы уѣхали ни съ чѣмъ; унганійцы однако отправили къ латышамъ своихъ пословъ. Назначили время и мѣсто схода для переговоровъ. Орденъ послалъ на сходъ Бертольда, со стороны епис-

кона (епископской части) явился на сходъ священникъ Генрихъ (лѣтописецъ). Переговоры не имѣли послѣдствій: договаривавшіяся стороны, пригрозивъ другъ другу копьями (lanceis acutissimis), разошлись по домамъ, не достигнувъ никакого мира.

Тогда Варадотъ и др. старшины отправились въ Ригу, заявили здѣсь, что желаютъ добывать своего у чуди силою и просили помощи нѣмцевъ. Въ это время прибыли въ Ригу изъ Готланда нѣкоторые купцы и нѣмцы (очень возможно, что эти нѣмцы были и крестоносцы). Орденъ, епископскій капитулъ, управлявшій за отсутствіемъ епископа дѣлами, купцы и всѣ рижане согласились ударить на унганійцевъ, недавшихъ удовлетворенія за ограбленные товары. Братъ епископа, Теодорихъ (прибывшій въ Ригу въ 1203 году, см. выше стр. 103), орденскіе братья-рыцари, купцы и прочіе нѣмцы выступили въ походъ, прибыли въ Торейду, созвали сюда ополченіе изъ крещеныхъ ливовъ и латышей, и двинулись въ Унганію, идя день и ночь, чтобъ не дать времени чуди собраться для отпора. По тогдашнему обычаю, вторгшееся войско разсѣялось по деревнямъ, истребляя встрѣчное огнемъ и мечомъ (igne et gladio suas injurias vindicantes, говоритъ Генрихъ), Разоривъ деревни, войско подступило къ чудскому городку Одемпе (Медвѣжья Голова) и зажгло его. Отдохнувъ здѣсь трое сутокъ, войско отправилось домой, забравъ съ собою захваченный скотъ, плѣнныхъ и всякую добычу (cum omni rapina).

Латыши, отлично хорошо зная, что чудь не замедлитъ отплатить имъ за набѣгъ, начали тотчасъ же укрѣплять свои городки, ввели въ нихъ свои семьи, и приготовились къ бою. Приготовленія ихъ оказались не напрасными, потому что унганійцы, призвавъ къ себѣ на помощь саккаланъ (чудь-вельядцевъ) зимою 1208 года внезапно вторглись въ латышскую землю Трикатенъ (между нынѣшемъ Вольмаромъ и Смильтеномъ), кого застали, тѣхъ или взяли въ плѣнъ, или сожгли живыми (въ томъ числѣ какого-то латыша Вардека, вѣроятно, старшину) и бросились на городокъ Беверинъ, но здѣсь встрѣтили сильный отпоръ. Латыши сдѣлали сами вылазку и перебили нѣкоторыхъ изъ чуди. Тогда осаждающіе предложили помириться, — но услышавъ, что мира не будетъ, пока они не воротятъ ограбленное и не примутъ крещенія, отступили отъ Беверина. Латыши преслѣдовали ихъ и дали знать въ Венденъ орденскому магистру, Винно, находившемуся въ то время въ этомъ замкѣ, чтобъ и онъ спѣшилъ гнать чудь. Винно пришелъ къ Беверину, но уже тамъ никого не засталъ, погнался за чудью, но не нагналъ ее.

Тогда беверинскіе латыши въ свою очередь вторглись въ Саккалу, гдѣ не ждали ихъ набѣга, перебили массу народа, и воротились домой, уведя съ собой много скота и дѣвушекъ (puellas plurimas), которыхъ только и щадятъ въ этихъ земляхъ, пишетъ Генрихъ. Саккалане не преслѣдовали латышей, которые благополучно и пришли

въ Беверинъ 18 декабря 1208 г. Здѣсь они застали брата-рыцаря Бертольда и нѣсколько епископскихъ людей, и всѣмъ дали подарки.

Саккалане, конечно, не замедлили-бы отплатить латышамъ за ихъ набѣгъ и война могла бы принять размѣры опасные для нѣмцевъ, еще весьма малочисленныхъ въ краю, ибо епископъ съ крестоносцами могъ прибыть только весною 1209 г., потому нѣмцы рѣшились не доводить распри между латышами и чудью до крайности. Вслѣдствіе этого ливскій судья (Livonum advocatus) Германъ созвалъ латышскихъ и ливскихъ старшинъ и предложилъ имъ начать переговоры съ чудью о мирѣ до прибытія епископа. Тѣ согласились помириться, согласисилась и чудь, понесшая большія потери въ лицѣ убитыхъ своихъ старшинъ и знатнѣйшихъ людей. Мира, однако, не заключили, а лишь перемиріе срокомъ на одинъ годъ.

Весной 1209 г. епископъ возвратился въ Ригу. Съ нимъ пріѣхало большое число крестоносцевъ (дворянъ, клериковъ и прочаго народа), въ числѣ которыхъ находились Рудольфъ Іерихонскій (Іерихонъ близь Травемюнде) и Вольтеръ Гаммерслевенскій (Гаммерслебенъ недалеко отъ Гальберштата).

Все вниманіе епископа на этотъ разъ обратилось на обезпеченіе своихъ владѣній отъ вторженій литвы, набѣги которой съ каждымъ годомъ усиливались больше и больше. Рига въ это время уже была порядочно укрѣпленнымъ городомъ. По правой сторонѣ Двины въ рукахъ нѣмцевъ находился рядъ укрѣпленныхъ городковъ: Гольмъ, Икскуль, Ленневарденъ, Ашерадъ. Въ нихъ находились уже нѣмецкіе гарнизоны, немногочисленные, правда, но всегда вооруженные и готовые къ бою. Вторженія литвы затруднились этими крѣпостцами. За Ашераденомъ уже не было укрѣпленій. Епископъ рѣшился возстановить Кукейносъ, покинутый и сожженный русскими въ прошломъ году. Въ сопровожденіи крестоносцевъ и отряда крещеныхъ ливовъ и латышей, онъ отправился въ Кукейносъ. Онъ нашелъ гору, на которой стояла русская крѣпостца, заваленную нечистотами, кипѣвшею червями и змѣями (vermibus et serpentibus, пишетъ Генрихъ). Епископъ распорядился очистить эту гору, укрѣпить валомъ и вообще отстроить вновь крѣпость. Кукейносъ явился довольно сильнымъ замкомъ, для охраны котораго былъ оставленъ гарнизонъ, состоявшій изъ рыцарей, камнеметчиковъ и части епископской дружины (milites et balistarios cum familia sua reliquit). Гарнизонъ долженъ былъ оборонять окрестности отъ вторженій литвы и русскихъ. Половину новоотстроеннаго замка епископъ отдалъ въ лепъ недавно прибывшему изъ Германіи Рудольфу Іерихонскому, а изъ земель кукейноской волости отдѣлилъ ордену третью часть, присоединивъ двѣ другія части къ епископскимъ землямъ. Порѣшивъ съ Кукейносомъ, епископъ возвратился въ Ригу.

Въ орденѣ въ это время совершилось злодѣяніе, повлекшее за собою выборъ новаго магистра.

Выше было сказано (см. стр. 108), что первымъ орденскимъ магистромъ былъ избранъ Винно фонъ Рорбахъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ Ригѣ. При спѣшномъ формированіи ордена епископъ не могъ быть разборчивъ въ выборѣ орденскихъ братьевъ — рыцарей, приходилось принимать въ братію и людей недостойныхъ, лишь бы они мало-мальски соотвѣтствовали требованіямъ устава при пріемѣ. Вслѣдствіе этого въ орденъ вступили разные искатели добычи и приключеній, разные проходимцы и не думавшіе объ исполненіи обѣтовъ, которые они давали при поступленіи въ военно-монашескій орденъ. Меченосцы до того славились своею необузданностію и порочною жизнію, что когда зашла рѣчь о соединеніи ихъ ордена съ орденомъ тевтонскимъ (объ этомъ будетъ сказано ниже), то рыцари тевтонскаго ордена на отрѣзъ отказали въ соединеніи именно потому, что меченосцы своею порочною жизнію унизили достоинство военно-монашескаго ордена и не могутъ быть въ общеніи съ рыцарствомъ.

Къ числу такихъ проходимцевъ, вступившихъ въ число братій-рыцарей, находился какой-то Вигбертъ (родомъ изъ вестфальскаго городка Сузата, какъ сказано въ 690 стихѣ Рифмованной Хроники, злой и недостойный человѣкъ). Магистръ Винно послалъ его на службу въ Венденъ въ распоряженіе Бертольда, начальствовавшаго въ Венденскомъ замкѣ. Здѣсь Вигбертъ не только не исполнялъ орденскаго устава, но сѣялъ, пишетъ Генрихъ въ XIII главѣ § 2, раздоръ между братіею. Бертольдъ и прочіе братьи-рыцари хотѣли смирить своего буйнаго собрата; тотъ бѣжалъ изъ Вендена къ идумейскому священнику (Даніилу въ Ропѣ, епископской области, см. выше стр. 124) и сказалъ ему, что здѣсь будетъ ждать прибытія въ Ригу епископа, желая быть въ послушаніи епископу, а не ордену. Бертольдъ съ другими рыцарями погнались за бѣглецомъ, схватили его въ Идумеѣ, привезли обратно въ Венденъ и заковали въ кандалы. Услышавъ о прибытіи епископа, Вигбертъ сталъ просить, чтобъ его освободили и пустили въ Ригу, обѣщая послушаніе епископу и орденской братіи. Его выпустили, и онъ прибылъ въ Ригу, гдѣ ждалъ только случая, чтобъ насытить злобу своего сердца, говоритъ Генрихъ.

За что Вигбертъ въ особенности злобствовалъ на магистра Генрихъ не объясняетъ; въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 695—700 сказано только, что магистръ, видя что Вигбертъ безполезенъ и ордену и краю, уволилъ его отъ дѣла (do erlies er in der arbeit).

Однажды въ какой-то праздничный день, когда братья-рыцаря пошли въ монастырь (ad monasterium, пишетъ Генрихъ, не въ соборъ ли?), Вигбертъ позвалъ къ себѣ на верхъ магистра Винно и ортенскаго священника Іоанна подъ видомъ открыть имъ свою тайну

(secreta sua). Когда Винно и Іоаннъ вошли, онъ внезапно бросился на Винно и боевымъ топоромъ (bipenne), который носилъ всегда съ собою, разсѣкъ ему голову, и потомъ умертвилъ и священника. Братья, свѣдавъ о злодѣяніи, схватили его когда онъ бѣжалъ изъ орденскаго дома въ часовню (орденскую церковь св. Георгія) и предали его свѣтскому суду (civile judicium). Его казнили тяжкою смертію, говоритъ Генрихъ (колесовали, сказано въ 711 ст. Рифмованной Хроники*).

Ордену пришлось такимъ образомъ избирать новаго магистра. Выборъ палъ на брата рыцаря Вольквина (Volquinus по Генриху, Volkewin по Рифмованной Хроникѣ). Откуда былъ родомъ новый магистръ, когда прибылъ въ Ригу — ни Генрихъ, ни Рифмованная Хроника не упоминаютъ, но отзываются о немъ съ большою похвалою, какъ о человѣкѣ разумномъ и достойномъ почтенія. „И съ этихъ поръ, пишетъ Генрихъ въ гл. XIII, § 2, какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи епископа, Вольквинъ предводительствомъ воинствомъ Господа (exercitum Domini) во всѣхъ походахъ, и исходилъ всѣ окрестные языческіе народы, и помогали ему всѣ его братья, и помощь и побѣда Господа Бога пребывала всегда съ нимъ“. Въ стихахъ 751—758 Рифмованной Хроники про Вольквина сказано, что онъ заслужилъ общую любовь и народъ началъ ему довѣрять. Правдивый въ славѣ, постоянный въ дѣлѣ, онъ не слушалъ ложныхъ совѣтовъ, а что обѣщаетъ, то это вѣрно было (was er geloubete, das war).

Произошла въ 1209 г. перемѣна и въ рижской церкви: умеръ препозитъ церкви Пресвятыя Маріи (каѳедральный протоіерей) Энгельбертъ, братъ епископа. Его мѣсто и должность Альбертъ предоставилъ Іоанну, члену шестенскаго конвента (de conventu Schetensi, Шеди или Шейды въ графствѣ Каркъ, близъ Унны). Новый протоіерей принадлежалъ къ ордену блаженнаго Августина и потому носилъ бѣлое одѣяніе (чистоту означающее, qui vere mundiliam signiiicat); епископъ для единообразія перемѣнилъ черное одѣяніе канониковъ рижской церкви и ихъ черныя капуцины (cappas seu cucullas nigras — головныя черныя уборы, родъ башлыковъ) на бѣлые. Отмѣчаемъ эту перемѣну, такъ какъ въ тѣ времена подобнымъ перемѣнамъ приписывали важное значеніе, ибо перемѣна одѣянія влекла за собою и перемѣну устава конвента или монастыря, къ которому принадлежали духовныя лица.

Возстановивъ Кукейносъ, поставивъ въ немъ нѣмецкій гарнизонъ, епископъ видѣлъ, однако, что этимъ мало достигается его цѣль —

*) Въ стихѣ 727 Рифмов. Хрон. сказано, что Винно управлялъ орденомъ 18 лѣтъ; Вартбергъ въ своей лѣтописи (Прибал. Сб. II, 89) также опредѣляетъ время управленія Винно въ 18 лѣтъ; Руссовъ въ своей лѣтописи (Прибал. Сб. II, 183) относитъ смерть Винно къ 1223 г., говоря, что кончина блаженнаго магистра послѣдовала послѣ 18-ти лѣтняго управленія. Все это невѣрно: Винно управлялъ орденомъ не болѣе пяти лѣтъ, съ половины 1204 года.

обузданіе набѣговъ литвы на латышскія и ливскія земли и набѣговъ со стороны русскихъ, которые, по видимому, не смотрѣли хладнокровно на присоединеніе кукейноской волости къ владѣніямъ епископа и ордена и тревожили новыхъ державцевъ. Путь литвѣ въ латыщину былъ совершенно открытъ со стороны Герсика. Герсикскимъ княземъ въ это время былъ Всеволодъ (Виссевальде, Wissewalde, какъ его называетъ Генрихъ). Неизвѣстно къ какому роду полоцкихъ князей онъ принадлежалъ, но онъ былъ ожесточеннымъ врагомъ латинцевъ. Женатый на дочери какого-то знатнаго литовца, Даугерута, онъ подружился съ литвою, не разъ предводительствовалъ литовцами (однажды съ литовцами, сдѣлалъ набѣгъ на Ригу, см. выше стр. 105), позволялъ имъ переправу чрезъ Двину у Герсика (до паденія Зельбурга литовскія партіи обыкновенно переходили чрезъ Двину у этого городка, см. выше стр. 130), доставлялъ имъ съѣстные припасы во время ихъ вторженій въ земли русскія, латышскія и чудскія. Хищническія набѣги литвы сдѣлались наконецъ столь губительными, что не было возможности жить въ усадьбахъ. Чуть лишь наступала зима, какъ литовскія шайки шли на промыселъ въ разныя стороны, одни шли на полочанъ, другія па латышей. Все разбѣгалось по лѣсамъ, но и это не снасало отъ хищниковъ; они обыскивали лѣса, убивали однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ и обирали у нихъ все до чиста. „И бѣгали русскіе чрезъ лѣса и деревни, пишетъ Генрихъ въ гл. ХШ, § 4 своей лѣтописи, предъ литовцами, даже немногими, какъ бѣгаютъ зайцы предъ лицомъ охотника; а ливы и леты служили литовцамъ пищею и кормомъ (cibus et esca), подобясь овцамъ, неимѣющимъ пастыря, въ пасти волковъ“.

Эти слова Генриха ни мало не преувеличены: литовскія разбойничьи партіи не давали покоя сосѣдямъ и въ своихъ набѣгахъ заходили дѣйствительно на далекія разстоянія отъ своихъ поселковъ. Такъ въ 1205 года литва повоевала землю Турійска до Червеня, бились у самыхъ воротъ червенскихъ, бѣда была въ землѣ Владимірской отъ воеванья литовскаго и ятвяжскаго, говоритъ лѣтописецъ. Заходили подъ Псковъ; грабили и новгородскія земли: въ 1200 г. (П. С. Р. Л. Ш, 25) отпустошили земли въ нынѣшнемъ новгородскомъ и демьянскомъ уѣздахъ. Усиливались набѣги и на польскія земли, и мы скоро увидимъ какъ одинъ изъ польскихъ князей, доведенный до крайности литовскими набѣгами, рѣшился на мѣру также крайнюю, какъ призывъ военно-монашескаго ордена. Не одни ливы и латыши служили пищею и кормомъ литовцамъ, но и всѣ сосѣднія съ литовскими поселеніями страны.

Могло послужить кормомъ литовцамъ и самая ливонская церковь, если дозволить герсикскому князю усилиться союзомъ съ литовцами, и вотъ епископъ рѣшается ударить на Герсикъ, сдѣлавшійся по выраженію Генриха, какъ бы дьявольскою сѣтью для всѣхъ жителей

праваго берега Двины, крещеныхъ и некрещеныхъ. Осенью, въ срединѣ октября 1209 г. епископъ лично повелъ крестоносцевъ, свою дружину и войско, созванное со всѣхъ концевъ ливскихъ и латышскихъ земель, на Герсикъ. Русскіе, когда войско подходило къ ихъ городку, вышли противъ него изъ городскихъ воротъ, но не выдержали удара нѣмцевъ, бѣжали въ городокъ, а за ними въ ворота ворвались и нѣмцы. Произошла свалка, при чемъ епископское войско, говоритъ Генрихъ, изъ уваженія къ христіанскому имени убило только немногихъ (prae reverentia Christiani nominis paucos occidentes), большую же часть взяло въ плѣнъ, дозволивъ многимъ бѣжать. Князь Всеволодъ успѣлъ на лодкѣ переправиться на лѣвый берегъ Двины, а его жена съ прислугою, дѣвушками и женщинами, были захвачены въ плѣнъ и доставлены епископу. Войско обобрало Герсикъ до чиста (см. выше стр. 57), сняло даже колокола съ церквей, и съ плѣнными и добычею на другой день выступило изъ Герсика, зажегши его со всѣхъ концевъ. Князь видя съ лѣваго берега Двины разгромъ и пожаръ своего города, громко возопилъ и, рыдая, говорилъ: „Герсикъ, любезный городъ, наслѣдіе моихъ отцовъ! Не родиться бы мнѣ лучше на свѣтъ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа!“

Епископъ и войско, пишетъ Генрихъ въ XIII гл. § 4 лѣтописи, раздѣлило между собою всю добычу забранную въ Герсикѣ, одежду, и серебро, и пурпуръ, и скотъ и многое добро (hopa multa), съ княгинею и всѣми плѣнными возвратилось домой.

Епископъ, по возвращеніи въ Ригу, послалъ сказать Всеволоду, что онъ долженъ прибыть въ этотъ городъ, если желаетъ получить обратно жену и плѣнныхъ. Князю, конечно, ничего не осталось дѣлать какъ ѣхать въ Ригу и отдаться на волю епископа. Онъ пріѣхалъ, назвалъ епископа отцомъ и смиренно просилъ о мирѣ. Епископъ, по словамъ Генриха, сказалъ князю: „Если ты впредь будешь избѣгать общенія съ язычниками, если княжество (regnum tuum) принесешь въ даръ церкви Пресвятыя Маріи съ тѣмъ, чтобъ получить оное обратно изъ нашихъ рукъ, тогда только мы отдадимъ тебѣ княгиню со всѣми плѣнными и обѣщаемъ тебѣ дать вѣрную помощь (fidele auxilium)“. Принять эти условія значило обратиться въ епископскаго вассала, но князь находился въ такомъ безвыходномъ положеніи, что согласился на все: передалъ церкви Пресвятыя Маріи свое княжество и получилъ оное обратно изъ рукъ епископа, признавъ его своимъ отцомъ, при чемъ епископъ торжественно вручилъ князю трое знаменъ. Герсикскій князь такимъ образомъ сдѣлался епископскимъ вассаломъ. Ни князь, ни епископъ даже и не заикнулись о томъ, что полоцкій князь все-же есть верховный властитель русскихъ подвинскихъ княжествъ, и что противъ присоединенія герсикской волости къ владѣніямъ ливонской церкви онъ можетъ и возстать,

но епископъ, очевидно, зналъ, что дѣлалъ и очень хорошо понималъ безсиліе полоцкаго князя вступиться за свое право. Какія знамена были торжественно вручены князю и почему были вручены три знамени — неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, но Всеволодъ поступилъ такъ, какъ требовалъ отъ него епископъ, и тогда только получилъ обратно жену и своихъ илѣпныхъ и, возвратившись въ Герсикъ, уже въ качествѣ епископскаго вассала, созвалъ разбѣжавшихся жителей и началъ отстраивать этотъ городокъ вновь, не теряя, однакоже, надежды на перемѣну обстоятельствъ и возвращеніе своего прежняго, надежду, какъ увидимъ, тщетную.

Подвинскіе русскіе княжества въ концѣ 1209 г. прекратили свое самостоятельное существованіе и во власти епископа такимъ образомъ явились земли ливовъ и земли латышей. Епископъ сдѣлался властителемъ земель по правому берегу Двины отъ ея устья почти до Динабурга, морскимъ побережьемъ отъ Динаминда до пынѣшняго Пернова и за тѣмъ земель, составляющихъ нынѣшніе латышскіе уѣзды: Венденскій, Вольмарскій и Валкскій. Третья часть этихъ земель была предоставлена ордену, какъ епископскому вассалу. Подвинскіе ливы и латыши все еще, однако, считались данниками полоцкаго князя, епископъ ни мало не отрицалъ этого данничества, но оно уже существовало лишь номинально.

Съ 1209 г. наступаетъ очередь покоренія чудскихъ народцевъ.

VI. Борьба съ эстонцами до датскаго вмѣшательства.

I

Набѣгъ на Унганію и отъѣздъ епископа. — Нападеніе куроновъ на Ригу. — Псковскія и новгородскія дѣла. — Нападеніе чуди на Венденъ. — Пораженіе христіанъ. — Миръ съ Полоцкомъ. — Походъ на Викъ. — Осада и взятіе Феллина. — Опустошительные набѣги. — Прибытіе Альберта съ тремя епископами. — Пораженіе чуди въ Трейдѣ. — Походъ на сѣверные части Саккалы — Моровое повѣтріе. — Походъ на Унганію и Ервенъ. — Походъ русскихъ на Варболинъ. — Владиміръ Псковскій въ Ригѣ. — Перемиріе съ эстонцами. — Свиданіе Альберта съ Владиміромъ Полоцкимъ. — Возстаніе ливовъ и латышей. — Усмиреніе и улаженіе споровъ. — Набѣги литовцевъ. — Распоряженія папы. — Сыновья Талибальда отступаютъ отъ православія. — Взятіе Герсика. — Возобновленіе войны и набѣгъ на Роталію и Саккалу. — Отмщеніе со стороны эстонцевъ. — Эзельцы подъ Ригою. — Латеранскій соборъ. — Походъ на Эзель. — Смерть Владиміра Полоцкаго. — Русскіе подъ Одемпе. — Пораженіе нѣмцевъ. — Новое возстаніе эстонцевъ. — Обращеніе епископа Альберта за помощію къ датскому королю Вальдемару II.

(1209—1218).

Было выше сказано (стр. 139), что, при посредствѣ ливскаго судьи Германа, между ливами и латышами съ одной стороны и

чудью-саккаланами и унганійцами съ другой было заключено перемиріе на одинъ годъ. Зимою 1209 г. кончился срокъ этому перемирію, тогда начальникъ Венденскаго орденскаго замка Бертольдъ, призвалъ къ себѣ сотекльскаго латышскаго старшину Руссина, а также латышей изъ Аптина, старшиною у которыхъ былъ Варидотъ, и вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ набѣгъ на Унганію. Унганійцы не ожидали нападенія, не успѣли скрыться въ свой городокъ Одемпе и сильно пострадали за то: Бертольдъ опустошилъ и выжегъ нѣсколько деревень, и потомъ съ полономъ и добычею, причинивъ большое убійство и пожаръ — facta coede magna et incendio, пишетъ Генрихъ, возвратился домой безъ особенныхъ для себя потерь, по здорову, какъ выражались наши лѣтописцы.

Торейдскіе ливы, услышивъ объ этомъ набѣгѣ, вознегодовали на Бертольда и ему подручныхъ латышей за возобновленіе съ унганійцами непріязненныхъ дѣйствій, зная, что тѣ непремѣнно за набѣгъ отвѣтятъ набѣгомъ и не оставятъ въ покоѣ Торейды; вслѣдствіе того они послали просить епископа, чтобъ онъ отправилъ посла въ Унганію для заключенія мира. Епископъ послалъ въ Одемпе священника Алобранда того самаго, который уже былъ тутъ прежде (см. стр. 134), возобновить миръ съ унганійцами, не оставляя требовать возвращенія товаровъ. Унганійцы собрались въ Одемпе выслушать что скажутъ епископскія послы. И разверзъ уста свои Алобрандъ, говоритъ Генрихъ, и началъ поучать унганійцевъ вѣрѣ во Христа. Услышавъ проповѣдь, унганійцы бросились на проповѣдника съ копьями и мечами, но нѣкоторые старшины защитили его, говоря: „Если мы убьемъ этого посла, то кто же послѣ этого повѣритъ намъ и пришлетъ посла“. Алобрандъ ничего не добился, унганійцы отпустили его въ Ригу, но вмѣстѣ съ тѣмъ отправили своихъ пословъ, которые и заключили миръ между унганійцами и ливами и латышами, но тозько епископской части, потому что Бертольдъ Венденскій и Руссинъ со своими латышами этого мира не приняли и приготовились къ войнѣ.

Между тѣмъ наступила весна 1210 г., срокъ годовой службы крестоносцамъ въ Ливоніи кончился, они приготовились отправляться домой въ Германію, приходилось ѣхать въ Германію и епископу за новыми крестоносцами, безъ которыхъ ему обойтись было невозможно. И въ самомъ дѣлѣ епископъ лучше чѣмъ кто либо другой въ Ригѣ видѣлъ на сколько шатко и непрочно еще положеніе ливонской церкви и ея владѣній. Всѣ литовскія народы, живніе по лѣвой сторонѣ Двины, еще не были крещены; самые сильные и многочисленные изъ этихъ народцевъ, куроны, были враждебны нѣмцамъ; на вѣрность ливовъ, силою принужденныхъ по крещенію, разсчитывать было нельзя; съ востока угрожали русскіе; чудскіе народцы, сосѣдніе съ крещеными ливами и латышами (саккаланы и унганійцы), безпрестанно тревожили

ливскія и латышскія земли, наконецъ опасными врагами возникающаго католичества въ Ливоніи были литовцы.

Раннею весною 1210 г. епископъ съ выслужившими срокъ крестоносцами отправился моремъ въ Германію, часть ихъ, впрочемъ, осталась въ Ригѣ на праздникъ Пасхи (18 апрѣля). Путешествіе епископа на этотъ разъ было не совсѣмъ благополучно: въ проливѣ (apud Sunde — по всей вѣроятности у нынѣшняго Домеснеса) появились куронскіе пираты на восьми своихъ ладьяхъ (pigaticis). Крестоносцы рѣшились ударить на нихъ, со своихъ кораблей сѣли на лодки и напали на пиратовъ, но потерпѣли неудачу: человѣкъ тридцать крестоносцевъ было убито, другіе утонули, остальные успѣли достичь до своихъ кораблей и тѣмъ спаслись. Епископскіе корабли, однакоже, вышли въ открытое море, не преслѣдуемые пиратами.

Вѣсть объ этой неудачѣ крестоносцевъ быстро распространилась по окрестнымъ народцамъ: гонцы куроновъ поскакали къ эстонцамъ, литовцамъ, латышамъ и русскимъ съ извѣщеніемъ о случившемся и съ предложеніемъ напасть на Ригу. Готовилось нѣчто въ родѣ общаго союза для совмѣстнаго дѣйствія противъ нѣмцевъ (всѣ совѣщались какъ бы уничтожить Ригу и перебить нѣмцевъ, qualiter Rigam delerent, et Teutonicos omnes dolo tenerent et occiderent, пишетъ Генрихъ въ гл. XIV, § 5 лѣтописи). Подобный союзъ, конечно, былъ бы опасенъ, но составленіе общаго союза при совершенной раздѣльности племенъ и отсутствіи всякой общей связи между ними было дѣломъ немыслимымъ. Гонцы побывали всюду, но ничего изъ этого не вышло: русскіе не двинулись вовсе, не двинулись и чудь и семигаллы. Правда, литовцы кинулись было на Кукейносъ, думая врасплохъ овладѣть этою крѣпостцею, но ошиблись въ разсчетѣ: нѣмецкій гарнизонъ, находившійся здѣсь подъ подъ начальствомъ Рудольфа Іерихонскаго (см. выше стр. 139), отразилъ нападеніе и заставилъ литовцевъ бѣжать во свояси.

Никакаго общаго союза не состоялось; крещеные ливы, живніе по рѣчкѣ Аа (нѣсколько къ сѣверу отъ рѣки Лифляндской Аа) рѣшились, однако, попытать счастья и освободиться отъ католичества и отъ нѣмцевъ и послали къ куронамъ сказать, что епископъ съ крестоносцами уѣхалъ и что овладѣть Ригою, въ которой дѣйствительно осталось мало народа, не трудно. Они, конечно, обѣщали, что и ливы поднимутся какъ только послѣдуетъ нападеніе на Ригу. Куроны, ободренные недавнимъ успѣхомъ надъ крестоносцами, послушались ливовъ, собрали большое войско и предположили ударить на Ригу, подступивъ къ ней на ладьяхъ съ моря. Рижскіе горожане (cives) какими-то путями провѣдали, что на ихъ городъ готовится нападеніе и выслали въ море лазутчиковъ (exploratores) для наблюденія. Куроны не двигались: они собрались въ концѣ іюня 1210 г. и двѣ недѣли провели въ приготовленіи и бросаніи жребія о благоиріятномъ времени для нападенія. Лазутчики возвратились въ Ригу, ничего не развѣдавъ.

Между тѣмъ, 12 іюля 1210 г., остававшіеся въ Ригѣ на Пасху крестоносцы, графъ Сладенскій (Сладенъ находится между Госларомъ и Вольфенбютелемъ), рыцарь Марквардъ и др., на двухъ корабляхъ вышли изъ Риги, чтобъ плыть обратно домой, и на ночь остановились въ Динаминдскомъ монастырѣ. На разсвѣтѣ, 13 іюля, все море покрылось какъ бы туманомъ: то были куронскія ладьи. везшія войска для осады Риги. Язычники проплыли мимо монастыря, не трогая кораблей крестоносцевъ, и начали усиленно грести къ городу, думая напасть на него въ расплохъ. Этаго, однако, имъ не удалось сдѣлать: рыбаки увидѣли ихъ и дали знать въ Ригу о приближеніи непріятеля. Горожане (cives), меченосцы, камнеметчики, клерики и даже женщины схватились за оружіе, ударили въ набатный колоколъ, и изъ крѣпостныхъ воротъ вышли на Двинскій берегъ противъ враговъ. Куроны высадились на берегъ, и въ полѣ построились къ бою Каждый изъ нихъ несъ предъ собою укрѣпленный на палкѣ щитъ, сколоченный изъ двухъ досокъ и когда солнце освѣтило эти бѣлые щиты, то ими освѣтились поле и воды, ибо то было большое и сильное войско, говоритъ Генрихъ. Крещеные ливы и стрѣлки встрѣтили куроновъ въ укрѣпленіи, находившемся предъ городскими воротами. Началось сраженіе, продолжавшееся до третьяго часа дня. Горожане зажгли форштатъ (villam, quae erat extra muros). Куроны, встрѣтивъ сильный отпоръ, отступили къ своимъ ладьямъ, подкрѣпились пищею и снова ударили на городъ. Сложивъ щиты, они начали таскать дрова, чтобъ поджечь городъ, но тутъ многіе были переранены. И коль скоро кто изъ нихъ, пишетъ Генрихъ, падалъ раненый камнемъ, то тотчасъ же его братъ или сотоварищъ отрубалъ ему голову и такимъ образомъ умерщвлялъ. Весь день продолжался бой, въ вечеру явилась ужь помощь Ригѣ. Изъ Гольма прибыла часть тамошняго гарнизона, рыцарь Марквардъ воротился изъ Динаминда, пробился сквозь толпы куроновъ и вступилъ къ городъ. Ночью прибылъ Каупо со своимъ отрядомъ, а на утро 14 іюля прибылъ и Конрадъ Икскульскій. Куронамъ ничего теперь не осталось дѣлать какъ отступить: они собрали тѣла своихъ убитыхъ и на ладьяхъ переправились на лѣвый берегъ Двины, гдѣ простояли трое сутокъ, сжигая трупы и оплакивая убитыхъ, и за тѣмъ ушли во свояси. Пришелъ на помощь Ригѣ съ орденскими братьями — рыцарями Бертольдъ, но уже не засталъ куроновъ и потому воротился въ Венденъ.

Торейдскіе ливы уже крещеные собрались было итти къ Ригѣ, чтобъ помочь куронамъ при осадѣ этаго города, но собрались когда уже было поздно, когда куроны пошли въ свою землю. Нѣмцы, надобно полагать, безъ всякаго труда разсѣяли ливское войско и удовольствовались тѣмъ, что ливы обѣщали не выходить изъ послушанія имъ. Рижане же постановили ежегодно праздновать день св. Маргариты (13 іюля) въ память освобожденія Риги отъ нападенія куроновъ.

Къ этому именно времени Генрихъ относитъ нападеніе князей новгородскаго и псковскаго на Одемпе (см. выше стр. 63), но такъ ли это и кто таніе были эти князья?

Псковъ (въ древности называвшійся Плесковъ или Пльсковъ) принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Наши лѣтописи, не упоминая ни слова о времени основанія этого города, указываютъ только, что онъ существовалъ уже во время св Ольги, которая была родомъ изъ Пскова. Городъ этотъ расположенъ на берегу рѣки Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея впаденія въ Псковское озеро, составляющее часть большаго озера Чудскаго или Пейпуса. Главная часть города (дѣтинецъ. кремль) находилась на возвышенномъ мысѣ при сліяніи рѣчки Псковы съ Великою; посадъ, примыкавшій къ дѣтинцу, назывался Кромами (внѣшній, кромѣшный городъ). Псковъ въ глубокой древности входилъ въ составъ Новгородской волости и считался пригородомъ Новгорода Великаго. Въ теченіе XI в. о Псковѣ нѣтъ и помина въ лѣтописяхъ, но въ XII ст., считаясь пригородомъ Новгородской земли, онъ уже занимаетъ видное мѣсто въ числѣ другихъ новгородскихъ пригородовъ (Руса, Великія Луки, Ладога. Торжокъ. Волокъ), стремится къ самостоятельности, къ независимости отъ Великаго Новгорода. Въ 1124 году псковичи приняли къ себѣ князя Всеволода-Гавріила Мстиславича, изгнаннаго изъ Новгорода. Изъ за этаго принятія чуть было не дошло до открытаго столкновенія между новгородцами и псковичами. Князя Всеволода-Гавріила, создателя въ Псковѣ каменнаго собора св. Троицы, за его благочестіе причисленнаго православною церковію къ лику святыхъ, псковичи считаютъ патрономъ своего города и собора св. Троицы, гдѣ почіютъ мощи святаго князя, чтутъ своею святынею.

По смерти Всеволода, Псковъ снова явился новгородскимъ пригородомъ и псковичи снова сдѣлались дѣятельными подручниками новгородцевъ Такъ въ 1169 году они ходили вмѣстѣ на полочанъ, а съ конца XII ст. псковичи дѣлаются передовою силою, «оплечьемъ», противъ чуди и литвы и имѣютъ своихъ князей, зависимыхъ однако отъ Новгорода. Такъ въ 1177—1178 г. новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ посадилъ въ Псковъ племянника Бориса и взялъ подъ стражу псковскихъ сотскихъ, которые волновали народъ и не хотѣли принять Бориса.

Мы уже имѣли случай говорить, что Новгородъ въ концѣ XII в. въ то время, когда началась проповѣдь католичества въ ливскихъ земляхъ, былъ волнуемъ распрями двухъ партій: суздальской и южно-русской, и что безпрерывная смѣна князей вовлекала новгородцевъ въ войны и усобицы, жестоко разорявшія новгородскія земли (см. выше стр. 84)

Князь Мстиславъ Ростиславичъ, получившій прозваніе Храбраго умеръ въ 1180 г., оставивъ на попеченіе братьямъ и боярамъ двухъ несовершеннолѣтнихъ своихъ сыновей: Владиміра и Мстислава. Партія южно-русская взяла верхъ надъ суздальскою и призвала княземъ въ Новгородъ сына князя черниговскаго Святослава Всеволодича, утвердившагося въ Кіевѣ, а новгородцы за тѣмъ участвовали въ войнѣ этаго князя съ Всеволодомъ III Суздальскимъ Въ отомщеніе за это участіе, въ 1182 г. Всеволодъ III напалъ на новгородскій пригородъ Торжокъ, взялъ его на «щитъ», т. е. «пошлѣнилъ, разграбилъ и сжегъ. Въ виду такаго разоренія пригорода, суздальская партія въ Новгородѣ въ свою очередь взяла верхъ надъ южно-русскою, и новгородцы, выпроводивъ отъ себя Святославова сына, просили себѣ князя у Всеволода III. потому что не любили и не могли оставаться безъ князя даже на короткое время: князь въ Новгородѣ, какъ и во всей Руси, былъ главный судья и предводитель войска. Всеволодъ далъ новго-

родцамъ князя своего свояка, безъудѣльнаго Ярослава Владиміровича. Князь этотъ, не лишенный ума и мужества, совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на внѣшнихъ непріятелей. между прочимъ, ходилъ въ 1191 г. вмѣстѣ съ псковичами на чудь-медвѣжанъ (Одемпе), отбилъ у чуди Юрьевъ, и все-таки не могъ ужиться съ новгородцами. лучше сказать, съ новгородскимъ вѣче, составлявшемъ въ Новгородской Руси верховное правительство. Въ теченіе 17—18 лѣтъ времени онъ былъ три раза удаляемъ изъ Новгорода и три раза призываемъ на новгородскій столъ. Въ послѣдній, третій разъ, въ 1199 г. его отозвалъ изъ Новгорода самъ Всеволодъ III, и на его мѣсто прислалъ малолѣтняго сына своего, Святослава. а потомъ старшаго Константина. Константинъ въ 1206 г. былъ торжественно встрѣченъ въ Новгородѣ и торжественно въ Софійскомъ соборѣ посаженъ на новгородскій столъ.

Торжество суздальской партіи продолжалось, однако, недолго. Вѣче, негодуя на семью Мирошкн, бывшаго главою этой партіи, за большую дружбу съ Суздалемъ, самоуправство и злоупотребленіе посадника (посадникъ былъ второе лицо по князѣ — его намѣстникъ и замѣститель) Димитрія Мирошкинича при сборѣ податей съ купцовъ и волостей, возстала на нихъ, и когда Всеволодъ III отозвалъ изъ Новгорода Константина и назначилъ туда снова Святослава. новгородцы ограбили мирошкиничей, посадникомъ поставили Твердислава Михайловича и въ 1210 г. тайно позвали на новгородскій столъ славившагося смѣлостію и большою отвагою торопецкаго князя Мстислава, сына своего бывшаго князя Храбраго.

Торопецкій князь Мстиславъ Мстиславовичъ, не даромъ прозванный Удалымъ, не заставилъ себя долго просить: зимой 1210 г. явился въ Торжкѣ, схватилъ святославовыхъ дружинниковъ и посадника, и послалъ въ Новгородъ сказать (см. П. С. Р. Л. III, 31): «Кланяюсь св. Софьѣ, и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ: пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насиліе отъ князей, и жаль ми своея отчины». Новгородцы тотчасъ засадили Святослава и его бояръ подъ стражу, а за Мстиславомъ отправили большое посольство. Удалой пріѣхалъ, сѣлъ на новгородскій столъ и немедленно же пошелъ на Всеволода III. Князь суздальскій хорошо зналъ Удалаго. не хотѣлъ рисковать войною съ нимъ, и послалъ сказать ему: «ты ми еси сынъ, и язъ тебѣ отецъ, пусти Святослава и мужи его. язъ гость пускаю и товаръ» (задержанные во время возстанія на мирошкиничей). Удалой согласился на это и сдѣлался новгородскимъ княземъ.

Въ то время когда Мстиславъ Удалой явился новгородскимъ княземъ, его братъ, Владиміръ былъ уже княземъ въ Псковѣ. Съ котораго именно времени онъ княжилъ тутъ неизвѣстно, но только въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 31) подъ 6719 (1211) годомъ читаемъ, что Владиміръ Псковскій былъ назначенъ княземъ въ Великія Луки. Вѣроятно. онъ пробылъ здѣсь очень недолго, потому что подъ 6721 г. означено, что псковичи въ то время уже «изгнали князя Володиміра отъ себе».

Генрихъ въ гл. XIV, § 2 своей лѣтописи пишетъ, будто послѣ отъѣзда епископа Альберта въ Германію въ 1210 г. rex magnus Novogardiae (т. новгородскій князь) и rex de Plescekowe (т. е. псковскій князь) со всѣми ихъ русскими (cum omnibus Ruthenis suis) вступили въ Унганію и осадивъ замокъ Одемпе, бились съ тамошними жителями восемь дней Очень сомнительно, чтобъ это было такъ: предмѣстникъ Удалаго, князь Святославъ, вовсе не дѣлалъ похода на чудь, Удалой же былъ позванъ на новгородскій столъ лишь зимою 1210 г. и первый походъ на чудь сдѣлалъ по показанію лѣтописи не въ 1210 г,, а въ 1212 г. Показаніе Новгородской лѣтописи слѣдуетъ считать болѣе вѣрнымъ, ибо оно сообразнѣе съ ходомъ дѣлъ въ Новгородѣ.

Какъ бы то ни было, но Владиміръ Псковскій оказался столь же недальновиднымъ княземъ, какъ и его соименникъ, князь Полоцкій. Тотъ, давъ позволеніе Мейнгарду на проповѣдь католичества ливамъ, не хотѣлъ вникнуть къ чему можетъ повлечь такое позволеніе, увидѣлъ свой промахъ когда уже было поздно, потерялъ два подвинскія княжества и на долго лишилъ Россію ея естественной усть-двинской гавани, благодаря лишь черезъ-чуръ легкому отношенію къ интересамъ Полоцкой земли. Владиміръ Псковскій отнесся къ интересамъ Пскова еще болѣе легкомысленно, чѣмъ его полоцкій соименникъ отнесся къ своимъ, потому что вошелъ, какъ это сейчасъ увидимъ, не только въ дружественныя, но и въ подручническія и даже родственныя отношенія къ епископу Альберту, не подозрѣвая, конечно, что, способствуя осуществленію его завоевательныхъ плановъ, онъ подготовляетъ завоеваніе Пскова и его пригородовъ, какъ то и произошло впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ.

Но обратимся къ разсказу о событіяхъ, происходившихъ въ Ливоніи во время отсутствія Альберта въ 1210 г.

Мы видѣли, что епископъ еще до отъѣзда своего въ Германію заключилъ миръ съ унганійцами и что этаго мира не приняли ни Бертольдъ Венденскій, ни латыши, враждовавшіе съ унганійцами (см. выше стр. 145). Орденцы съ латышами сдѣлали набѣгъ на Унганію, овладѣли Одемпе, при чемъ, по обычаю, перебили мущинъ и позабирали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Отдохнувъ въ Одемпе однѣ сутки, они подѣлили между собою награбленную добычу, зажгли этотъ городокъ и воротились домой безъ особенныхъ потерь. Чуть-торма не осталась въ долгу: разослала гонцевъ къ сосѣдямъ собираться и ударить на Бертольда какъ на главнаго виновника разоренія Медвѣжьей Головы.

Хотя куроны подъ Ригою и потерпѣли неудачу, но рижская старшина серьезно побаивалась, чтобъ всѣ враги католичества не составили союза между собою для искорепенія ливонской церкви и потому рѣшилась заключить миръ съ болѣе сильнымъ врагомъ, княземъ Полоцкимъ, совершенно вѣрно разсчитывая, что безъ полочанъ придвинскіе народцы и куроны не въ состояніи будутъ предпринять что либо серьезное противъ Риги и нѣмцевъ. Рѣшились послать въ Полоцкъ для переговоровъ съ княземъ Рудольфа Іерихонскаго, того самаго, который былъ начальникомъ въ Кукейносѣ. Рудольфъ съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ снарядился въ путь, но не поѣхалъ прямо въ Полоцкъ, а отправился въ Венденскій замокъ къ Бертольду, быть можетъ и для того, чтобъ взять съ собою нѣсколькихъ орденскихъ братьевъ-рыцарства. Онъ благополучно прибылъ къ Бертольду, — но не успѣлъ уѣхать отъ него, потому что какъ разъ въ это время чудь, въ отомщеніе Бертольду за недавній набѣгъ на Одемпе, осадила его въ этомъ замкѣ и трое сутокъ билась съ рыцарями. Много чуди было переранено камнеметными машинами, но и они умертвили

копьями нѣсколькихъ защитниковъ замка. Наконецъ осаждающіе сложили большой костеръ дровъ, подложили огня, чтобъ зажечь замокъ, притащили большія деревья съ корнями, сдѣлали изъ нихъ родъ штурмовой башни (ad modum propugnaculi) и подъ прикрытіемъ ея неутомимо бились съ рыцарями, бросая въ замокъ горящія головни. По нерадѣнію нѣкоторыхъ, говоритъ Генрихъ въ гл. XIV, § 8, извѣстіе объ осадѣ дошло въ Ригу лишь на третій день, и подкрѣпленіе Вендену, посланное изъ Риги, прибыло въ Зегевольдъ лишь на четвертыя сутки. Двинулся на помощь Бертольду и Каупо со своимъ отрядомъ изъ крещеныхъ ливовъ и латышей. Чудь, заслышавъ о приближеніи Каупо, сняла осаду Венденскаго замка (стараго, находившагося нѣсколько къ югу отъ нынѣшняго Вендена), отступила по направленію къ рѣкѣ Имерѣ, и расположилась для отдыха и ночлега у озера, находившагося на пути въ латышскій городокъ Беверинъ (у однаго изъ нынѣшнихъ болотъ къ сѣверу отъ Вольмара).

Каупо со своимъ отрядомъ вступилъ въ Венденскій замокъ, и утромъ съ нѣсколькими орденскими братьями — рыцарями и Рудольфомъ Іерихонскимъ выступилъ на преслѣдованіе непріятеля. Они настигли уходившихъ и остановились подкрѣпиться пищею недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояла чудь. Не выждавъ прибытія рижскаго отряда и положившись на слова лазутчиковъ, что чудь торопится переправиться чрезъ Имеру, войско Каупо съ рыцарями начало наступленіе къ Имерѣ, но тутъ потерпѣло полную неудачу: чудинцы сами атаковали христіанское войско. Крещеные ливы и латыши разбѣжались во всѣ стороны, и вся тяжесть боя пала на нѣмцевъ, численность которыхъ не превышала, какъ пишетъ Генрихъ, 20 человѣкъ. Они начали отступать и потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми и раненными (были убиты сынъ Каупо, Бертольдъ, и зять его, Ванне). Рудольфъ Іерихонскій былъ раненъ копьемъ и упалъ на землю; онъ погибъ бы, если бы какой то фризъ, по имени Вигбольтъ, не посадилъ его снова на коня и не защищалъ отъ нападающихъ. Преслѣдуя христіанское войско, чудь захватила въ плѣнъ человѣкъ сотню христіанъ, изъ которыхъ часть умертвила немедлено, а часть увела въ свой станъ на Имеру. Въ числѣ плѣнныхъ было 14 нѣмцевъ; изъ нихъ одни были сожжены живыми, другихъ замучили, предварительно обнаживъ ихъ и вырѣзавъ мечами на ихъ спинахъ знаки креста.

Чудь, воротившись въ свои земли, разослала гонцовъ въ разныя стороны къ другимъ свимъ землякамъ, чтобъ всѣмъ составить, какъ пишетъ Генрихъ, едино сердце и едину душу противъ католичества. Каупо и орденскіе братья рыцари начали также вооружаться и готовиться къ походу на чудь, чтобы загладить свою неудачу, постигшую ихъ близъ рѣчки Имеры (Зедды нынѣ).

Раненый Рудольфъ Іерихонскій не могъ уже ѣхать въ Полоцкъ;

вмѣсто него послали къ Полоцкому князю орденскаго брата, Арнольда, (о немъ см. выше стр. 117) съ его товарищами предложить князю заключить миръ съ нѣмцами и открыть рижскимъ купцамъ свободный доступъ въ земли Полоцкаго княжества. Князь, говоритъ Генрихъ, дружелюбно принялъ пословъ и радуясь, хотя и притворно, миру, послалъ вмѣстѣ съ ними въ Ригу однаго разумнаго и богатаго смоленскаго жителя, по имени Лудольфа (Ludolphum, virum prudentem et praedivitem de Smolensko), чтобъ онъ самъ договорился о мирѣ съ рижанами, при чемъ было постановлено, что ливы будутъ ежегодно платить князю подлежащую ему дань (debitum tributum) или же епископъ самъ будетъ вносить эту дань за нихъ. Этотъ мирный договоръ не дошелъ до насъ, но условіе о дани едва-ли исполнялось: епископъ не платилъ, а Полоцкій князь не имѣлъ силы заставить его платить. Во всякомъ случаѣ рижане, какъ свидѣтельствуетъ Генрихъ, радовались заключенію мира, по той причинѣ, что теперь могли оставаться спокойными со стороны Полоцка и всѣ силы свои направить на борьбу съ эстонцами.

Рижская старшина (seniores, пишетъ Генрихъ, это, конечно: епископскій капитулъ, орденское управленіе и представительство горожанъ, магистратъ, о началѣ котораго будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ) при наступленіи праздника Рождества Христова (25 декабря 1210 г.) и усиленіи морозовъ, разослала гонцевъ по землямъ ливовъ и латышей и по всѣмъ замкамъ на Двинѣ и Койвѣ собираться въ походъ на Эстонію. Старшина не желала оставить безъ отмщенія недавняго нападенія чуди на Венденскій замокъ и пораженія, нанесеннаго чудью христіанскому войску подъ Имерою. Недавнія столкновенія съ чудью показали, однако, что борьба съ нею будетъ упорная и нелегкая, что чудь окажетъ сопротивленіе несравненно большее, чѣмъ оказали ливы, латыши и подвинскіе русскіе, потому старшина и заботилась собрать побольше войска. Къ назначенному сроку въ концѣ декабря собрались земскіе старшины Руссинъ, Каупо, Нинъ, Дабрель и пр. со своими отрядами ливовъ и латышей, пришли на сборный пунктъ остававшіеся въ Ригѣ крестоносцы, орденскіе братья, епископская дружина; пришелъ изъ Пскова и сильный вспомогательный отрядъ русскихъ. Генрихъ не объясняетъ какимъ образомъ псковичи вошли въ союзническія отношенія съ нѣмцами (о приходѣ русскаго вспомогательнаго отряда нѣтъ извѣстій ни въ Рифмованной Хроникѣ, ни въ русскихъ лѣтописяхъ), пишетъ только, что извѣстіе о сборахъ на чудь достигла Пскова, который былъ въ то время въ мирѣ съ нѣмцами, и потому Псковскій князь прислалъ вспомогательный отрядъ на чудь, враждовавшую съ псковичами. Былъ-ли заключаемъ Псковомъ миръ съ нѣмцами, когда и на какихъ условіяхъ — ничего этого неизвѣстно. Быть можетъ сношенія съ Владиміромъ Псковскимъ завязалъ Бертольдъ Венденскій еще во время своего перваго похода на Унганію,

быть можетъ, и нѣмецкіе купцы, торговавшіе съ Псковомъ и возившіе туда товары „горою“, способствовали сближенію князя съ нѣмцами, устроили какое нибудь соглашеніе на счетъ взаимной помощи при набѣгахъ чуди и литвы, все это быть можетъ, но только псковское вѣче оказалось подальновиднѣе своего князя, потому что было очень недовольно сближеніемъ его съ орденомъ и епископомъ, и впослѣдствіи, какъ будетъ сказано ниже, изгнало его изъ Пскова именно за это сближеніе, шедшее прямо въ разрѣзъ съ интересами Пскова и его пригородовъ.

Какъ бы то ни было, но русскій вспомогательный отрядъ прибылъ, и рижская старшина рѣшила сдѣлать походъ на такую чудскую землю, гдѣ всего менѣе могли ожидать вторженія, слѣд. всего болѣе можно было расчитывать на успѣхъ (внезапность нападенія считалась въ тѣ времена необходимымъ условіемъ набѣга). Генрихъ не объясняетъ изъ какихъ именно чудскихъ земель составилось войско, осаждавшее Венденъ и нанесшее христіанамъ пораженіе, изъ унганійцевъ и саккалавъ или же вмѣстѣ съ ними были и сосѣди саккаланъ, чудины, живніе въ земляхъ нынѣшняго южнаго Внка Эстляндской губерніи, въ тѣ времена называвшихся Сонтаганою, но говоритъ только (гл XIV, § 9), что христіанское войско выступило изъ сборнаго пункта въ Метзеполѣ, гдѣ взяло заложниковъ съ тѣхъ ливовъ, которымъ имѣло причины не довѣрять, и за тѣмъ (въ послѣднихъ числахъ декабря 1210 г.) направилось вдоль морскаго берега и вступило по морскому прибрежью въ Сонтагану. Чудскіе сторожа, наблюдавшіе дорогу (custodes viarum), побѣжали дать знать своимъ о приближеніи христіанскаго войска, но было уже поздно: христіанское войско застало сонтаганцевъ не приготовившихся къ оборонѣ, разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и деревнямъ, убивая бѣжавшихъ мущинъ и забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней христіанское войско ходило по ближайшимъ деревнямъ, опустошая и сжигая все встрѣчное, забирая скотъ и всякое добро. Одного рогатаго скота забрали 4000 головъ, не считая множества лошадей, говоритъ Генрихъ, а это число уже показываетъ какой степени благосостоянія достигли сонтаганцы въ тѣ времена: набрать такую массу скота со сравнительно небольшаго пространства, ибо много-ли пространства могло охватить войско въ теченіе двухъ только сутокъ, такое количество можно только тамъ, гдѣ страна густо населена и у жителей сильно развито скотоводство. Ограбленныя мѣстности понесли большую потерю и въ людяхъ, потому что кромѣ убитыхъ и захваченныхъ въ плѣнъ, многіе изъ язычниковъ, бѣжавшіе въ лѣса и на морской ледъ, замерзли тамъ, пишетъ Генрихъ.

На четвертый день христіанское войско выступило изъ Сонтаганы и, по возвращеніи домой, подѣлило добычу по ровну. Получили-ли

русскіе свою часть и вообще насколько они участвовали въ набѣгѣ на Сонтагану Генрихъ ничего не пишетъ.

Набѣги вызывали отмщенія. Недѣли чрезъ двѣ или три послѣ похода на Сонтагану, саккаланы и унганійцы вторглись въ земли крещеныхъ ливовъ и латышей, у озера Астигерве (нынѣ Буртнекское) произошелъ бой и чудь была отбита. Какой-то чужинецъ отсталъ отъ своихъ и сказалъ, что на ливовъ въ Метзеполь идетъ другое войско по морскому прибрежью (то были сонтаганцы, шедшіе отмстить за недавній набѣгъ). Ливскіе старшины и ливы поспѣшили собраться въ свои укрѣпленныя городки Сонтаганцы никого уже не нашли въ деревняхъ: они выжгли эти пустыя деревни, сожгли встрѣчные церкви и жертвоприношеніями многое иоруганіе (nequitias multas) совершили церквамъ и гробамъ умершихъ христіанъ. Бертольдъ Венденскій, Руссинъ съ латышами и рижане двинулись въ Метзеполь, чтобъ отразить набѣгъ, но сантаганцы ушли, не ожидая прибытія ихъ.

Войско это не расходилось: рижская старшина рѣшилась нанести ударь саккаланамъ, дѣйствовавшимъ совмѣстно съ унганійцами, и созвала отвсюду ливовъ и латышей на походъ въ глубь Саккалы. Цѣлію похода было овладѣніе главнымъ городкомъ сакаланъ, Виліендомъ (нынѣ Феллинъ). Многочисленное войско, собранное подъ угрозою штрафа, выступило въ походъ въ концѣ февраля 1211 г., когда стояла еще зима и болота, озера и рѣки не могли затруднять переходовъ.

Подступивъ къ названному городку, окруженному, какъ оказалось впослѣдствіи, двойнымъ рядомъ деревянныхъ стѣнъ, нѣмцы послали ливовъ и латышей опустошать окрестности городка и забирать гдѣ можно съѣстные припасы и зерновой хлѣбъ. Очевидно, войско выступило въ походъ, имѣя небольшой запасъ продовольствія. Посланные отряды перебили не мало язычниковъ, а иныхъ плѣнными привели къ городку. Бертольдъ, Руссинъ и др. съ этими плѣнными подошли ближе къ городку (castrum) и предложили осажденнымъ сдаться и принять крещеніе, обѣщая отпустить плѣнныхъ живыми. Тѣ и слышать не хотѣли ни о сдачѣ, ни о крещеніи. Тогда Руссинъ и его латыши умертвили плѣнныхъ, побросали ихъ въ ровъ предъ стѣнами, грозя, что такая участь постигнетъ всѣхъ упорныхъ. Стрѣлки (sagitarii) начали дѣйствовать по городку стрѣлами, а другіе построили подвижную башню (propugnaculum, раскать). Ливы и латыши завалили дровами ровъ, подкатили башню къ стѣнѣ городка, влѣзли на верхъ ея и, дѣйствуя съ верху стрѣлами и копьями, перебили и переранили не мало народу въ городкѣ. Осажденные пять сутокъ защищались отчаянно, убили камнями орденскаго брата Арнольда, недавно ѣздившаго къ Полоцкому князю, но не могли противиться не столько силѣ, сколько искуству осаждающихъ: нѣмцы построили камнеметную машину, дѣйствовавшую навѣсно, и каменьями перебили

много народа въ городкѣ и разрушили дома въ немъ. На пятый день они бросились на штурмъ, овладѣли первою стѣною, но за этою стѣною нашли вторую, которую не смогли сломать. Осажденные отбили штурмъ каменьями и полѣньями, потушили пожаръ, когда нѣмцы подожгли стѣны, но на шестой день осады запросили пощады и мира: у нихъ не хватило воды и главное не осталось никого, который бы не былъ раненъ. Нѣмцы согласились дать миръ и вызвали къ себѣ старшинъ изъ городка для переговоровъ. Осажденные обѣщали принять крещеніе съ тѣми же самими обязанностями, насъ приняли ливы и латыши.

Генрихъ не объясняетъ какого рода это были обязанности (jura Christianitatis, iugum Christianitatis), но изъ его разсказа и самаго хода дѣлъ видно, что язычники, принимая крещеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были принять къ себѣ священниковъ, на содержаніе церквей и причтовъ давать десятину отъ урожаевъ, оказывать послушаніе властителямъ страны, являясь на войну по требованію ихъ и подъ угрозою штрафа. (Генрихъ не рѣдко упоминаетъ объ угрозахъ штафами, если кто не явится по требованію властителей на войну. Такъ въ 1207 г. (см. выше стр. 130) епископъ поднялъ на литовцевъ крещеныхъ ливовъ и латышей, велѣвъ объявить имъ, что кто не пойдетъ и не послѣдуетъ за воинствомъ Христовымъ, тотъ уплотитъ по три марки пени (quicunque nox exierit, sequetasque exercitum Christianorum non fuerit, trium marcarum poena maletabitur). Ливовъ и латышей для осады этого самаго Феллина собрали также подъ угрозою штрафа (Rigenses, пишетъ Генрихъ въ гл. XIV, § 10, convecaverant Livones et Letthos de omnibus finibus et castris, et poenam non venientibus comminantes et terrorem incutientes, collegerunt exercitum fortem).

Осажденные согласились на всѣ предложенныя имъ условія (доведенные до крайности они не могли и не согласиться), обѣщая принять къ себѣ священниковъ, креститься и дать заложниковъ въ исполненіи обѣщанія. Когда заложники были даны, священники окропили святою водою всѣ дома и городокъ, мущинъ, женщинъ и весь народъ, а впослѣдствіи совершили и самое крещеніе. Нѣмецкое войско возвратилось домой въ надеждѣ, что саккаланы, устрашенные паденіемъ ихъ хорошо укрѣпленнаго городка, смирятся, но подобная надежда ни мало не оправдалась: саккаланы и унганійцы и не думали просить мира.

Наступила Пасха (2 апрѣля 1211 г.) и купцы, приготовившіеся было ѣхать весною изъ Риги на Готландъ, заслышали, что саккаланы и унганійцы готовятся напасть на Ригу. Купцы съ кораблями остались въ Ригѣ, а рижская старшина послала лазутчиковъ (nuncios) развѣдать, что дѣлается въ ближайшихъ чудскихъ земляхъ. Лазутчики донесли, что дѣйствительно готовится война. Тогда Бертольдъ Венденскій и Каупо рѣшились предупредить нападеніе: вторглись въ южные предѣлы Саккалы, перебили мущинъ, захватили, по обычаю, въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и выжгли все встрѣчное. Не успѣли они воротиться домой, какъ саккаланы въ свою очередь сдѣлали набѣгъ

на крещеныхъ ливовъ и латышей, пожгли всѣ деревни у Буртнекскаго озера, перебили мущинъ, забрали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, награбили большую добычу. Вслѣдъ за ними поднялись другіе старшины Саккалы, Ламбито и Меме, перешли чрезъ Имеру, ограбили весь приходъ, въ которомъ священникомъ былъ лѣтописецъ Генрихъ, сожгли церковь, и какъ водилось въ то время перебили мущинъ, забрали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. И большая напасть постигла Ливонію (et facta est tribulatio magna in omni confinio Livoniae, пишетъ Генрихъ въ гл. XV, § 1), ибо саккаланы и унганійцы напали на латышскія земли, а роталійцы (съ окрестностей нынѣшняго Гапсаля и Леаля) и др. прибрежные жители напали на епископскихъ ливовъ въ Метзеполѣ и Летегорвѣ (нынѣ Лоддигеръ, между Ропомъ и Кольценомъ). Одна партія уходила, приходила другая, нещадно грабя и истребляя все встрѣчное. Ливы разбѣгались во всѣ страны; чудь преслѣдовала ихъ по лѣсамъ, болотамъ, убивала ихъ, забирала въ плѣнъ женщинъ, угоняла лошадей и скотъ. Всѣ ливскія земли, начиная отъ Пернова до самой почти Риги потерпѣли страшное разореніе. Мало кто изъ ливовъ остался въ живыхъ, говоритъ Генрихъ, и тутъ въ довершеніе бѣдствій, эзельцы на своихъ разбойничьихъ корабляхъ поднялись вверхъ по Койвѣ (Лифл. Аа; очевидно рѣка эта нынѣ маловодная, въ тѣ времена была большою рѣкою, если бригантины, на которыхъ эзельцы хаживали на морскіе разбои на датскія берега, могли входить въ нее: впрочемъ, вторженіе было произведено въ апрѣлѣ, во время половодья), вступили въ Торейду и ограбили до тла Куббезельскій приходъ. Нѣкоторые спасшіеся отъ истребленія ливы бѣжали отсюда въ Ригу, требуя помощи противъ язычниковъ, но помощи не получили ни со стороны ордена, ни со стороны епископской дружины. Силы нѣмцевъ были слишкомъ слабы, чтобы защитить отъ чуди земли ливовъ и латышей. Орденскіе братья позапирались въ свои замкахъ, а рижане въ Ригѣ, ожидая со дня на день прибытія епископа съ крестоносцами, а чудскія партіи между тѣмъ свободно расхаживала по нынѣшнему Перновскому, Вольмарскому и Венденскому уѣздамъ, страшно опустошая ливскія и латышскія поселки и городки.

Было выше сказано (см. стр. 145), что епископъ съ наступленіемъ осени 1210 г. отправился въ Германію, чтобъ набрать тамъ новыхъ крестоносцевъ, безъ помощи которыхъ не могъ обойтись ни онъ самъ, ни орденъ.

Въ Германіи въ это время произошли важныя перемѣны. Послѣ умерщвленія 21 іюня 1208 г. (см. выше стр. 125) короля Филиппа, его соперникъ Оттонъ IV былъ признанъ папою и всѣми своими противниками королемъ Германіи и упрочилъ свое положеніе вступленіемъ въ бракъ съ дочерью убитаго Филиппа, Беатрисою. По рожденію онъ былъ вельфъ, но женѣ гибелинъ, и такимъ образомъ въ своемъ лицѣ сосредоточивалъ интересы обѣихъ этихъ партій. Спокойствіе возстановилось и всѣ германскіе князья на сеймѣ, происходившемъ въ томъ же 1208 г., клятвою обѣщали ему свое

повпновеніе. какъ было во время Карла Великаго. Оттонъ вошелъ въ дружескія отношенія и съ папою Иннокентіемъ III, когда спорныя земли въ Средней Италіи призналъ собственностію Римскаго престола. Лѣтомъ 1209 г. онъ отправился въ Италію и былъ принятъ здѣсь съ большимъ торжествомъ и вельфами и гибеллинами. Самъ папа выѣхалъ ему на встрѣчу въ Витербо. Въ Римѣ онъ короновался какъ императоръ Священной Римской имперіи. Дружество съ папою продолжалось, однако, очень недолго. По возвращеніи изъ Рима, онъ своими поступками и дѣйствіями тотчасъ же обнаружилъ, что гибеллинамъ нечего на него надѣяться, что онъ какъ былъ, такъ и остался вельфомъ по преимуществу, слѣд. врагомъ папы. Изъ за леновъ, изъ за Сицилійскаго королевства, изъ за овладѣнія Анконою и Сполетто между нимъ и папою возникли споры, скоро перешедшіе въ открытую вражду. Вражда дошла до того, что папа 31 марта 1211 года отлучилъ Оттона IV отъ церкви, а это отлученіе не замедлило отозваться въ Германіи тѣмъ, что бывшіе его противники, гибелины снова явились враждебными ему. Архіепископъ маинцскій Зигфридъ, совмѣстно съ чешскимъ королемъ Отокаромъ I и ландграфомъ Германомъ Тюрингенскимъ, созвалъ съѣздъ князей въ Бамбергѣ и именемъ папы предложилъ низложить Оттона IV и избрать на престолъ молодаго Фридриха, находившагося въ это время въ Сициліи подъ опекою папы. Предложеніе это хотя осталось безъ послѣдствій, а братъ императора, пфальцграфъ Генрихъ, въ наказаніе архіепископа сильно опустошилъ его земли, тѣмъ не менѣе положеніе Оттона явилось очень скоро шаткимъ.

Во время этого-то раздора между папою и императоромъ епископъ Альбертъ прибылъ въ Германію и прежде всего отправился въ Римъ къ папѣ Иннокентію. Надобно полагать, что и орденскій магистръ Вольквинъ выѣхалъ изъ Риги вслѣдъ за епископомъ, потому что и онъ прибылъ въ Римъ также для представленія папѣ. Папа принялъ ихъ въ октябрѣ 1210 г. весьма благосклонно (benignisſime) и вручилъ епископу грамоту отъ 20-го октября 1210 г. на раздѣлъ земель ливовъ и латышей, въ то же время и Вольквинъ получилъ отъ того же числа папскую грамату, касавшуюся раздѣла (обѣ эти грамоты помѣщены въ Silva documentorum подъ №№ 10 и 11 въ 1-мъ томѣ Scriptores rerum Livonicarum на стр. 355—356). По силѣ этихъ грамтоъ, ордену предоставлялось право получать третью часть изъ покоренныхъ земель въ Ливоніи, но какъ ленъ отъ епископа, который такимъ образомъ являлся верховнымъ властителемъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа предоставилъ епископу Альберту право архіепископа посвящать епископовъ во всѣ страны, какія только будутъ присоединены къ ливонской церкви (объ этомъ Генрихъ пишетъ въ гл. XV, § 4 лѣтописи).

Епископъ Альбертъ получилъ также полномочіе папы на новую проповѣдь крестоваго похода въ Ливонію, и съ этимъ полномочіемъ изъ Рима прибылъ въ Германію. Неизвѣстно отправился-ли Вольквинъ изъ Рима немедленно домой въ Ригу или остался съ епископомъ, но очень вѣроятно, что проѣхалъ въ Ригу прямо. Генрихъ, въ гл. XV, § 2 пишетъ, что епископъ послалъ въ Ригу помянутыя выше папскія грамоты чрезъ Пруссію (rescriptis privilegiorum versus Prusſiam, быть можетъ потому, что дѣло было зимою, когда судоходство къ Ригѣ прекращалось); всѣ со слезами вышли на встрѣчу епископскимъ посламъ, ибо послѣ многихъ тревогъ получили утѣшеніе отъ святаго отца. Весьма возможно, что въ числѣ пословъ былъ и Вольквинъ, привезшій грамоты. Извѣстіе любопытное въ томъ отношеніи, что епископскимъ посламъ, чтобы достигнуть Риги, приходилось пробираться чрезъ земли пруссовъ, потомъ чрезъ земли куроновъ, слѣд была же какая нибудь проѣзжая дорога, приводившая

изъ Германіи къ устью Двины. Чрезъ какія мѣста пролегала эта дорога въ тѣ времена — неизвѣстно, но ее знали нѣмцы, потому что епископъ Альбертъ въ 1220 г., какъ увидимъ ниже, чрезъ земли куроновъ и пруссовъ отсылалъ гонца въ Германію.

Весною 1211 г. Альбертъ съ тремя епископами, Филиппомъ Рацебургскимъ, Изо Верденскимъ и Бернгардомъ Пательборгскимъ, прибылъ въ Ригу. Съ ними прибыли нѣкоторыя знатныя лица, Гельмгольдъ Плессійскій (Плессе у Гетингена), Бернгардъ Липпскій (графъ и монахъ), прибыли епископскія дружины и очень много крестоносцевъ. Въ Ригѣ ихъ уже давно ждали.

Крестоносцамъ не пришлось долго быть безъ дѣла: пришла вѣсть, что саккаланы перешли чрезъ Имеру, вторглись въ Идумею, дошли до Ропа, гдѣ сожгли церковь, и по дорогѣ причинили множество разореній, пожгли встрѣчныя деревни, перебили мущинъ, позабирали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, коихъ нашли въ домахъ или въ лѣсахъ. Крестоносцы поспѣшили въ Торейду на отраженія набѣга. Саккаланы, забравъ съ собою добычу и полонъ, быстро отступили въ свою землю. Кауно съ крестоносцами, преслѣдуя саккаланъ, вступилъ въ ихъ земли и въ отомщеніе за разореніе Ропа, пережегъ въ Саккалѣ не мало деревень, сжегъ два городка, Овеле (не Олерсгофъ-ли нынѣ?) и Пурке (не нынѣшній-ли Пудеркиль?). Перебилъ много мущинъ, увелъ въ плѣнъ къ себѣ женщинъ и дѣтей, награбилъ много добычи.

Кауно и крестоносцы сдержали саккаланъ, но не успѣли они возвратиться во свояси, какъ въ земли ливовъ вторглись чудскіе народцы, обитавшіе по морскому побережью — ротальцы, ревельцы и др. Это уже былъ набѣгъ весьма серьезный и весьма многочисленный. Эзельцы также участвовали въ набѣгѣ: на ладьяхъ они поднялись вверхъ по Койвѣ (Курл. Аа) и сошлись съ прочью чудью у городка Кауно, которая прошла чрезъ Метзеполь и Торейду, предавая все встрѣчное нещадному истребленію. Часть чудинцевъ осадила городокъ, другая разсѣялась по окрестностямъ для грабежа. Орденскіе братья, проживавшіе въ ближайшемъ отъ Каунова городка замкѣ Зигевальдѣ, немедленно дали знать въ Ригу. Крестоносцы, орденскіе братья, епископскія дружины выступили къ рѣкѣ Койвѣ на отраженіе набѣга. Выступилъ въ походъ и Гельмгольдъ Плессійскій. Христіанское войско, переправившись Койву, шло всю ночь и подступило къ городку. Съ наступленіемъ утра, при звукахъ литавръ, музыкальныхъ инструментовъ и боевой пѣсни, крестоносцы ударили на первой встрѣтившійся имъ отрядъ язычниковъ и смяли ихъ послѣ ожесточеннаго боя. Другая часть язычниковъ заняла позицію гдѣ-то на горѣ между Кауновымъ городкомъ и Койвой, но видя невозможность бороться съ крестоносцами, запросила мира и обѣщала креститься. Тогда крестоносцы, повѣривъ обѣщанію, сказали епископамъ (должно быть и епископы участвовали въ походѣ), что они

могутъ приходить для крещенія покорившихся. Покорившіеся не думали, однако, креститься: ночью бѣжали къ Койвѣ къ своимъ ладьямъ, думая на нихъ пробраться въ море, но подоспѣвшіе изъ Риги крестоносцы, подъ предводительствомъ Бернгарда Липскаго, загородили рѣку и приняли подходившіе ладьи въ копья и стрѣлы. Путь такимъ образомъ былъ отрѣзанъ. Ночью чудь вышла изъ ладей, покинувъ всѣ свои пожитки, и бросилась бѣжать въ разсыпную. Большая часть бѣжавшихъ погибла отъ голода въ лѣсахъ и по дорогѣ, и только немногимъ удалось добраться домой. Чудь во время этого разгрома потеряла до двухъ тысячъ лошадей и двѣ тысячи человѣкъ убитыми, въ числѣ убитыхъ находились и старшины, предводительствовавшіе набѣгомъ. Крестоносцы овладѣли ладьями эзельцевъ (числомъ до 300), которыя и доставили въ Ригу, овладѣли всѣмъ награбленнымъ чудью и потомъ подѣлили между собою всю добычу, давъ и на церкви ихъ части (ecclesiis partes suas donantes, пишетъ Генрихъ, не указывая, однако, была-ли то десятая часть добычи или же существовало правило сколько слѣдуетъ изъ дѣлежа отдѣлять на церкви).

Чудь потерпѣла пораженіе, но своими набѣгами до того сильно разорила ливовъ, что тѣ явились не въ состояніи уплачивать наложенныя на нихъ подати и въ особенности десятину. Ливы, говоритъ Генрихъ, собрались со всѣхъ мѣстъ и просили епископовъ объ облегченіи ихъ повинностей. Епископы представили о томъ Альберту и тотъ установилъ: вмѣсто десятины взимать въ годъ съ ливовъ хлѣба съ каждой унки засѣянной земли по мѣркѣ въ 18 дюймовъ (pro decima mensuram quondam medii, qui esset decem et octo digitorum, de quolibet equo annuatim solvendam, пишетъ Генрихъ въ гл. XV, § 5; здѣсь вмѣсто equo слѣдуетъ читать unco) Это постановленіе было закрѣплено подписью четырехъ епископовъ съ приложеніемъ печати (sigillando), но съ оговоркою, что если ливы пристануть къ союзу съ язычниками, будутъ сохранять языческіе обычаи, то и десятина и всѣ прочія повинности (caetera iura Christianitatis) будутъ немедленно возстановлены у нихъ. Относилось-ли это постановленіе до латышей — Генрихъ не объясняетъ.

Въ бытность своею въ Ригѣ епископъ воспользвался предоставленнымъ ему папою правомъ посвящать епископовъ въ земли, пріобрѣтаемыя ливонскою церковію (см. выше стр. 157) Онъ посвятилъ въ епископа настоятеля Динаминдскаго монастыря, Теодориха, столь ревностно, какъ мы видѣли, трудившагося для успѣховъ католичества въ Ливоніи, предназначивъ его на епископство въ Эстонію, покореніе которой имѣлось еще только въ виду и чуть лишь началось въ это время. Настоятелемъ-же (аббатомъ) въ Динаминдѣ Альбертъ посвятилъ графа (comes) Бернгарда Липпскаго, который

прибылъ изъ Германіи въ Ригу вмѣстѣ съ тремя епископами весною 1211 года (см. выше стр. 158).

Про этого Бернгарда Генрихъ разсказываетъ, что онъ въ своей землѣ бывалъ въ многихъ бояхъ и много причинялъ пожаровъ и хищеній (incendia et rapinas) и за то былъ наказанъ Господомъ Богомъ разслабленіемъ ногъ: его хромаго на обѣ ноги долго возили въ корзинѣ. Но тутъ пребудилась его совѣсть: онъ вступилъ въ монахи пистерціенскаго ордена*), будучи монахомъ изучилъ священное писаніе и, получивъ отъ папы полномочіе (autoritatem) на проповѣдь христіанства язычникамъ, отправился въ Ливонію. Онъ, пишетъ Генрихъ, часто самъ разсказывалъ, что какъ только принялъ крестъ въ землю Пресвятыя Дѣвы, то тотчасъ же окрѣпли его кости и ноги выздоровѣли. Впослѣдствіи графъ Бернгардъ Липпскій былъ семигальскимъ епископомъ.

Осенью 1211 г. Альбертъ снова уѣхалъ въ Германію для призыва новыхъ крестоносцевъ, поручивъ управленіе ливонскими дѣлами тремъ епископамъ, которые остались въ Ригѣ, и четвертому епископу Теодориху.

Опустошительные набѣги чуди между тѣмъ продолжались. Саккаланы и унганійцы напали на латышскія земли въ Трикатуѣ (нынѣшній Вольмарскій уѣздъ), перебили тутъ много народа и осадили городокъ Бевернъ. Осада неудалась: цѣлый день они бились тутъ съ латышами и потомъ ушли по домамъ. Тогда беверинскіе старшины, Доле и Пойке, отправились въ Ригу за помощію противу саккаланъ. Крестоносцы, братья рыцарства, Каупо, Бертольдъ Венденскій снарядились въ походъ, двинулись къ морю, трое сутокъ шли по морскому берегу, и тогда повернули на Сакалу, конечно, съ цѣлію подвергнуть разоренію эту землю съ стороны еще не тронутой. Войско шло три дня по лѣсамъ и болотамъ (кажется они шли близъ рѣки Пернавы), переморило лошадей и только на седьмой день добралось до населенныхъ мѣстъ сѣверныхъ частей Саккалы. Началось обычное истребленіе всего встрѣчнаго, умерщвленіе мущинъ, забираніе въ плѣнъ женщинъ и грабежъ имущества. Христіанское войско перешло чрезъ рѣку Палу (впадаетъ въ Эмбахъ), сгоняя лошадей и скотъ къ городку старшины Лембита (нынѣ Оберъ-Паленъ), гдѣ находилась чудская Мая (Maia — сборный пунктъ). Войско дошло до Ервена (Вейсенштейнскій уѣздъ), страшно опустошило край, называвшійся Нурмегунде (нурмъ по эстонски значитъ поле, кундъ или кондъ — мѣсто) и возвратилось домой уже по другой дорогѣ (вѣроятно на Феллинъ).

Во время этихъ сколько свирѣпыхъ, столько и опустошительныхъ набѣговъ, нападающія стороны, истребляя все встрѣчное, преслѣдовали разбѣгавшихся жителей по лѣсамъ и болотамъ, убивали кого только

*) Графъ Бернгардъ фонъ-деръ-Липпе отчасти напоминаетъ героя одной изъ старинныхъ нашихъ былинъ, богатыря Василія Буслаева, который предпринимаетъ путешествіе къ святымъ мѣстамъ, при чемъ говоритъ: „Съ молоду много было онто, граблено, подъ конецъ надо душу спасти!“ Богатырь у насъ, рыцарь на Западѣ, и монахъ суть два господствующіе образа Среднихъ Вѣковъ, — нерѣдко соединявшіеся въ одинъ.

ни настигали, но о погребеніе убитыхъ, о зарываніи въ землю палаго скота никто и не думалъ. Убитые люди, убитый и палый скотъ и лошади оставались на открытомъ воздухѣ, подвергаясь гніенію. Число же убитыхъ людей достигало значительной цифры. Такъ при истребленіи чуди весною этого года было убито 2000 человѣкъ, не считая погибшихъ отъ голода въ лѣсахъ и по дорогамъ. Торейда была наполнена трупами. Наступило лѣто, разложеніе труповъ усилилось, тогда новое бѣдствіе постигло страну: появилось сильное моровое повѣтрія (pestilentia magna, пишетъ Генрихъ), сперва въ Торейдѣ близь Каупова городка, гдѣ происходило сильное побоище (см. выше стр. 158), отсюда повѣтріе перешло въ Метзеполь и Идумею, въ Венденъ и Ригу и распространилось по Саккалѣ и Унганіи. Всѣ нынѣшніе латышскіе и эстонскіе уѣзды Лифляндской губ. были поражены моромъ (по всей вѣроятности тифомъ), и многіе спасшіеся отъ острія меча не избавились горестной смерти отъ язвы, пишетъ Генрихъ.

Моровое повѣтріе не прекращало, однако, военныхъ дѣйствій. Вся осень и зима 1211 года прошли въ набѣгахъ латышей изъ Беверина на Саккалу и Унганію. Партія отправлялась за партіею: чего не успѣвала истребить и убить одна партія, то истребляла и убивала другая. Латышскій старшина Русспнъ, мстя за смерть своихъ, всѣхъ, кто ему ни попадался, или сожигалъ живыми или предавалъ какой либо другой мучительной смерти. Слѣдомъ за латышскими партіями, разорявшими Унганію, зимою 1211 г. выступили въ походъ брать епископа, Теодорихъ, и неутомимый Бертольдъ Венденскій. Вступивъ въ Унганію, они нашли этотъ край уже разореннымъ до тла, потому направились къ сѣверу, перешли чрезъ Эмбахъ (рѣку эту русскіе называли Амовжа или Омовжа, мѣстные эстонцы звали ее словомъ Эмаіеги или Эмаіога т. е. мать источника, большая рѣка; Генрихъ называетъ ее mater aquarum, Матерь Водъ), ограбили нѣсколько деревень, перебили, по обычаю, всѣхъ мущинъ, какіе имъ попадались, захватили много лошадей и скота и воротились домой, приведя съ собою захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей.

Этотъ походъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобъ дать какія либо важные результаты, потому епископы, правившіе въ Ригѣ дѣлами края, рѣшились сдѣлать большой походъ на земли, изъ которыхъ только что воротились Теодорихъ и Бертольдъ. Къ Рождеству 1211 г. когда рѣки, болота и озера позамерзли, епископы объявили походъ на чудь-торму, разослали по всѣмъ подчиненнымъ уже имъ землямъ гонцовъ съ приказаніемъ снаряжаться въ походъ и собираться въ Беверинѣ. Крестоносцы, епископскія дружины, орденскіе братья-рыцари и крещеные латыши явились на сборный пунктъ, и отпраздновавъ здѣсь день Крещенія (celebrata Epiphania Deo summo maximo, пишетъ Генрихъ) 6-го января 1212 года,

двинулись въ Унганію. Войско состояло изъ 4000 пѣшихъ и конныхъ нѣмцевъ и 4000 ливовъ и латышей. Съ этимъ войскомъ пошелъ въ походъ и новопоставленный эстонскій епископъ Теодорихъ. Оно вступило въ Тарбатскую землю (in provinciam Tarbatensem, это нынѣшній Дерптскій уѣздъ), перешло чрезъ Эмбахъ и направилось къ озеру Пейпусъ въ чудскую землю, называвшуюся Вайга (Wagia по Генриху; русскіе называли эту землю „Клинъ“ отъ эстонскаго слова вейя, означающаго клинъ). Опустошивъ по тогдашнему обычаю всю эту землю, войско собралось у чудскаго городка Сомелинде (castellum Sommelinde, нынѣ имѣніе Зомель у деревни Ваято. Зома или сома по эстонски значитъ болото, линя — земля; Зомелинде — болотная земля). Здѣсь войско отдыхало трое сутокъ, опустошивъ и выжегши всѣ окрестныя деревни (domos et villas flammis tradiderunt). На четвертый день войско направилось къ западу и вступило въ чудскую землю Ервень (Gervia по Генриху, нынѣ Вейсенштейнскій уѣздъ Эстляндской губ.). Партіи пошли во всѣ стороны для истребленія встрѣчнаго, и забравъ множество полона и добычи (брали въ плѣнъ, какъ и всегда, женщинъ и дѣтей, мущинъ убивили всѣхъ безъ исключенія) собрались въ деревнѣ Каретенъ (Caretheu, нынѣ Гросъ-Кареда, недалеко отъ Вейсенштейна). „Была же деревня Каретенъ очень красива и велика и обильна народомъ, какъ и всѣ деревни въ Ервенѣ и во всей Эстоніи (pulcherima et magna et populosa), которыя были впослѣдствіи часто сжигаемы и опустошаемы нашими“, пишетъ Генрихъ въ гл. XV, § 7 лѣтописи. Какую роль игралъ епископъ при войскѣ Генрихъ не объясняетъ, но изъ его разсказа можно видѣть, что о проповѣди христіанства при разореніи Вайги и Ервена никто и не думалъ. Да и какая могла быть проповѣдь со стороны войска, снаряженнаго и отправленнаго епископами на чудскія земли для обезсиленія и покоренія ихъ, а вовсе не для просвѣтительныхъ цѣлей.

Опустошивъ окрестности Каретена, христіанское войско предприняло обратный походъ домой, но пошло уже другою дорогою, направилось къ югу на чудскія земли, Моху и Нормегунду. Разоривъ и перебивъ до тла все встрѣчное, войско вышло наконецъ къ Вирцъервскому озеру, перешло по льду чрезъ него и разошлось по домамъ съ радостію (cum gaudio).

Слухъ объ этомъ большомъ походѣ крестоносцевъ и орденскихъ братьевъ на чудскія земли, Дарбатъ, Вайгу и Ервенъ, дошелъ въ Новгородъ. Новгородскій князь Мстиславъ Удалой (rex magnus Novogardiae Misceslawe, называетъ его Генрихъ) съ 15-ти тысячнымъ войскомъ вступилъ въ Вайгу и по слѣдамъ нѣмцевъ двинулся въ Ервенъ. Не найдя здѣсь нѣмцевъ, онъ двинулся далѣе въ Гаррію и осадилъ городокъ Варболе (Воробьинъ по русскимъ лѣтописямъ, верстахъ въ 70 къ югу отъ нынѣшняго Ревеля). Онъ нѣсколько дней

осаждалъ этотъ городокъ и когда осажденные обѣщали ему дать 700 марокъ ногатъ, то отступилъ и воротился въ свою землю.

Такъ пишетъ Генрихъ. Онъ не объясняетъ причинъ этого похода: приходилъ-ли Мстиславъ Удалой, чтобъ заступиться за своихъ данниковъ, потому что чудскіе народцы, обитавшіе около Юрьева и озера Пейпуса были его данниками, или же явился за сборомъ дани. По первой Новгородской лѣтописи походъ подъ Воробьинъ былъ не въ началѣ 1212 г., а въ 1214 г. Въ лѣтописи этой (см. П. С. Р. Л. Ш, 32) сказано: „Въ лѣто 6722 (1214), мѣсяца февраля въ 1 день въ недѣлю сыропустную, громъ бысть по заутрени, и вси слышаша, и постомъ тогда же змѣй видѣна летящь. Томъ же дне иде князь Мстиславъ съ Новгородци на Чюдь на Ереву, сквозь землю Чудскую къ морю, села ихъ потрати и осѣпы ихъ взьма; и ста съ Новгородци подъ городомъ Воробьиномъ, и Чюдь поклонишася ему, Мстиславъ же князь взя на нихъ дань, и да Новгороцемъ двѣ части дани, а третью часть дворяномъ (т. е. своей дружинѣ). Бяше же ту и Пльсковскій князь Всеволодъ Борисовичь съ Пльсковичи, и торопецкій князь Давидъ Володиміръ братъ, и придоша здрави вси со множествомъ полона“.

Это показаніе Новгородской лѣтописи вѣрнѣе, чѣмъ у Генриха: Мстиславъ Удалой зимой 1212 г. подъ Воробьинъ не ходилъ, но ходилъ подъ Одемпе. Мы уже видѣли, (см. выше стр. 149), что зимой 1210 г, Мстиславъ не могъ дѣлать похода на чуть, потому что лишь зимой 1210 г. былъ позванъ на новгородскій столъ и долженъ былъ думать не о внѣшнихъ походахъ, а объ обезпеченіи своего положенія въ Новгородѣ и походѣ противъ Всеволода III, который не могъ относиться равнодушно къ изгнанію изъ Новгорода своего сына Святослава и призванію новгородцами Мстислава. Походъ и состоялся. На чудь же Мстиславъ Удалой ходилъ въ 1212 г., какъ сказано въ первой Новгородской лѣтописи подъ 6720 (см. П. С. Р. Л. Ш, 31): „Ходи Мстиславъ на Чудь, рекомую Торму, съ новгородцами, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же, на зиму, иде князь Мстиславъ съ новгородцы на чудскій городъ, рекомый Медвѣжю Голову, села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонишася чудь князю, и дань на нихъ взя, и придоша всѣ здрави“.

Что походъ былъ лишь подъ Одемпе, то до нѣкоторой степени подтверждаетъ и разсказъ Генриха о дѣйствіяхъ саккальскаго старшины Лембита.

Мы видѣли, что при сдачѣ Феллина (см. выше стр. 155) чудскіе старшины обѣщали принять крещеніе съ тѣми же самыми обязанностями какъ приняли ливы и латыши. Священники окропили святою водою городокъ и людей, но самое крещеніе отложили на нѣкоторое время по причинѣ злаго кровопролитія (pro nimia sanguinis effusione, какъ пишетъ Генрихъ). Осенью 1212 г. эстонскій епископъ Теодорихъ

послалъ въ Феллинъ священника Саломона съ двумя переводчиками, Теодорихомъ и Филиппомъ, для совершенія въ этомъ городкѣ крещенія. Чудь — фелинцы (вельядцы) его приняли, нѣкоторые крестились. Саккаланы и унганійцы, говоритъ Генрихъ въ гл. XV § 9, услышавъ о пребываніи русскаго войска въ Эстоніи, собрали изъ своихъ земель свое войско. Тутъ вѣрнѣе предположить, что къ саккаланамъ пришли унганійцы съ вѣстью объ осадѣ русскими Одемпе, тогда и сборъ ихъ войска объясняется желаніемъ подать помощь этому городку. Священникъ Саломонъ, провѣдавъ объ этомъ сборѣ, бѣжалъ изъ Феллина, но саккальскій старшина Лембитъ погнался за нимъ, настигъ и ночью убилъ его, его переводчиковъ, и др. людей, находившихся при нихъ. О переводчикѣ Филиппѣ Генрихъ замѣчаетъ, что онъ былъ литовецъ родомъ, вскормленъ при дворѣ енископа (in curia episcopi enutritus) и былъ посылаемъ переводчикомъ для поученія другихъ народовъ. Лембитъ, по убіеніи Саломона и его свиты, вернулся къ своему войску и съ нимъ пошелъ на Псковъ, воспользовавшись тѣмъ, что русскіе находились въ это время въ Эстоніи подъ Воробьиномъ, но кажется вѣрнѣе будетъ сказать, что съ войскомъ онъ пошелъ на русскихъ, осаждавшихъ Одемпе, и не заставъ ихъ тутъ, думалъ внезапнымъ нападеніямъ на Псковъ отомстить русскимъ ихъ набѣгъ По словамъ Генриха, Лембитъ вошелъ было въ городъ, началъ было тамъ побивать народъ, но когда русскіе сдѣлали тревогу, то онъ поспѣшно отступилъ въ Унганію, захвативъ кое какую добычу и нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Русскій лѣтописецъ ни слова не упоминаетъ объ этомъ набѣгѣ чуди. Онъ отмѣчаетъ (см. П. С. Р. Л. Ш, 32), но уже подъ 1213 годомъ, что „въ Петрово говѣнье (слѣд. лѣтомъ) изъѣхаша литва безбожная Пльсковъ и пожгоша, нльсковичи бо бяху въ то время изгнали князя Володиміра отъ себя, а пльсковичи бяху на озерѣ, и много створиша зла и отъидоша“. Полагаютъ, что этотъ набѣгъ и есть набѣгъ Лембита, но это едва-ли такъ: новгородцы и псковичи слишкомъ близко знали и чудь и литву, чтобъ смѣшивать ихъ между собою.

Еще и то можетъ служить доказательствомъ похода русскихъ въ Ерѣнъ и подъ Воробьинъ не въ 1212 г., какъ пишетъ Генрихъ, а въ 1214 г., какъ отмѣчено въ первой Новгородской лѣтописи, что новгородскій лѣтописецъ указываетъ на участіе въ походѣ псковскаго князя Всеволода Борисовича, который былъ призванъ въ Псковъ послѣ изгнанія Владиміра. Если бы походъ въ Ервенъ состоялся въ февралѣ 1212 г., то лѣтописецъ никакъ не могъ бы сказать, что въ походѣ учавствовалъ Всеволодъ, потому что Владиміръ былъ изгнанъ изъ Пскова не ранѣе марта 1212 г. и князь Всеволодъ не могъ прибыть въ Псковъ ранѣе этого времени.

Какъ бы то ни было, но и оба эти похода Мстислава Удалаго не повлекли за собою ровно никакихъ важныхъ послѣдствій: Мстиславъ удовольствовался данью, и затѣмъ ни мало не заботился объ упроченіи своего вліянія въ чудскихъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ предшественниковъ: былъ воинственнѣе, энергичнѣе ихъ, но едва ли ясно сознавалъ сколькимъ опасностямъ и затрудненіямъ подвергается вся Новгородская Русь съ утвержденіемъ въ Ливоніи католичества и иноземнаго господства. Его братъ, князь Владиміръ Мстиславичъ Псковскій, въ непониманіи интересовъ своего княжества, какъ сказано выше, дошелъ до того, что псковичи вынуждены были его изгнать отъ себя. Новгородская лѣтопись, указывая только фактъ изгнанія, ни однимъ словомъ не объясняетъ причины его, но Генрихъ свидѣтельствуетъ, что псковичи изгнали его за чрезмѣрное пристрастіе къ нѣмцамъ. Мы уже видѣли (см. выше стр. 152), что онъ посылалъ русское вспомогательное войско нѣмцамъ, но этого мало: онъ выдалъ свою дочь за брата епископа, Теодориха (Дитриха), прибывшаго въ Ливонію еще въ 1203 г. (см. выше стр. 103) Какъ устроился этотъ бракъ и при чьемъ посредствѣ — Генрихъ не объясняетъ, но конечно онъ произошелъ съ вѣдома и разрѣшенія епископа Альберта, планамъ котораго подобный бракъ, влекшій за собою сближеніе съ сосѣднимъ русскимъ княземъ, благопріятствовалъ какъ нельзя болѣе. Псковичи, однако, были подальновиднѣе своего князя, уразумѣли до чего можетъ повести это сближеніе, и удалили отъ себя Владиміра со всѣмъ его семействомъ и дружиною изъ Пскова. О времени, когда послѣдовало это изгнаніе, находимъ указаніе у Генриха. Онъ разсказываетъ въ гл. XV, § 12 своей лѣтописи, что прибывшіе съ епископомъ Альбертомъ изъ Германіи (см. выше стр. 158) епископы, Изо Верденскій и Бернгардъ Пательбергскій, съ ихъ дружинами и крестоносцами выѣхали домой изъ Риги въ 1212 году раннею весною, когда прошелъ ледъ въ морѣ и въ Двинѣ, слѣд. не ранѣе апрѣля. Епископъ же Рацебургскій Филиппъ остался въ Ригѣ: онъ принадлежалъ къ числу знатныхъ лицъ при дворѣ императора Оттона IV и, услышавъ о возникшихъ между нимъ и папою распряхъ и потомъ о послѣдовавшемъ отлученіи императора отъ церкви (см. выше стр. 157), предпочелъ быть въ сторонѣ отъ этихъ распрей и остаться въ Ливоніи, конечно, съ цѣлію не возбудить противъ себя папу за его приверженность къ императору. (Онъ оставался въ Ливоніи, въ качествѣ крестоносца, до іюня 1215 года). Послѣ отъѣзда епископовъ изъ Риги, слѣд. въ апрѣлѣ 1212 года, псковичи, пишетъ Генрихъ, и изгнали отъ себя князя Владиміра. Онъ не поѣхалъ къ брату въ Новгородъ, быть можетъ, потому что и его братъ, Мстиславъ Удалой, не одобрялъ его сближенія съ нѣмцами, но отправился въ Полоцкъ къ князю Владиміру. Здѣсь онъ не нашелъ себѣ отъ князя большаго утѣшенія (parvam

consolationem ab eo accepit, говоритъ Генрихъ) и потому со своими мужами (cum viris suis, т. е. со своею дружиною) отправился въ Ригу, гдѣ былъ съ почетомъ (honorifice) принятъ зятемъ своимъ и епископскою дружиною (familia Episcopi). Епископа Альберта въ Ригѣ еще не было, но его возвращенія изъ Германіи ждали со дня на день, ждалъ прибытія Альберта и бывшій князь Псковскій.

Мы говорили (см. выше стр. 148), что въ Новгородѣ, какъ и вообще во всѣхъ нашихъ старинныхъ городахъ и областяхъ, жители и не любили и не могли долго оставаться безъ князя, такъ какъ князь въ тѣ времена былъ и главнымъ судьею въ своей волости и предводителемъ войска, слѣд. долго оставаться безъ главнаго судьи и военачальника было неудобно. Вотъ почему города по удаленіи однаго князя заботились о приглашеніи себѣ другаго изъ рюриковичей. Такъ было и въ Псковѣ. На мѣсто удаленнаго князя былъ поставленъ княземъ Всеволодъ Борисовичъ (изъ племени Мстислава Владиміровича), который по отношенію къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, чуди и новопоявившимся владѣніямъ въ Ливоніи епископа и ордена, не слѣдовалъ политикѣ своего предшественника, не сближался съ нѣмцами, напротивъ дѣйствовалъ за одно съ Мстиславомъ Удалымъ.

Между тѣмъ въ земляхъ ливовъ, латышей и сопредѣльной съ ними чуди моровое новѣтріе не прекращалось: безпрерывные войны и набѣги одинаково изнуряли эти народы, за опустошеніями деревень и ограбленіями имуществъ, за избіеніемъ мущинъ и уведеніемъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, начался голодъ. Не видя конца бѣдствіямъ и разоренiямъ, ливскіе, латышскіе и чудскіе старшины рѣшились, не спрашивая рижскую старшину, прекратить войну и набѣги, чтобы хоть нѣсколько поправиться. Они послали другъ къ другу пословъ и весною 1212 г. заключили миръ между собою, лучше сказать перемиріе, которое рижская старшина не приняла, вѣроятно, имѣя въ виду предоставить рѣшеніе вопроса о мирѣ епископу, прибытіе котораго должно было послѣдовать въ самомъ скоромъ времени.

Дѣйствительно въ маѣ или іюнѣ 1212 г. епископъ Альбертъ со свѣжими силами крестоносцевъ, собранными въ Германіи, прибылъ въ Ригу. Рижская старшина и князь Владиміръ встрѣтили епископа. Генрихъ отмѣчаетъ, что епископъ былъ въ особенности доволенъ, увидѣвъ въ Ригѣ князя. Онъ благословилъ его и щедро одарилъ подарками, какіе привезъ съ собою изъ Германіи, и велѣлъ оказывать князю усердное почтеніе (et pietatis studio sufficienter in omnibus ipsi fecit ministrari).

Первымъ дѣломъ епископа было рѣшеніе вопроса о мирѣ съ чудскими народцами. Ливскіе и латышскіе старшины послали къ сосѣднимъ съ ними чудинцамъ пословъ съ предложеніемъ возобновить миръ. Чудскіе послы, по всей вѣроятности, только отъ саккалань и унганійцевъ, какъ ближайшихъ сосѣдей ливовъ и латышей и чаще

всего враждовавшихъ съ ними, прибыли въ Торейду (быть можетъ въ Кауповъ городокъ) и пригласили сюда епископа для переговоровъ. Епископъ съ орденскими братьями-рыцарями и рижскою старшиною (seniorib̃ns de Riga) прибыли къ назначенному сроку. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ постановили: быть миру въ теченіе трехъ лѣтъ, но Саккала до рѣки Палы включительно должна подчиниться власти епископа и нѣмцевъ какъ страна, обѣщавшая принять крещеніе и давшая въ томъ заложниковъ.

Такимъ образомъ къ лѣту 1212 г. во власти епископа находились нынѣшній Рижскій, Венденскій, Вольмарскій, Перновскій и Феллинскій уѣзды. Вся нынѣшняя Курляндская губ. и вся Эстляндская оставались еще внѣ власти епископа, оставались еще не тронутыми нѣмецкими завоевателями. Русское Кукейноское княжество пало, а другое княжество Герсикское сохраняло еще тѣнь независимости, находясь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ епископу.

Въ то время, когда епископъ договаривался съ чудинцами о мирѣ, въ Ригу явились послы отъ полоцкаго князя съ предложеніемъ, чтобъ епископъ прибылъ къ назначенному дню въ Герсикъ для свиданія съ княземъ Владиміромъ и личнаго объясненія какъ о дани съ ливовъ, такъ и о двинскомъ судоходствѣ Мы видѣли (стр. 152), что два года тому назадъ, именно въ 1210 г., былъ заключенъ договоръ между полоцкимъ княземъ и рижскою старшиною, въ силу котораго бывшіе полоцкіе данники, ливы, должны были вносить князю ежегодную дань или сами, или епископъ долженъ былъ платить за нихъ. Путь купцамъ по Двинѣ признавался свободнымъ для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ князь дани не получалъ, безопаснаго пути купцамъ по Двинѣ не было. Вотъ почему онъ и звалъ епископа для личнаго объясненія по этимъ дѣламъ.

Генрихъ такъ описываетъ это замѣчательное свиданіе (у русскихъ лѣтонисцевъ и въ Рифмованной Хроникѣ ни слова не говорится о немъ). Епископъ, взявъ съ собою свою дружину (cum viris shis), орденскихъ братьевъ-рыцарей, старшинъ ливовъ и латышей, и также бывшаго князя псковскаго Владиміра Мстиславича, отправился на встрѣчу полоцкому князю въ Герсикъ. Нѣмецкіе купцы, вооружившись на случай засадъ со стороны литовцевъ, отправились на ладьяхъ вверхъ по Двинѣ къ Герсику. По прибытіи на назначенное мѣсто, начались переговоры. Князь, обращавшійся съ епископомъ то ласково, то гордо и надменно, потребовалъ, чтобъ епископъ пересталъ крестить ливовъ, его княжескихъ рабовъ (servos suos), такъ какъ въ его, князя, власти состоитъ крестить или не крестить ихъ. Ибо таковъ былъ обычай, говоритъ Генрихъ, у русскихъ королей, что при покореніи народовъ они подчиняютъ ихъ себѣ не для приведенія въ христіанскую вѣру, а лишь для взиманія съ нихъ даней и денегъ. На это епископъ возражалъ, что долженъ подчиняться болѣе Небесному Царю,

чѣмъ земному, такъ какъ и въ писаніи сказано: шедше, научите всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; что не можетъ и не долженъ отказаться отъ дѣла проповѣди, порученнаго ему папою. Епископъ не отрицалъ, что князю полоцкому подлежитъ дань, ибо и въ писаніи сказано: воздадите Божіе Богови, а кесарево кесарю, и самъ епископъ по временамъ вносилъ князю ту самую дань, какую платили ему ливы прежде, но ливы не желаютъ служить двумъ господамъ, и постоянно просятъ епископа, чтобъ онъ освободилъ ихъ отъ ига русскихъ (a jugo Ruthenorum). Князь, недовольный такими толкованіями, разгнѣвался и, грозя сжечь всѣ ливонскіе замки и самую Ригу, приказалъ своему войску отступить отъ Герсикскаго замка и приготовиться къ бою съ нѣмцами. Русскіе построились въ полѣ и начали наступленіе. Нѣмецкое войско приготовилось къ отраженію. Когда обѣ противныя стороны сошлись, тогда протоіерей (praepositus) церкви Пресвятыя Маріи и бывшій князь псковскій, Владиміръ, пошли къ полоцкому князю и сказали ему, чтобъ онъ не шелъ войною на нѣмцевъ, ибо будетъ побѣжденъ: нѣмцы сильны въ своемъ вооруженіи и желаютъ сразиться съ русскими. Князь полоцкій, устрашившись будто такой рѣшимости, приказалъ своему войску отступить, а самъ пошелъ къ епископу, назвалъ его своимъ духовнымъ отцомъ, а епископъ съ своей стороны принялъ его какъ сына. Переговоры возобновились снова, наконецъ полоцкій князь, руководимый Божескимъ вдохновеніемъ, предоставилъ всѣ земли ливовъ епископу безъ внесенія какой либо дани съ тѣмъ только, чтобъ меж у нѣмцами и русскими существовалъ постоянный союзъ какъ противъ литовцевъ, такъ и противъ другихъ язычниковъ, и съ тѣмъ, чтобы путь по Двинѣ былъ навсегда свободенъ купцамъ. Послѣ того епископъ и князь разъѣхались каждый въ свою сторону.

Мало вѣроятія въ этомъ разсказѣ, но, однакоже, опровергнуть его и сказать, что свиданіе и переговоры происходили не такъ какъ изложено у Генриха, нельзя за совершеннымъ отсутствіемъ данныхъ на то. Одно не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору, что епископъ съ этого времени пересталъ платить дань полоцкому князю (если только платилъ когда-либо), а полоцкій князь не имѣлъ силъ принудить его къ платежу.

Какъ бы то ни было, но епископъ, заручившись миромъ на три года съ чудскими народцами, могъ расчитывать, что полоцкій князь не пойдетъ на него, могъ слѣд. заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ въ своихъ владѣніяхъ, доставшихся ему не безъ труда.

Мы видѣли (см. выше стр. 128), что епископъ выдѣлилъ третью часть покоренныхъ земель ордену Подобное выдѣленіе носило въ себѣ зародышъ внутреннихъ неурядицъ, потому что полагало начало двоевластію въ покоренныхъ землихъ: орденъ, хотя и былъ и признавалъ себя вассаломъ епископа, но въ своей части распоряжался

вполнѣ самостоятельно. Рыцари, построивъ себѣ для обезпеченія своихъ владѣній укрѣпленные замки въ разныхъ мѣстахъ (Венденъ, Зигевальдъ), владычествовали надъ окрестнымъ населеніемъ, не стѣсняясь обѣтами, которые они давали при поступленіи въ воинство Христово. Мы уже имѣли случай замѣтить, что при поспѣшномъ учрежденіи ордена епископъ не могъ быть разборчивымъ въ выборѣ его братіи, и потому орденъ съ самаго уже начала своего наполнился всевозможными выходцами и искателями добычи Имѣя въ своихъ рукахъ власть и оружіе, орденская братія, выражаясь языкомъ Генриха, часто брала тамъ, гдѣ ничего не клала, и жала тѣмъ, гдѣ не сѣяла. Покоренные ливы и латыши, не лишенные еще своего самоуправленія. не лишенные еще собственности и земли, не могли хладнокровно смотрѣть на самоуправства и хищенія своихъ новыхъ владыкъ, не могли не думать объ освобожденіи себя не только отъ власти ихъ, но и отъ самаго католичества, навязаннаго имъ насильно, но отнюдь не принятаго добровольно.

Венденская братія часто обижала и ливовъ и латышей, проживавшихъ въ окрестностяхъ латышскаго городка Антине (близь нынѣшняго Вольмара): захватывала ихъ пахатныя поля, отбирала улья, перераниля нѣсколькихъ латышей. Антине въ это время находился въ удѣлѣ епископа (in sorte episcopi), потому антинскіе латыши и обратились къ епископу съ жалобою на венденскихъ братьевъ-рыцарей. Альберть и епископъ Филипиъ Рацебургскій, вслѣдствіе этой жалобы, позвали орденскую братію и обиженныхъ ливовъ и латышей къ разбору притензій (въ кругъ, ad placitum) На этомъ собраніи обѣ стороны препирались цѣлыхъ два дня, и никакого соглашенія или мира не достигли Тогда обижанные ливы и латыши покинули кругъ, удалились отъ нѣмцевъ, и задумали общими силами изгнать изъ своихъ земель не только братію-рыцарей, но и всѣхъ нѣмцевъ и христіанъ. Они сговорились добиваться этого всячески и наступленіемъ на мечи (gladiorum calcatione), по языческому обычаю, закрѣпили такой договоръ. Каупо былъ между заговорщиками. Онъ говорилъ имъ, что не отступитъ отъ христіанства, но будетъ ходатайствовать предъ епископомъ объ облегченіи ливамъ и латышамъ повинностей христіанства (iuga christianorum). Ливы и латыши не послушались Кауно и, конечно, были правы, потому что изъ ходатайствъ Кауповыхъ не могло ничего путнаго выдти. Оба епископа и орденская братія, узнавъ о народномъ заговорѣ, разъѣхались въ свои мѣста (in munitionem suam).

Гдѣ именно происходило это собраніе Генрихъ не обозначаетъ, но, полагать надобно, гдѣ нибудь близко отъ ливскаго городка Сатеселя (нынѣ Зунцель, между Лембургомъ и Сиссегалемъ), потому что въ этомъ городкѣ собрались ливы и разослали гонцевъ къ ленневардцамъ, гольмцамъ и торейдцамъ и къ другимъ ливамъ и латышамъ

сказать о намѣреніи подняться на нѣмцевъ. Всѣ одобрили такое намѣреніе и начали укрѣплять свои городки, чтобы послѣ уборки хлѣба собраться въ нихъ и начать наступленіе. Нѣмцы, однако, предупредили нападеніе. Начальникъ гарнизона въ Ленневарденѣ, Даніилъ, исполнявшій въ то время должность судьи, захватилъ старшинъ ленневардскихъ ливовъ, заковалъ ихъ въ кандалы и сжегъ ихъ городокъ; рижане съ своей стороны разрушили верхнюю часть каменнаго замка гольмцевъ, построеннаго для нихъ еще Мейнгардомъ, послали людей въ Торейду и тамъ ночью сожгли городокъ, который торейдскіе ливы укрѣпили было для себя. Общій планъ дѣйствій противъ нѣмцевъ такимъ образомъ разрушился.

Сатесельскіе ливы собрались въ свой городокъ, рѣшились дѣйствовать одни и бросились на недавно выстроенный орденскими братьями замокъ Зигевальдъ. Имъ удалось убить кой кого изъ орденскихъ людей. Братья-рыцари выступили изъ замка, разсѣяли было партію ливовъ, но подошли другіе ливы, вступили въ бой съ рыцарями и заставили ихъ уйти въ свой замокъ. Нѣсколько дней продолжались схватки и стычки. Тогда епископъ послалъ гонцевъ подъ Зигевальдъ узнать о причинахъ возникшей войны и звать ливовъ въ Ригу изложить въ чемъ дѣло. Ливскіе послы прибыли и заявили свои жалобы на орденскаго магистра Рудольфа (вѣроятно это былъ начальникъ Зигевальдскаго замка), говоря, что орденская братія захватила у нихъ поля, луга, поотнимала деньги. Тогда Альбертъ и Филиппъ Рацебургскій отправились въ Торейду, позвали и ливовъ и орденскихъ братьевъ, чтобы лично выслушать ихъ претензіи. Сходка происходила на берегу рѣки Койвы (Лиф. Аа) подъ Зигевальдомъ. Вооруженные ливы стояли на другомъ берегу и обвиняли рыцарей во многихъ провинностяхъ. Альбертъ обѣщалъ, что все неправильно взятое рыцарями будетъ возвращено ливамъ, но ливы должны дать заложниками своихъ мальчиковъ въ томъ, что не измѣнятъ христіанству. Ливы заложниковъ не дали и на соглашеніе не пошли. Альбертъ поѣхалъ обратно въ Ригу, но, однако, согласился на убѣжденіе одного изъ своихъ снутниковъ послать къ ливамъ Рацебургскаго епископа попытаться уговорить ихъ къ повиновенію. Рацебургскій епископъ, взявъ съ собою рижскаго соборнаго протоіерея Іоанна, брата епископа Теодориха, въ качествѣ переводчика Генриха (лѣтописца), Каупо и др., отправился къ ливамъ подъ ихъ городокъ (Дабрелевъ, старшина же Дабрель умеръ отъ мороваго повѣтрія въ прошломъ году). Начались переговоры, не приведшіе ровно ни къ чему. Озлобленные ливы схватили протоіерея, Теодориха, судью Гергарда и другихъ лицъ свиты Филиппа, потащили въ городокъ, избили и заточили ихъ. Они хотѣли было схватить и самаго Филиппа, но Генрихъ помѣшалъ имъ въ томъ. Филиппъ потребовалъ подъ угрозою жестокаго наказанія немедленно освободить заключенныхъ. Ливы послушались, выпустили

схваченныхъ, но никакихъ заложниковъ не дали и ни на какія уступки не пошли.

Филиппъ возвратился въ Ригу, а ливы начали войну съ Зигевальдскими рыцарями. Тогда епископъ, видя, что средства убѣжденія не дѣйствуютъ, двинулъ на Дабрелевъ городокъ крестоносцевъ, орденскаго магистра съ его братіею, рижанъ и оставшихся вѣрными ему ливовъ, и самъ пошелъ съ войскомъ. Войско осадило городокъ, въ которомъ находился ливскій старшина Руссинъ. Ливы защищались отчаянно, но не могли противиться военному искуству нѣмцевъ, которые построили подвижную башню и камнеметными машинами разрушали городокъ. Нѣсколько дней продолжалась осада. Въ одинъ день на валъ взошелъ Руссинъ и, снявъ шлемъ съ головы, началъ говорить съ Бертольдомъ Венденскимъ, напоминая ему о ихъ прежней дружбѣ и предлагая помириться, но тутъ стрѣла, пущенная изъ балисты, поразила Руссина въ голову, онъ упалъ и умеръ. Осаждающіе между тѣмъ подкопались подъ городокъ. Ливы, видя, что сопротивленіе безполезно, смирились, послали къ епископу своихъ старшинъ съ просьбою о пощадѣ и обѣщали снова принять христіанство, отъ котораго они отреклись было. Епископъ пощадилъ городокъ, не велѣлъ убивать смирившихся людей, но взялъ съ собою старшинъ въ Ригу. Сюда собрались и другіе старшины изъ ливскихъ земель. Епископъ Альбертъ, простивъ ихъ прегрѣшеніе, назвалъ ихъ снова своими дѣтьми и опредѣлилъ, сколько какой землѣ платить повинностей. Дабрельскіе ливы, какъ найболѣе виновные, должны были платить ежегодно десятину, епископскіе ливы вмѣсто десятины обязаны были вносить опредѣленную мѣру (mensuraш hactenus); идумейцы и латыши, въ войнѣ не участвовавшіе, оставлены при той же повинности, какая назначена была для нихъ четырьмя епископами. Всѣ, кто такъ или иначе иомогалъ возстанію, были оштрафованы денежными пенями, по усмотрѣнію судей.

Одновременно съ ливами въ Ригу пришли къ епископу и латыши изъ Антине и также съ жалобами, но уже на Венденскихъ рыцарей: обижаетъ ихъ братія, обираетъ у нихъ деревья (iusuper de arЬoriЬus suis aЬlatis, это, по всей вѣроятности, деревья, на которыхъ латыши уставляли улья). Латыши избрали третейскій судъ, который и постановилъ: рыцари должны отдать латышамъ ихъ улья; поля, какія слѣдуютъ братіи, останутся за ними; за обиды же рыцари должны вознаградить латышей деньгами.

Епископъ, порѣшивъ споръ, назначилъ антинскимъ латышамъ судьею Владиміра Полоцкаго, который и отправился къ своему мѣсту вмѣстѣ съ латышами. Онъ пробылъ тутъ, однако, не долго: въ слѣдующемъ 1213 г., когда послѣдовалъ обмѣнъ земель и орденъ предоставилъ епископу свою третью часть въ Кукейносѣ и въ замѣнъ того получилъ во владѣніе Антине, Владиміръ Полоцкій не могъ уже

оставатьея здѣсь судьею, а получилъ фохтейство (advocatio, судейство) въ Идумеѣ, гдѣ судьею былъ его зять Теодорихъ, незадолго предъ тѣмъ уѣхавшій въ Германію.

Уладивъ споры орденской братіи съ ливами и латышами, епископъ могъ заняться исключительно дѣлами своей церкви, потому что былъ въ мирѣ какъ съ княземъ полоцкимъ, такъ и съ чудью. Нарушать миръ не было ни причинъ, ни поводовъ, но обезсиливать сосѣдей побочными путями, вредить имъ по возможности епископъ не считалъ для себя безчестнымъ дѣломъ. Случай къ тому представился зимою 1212 г. Разбойничья партія литовцевъ явилась подъ Кукейносъ и просила какъ мира, такъ и дозволенія пробраться на грабежъ въ земли некрещеной чуди. Имъ дали и миръ и позволеніе, конечно, не безъ вѣдома епископа. Литовцы прошли мирно чрезъ земли латышей, никого не тронувъ, и бросились грабить чудскія земли, но не тѣ, которыя не признавали еще надъ собою власти епископа, а земли саккаланъ, не задолго предъ тѣмъ, по мирному договору, отошедшія подъ власть епископа до рѣки Палы. Саккаланы, надѣясь на миръ съ епископомъ, не ждали грабителей, которые и воспользовались тѣмъ по обычаю того времени: ограбили все встрѣчное, перебили мущинъ, а женщинъ, дѣтей и захваченный скотъ погнали съ собою въ Литву не тою дорогою, по которой шли, а другою. Нѣмцы ни мало не мѣшали возвратному пути грабителямъ, негодовали только за чѣмъ литовцы разорили Саккалу, уже подчинившуюся епископу, но литовцы, пишетъ Генрихъ въ гл. XVI, § 8, отвѣчали, что саккаланы ходятъ еще съ распрямленными шеями (collo incedere erecto) и не повинуются не только нѣмцамъ, но и никакимъ другимъ народамъ.

Весною 1213 г. епископъ Альбертъ уѣхалъ въ Германію, поручивъ управленіе ливонскими дѣлами епископу Филиппу Рацебургскому. Генрихъ очень хвалитъ Филиппа за его благочестіе, за его заботы о церкви, за его любовь къ воинскимъ людямъ, и пишетъ, что въ его управленіе ливонская церковь нѣсколько вздохнула отъ военныхъ тревогъ, хотя и жила подъ ежедневнымъ страхомъ какъ бы ливы и эстонцы, постоянно искавшіе зла нѣмцамъ и рижскому городу, не возстали противъ нея. Эти слова о страхѣ (timores intus et foris quotidie) показываютъ, что ни ливы, ни чудь никакъ не мирились со своимъ положеніемъ, напротивъ желали избавиться и отъ католичества и отъ нѣмцевъ, и если открыто не возставали противъ христіанства и чуждой власти, то, конечно потому, что сознавали свое безсиліе бороться съ пришельцами. Въ Ригѣ это очень хорошо знали и потому держались по отношенію къ новопокореннымъ и новокрещеннымъ на сторожѣ. Полнаго спокойствія, однако, не было: его нарушали литовцы своими набѣгами.

Такъ въ 1213 г. (кажется лѣтомъ послѣ отъѣзда Альберта) литовцы, заключившіе недавно миръ съ нѣмцами и сдѣлавшіе съ ихъ

позволенія набѣгъ на Саккалу, подошли къ Кукейносу, вызвали оттуда нѣкоторыхъ и бросили свои копья въ Двину, показывая тѣмъ, что отказываются и отъ мира и дружбы съ нѣмцами (pacі ac familaritati Teutonicorum contradicentes). Вслѣдъ за тѣмъ ихъ войско переправилось чрезъ Двину, вторглось въ латышскія земли и начало истреблять латышскія деревеньки (villulas), сжигая по обычаю все встрѣчное. Орденская братія и вообще нѣмцы были такъ слабы, что не могли воспрепятствовать грабителямъ опустошать латышскія земли. Литовцы дошли до Трикатуи (нынѣ Трикатенъ), захватили въ плѣнъ старшину этой земли, Талибальда съ его сыномъ, Варибулемъ, переправились чрезъ Койву (по близости нынѣшняго Вольмара) и вторглись въ латышскія земли, лежавшія при рѣкѣ Имерѣ. Тутъ они застали людей, неготовыхъ къ бою, перебили и схватили не мало народу, и съ награбленною добычею поворотили назадъ. Тутъ только другой сынъ Талибальда, Рамеко, провѣдавъ, что его отецъ и братъ въ плѣну, ополчился со своими латышами и вмѣстѣ съ Бертольдомъ Венденскимъ и орденскою братіею погнался за грабителями Литовцы, однако, ушли отъ преслѣдованія, переправились обратно за Двину и достигли границъ своей земли безнаказанно. Талибальду удалось бѣжать отъ нихъ: онъ воротился домой, проведя десять дней безъ куска хлѣба.

Кажется, что около этого же времени литовцы сдѣлали набѣгъ на Псковъ и также удачно для себя (см. выше стр. 164): они пожгли и ограбили окрестности Пскова, воспользовались тѣмъ, что псковичи были на озерѣ, вѣроятно, для рыбнаго промысла.

Въ отомщеніе за описанный набѣгъ на латышскія земли, кукейноскіе рыцари и латыши дѣлали набѣги на литовскія земли, платя за разореніе разореніемъ. Тогда литовцы снова ополчились, переправились чрезъ Двину въ ленневарскія земли и напали на живших тутъ ливовъ. По обычаю, они перебили мущинъ, захватили женщинъ, дѣтей и скотъ и увели въ плѣнъ старшину этой земли Ульдевена. Партіи этой не удалось, однако, уйти безнаказанно: магистръ Волквинъ съ своею братіею вмѣстѣ съ купцами поднялись вверхъ по Двинѣ, нагнали отступавшихъ литовцевъ и нанесли пораженіе ихъ тылу, при чемъ былъ убитъ начальникъ партіи. Главныя силы литовцевъ, однако, успѣли бѣжать и увели собою Ульдевена. Впослѣдствіи за выкупъ Ульдевена рижане дали голову убитаго литовскаго предводителя: литовцы требовали отдать имъ хотя голову, чтобъ совершить по убитомъ тризну.

Въ третій разъ зимою 1213 г. литовцы напали на подвинскія земли подъ предводительствомъ своего начальника, какаго-то Стекса, но потерпѣли совершенное пораженіе. Бертольдъ Венденскій подстерегъ партію и разсѣялъ ее, при чемъ Стексъ былъ убитъ. Въ сраженіи этомъ участвовалъ Владиміръ Псковскій. Онъ, какъ мы видѣли, былъ судьею въ Идумеѣ, но судъ его не нравился Рацебурскому

епископу и многимъ другимъ, потому что князь иожиналъ многое, чего не сѣялъ (multa metebat, quae non seminaverat, пишетъ Генрихъ въ XVII гл. § 4, проще сказать, обиралъ судимыхъ). По причинѣ-ли неудовольствія епископа, или по какимъ другимъ побужденіямъ, но онъ покинулъ свое судейство и удалился въ Россію. Гдѣ онъ былъ и куда ѣздилъ — ничего не извѣстно, но только зимою 1213 г. воротился съ женою, сыновьями и всею своею семьею въ Ливонію. Идумейцы снова приняли его къ себѣ судьею, хотя и безъ большей радости, а священники Алобрандъ и Генрихъ (лѣтописецъ) послали ему зерновой хлѣбъ и подарки (annonam et munera). Онъ поселился въ Метимне, пишетъ Генрихъ, гдѣ судилъ и собиралъ съ края что ему нужно было (Метимне, кажется, есть нынѣшній Вольмаръ, прежде называвшійся Вольдемаръ, но латышски Вальмара, по русски Владимірецъ). Когда Бертольдъ Венденскій поднялся на литовцевъ, то пригласилъ къ походу князя Владиміра, который такимъ образомъ и участвовалъ въ разбитіи партіи Стекса.

Бертольду Венденскому попался въ плѣнъ знатный литовецъ: тесть Герсикскаго князя Всеволода, Даугерутъ. Онъ, пишетъ Генрихъ въ гл. XVII, § 3, ѣхалъ въ Новгородъ къ князю Мстиславу Удалому съ большими подарками и заключилъ съ нимъ мирный союзъ (pacis cum eo foedera compenens), на возвратномъ пути (онъ, повидимому, хотѣлъ заѣхать въ Герсикъ къ своему зятю) его захватили въ плѣнъ орденскіе братья, отвели въ Венденъ и тамъ заковали въ кандалы. Много дней онъ провелъ въ заключеніи и оковахъ въ ожиданіи, что изъ Литвы пріѣдутъ его родственники и друзья съ выкупомъ; но никто съ выкупомъ не являлся, и онъ самъ пронзилъ себя мечомъ.

Все это происходило въ отсутствіи Альберта, но Генрихъ ни слова не упоминаетъ о томъ, что во время отсутствія епископа послѣдовали со стороны паны по отношенію къ Ливоніи распоряженія такаго рода, которыя не могли не быть досадными епископу.

Мы уже видѣли, что орденъ вскорѣ послѣ своего основанія уже началъ тяготиться своею зависимостью отъ епископа и добиваться самостоятельности. Онъ добился дѣлежа земель и хотя получилъ третью часть изъ завоеванныхъ земель, но этого ему казалось слишкомъ мало: все-таки пана не освобождалъ орденъ отъ зависимости, и въ будущемъ не давалъ надежды на полную самостоятельность. Въ 1211 г. орденъ пытался выпросить у папы собственнаго епископа, но просьба его была отвергнута (см Urkundenbuch, № 24). Орденъ, однако, не унывалъ и какими-то путями добился, что папа Иннокентій III въ октябрѣ 1213 года (см. Silva documentorum въ 1-мъ томѣ Scriptores rerum Livonicarum, на стр. 368) издалъ буллу, которою утверждалъ за орденомъ обладаніе Саккалою и Гугенгузеномъ (Hugenhusen, Угенойсъ, Угаунія), прилегающихъ къ Гутландіи (Gutlandiae adiacentes, сказано въ этой буллѣ, хотя совершенно неизвѣстно,

какую Гутландію разумѣлъ папа; очевидно, онъ получилъ очень невѣрныя свѣдѣнія о ливскихъ земляхъ и о положеніи въ нихъ дѣла), съ соблюденіемъ, впрочемъ, правъ церкви и епископа (salvo jure, quod debet ad episcopat et ecclesiam pertinere). Но Саккала, какъ мы уже видѣли (см. выше стр. 167), по заключенному въ 1212 году епископомъ на три года мира съ чудью, подчинилась власти епископа и нѣмцевъ, а вовсе не ордена; относительно же подчиненія Унганіи и рѣчи не было, слѣд. папа давалъ ордену то, чего еще и самъ не имѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа въ тотъ же день октября 1213 г. подписалъ буллу архіепископу лундскому Андрею (см. тамъ-же на стр. 367), коею онъ поручалъ ему поставить епископа для Саккалы и Унганіи, слѣд. поставить помимо Альберта, хотя папа (см. выше стр. 157) и предоставилъ ему избирать и посвящать епископовъ въ земли, покоренныя чрезъ ливонскую церковь, на правахъ архіепископа, въ силу чего Альбертъ и посвятилъ динаминдскаго абата Теодориха въ епископы, обѣщавъ ему епископство въ Эстоніи. Теперь папа предоставлялъ право учредить новое епископство не ему, Альберту, а архіепископу лундскому, правда, съ оговоркою, если того потребуетъ мѣстность и хватитъ средствъ (si qualitas locorum poposcerit, ac facultates sufficiant), но все же право передавалось другому.

Въ отношеніи этихъ двухъ буллъ остается довольно непонятнымъ, чего именно хотѣлъ папа, подписывая ихъ: усиленія меченосцевъ? Но вѣдь это усиленіе влекло за собою умаленіе авторитета епископа, слѣд. самаго папы. За тѣмъ, къ чему было передавать архіепископу лундскому право учредить въ Сакалѣ и Унганіи епископство, помимо Альберта?

Въ ноябрѣ 1213 г. послѣдовали двѣ новыя буллы. Одною (см. тамъ-же стр. 364 подъ № XVI. d) епископъ эстонскій Теодорихъ объявлялся независимымъ отъ какой бы то не было митрополитской церкви, а другою (см. тамъ же буллу подъ № XVI. e) папа строго порицаетъ поведеніе рыцарей въ отношеніи къ эстонскимъ заложникамъ, чѣмъ прямо признаетъ право епископа Теодориха на Саккалу и Унганію. Въ слѣдующемъ 1214 г., 20 февраля, папа объявилъ (см. тамъ же буллу подъ № XX) рижскаго епископа независимымъ отъ митрополитской церкви, утверждая, что рижская церковь съ незапамятныхъ временъ никогда не подчинялась власти какой либо митрополіи (cum in memoria hominum non existat, Rigensem ecclesiam alicui metropolitico juri subesse). Это сказано не совсѣмъ вѣрно, потому что рижская церковь съ самаго своего основанія подчинялась бременской церкви. Правда это подчиненіе было то de iure, существовало только на бумагѣ, а на дѣлѣ рижскій епископъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, но все же подчинялась. Впрочемъ, папа въ этой буллѣ не рѣшаетъ окончательно вопроса о независимости рижской церкви отъ бременской,

а отлагаетъ рѣшеніе его до общаго собора (ut donec in generali concilio super hoc aliquid certum duxerimus statuendum).

Не трудно подмѣтить, что во всѣхъ этихъ буллахъ скрывается какая-то задняя мысль папы. Чего же собственно онъ хотѣлъ, чего добивался, объявляя независимыми епископовъ эстонскаго и рижскаго и въ то же время утверждая за орденомъ Саккалу и Унганію съ соблюденіемъ правъ епископа и церкви? На первый взглядъ въ этихъ буллахъ замѣчается непослѣдовательность, даже игнорированіе предшествовавшихъ постановленій, но всѣ эти непослѣдовательности и игнорированія объясняются предположеніемъ очень вѣроятнымъ и вполнѣ соотвѣтственнымъ характеру, видамъ и стремленіямъ властолюбиваго Иннокентія III: онъ хотѣлъ въ отдаленной Ливоніи развить исключительно папское господство Онъ хотѣлъ учредить здѣсь нѣсколько церковныхъ областей, независимыхъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ каждой провинціальной власти, областей, управляемыхъ непосредственно и исключительно римскою куріею, и потому не хотѣлъ давать перевѣса ни епископу, ни ордену. Впрочемъ, ознакомившись ближе съ пространствомъ ливонскихъ земель и съ положеніемъ дѣлъ въ нихъ, папа отступилъ отъ своихъ распоряженій, строго держась однако своей политики не упускать изъ рукъ Рима Ливонію.

Какъ бы то ни было, но папскія буллы о подчиненіи Саккалы и Унганіи ордену, о порученіи назначить туда епископа архіепископу лундскому, не могли не быть очень досадными Альберту, и не могли не побуждать его къ попыткамъ добиться отмѣны того, что ему не могло нравиться.

Весною 1214 г. онъ, какъ и въ предшествовавшіе годы, прибылъ въ Ригу со свѣжими силами крестоносцевъ Онъ засталъ ливонскія дѣла не въ дурномъ положеніи: церковь пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ, и распоряженія Филиппа рацебургскаго обнаруживали въ немъ дѣльнаго администратора. Онъ засталъ въ Ригѣ семейство князя Владиміра Псковскаго, находившагося въ это время въ Метимнѣ. Вообще онъ не нашелъ въ Ригѣ ничего такаго, чтобъ требовало его непремѣннаго присутствія, потому, устроивъ все, что подлежало устроенію, онъ лѣтомъ 1214 г. снова уѣхалъ въ Германію, чтобъ оттуда во время поспѣть въ Римъ на соборъ, созывавшійся 19 апрѣля 1214 г. на ноябрь 1215 года для рѣшенія разныхъ церковныхъ и духовныхъ вопросовъ, сильно волновавшихъ въ то время католическій міръ.

Мы видѣли (см. выше стр. 157). что положеніе императора Оттона IV, вслѣдствіе отлученія его папою отъ церкви, было шаткое Въ маѣ 1212 г. онъ прибылъ въ Германію, а въ августѣ умерла его супруга. составлявшая единственную связь, какая соединяла гогенштауфеновъ съ императоромъ. По ея смерти гогенштауфенскіе князья и архіепископы, надѣясь получить отъ папы разныя выгоды и увеличеніе своихъ владѣній, отстали отъ императора и послали въ Италію двухъ уполномоченныхъ звать молодаго короля Обѣихъ Сицилій Фридриха

прибыть въ Германію. Фридрихъ принялъ приглашеніе и чрезъ Римъ отправился въ Верхнюю Италію. Въ сопровожденіи многихъ князей, враждебныхъ Оттону IV. онъ проѣхалъ чрезъ Ломбардію и вступилъ въ 1213 г. въ Германію. Ему въ то время было всего 18 лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ въ Германіи снова явились два соперника, заспорившіе за престолъ: отлученный отъ церкви вельфъ Оттонъ IV и гогенштауфенъ Фридрихъ II. За Оттона стояла Сѣверная Германія, за Фридриха Южная. Борьба между соперниками не замедлила разгорѣться. Мѣсяца чрезъ два по прибытіи въ Германію. Фридрихъ вступилъ въ союзъ съ королемъ французскимъ, Филиппомъ-Августомъ, противъ Оттона, вступившаго въ союзъ съ Іоанномъ, королемъ Англіи, и Нидерландами. Оттонъ IV, собравъ значительныя для того времени военныя силы (до 140000 человѣкъ), вторгся во Францію, но подъ Бовиномъ 27 іюля 1214 г. (между крѣпостями Лилемъ и Турне) потерпѣлъ сильное пораженіе, потерявъ тысячь до 30 своего войска. Слѣдствія этого пораженія были для него крайне печальныя: всѣ князья и его ближайшіе родственники отступились отъ него, а въ іюлѣ 1215 г. Фридрихъ II въ Ахенѣ короновался германскимъ королемъ, Оттонъ IV же вынужденъ былъ ограничиться лишь своими наслѣдственными владѣніями. Съ 1214 г. онъ уже рѣшительно сходитъ съ исторической сцены. Онъ умеръ въ 1218 г., предъ смертью только принятый въ общеніе съ церковію.

Епископъ Альбертъ прибылъ въ Германію въ самый разгаръ борьбы между вельфами и гогенштауфенами. Неизвѣстно, что именно побудило его оставить Ригу не въ обычное время: желаніе-ли найти въ императорѣ поддержку противъ притязаній ордена или же желаніе развѣдать истинныя причины появленія непріятныхъ ему и досадныхъ папскихъ буллъ 1213 г., но только онъ уѣхалъ, ввѣривъ управленіе ливонскими дѣлами епископу Филлппу Рацебургскому и предоставивъ ему жить въ его домѣ и на его содержаніи въ Ригѣ.

Главное вниманіе Филиппа обратилось на удержаніе въ повиновеніи ливовъ, которые хотя и приняли католичество и имѣли у себя католическихъ священниковъ, но являлись плохими католиками, склонными къ отпаденію въ прежнее язычество, и плохими подданными епископа, склонными къ возстанію противъ чуждой власти. Для удержанія въ повиновеніи новокрещенныхъ орденъ имѣлъ уже въ своихъ частяхъ укрѣпленные замки, но въ епископской части въ Торейдѣ никакаго укрѣпленнаго замка не было, потому небыло и надежнаго убѣжища священникамъ и нѣмцамъ вслучаѣ возстанія торейдскихъ ливовъ. Вслѣдствіе того, Филиппъ съ крестоносцами и судьею Герардомъ прибылъ въ Торейду и здѣсь заложилъ епископскій замокъ, назвавъ его Фределандомъ (землею мира, quasi terram pacificans). Это, кажется, нынѣшній Вреденгофъ, находящійся недалеко отъ Буртнекскаго озера и Вольмара. Сюда въ бытность Филиппа прибыли сыновья Талибальда, старшины толовскаго (Толова, это латышская земля, пограничная съ Унганіею, простиравшаяся приблизительно отъ нынѣшняго Валка до Маріенбурга, съ давнихъ временъ платившая дань псковичамъ), Рамеко, Варибуль, Дривинальдъ, и заявили, что они готовы перемѣнить православную вѣру, принятую ими отъ рус-

скихъ, на католичество и давать ежегодно отъ пары лошадей по мѣркѣ хлѣба (de duobis equis mensuram annonae per singulos annos persolvere), если только епископъ возьмется защищать ихъ земли отъ эстонцевъ и литовцевъ. Епископъ, конечно, принялъ ихъ предложеніе, присоединилъ ихъ къ католичеству и послалъ къ нимъ священника, согласившись брать предлагаемый вносъ хлѣба, хотя это количество было и вполовину меньше противъ того, что были обязаны давать прочіе новокрещенные. Неизвѣстно, остался-ли Талибальдъ православнымъ, но замѣчательно то, что псковичи продолжали брать дань съ Толовы очень долгое время, брали въ то время когда Толову въ 1224 г. епископъ раздѣлилъ между собою и меченосцами, брали до самаго 1285 г., и толовцы вносили псковичамъ дань, не смотря на свое подчиненіе нѣмцамъ, какъ должную изстари.

Присоединеніе къ католичеству сыновей Талибальда полагало начало покоренія Толовы, вотъ почему Филиппъ охотно согласился на всѣ ихъ предложенія и принялъ на себя обязанность защищать ихъ отъ эстонцевъ и литовцевъ. Литовцы, по прежнему, нападали на латышскія земли изъ за Двины со стороны Герсика, князь котораго Всеволодъ хотя и находился съ 1209 г. (см. выше стр. 143) въ вассальныхъ отношеніяхъ къ епископу, но былъ не надежнымъ вассаломъ: не являлся, пишетъ Генрихъ въ XVШ гл. § 4 лѣтописи къ епископу отцу своему, отъ котораго получилъ свое княжество (regnum suum), помогалъ литовцамъ совѣтомъ и дѣломъ и ссорился со своими сосѣдями, кукейноскими рыцарями, которые не разъ приглашали Всеволода удовлетворить ихъ за обиды, но тотъ ни самъ не являлся, ниословъ не присылалъ. Наконецъ кукейноскіе рыцари, Мейнардъ, Іоганнъ и Іорданъ, просили Филиппа дозволить имъ смирить силою строптиваго князя. Епископъ далъ свое позволеніе и рыцари, со своими слугами и латышами, отправились, кажется лѣтомъ 1214 г., вверхъ по Двинѣ къ Герсику. Подходя къ этому городку, они захватили въ плѣнъ какаго-то русскаго, связали его и вмѣстѣ съ нимъ ночью подошли къ городку. Русскій перелѣзъ чрезъ ровъ и началъ говорить съ часовымъ, стоявшимъ на валу, а за русскимъ слѣдомъ шли рыцари. Часовой думалъ, что это идутъ свои, находившіеся въ отсутствіи, и потому не дѣлалъ тревоги. Нѣмцы, по одиночкѣ, взобрались на брустверъ и потомъ на разсвѣтѣ бросились грабить городокъ. Многихъ они взяли въ плѣнъ, но многимъ позволили бѣжать. Съ большею добычею (spolia multa) они воротились домой, гдѣ и подѣлили между собою награбленное. Князя въ городкѣ не было, иначе рыцарямъ не удалось бы такъ легко ограбить Герсикъ.

Кукейноскіе рыцаря не оставили, однако, князя Владиміра въ покоѣ. Чрезъ нѣкоторое время, полагать надобно осенью 1214 г. или весною 1215 г., они снова снарядили войско на Герсикъ. Часть войска отправилась на ладьяхъ вверхъ по Двинѣ, а другая часть съ кре-

щенными латышами пошла къ Герсику сухопутьемъ. Всеволодъ провѣдалъ о готовившемся нападеніи на него и послалъ гонца къ литовцамъ звать ихъ себѣ на помощь. Между тѣмъ рыцари взяли Герсикъ, забрали большую добычу. Всеволодъ защищался и хотя Генрихъ ни слова не говоритъ о томъ и не упоминаетъ даже о Всеволодѣ, но кажется былъ убитъ въ схваткѣ съ рыцарями (см. выше стр. 57). Литовцы опоздали: они появились на лѣвомъ берегу Двины, когда Герсикъ былъ уже въ рукахъ нѣмцевъ, но не хотѣли уходить, не сдѣлавъ попытки къ ограбленію грабителей. Они послали въ Герсикъ гонца просить у нѣмцевъ ладьи (корабля), такъ какъ желаютъ возобновить миръ съ ними. Нѣмцы повѣрили, послали ладью: литовцы начали всходить на ладью, наполнили ее всю, за тѣмъ все войско ихъ бросилось въ Двину и начало вплавь приближаться къ Герсику. Нѣмцы, видя многочисленность нападающихъ, бросили Герсикъ: часть ихъ сѣла на ладьи и благополучно воротилась въ Кукейносъ; другая часть съ латышами и рыцарями, Мейпардомъ, Іоанномъ и Іорданомъ, начала отступать берегомъ. Литовцы бросились на отступающихъ: латыши разбѣжались, рыцари вступили въ бой и были убиты.

Съ этого именно времени Герсикъ запустѣлъ: нѣмцы его не возобновляли, бывшій русскій городокъ совершенно разрушился и самое имя его уже съ XIV ст. нигдѣ не упоминается.

Генрихъ разсказываетъ, что около этого времени оставилъ Ливонію князь Владиміръ Псковскій. Онъ, какъ было выше разсказано, поселился въ Метимнѣ, гдѣ исправлялъ должность судьи. Судъ его, по прежнему, не отличался справедливостью до того, что священникъ Алобрандъ началъ обличать князя. „Ты, король, говорилъ священникъ, удостоенный быть судьею, долженъ давать правый и настоящій судъ, а не утѣснять бѣдныхъ, не отнимать у нихъ имущество, не нападать на нашихъ новокрещенныхъ и не отвращать ихъ отъ христіанской вѣры“. Князь былъ недоволенъ подобными рѣчами и, грозя Алобранду, говорилъ: „Придется мнѣ, Алобрандъ, поуменьшить богатство и избытокъ твоего дома“. Князь вторично бросилъ судейство и со своимъ семействомъ уѣхалъ въ Россію (in Rusjiam). Псковичи его снова приняли къ себѣ княземъ, и онъ изъ бывшаго союзника и друга оборстился въ ожесточеннаго врага и епископа и мечепосцевъ. Что именно повліяло на такую перемѣну въ немъ — неизвѣстно: быть можетъ, онъ разглядѣлъ пришельцевъ и понялъ какихъ опасныхъ сосѣдей нажили себѣ полочане и псковичи въ лицѣ католическихъ енископовъ и военно-монашескаго ордена.

Между тѣмъ подходилъ срокъ трехъ-лѣтнему перемирію, заключенному енископомъ Альбертомъ съ эстонцами, которые не только не заботились о продленіи перемирія, напротивъ обнаруживали вражду къ ливонской церкви. Епископъ Филиппъ созвалъ священниковъ, орден-

скую братію и ливскихъ старшинъ на совѣтъ: что дѣлать дальше. Постановили возобновить военныя дѣйствія противъ чуди, и съ этой цѣлію объявили походъ на нее. Сборнымъ пунктомъ назначили устье рѣки Салетзы (нынѣ Салисъ, рѣка, вытекающая изъ Буртнекскаго озера и впадающая въ Рижскій заливъ). Сюда собрались крестоносцы, орденская братія, купцы, крещеные ливы и латыши, прибылъ и епископъ. Всего войска собралось тысячь до трехъ. Епископъ, давъ благословеніе этому войску, возвратился въ Ригу, а войско пошло по морскому берегу къ нынѣшнему Пернову. Стояла зима и море покрылось льдомъ на большое разстояніе отъ берега. Пройдя мирно чрезъ Сонтагану, набѣгъ на которую былъ сдѣланъ въ 1211 г. (см. выше стр. 153), войско вступило въ Роталію (приморская мѣстность, гдѣ нынѣ Гапсаль). Здѣсь никто не ожидалъ нападенія, и сопротивленія никакого не было. Войско разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и поселкамъ, истребляя все встрѣчное, умерщвляя мущинъ, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Крещеные ливы и латыши осмирѣпѣли до того, что умерщвляли попадавшихся имъ женщинъ и дѣтей. Сыновья Талибальда награбили серебра три ливскихъ таланта (tria livoniса talenta argenti — пишетъ Генрихъ, не опредѣляя что слѣдуетъ разумѣетъ подъ словомъ „талантъ серебра“), не считая одежды, лошадей и всякаго рода добычи. Трое сутокъ продолжался грабежъ въ Роталіи, на четвертые сутки войско, согнавъ со всѣхъ мѣстъ лошадей и скотъ, женщинъ и дѣтей, и забравъ добычу, двинулось въ обратный походъ домой, прославляя Господа, пишетъ Генрихъ, за отомщеніе, содѣянное надъ язычниками (benidicentes Dominum pro vindicta facta in nationibus). Посрамились язычники, продолжаетъ Генрихъ, и возсталъ у нихъ большой плачь и вопль.

Надобно полагать, что войско подѣлило между собою добычу; сыновья же Талибальда все награбленное ими пригнали и принесли въ Беверинъ.

Давъ вздохнуть и укрѣпиться лошадямъ, христіанское войско въ 1215 г. великимъ постомъ (постъ начался съ 3 марта) предприняло походъ на саккаланъ, срокъ мира съ которыми кончился. Оставивъ въ тылу Феллинъ и опустошивъ всѣ окрестности его, войско собралось предъ городкомъ старшины Лембита, называемаго Леалемъ (Leale). Этотъ Лембитъ постоянно враждовалъ съ нѣмцами и латышами (см. выше стр. 164) и пользовался большимъ вліяніемъ у своихъ земляковъ. Началась осада. Осажденные мужественно встрѣтили нападающихъ, но когда тѣ натащили дровъ, чтобъ поджигать городокъ, то предложили выкупъ. Нѣмцы объявили, что никакаго выкупа не возьмутъ, а требуютъ, чтобъ всѣ осажденные крестились. Осажденнымъ ничего не осталось дѣлать какъ согласиться на требованія нѣмцевъ и креститься. Находившіеся при войскѣ, епископскій священникъ Іоаннъ Стрикъ и орденскій Отто, крестили какъ Лембита, такъ

и всѣхъ язычниковъ, находившихся въ городкѣ, при чемъ новокрещенные обѣщали исполнять всѣ повинности христіанства (se christianitatis iura perpetua fidelidate custodire). Казалось, что новокрещенный городокъ, исполнившій всѣ требованія осаждающихъ, могъ надѣяться на пощаду. На дѣлѣ вышло, однако, не то. Генрихъ пишетъ, что христіанское войско, послѣ совершенія крещенія надъ язычниками, все-таки вошло въ Леаль, ограбило все имущество жителей, забрало лошадей, воловъ и прочій скоть, захватило въ плѣнъ Лембита и др. старшинъ. Всю добычу войско подѣлило между собою, старшинъ же привело съ собою домой и только тогда отпустило ихъ на родину, когда они дали своихъ мальчиковъ въ заложники. Всѣ благословили Господа Бога, говоритъ Генрихъ въ заключеніе своего описанія взятія Леаля (гл. XVШ, § 7), который чудеснымъ образомъ передалъ въ руки нѣмцевъ городокъ (castrum) безъ употребленія камнеметныхъ машинъ или подвижныхъ башенъ (absque ballistarum sive machinarum impugnationibus), и имя Христово распространилось въ другія земли.

Это правда, что имя Христово распространилось, но Генрихъ могъ бы прибавить къ этому, что распространилась также и ненависть къ распространителямъ христіанства, дѣйствовавшимъ огнемъ и мечемъ, и если христіане истребленіе язычниковъ вмѣняли себѣ въ особую заслугу предъ Богомъ и людьми, то и язычники въ свою очередь не упускали истреблять христіанъ, гдѣ только представлялся къ тому случай. Генрихъ разсказываетъ одинъ такой случай:

Великимъ постомъ 1215 г. епископъ Филиппъ послалъ въ новоотстроенный замокъ Фределандъ священника цистерціенскаго ордена, Фридриха Цельскаго (Fridericus de Cella), для проповѣди и совершенія богослуженія. Отпраздновавъ здѣсь Пасху (19 апрѣля 1215 г.), онъ съ нѣсколькими ливами и своимъ ученикомъ (scholare suo) отправился обратно въ Ригу на ладьѣ по рѣкѣ Койвѣ. Въ устьѣ этой рѣки стояли эзельцы со своими разбойничьими кораблями. Они напали на ладью священника, захватили въ плѣнъ всѣхъ бывшихъ на ней, и предали мучительной смерти священника. Когда онъ со своимъ ученикомъ, видя гибель, молился, эзельцы, издѣваясь надъ ними, кричали: Laula, Laula, Pappi (пой, пой, попъ!), дубинами раздробили ему и его ученику голову, жгли ихъ и наконецъ изрубили топорами. Захваченныхъ ливовъ они увезли на Эзель, но послѣ выпустили на волю; ливы и разсказали о судьбѣ, постигшей священника.

Набѣгъ на Роталію и взятіе Леаля, сопровождавшіеся свирѣпыми убійствами и грабежомъ, произвели сильное возбужденіе въ эстонщинѣ. Генрихъ пишетъ (гл. XIX, § 1), что вся Эстонія рѣшилась отмстить и подняться на нѣмцевъ (конечно, такому рѣшенію предшествовала пересылка пословъ изъ одной земли въ другую) и ударить на нихъ съ трехъ сторонъ: эзельцы должны были на корабляхъ вступить въ Двину и дѣйствовать противъ Риги, роталійцы съ викцами въ

это время вторгнутся въ Торейду, а саккалане съ унганійцами ударять на латышскія, сосѣднія съ ними, земли, чтобы ни ливы, ни латыши не могли придти на помощь Ригѣ. Планъ былъ хорошъ, но для его исполненія требовалось то, чего у чуди не было: требовалось единство дѣйствія, многочисленное и хорошо вооруженное войско и военное искуство, но именно этого и не было, и потому имъ нельзя было надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ крестоносцами и рыцарями. Тѣмъ не менѣе чудь, со свойственною ей настойчивостію и мужествомъ, рѣшилась начать наступленіе.

Весною 1215 г. послѣ Пасхи, когда ледъ прошелъ по Двинѣ и открылось судоходство, эзельцы на своихъ бригантинахъ и ладьяхъ подошли къ Динаминдскому монастырю и начали заваливать устье Двины, для этого они опускали на дно рѣки лодки съ каменьями, сколотили плоты (structuras lignorum), навалили на нихъ камни и тоже погрузили на дно. Подобнымъ загражденіемъ они надѣялись пресѣчь доступъ чужимъ кораблямъ, которые въ это время года должны были подходить къ Ригѣ съ крестоносцами. Заваливъ каменьями устье, эзельцы на своихъ ладьяхъ поплыли къ Ригѣ и пристали тутъ къ берегу, но ихъ уже ждалъ отпоръ: орденскіе братья съ епископскою дружиною и крещеными ливами бросились на высадившихся, убили нѣсколькихъ и заставили прочихъ бѣжать къ ладьямъ (либурнамъ). Видя безплодность нападенія, — да и что могли сдѣлать нѣсколько сотъ человѣкъ сильно укрѣпленному каменною стѣною городу, достаточно снабженному и людьми и оружіемъ, эзельцы поплыли обратно въ Динаминдъ къ своимъ бригантинамъ. Тогда рижане, сколько ихъ было, одни на ладьяхъ и корабляхъ, другіе сухимъ путемъ, отправились преслѣдовать эзельцевъ. Тѣ, не выжидая битвы, переправились на другую сторону Двины.

Подойдя къ монастырю и морскому берегу, рижане завидѣли два корабля (duos coggones), направлявшіеся къ устью Двины. То плыли съ крестоносцами изъ Германіи графъ Бурхардъ Ольденбурскій (Burchardus comes de Aldenhorch) и два брата епископа Альберта, Ротмаръ и Теодорихъ (женатый на дочери Владиміра Псковскаго). Съ кораблей видѣли и эзельское и рижское войско, но не знали гдѣ именно стоитъ христіанское войско. Тогда рижане подняли знамя, съ кораблей замѣтили его и крестоносцы направились на эзельцевъ. Тѣмъ ничего не оставалось, какъ бѣжать. Они такъ и сдѣлали: сѣли на бригантины и успѣли выйти въ открытое море. Рижане преслѣдовали бѣгущихъ, отхватили у нихъ нѣсколько ладей, и потомъ радостно встрѣтили крестоносцевъ.

Загражденіе Двины ровно ни къ чему не послужило: сильнымъ теченіемъ камни были унесены въ море, а что осталось въ водѣ, то нѣмцы повытаскали и поломали, и тѣмъ очистили проходъ въ Двину.

Въ это самое время, когда эзельцы находились на Двинѣ, роталійцы вступили въ Метзеполь, пожгли и ограбили кое-какія встрѣчныя деревни, но людей никого уже не застали: ливы съ женами и дѣтьми скрылись въ укрѣпленныхъ городкахъ и не только приготовились къ оборонѣ, но сформировали отрядъ для отраженія набѣга. Роталійцы, узнавъ о неудачѣ и бѣгствѣ эзельцевъ, поспѣшили также отступить и возвратиться въ свою землю.

Саккалане и унганійцы также не бездѣйствовали: они одновременно съ роталійцами выступили въ походъ на латышскія земли и осадили латышскій городокъ Антине, но также потерпѣли неудачу: орденская братія выступила изъ Вендена на защиту городка и саккалане съ унганійцами, не отваживаясь на бой съ рыцарями, отступили отъ Антина и направились въ обратный походъ домой. Вечеромъ партія унганійцевъ пришла въ Трикатенъ. Старшина Талибальдъ только что возвратился изъ лѣсной чащи и ношелъ мыться въ баню (de sllvarum latibulls ad balnea rediisse). Унганійцы схватили его и начали жечь огнемъ, допытываясь гдѣ его деньги. Онъ указалъ имъ гдѣ лежатъ 50 озеринговъ, больше у него не было. Унганійцы, однако, продолжали его допытывать и жарить на огнѣ, какъ рыбу (ponentes eum ad ignem tamquam piscem assaverunt), пока не замучили до смерти, послѣ чего прошли домой въ свою землю.

Такъ рушился планъ одновременнаго дѣйствія чуди противъ нѣмцевъ: на всѣхъ пунктахъ чудинцы потерпѣли неудачу и отступили не безъ потерь для себя, а унганійцы варварскимъ сожженіемъ Талибальда навлекли на себя мщеніе его сыновей, Рамеко и Друнвальда. Созвавъ своихъ друзей и родственниковъ, пригласивъ къ участію въ походѣ венденскую орденскую братію и др. нѣмцевъ, они вторглись въ Унганію и подвергли эту землю самому безпощадному разоренію: мущинъ, какихъ только не настигали, сжигали живыми, жгли деревни, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Генрихъ нишетъ (гл. XIX, § 3), что неутомимый Бертольдъ Венденскій съ орденскою братіею, братъ епископа Альберта, Теодорихъ, съ епископскою дружиною и сыновья сожженнаго Талибальда съ своими латышами сдѣлали девять походовъ на Унганію и разорили эту страну до тла, истребивъ множество народа: одни сыновья Талибальда, мстя смерть отца, сожгли живыми болѣе сотни унганійцевъ, не считая замученныхъ и убитыхъ орденскою братіею, епископскою дружиною и ливами. Тогда остававшіеся въ живыхъ унганійцы, не видя себѣ спасенія отъ неминуемой гибели, отправили нословъ въ Ригу просить мира. Въ Ригѣ имъ сказали, что прежде всего унганійцы должны возвратить ограбленные у нѣмцевъ товары (см. выше стр. 134); послы отвѣтили, что грабители этихъ товаровъ убиты и возвратить ограбленное нѣтъ никакой возможности, что нынѣ всѣ унганійцы желаютъ принять крещеніе и быть въ мирѣ съ нѣмцами и латышами. Нѣмцы

согласились на миръ и обѣщали въ скоромъ времени прислать въ Унганію священниковъ.

Саккалане не помогли унганійцамъ отбиваться отъ нашествій, но, видя какое разореніе и опустошеніе постигло Унганію, боялись, чтобъ и ихъ земли не были разорены до тла. потому также прислали въ Ригу своихъ пословъ, чтобъ и имъ дали священниковъ для совершенія крещенія. И были посланы, пишетъ Генрихъ, священники, Петръ Какевальдъ (финляндецъ родомъ) и орденскій священникъ Отто, и они отправились въ Саккалу и совершили крещеніе саккаланъ до рѣки Палы, т. е. во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя по мирному договору (см. выше стр. 167) признали уже надъ собою власть епископа, и въ Унганіи до Матери Водъ т. е. до рѣки Эмбаха. Окрестивъ эти страны, названные священники воротились домой, не видя возможности жить у саккаланъ и унганійцевъ по причинѣ дикости (ferocitatem) прочихъ сосѣднихъ еще некрещенныхъ эстонцевъ. Новокрещенные остались такимъ образомъ безъ священниковъ и безъ церквей. Ихъ окропили святою водою и тѣмъ дѣло кончили: очевидно, что такое крещеніе было лишь номинальное, и новокрещенные остались такими же язычниками, какими были до сихъ поръ.

Между тѣмъ подходило время съѣзжаться епископамъ въ Римъ на соборъ, который папа Иннокентій III созывалъ на ноябрь 1215 г. для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, сильно волновавшихъ въ то время католическую церковь и касавшихся преложенія хлѣба въ тѣло Христово, причащенія мірянъ, чтенія мірянами книгъ Священнаго Писанія и пр. Мы видѣли, что Филиппъ епископъ Рацебургскій за отсутствіемъ епископа Альберта управлялъ дѣлами ливонской церкви и жилъ въ Ригѣ въ домѣ и на содержаніи Альберта. Мы видѣли, когда прибылъ въ Ливонію Филиппъ и указали причину почему онъ не уѣхалъ съ прочими епископами обратно въ Германію (см. выше стр. 165), видѣли тоже, что дѣлалось въ Ливоніи во время его управленія краемъ. Въ послѣдній годъ пребыванія своего въ Ригѣ, онъ чуть было не сгорѣлъ: великимъ постомъ въ 1215 г. (постъ начался въ этомъ году съ 3 марта) въ Ригѣ ночью произошелъ большой пожаръ, во время котораго выгорѣлъ почти весь городъ съ церковью св. Маріи. Генрихъ пишетъ (гл. XIX, § 6), что епископа во время этого пожара вывели изъ дома. Вслѣдствіе папскаго распоряженія о соборѣ, онъ и епископъ эстонскій Теодорихъ рѣшились отправиться въ Римъ, чрезъ Германію, куда въ первой половинѣ 1215 должны были выѣхать крестоносцы, отслужившіе свой срокъ въ Ливоніи. На девяти коггахъ крестоносцы отплыли изъ Риги въ Готландъ. Съ ними отправились въ путь и епископы со своею свитою, въ которой находился и священникъ Генрихъ (лѣтописецъ) Плаваніе было не благополучное: бурею ихъ загнало 15 іюня 1215 г. въ новую гавань Эзеля (portum novum in Osiliam, но всей вѣроятности этотъ портъ

находился на западной сторонѣ Эзеля, гдѣ начинался полуостровъ Свардбе). Эзельцы чуть лишь провѣдали о занесенныхъ въ ихъ гавань корабляхъ изъ Риги, какъ собрали свой флотъ и начали заваливать камнями входъ въ гавань. Затѣмъ на берегу гавани разложили костры въ надеждѣ, что вѣтромъ занесетъ огонь на корабли, но ихъ ожиданіе не исполнилось: вѣтеръ перемѣнился и огонь понесло въ противоположную отъ кораблей сторону, а скоро крестоносцы и совсѣмъ вышли изъ опаснаго мѣста на открытый рейдъ способомъ какой и нынѣ употребляютъ при передвиженіи илотовъ и мелкихъ судовъ вверхъ по рѣкѣ: на лодкѣ завозятъ впередъ и бросаютъ якорь, за тѣмъ къ якорю на канатѣ притягиваютъ судно. Выйдя благополучно на рейдъ, путники, однако, не могли отправиться въ дальнѣйшій путь: цѣлыхъ три недѣли продолжались бури и пловцы не имѣли попутнаго вѣтра. Съѣстные припасы всѣ вышли, и путникамъ грозилъ голодъ. Попутный вѣтеръ подулъ только наканунѣ дня Маріи Магдалины (21 іюня) и только тогда путники могли плыть въ Готландъ, куда и прибыли благополучно на другой день. Епископу Филиппу не пришлось, однако, быть на соборѣ: онъ заболѣлъ и умеръ въ Нероніи (in Negoniam — мѣстность неизвѣстная; быть можетъ, это Верона).

Соборъ происходилъ въ Римѣ съ 11 по 30 ноября 1215 г. въ папскомъ латеранскомъ дворцѣ (нынѣ музей искуствъ), отчего и назывался Латеранскимъ. Генрихъ пишетъ, что на этомъ соборѣ присутствовали патріархи, кардиналы, епископы въ числѣ 400 и 800 аббатовъ. Между ними находился епископъ ливонскій Альбертъ и эстонскій Теодорихъ (первый былъ въ Римѣ во второй разъ, послѣдній въ четвертый), былъ, конечно, и Генрихъ. На соборѣ этомъ, какъ извѣстно, было постановлено, между прочимъ, причащать мирянъ не подъ обоими, а подъ однимъ только видомъ, воспретить мирянамъ чтеніе Священнаго Писанія до 30-ти лѣтняго возраста, былъ рѣшенъ вопросъ о преложеніи хлѣба и пр. Епископъ Альбертъ не упустилъ случая заявить папѣ о положеніи ливонской церкви, о войнахъ и претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ этой церковію и о ея нуждахъ. По окончаніи собора папа, пишетъ Генрихъ, отпустилъ епископовъ ливонскаго и эстонскаго, возобновивъ имъ свое полномочіе на проповѣдь и на призывъ крестоносцевъ. Отмѣнилъ-ли Иннокентій III свои буллы 1213 г., относившіяся къ Ливоніи (см выше стр. 175) неизвѣстно, но изъ послѣдующихъ событій въ Ливоніи можно заключить, что онъ бросилъ мысль объ образованіи въ Саккалѣ и Унганіи отдѣльнаго епископства, да и послѣдовавшій дѣлежъ земель эстонцевъ показываетъ, что и Саккала и Унганія не были предоставлены въ исключительное владѣніе ордена.

Осень и зиму 1215—1216 г. оба епископа провели въ Германіи, набирая крестоносцевъ. Время было неспокойное: хотя Оттонъ IV и потерпѣлъ подъ Бовиномъ пораженіе, хотя въ іюлѣ 1215 г. Фридрихъ

короновался въ Ахенѣ королемъ Германіи, но междоусобіе не стихало, всякій порядокъ исчезъ и общее смятеніе царило во всей Священной Римской имперіи. Въ такое время трудно было набирать крестоносцевъ, но желающіе принять крестъ все-таки являлись и Альбертъ успѣлъ навербовать крестоносцевъ съ тѣмъ, чтобы отправиться съ ними въ Ливонію по открытіи судоходства. Онъ представился королю Фридриху II въ Гагенау (недалеко отъ Страсбурга, король былъ въ этомъ городѣ 28 января и 20 марта 1216 г.) и былъ утѣшенъ королемъ (consolatus a rege Frederico, пишетъ Генрихъ; вѣроятно получилъ денежную помощь на нужды ливонской церкви).

Между тѣмъ, во время отсутствія епископовъ, рижская старшина и орденская братія не бездѣйствовали. Зимою, послѣ праздника Рождества Христова, когда не только рѣки, но и море покрылось прочнымъ льдомъ, нѣмцы сформировали большое войско для нападенія на чудь-роталійцевъ, которые не хотѣли принимать христіанства, и оставались безъ отомщенія за нападеніе на Метзеполь (см. выше стр. 183). Крещеные ливы и латыши, орденская братія, крестоносцы съ графомъ Бурхардомъ Ольденбургскимъ и рижане (купцы) вошли въ составъ этого войска, которое въ январѣ 1216 г. и двинулось на роталійцевъ по морскому льду. Дойдя до первой чудской земли, войско, по обычаю, разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и деревушкамъ, истребляя все встрѣчное, убивая мущинъ, забирая женщинъ, дѣтей и скотъ. За тѣмъ войско собралось подъ чудскимъ городкомъ Сонтаганомъ (недалеко отъ Леаля) и осадило его. Девять дней продолжалась осада. Чудь мужественно отбивалась, но доведенная до крайности, запросила мира. Миръ былъ данъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ осажденные приняли крещеніе со всѣми обязанностями христіанства. Сонтаганцы, пишетъ Генрихъ, согласились на это условіе. Тогда въ городокъ былъ посланъ лоддигерскій священникъ Готфридъ, который и крестилъ осажденныхъ окропленіемъ святою водою. Взявъ заложниковъ, войско со всею добычею и плѣнными возвратилось домой, но не расходилось: оно только отдохнуло нѣсколько дней и за тѣмъ двинулось въ походъ, но уже на островъ Эзель, жители котораго не давали покоя ливскимъ побережьямъ и при томъ оставались безъ отомщенія за нападеніе на Ригу (см. выше стр. 182).

Вслѣдствіе сильныхъ холодовъ море замерзло, такъ что можно было добраться до острова прямымъ путемъ по льду. Христіанское войско и воспользовалось такимъ путемъ: по льду пришло на островъ и здѣсь поступило такъ какъ въ Роталіи — разсѣялось по дорогамъ и деревушкамъ, истребляя все встрѣчное, убивая мущинъ и захватывая женщинъ, дѣтей и скотъ. Послѣ грабежа, войско собралось у какого-то городка и начало его осаду, но морозы такъ усилились, что продолжать осаду было невозможно. Войско предприняло

обратный походъ тою же самою дорогою, какою пришло, но при этомъ потеряло не мало народа замерзшими.

То былъ первый походъ на Эзель, хотя не повлекшій за собою никакихъ послѣдствій, но уже показавшій, что и эзельцамъ наступаетъ чередъ покориться, какъ покорились саккалане и унганійцы. Послѣдніе дѣйствительно покорились, крестились, обязались нести повинности христіанъ, и тѣмъ не менѣе не покидали мысли отбиться отъ нашествія. Мы видѣли, что планъ одновременнаго нападенія съ трехъ сторонъ на епископскія и орденскія земли разстроился и не удался, но планъ былъ такъ заманчивъ, что новопокоренная чудь рѣшилась еще разъ попытаться счастья, еще разъ ударить общими силами на пришельцевъ, но, видя, что имъ однимъ не совладать съ сильнымъ противникомъ, рѣшились обратиться къ Полоцкому князю, который, какъ имъ было извѣстно, всегда искалъ какъ бы побороть ливонскую церковь, основаніе которой онъ такъ легкомысленно дозволилъ. Они отправили послѣ праздника Пасхи (послѣ 19 апрѣля 1216 г.) пословъ въ Полоцкъ съ предложеніемъ князю, чтобъ онъ воспользовался отсутствіемъ епископа, пока не явились еще свѣжія силы крестоносцевъ, и осадилъ Ригу; сами же они обѣщали одновременно загородить доступъ въ рижскую гавань и ударить на ливовъ и латышей, чтобъ удержать ихъ отъ поданія помощи рижанамъ. Князь принялъ предложеніе, созвалъ большое войско, пригласилъ къ участію въ походѣ литовцевъ, и когда все было готово, и когда самъ князь хотѣлъ уже садиться въ ладью, чтобъ плыть съ войскомъ внизъ по Двинѣ къ Ригѣ, онъ упалъ и скоропостижно умеръ. Со смертію его, все войско разошлось во свояси и планъ одновременнаго нападенія со всѣхъ сторонъ на нѣмцевъ рушился. Впрочемъ планъ загражденія устья Двины едва-ли бы удался, потому что рижане, въ предупрежденіе именно попытокъ на загражденіе, купили одну коггу, поставили ее въ самомъ устьѣ Двины, укрѣпили на подобіе крѣпостцы, снабдили камнеметными машинами и оружіемъ и поставили въ ней 50 человѣкъ воиновъ, которые должны были оборонять устье и не допускать загражденій. Эзельцы дѣйствительно хотѣли было сдѣлать попытку загражденія, но заслышавъ, что въ устьѣ Двины стоитъ сторожевая коггa, бросили свое намѣреніе и вмѣсто того, чтобы плыть къ Двинѣ, пристали къ устью рѣки Салисъ, поднялись вверхъ по этой рѣкѣ до Буртнекскаго озера и ограбили нѣсколько деревень, но были прогнаны латышами.

Со смертію князя Владиміра енископъ и орденъ уже не были тревожимы со стороны Полоцка; самое полоцкое княжество подпадаетъ вліянію князей Смоленскихъ, которые въ свою очередь не имѣли ни средствъ, ни силъ бороться съ епископомъ и орденомъ, успѣвшими утвердиться на правомъ берегу Двины отъ Риги почти до самаго нынѣшняго Динабурга. Цѣлая линія крѣпостей (замковъ) появилась

уже на правомъ берегу Двины. Рига могла быть спокойною, что ее русскіе не потревожатъ со стороны Двины, да и гдѣ ужъ было тревожить, когда все Полоцкое княжество видимо разлагалось.

Весною 1216 г. епископъ Альбертъ вмѣстѣ съ епископомъ эстонскимъ Теодорихомъ прибылъ въ Ригу въ сопровожденіи набранныхъ въ Германіи крестоносцевъ. Онъ здѣсь узналъ о смерти полоцкаго князя, о дѣйствіяхъ въ Эстоніи, о покореніи Саккалы и Унганіи, и, конечно, могъ видѣть, что остановиться на пріобрѣтенномъ ему не было никакой возможности. И въ самомъ дѣлѣ Саккала крестилась, но всѣ чудскіе народцы, сосѣдніе съ этою землею, не только не были еще крещены, но были явно враждебны пришельцамъ. Унганія хотя и подчинилась епископу, но новгородскіе русскіе считали и унганійцевъ и толовцевъ своими данниками и потому нельзя было разсчитывать, чтобы Новгородская Русь уступила и Унганію и Толову епископу и ордену добровольно и безъ всякой борьбы. Нельзя было даже разсчитывать и на вѣрность новокрещенныхъ саккаловъ и унганійцевъ, потому что они крещеніе приняли не добровольно, но были вынуждены креститься открытою силою.

Однимъ словомъ положеніе ливонской церкви было вовсе не такое прочное, какъ хотѣлось Альберту, и обрати только Новгородская Русь надлежащее вниманіе на ливонскія дѣла и на свои отношенія къ чуди, то очень легко могло случиться, что все зданіе, воздвигаемое Альбертомъ въ Ливоніи, рухнуло бы безвозвратно, но въ томъ-то и дѣло, что Новгородской Руси въ тѣ времена было не до Ливоніи.

Мы видѣли (см. выше стр. 162) какъ Мстиславъ Удалой утвердился въ Новгородѣ и какъ дѣлалъ походы въ Эстонію. Его походы не имѣли равно никакихъ послѣдствій: онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, ни мало не думалъ укрѣпиться въ эстонщинѣ, ограничиваясь единственно полономъ и данью, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлается на берегахъ Двины. 14 апрѣля 1212 г. умеръ суздальскій князь Всеволодъ III Большое Гнѣздо, раздѣливъ свои владѣнія между своими сыновьями, которыхъ у него было шестеро, и предоставивъ старшинство второму сыну, Юрію, мимо старшаго, Константина. Князья не прожили и года въ мирѣ между собою. Въ 1213 г. уже возникла сильная усобица между ними, а за тѣмъ послѣдовало столкновеніе сѣверной Руси съ южною, отвлекшее Мстислава Удалого отъ Ливоніи.

По возвращеніи въ 1214 г. изъ похода на Эстонію, когда онъ доходилъ до Воробьина (см. выше стр. 163), въ Новгородъ пришла вѣсть, что кіевскій князь Всеволодъ Чермный (ольговичъ) обижаетъ двоюродныхъ братьевъ Удалого (мономаховичей), вытѣсняя ихъ изъ Руси. Обиженные прислали въ Новгородъ сказать Удалому: «Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ, приходи, поищемъ своей отчины». Мстиславъ созвалъ вѣче и сталъ звать новгородцевъ итти въ походъ на Чермнаго. Новгородцы пошли вмѣстѣ съ княжескою дружиною и помогли Удалому разбить Чермнаго.

Мстиславъ воротился въ Новгородъ, но не долго пробылъ тутъ. Суздальская партія, уступившая было господство въ Новгородѣ партіи южной, явившейся въ большинствѣ вслѣдствіе поведенія Всеволода Большое

Гнѣздо, теперь, со смертію послѣдняго, снова усилилась и начала собирать тайныя вѣча противъ Удалого. Мстиславъ не сталъ дожидаться своего изгнанія, созвалъ въ 1215 г. вѣче и сказалъ (см. П. С. Р. Л. III. 32): «суть ми орудія (дѣла) въ Руси, а вы вольны въ князѣхъ». Новгородцы любили Удалого, но не удерживали его. Суздальская партія восторжествовала и позвала на новгородскій столъ третьяго сына Всеволодова, Ярослава, владѣвшаго между прочимъ. Тверью, слѣд. бывшаго сосѣдомъ Новугороду. Позвали еще и потому, что Ярославъ Всеволодовичъ былъ женатъ на дочери Удалого. Но скоро обнаружилось, какъ далеко Ярославъ своимъ характеромъ не походилъ на своего тестя. Онъ началъ преслѣдовать людей южной партіи, преслѣдованія вызвали волненіе, и Ярославъ выѣхалъ въ Торжокъ и заперъ подвозы хлѣба въ Новгородскую волость, гдѣ передъ тѣмъ случился неурожай. Страшный голодъ и моръ поразилъ Новгородъ и его волости, тогда новгородцы послали къ Удалому, чтобъ онъ поскорѣе являлся къ нимъ и спасъ ихъ отъ Ярослава. Удалой не покинулъ новгородцевъ въ бѣдѣ, прибылъ къ нимъ 11 февраля 1216 г., схватилъ Ярославова намѣстника, переловилъ всѣхъ его дворянъ, и снова въѣхалъ на дворъ ярославовъ, поцѣловавъ крестъ къ новгородцамъ, и новгородцы ему.

Тесть и зять стали другъ противъ друга. Сторону Ярослава не замедлилъ взять старшій братъ его князь Владимірскій Юрій и младшій Святославъ. Удалой призвалъ къ себѣ на помощь псковичей съ ихъ княземъ Владиміромъ и смольнянъ и заключилъ союзъ со старшимъ сыномъ Всеволода, Константиномъ, лишеннымъ старшинства своимъ отцомъ. Борьба между тестемъ и зятемъ приняла характеръ весьма важный, характеръ борьбы между сѣверною и южною Русью.

1 марта 1216 г. Мстиславъ выступилъ въ походъ на Ярослава и рѣшительная битва произошла 23 апрѣля 1216 г. подъ Липецкомъ. Битва была самая ожесточенная, потому что однихъ убитыхъ было 9233, кромѣ раненыхъ и утонувшихъ. Удалой разбилъ на голову своихъ противниковъ и сталъ подъ самымъ Владиміромъ на Клязьмѣ. Князь Юрій запросилъ мира, отдавшись на волю побѣдителей. Его свели съ великокняжескаго стола, дали ему на прокормленіе одинъ городокъ на Волгѣ, посадили вмѣсто его Константина. Запросилъ мира и Ярославъ. Удалой далъ миръ и ему, но отобралъ у него жену и увезъ ее съ собою въ Новгородъ. Эта борьба сильнѣйшимъ образомъ потрясла всю Сѣверную Русь и много обезсилила и обезлюдила какъ Суздаль, такъ и Новгородъ, а это обстоятельство, конечно, какъ нельзя болѣе благопріятствовало и Альберту и ордену; этою борьбою и усобицами и объясняется почему Новгородская Русь относилась къ ливонскимъ дѣламъ не съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ бы слѣдовало при появленіи опаснаго врага на западной ея границѣ.

Епископъ Альбертъ, возвратившись въ Ригу, не бездѣйствовалъ: въ августѣ 1216 г. орденская братія съ магистромъ Волквиномъ во главѣ и эстонскій епископъ Теодорихъ съ епископскою дружиною сдѣлали нападеніе на Гаріенскую землю, подвергли ее разоренію и грабежу и за тѣмъ послѣ Крещенія, слѣд. послѣ 6 января 1217 г., сдѣлали походъ на Ервенъ и Виронію. Результатомъ этихъ походовъ было только то, что чудь-ервенцы обѣщали креститься и дали въ томъ заложниковъ.

Несравненно важнѣе прозошли дѣла подъ Одемпе.

Одемпе (Медвѣжья Голова) былъ главнымъ городкомъ унганійцевъ, куда, быть можетъ, они собирались на свои годовыя собранія. Русскіе въ своихъ походахъ на чудь обыкновенно приступали къ этому городку, здѣсь брали дань, данью и ограничивались. Унганійцы, какъ уже было сказано, признали надъ собою власть ливонскаго епископа и приняли католичество. Еще въ 1210 г. по Генриху или въ 1212 г. по первой Новгородской лѣтописи (послѣднее, кажется, вѣрнѣе) нѣкоторые изъ унганійцевъ приняли православіе; псковичи обѣщали прислать священниковъ, но не прислали, говоритъ Генрихъ въ гл. XIV, §. 2. Дѣйствительно-ли не прислали или же прислали да поздно, неизвѣстно, Генрихъ не упоминаетъ объ этомъ ни слова, но когда унганійцы приняли католичество и подчинились ливонской церкви, то псковичи обидѣлись тѣмъ, начали грозить войною и потребовали съ нихъ оброковъ и податей (censum ac tributum, пишетъ Генрихъ). Унганійцы послали въ Ригу спросить у епископа и орденскаго магистра какъ имъ быть въ данномъ случаѣ и просили помощи. Помощь была обѣщана, но не прислана.

Братъ Удалого, князь Владиміръ, бывшій, какъ мы видѣли, большимъ другомъ нѣмцевъ, изгнанный за то изъ Пскова и снова воротившійся во Псковъ (см. выше стр. 165), не замедлилъ привести угрозу въ исполненіе: съ войскомъ вступилъ въ Унганію, сталъ у горы Одемпе (in monte Odempe, городокъ сожгли нѣмцы еще въ 1210 г., какъ упомянуто выше на стр. 150) и разослалъ войско по окрестнымъ деревнямъ и землямъ. Какъ водилось въ тѣ времена, деревни и земли были разорены, много мущинъ убито, а женщины и дѣти захвачены въ плѣнъ. Князь Владиміръ, удовольствовавшись подобнымъ сборомъ оброковъ и податей, вышелъ изъ Унганіи.

Унганійцы снова пришли къ епископу и просили о помощи. Тутъ только епископъ и орденъ послали помощь, но предварительно совершили между собою дѣлежъ чудскихъ земель, подчинившихся ливонской церкви, именно Саккалы, Унганіи и части Вика. Порѣшили, такъ: третью часть доходовъ съ названныхъ земель предоставить рижской церкви и епископу Альберту, другую треть предоставить эстонскому епископу Теодориху, и остальную треть орденской братіи. Условившись такимъ образомъ, епископы и орденъ послали своихъ людей въ Унганію къ Одемпе, тѣ собрали окрестныхъ унганійцевъ и общими силами возобновили этотъ городокъ.

Между тѣмъ русскіе, обычнымъ образомъ (solito more), пришли въ землю латышей для сбора своего оброка (pro censu suo colligendo), собрали оброкъ и сожгли городокъ Беверинъ, давно уже подчинившійся нѣмцамъ. Бертольдъ Венденскій послалъ погоню и успѣлъ захватить нѣкоторыхъ русскихъ, которыхъ и посадилъ въ тюрьму, но тотчасъ же освободилъ, когда прибыли къ нему послы Удалого съ требованіемъ выдачи захваченныхъ.

Унганійцы, получивъ помощь отъ епископа и ордена, по возобновленіи Одемпе, не захотѣли остаться въ долгу у псковичей за ихъ недавній набѣгъ и зимою 1216 г. вмѣстѣ съ епископскою дружиною и орденскою братіею сдѣлали походъ къ Новгороду. А такъ какъ земля, пишетъ Генрихъ въ гл. XX. § 5, не была предупреждена о вторженіи, и русскіе въ это время праздновали Крещеніе (6 января 1217 г. пирами и попойками conviviis es compotationibus), потому унганійское войско перебило много народа по деревнямъ и много захватило въ плѣнъ.

(Въ первой Новгородской лѣтописи, на стр. 35 отмѣчено объ этомъ набѣгѣ подъ 6725 (1217) годомъ такъ: „И воеваша Литва въ Шелонѣ. Новгородцы идоша по нихъ и не състигоша ихъ“. Нападеніе чуди лѣтописецъ снова приписываетъ литовцамъ).

Удалого въ это время не было въ Новгородѣ. Въ 1217 г. онъ уѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ жену и сына Василія. Отмстить унганійцамъ и нѣмцамъ за набѣгъ рѣшился прежній другъ нѣмцевъ, князь псковскій Владиміръ. Онъ собралъ большое войско изъ новгородцевъ и псковичей и великимъ постомъ 1217 г. (постъ въ этомъ году начался съ 7 февраля) вступилъ въ Унганію, разослалъ гонцевъ по всей Эстоніи, чтобъ всѣ приходили осаждать нѣмцевъ и унганійцевъ въ новоотстроенномъ городкѣ Одемие. Призывъ князя не остался втунѣ: пришли эзельцы, пришли гарійцы, незадолго предъ тѣмъ разоренные нѣмцами, пришли даже крещеные въ католичество надѣявшіеся, пишетъ Генрихъ, съ иомощію русскихъ, сбросить съ себя какъ иго нѣмцевъ (jugum Teutonicorum), такъ и крещеніе ихъ (baptismum eorum). Владиміръ съ новгородцами и псковичами и смежною чудью осадилъ Одемпе, но ничего не могъ подѣлать съ хорошо укрѣпленнымъ городкомъ. Семнадцать дней продолжалась осада: осажденные переранили много народа, но и сами потерпѣли убыль, потому что и русскіе дѣйствовали по городку не только стрѣлами но и катапультами (камнеметнымн машинами). Неудался и общій штурмъ: штурмующіе колоны были отбиты съ большою для себя потерею.

Между тѣмъ на помощь осажденнымъ спѣшили самъ орденскій магистръ Волквинъ, Бертольдъ Венденскій, Теодорихъ (братъ епископа) съ крещеными ливами и латышами и крестоносцами. Войско, которое они вели, было довольно многочисленное: около 3000 человѣкъ. Подойдя къ Одемпе, это войско думало было отбить русскихъ и напало на нихъ; но потерпѣло неудачу. Нѣсколько рыцарей было убито, въ числѣ убитыхъ былъ и неутомимый Бертольдъ Венденскій, имя котораго фигурировало во всѣхъ войнахъ. Все прибывшее на помощь войско вступило въ городокъ, не принеся съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ни фуража для лошадей. Въ городкѣ столпилось такимъ образомъ много народа и лошадей. Начался страшный голодъ: лошади отъѣдали хвосты одна у другой, пишетъ Генрихъ. Но и

осаждающіе (число ихъ Генрихъ опредѣляетъ въ 20 тысячъ) терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе чего русскіе начали переговоры съ нѣмцами. Порѣшили на томъ, что нѣмцы очистятъ Одемпе и уйдутъ изъ Унганіи, князь Владиміръ потребовалъ, чтобы Теодорихъ (его зять) отправился съ нимъ въ Псковъ для скрѣпленія мира (pro pace confirmanda). Теодорихъ прибылъ въ русскій станъ, но тутъ новгородцы отобрали у князя Теодориха и увели его въ плѣнъ въ Новгородъ. Нѣмцы, согласно договора, очистили Одемпе и вышли изъ Унганіи. Пошли во свояси и русскіе и чудь. Русскіе пришли домой мирно, но саккаланы на возвратномъ пути, не заботясь уже ни о мирѣ съ нѣмцами, ни о принятомъ крещеніи, напали на имерскихъ латышей, разграбили деревни по Имерѣ и увели не мало народа въ плѣнъ.

Въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 35) объ этой осадѣ Одемпе разсказано такъ: „И поидоша (новгородцы) къ Медвѣжи Головѣ съ княземъ Володимеромъ и съ посадникомъ (княжескимъ намѣстникомъ) Твердиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдь же начаша слати съ поклономъ лестью, а по Нѣмцы послаша; и начаша Новгородцы гадати съ Пльсковичи о чюдской рѣчи, отшедше далече товавъ (товаръ, станъ), а сторожи ночніи бяху пришли, и дневніи бяху не пошли; и наѣхаша (нѣмцы) на товары безъ вѣсти, Новгородцы же побѣгоша съ вѣча въ товары, и поймавше оружіе и выбиша е (нѣмцевъ) изъ товаръ, и побѣгоша Нѣмцы къ городу, и убиша Новгородцы два воеводѣ (у Генриха показаны убитыми рыцари: Константинъ, Бертольдъ и Илья), а третій руками яша (это, конечно, Теодорихъ), а коневъ отъяша 700, и придоша здрави вси“.

Этотъ разсказъ новгородскаго лѣтописца дополняетъ разсказъ Генриха нѣкоторыми подробностями: выходитъ, что Теодорихъ былъ взятъ въ плѣнъ новгородцами при самомъ нападеніи нѣмецкаго войска на русскій станъ, а не по заключеніи мирнаго договора. Трудно сказать, которое извѣстіе справедливо. Вѣрно лишь то, что походъ князя Владиміра на Унганію былъ удаченъ и повлекъ за собою новые походы, но уже болѣе серьезные на нѣмцевъ.

Епископъ Альбертъ, по возвращеніи изъ похода его дружины, орденской братіи и крестоносцевъ, отправилъ своихъ пословъ въ Новгородъ и Саккалу для утвержденія мира, заключеннаго въ Одемпе. Въ Новгородѣ послы должны были ходатайствовать объ освобожденіи изъ плѣна епископскаго брата Теодориха. Посольство въ Новгородѣ успѣха не имѣло: новгородцы и не думали о мирѣ, напротивъ послы провѣдали, что новгородцы пересылались и сговаривались съ чудью, составляя планы какъ бы совершенно разрушить ливонскую церковь и вытѣснить пришельцевъ.

Епископъ чрезъ своихъ пословъ узналъ о завязывавшемся союзѣ новгородцевъ съ эстонцами и не могъ не видѣть опасности такого

союза для самаго существованія его церкви. Привлечь новыя силы крестоносцевъ въ Ливонію явилось совершенно необходимостью, потому онъ, весною 1517 г., рѣшился снова отправиться въ Германію вмѣстѣ съ крестоносцами, уѣзжавшими туда по отслуженіи своего годичнаго срока въ Ливоніи. Онъ выѣхалъ въ Германію, взявъ съ собою Динаминдскаго абата Бернарда. На этотъ разъ проповѣдь Альберта не имѣла особеннаго успѣха потому что на призывъ его къ крестовому походу въ Ливонію явилось не много народа, быть можетъ, и потому, что главный двигатель такихъ походовъ Иннокентій III уже не жилъ. Онъ умеръ въ іюнѣ 1216 г. и его мѣсто на папскомъ престолѣ занялъ Гонорій III, не имѣвшій за собою авторитета и могущества своего предмѣстника, къ тому же и влеченіе къ крестовымъ походамъ начало уже ослабѣвать въ Западной Европѣ. Не много явилось желающихъ, но за то возложилъ на себя крестъ племянникъ датскаго короля Вальдемра II, графъ Альбертъ Лауенбургскій (comes Albertus de Lovenborch по Генриху, графъ Альбрехтъ Орламиндскій по Рифмованной Хроникѣ, Голштейнскій, Нордальбингскій по другимъ), давшій обѣтъ совершать походъ въ Ливонію еще при жизни Иннокентія III. Лѣтомъ 1217 г. онъ со своею дружиною и немногочисленными крестоносцами и динаминдскимъ аббатомъ прибылъ въ Ригу, гдѣ его приняли съ особеннымъ почетомъ и радостію какъ искуснаго и мужественнаго война. Его положилъ Господь въ колчанѣ своемъ, яко стрѣлу избранну, пишетъ Генрихъ, употребляя по своему обычаю библейское выраженіе, для освобожденія своей церкви отъ враговъ ея.

Von orlamynde greue albrecht
Der was ein pilgerim gerecht,
Bis er zu lande wider quam.

пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ ст. 1413—1415 (Орландскій графъ Альбрехтъ былъ храбрый паломникъ во все время, пока возвратился въ свою землю).

Въ то время когда въ Ригѣ встрѣчали графа Лауенбургскаго, въ Эстоніи подготовлялись къ нападенію на нѣмцевъ въ союзѣ съ русскими. Главнымъ руководителемъ нападенія былъ леальскій старшина Лембитъ, тотъ самый, который уже принялъ католичество, вынужденный къ тому силою (см. выше стр. 181). Онъ и другіе старшины отправили въ Новгородъ пословъ съ подарками (шипега plигіша) и просьбами ударить на нѣмцевъ общими силами и разрушить ливонскую церковь.

Мы видѣли, что Мстиславъ Удалой въ 1217 г. уѣхалъ въ Кіевъ (см. выше стр. 191), но онъ скоро возвратился, созвалъ вѣче на ярославовомъ дворѣ и сказалъ новгородцамъ (П. С. Р. Л. III, 36): „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и вамъ, хочу поискати

Галича, а васъ не забуду; дай Богъ лечь у отца у Святой Софіи." Новгородцы упрашивали его оставаться, много моляхуся: „Не ходи княже", но не могли удержать Удалого. Его привлекали галицкія дѣла и борьба съ венграми. Проводивъ Мстислава, новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его, Святославомъ, сыномъ великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича, который и прибылъ въ Новгородъ 1 августа 1217 года. Съ кѣмъ именно переговаривали эстонскіе послы въ Новгородѣ съ Удалымъ или же со Святославомъ — неизвѣстно. Генрихъ пишетъ только въ XXI гл. § 2, что новгородцы обѣщали помощь и Святославъ прислалъ сказать въ Эстонію, что онъ придетъ туда съ Владиміромъ Полоцкимъ и другими князьями. Эстонцы, надѣясь на помощь, собрали 6000 человѣкъ войска (число для того времени весьма значительное), въ составѣ этого войска были роталійцы, гаррійцы, вironцы, ревельцы, герванійцы и саккаланы, однимъ словомъ поднялись всѣ народцы, населявшіе нынѣшнюю эстонщину, за исключеніемъ унганійцевъ, которые едва-ли могли и выставить людей способныхъ носить оружіе, до того Унганія была опустошена и разорена предшествовавшими войнами. Эстонское войско собралось у рѣки Палы, составлявшей (см. выше стр. 167) границу Саккалы, признавшей надъ собою власть епископа, и ждали прибытія русскихъ 15 дней, съ 6 по 20 сентября 1217 г.

Русскіе не приходили. Въ Ригѣ знали, что на нихъ собирается чудь вмѣстѣ съ русскими и рѣшились ударить на своихъ враговъ прежде чѣмъ соединятся ихъ силы. Графъ Альбертъ со своею дружиною, магистръ Волквинъ съ орденскою братіею, аббатъ динаминдскій Бернардъ, рижскій соборный протоіерей Іоаннъ, крещеные ливы и латыши и вѣрный нѣмецкій союзникъ Каупо быстро двинулись въ Саккалу и 20 сентября стали подъ городкомъ Феллиномъ. Христіанское войско состояло изъ 3000 человѣкъ. Отдохнувъ подъ Феллиномъ ночь и отслушавъ на другой день утромъ обѣдню войско двинулось впередъ: центръ его составляли нѣмцы, правое крыло ливы, лѣвое латыши. Верстахъ въ 10 отъ Феллина (такъ показано въ стихахъ 1333—1415 Рифмованной Хроники) 21 сентября 1217 г. (такъ показано у Генриха въ гл. XXI, § 2) произошло ожесточенное сраженіе между силами нѣмцевъ и чудскимъ войскомъ. Чудь потерпѣла сильное пораженіе: болѣе 1000 человѣкъ изъ нихъ были убиты въ бою, и много погибло въ лѣсахъ и болотахъ. Въ этомъ несчастномъ для Эстоніи бою погибло много старшинъ, былъ убитъ и Лембитъ, поднявшій Эстонію противъ нѣмцевъ; былъ смертельно раненъ и неизмѣнный другъ нѣмцевъ Каупо, принимавшій столь дѣятельное участіе въ покореніи своихъ земляковъ власти католической церкви. Генрихъ пишетъ (гл. XXI, § 4), что еще до этого сраженія онъ все имѣніе свое раздѣлилъ церквамъ. Графъ Лауенбургскій, орденская братія и крестоносцы наложили на себя трауръ по Каупо, тѣло котораго было

сожжено, а прахъ привезенъ и погребенъ въ Куббезелѣ (позднѣйшія сказанія о погребеніи Каупо въ Икскулѣ, о его мечѣ и шпорахъ принадлежатъ къ вымысламъ Хотя нынѣшній родъ Ливеновъ и ведетъ свое начало отъ Каупо, но ни Генрихъ, ни Рифмованная Хроника ни слова не упоминаютъ остались-ли у Каупо сыновья или другіе наслѣдники. По преданію, дочь Каупо была замужемъ за родоначальникомъ Унгернъ-Штернберговъ).

Одержавъ рѣшительную побѣду надъ эстонскимъ ополченіемъ, христіанское войско прошло чрезъ Саккалу до рѣки Палы и трое сутокъ стояло въ городкѣ Лембита. Ливы и латыши были посланы разорять и уничтожать окрестныя деревни. Тогда пришелъ къ нѣмцамъ братъ убитаго Лембита, Унепеве, и запросилъ мира для Саккалы. Миръ былъ данъ (вторично, о первомъ см. выше стр. 167) съ условіемъ, что саккалане будутъ въ точности исполнять христіанскія повинности. Взявъ заложниковъ, христіанское войско возвратилось домой.

Съ этого времени эстонцы (die Eisten), замѣчаетъ авторъ Рифмованной Хроники (стихи 1398—1413), всегда уже, худо ли хорошо ли, платили десятину со своего имущества и должны были строить замки для защиты христіанства, хотя охотно избавились бы и отъ платежа и отъ построекъ, если бы даже за это имъ пришлось терпѣть всѣ муки ада. Они давали свой хлѣбъ и строили церкви для христіанства во славу Божію. Къ сожалѣнію, рѣдко случалось, чтобъ ихъ не принуждали къ тому ихъ господа и, по правдѣ сказать, они охотно освободились бы отъ этого.

So шап die warheit sprechen sol,
8o weren sie is erlasen wol.

замѣчаетъ авторъ Хроники.

Разбивъ эстонцевъ, вторично присоединивъ Саккалу, графъ Лауенбургскій хотѣлъ предпринять походъ на Эзель и сдѣлалъ было всѣ приготовленія къ походу на этотъ островъ, жители котораго не давали покоя ливскимъ побережьямъ своими набѣгами. Но осень и зима 1217 г. были такъ дождливы и море такъ долго не замерзало, что сдѣлать походъ на островитянъ, къ которымъ съ удобствомъ только и можно было пробраться по льду, являлось дѣломъ невозможнымъ. Пришлось оставить Эзель въ покоѣ и ограничиться дѣйствіями противъ язычниковъ, населявшихъ нынѣшнюю Эстляндскую губернію и не признававшихъ надъ собою ничьей власти. Великимъ постомъ 1218 г. (постъ въ этомъ году начинался съ 3 марта) христіанское войско сдѣлало походъ на Викъ, на земли, находившіяся противъ Эзеля. Предавъ обычному разоренію эти земли (умерщвленіе мущинъ, захватъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, сожженіе домовъ и деревень), христіанское войско остановилась на отдыхъ гдѣ-то по срединѣ Вика.

Сюда пришли старшины разныхъ ближайшихъ къ Вику земель и предложили, что они примутъ католичество и будутъ платить ежегодный оброкъ, если войско уйдетъ изъ ихъ земель. Войско согласилось на это и вышло изъ Вика съ полономъ и ограбленною добычею, славя Бога за покореніе такого народа, говоритъ Генрихъ.

Но еще ранѣе этого похода, герванійцы, видя истребленіе эстонскаго ополченія въ Саккалланѣ, прислали въ Ригу своихъ заложниковъ и вторично подчинились рижской церкви съ обѣщаніемъ принять католичество и послать оброкъ или ту мѣру хлѣба, которая была установлена вмѣсто десятины (см. выше стр. 159).

Власть ливонскаго епископа такимъ образомъ распространялась далѣе и далѣе.

Но что же дѣлалось въ Новгородѣ и почему новгородцы не пришли на помощь Лембиту въ то время когда онъ съ 6 по 20 сентября 1217 г. тщетно ожидалъ ихъ прибытія?

Въ Новгородѣ въ это время кипѣли распри и раздоры. Мы видѣли, что вмѣсто Удалого, отбывшаго въ Галичъ, 1 августа 1217 г. прибылъ сынъ кіевскаго князя, Святославъ Мстиславичъ. Онъ не съумѣлъ поладить ни съ партіею ему противною, т. е. суздальскою, ни даже съ партіею своею т. е. южно-русскою, потому что перессорился изъ за чего то съ главою этой партіи, посадникомъ Твердиславомъ Михайловичемъ. Въ первой новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 36) разсказано дѣло такъ: одинъ изъ суздальскихъ приверженцевъ, бояринъ Матвѣй Душильцевичъ связалъ какого-то бирича Мойсѣича (можетъ быть иредъявившаго ему какое либо судебное рѣшеніе или правительственное требованіе) и, боясь отвѣтственности за то, бѣжалъ изъ города. Новгородцы его догнали, схватили и отдали на судъ князю. Вдругъ по городу разнесся слухъ, что самъ посадникъ Твердиславъ выдалъ князю Матвѣя. Торговая сторона (суздальская) поднялась противъ посадника и ударила сборъ на вѣче у церкви Сорока Мучениковъ. Въ виду поднимавшагося мятежа, князь велѣлъ выпустить Матвѣя, но это ни мало не утѣшило волненія. Оба вѣча стали съ оружіемъ другъ противъ друга и 27 января 1218 г. начали открытый бой между собою: много народа было ранено, нѣсколько человѣкъ убито какъ съ той, такъ съ другой стороны. «О великое, братія, чудо свади окаянный дьяволъ, восклицаетъ лѣтописецъ, когда бяше брани быти на поганыя, тогда ся начаша бити между собою». По видимому, въ битвѣ этой, партія Твердислава одержала верхъ, но нерѣшительный, потому что всю недѣлю происходили бурныя вѣча. Но въ концѣ концовъ партіи помирились; все же, говоритъ лѣтописецъ, Богомъ дьяволъ попранъ бысть и святою Софіею: обѣ партіи сошлись въ общее вѣче и укрѣпили свое согласіе крестоцѣлованіемъ. Но тутъ прислалъ на вѣче князь Святославъ своего тысяцкаго сказать: «Не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество». Новгородцы спросили: какая же вина посадника? Князь отвѣчалъ: «Безъ вины». Тогда Твердиславъ сказалъ: «Тому есмь радъ, что вины моей нѣту, а вы, братья, вольны въ посадничествѣ и въ князьяхъ». Вѣче отвѣчало Святославу: «Княже, оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, и его не выдадимъ». Князь не настаивалъ. И бысть миръ, говоритъ лѣтописецъ.

Только съ наступленіемъ мира между партіями, новгородцамъ можно было подумать о внѣшнихъ дѣлахъ, о защитѣ своихъ западныхъ границъ, угрожаемыхъ пришельцами. И только съ весны 1218 г. они начали приготовляться къ походу на Ливонію, сосредоточивая войска на Эмбахѣ, конечно, близь своего города, Юрьева, предполагая съ этой стороны напасть на нѣмецкія владѣнія. Они разослали гонцевъ по Эстоніи съ предложеніемъ собираться и общими силами ударить на епископскія и орденскія земли.

По видимому, въ Ригѣ не знали о русскихъ приготовленіяхъ къ походу.

Епископъ Альбертъ, не смотря на всѣ свои успѣхи въ Эстоніи, ясно видѣлъ, что ему одному не совладать съ эстонцами, что вслучаѣ тѣснаго союза русскихъ съ чудью все зданіе католической церкви въ Ливоніи можетъ легко рушиться. Для борьбы съ Новородскою Русью и чудьею уже было недостаточно орденской братіи и крестоносцевъ, а требовалась помощь какого либо сильнаго иноземнаго государя. Такимъ государемъ былъ Вальдемаръ II датскій. Его владѣнія не разъ тревожили эзельцы; онъ самъ уже былъ на Эзелѣ (см. выше стр. 122), лично знавалъ Альберта, оказывалъ ему содѣйствіе, такъ къ кому же лучше и обращаться за помощью, какъ не къ этому государю. Альбертъ и рѣшился на это, рѣшился воспользоваться предстоявшимъ 24 іюня 1218 г. коронованіемъ въ Шлезвигѣ сына Вальдемара II, чтобы явиться на это торжество, присутствовать на сеймѣ и просить у Вальдемара II помощи себѣ. Весьма возможно, даже весьма вѣроятно, что и племянникъ Вальдемара II, графъ Лауенбургскій, совѣтовалъ Альберту прибѣгнуть къ этому королю. Какъ бы то ни было, но Альбертъ весною 1218 г., когда открылось судоходство, отправился въ Данію, не подозрѣвая, конечно, какой опасности иодвергаетъ онъ владѣнія ливонской церкви, когда въ ливонскія дѣла вмѣшается воинственный король. Вмѣстѣ съ Альбертомъ поѣхали въ Данію епископъ эстонскій Теодорихъ, динаминдскій аббатъ Бернардъ, не задолго предъ тѣмъ посвященный въ санъ епископа семигальскаго (покореніе Семигаліи еще имѣлось только въ виду), и графъ Лауенбургскій Альбрехтъ.

VII. Датское вмѣшательство и вытѣсненіе Новгородской Руси изъ Эстоніи.

Альбертъ у короля датскаго Вальдемара II. — Русскіе подъ Венденомъ. — Литовскій набѣгъ. — Походъ нѣмцевъ на ревельскія земли. — Прибытіе Вальдемара II въ Эстонію и закладка Ревеля. — Крещеніе чуди-ревельцевъ. — Начало завоеванія лѣво-бережныхъ двинскихъ земель. — Взятіе Месотена. — Походъ на Вироніо. — Походъ на Гаррію. — Столкновеніе нѣмцевъ съ датчанами. — Крещеніе Вироніи. — Споры датчанъ съ нѣмцами. — Шведы въ Викѣ. — Епископъ Альбертъ въ Римѣ. — Соглашеніе его съ Вальдемаромъ II. — Осада Ревеля эзельцами. — Сдѣлка съ архіепископомъ лундскимъ. — Походъ русскихъ. — Датчане на Эзелѣ. — Возстаніе въ Эстоніи. — Русскіе въ Эстоніи. — Усмиреніе возстанія. — Осада и взятіе Юрьева. — Общее замиреніе.

(1218—1224).

Король Вальдемаръ II датскій не даромъ получилъ прозваніе „Побѣдоноснаго“. Онъ продолжалъ завоеванія своихъ предшественниковъ. Вступивъ на датскій престолъ въ 1202 г. (см. выше стр. 91), онъ воспользовался взятіемъ въ плѣнъ графа Адольфа Шауенбургскаго, чтобы отобрать отъ него, въ видѣ выкупа изъ плѣна, Лауенбургъ и имперскій ленъ Голштейнъ, и умѣлъ такъ повести дѣла, что Фридрихъ II въ 1214 г , не будучи еще германскимъ королемъ, утвердилъ за Даніею нѣмецкія владѣнія по ту сторону Эльбы и Эльды и всѣ завоеванія, какія были сдѣланы датчанами въ землѣ вендовъ. Въ томъ же 1214 г. графы шверинскіе, братья Генрихъ и Гунцелинъ, вынуждены были признать датскаго короля своимъ леннымъ государемъ. Въ 1217 г. состоялся бракъ его побочнаго сына, графа Николая Голландскаго, съ единственною дочерью Гунцелина, отдавшаго половину своихъ родовыхъ имѣній въ Шверинѣ въ видѣ приданаго за дочерью. Такимъ образомъ Вальдемаръ II, независимо коренныхъ датскихъ земель, явился владѣтелемъ Помераніи, Мекленбурга, Голштейна, Гамбурга и Любека, и отчасти Шверина. Къ 1218 г. онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ государей Европы, располагающимъ кромѣ значительно большого сухопутнаго войска (вслучаѣ лединга, т. е. военнаго похода все датское дворянство должно было становиться въ ряды войска) еще и значительнымъ флотомъ, потому что землевладѣльцы обязаны были, смотря по стоимости ихъ земельныхъ участковъ, выставлять въ распоряженіе короля извѣстное число кораблей и матросовъ.

Въ іюнѣ 1218 г. въ Шлезвигѣ происходилъ сеймъ, на которомъ присутствовало 15 епископовъ, въ томъ числѣ Альбертъ и Теодорихъ. По всей вѣроятности, здѣсь епископъ Альбертъ и просилъ Вальдемара II

помощи и присылки въ Эстонію флота для покоренія эстовъ и противодѣйствія русскимъ нападать на ливонскую церковь. Король обѣщалъ оказать помощь и прибыть въ Эстонію, но лишь въ будущемъ 1219 году. Генрихъ пишетъ (гл. XXII, § 1), что король далъ обѣщаніе прибыть въ Эстонію какъ въ честь Пресвятыя Дѣвы, такъ и ради прощенія грѣховъ своихъ, т. е. обѣщалъ предпринять обыкновенный крестовый походъ безъ всякихъ видовъ на расширеніе владѣній Даніи въ нынѣшней Эстляндской губерніи, но это не такъ: король Вальдемаръ рѣшился на походъ не безкорыстно, не съ цѣлію способствовать успѣхамъ ливонской церкви, а прямо съ цѣлію увеличить датскія владѣнія, потому что исходатайствовалъ у преемника Иннокентія III, папы Гонорія III, буллу, предоставляющую королю Вальдемару II всѣ земли въ Эстоніи, жители которыхъ будутъ обращены имъ изъ язычества въ христіанство. Такая булла состоялась 9 октября 1218 г. (см. Бунге Urkundenbuch № 41. а), слѣд. предшествовала высадкѣ короля въ Эстоніи и указывала, что король исходатайствовалъ ее, чтобъ заручиться правомъ на присоединеніе къ своимъ владѣніямъ земель, нредполагаемыхъ къ покоренію.

Епископъ Альбертъ въ 1218 г. не возвращался въ Ригу. Онъ остался въ Германіи для проповѣди крестоваго похода. Здѣсь ему удалось привлечь къ крестовому походу сына мекленбургскаго (вендскаго) князя Борвина I, Генриха, и другихъ. Всѣхъ крестоносцевъ онъ отиравилъ въ Ригу, поручивъ управленіе ливонскими дѣлами вмѣсто себя гальберштатскому декану и князю Генриху.

По всей вѣроятности, Генрихъ Борвинъ (Burevinus по Генриху, Барвинъ Вентландскій по Рифмованной Хроникѣ) съ крестоносцами нрибылъ въ Ригу въ концѣ іюля 1218 г.

Во второй половинѣ августа 1218 г., когда спали лѣтніе жары, въ Ригѣ задумали сдѣлать походъ на ревельцевъ и гаррійцевъ, не желавшихъ подчиняться нѣмцамъ (все еще мятежныхъ и болѣе свирѣпыхъ чѣмъ другіе эстонцы, пишетъ Генрихъ въ гл. XXII, § 2). Въ походъ этотъ снарядились Генрихъ Борвинъ съ крестоносцами, Волквинъ съ орденскою братію, рижане и крещеные ливы и латыши. Предположено было идти на Феллинъ и уже отсюда вторгнуться въ гаррійскія и ревельскія земли. Начальники нѣмецкаго войска, Борвинъ и Волквинъ, не знали, что въ то самое время, когда они готовились къ походу на Эстонію, на нихъ самихъ готовилось нападеніе русскихъ.

Было выше сказано (см. выше стр. 197), что весною 1218 году новгородцы, снаряжаясь къ походу, разослали гонцевъ по Эстоніи звать чудь къ общему нападенію на нѣмцевъ. Въ походъ снарядились князья Святославъ Новгородскій, Владиміръ Псковскій со своимъ сыномъ Ярославомъ (Gercelaw по Генриху) и сборнымъ пунктомъ для своихъ войскъ и эзельцевъ, кажется, назначили Юрьевъ.

Сюда въ августѣ 1218 г. собралось русское войско въ числѣ 16000 человѣкъ, и въ то время когда нѣмецкое войско вступило въ Феллинъ, русскіе, пишетъ Генрихъ, начали переправляться чрезъ Матерь Водъ. Предводители нѣмецкаго войска, по прибытіи въ Феллинъ, захватили въ Саккалѣ русскихъ гонцевъ, разосланныхъ по эстонщинѣ для призыва чуди къ общему дѣйствію, и отъ нихъ узнали, что русскіе идутъ на латышскія и ливскія земли по направленію къ Вирцъ-ервскому озеру. Борвинъ и Волквинъ тотчасъ же оставили Феллинъ, пошли назадъ по той же самой дорогѣ, по которой пришли, и направились противъ русскихъ въ Унганію. Встрѣча произошла, полагать надобно, недалеко отъ южной конечности Вирцъ-ервскаго озера. Нѣмецкое войско атаковало русскихъ съ большимъ уснѣхомъ; русскіе потеряли свои знамена и принуждены были отступить. Преслѣдованіе продолжалось на разстояніи верстъ 15, пока русскіе достигли какой-то рѣчки. Переправившись чрезъ эту рѣку, они остановились, построились, стали бить въ бубны и трубить въ трубы (percusserunt tympanam et fistulas suas). Князья обходили войско и ободряли его. Нѣмецкое войско, подойдя къ рѣчкѣ, остановилось. Ливы и латыши, замѣтивъ многочисленность русскихъ, разбѣжались, осталось сотни двѣ нѣмцевъ, говоритъ Генрихъ, которые и должны были отступить. Русскіе влѣдствіе этого безпрепятственно вступили въ латышскія земли по Имерѣ, опустошили ихъ, сожгли католическія церкви и пришли къ Ропу въ ливской землѣ. Здѣсь князь Владиміръ Псковскій исполнилъ то, чѣмъ грозилъ священнику Алобранду (см. выше стр. 179): разорилъ священническій домъ Алобранда до тла, выжегъ церкви, перебилъ мущинъ, женщинъ и дѣтей забралъ въ плѣнъ, сжегъ сжатый хлѣбъ. Между тѣмъ его сынъ, Ярославъ, подступилъ къ Вендену, бился съ рыцарями цѣлый день, потомъ перенравился чрезъ Койву, опустошилъ все встрѣчное, причинилъ зло, какое только могъ сдѣлать, пишетъ Генрихъ.

Тутъ только Борвинъ, Волквинъ и рижане пошли противъ русскихъ, встрѣтили ихъ отрядъ подъ деревнею Имме (между Ропомъ и Трейденомъ), и разбили его. Русскіе тогда переправились обратно чрезъ Койву, снова осадили Венденъ, но видя невозможность взять этотъ замокъ, отступили на Трикатенъ, отсюда вступили въ Унганію и за тѣмъ совсѣмъ вышли изъ края. Придя въ Унганію, русскіе узнали, что литовцы, во время отсутствія князей Святослава и Владиміра, сдѣлали набѣгъ на новгородскія и псковскія земли и разорили часть Пскова.

Такъ разсказываетъ Генрихъ о походѣ русскихъ подъ Венденъ. Въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 1553—1612 описывается сраженіе съ русскими подъ Имменкулемъ и Огенгузеномъ (Имменкуль — это, конечно, Имме по Генриху, нынѣ имѣніе Инцгемъ), въ которомъ

русскіе потерпѣли сильное пораженіе: потерявъ человѣкъ 500 убитыми, они поспѣшно бѣжали въ свои предѣлы.

Въ русскихъ лѣтописяхъ о походѣ Святослава и Владиміра подъ Венденъ въ 1218 г. не упоминается ни слова, быть можетъ и потому, что этотъ походъ не имѣлъ ровно никакихъ послѣдствій. Генрихъ говоритъ, что латыши вслѣдъ за отступившими русскими вступили въ псковскія земли и разорили ихъ, упоминаетъ также, что съ русскими подъ Венденомъ были только гаррійцы, саккаланы же на помощь русскимъ не явились, не пришли и эзельцы, но за то послѣдніе на корабляхъ подходили къ Динаминду, взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ съ острововъ, забрали не мало скота и убили одного отшельника.

Послѣ отступленія отъ Вендена, псковичи прислали гонца въ Ригу сказать, что они хотятъ заключить миръ съ нѣмцами. Но ихъ предложенія (consilia eorum) были, говоритъ Генрихъ въ гл. XXII, § 8, всегда злые и преисполнены обмана (omni dolo plena). По видимому, предложенія не были приняты: псковичи и новгородцы остались, по прежнему, во враждебныхъ отношеніяхъ къ епископу и ордену.

Въ Новгородѣ между тѣмъ произошла перемѣна: великій князь Кіевскій прислалъ въ Новгородъ своего сына Всеволода объявить новгородцамъ: пріимете себѣ князя Всеволода, а Святослава старѣйшаго пустите ко мнѣ. Новгородцы же волю створиша, говоритъ лѣтописецъ (П. С. Р. Л. III, 37). Смуты не замедлили обнаружиться при новомъ князѣ: какой-то Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ въ 400 человѣкъ пошелъ на финское племя Тоймокаровъ. Суздальскіе князья, Юрій и Ярославъ, не пропустили его чрезъ свои владѣнія. Еминъ съ товарищами долженъ былъ возвратиться и сталъ распускать слухъ, будто посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно посылали къ Юрію, чтобъ онъ не пропускалъ новгородцевъ. Городъ взволновался этими слухами: Твердислава и Якуна смѣнили, посадничество отдали Семену Борисовичу, внуку извѣстнаго Мирошки, слѣд. одному изъ вожаковъ суздальской партіи, а тысяцкимъ поставили самаго Емина. Такія перемѣны князей и борьба партій несомнѣнно обезсиливали Новгородскую Русь и были какъ нельзя болѣе на руку какъ нѣмцамъ для ихъ утвержденія въ Ливоніи, такъ и литовцамъ, не встрѣчавшимъ надлежащаго отпора своимъ разбойническимъ набѣгамъ. Генрихъ пишетъ, что литовцы въ то время, когда князья Святославъ и Владиміръ ходили на Ливонію, разорили псковскія и новгородскія земли, и хотя ни въ первой Новгородской, ни въ первой Псковской лѣтописяхъ вовсе не упоминается о набѣгахъ литвы въ 1218 г., но отрицать фактъ ихъ набѣга не возможно, потому что въ тѣ времена это было дѣло самое обыкновенное. Литовскія партіи безпрерывно тревожили сосѣдей, и самъ Генрихъ не упоминаетъ, напримѣръ, о ли-

товскомъ набѣгѣ, который разсказанъ въ стихахъ 1423—1552 Рифмованной Хроники и который происходилъ, по всей вѣроятности, зимою 1218 г. по удаленіи русскихъ изъ подъ Вендена. По разсказу Рифмованной Хроники, партія литовцевъ человѣкъ въ 1500 (предводимыхъ, думаю, пишетъ авторъ Хроники, дьяволомъ, tuvel) пробралась изъ Семигаліи на Эзель, воспользовавшись тѣмъ, что море замерзло. Ограбивъ тутъ что было можно, литва пробралась по льду на островъ Монъ, грабила тутъ и отсюда перешла въ Эстонію, разорила Викъ, Ервенъ, дошла до Нурмегунда, отсюда повернула въ Саккалу и землю латышей, предавая разоренію все встрѣчное. Гоня предъ собою скотъ и илѣнныхъ, литовцы направились къ Двинѣ, чтобы, пройдя по льду чрезъ эту рѣку, возвратиться домой. Они и ушли бы безнаказанно, если бы начальники нѣмецкихъ гарнизоновъ въ подвинскихъ орденскихъ замкахъ, Ашераденѣ и Ленневарденѣ. во время не провѣдали о ихъ возвращеніи. Они собрали войско и орденскій братъ Лупрехтъ напалъ гдѣ-то на грабителей, когда они уже пробрались къ Двинѣ, разбилъ ихъ на голову и отбилъ илѣнныхъ и добычу. Побѣдители освободили плѣнныхъ, но награбленную литвою добычу раздѣлили между собою.

Нападеніе русскихъ на Венденъ отвлекло нѣмцевъ отъ похода на ревельскія земли, къ которому они приготовились. Они не бросили своего намѣренія, напротивъ рѣшились привести его въ исполненіе. Великимъ постомъ 1219 г. (постъ начался въ этомъ году съ 19 февраля), Борвинъ съ крестоносцами, Волквинъ съ орденскою братіею, рижане и крещеные ливы и латыши выступили въ походъ на ревельскія земли, но уже не на Феллинъ, какъ шли въ прошломъ году, а на Сонтагану, куда пришли по морскому льду. Изъ Сонтаганы христіанское войско направилось къ нынѣшнему Ревелю. Тутъ, разсказываетъ Генрихъ, самъ участвовавшій въ этомъ походѣ, подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и наступилъ такой сильный морозъ, что одни поотмораживали себѣ носы, другіе руки, иные ноги, и „у всѣхъ у насъ, когда мы вослѣдствіи воротились домой, сошла кожа съ лица и отросла новая, а нѣкоторые послѣ умерли“. Морозъ, однако, не воспрепятствовалъ христіанамъ произвести въ ревельской землѣ разоренія, пожары и убійства. Они много захватили полону, скота и всякой добычи и обратно домой пошли по льду. „Придя къ Салитзѣ (рѣка Салисъ) мы, говоритъ Генрихъ, подѣлили между собою всю добычу, и возвратились въ Ливонію съ радостію, яко веселятся побѣдители, дѣлящіе корысти“. Во время этого набѣга никто и рѣчи не заводилъ о проповѣди христіанства или крещеніи ревельцевъ. Очевидно, набѣгъ былъ сдѣланъ не во имя христіанства, а чисто для грабежа.

Мы видѣли, что епископъ Альбертъ, послѣ свиданія съ королемъ Датскимъ (см. выше стр. 199), остался въ Германіи для набора новыхъ

крестоносцевъ. На этотъ разъ его проповѣдь привлекла къ крестовому походу не мало знатныхъ людей. Рѣшились отправиться въ Ливонію Альбертъ герцогъ Саксонскій и Ангальтскій (Ангальтъ — его родовое имѣніе; въ герцогствѣ Саксонскомъ онъ наслѣдовалъ своему отцу Бернгарду), Родольфъ Стотельскій (Стотель недалеко отъ Бремерсгафена), одинъ бургграфъ (по всей вѣроятности магдебургскій), одинъ молодой графъ и многіе другіе. Слухи о томъ, что король датскій предпринимаетъ походъ на чудь, что папа предоставилъ королю право на владѣніе землями, которыя онъ покоритъ при этомъ походѣ, а, быть можетъ, и разсказы самаго Альберта объ успѣхахъ новоучрежденной ливонской церкви (Альбертъ часто бывалъ въ Магдебургѣ и изъ Магдебурга не мало вывелъ крестоносцевъ), пробудило зависть и алчность магдебургскаго архіепископа. Онъ задумалъ также пріобрѣсть и себѣ что либо если не въ самой Ливоніи, то въ земляхъ, лежащихъ за Ливоніею. Съ этою цѣлію онъ обратился къ германскому королю Фридриху II (съ 1220 г. императору) съ ходатайствомъ о дарственной грамотѣ на земли, находящіяся за Ливоніею, т. е. на Новгородскую Русь, о которой, очевидно, ни онъ, ни король не имѣли никакаго понятія. Фридрихъ II, выдать которому такую грамоту равно ничего не стоило, удовлетворилъ ходатайство архіепископа и 23 марта 1219 г. дѣйствительно подписалъ грамоту (см. Бунге Urkundenbuch, III, № 42, а), по которой дарилъ на вѣки архіепископу, его преемникамъ и магдебургской церкви земли язычниковъ за Ливоніею и близъ ея предѣловъ (ultra Livoniam et circa ipsius terminos), которыя будутъ обращены въ его, архіепископа, присутствіи или съ его содѣйствія въ христіанство, со всѣми свѣтскими и духовными правами. Само собою разумѣется, что эта дарственная грамота осталась лишь памятникомъ алчности магдебургскаго архіепископа и его совершеннаго незнанія къ какимъ странамъ прилегаетъ Ливонія; грамота эта никогда не приводилась въ исполненіе, да и не могла быть исполнена.

Весною 1219 г., когда открылось судоходство, епископъ Альбертъ съ названными выше крестоносцами прибылъ въ Ригу, и весною же этого года король датскій, исполняя свое обѣщаніе данное епископу Альберту въ прошломъ году, съ войскомъ на 1500 корабляхъ (cum mille quingentis longis navibus — пишутъ лѣтописцы, конечно, парусныхъ, ладьяхъ быть можетъ, по образцу ладей, на которыхъ скандинавы совершали свои плаванія) присталъ къ эстонскому берегу, гдѣ нынѣ Ревель. Съ королемъ прибылъ архіепископъ лундскій Андрей, тотъ самый, который уже былъ въ Ригѣ (см. выше стр. 122), епископъ шлезвигскій Николай, братъ архіепископа Андрея, Петръ епископъ Ротшильденскій или Аргунскій, исполнявшій должность канцлера короля, епископъ эстонскій Теодорихъ, посвященный Альбертомъ, который оставилъ ливонскую церковь по причинѣ нечеловѣческой свирѣпости язычниковъ, пишетъ Генрихъ въ XXXIII гл. § 1, и пристalъ

къ королю; прибылъ съ королемъ также Венцеславъ, славянскій (Рюгенскій) князь со своею дружиною. Все датское войско (численность его лѣтописцы не опредѣляютъ, но едва-ли оно было больше 5000 человѣкъ) высадилось на берегъ, обитаемый чудью-ревельцами, тамъ гдѣ стоялъ городокъ ревельцевъ, называвшійся Линданиссою. Король Вальдемаръ II приказалъ сломать этотъ городокъ и на его мѣстѣ построить настоящую крѣпостцу, замокъ. Эта крѣпостца, заложенная и построенная въ 1219 г. датчанами и дала начало нынѣшнему Ревелю. Слухъ о прибытіи изъ за моря датчанъ не замедлилъ распространиться между чудью, обитавшею по морскому прибрежью: чудь-ревельцы и чудь-гаррійцы собрались и подошли къ своему бывшему городку. 12 іюня 1219 г. они послали къ королю своихъ старшинъ, которые заявили готовность чуди креститься. Король повѣрилъ старшинамъ, одарилъ ихъ подарками, епископы крестили ихъ, и за тѣмъ эти старшины были отправлены къ своимъ. Датчане были увѣрены, что за старшинами примутъ крещеніе и прочіе жители и, надѣясь на мирное расположеніе ихъ, не принимали надлежащихъ мѣръ предосторежности, не разставили часовыхъ, не разсылали разъѣздовъ и пр. Вечеромъ 15 іюня 1219 г., когда датское войско поужинало и расположилось на ночлегъ, эстонцы внезапно напали на датскій лагерь съ пяти сторонъ и ворвались въ самый лагерь. Нѣкоторые изъ эстонцевъ бросились въ палатку, въ которой находился эстонскій епископъ Теодорихъ, и думая, что тутъ самъ король, умертвили его. Датчане, застигнутые въ расплохъ, начали отступать къ тому мѣсту, гдѣ находился король съ своимъ отрядомъ и потеряли въ общей суматохѣ и свалкѣ не мало людей, убитыхъ эстонцами. Торжество нападающихъ было, однако, не продолжительно: князь Венцеславъ, стоявшій со своею славянскою дружиною при спускѣ къ морю, замѣтивъ приближеніе эстонцевъ къ своему лагерю, немедленно же атаковалъ ихъ, разбилъ, началъ преслѣдованіе, убивая бѣгущихъ по дорогѣ. Другіе эстонцы, напавшіе на датскій лагерь, видя пораженіе своихъ, замялись, прекратили преслѣдованіе и тѣмъ дали время оправиться датчанамъ, которые, соединившись съ королевскимъ отрядомъ, тотчасъ же перешли въ наступленіе и безъ труда разсѣяли нестройныя массы чуди.

Дружины датскія, славянскія погнались за бѣгущими и во время преслѣдованія убили 1000 человѣкъ. Побѣда была полная, но иначе и быть не могло: король привезъ съ собою опытное, искусное въ военномъ дѣлѣ и хорошо вооруженное войско, противостоять которому, конечно, не могли плохо вооруженные и не знавшіе военнаго искуства эстонцы. Король и епископы возблагодарили Господа Бога за побѣду надъ язычниками, и за тѣмъ на мѣсто убитаго епископа Теодориха поставили эстонскимъ епископомъ королевскаго капелана Весселина. Когда новозаложенный замокъ былъ отстроенъ на столько, что въ немъ

можно было уже жить, король Вальдемаръ II отправился обратно въ Данію, оставивъ въ новомъ замкѣ надлежащій гарнизонъ и иредоставивъ въ распоряженіе епископовъ свою дружину. Епископы съ королевскою дружиною (cum viris regis) весь 1219 г. бились съ чудью-ревельцами до тѣхъ поръ, пишетъ Генрихъ, пока тѣ наконецъ приняли крещеніе. Генрихъ не прибавляетъ, что новокрещенные съ ихъ землею составили епископство ревельское, подчинившееся уже не рижскому епископу, а архіепископу лундскому.

Укрѣпившись въ новопостроенномъ замкѣ, и присоединивъ къ католичеству чудь-ревельцевъ, датчане не замедлили вступить въ другія эстонскія земли, покоряя ихъ власти датскаго короля, но никакъ ужъ не ливонской церкви.

Посмотримъ теперь, что происходило въ Ригѣ, куда епископъ Альбертъ возвратился, какъ сказано выше, весною 1219 г., привезя съ собою изъ Германіи многихъ знатныхъ крестоносцевъ. Онъ просилъ помощи у датскаго короля, конечно, вовсе не для того, чтобъ датчане утверждались въ Эстоніи и явились соперниками нѣмцевъ, но, однакоже, воинственный король Вальдемаръ II былъ не изъ такихъ людей, чтобы оказывать кому-либо безкорыстную помощь. Предварительно похода, онъ уже заручился папскою буллою, предоставлявшею ему владѣніе всѣми языческими землями, какія онъ завоюетъ и обратитъ въ христіанство, и когда заложилъ Ревель, то, конечно, уже и не думалъ объ интересахъ ливонской церкви. Власть надъ Эстоніею ускользала отъ Альберта, но за то ему открывались богатые виды на скорое овладѣніе землями по лѣвой сторонѣ Двины, землями, составляющими нынѣ Курляндскую губернію. Онъ уже и прежде имѣлъ виды на эти земли, когда посвятилъ динаминдскаго аббата Бернарда въ курляндскіе епископы задолго до походовъ на земли семигалловъ и куроновъ, но отвлекаемый борьбою съ чудью и русскими оставлялъ въ покоѣ лѣво-бережныхъ двинскихъ латышей. Теперь наступила очередь и до нихъ.

Курляндскіе латыши жили по сосѣдству съ литовцами-жмудинами (самогитами, самаитами по латинскому произношенію) и, конечно, сильно страдали отъ разбойничьихъ набѣговъ этихъ во всякомъ случаѣ отважныхъ сосѣдей. Пограничные со Жмудью семигаллы въ особенности не знали покоя отъ литовцевъ и постоянно враждовали съ ними. Когда епископъ Альбертъ весною 1219 г. прибылъ въ Ригу, къ нему пришли послы отъ семигалловъ изъ Месотена (Semigalli de Meseyten называетъ ихъ Генрихъ въ гл. XXIII, § 3 лѣтописи; Месотенъ это семигальскій городокъ на рѣкѣ Курляндской Аа, недалеко отъ нынѣшняго Бауска), съ просьбою о помощи противъ жмудиновъ. Епископъ обѣщалъ помочь, но не иначе какъ послѣ принятія католичества всѣми месотенцами. Послы отвѣчали, что, принявъ христіанство, месотенцы не избавятся отъ литовцевъ и навлекутъ на себя

вражду другихъ семигалловъ: пусть епископъ иришлетъ своихъ мужей въ Месотенъ для защиты этого города, пусть они живуть въ этомъ городкѣ и поучаютъ христіанскому закону месотенцевъ. Епископъ согласился, и, отправляя пословъ, послалъ вмѣстѣ съ ними и своего гонца развѣдать дѣло на мѣстѣ и узнать согласны-ли месотенцы, остававшіеся дома, креститься. Отвѣтъ получился удовлетворительный и месотенскіе послы снова прибыли въ Ригу съ прежнимъ предложеніемъ. Тогда Альбертъ съ герцогомъ Саксонскимъ, крестоносцами, протоіереми церкви св. Маріи и своею дружиною отправился въ Семигаллію и, ставъ у городка Месотена, созвалъ къ себѣ всѣхъ семигалловъ этой мѣстности. Тѣ собрались, приняли крещеніе (крестилось, пишетъ Генрихъ, 300 мущинъ, не считая женъ и дѣтей). За тѣмъ Альбертъ, оставивъ въ Месотенѣ въ видѣ гарнизона часть своей дружины и нѣкоторыхъ крестоносцевъ, иославъ въ Ригу приказаніе доставить сюда на ладьѣ по рѣкѣ Курляндской Аа все что нужно для гарнизона, возвратился съ герцогомъ и прочими въ Ригу. Здѣсь епископъ составилъ планъ учрежденія Селонскаго епископства съ назначеніемъ границъ ему. Планъ и границы епископства были утверждены папою Гоноріемъ III 25 октября 1219 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 43). Новое епископство ввѣрялось Бернарду, о которомъ была рѣчь выше (см. стр. 160).

Слухъ о появленіи въ Месотенѣ нѣмецкаго гарнизона быстро разошелся между семигаллами и въ особенности встревожилъ Вестгарда, старшину сосѣдней съ Месотеномъ семигальской Терветенской земли, того самаго Вестгарда, который былъ усерднымъ союзникомъ рижанъ (см. выше стр. 108), и встревожилъ не по напрасну, потому что Вестгардъ, участвуя въ походахъ съ рижанами, очень хорошо понималъ, къ чему повлечетъ появленіе нѣмецкаго гарнизона въ Семигалліи: онъ задумалъ изгнать нѣмцевъ, собралъ войско со своей земли и осадилъ Месотенъ. Осада не удалась. Потерявъ при осадѣ своего племянника, убитаго стрѣлою, Вестгардъ отступилъ отъ Месотена и, провѣдавъ, что изъ Риги плывутъ нѣмцы по рѣкѣ въ Месотенъ, поспѣшно пошелъ противъ нихъ, подстерегъ ладью на неглубокомъ мѣстѣ, напалъ на нее, убилъ на ней человѣкъ 30 нѣмцевъ, въ томъ числѣ и священника Зегегарда, посланнаго въ Месотенъ изъ Динаминдскаго монастыря на службу къ епископу семигальскому Бернарду, мѣстопребываніе которому предназначалось въ Месотенѣ. Нѣкоторые изъ нѣмцевъ спаслись и бѣжали въ Ригу.

Месотенскій гарнизонъ, лишившись такимъ образомъ всего, что имъ нужно было на годъ, и видя себя окруженнымъ ожесточенными врагами христіанства, удалился въ Ригу. Новокрещенные месотенцы тогда отреклись отъ христіанства и вошли въ союзъ съ прочими семигаллами и литовцами противъ рижанъ, ливовъ и всѣхъ христіанъ. Союзники вошли въ Месотенъ, сильно укрѣпили его и сдѣлали набѣгъ на гольмскихъ ливовъ, при чемъ ограбили ихъ и нѣкоторыхъ убили. Гольмскіе ливы не замедлили за набѣгъ отом-

стить набѣгомъ; и такимъ образомъ началась открытая война между этими народцами.

Епископъ Альбертъ и герцогъ Саксонскій, когда узнали объ убіеніи Вестгардомъ нѣмцевъ, начали готовиться къ походу на семигалловъ, разославъ гонцевъ къ ливамъ и латышамъ, чтобъ и они приготовились къ войнѣ.

Латыши въ это время не бездѣйствовали. Изъ подъ Кукейноса и изъ другихъ орденскихъ земель они ходили войною на псковскія земли и не безъ успѣха: ограбили кое-какія деревни, перебили мущинъ, захватили въ плѣнъ женщинъ. Псковичи не оставили безъ отомщенія набѣга: осенью 1219 г. опустошили латышскія земли, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. XXIII, § 5 своей лѣтописи. О латышскомъ набѣгѣ въ первой Новгородской лѣтописи не упоминается, но, однакоже, подъ 6727 (1219) годомъ отмѣчено: „Томъ же лѣтѣ иде князь Всеволодъ (смѣнившій, какъ сказано выше, своего брата въ Новгородѣ) съ новгородцы къ Пертуеву, и устрѣтоша сторожи нѣмцы, литва, либь, и бишася; и пособи Богъ новгородцамъ, идоша подъ городъ и стояша двѣ недѣли, не взяша города и придоша здорови". Очень возможно, что этотъ походъ Всеволода и былъ предпринятъ для отомщенія латышамъ, походъ, оставшійся, какъ и многіе предшествовавшіе ему, безъ всякихъ важныхъ послѣдствій.

Начальникъ Венденскаго замка, Рудольфъ, занявшій этотъ постъ послѣ Бертольда, убитаго въ сраженіи подъ Одемпе въ 1217 г. (см. выше стр. 191), созвалъ латышей, чтобы итти на отраженіе русскихъ, но когда русскіе отступили, то собранное войско онъ не повелъ на преслѣдованіе ихъ, а направился въ Саккалу. Забравъ съ собою саккаланъ, Рудольфъ вступилъ въ Ервенъ и поразилъ этотъ край великою казнію (plaga magna) подъ предлогомъ, что ервенцы ходили на помощь ревельцамъ противъ датчанъ. Ервенскіе старшины явились къ Рудольфу съ заявленіемъ, что они въ прошломъ 1218 г. заключили уже миръ съ христіанами предъ Альбертомъ графомъ Лауенбургскимъ, что уже приняли крещеніе и потому просятъ Рудольфа увести изъ ихъ земли свое войско. Рудольфъ выступилъ изъ Ервена, но взялъ заложниковъ съ этой земли въ томъ, что ервенцы будутъ исполнять и вѣру, и всѣ повинности, принятыя на себя; другими словами не отойдутъ отъ ливонской церкви къ датчанамъ. Генрихъ пишетъ (гл. XXIII, § 6), будто старшины сказали Рудольфу, чтобъ онъ поскорѣе возвращался назадъ и шелъ на Виронію (мѣстность, прилегающая къ Пейпусу и Финскому заливу) для наложенія и тамъ ига христіанства. Орденская братія, говоритъ Генрихъ, послушалась совѣта старшинъ, обѣщая придти, но тутъ, конечно, не совѣты старшинъ играли главную роль: орденской братіи дѣло шло о томъ, чтобъ предупредить датчанъ и овладѣть восточною частію нынѣшней Эстляндской губерніи прежде чѣмъ сюда явятся датскіе проповѣдники и войска. Объявленный уже было походъ на Вестгарда и семигалловъ былъ отложенъ на

нѣкоторое время (покореніемъ семигалловъ никто не угрожалъ), а все вниманіе орденской братіи и крестоносцевъ обратилось на Виронію.

Рудольфъ, по возвращеніи изъ Ервена, сформировалъ значительно большое войско, призвалъ къ походу ливовъ и латышей, унганійцевъ и саккаланъ, епископскую дружину и крестоносцевъ. Войско это прошло чрезъ Саккалу, вступило въ Ервенъ, забрало съ собою ервенцевъ и вошло въ Виронію, направляясь къ Пейпусу. Здѣсь никто не ожидалъ нападенія и потому войско Рудольфа не встрѣтило нигдѣ сопротивленія, разсѣялось по всей землѣ и пять дней опустошало ее, избивая по обычаю мущинъ, захватывая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, сгоняя скотъ и стаскивая добычу на сборныя мѣста (нѣмцы стали въ большой деревнѣ Тувинѣ, нынѣ Торма; ливы и латыши въ Аниспѣ, нынѣ Ависне въ мало-маріинскомъ кирхшпилѣ; саккаланы стали лагеремъ въ землѣ, принадлежащей ревельцамъ; ервенцы въ своей землѣ, унганійцы же опустошили сѣверные берега Пейпуса и заняли тутъ мѣстность, называемую Пудурномъ). Избіеніе людей (Генрихъ пишетъ, что было избито нѣсколько тысячъ человѣкъ) продолжалось до тѣхъ поръ пока оставшіеся въ живыхъ виронскіе старшины не пришли къ Рудольфу и не запросили мира. Рудольфъ согласился дать миръ, если вся Виронія приметъ католичество и подчинится ливонской церкви. Вironцамъ ничего не оставалось дѣлать какъ согласиться на всѣ условія, какія только ни предложилъ Рудольфъ. Виронія въ тѣ времена состояла изъ пяти округовъ; отъ каждаго округа Рудольфъ взялъ заложниковъ и по одному старшинѣ, и за тѣмъ повелъ войско обратно домой. И заложники и старшины были приведены въ Ригу. Здѣсь старшины были крещены и передали себя и всю Виронію, пишетъ Генрихъ, лично участвовавшій въ этомъ походѣ, Пресвятой Дѣвѣ и ливонской церкви. Цѣль похода такимъ образомъ была достигнута: орденская братія предупредила датчанъ и епископу Альберту явилась возможность, вслучаѣ притязаній датчанъ на Виронію, заявить, что эта земля уже крещена нѣмцами и сами старшины передали ее ливонской церкви.

Епископъ Альбертъ не покидалъ, однакоже, мысли объ утвержденіи своемъ на лѣвомъ берегу Двины и объ овладѣніи семигальскимъ городкомъ Месотеномъ, принявшимъ было христіанство, но послѣ отложившимся отъ церкви. Епископу было извѣстно, что Месотенъ, послѣ ухода изъ него нѣмцевъ, былъ сильно укрѣпленъ и потому для овладѣнія имъ требовались значительныя силы. Предложено было выступить въ походъ послѣ Рождества 1219 г., но дожди и оттепель помѣшали походу и только послѣ Срѣтенія (послѣ 2 февраля 1220 г.) явилась возможность начать объявленный еще прежде походъ. Собралось многочисленное войско, состоявшее изъ 4000 нѣмцевъ и 4000 ливовъ и латышей. Въ походъ двинулся самъ Альбертъ съ герцогомъ Саксонскимъ и крестоносцами и орденскимъ магистромъ. При войскѣ везли большую стѣнобитную машину и все что нужно для

осады. Достигнувъ Месотена, войско обложило этотъ городокъ и начало его осаду. Осажденные мужественно оборонялись до тѣхъ поръ пока не были поставлены камнеметныя машины. Герцогъ Саксонскій лично управлялъ дѣйствіемъ машинъ и металъ въ городокъ огромные камни, причинявшіе большой вредъ осаждаемымъ. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, осажденные запросили мира и отправили къ епископу старшинъ для переговоровъ. Имъ сказали, что они должны сдать Месотенъ въ безусловное распоряженіе нѣмцевъ. Старшины не согласились на это, и бой возобновился съ особенною силою. Осаждающіе приготовились зажечь городокъ; тогда осажденные покорились безусловно и начали выходить изъ городка, сдаваясь войску. Не успѣли всѣ выдти и сдаться, какъ около полудня на выручку Месотена подоспѣлъ Вестгардъ съ литовцами и своими семигаллами. Оставивъ часть войска подъ городкомъ, предводители съ другою частью направились на отраженіе Вестгарда, который былъ безъ труда прогнанъ, потому что у него литовцы не хотѣли вступать въ бой съ нѣмцами и покинули его. Въ то время, когда происходило дѣло съ Вестгардомъ, люди, оставшіеся подъ городкомъ, безъ вѣдома предводителей и безъ всякой нужды, умертвили болѣе сотни семигалловъ, которые вышли изъ городка и сдались нѣмцамъ Оставшіеся въ городкѣ люди, видя избіеніе своихъ старшинъ и земляковъ, не хотѣли сдаваться и нѣмцы снова начали бой. Обороняться не было возможности; осажденные запросили мира и сохраненія жизни. Нѣмцы позволили имъ всѣмъ выдти изъ городка и сами заняли его. Обобравъ до чиста все, что было можно увезти или угнать съ собою, христіанское войско сожгло до тла Месотенъ и возвратилось домой, а оставшіеся въ живыхъ защитники этого городка разошлись по своимъ деревушкамъ, не подозрѣвая, конечно, что всѣ ихъ земли, не имѣвшія ни одного христіанскаго храма, не видѣвшія ни одного христіанскаго священника, вошли уже въ составъ Селонскаго епископства, будущіе предѣлы котораго Альбертъ обозначилъ, а папа утвердилъ.

Было выше сказано, что датчане весь 1219 г. провели въ борьбѣ съ чудью-ревельцами пока наконецъ принудили ихъ креститься и всѣ земли ихъ подчинили своей власти. Такимъ образомъ къ концу 1219 г. они съ восточной стороны подошли близко къ землямъ Вироніи, недавно предъ тѣмъ посѣщеннымъ орденскою братіею и присоединеннымъ къ ливонской церкви, и съ южной стороны къ землямъ чуди-ервенцевъ и чуди-гаррійцевъ. Въ Ригѣ очень хорошо понимали, что датчане никакъ не ограничатся пріобрѣтеннымъ, а непремѣнно пойдутъ дальше и возьмутъ себѣ все, гдѣ еще не побывала орденская братія, слѣд. необходимо было, не откладывая дѣла, предупредить датчанъ и присоединить къ ливонской церкви то, что еще не было присоединено. Ервенцы еще въ 1218 г. дали заложниковъ, подчинились ливонской церкви, обѣщали платить оброкъ, что было главное, и при-

нять крещеніе, какъ предметъ второстепенный (самъ Генрихъ выдаетъ это, когда въ гл. XXIII, § 9 пишетъ: et tam censum suum annuatim solvere, quam baptismum recipere fuerant parati, ставя оброкъ и дань впереди крещенія), но гаррійцы не были еще закрѣплены за ливонскою церковію такъ, какъ были закрѣплены ервенцы. Вслѣдствіе этого въ Ригѣ рѣшились забрать гаррійскія земли прежде чѣмъ они достанутся датчанамъ. Медлить было нельзя: подходило весеннее время и можно было предполагать, что съ открытіемъ судоходства датчане пришлютъ въ новозаложенный замокъ свѣжія войска, которыя и займутъ то, что еще можно было безъ особеннаго труда и хлопотъ присоединить къ ливонской церкви. Вотъ почему епископъ Альбертъ не распустилъ по домамъ возвратившееся изъ подъ Месотена войско, а, давъ ему двухънедѣльный отдыхъ, двинулъ въ походъ на Гаррію. Герцогъ Альбертъ Саксонскій съ крестоносцами, Волквинъ съ орденскою братію, братъ епископа Теодорихъ (возвратившійся изъ Новгородскаго плѣна неизвѣстно, впрочемъ, какими судьбами, былъ-ли выкупленъ или просто отпущенъ по ходатайству епископа) съ епископскою дружиною, ливы и латыши въ мартѣ 1220 г. тронулись въ путь и пройдя Саккалу, вступили въ Нурмегундъ, чтобы отсюда итти въ Гаррію чрезъ земли ервенцевъ. Приблизясь къ пограничнымъ ервенскимъ землямъ, они увидѣли, что деревни въ этихъ земляхъ уже пылаютъ, что слѣд. сюда уже вторгся какой-то непріятель. То были озилійцы (эзельцы). Они, пишетъ Генрихъ, бросили жребій и спросили своихъ боговъ куда лучше направиться, на датчанъ-ли подъ новопостроенный замокъ или на Ервенъ. Жребій выпалъ идти на Ервенъ, сюда озилійцы и вторглись, предавая все встрѣчное огню и мечу, именно въ то самое время, когда христіанское войско подходило къ границамъ этой земли. Завидѣвъ пожаръ и узнавъ отъ бѣжавшихъ кто грабитъ ихъ земли, герцогъ Альбертъ и Волквинъ поспѣшили ударить на грабителей, сборнымъ пунктомъ которыхъ была на этотъ разъ деревня Каретенъ (подъ нынѣшнемъ Вейсенштейномъ). Здѣсь произошло сраженіе: озилійцы бились отчаянно, но потерпѣли совершенное пораженіе; едва-ли кто изъ нихъ спасся: они погибли въ бою или же были истреблены во время бѣгства. На полѣ сраженія оказалось убитыхъ человѣкъ 500, но по дорогамъ, полямъ и лѣсамъ убито больше. Вся награбленная добыча и полонъ были отбиты у разбойниковъ; плѣнныхъ отпустили по домамъ, но ограбленнаго имущества имъ не отдали: оно пошло въ дѣлежъ между нѣмцами и латышами, такъ какъ ливы и саккаланы въ сраженіи не участвовали. Изъ подъ Каретена христіанское войско вступило въ Гаррію, въ авангардѣ шли ливы и саккаланы, предавая истребленію все встрѣчное. Нѣмцы шли сзади, причиняя такое же зло (similia mala facieḃant, говоритъ Генрихъ въ гл. XXIII, § 9). Занявъ Гаррію, нѣмцы съ латышами стали станомъ въ срединѣ Гарріи въ деревнѣ Лонѣ, ливы устроили свой станъ въ

другомъ мѣстѣ, а саккаланы стали въ ревельской землѣ, находившейся уже подъ властію датчанъ.

Варбольцы немедленно прислали нѣмцамъ своихъ пословъ съ просьбою о мирѣ, который и былъ имъ данъ съ обычнымъ условіемъ креститься и дать заложниковъ. Варбольцы согласились, дали заложниковъ и тѣмъ спасли свои земли отъ разоренія. Между тѣмъ саккаланы, вопреки запрещенію своихъ старшинъ и нѣмецкихъ предводителей войска, ограбили нѣкоторыя окрестныя ревельскія земли, гдѣ стояли станомъ, и которыя уже приняли датскую проповѣдь. Этимъ грабежомъ они поставили нѣмцевъ въ непріятныя отношенія къ датчанамъ, для улаженія которыхъ нѣмцы не замедлили отправить пословъ въ новоотстроенный датскій замокъ къ архіепископу Андрею и находившимся тутъ другимъ епископамъ (Николай Шлезвигскій, Петръ Аргунскій, Висселинъ Эстонскій). Архіепископъ принялъ пословъ, но тотчасъ же послалъ въ нѣмецкій станъ датскихъ королевскихъ мужей заявить, что вся Эстонія принадлежитъ датскому королю, какъ переданная ему епископами ливонскими (totam Estoniam regis esse Danorum sibi ab episcopis traditam Livoniensibus), и что варбольскіе заложники должны быть переданы датчанамъ, а не отвозимы въ Ригу.

По всей вѣроятности, архіепископъ Андрей въ доказательство своего заявленія приводилъ папскую буллу, разрѣшившую датчанамъ владѣніе землями, которыя они окрестятъ въ Эстоніи, а также и то обстоятельство, что епископъ Альбертъ самъ просилъ датской помощи, а епископъ эстонскій Теодорихъ самъ отсталъ отъ ливонской церкви и присоединился къ архіепископу. На это заявленіе датскихъ королевскихъ мужей Волквинъ отвѣтилъ, что ему рѣшительно ничего неизвѣстно о подаркѣ всей Эстоніи датскому королю, что напротивъ эта страна, за исключеніемъ развѣ ревельской земли и острова Эзеля, должна быть крещена и присоединена къ ливонской церкви, но на этотъ разъ и единственно изъ уваженія къ королю датскому, онъ отдастъ варбольскихъ заложниковъ датчанамъ, но съ тѣмъ, чтобъ чрезъ то права рижскихъ мужей ни мало не умалялись (quatenus Rigensium viris nihil per hoc imminiatur). Подъ именемъ рижскихъ мужей Волквинъ, конечно, разумѣлъ орденскую братію по преимуществу, которая уже давно добивалась, чтобы владѣніе эстонскими землями принадлежало имъ, а не единственно ливонскому епископу.

То было первое столкновеніе нѣмцевъ съ датчанами. Неизвѣстно удовлетворились-ли датчане объясненіями Волквина (дальнѣйшія дѣйствія ихъ показываютъ, что ни мало не удовлетворились), но только на этотъ разъ они взяли варбольскихъ заложниковъ себѣ, а нѣмецкое войско воротилось домой вѣроятно уже въ апрѣлѣ 1220 года. Датчане взяли заложниковъ себѣ, слѣд. крещеніе варбольской земли предоставлялось имъ. Цѣль похода на Гаррію достигалась такимъ образомъ не вполнѣ: варбольская земля должна была отойти къ датчанамъ.

Генрихъ разсказываетъ (гл. XXIII, § 10), что во время этого похода ливы поживились болѣе всѣхъ, потому что овладѣли подземными гаррійскими пещерами (speluncas Harrionensium subterraneas), въ которыхъ гаррійцы попрятали свои имущества и спрятались сами. Ливы разложили при входѣ въ пещеры огонь и поддерживали его до тѣхъ поръ пока находившіеся въ пещеры мущины и женщины задохлись отъ дыма. Тогда ливы повытаскали изъ пещеръ людей, мертвыхъ и полумертвыхъ, послѣднихъ добили и овладѣли всѣмъ добромъ, спрятаннымъ въ пещерахъ, деньгами, одеждою и пр.; число задушенныхъ людей во всѣхъ пещерахъ простиралось до тысячи.

Это первое столкновеніе съ датчанами ясно указало Альберту, что ливонская церковь можетъ потерять всю Эстонію, если не поторопится крещеніемъ эстонцевъ, остававшихся еще въ язычествѣ. Но и датчане, овладѣвшіе землею ревельцевъ тоже видѣли, что и имъ слѣдуетъ торопиться крестить язычниковъ, чтобъ захватить и себѣ побольше языческихъ земель.

Обѣ стороны начали торопиться, разсылать священниковъ во всѣ некрещенныя еще страны. Епископъ Альбертъ послалъ крестить восточныя земли Эстоніи, земли, прилегавшія къ Пейпусу и къ рѣкѣ Нарвѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился и назначеніемъ епископа для эстонцевъ, которые приняли и примутъ крещеніе отъ ливонской церкви. Такимъ епископомъ былъ уже Теодорихъ, но онъ былъ убитъ 15 іюня 1219 г. и вмѣсто него датчане поставили эстонскимъ епископомъ Висселина, съ подчиненіемъ его лундской церкви. Альбертъ съ своей стороны не замедлилъ назначить епископа для эстонцевъ ливонской церкви въ лицѣ своего брата, Германа, состоявшаго въ то время оббатомъ бенедиктинскаго монастыря св. Павла въ Бременѣ. Онъ послалъ въ Германію гонца объявить Герману его назначеніе. Германъ не замедлилъ отправиться въ Магдебургъ къ тамошнему архіепископу Альберту I, который и посвятилъ его, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. XXIII, § 11, въ епископы Эстоніи. Но это не совсѣмъ такъ: изъ сохранившихся документовъ, относящихся къ Герману, слѣдуетъ заключить, что Альбертъ назначилъ Германа епископомъ не эстонскимъ, а леальскимъ (см. Бунге Urkundenbuch № 61), затѣмъ папа Гонорій III буллою отъ 18 апрѣля 1220 г. (см. Бунге Urkundenbuch VI, № 2715) утвердилъ Германа епископомъ леальскимъ вмѣстѣ съ границами, указанными для его епископства Альбертомъ. Утвердивъ Германа епископомъ леальскимъ, папа въ то же время призналъ и Висселина, но епископомъ ревельскимъ. Съ этихъ поръ т. е. съ 1220 г. титулъ эстонскаго епископа исчезаетъ, распавшись на два частныхъ титула: епископъ, поставленный датчанами сталъ называться „ревельскимъ“, а поставленный нѣмцами „леальскимъ“. Герману, однако, не удалось занять своей каѳедры немедленно по посвященіи: король Вальдемаръ II задержалъ его въ Любекѣ и не пускалъ въ Ливонію въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Въ восточную Эстонію епископъ послалъ священниковъ Петра

Какевальда (родомъ финляндца) и Генриха (лѣтописца), въ Саккалу и Ервенъ священника Алобранда и Людовика, отправилъ также посла въ Новгородъ, который говорилъ тамъ словами мира (verbis pacificis cum Nogardensibus locutus est, пишетъ Генрихъ въ XXIV гл. § 1, не объясняя о чемъ именно шло дѣло). Священники Алобрандъ и Людовикъ крестили много народа въ Ервенѣ и сосѣднихъ земляхъ; священники же Петръ и Генрихъ обошли нынѣшній Дерптскій уѣздъ, крестили тутъ народъ и вступили въ Виронію, гдѣ окрестили народъ въ 14 деревняхъ со старшиною Табелиномъ, который впослѣдствіи былъ повѣшенъ датчанами за то, что принялъ крещеніе отъ рижанъ и сына своего отдалъ заложникомъ орденской братіи. Пройдя далѣе къ сѣверу Виронiи, священники эти уже не были принимаемы народомъ. Сюда датчане прислали своихъ священниковъ, которые и крестили народъ по деревнямъ, куда только успѣвали приходить, а въ другія деревни послали святую воду, чтобъ ею окропить женщинъ и дѣтей (такое окропленіе считалось совершенно достаточнымъ для крещенія, о наставленіи же въ вѣрѣ никто и не думалъ) съ приказаніемъ ставить по всѣмъ деревнямъ большіе деревянные кресты. Видя, что въ Виронiи дѣлать нечего, священники Петръ и Генрихъ пошли въ Ервенъ, окрестили тутъ народъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, и услышали, что въ Ервенъ прибылъ датскій священникъ Вольтеръ также для крещенія ервенцевъ. Они пошли къ Вольтеру съ заявленіемъ, что ему не подобаетъ здѣсь крестить, такъ какъ Ервенъ составляетъ уже собственность ливонской церкви. Вольтеръ имъ, конечно, не повѣрилъ, потому что вмѣстѣ съ ними отправился въ новоотстроенный датскій замокъ, гдѣ находился епископъ Андрей. Священники Петръ и Генрихъ объяснили архіепископу тоже самое, что говорили Вольтеру, но получили въ отвѣтъ, что Эстонія принадлежитъ датскому королю, какъ уступленная ему рижскимъ епископомъ за помощь, оказанную въ борьбѣ со свирѣпыми эстонцами. Архіепископъ, отпустивъ Петра и Генриха домой, отправилъ въ Ригу своего посла сказать Альберту, чтобъ онъ не посылалъ своихъ священниковъ на проповѣдь въ Эстонiи. Альбертъ отвѣчалъ, что онъ посылаетъ своихъ священниковъ въ тѣ эстонскія земли, которыя завоеваны нѣмцами и которыя слѣд. владѣнію датчанъ не подлежатъ. Датскій король, узнавъ про такой отвѣтъ, разсердился на ливонскаго епископа и потребовалъ, чтобъ и онъ и орденская братія явились къ нему. Генрихъ не упоминаетъ куда именно явиться потребовалъ король, но какъ въ датскихъ лѣтописяхъ сказано, что король Вальдемаръ II въ 1220 г. былъ снова въ Эстонiи, то по всей вѣроятности онъ требовалъ, чтобы Альбертъ съ орденскою братіею прибыли въ новопостроенный датскій замокъ (начавшій называться Ревелемъ, кажется только съ 1237 г.). Альберть къ королю не пошелъ, а поспѣшилъ въ Римъ къ папѣ съ жалобою на Вальдемара II, орденцы же, Рудольфъ Вен-

денскій съ прочею братіею, пришли. Король предоставилъ ордену Саккалу и Унганію, давно уже покоренныя и крещенныя нѣмцами, какъ третью часть всей Эстоніи, исключивъ изъ такого дѣлежа епископа ливонскаго и леальскаго. Впрочемъ это королевское рѣшеніе осталось безъ послѣдствій. Епископъ семигальскій Бернгардъ, пребывавшій въ Ригѣ и за отсутствіемъ Альберта управлявшій ливонскими дѣлами, уговорилъ орденскую братію оставить дѣлежъ земель на прежнемъ основаніи.

Между тѣмъ датчане послали своихъ священниковъ къ гаррійцамъ, которые и крестили ихъ, а за тѣмъ подстрекнули новокрещенныхъ идти на ервенцевъ и силою заставить ихъ отказаться отъ нѣмецкаго господства и нѣмецкаго крещенія, и принять господство и крещеніе датскія. Гаррійцы не заставили себя долго просить: лѣтомъ 1220 года сдѣлали десять набѣговъ на Ервенъ, перебили множество народа, ограбили что ни попадалось, и воевали до тѣхъ поръ пока ервенцы отказались отъ нѣмцевъ и признали надъ собою власть датчанъ. Отступилась отъ нѣмцевъ также и Виронія. Такимъ образомъ къ осени 1220 г. во власти датчанъ явилась почти вся нѣнѣшняя Эстляндская губернія, за исключеніемъ Вика, на который совершенно неожиданно явился новый охотникъ.

То были шведы.

Ихъ страна нѣсколько успокоилась послѣ кровавыхъ смутъ и распрей между шведскимъ и готландскимъ владѣтельными домами и усобицъ, возникшихъ съ прекращеніемъ династіи Стенкила въ 1130 г. — Готландцы въ это время избрали своимъ королемъ нѣмецкаго принца Магнуса, а шведы Рогвольда Упрямаго. Этотъ Рогвольдъ былъ убитъ народомъ. Магнусъ палъ въ 1134 г. въ войнѣ съ королемъ Эрикомъ датскимъ. На шведскій престолъ тогда вступилъ потомокъ Свена Кроваваго, Сверкеръ, управлявшій Швеціею до 1155 г. Въ этомъ году онъ, во время войны съ датчанами, былъ тайно убитъ, и шведскій престолъ снова явился раздѣленнымъ: шведы избрали себѣ королемъ Карла VII, а готландцы Эриха VIII (по другимъ IX). Было уже выше сказано (стр. 54), что этотъ Эрикъ, человѣкъ благочестивой жизни, совершилъ въ 1155 году миссіонерскій походъ въ Финляндію. Онъ былъ умерщвленъ датскимъ принцемъ Магнусомъ; его сынъ, Канутъ, бѣжалъ въ Норвегію, а Карлъ VII овладѣлъ правленіемъ всего государства и при помощи духовенства, для котораго основалъ въ 1164 г. архіепископство упсальское, утвердился на шведскомъ престолѣ не на долго, впрочемъ. Сынъ Эриха, Канутъ, возвратился изъ Норвегіи въ 1162 г., умертвилъ Карла и самъ вступилъ на шведскій престолъ. Вслѣдствіе этого убійства возникла продолжительная война между Канутомъ и родственниками Карла. Канутъ восторжествовалъ надъ своими противниками и управлялъ Швеціею до 1180 г. Въ этомъ году онъ умеръ и вслѣдъ за тѣмъ въ Швеціи произошли новыя усобицы: Сверкеръ, сынъ умерщвленнаго Карла, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ сыномъ Канута, Эрихомъ, борьбу, въ которую не замедлили вмѣшаться норвежцы и датчане. Усобица тянулась до 1210 г., когда Сверкеръ погибъ въ сраженіи, и только тогда Эрихъ X, первый коронованный король Швеціи, могъ хоть нѣсколько успокоить свое государство. Онъ умеръ въ 1216 г.: его единственный сынъ,

Эрихъ, родился по смерти отца, потому на шведскій престолъ вступилъ сынъ Сверкера, Іоаннъ I; надъ малолѣтнимъ же Эрихомъ была учреждена опека.

Вотъ этотъ-то Іоаннъ I, видя успѣхи датчанъ въ Эстоніи и не желая давать имъ явнаго перевѣса на Балтійскомъ морѣ, рѣшился и для шведовъ сдѣлать пріобрѣтеніе на эстонскомъ побережьи. Мы уже упоминали о шведскомъ походѣ на Виронію (см. выше стр. 83), но этотъ походъ имѣлъ характеръ случайнаго набѣга и остался безъ послѣдствій: шведы не основались тутъ, не закрѣпили за собою никакого побережнаго пункта, но теперь они рѣшились послѣдовать примѣру датчанъ и стать твердо, но уже не на побережьи Финскаго залива, а на пунктѣ болѣе снодручномъ шведамъ, гдѣ либо на берегу Балтійскаго моря. Такимъ пунктомъ былъ избранъ Леаль, находившійся не далеко отъ моря, на Ротальскомъ берегу. Сюда и присталъ Іоаннъ со шведскимъ войскомъ въ сопровожденіи герцога остготландскаго, Карла (одинъ изъ опекуновъ малолѣтняго Эриха), своего канцлера, епископа линкепингскаго Карла, другихъ епископовъ и священниковъ. Шведы стали въ Леалѣ и прошли отсюда Ротальскую землю, поучая (говоритъ Генрихъ, что очень сомнительно, ибо какъ было поучать шведамъ чудь-ротальцевъ, не зная ихъ языка) и крестя народъ и строя церкви. Они дошли до датчанъ въ Ревельской землѣ и вступили съ ними въ переговоры; изъ Риги же былъ посланъ посолъ заявить королю, что и Леаль и вся Ротальская земля уже подчинены ливонской церкви, что ротальцы уже наставлены въ вѣрѣ. Король не обратилъ, конечно, никакого вниманія на это заявленіе, напротивъ укрѣпилъ Леаль, оставилъ въ немъ шведскій гарнизонъ подъ начальствомъ какого то герцога и одного епископа, а самъ съ канцлеромъ и герцогомъ Карломъ возвратился въ Швецію. Шведы продержались въ Леалѣ самое короткое время: 8 августа 1220 г. на разсвѣтѣ эзельцы подплыли къ берегу, высадились, осадили Леаль и подложили огонь подъ стѣны городка. Шведы сдѣлали вылазку, но потерпѣли пораженіе: эзельцы овладѣли городкомъ и истребили шведовъ почти всѣхъ поголовно, только не многіе спаслись бѣгствомъ къ датчанамъ. Разоривъ Леаль, умертвивъ 500 шведовъ, въ томъ числѣ герцога и епископа, эзельцы воротились домой, датчане же явились сюда изъ Ревеля и похоронили убитыхъ. Такъ не удачно кончилась попытка шведовъ. Епископъ семигальскій Бернгардъ, управлявшій дѣлами ливонской церкви за отсутствіемъ Альберта, какъ только получилъ вѣсть о гибели шведовъ въ Леалѣ, послалъ въ Роталію священника Саломона. Ротальцы, пишетъ Генрихъ въ главѣ XXIV, § 6, дружески приняли этого священника, обѣщали служить ливонской церкви, не принимать датчанъ и собрали со своей земли дань ливонскому епископу какъ уже прежде бывало, и вручили ее Саломону для доставки въ Ригу. Датчане, провѣдавъ о томъ, прибыли въ Роталію, обобрали до чиста

Саломона и ограбленнаго отправили въ Ригу сказать, чтобы ливонская церковь оставила въ покоѣ Роталію, принадлежащую, какъ часть Эстоніи, не ей, а королю датскому.

Шведы съ этихъ поръ оставили попытки утвердиться въ Эстоніи.

Между тѣмъ датскіе и ливонскіе священники на перерывъ другъ противъ друга торопились крестить эстонцевъ, подчиняя ихъ каждый своей церкви. Священники Генрихъ (лѣтописецъ) и Теодорихъ окрестили эстонскую землю Нурмегундъ, ежедневно присоединяя къ католичеству по 300, по 400 человѣкъ. Они пробрались въ Ервенъ, окрестили нѣкоторыя деревни, но тутъ во многихъ уже побывали датскіе священники. Генрихъ разсказываетъ, что прибывъ въ деревню Рейневере (нынѣ Рейневаръ, въ Ампельскомъ кирхшнилѣ), они послали звать сюда народъ изъ другихъ сосѣднихъ деревень. Тогда Рейневерскій старшина сказалъ, что они уже всѣ крещены. На вопросъ кѣмъ крещены, старшина отвѣтилъ, что датскій епископъ, совершая крещеніе въ ихъ мѣстности, окрестилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и далъ имъ святую воду. Они же окропили этою водою по деревнямъ свои дома и семейства, и за тѣмъ не желаютъ уже другого крещенія. Видя, что имъ тутъ дѣлать нечего, Генрихъ и Теодорихъ вышли изъ Ервена и вступили въ Виронію. Тутъ на границѣ они побывали на Эбаферской горѣ (въ нынѣшнемъ Мало-маріинскомъ кирхшнилѣ) и въ лѣсу, гдѣ по сказанію эзельцевъ, родился ихъ богъ Тараинта (Таръ абита или авита, по эстонски, значатъ Таръ помоги), перелетѣвшій отсюда на островъ Эзель. Здѣсь Теодорихъ порубилъ идоловъ; жители дивились, что изъ ихъ идоловъ не течетъ кровь, и тѣмъ скорѣе повѣрили словамъ священника. Обойдя Виронію, они прибыли въ Одемпэ, уже крещенный. Въ Унганіи крестилъ остававшихся язычниковъ орденскій священникъ Гартвигъ, доходившій до предѣловъ Псковской земли.

При такой усиленной дѣятельности какъ датскихъ, такъ и ливонскихъ священниковъ, къ марту 1221 г. вся Эстонія была крещена, а къ этому времени разрѣшился и вопросъ кому именно принадлежать этой странѣ — королю-ли датскому или ливонскому епископу.

Мы видѣли (см. выше стр. 213), что епископъ Альбертъ не принялъ приглашенія короля датскаго прибыть къ нему, а вмѣсто того, чтобъ ѣхать на свиданіе съ Вальдемаромъ II, отправился въ Римъ къ папѣ какъ къ своему естественному покровителю и защитнику, конечно, съ жалобою на короля. Изъ Риги онъ пріѣхалъ въ Любекъ, находившійся въ то время подъ властію датчанъ, и отсюда, при помощи своихъ друзей, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. XXIV, § 4, выйдя тайно (весьма возможно, что король отдалъ приказъ не пропускать епископа), поспѣшилъ въ Римъ. Король датскій, узнавъ, что Альбертъ уѣхалъ въ Римъ, отправилъ къ папѣ своихъ пословъ. Папа Гонорій III принялъ и выслушалъ и епископа и пословъ. Неизвѣстно чѣмъ доказывалъ епископъ свои права на Эстонію, какъ

неизвѣстно съ точностію какія обѣщанія далъ Альбертъ Вальдемару II въ Шлезвигѣ въ 1218 г., когда просилъ у него помощи противъ эстонцевъ и русскихъ, но, кажется, что устуиалъ королю земли, еще не покоренныя и не обращенныя въ христіанство, а не всѣ вообще эстонскія земли Какъ бы то ни было, но папа принялъ королевскую сторону и 16 ноября 1220 г. издалъ буллу, которою принималъ датскаго короля подъ свое покровительство противъ нападенія всѣхъ враговъ и сосѣдей. Епископъ Альбертъ, видя, что у папы ему ничего не выиграть, вспомнилъ, что онъ еще въ 1206 г. объявилъ Ливонію леномъ священной Римской имперіи (см. выше стр. 125) и потому обратился къ нѣмецкому королю Фридриху II въ то время находившемуся въ Италіи и 22 ноября 1220 г. коронованному германскимъ императоромъ, съ просьбою, чтобъ тотъ помогу ему противъ датскихъ притязаній.

Но въ это время императору Фридриху II было не до Ливоніи и не до Альберта. Коронуясь въ Ахенѣ въ іюлѣ 1215 г. нѣмецкимъ королемъ, Фридрихъ далъ торжественное обѣщаніе предпринять крестовый походъ въ Палестину, но при жизни своего соперника Оттона IV не могъ исполнить такого обѣта. Оттонъ IV умеръ, тогда папа началъ настаивать, чтобы императоръ отправился въ Палестину. Фридрихъ II началъ собирать войска къ походу. Готовясь же къ походу, собирая войска, онъ не хотѣлъ ссориться съ могущественнымъ своимъ сосѣдомъ, королемъ Вальдемаромъ II, потому не хотѣлъ ввязываться въ ливонскія дѣла, иосовѣтовалъ только Альберту жить въ дружбѣ какъ съ датчанами, такъ и съ русскими.

Не добившись никакого содѣйствія или помощи ни отъ папы, ни отъ императора, епископъ Альбертъ выѣхалъ изъ Италіи въ Германію, и тутъ узналъ новое для себя крайне непріятное распоряженіе датчанъ: король Вальдемаръ II воспретилъ любчанамъ давать корабли для проѣзда крестоносцамъ въ Ригу впредь до тѣхъ поръ пока епископъ Альбертъ не придетъ къ соглашенію съ королемъ (donec episcopus ad suum emolliret consensum). Альбертъ явился такимъ образомъ въ иоложеніи тягостномъ: брата его Германа король датскій не пропускалъ въ Ливонію, таже участь готовилась и ему, Альберту, къ тому же воспрещеніе въ Любекѣ давать корабли крестоносцамъ лишало ливонскую церковь возможности пополнять епископскую дружину свѣжими силами, слѣд. и возможности содержать въ повиновеніи жителей тѣхъ земель, которые входили въ составъ епископскихъ владѣній въ Ливоніи. Въ такой крайности епископъ рѣшился послѣдовать совѣту добрыхъ людей (bonorum virorum consilio), т е. смириться предъ королемъ и не подвергать ливонскую церковь опасности разложенія. Въ мартѣ 1221 г. онъ, вмѣстѣ съ Германомъ, отправился къ королю Вальдемару II и не только согласился на всѣ его требованія относительно подчиненія Эстоніи, но иредоставилъ его господству (in potes-

tatem ipsius) и самую Ливонію, если только прелаты епископскаго конвента въ Ригѣ, дружина (viri sui) и всѣ рижане съ ливами и латышами согласятся на такое подчиненіе. Объ орденской братіи Альбертъ и не упоминалъ, потому что орденъ еще прежде (см. выше стр. 213) вошелъ въ соглашеніе съ королемъ.

Такимъ образомъ въ мартѣ 1221 г. готова была совершиться важная перемѣна въ Ливоніи, ибо всѣ земли, составлявшія нынѣ Лифляндскую и Эстляндскую губерніи, всѣ земли ливовъ, латышей и чуди, готовились перейти подъ власть Даніи, а ливонская церковь подъ главенство лундскаго архіепископа. Мы уже упоминали, что жители всѣхъ этихъ земель къ марту 1221 г. всѣ были окроплены святою водою и всѣ сдѣлались католиками, въ сущности не переставая быть язычниками, потому что и въ самомъ дѣлѣ какіе же католики были тѣ, напримѣръ, чудины и чудинки, которые въ глаза не видѣли священниковъ, слова не слышали проповѣди христіанства, и, бывъ окроплены святою водою своими же земляками, въ силу только такого окропленія были зачислены въ католики.

Готовившаяся перемѣна, однако, не совершилась во всей ея обширности: датчане скоро убѣдились, что силы ихъ далеко не достаточны для того, чтобы держать въ надлежащемъ повиновеніи тѣ земли, которыя они завоевали сами въ Эстоніи и которыя предоставлялъ ихъ власти епископъ Альбертъ. Слѣдующее событіе указало имъ, что удержать въ повиновеніи покоренную чудь не такъ было легко, какъ казалось, судя по легкости, съ какою произошло завоеваніе Ревельской земли.

Послѣ Пасхи 1221 г. (послѣ 11 апрѣля), слѣд. не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ свиданія епископовъ Альберта и Германа съ королемъ датскимъ, эзельцы на своихъ ладьяхъ подплыли къ Ревелю, въ которомъ въ это время находился лундскій архіепископъ и осадили этотъ новопостроенный датскій городокъ. На помощь эзельцамъ тотчасъ же прибыли не только ближайшая къ городку чудь, но и чудь-гаррійцы и чудь-виронцы (надобно полагать, что эзельцы вошли предварительно въ тайное соглашеніе съ этими народцами). Началась осада городка, продолжавшаяся двѣ недѣли. Датчане сдѣлали было вылазку изъ своего укрѣпленія, но были принуждены отступить. Имъ грозила участь шведовъ въ Леалѣ и они были бы истреблены поголовно, если бы эзельцы оказались болѣе стойкими. Замѣтивъ илывущіе въ морѣ четыре корабля, они подумали, что на этихъ корабляхъ плыветъ король датскій съ войскомъ, и, не развѣдавши дѣла толкомъ, поторопились отступить отъ городка, сѣли на свои ладьи и отплыли домой на Эзель, оставивъ своихъ союзниковъ на произволъ судьбы. Датчане немедленно же схватили и перевѣшали на деревьяхъ всѣхъ, кто учавствовалъ въ осадѣ или кто зналъ о заговорѣ съ эзельцами,

и на всѣхъ чудинцевъ, которые такъ или иначе принимали участіе въ нападеніи эзельцевъ, наложили двойную и тройную дань противъ той, какую они обязаны были платить до осады, и взяли съ нихъ и многіе другіе тяжкіе штрафы (satisfactionesque multas ac graves acceperunt ab eis). Съ этихъ поръ эстонцы, пишетъ Генрихъ въ гл. XXIV, § 7, начали питать къ датчанамъ большую ненависть, постоянно изыскивая средства какъ бы ихъ выгнать изъ своей области. Датчане, конечно, знали и видѣли это, и потому могли понять, что удержать въ повиновеніи покоренныхъ имъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ обошлось покореніе.

Тутъ пришли неблагопріятныя вѣсти и изъ Риги. Епископъ Альбертъ, послѣ свиданія съ датскимъ королемъ, когда открылось судоходство, прибылъ весною 1221 г. въ Ригу съ нѣсколькими малочисленными, впрочемъ, крестоносцами, въ числѣ которыхъ находился Бодо Гемборгскій. Малочисленность крестоносцевъ вполнѣ объясняется тѣмъ, что много народа изъ Германіи отправилось въ крестовый походъ въ Палестину. Рижане, по пріѣздѣ епископа, узнавъ отъ него, что не только Эстонія, но и вся Ливонія должны подчиниться королю датскому, сильно огорчились тѣмъ и всѣ едиными устами (uno ore, пишетъ Генрихъ въ гл. XXV, § 1) какъ прелаты конвента, такъ и мужи церкви, и граждане (cives), и купцы, ливы и латыши, говорили, что они вели войны съ язычниками въ честь Господа Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы, но не въ честь датскаго короля. Архіепископъ лундскій Андрей, узнавъ про это, и убѣдившись изъ недавней осады Ревеля, что датчанамъ нельзя будетъ обойтись безъ помощи рижанъ, отправилъ своего посла къ Альберту сказать, что готовъ оставить Ливонію при прежней вольности (in pristinam libertatem). Тогда епископъ Альбертъ съ орденскимъ магистромъ Вольквиномъ и своею дружиною (cum viris suis) отправился въ Ревель къ архіепископу и здѣсь совершили сдѣлку между собою: архіепископъ обѣщалъ помогать въ сохраненіи свободы Ливоніи; нѣмцы съ своей стороны должны дѣйствовать сообща съ датчанами какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ съ язычниками и русскими; орденская братія получаетъ Саккалу и Унганію со всѣми королевскими и свѣтскими правами, съ предоставленіемъ духовныхъ правъ въ этихъ земляхъ епископу.

Такимъ образомъ по этой сдѣлкѣ за датчанами должны были оставаться земли: Ревельская, Гаррійская, Ервенская и Виронская; за нѣмцами же земли ливовъ и латышей до праваго берега Двины, Саккала и Унганія. Кому была предоставлена Викская земля — неизвѣстно, но кажется, что нѣмцамъ.

По видимому, такое соглашеніе рижанъ, ордена и Альберта съ лундскимъ архіепископомъ произошло безъ вѣдома датскаго короля, потому что когда изъ Ревеля прибыли обратно въ Ригу епископъ Альбертъ, орденскій магистръ и др. лица, ѣздившія на переговоры съ

архіепископомъ лундскимъ, король датскій прислалъ въ Ригу какого-то рыцаря, Готшалька, для занятія здѣсь высшей городской должности судьи, но уже отъ имени короля Очевидно, король, посылая Готшалька, полагалъ, что Ливонія подчиниться ему, какъ было говорено при свиданіи съ Альбертомъ, но рижане не только не приняли Готшалька, но купцы не дали ему даже лоцмана на его корабль, такъ что Готшалькъ возвратился въ Данію безъ лоцмана. Съ этихъ поръ о подчиненіи Риги и Ливоніи королю датскому уже и рѣчи не было.

Рижскіе горожане и купцы для защиты своей независимости отъ датчанъ и отъ орденской братіи лѣтомъ 1221 г. сошлись съ ливами и латышами въ Торейдѣ и вступили въ переговоры съ ними. Въ чемъ состояли эти переговоры Генрихъ не объясняетъ, но говоритъ только, что они составили заговоръ какъ противъ датскаго короля, такъ и противъ всѣхъ своихъ иротивниковъ. Орденская братія, говоритъ Генрихъ въ гл. XXV, § 3, послала своихъ слугъ, которые схватили нѣсколькихъ ливскихъ старшинъ и посадили ихъ въ тюрьму въ Зигевальдѣ, чѣмъ и разрушился заговоръ. Очевидно, заговоръ былъ направленъ противъ ордена, съ которымъ рижскіе горожане (cives) и купцы не дружили уже въ то время.

При такихъ-то сильно запутавшихся отношеніяхъ и дѣлахъ осенью 1221 г. началась война съ новгородцами, которая могла бы поставить и епископа и датчанъ въ опасное положеніе, если бы новгородцы съумѣли только воспользоваться обстоятельствами и отношеніями побѣжденныхъ ливонскихъ туземцевъ къ ихъ побѣдителямъ, нѣмцамъ и датчанамъ, но въ томъ-то и дѣло, что новгородцы мало обращали вниманія на свои внѣшнія дѣла, растрачивая силы въ усобицахъ и борьбѣ партій.

Мы видѣли (см. выше стр. 196) распри, возникшія въ Новгородѣ послѣ отозванія Святослава и прибытія туда его брата Всеволода Мстиславича. Этотъ князь не только ничего не выигралъ съ удаленіемъ отъ посадничества Твердислава, напротивъ много потерялъ, потому что далъ возможность усилиться суздальской партіи, къ которой принадлежалъ и самъ новгородскій владыка Митрофанъ. Слѣдствіемъ усиленія этой партіи было то, что новгородцы въ 1220 г. «показаша, какъ сказано въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 38), путь князю Всеволоду: не хочемъ тебя, пойди камо хочеши, иди къ отцу въ Русь», т. е. въ Кіевъ. Князь ушелъ, а новгородцы отправили къ великому князю Юрію во Владиміръ на Клязьмѣ посольство съ просьбою дать имъ на княженіе своего сына. Великій князь согласился на просьбу и далъ новгородцамъ въ 1221 г. сына своего Всеволода на всей волею новгородской, и за тѣмъ въ томъ же году прислалъ въ Новгородъ своего брата, Святослава, на помощь новгородцамъ.

Вотъ этотъ Святославъ и предпринялъ походъ на Ливонію. Поводомъ къ походу, кажется, послужило соглашеніе епископа Альберта и ордена съ архіепископомъ лундскимъ, въ силу котораго Саккала и Унганія должны были перейти во власть орденской братіи. Надобно полагать, что орденъ, вслѣдствіе этого соглашенія, въ томъ же 1221 г.

и занялъ Унганію съ городкомъ Одемпэ, который на основаніи договора 1218 г. (см. выше стр. 192) не долженъ былъ быть занимаемъ нѣмцами. Неизвѣстно былъ-ли ратификованъ одемпэскій договоръ новгородскими властями, но только новгородцы осенью 1221 г. прислали, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. XXV, § 3, изъ Пскова мирный договоръ и въ числѣ 12000 чел. вступили въ земли латышей, пограничныя съ землями псковскими. Этимъ войскомъ предводительствовалъ названный князь Святославъ Всеволодовичъ. Онъ призвалъ къ участію въ походѣ литовцевъ, въ то время начинавшихъ уже овладѣвать сосѣдними съ ними русскими княжествами, и двѣ недѣли ждалъ ихъ прибытія въ землѣ латышей. Когда вспомогательный литовскій отрядъ прибылъ, Святославъ двинулъ войско на Венденъ и осадилъ этотъ замокъ. Орденская братія, находившаяся здѣсь, выступила было изъ воротъ замка на встрѣчу новгородцамъ, но принуждена была отступить и запереться въ замкѣ, предавъ огню дома и деревню, расположенную подъ замкомъ. Взять хорошо укрѣпленный замокъ русскіе не могли, потому прошли далѣе въ Торейду и вмѣстѣ съ литовцами предали опустошенію эту страну. Тутъ только орденскій магистръ Вольквинъ и рыцарь Бодо съ крестоносцами выступили противъ русскихъ въ Торейду. Войско ихъ было малочисленно, говоритъ Генрихъ, по причинѣ раздора въ краѣ (конечно между рижанами и орденомъ), но оно прибыло къ рѣкѣ Койвѣ. Русскіе и литовцы безъ боя вышли изъ Торейды и направились въ Унганію, предавая разоренію все встрѣчное на пути; въ самой Унганіи они четыре дня разоряли деревни и воротились вмѣстѣ съ литовцами въ Псковъ. Объ этомъ походѣ въ первой Новгородской лѣтописи (стр. 38) сказано: „Идоша новгородцы со Святославомъ къ Кеси (латышское названіе Вендена), и придоша Литва въ помочь же, и много воеваша, но города не взяша“. Этотъ походъ, какъ и многіе предшествовавшіе ему, предпринятый безъ всякаго опредѣленаго плана, не могъ, конечно, повлечь за собою никакихъ важныхъ послѣдствій. Рижане съ ливами и латышами отплатили новгородцамъ за набѣгъ набѣгомъ же. Зимою того же 1221 г., призвавъ на помощь саккаланъ и унганійцевъ, они вторглись въ новгородскія земли, опустошили ихъ почти до самаго Новгорода и воротились домой безъ потери. Новгородцы не преслѣдовали ихъ. Въ Новгородѣ послѣдовала новая перемѣна: зимою 1221 г , „князь Всеволодъ, сказано въ первой Новгородской лѣтописи, иобѣже, въ ночь утаився, изъ Новгорода со своимъ дворомъ; новгородцы же печальни быша о томъ; тогда же новгородцы послаша мужи старѣйшіе къ Юрію (въ Владиміръ): оже ти не угодно держати Новгорода сыномъ, а вдай ны брать — и дасть имъ брата своего Ярослава (Переяславскаго)“. Этотъ Ярославъ, вслѣдствіе своего корыстолюбія и необычнаго самовластія, не могъ долго уживаться съ новгородцами: былъ изгоняемъ и снова возвращался до новаго изгнанія, а подобныя неурядицы дѣй-

ствительно мѣшали новгородцамъ внимательно оглянуться на то, что дѣлается на западной границѣ ихъ владѣній. Тамъ нѣмецкіе пришельцы не теряли времени, а укрѣплялись сильнѣе и сильнѣе. Такъ орденъ, въ силу предоставленія ему Саккалы и Унганіи, зимою 1221 г. поназначалъ своихъ судей во всѣхъ городкахъ этихъ земель, и началъ собирать дань, отдѣляя епископу его часть. За тѣмъ на важнѣйшихъ въ тогдашнее время стратегическихъ пунктахъ построили замки, снабдивъ ихъ военными припасами и самострѣлами и выкопавъ цистерны.

Зимою же 1221 г. унганійцы и саккаланы сдѣлали набѣгъ на Ингрію, принадлежавшую новгородцамъ. Перейдя Нарову, они страшно разорили эту землю. И воротились они съ большою добычею, говоритъ Генрихъ, и наполнилась Эстонія и Ливонія русскими плѣнными и русскіе получили двойное и тройное отомщеніе за все зло, какое причинили ливонцамъ.

Одержала успѣхъ орденская братія и надъ тѣми литовцами, которые приходили на помощь Святославу. Литовцы выступили вмѣстѣ съ новгородцами изъ Унганіи, пробыли съ мѣсяцъ времени въ Псковѣ и зимою предприняли обратный походъ домой. Но ихъ уже подстерегали кукенойскіе рыцари. Гдѣ-то за Псковомъ рыцари напали на литовскую состоявшую изъ 600 человѣкъ партію, разсѣяли ее, отбили все награбленное ею, забрали 400 лошадей. Никто изъ этой партіи не воротился домой: бѣжавшіе въ лѣса частію перетонули въ Двинѣ, а частію и сами перевѣшались въ лѣсахъ, чтобы не доставаться живыми въ руки орденцевъ.

Не такъ удачны были дѣйствія датскаго короля, который весною 1222 г. съ войскомъ прибылъ въ Ревель и рѣшился отомстить эзельцамъ за ихъ набѣгъ на Ревельскую землю и осаду этого датскаго городка (см. выше стр. 218). Въ сопровожденіи графа Альберта Лауенбургскаго, того самаго, который съ крестоносцами былъ въ Ригѣ и который, быть можетъ, присовѣтовалъ епископу обратиться за помощью къ датчанамъ, король Вальдемаръ съ войскомъ высадился на Эзель и началъ строить каменный замокъ. Эзельцы напали на датчанъ, но были разбиты и обращены въ бѣгство. Постройка начала идти безостановочно. Сюда не замедлилъ прибыть изъ Риги епископъ Альбертъ съ орденскимъ магистромъ, братомъ своимъ Теодорихомъ и нѣкоторыми ливами, изъ знатнѣйшихъ, конечно, — для переговоровъ съ королемъ и окончательнаго опредѣленія отношеній между датчанами и нѣмцами въ Ливоніи, такъ какъ соглашеніе съ архіепископомъ лундскимъ не имѣло королевскаго утвержденія. Король при свиданіи съ Альбертомъ и его спутниками заговорилъ, что Ливонія должна принадлежать ему, какъ обѣщанаго и подаренная ему этимъ епископомъ, но епископъ и его спутники представили королю, чтобъ онъ бросилъ за-

мыслы на владѣніе землями, завоеванными нѣмцами, что на передачу ихъ датчанамъ никто не согласенъ, что и архіепископъ лундскій не настаиваетъ на такой передачѣ. Король, посовѣтовавшесь со своими разумными мужами (habito consilio prudentum suorum, говоритъ Генрихъ въ гл. XXVI, § 2) согласился на ходатайство епископа, согласился оставить за нѣмцами ихъ завоеванія, королевскія права въ Саккалѣ и Унганіи предоставилъ ордену съ сохраненіемъ за ливонскимъ епископомъ его духовныхъ нравъ въ этихъ земляхъ, съ тѣмъ чтобы нѣмцы помогали датчанамъ въ войнахъ съ язычниками и съ русскими. Однимъ словомъ король утвердилъ все то, что значилось въ соглашеніи между лундскимъ архіепископомъ и епископомъ Альбертомъ. Устроивъ это во всякомъ случаѣ важное дѣло, епископъ Альбертъ со своими спутниками возвратился въ Ригу, оставивъ, однако, въ распоряженіе короля брата своего Теодориха съ нѣкоторыми орденскими братіями. Король, докончивъ стѣны замка и оставивъ въ немъ Теодориха съ нѣмцами и датскій гарнизонъ, уѣхалъ въ Данію.

Эзельцы не замедлили напасть на новый замокъ, имѣвшій лишь стѣны, но еще не имѣвшій надлежащихъ помѣщеній для гарнизона. Они уже научились строить камнеметныя машины (датчане подарили нѣсколько такихъ машинъ чуди-варбольцамъ, по образцу ихъ эзельцы построили и себѣ 17 такихъ орудій), и, обложивъ замокъ, дѣйствовали изъ своихъ машинъ столь удачно, что гарнизонъ понесъ значительныя потери и согласился на сдѣланное ему предложеніе покинуть и замокъ и островъ, оставивъ заложниковъ впредь до утвержденія королемъ подобной капитуляціи. Согласно этой капитуляціи у эзельцевъ остались заложниками семеро датчанъ и епископскій братъ Теодорихъ, а весь гарнизонъ отплылъ въ Ревель.

Эзельцы разрушили датскія постройки до основанія, не оставивъ камня на камнѣ (non reliquentes lapidem super lapidem) и разослали гонцовъ по всей Эстоніи объявить какъ былъ взятъ королевскій замокъ и какъ были изгнаны христіане съ острова. Гонцы должны были призвать всѣхъ эстонцевъ къ возстанію и изгнанію христіанъ изъ ихъ земель и внушить, что не трудно взять и самый Ревель, если имѣть только камнеметныя машины, постройка которыхъ вовсе не затруднительна. Эзельскіе гонцы не напрасно побывали въ эстонщинѣ: вся Эстонія заволновалась и недавніе новокрещенцы возстали противъ христіанъ. Первыми поднялись чудь-варбольцы и чудь-гаррійцы: они изгнали изъ своихъ городковъ датчанъ и датскихъ священниковъ, убивъ нѣкоторыхъ, и послали гонцовъ въ Виронію, чтобъ чудь-вироицы также поднимались на датчанъ и перебили своихъ священниковъ. Вироицы и ервенцы, будучи людьми простодушными и смирными (cum ipsi sint homines simplices et humiliores aliis Estonibus, пишетъ Генрихъ въ XXVI гл. § 4), не хотѣли ни убивать своихъ священниковъ, ни выдавать ихъ гаррійцамъ, а

отослали ихъ здравыми въ Ревель, въ датскій замокъ (in castrum Danorum), слѣд. пристали къ возстанію. Это происходило зимою 1222 года. За чудью, возставшею противъ датчанъ, поднялись чудь-саккаланы. 29 января 1223 года возстаніе произошло въ Феллинѣ, гдѣ находился орденскій гарнизонъ и нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ. Повстанцы не дали пощады никому, истребили поголовно всѣхъ нѣмцевъ, и такому же истребленію предали нѣмцевъ въ одномъ изъ замковъ, построенныхъ на рѣкѣ Палѣ. За тѣмъ они вступили въ Ервенъ и начали свирѣпо умерщвлять находившихся здѣсь датчанъ. Генрихъ разсказываетъ (гл. XXVI, § 6), что схвативъ у одного изъ ервенскихъ городковъ нѣсколькихъ датчанъ и Гебба, бывшаго тутъ судьею (Hebbum, Danum, qui erat advocatus eorum), они привели ихъ въ городокъ и растерзали ихъ, у Гебба же, еще живого, вынули сердце, зажарили на огнѣ, съѣли, дабы сильнѣе дѣйствовать противъ христіанъ (ut fortes contra christianos efficerentur), тѣла же убитыхъ бросили на съѣденіе псамъ и птицамъ небеснымъ.

Феллинскіе старшины, по истребленіи нѣмцевъ въ Феллинѣ, послали гонцевъ въ Одемпе съ унганійцамъ и въ Юрьевъ къ тарбатцамъ, чтобъ и они поднимались и въ доказательство своей побѣды надъ нѣмцами они послали имъ окровавленные мечи, которыми были умерщвлены нѣмцы, а также платье и лошадей убитыхъ. Призывъ къ возстанію не остался втунѣ. Унганійцы и тарбатцы напали на нѣмцевъ и орденскую братію, находившихся въ ихъ земляхъ, перебили кого настигли, ограбили нѣмецкое имущество. Въ Тарбатѣ, по разсказу Генриха (гл. XXVI, § 7), въ это время находился орденскій священникъ Гартвигъ, человѣкъ тучный. Повстанцы посадили этого священника на жирнаго быка, и повели изъ городка бросить жребій кого изъ нихъ, священника или быка, принести въ жертву своимъ богамъ. Жребій палъ на быка, который и былъ принесенъ въ жертву. Священникъ остался живъ.

И прошло, говоритъ Генрихъ, слово (exivit verbum) по всей Эстоніи и Озиліи, что наступило время сразиться съ датчанами и нѣмцами, изгнать христіанство изъ всѣхъ предѣловъ ихъ земель. Дѣйствительно вся Эстонія поднялась противъ завоевателей: рыцари, купцы, священники, всѣ, однимъ словомъ, пришлые иноземцы были или изгнаны или умерщвлены, имущество ихъ ограблено; повстанцы укрѣпили всѣ свои городки, понастроили въ нихъ камнеметныя машины, подѣлили между собою самострѣлы (баллисты), доставшіеся имъ отъ умерщвленныхъ орденцевъ, учились дѣйствовать этими самострѣлами и послали гонцовъ въ Новгородъ и Псковъ, чтобъ русскіе спѣшили приходить въ Эстонію на борьбу съ завоевателями. Русскіе пришли; повстанцы однихъ поставили въ Феллинѣ, другихъ въ Тарбатѣ, иныхъ по другимъ городкамъ биться противъ нѣмцевъ, латинянъ и всѣхъ христіанъ (contra Teutonicos et Latinos et omnes Christianos pugnaturos).

Вмѣстѣ съ тѣмъ повстанцы отреклись и отъ католичества: снова взяли къ себѣ своихъ женъ, которыхъ оставили было при принятіи христіанства, повырывали своихъ умершихъ изъ кладбищъ и сожгли ихъ по языческому обычаю, обмыли свои дома и городки и вымели ихъ вѣниками (scopis purgantes), думая такимъ образомъ снять крещеніе во всѣхъ своихъ земляхъ. Но какъ ни сильно и не повсемѣстно обнаружилось возстаніе, оно ни въ какомъ случаѣ не могло повлечь за собою какихъ либо существенно важныхъ послѣдствій: у повстанцевъ не было общаго вождя, который бы руководилъ возстаніемъ, не было никакой общности дѣйствій, и самый союзъ съ русскими не служилъ ровно ни къ чему, такъ какъ и у русскихъ никакого единовластія не было и всѣ русскія земли, княжества и волости явно стремились къ особности другъ отъ друга, не подозрѣвая, конечно, что именно такія особности, именно отстутствіе единовластія и обусловливало общую слабость всей Россіи, раскинутой на огромномъ пространствѣ и угрожаемой со всѣхъ сторонъ врагами: съ востока хищными ордами кочевниковъ, съ запада не менѣе хищными народами, принявшими католичество изъ Рима.

Отсутствіе общаго вождя и всякаго единства въ дѣйствіяхъ у повстанцевъ облегчило укрощеніе возстанія нѣмцамъ, имѣвшимъ уже тотъ перевѣсъ надъ повстанцами, что во главѣ ихъ вооруженныхъ силъ стоялъ магистръ, которому орденская братія обязана была безусловнымъ повиновеніемъ, а общимъ управленіемъ дѣлами руководилъ энергическій епископъ, никогда не упускавшій изъ вида своей главной цѣли, съ которою онъ принялъ на себя епископскій санъ.

Война закипѣла во всей Эстоніи. Эзель вмѣстѣ съ викцами, варбольцами, ервенцами и виронцами осадили датчанъ въ Ревелѣ, но были съ большимъ урономъ отбиты соединенными силами датчанъ и нѣмцевъ, подоспѣвшими на освобожденіе датскаго замка. Но еще до того саккаланы отправили въ Ригу своихъ пословъ съ заявленіемъ, что саккаланы никогда не примутъ христіанства, но готовы обмѣнять находившихся въ ихъ рукахъ нѣмцевъ (очевидно, не всѣ нѣмцы были умерщвлены при возстаніи) на саккаланскихъ мальчиковъ, находившихся въ Ригѣ заложниками, обѣщая за каждаго мальчика отдать по одному орденскому рыцарю и купцу. Рижане согласились и обмѣнъ совершился.

Въ то самое время, когда часть нѣмецкихъ силъ ходила на освобожденіе Ревеля отъ осады, латыши шли войною на унганійцевъ. Отступникъ отъ православія Рамеко и другой латышскій старшина Варигербъ вторглись въ Унганію и опустошили все встрѣчное; унганійцы отплатили латышамъ такимъ же вторженіемъ въ ихъ земли и такими же опустошеніями. Тогда орденская братія въ свою очередь вступила въ Унганію, пожгла нѣкоторыя деревни, но усмирить возстанія своими силами не могла. Орденцы выступили изъ Ун-

ганіи и прибыли въ Ригу. Здѣсь они уже не застали Альберта: весною 1223 г., съ открытіемъ судоходства, онъ отправился въ Германію для призыва новыхъ крестоносцевъ. Въ Ригѣ орденцы обратились съ просьбою о помощи противъ повстанцевъ къ епископской дружинѣ и прочимъ рижанамъ. Тѣ согласились помогать, но съ условіемъ, чтобы орденъ удовольствовался третьею частію Эстоніи, предоставивъ ливонской церкви и рижскому епископу третью часть этой земли и возвративъ епископу Герману его третью часть. Орденъ согласился, и только тогда епископская дружина и рижане, созвавъ ливовъ и латышей, начали дѣйствовать вмѣстѣ съ орденскою братіею. Соединенными силами они пошли на усмиреніе Саккалы, подвергли жестокому опустошенію эту страну, пробрались къ рѣкѣ Палѣ и выжгли всю Нурмегунду, отрубили головы всѣмъ попавшимся въ плѣнъ, но Феллина, гдѣ находились русскіе, въ качествѣ гарнизона, не взяли, а воротились домой, подѣливъ добычу между собою по обычаю.

Въ началѣ лѣта 1223 г. сподвижникъ Альберта, семигальскій епископъ Бернгардъ прибылъ въ Ригу изъ Германіи со многими крестоносцами, чѣмъ, конечно, значительно были усилены военныя средства нѣмцевъ и явилась возможность дѣйствовать противъ повстанцевъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ было доселѣ.

Въ отомщеніе за разоренія въ Саккалѣ и Нурмегундѣ, саккаланы, унганійцы и ближайшіе къ нимъ другіе эстонцы и русскіе, находившіеся въ Феллинѣ, перешли чрезъ Имеру и начали предавать истребленію все встрѣчное въ земляхъ латышей и ливовъ, въ Торейдѣ и Метзеполѣ. Великою казнію поразили они край, пишетъ Генрихъ, перебили много народа, выжгли деревни и церкви, забрали большой полонъ и добычу. За тѣмъ они предприняли обратный походъ, но возвращеніе было неудачно: Рамеко съ латышами, а потомъ нѣмецкія силы изъ Риги выступили на преслѣдованіе уходившихъ эстонцевъ. Рамеко случайно наткнулся на отрядъ какого-то Варемара, начальствовавшаго русскими въ Феллинѣ, и разбилъ его, при чемъ Варемаръ былъ убитъ. Нѣмцы же настигли отступавшихъ на Имерѣ и нанесли имъ сильное пораженіе: плѣнные и добыча были отбиты; плѣнные получили свободу, но награбленная эстонцами добыча не была возвращена ни ливамъ, ни латышамъ: войско подѣлило ее между собою.

Послѣ побѣды на Имерѣ, епископъ Бернгардъ созвалъ войско на покореніе Феллина, главнаго пункта возстанія, гдѣ засѣли повстанцы и русскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь. Войско, въ числѣ 8000 человѣкъ, 1 августа 1223 г. обложило Феллинъ. Но осажденные уже имѣли у себя и камнеметныя машины и самострѣлы и оборонялись отчаянно двѣ недѣли. Стояли страшные жары и въ городкѣ, куда скрылось множество народа, скоро открылся недостатокъ въ съѣстныхъ принасахъ, а отъ гніенія труповъ развилась сильная зараза. Много

народа было убито въ городкѣ и много умерло отъ мороваго повѣтрія, тогда осажденные, оставшіеся въ живыхъ, рѣшились сдаться, обѣщаясь не измѣнять христіанству, снова принять иго христіанства (jugum disciplinae christianae, т. е. платить подати) и учинить удовлетвореніе за совершенное (вѣроятно, заплатить пеню). Нѣмецкое войско даровало жизнь сдавшимся эстонцамъ, но русскіе, пришедшіе на помощь саккаланамъ и находившіеся въ городкѣ, всѣ были повѣшены предъ городкомъ на страхъ другимъ русскимъ (ad terrorem aliorum Ruthenorum, пишетъ Генрихъ въ гл. XXVII, § 2), которые около этого времени въ значительныхъ силахъ приближались къ Ливоніи.

Было уже выше сказано, что при началѣ возстанія эстонцы призвали къ себѣ изъ Новгорода и Пскова русскихъ для борьбы съ католиками, усилили русскими гарнизоны своихъ городковъ, ходили вмѣстѣ съ русскими въ походы, но русскіе князья, однако, дѣятельнаго участія въ борьбѣ не принимали. Надобно полагать, хотя Генрихъ этого и не разсказываетъ, что одновременно съ призывомъ русскихъ изъ Новгорода и Пскова, саккаланскіе старшины побывали и въ Владимірѣ на Клязьмѣ у тогдашняго великаго князя Суздальскаго Юрія II Всеволодовича, чтобы склонить его и подручныхъ ему князей къ походу на датчанъ и нѣмцевъ. Посольство не осталось безплоднымъ. И послалъ, пишетъ Генрихъ въ XXVII гл. § 3, король Суздальскій брата своего и большое войско съ нимъ на помощь новгородцамъ, и пошли съ нимъ новгородцы и король Псковскій съ гражданами своими, и составилось войско силою около 20000 человѣкъ. Русскія лѣтописи, ни первая Новгородская, ни первая Псковская, ни слова не упоминаютъ о посольствѣ саккаланскихъ старшинъ къ Юрію II Всеволодовичу, но однакоже изъ нѣсколькихъ строкъ о событіяхъ 1223 г., записанныхъ въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 39) имѣемъ право заключить, что разсказъ Генриха долженъ быть принятъ какъ совершенно вѣрный.

Мы уже сказали (см. выше стр. 121), что великій князь Юрій II прислалъ новгородцамъ, по ихъ просьбѣ, княземъ въ Новгородъ своего брата Ярослава Всеволодовича Переяславскаго. Въ названной лѣтописи подъ 6731 (1223) годомъ читаемъ: „Приде князь Ярославъ въ Новгородъ и рады быша новгородцы: воеваша Литва около Торопца, и гонися по нихъ Ярославъ съ новгородцы до Всвята, не угони ихъ“. И далѣе: „Приде князь Ярославъ отъ брата и иде со всею областію къ Колываню“. Очевидно, князь Ярославъ, поднимая всю область на походъ, предварительно видѣлся съ братомъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что получилъ и часть суздальскаго войска на усиленіе войскъ новгородской области. Они рѣшились на походъ, но какъ было и не рѣшиться, когда вся Эстонія тянула къ Россіи, звала русскихъ, добровольно шла на единеніе съ русскими. Но послѣдуемъ за разсказомъ Генриха: мы тотчасъ увидимъ, что князья новгородскій и псковскій,

Ярославъ Всеволодовичъ и Владиміръ Мстиславичъ, не стояли на высотѣ своей задачи и не съумѣли воспользоваться обстоятельствами.

Русское войско, численностію въ 20000 человѣкъ. вступило, полагать надобно не ранѣе сентября 1223 г. въ Унганію и расположилось по близости древняго русскаго городка Юрьева въ Тарбатской землѣ. Тарбатцы, разсказываетъ Генрихъ. послали русскому войску большіе подарки (munera magna), орденскихъ братьевъ и нѣмцевъ, находившихся у нихъ въ плѣну, они передали въ руки князя, передали также лошадей и баллисты и многое другое (alia multa), прося помощи противъ латынянъ (contra Latinos). И поставилъ король т. е. князь Ярославъ своихъ мужей въ замокъ (in castro, т. е. въ Юрьевъ), дабы они имѣли начальство (dominium) въ Унганіи и всей Эстоніи. Отсюда князь съ войскомъ пошелъ въ Одемпе, русскіе предполагали идти знакомою уже дорогою на Венденъ и вмѣстѣ съ унганійцами ударить на нѣмцевъ, и уже пошли были на латышскія земли, но въ дорогѣ встрѣтились эзельскіе послы, которые присовѣтовали Ярославу направить войско на Ревель (Колывань у русскихъ), не безъ основаній утверждая, что, побѣдивъ датчанъ. легче будетъ совладать съ нѣмцами, къ тому же въ Ригѣ много крестоносцевъ готовыхъ сразиться съ непріятелемъ.

Эзельцы были совершенно правы, когда совѣтовали князю ударить на Ревель и датчанъ.

Въ самомъ дѣлѣ датчанъ было легче побѣдить уже потому одному, что имъ нельзя было расчитывать на полученіе помощи изъ Даніи отъ короля Вальдемзра II. неожиданно для всѣхъ очутившагося въ плѣну. Этотъ захватъ короля въ плѣнъ повлекъ за собою столь важныя послѣдствія для Даніи и Ливоніи, что объ обстоятельствѣ этомъ необходимо упомянуть подробнѣе.

Король Вальдемаръ II, продолжая завоевательную политику своихъ предшественниковъ, Вальдемара I и Канута VI, овладѣлъ многими нѣмецкими землями, въ томъ числѣ и незначительнымъ графствомъ Шверинскимъ. Владѣтели этого графства, Генрихъ и Гунцелинъ, еще въ 1214 г. вынуждены были признать короля Вальдемара II своимъ леннымъ государемъ и сдѣлаться его вассалами. Въ 1217 г. состоялся бракъ побочнаго сына короля Вальдемара II, Николая графа Голландскаго, съ единственною дочерью Гунцелина; въ видѣ приданнаго отецъ ей предоставилъ свою часть родовыхъ Шверинскихъ имѣній, къ числу которыхъ принадлежала и половина Шверинскаго замка. Вскорѣ послѣ бракосочетанія Гунцелинъ умеръ и Генрихъ началъ оспаривать права своей племянницы на Шверинскую землю и воспротивился передачѣ ихъ во владѣніе ей.

Тогда королевскій датскій намѣстникъ въ земляхъ по сю сторону Эйдера. Альбрехтъ Лауенбургскій (Орламюндскій), тотъ самый. о дѣйствіяхъ котораго въ Ливоніи неоднократно уже упоминалось, отобралъ у Генриха не только его половину Шверинскаго замка. но и всю половину его графства, такъ что Генрихъ явился лишеннымъ всѣхъ своихъ имѣній и владѣній. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы силою добывать себѣ отнятое у него графомъ Альбрехтомъ, и потому рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Войдя въ соглашеніе съ мелкими владѣльцами Мекленбургскихъ и Люнебургскихъ земель. онъ соста-

вилъ планъ захватить короля въ плѣнъ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнитъ требованій его. Съ такимъ намѣреніемъ онъ явился къ датскому двору, часто сопровождалъ короля Вальдемара въ его охотахъ и искалъ удобнаго случая привести свое намѣреніе въ исполненіе. Случай къ тому представился, когда король со своимъ сыномъ и графомъ Генрихомъ Шверинскимъ отправился на охоту на маленькій островъ Лізе у Фіоніи. Ночью на 7 мая 1223 г. Генрихъ напалъ на короля и его сына въ ихъ палаткѣ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе обоихъ, овладѣлъ ими. Обоихъ плѣнниковъ онъ немедленно же перетащилъ на приготовленный заранѣе корабль, на кораблѣ достигъ Мекленбургскаго берега, высадился здѣсь и быстро провезъ ихъ чрезъ Мекленбургскія и Люнебургскія земли и наконецъ доставилъ въ саксонскій замокъ, Данненбергъ. принадлежавшій одному изъ его друзей и сообщниковъ. Здѣсь, конечно, были приняты всѣ мѣры, чтобъ не выпускать короля изъ заключенія. По ходатайству датчанъ, папа Гонорій III потребовалъ, чтобъ Генрихъ Шверинскій освободилъ своего плѣнника, но тотъ и не думалъ исполнять папскаго требованія, тѣмъ болѣе что императоръ Фридрихъ II не только не хотѣлъ поддержать папское требованіе, напротивъ всячески старался, чтобъ забрать датскаго короля въ свою собственную власть. Лѣтомъ 1223 г. начались переговоры и конференціи между датскими уполномоченными и королемъ Вальдемаромъ съ одной стороны и папскими и имперскими уполномоченными и Генрихомъ Шверинскимъ съ другой. За освобожденіе изъ плѣна отъ Вальдемара потребовали уплатить Генриху Шверинскому выкупа 40000 марокъ серебра, возвратить Римской имперіи всѣ нѣмецкія земли, завоеванныя датчанами, а Данію признать имперскимъ леномъ. Датскіе уполномоченные и Вальдемаръ II соглашались на всѣ условія, кромѣ признанія зависимости Даніи отъ имперіи, но именно отъ этого условія не отступалъ императоръ. Вслѣдствіе этого переговоры и конференціи кончились ничѣмъ: дѣло могло быть рѣшено только оружіемъ и войною, которая и не замедлила.

Находясь въ плѣну король не могъ подать никакой помощи Ревелю. Вотъ почему эзельцы совѣтовали русскимъ идти на Ревель.

Князь послушался эзельцевъ и направился въ Саккалу, на Феллинъ. Онъ нашелъ эту землю уже покоренною нѣмцами, Феллинъ и другой городокъ на Палѣ уже завоеванными и своихъ русскихъ новѣшанными въ Феллинѣ.

Князь, говоритъ Генрихъ, сильно прогнѣвался на саккаланъ (вѣроятно за скорую сдачу Феллина), и гнѣвъ свой положилъ на нихъ, и казнилъ Саккалу великою казнію, перебилъ тѣхъ, которые сдали городокъ. Изъ Саккалы князь пришелъ въ Ервенъ, призвалъ къ себѣ окрестную чудь съ эзельцами и затѣмъ осадилъ датскій замокъ Ревель. Осада продолжалась четыре недѣли и была совершенно неудачною для русскихъ. Понеся большую потерю, князь отступилъ отъ Ревеля и со стыдомъ воротился въ Россію, опустошивъ лишь окрестныя земли. Но, кажется, была и другая причина возвращенія. Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 6731 (1223) читаемъ: „И иде со всею областью къ Колывани, и повоева всю землю чудскую, а полона приведе безъ числа, но города не взяша, злата много взяша и придоша всѣ здрави“. Тоже самое сказано и въ первой Псков-

ской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. IV, 27): „города не взяша, а злата много взяша“.

Это упоминаніе о златѣ даетъ поводъ подозрѣвать, что князь Ярославъ, подобно своимъ предшественникамъ, дѣлавшимъ походы въ Эстонію (см. выше стр. 163), удовольствовался выкупомъ и, получивъ деньги, снялъ осаду. Впослѣдствіи псковичи упрекали въ томъ Ярослава: „Къ Колывани есте ходивше серебро поимали, а сами поидосте въ Новгородъ, и правды не створисте, города не взясте, а у Кеси (Вендена) тоже, а у Медвѣжьей Головѣ (Одемпе) тоже“.

Какъ бы то ни было, но отступленіемъ отъ Ревеля и обратнымъ выходомъ въ новгородскіе предѣлы князь Ярославъ развязалъ руки и датчанамъ и нѣмцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что, удовольствовавшись деньгами, онъ совершенно не понималъ интересовъ своей земли: всѣ чудскіе народцы шли съ нимъ на датчанъ; изгнаніе послѣднихъ изъ Эстоніи было дѣломъ не невозможнымъ, ибо они еще не успѣли упрочить здѣсь свою власть; совладавъ съ датчанами, ему не трудно бы было совладать и съ нѣмцами, потому что ливы, конечно, стали бы на его сторонѣ, а латыши, хотя и были усердными слугами нѣмцевъ и католиковъ (они, конечно, не подозрѣвали какъ католики имъ отблагодарятъ за ихъ усердіе), не могли быть особенно сильными союзниками нѣмцевъ, но для всего этого необходимы были искуство пользоваться обстоятельствами и настойчивость въ осуществленіи цѣли, съ которою былъ предпринятъ походъ. Князя звали чудскіе народцы помочь освобожденію ихъ отъ латинянъ, приняли его мужей для начальствованія надъ пими, онъ вступилъ въ Эстонію съ цѣлію помочь возстанію, и, удовольствовавшись датскими деньгами, выступилъ обратно домой, упустивъ случай способствовать единенію всей Эстоніи съ Новгородскою Русью. Подобные случаи не повторяются, и кто ихъ упускаетъ, тотъ самъ испытываетъ бѣды, происходящія отъ собственной недальновидности и непониманія своего положенія. Псковъ и Новгородъ скоро на себѣ испытали, какъ это увидимъ ниже, всѣ послѣдствія утвержденія въ Ливоніи пришельцевъ.

Но обратимся къ изложенію событій, послѣдовавшихъ за удаленіемъ Ярослава изъ Эстоніи.

Орденская братія и нѣмцы, усмиривъ Саккалу, принялись за усмиреніе другихъ чудскихъ земель. Прежде всего они бросились на Юрьевъ, гдѣ находились русскіе, но ничего не могли подѣлать съ этимъ городкомъ: бились безуспѣшно пять дней, опустошили окрестную страну, но отступили и сдѣлали походъ въ Ервенъ. Ервенцы, покинутые русскими, смирились, обѣщали повиноваться нѣмцамъ и дали заложниковъ въ томъ. Между тѣмъ новгородцы прислали для начальствованія въ Юрьевѣ бывшаго кукейноскаго князя Вячко, непримиримаго и ожесточеннаго врага латинянъ. Онъ прибылъ сюда съ дружиною въ 200 чел. и былъ охотно (cum gaudio, пишетъ Генрихъ

въ гл. XXVII, § 5) принять чудью, ему дали дань съ окрестныхъ земель, и онъ немедленно же по прибытіи открылъ враждебныя дѣйствія противъ всѣхъ, кто ему дани не далъ, и въ особенности противъ нѣмцевъ и католиковъ.

Рижане и орденская братія послѣ Рождества 1223 г. рѣшились взять Юрьевъ какъ самый враждебный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый опасный пунктъ, начавшій возстаніе; собрали войско, выступили въ походъ, но, однакоже, на Юрьевъ нападенія не сдѣлали, а предпочли идти на усмиреніе и покореніе Гарріи и Ервена. Это они и сдѣлали. Въ Гарріи осадили городокъ Лоне и заставили гаррійцевъ смириться и просить мира. Смирились также и ервенцы и виронцы, такъ что къ началу 1224 года возстаніе въ Эстоніи было почти подавлено. Одинъ только Юрьевъ съ тарбатскою землею остался непокорнымъ нѣмцамъ, а начальствовавшій въ Юрьевѣ князь Вячко и не думалъ смиряться. Онъ собиралъ дань съ сосѣдней съ Юрьевымъ чуди, безпрестанно дѣлалъ набѣги на чудь, которая покорялась католикамъ, и со своими русскими и тарбатскою чудью былъ, по выраженію Генриха (гл. XXVIII, § 2), петлею и сущимъ дьяволомъ для саккаланъ и другихъ окрестныхъ эстонцевъ (erat in laqueum et in diabolum magnum Saccalanensibus et aliis Estonibus adiacentibus). Генрихъ могъ бы прибавить, что Вячко для католиковъ былъ опасенъ не столько своими набѣгами, сколько тѣмъ, что, будучи непримиримымъ врагомъ католиковъ, онъ былъ центромъ, около котораго могли групироваться всѣ недовольные пришельцами, и слѣд. могъ угрожать новыми возстаніями. Вотъ почему взятіе Юрьева сдѣлалось главною задачею завоевателей чуть лишь они усмирили возстаніе.

Весь тревожный и даже опасный для датчанъ и нѣмцевъ въ Ливоніи 1223 годъ епископъ Альбертъ провелъ въ Германіи, собирая крестоносцевъ, и тутъ не упустилъ извлечь для себя всѣ выгоды, неожиданно представившіяся со взятіемъ въ илѣнъ короля датскаго. Мы видѣли (см. выше стр. 212), что Вальдемаръ II съ самаго 1220 г. не пропускалъ въ Ливонію Германа, епископа эстонскаго, никакъ не соглашаясь признать его епископомъ тѣхъ земель, которыя Альбертъ предназначилъ ему. Теперь, когда король находился въ Даннебергѣ, обстоятельства измѣнились на столько, что можно было сдѣлать попытку на уступки со стороны короля. Альбертъ и Германъ отправились къ королю въ Даннебергъ, и здѣсь добились того, что Вальдемаръ II не только дозволилъ Герману выѣхать въ Ливонію, но и утвердилъ за нимъ эстонское епископство.

Весною послѣ открытія судоходства, оба епископа со многими крестоносцами прибыли въ Ригу, гдѣ были приняты, конечно, съ большимъ торжествомъ. Первымъ дѣломъ епископовъ были, какъ свидѣтельствуетъ Генрихъ въ гл. XXVIII, § 2, не духовныя дѣла, а дѣлежъ эстонскихъ земель, которыя были заняты нѣмцами. По дѣлежу

и жребію рѣшились отдать: Унганію съ ея землями (приблизительно нынѣшній Дерптскій уѣздъ) епископу Герману; Саккалу (приблизительно нынѣшній Феллинскій уѣздъ) орденской братіи; церкви же св. Маріи и рижскому епископу предоставили морское побережье съ семью килегундами (Maritimam cum septem Kylegundis — это Викъ, т. е. земли, прилегающія къ морю отъ нынѣшняго Пернова къ Леалю, Гапсалю почти до Балтійскаго Порта). Объ остальныхъ эстонскихъ земляхъ, Ревельской, Гарріи, Ервенѣ и Вироніи рѣчи не было: онѣ оставлялись за датчанами.

Подѣливъ такимъ образомъ эстонскія земли, епископы и орденъ очень хорошо видѣли, что пока существуетъ въ тарбатской землѣ русскій городокъ Юрьевъ и въ немъ начальствуетъ Вячко спокойное владѣніе Унганіею и Саккалою невозможно. „Къ тому королю, пишетъ Генрихъ въ гл. XXVIII, § 3, собрались всѣ злодѣи съ окрестныхъ земель и изъ Саккалы, измѣнники и убійцы ихъ собственныхъ братьевъ, орденскихъ братьевъ и купцовъ, зачинщики злыхъ замысловъ противъ ливонской церкви. Начальникомъ и господиномъ ихъ былъ оный король, древній корень всякаго зла въ Ливоніи“.

Два раза пытался орденъ овладѣть Юрьевымъ, одинъ разъ зимою 1223 г., другой разъ послѣ Пасхи 1224 г. (послѣ 14 апрѣля), и въ оба раза потерпѣлъ неудачу. Юрьевскій городокъ былъ сильнѣе всѣхъ прочихъ эстонскихъ городковъ: его сами нѣмцы до возстанія чуди укрѣпили и снабдили военными запасами и машинами. Опытъ уже показалъ, что овладѣть Юрьевымъ не очень легко, потому что въ распоряженіи Вячко кромѣ его русской дружины, которую онъ привелъ съ собою, находилось не мало и чуди, отрекшейся отъ католичества, которая и слышать не хотѣла о какомъ бы то ни было примиреніи съ католиками. Приходилось слѣд. готовиться къ большому походу, подниматься всѣми силами, какія только были въ распоряженіи епископа и ордена, чтобы уничтожить послѣдній русскій оплотъ въ краѣ и послѣдній городокъ, въ которомъ находили убѣжище всѣ враги католичества и изъ котораго могли питать возстанія въ прочихъ земляхъ, съ трудомъ усмиренныхъ.

Приготовленія начались лѣтомъ 1224 года, но предварительно епископы отправили посла къ Вячкѣ съ требованіемъ, чтобъ онъ отступился отъ мятежной чуди, отрекшейся отъ католичества и обратившейся въ язычество, которая, перебивъ орденскую братію и своихъ господъ, нашла убѣжище въ Юрьевѣ и отсюда безпрестанно нападаетъ на сосѣднія земли, исповѣдующія уже католичество, грабитъ и опустошаетъ ихъ. Вячко, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчалъ, что отъ чуди не отступится и Юрьева не покинетъ, такъ какъ новгородцы и русскіе князья подарили ему на вѣчныя времена (perpetua donatione donaverant) этотъ городокъ съ окрестными землями и обѣщали оборонять его отъ нападеній нѣмцевъ (a Teutonicorum impugnatione).

Отвѣтъ этотъ показалъ, что смирить Вячко можно только оружіемъ и открытою силою. Вячко видѣлъ грозу, собиравшуюся надъ Юрьевомъ и послалъ въ Новгородъ за помощью, но тамъ шла обычная неурядица. Послѣ похода подъ Колывань, изъ котораго новгородцы, какъ сказано выше, „злата много взяша“, князь Ярославъ съ княгинею и дѣтьми ушелъ изъ Новгорода въ свой удѣлъ, въ Переяславъ. Новгородцы, сказано въ перкой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 39), кланялись ему: не ходи, княже, онъ же пойде по своей воли. Новгородцы тогда послали къ великому князю Юрію за сыномъ, и князь далъ имъ опять сына своего Всеволода Юрьевича, который прибылъ въ Новгородъ лѣтомъ 1224 г., въ то время, когда Альбертъ и орденъ заканчивали свои приготовленія къ большому походу на Юрьевъ. Новгородцы обѣщали помочь, обѣщали прислать войско, но при неурядицѣ, происшедшей вслѣдствіе неимѣнія князя т. е. начальника военныхъ силъ, медлили приготовленіями, медлили отправленіемъ войска, быть можетъ, и потому, что не знали рѣшенія Альберта покончить съ Юрьевымъ въ чтобы то ни стало, такъ какъ безъ взятія этой крѣпостцы совершенное усмиреніе чуди не могло считаться законченнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1224 г. онъ двинулъ на Юрьевъ рѣшительно всѣ силы, какими только могъ располагать въ то время. Оба епископа, крестоносцы, орденская братія, обѣ епископскія дружины (Альберта и Германа), рижскіе купцы и граждане (mercatores et cives), ливы и латыши, собрались у озера Астіерва (нынѣ Буртнекское), по всей вѣроятности, у Беверинскаго городка и отсюда двинулись въ походъ. Епископы раздѣлили тутъ войско на двѣ части: одну часть отправили въ Виронію для усмиренія мятежныхъ еще жителей этой земли, а съ другою пошли прямо на Юрьевъ, подъ которымъ и стали 15 августа 1224 года, въ день Успенія Божіей Матери.

Генрихъ не показываетъ численности собраннаго Альбертомъ войска, но надобно полагать, что оно было для того времени далеко не маленькое. Вячко также приготовился къ оборонѣ: крѣпость была изрядно вооружена, а гарнизонъ ея составляли двѣ сотни русскихъ и нѣсколько сотъ эстонцевъ, потому что едва-ли могъ тогдашній Юрьевъ больше и вмѣстить въ себя защитниковъ.

Поля предъ Юрьевымъ покрылись палатками и Альбертъ немедленно же началъ осаду. Приставили камнеметныя машины и большую подвижную деревянную башню (propugnaculum), высотою равною съ высотою крѣпостной стѣны, подвинули эту башню къ крѣпостному рву и начали подкапываться подъ стѣну, чтобы часть ея обрушилась, завалила ровъ и тѣмъ явилась бы возможность подвинуть башню къ самой стѣнѣ, а съ башни уже бить каменьями въ осажденныхъ внутри городка. Войско раздѣлилось на двѣ части: одна часть копала

землю, другая относила ее въ сторону. Работали день и ночь, и къ утру часть стѣны обрушилась. Тогда осаждающіе придвинули башню къ замку, готовясь къ штурму, но предъ тѣмъ послали къ Вячку въ крѣпость священника и рыцаря предложить ему сдаться съ обѣщаніемъ предоставить ему свободный выходъ изъ Юрьева со всею его дружиною, лошадьми и всѣмъ имуществомъ, если только онъ выступитъ изъ замка и покинетъ эстонцевъ. Вячко отказался на отрѣзъ отъ сдачи, надѣясь на прибытіе новгородцевъ.

Тутъ въ палаткахъ разнеслась вѣсть, что идутъ русскіе, опустошавшіе землю. Нѣмцы тотчасъ же выступили въ поле на встрѣчу имъ, оставивъ другихъ продолжать осаду. Тревога оказалась ложною, и осада продолжалась съ удвоенною силою. Изъ камнеметныхъ машинъ, полетѣли въ замокъ камни, раскаленное желѣзо, горшки съ горящими углями; одни дѣйствовали машинами, называвшимися „ежомъ и свиньею“ (ericios et porcos), другіе носили дрова, чтобы поджигать крѣпость. Осажденные не унывали, били католиковъ, стрѣляли изъ самострѣловъ и каменьями изъ камнеметныхъ машинъ. Днемъ бились, но ночамъ устраивали игры и пѣсни (clamores); ливы и латыши ударяли мечами о щиты и кричали, нѣмцы били въ литавры, трубили въ трубы, играли на свирѣляхъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней: осажденные не сдавались и никто не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью.

Тогда осаждающіе составили военный совѣтъ, на которомъ присутствовали Фредерикъ и Фредегольмъ, предводители (вѣроятно начальники частей), и одинъ судья крестоносцевъ, человѣкъ знатный и богатый, который сказалъ: „Нужно взять этотъ замокъ (castrum istud) открытою силою и учинить возмездіе злодѣямъ на страхъ другимъ. Въ прочихъ замкахъ, которые брали ливонцы, всегда оставляли жизнь и свободу осажденнымъ, а отъ этого исчезъ всякій страхъ между прочими. Теперь же, кто изъ нашихъ первый взойдетъ въ замокъ, тотъ долженъ быть превознесенъ великою честью: ему нужно дать лучшую лошадь и знатнѣйшаго плѣннаго, какой только окажется въ замкѣ, короля же мы новѣсимъ на самомъ высокомъ деревѣ и вознесемъ выше всѣхъ!“.

Понравился такой совѣтъ, говоритъ Генрихъ, и утромъ послѣ обѣдни, началось сраженіе; эстонцы выкатили чрезъ проломъ въ валу колеса, наполненныя углемъ, направили ихъ на башню, набросали дровъ, чтобъ сжечь башню. Католики, однако, разметали горящія дрова, уничтожили колеса и тѣмъ защитили башню. Другіе въ это время натащили дровъ, зажгли крѣпостной мостъ. Русскіе бросились къ воротамъ и мосту. Этимъ воспользовались осаждающіе. Братъ епископа, знаменитый рыцарь Іоаннъ Апельдернъ, съ огнемъ въ рукѣ первый взошелъ на валъ, за нимъ шолъ его слуга, Петръ Оге, и они по лѣстницѣ влѣзли на самое укрѣпленіе. За ними полѣзли другіе,

нѣкоторые ворвались въ замокъ чрезъ проломъ, изъ котораго были выкачены колеса. Началась тогда общая рукопашная свалка и рѣзня внутри самаго городка. Осаждающіе не дали никому пощады, убивая всѣхъ, кто ни попадался, не исключая и женщинъ. Русская дружина въ числѣ 200 человѣкъ, предводимая Вячко, защищалась отчаянно и была истреблена поголовно вся, самъ Вячко палъ въ битвѣ. До тысячи эстонцевъ, находившихся въ городкѣ, были убиты. Бѣжать изъ городка не удалось никому, потому что остальное, неучавствовавшее въ общемъ штурмѣ, войско было разставлено кругомъ городка и убивало всякаго, кто бѣжалъ изъ него. Всѣ мущины, находившіеся въ городкѣ, были убиты до одного человѣка; оставили въ живыхъ только одного какого-то суздальскаго боярина (vassalus magni regni de Susdalia, называетъ его Генрихъ). Орденская братія дала ему одежду и хорошаго коня и отправила его изъ Юрьева, чтобъ онъ въ Новгородѣ и Владимірѣ на Клязьмѣ возвѣстилъ князьямъ о происшедшемъ.

По умерщвленіи всѣхъ мущинъ, въ католическомъ войскѣ началось великое торжество (exultatio magna) и игра на свирѣляхъ и музыкальныхъ инструментахъ съ боемъ въ литавры. За тѣмъ войско собрало русское оружіе, одежду, лошадей и всякаго рода добычу, какая только нашлась въ городкѣ, забрало оставшихся въ живыхъ женщинъ и дѣтей, и выступило изъ городка, предавъ его огню. На другой день войско отправилось въ обратный походъ домой, прославляя Господа Бога за побѣду, яко благъ и яко въ вѣкъ милость Его, пишетъ Генрихъ.

Епископы и войско имѣли полное право праздновать побѣду. По своимъ послѣдствіямъ она были самою важною изъ всѣхъ, какія только католики одерживали до сихъ поръ: послѣдній русскій пунктъ палъ, всѣ эстонцы, какіе еще открыто противились католичеству, погибли и только теперь католики могли съ увѣренностію сказать, что окончательно смирили возстаніе въ Эстоніи. Слухъ о паденіи Юрьева, о гибели русскихъ и истребленіи въ тарбатской землѣ всѣхъ повстанцевъ быстро распространился по Эстоніи, и вся чудь торопилась заявить епископу Альберту покорность изъ страха, конечно, гибели и разоренія. Эзельцы освободили брата епископа, Теодориха, находившагося у нихъ заложникомъ (см. выше стр. 223) и отпустили его домой, вѣроятно, со всѣми другими заложниками; старшины викцевъ прибыли въ Ригу съ заявленіемъ повиновенія епископу и съ данью за два года, которую они не платили по причинѣ датчанъ; съ такими же заявленіями и подарками представились епископу старшины варбольцевъ, вironцевъ, ервенцевъ. Однимъ словомъ торжество Альберта было полное, а его брату Герману, епископу эстонскому, явилась возможность устроиться въ своей части, доставшейся ему по дѣлежу. Со своею дружиною и духовенствомъ онъ отправился въ Унганію, тотчасъ же началъ возводить вновь замокъ въ Одемпэ, поставилъ здѣсь нѣмецкій гарнизонъ подъ начальствомъ знатныхъ мужей и

рыцарей, своего зятя Энгельберта Тизенгузенскаго, своего брата Теодориха, Гельмгольда Люнебургскаго и Іоанна Даленскаго, и каждому изъ нихъ далъ въ ленъ по килегундѣ земли. Вызвалъ онъ въ Унганію священниковъ и обезпечилъ имъ и церквамъ содержаніе. Мѣстомъ для епископскаго конвента онъ избралъ Юрьевъ, который съ этихъ поръ подъ именемъ Дарбата и Дерпта сдѣлался мѣстопребываніемъ епископа.

Такъ появилось Дерптское епископство, просуществовавшее, какъ увидимъ, до половины XVI ст.

Орденъ также не бездѣйствовалъ послѣ паденія Юрьева: орденская братія отправилась въ свою часть, въ Саккалу, и начала отстраивать Феллинъ, скоро обратившійся изъ городка въ сильную и большую крѣпость. Въ Саккалѣ орденъ устроилъ приходы и поставилъ въ нихъ своихъ священниковъ, назначивъ имъ содержаніе. За тѣмъ подѣлили эстонскую землю Вайгу: одну ея часть, прилегавшую къ рѣкѣ Эмбаху и Пейпускому озеру, предоставили епископу Герману, которая и вошла въ составъ дерптскаго епископства, другая же часть съ эстонскими землями — Нурмегундою и Мохою — орденъ удержалъ за собою, присоединивъ ихъ къ Саккалѣ.

Что же дѣлали новгородцы, гдѣ они были въ то время, когда Альбертъ торжествовалъ свою побѣду надъ Вячко?

Мы видѣли (см. выше стр. 233), что они обѣщали помочь Юрьеву; собрали войско и выступили въ походъ, но уже было поздно. Прибывъ въ Псковъ, вѣроятно, въ сентябрѣ 1224 г. (Юрьевъ палъ, по всей вѣроятности, въ послѣднихъ числахъ августа: Генрихъ, обозначивъ день прибытія подъ Юрьевъ нѣмецкаго ополченія, не обозначаетъ дня, когда послѣдовалъ послѣдній общій штурмъ Юрьевскаго замка), они узнали тутъ, что имъ уже не зачѣмъ и ходить подъ Юрьевъ: этотъ древній Ярославовъ городокъ уже палъ, и русская дружина съ княземъ Вячкомъ погибла до однаго человѣка. Съ большою скорбію и неудовольствіемъ воротились они въ свой городъ, пишетъ Генрихъ, а новгородскій лѣтописецъ (см. П. С. Р. Л. III, 39) отмѣтилъ подъ 1224 г.: „Того же лѣта нѣмцы убиша князя Вячка въ Юрьевѣ, а городъ взяша“.

Новгородцамъ, дѣйствительно, ничего не осталось дѣлать какъ уйти домой: въ Эстоніи они уже не встрѣтили бы поддержки мѣстныхъ жителей, возстаніе которыхъ было уже усмирено. Не съумѣли новгородцы пользоваться временемъ, когда эстонцы звали ихъ къ себѣ и передавались имъ; являться въ Эстонію было теперь и безполезно и опасно, потому что противъ нихъ выступили бы соединенныя силы епископовъ, ордена и крестоносцевъ, ничѣмъ не отвлекаемыя и ничѣмъ не сдерживаемыя. Къ тому же въ самомъ Новгородѣ въ это самое время возникла сильная неурядица. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, ночью, со всѣмъ дворомъ своимъ ушелъ тайно изъ Новгорода въ Торжокъ.

Сюда прибылъ его отецъ, великій князь Юрій II, съ войскомъ и другими князьями и потребовалъ отъ новгородцевъ выдачи враждебныхъ ему бояръ и посадника Ивана Дмитровича (вражда съ боярами и посадникомъ, вѣроятно, и побудила Всеволода тайно уйти изъ Новгорода), говоря (см. четвертую Новгородскую лѣтопись въ Пол. Соб. Рус. Лѣт. IV, 28): „Аще ли сихъ не выдадите, ино поилъ есмь конь Тверью, а къ тому еще Волховомъ напою“. Новгородцы, услышавъ это, начали готовиться къ оборонѣ, а къ Юрію послали сказать: „Кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдимъ, крови же не проливай: твой мечъ, а наши головы!“ Князь Юрій, видя что новгородцы безъ боя не сдадутся, предложилъ имъ въ князья своего шурина князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Новгородцы согласились и послали за Михаиломъ. Князь Юрій, говоритъ лѣтописецъ, вышелъ изъ Торжка, „много пакости подѣя“ новгородцамъ.

Не меньше пакостей надѣлали и литовцы: они вторглись въ это самое время въ новгородскіе земли около Рушонъ, ограбили здѣсь, перебили не мало народа.

Такъ при подобныхъ обстоятельствахъ гдѣ ужь было думать о военныхъ предпріятіяхъ и походахъ. Новгородцы и псковичи сочли благоразумнѣйшимъ помириться съ нѣмцами: отправили они пословъ въ Ригу, которые, какъ пишетъ Генрихъ, и просили тутъ того, что служитъ къ миру (ea, quae pacis sunt). Рижане приняли пословъ, заключили миръ съ ними и заплатили русскимъ дань, которую они всегда имѣли съ Толовы. По всей вѣроятности, они тутъ же обязались выплачивать дань и впредь (дань платилась въ теченіе многихъ лѣтъ спустя, какъ было уже замѣчено выше на стр. 178), лишь бы новгородцы и псковичи не вмѣшивались въ управленіе Толовою. Новгородцы и псковичи согласились на это и епископъ Альбертъ въ томъ же 1224 г. подѣлилъ толовскихъ латышей (т. е. доходы съ нихъ), какъ пишетъ Генрихъ, между собою и орденомъ: себѣ взялъ двѣ части, а третью предоставилъ ордену.

Заключивъ миръ съ Новгородскую Русью, смиривъ эстонскіе народцы, выслушавъ заявленія покорности отъ ихъ старшинъ, принявъ въ Ригѣ пословъ и отъ другихъ народцевъ, еще не покоренныхъ католиками, эзельцевъ, семигалловъ, куроновъ, прибывшихъ съ подарками и предложеніями мира, давъ миръ всѣмъ, кто ни просилъ о мирѣ, епископъ Альбертъ къ осени 1224 г. могъ успокоиться послѣ непрерывныхъ 25-ти лѣтнихъ трудовъ, усилій, войнъ и опасностей всякаго рода. Смирилась вся страна, покоренная католиками. „И вышли, пишетъ Генрихъ въ гл. XXIX, § 1 своей лѣтописи, эстонцы изъ городковъ своихъ и отстроили вновь свои сожженныя деревни и церкви; точно также ливы и латыши повыходили изъ глубины лѣсовъ, въ которыхъ они скрывались въ теченіе многихъ лѣтъ во время войнъ,

и каждый воротился въ свою деревню и къ своимъ полямъ, и пахали и сѣяли съ большею безопасностію, какой они не имѣли за сорокъ лѣтъ предъ симъ (значитъ проповѣдь Мейнгарда началась, какъ и сказано уже выше на стр. 74, въ 1184 г.), когда литовцы и другіе народы не оставляли ихъ въ покоѣ и безопасности какъ предъ проповѣдью слова Божія, такъ и послѣ крещенія. Теперь въ это время и въ этомъ году они начали наслаждаться миромъ и успокоились на своихъ поляхъ и въ работахъ, и ие было такого, кто бы ихъ устрашалъ. А такъ какъ они полнѣе научились христіанской вѣрѣ, то и познали Іисуса Христа, сына Божія, который послѣ печальныхъ войнъ и убіенія многихъ, послѣ морового новѣтрія и многихъ золъ умилосердился наконецъ надъ своимъ оставшимся народомъ, даровавъ ему миръ и утвержденіе.“

VIII. Папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій въ Ливоніи и событія въ ней до смерти Альберта.

Назначеніе епископа Вильгельма Моденскаго легатомъ въ Ливонію. — Объѣздъ земель ливовъ, латышей и эстонцевъ. — Посольства къ легату. — Объѣздъ подвинскихъ земель. — Передача легата у спорныхъ земель. — Путешествіе легата въ уступленныя папѣ земли. — Соборъ въ Ригѣ. — Отъѣздъ легата и проповѣдь крестоваго похода на Эзель. — Покореніе Эзеля. — Переходъ всей Эстоніи подъ власть нѣмцевъ. — Начало покоренія Семигалліи. — Смерть Альберта. — Назначеніе Николая рижскимъ епископомъ. — Неурядицы. — Мысль о соединеніи орденовъ.

(1225—1231).

Къ началу 1225 г. нынѣшнія Лифляндская и Эстлянская губерніи явились въ полномъ владѣніи католиковъ; набѣги, возстанія стихли. Завоевателямъ приходилось теперь поразобраться въ своихъ завоеваніяхъ, точнѣе опредѣлить отношенія между собою, и прежде всего выяснить кому и чѣмъ именно владѣть. Мы видѣли, что датчане овладѣли сѣверными частями нынѣшней Эстляндской губерніи, но точнаго опредѣленія границъ ихъ пріобрѣтеній въ Эстоніи отъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ этой странѣ нѣмцами, еще не было, Виронія оставалась спорною землею. Мы видѣли, что нѣмцы въ своихъ пріобрѣтеніяхъ хотя и размежевались, но эти размежеванія не имѣли за собою авторитетнаго утвержденія, на которое бы можно было ссылаться при возникающихъ недоумѣніяхъ и сиорахъ.

Неопредѣленность положенія и отношеній замѣчались всюду; прежде всего слѣдовало бы устранить эту неопредѣленность между

датчанами и нѣмцами, но король датскій все еще находился въ плѣну, и обстоятельства складывались такимъ образомъ, что Даніи угрожало обращеніе въ имперскій ленъ. Императоръ Фридрихъ II былъ до того занятъ италіанскими дѣлами, что не обращалъ вниманія даже на то, что совершается въ Германіи, а не то, чтобъ заниматься вопросами Ливоніи, леннымъ государемъ которой онъ числился на бумагѣ, если не на дѣлѣ. Такъ къ кому же было обратиться епископу Альберту за посредничествомъ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ дѣлъ, если не къ папѣ, авторитетъ котораго въ Западной Европѣ былъ еще очень силенъ. Датчане, враждовавшіе въ это время съ императотромъ, могли послушаться только папскаго рѣшенія, къ папѣ потому и обратился епископъ Альбертъ. Онъ послалъ къ Гонорію III своего священника Маврикія съ просьбою назначить для Ливоніи легата отъ апостольскаго престола для посредническаго рѣшенія спорныхъ дѣлъ между нѣмцами и датчанами и утвержденія отношеній между епископами и военно-монашескимъ орденомъ въ самой Ливоніи Папа согласился на эту просьбу и 31 декабря 1224 г. назначилъ легатомъ въ Ливонію своего вицеканцлера, епископа моденскаго Вильгельма (савойца родомъ, монаха картезіанскаго ордена), отличавшагося сколько своею ученостію, столько же и умѣньемъ найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ Лучшаго посредника и желать нельзя было.

Весною 1225 г. Вильгельмъ съ крестоносцами и многочисленною свитою, въ сопровожденіи священника Маврикія, прибылъ къ Динаминду. Епископъ Альбертъ и рижане вышли изъ Риги на встрѣчу легату, съ радостію приняли его и торжественно ввели въ свой городъ. Легатъ, говоритъ Генрихъ, нашелъ въ Ливоніи католическую церковь, распространившуюся на десять дней пути до Ревеля и на столько же дней пути до Пскова и вверхъ Двины до Герсика, церковь, имѣвшую уже пять епископствъ. То были: епископство Рижское съ Альбертомъ въ главѣ; Леальское подъ управленіемъ Германа; Упганійское или Дерптское съ Германомъ во главѣ; Ревельское съ епископомъ Висселиномъ датскимъ и Селонское, имѣвшее своимъ епископомъ Бернгарда. Легатъ, по прибытіи въ Ригу, немедленно же отправилъ своихъ пословъ къ папѣ съ изложеніемъ положенія дѣлъ, какое онъ засталъ здѣсь.

Легату предстояло уладить всѣ споры и недоумѣнія какъ между нѣмцами и датчанами, такъ между орденомъ и епископами. Чтобы лучше исполнить свою задачу, онъ рѣшился лично ознакомиться съ покореннымъ краемъ и побывать въ разныхъ мѣстахъ его. Ознакомленіе съ краемъ онъ началъ съ Риги: часто созывалъ къ себѣ новообращенныхъ ливовъ и латышей, проживавшихъ въ городѣ, мущинъ и женщинъ, поучалъ ихъ и удѣлялъ отпущенія грѣховъ (indulgentias multas donavit, пишетъ Генрихъ въ гл. XXIX, § 3). Изъ Риги онъ, въ сопровожденіи епископа Альберта, соборнаго препозита (протоіерея) Іоанна и многочисленной свиты, отправился въ Торейду; въ Куббезель-

ской церкви служилъ обѣдню для ливовъ и поучалъ ихъ вѣрѣ (при посредствѣ переводчика, конечно). Отсюда онъ отправился въ Метзеполь, побывалъ въ Идумеѣ и землѣ латышей, и отъ нихъ прибылъ въ Феллинъ, гдѣ увѣщевалъ орденскихъ братьевъ не угнетать туземцевъ. Изъ Феллина онъ отправился въ Венденъ и отсюда чрезъ Зегевольдъ въ августѣ 1225 г. возвратился въ Ригу, всюду настойчиво внушая ордену, чтобъ въ десятинахъ и сборахъ съ новокрещенныхъ онъ соблюдалъ умѣренность. Очевидно, до легата доходили жалобы, что орденская братія, вопреки своихъ обѣтовъ о бѣдности, черезъ-чуръ много заботится о стяжаніяхъ при раздѣлѣ земель. „Распря, которая изъ года въ годъ происходитъ изъ за дѣлежа земель, писалъ Вильгельмъ въ 1226 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 8), питаетъ ненависть и зависть, а общественная молва и очевидность фактовъ ясно показываетъ, что изъ этого злаго корня выростетъ тяжелое препятствіе къ обращенію язычниковъ".

Въ Ригѣ легатъ занимался разборомъ жалобъ между нѣмцами, ливами и латышами и принималъ пословъ, являвшихся къ нему изъ различныхъ сосѣднихъ мѣстъ. Генрихъ пишетъ, что, между посольствами къ легату, было посольство и изъ Новгорода. Новгородцы просили легота подтвердить миръ, заключенный съ нѣмцами (см. выше стр. 237), что и было исполнено. Разрѣшая споры и жалобы, принимая пословъ, легатъ не уиускалъ изъ вида и распространенія католичества: онъ призвалъ въ Ригу семигальскаго старшину Вестгарда, того самаго, который былъ прежде союзникомъ, а потомъ врагомъ нѣмцевъ, и долго увѣщевалъ его принять католичество. Вестгардъ не согласился, но обѣщалъ, однако, подумать и со временемъ креститься, обѣщалъ также взять съ собою и въ свою землю католическаго проповѣдника, какого назначить легатъ.

Мы видѣли (см. стр. 206), что Селонское епископство было учреждено Альбертомъ въ 1219 г., что первымъ Селонскимъ епископомъ былъ динамундскій аббатъ Бернгардъ и что папа Гонорій III въ 1219 г. утвердилъ границы Селонскаго епископства, указанныя Альбертомъ. Селонское епископство, впрочемъ, существовало болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, потому что въ назначенныхъ для него предѣлахъ католичество едва только появлялось, лучше сказать вовсе не существовало. Селонскій епископъ Бернгардъ и не проживалъ въ своемъ епископствѣ, а находился или въ Ригѣ или въ Германіи. Такъ 1219—1220 г. онъ, за отсутствіемъ Альберта, управлялъ дѣлами ливонской церкви, за тѣмъ былъ въ Германіи за сборомъ крестоносцевъ, въ 1223 г. участвовалъ въ подавленіи большого эстонскаго возстанія. Только въ началѣ 1224 г. епископъ Бернгардъ прибылъ въ Зельбургъ, главный городъ его епископства, но тутъ въ самомъ скоромъ времени умеръ. Преемникомъ ему былъ епископъ Ламбертъ. По всей вѣроятности, къ Селонскому епископству была присоединена и Месотенская область въ Семигалліи. Вообще власть епископа Альберта въ земляхъ по лѣвому берегу Двины въ описываемое время вовсе не распространялась, и Ламбертъ былъ такимъ же номинальнымъ епископомъ, какимъ былъ его предмѣстникъ Бернгардъ. Къ настоящему и и полному покоренію земель, составляющихъ нынѣшнюю Курляндскую гу-

бернію, епископъ Альбертъ къ 1225 г. еще не приступалъ. Какой священникъ поѣхалъ съ Вестгардомъ на проповѣдь въ Семигаллію и имѣла-ли вообще какой либо успѣхъ эта проповѣдь — ничего этого неизвѣстно. Кажется никакого.

Изъ всѣхъ сосѣднихъ съ рижскимъ епископствомъ земель являлись въ Ригу старшины, чтобы взглянуть на легата римской куріи. Пріѣзжалъ, говоритъ Генрихъ, Всеволодъ князь герсикскій (но это едва-ли такъ: вѣрнѣе, что Всеволодъ былъ убитъ при второмъ овладѣніи Герсикомъ), пріѣзжали епископы датскіе изъ Ревеля (вѣроятно, Висселинъ и Острадъ, посвященный въ епископы Ервена и Вироніи въ 1220 г.), пріѣзжали эзельцы и эстонцы изъ Вика. Послѣдніе просили легата защитить ихъ отъ эзельцевъ и датчанъ и присоединить Викъ къ ливонской церкви. Легатъ обѣщалъ имъ всякое содѣйствіе, отправилъ своего посла въ Ревель и на Эзель съ предложеніемъ, что бы и датчане и эзельцы перестали разорять Викъ, но подобныя увѣщанія, не подкрѣпленныя силою оружія, конечно, оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Изъ Риги епископъ Вильгельмъ, въ концѣ сентября 1225 г., предпринялъ поѣздку въ земли, прилегавшія къ правому берегу Двины. Онъ побывалъ въ Гольмѣ и Икскулѣ, былъ въ Ленневардѣ и Ашераденѣ, посѣтилъ и Кукейносъ. Вездѣ онъ поучалъ народъ (въ Кукейносѣ поученія его слушали и проживавшіе тамъ русскіе, говоритъ Генрихъ) и вездѣ напоминалъ орденской братіи и вообще тогдашнимъ властителямъ земли, чтобъ они не обременяли подвластныхъ имъ туземцевъ податями и тѣмъ не отвращали ихъ отъ католичества.

По возвращеніи изъ этого объѣзда въ Ригу, легату пришлось заняться Виронією, владѣніе которою составляло главный предметъ спора между датчанами и нѣмцами. И тѣ и другіе доказывали, что Вирония крещена ими и потому должна составлять достояніе ихъ. Датчане, какъ мы видѣли, успѣли пересилить нѣмцевъ, поставили въ виронскихъ земляхъ своихъ священниковъ и присоединили Виронію къ своимъ владѣніямъ. Вироицы, однакоже, нашли датское господство столь обременительнымъ для себя, что послали своихъ старшинъ въ Одемпэ къ находившимся тутъ орденскимъ рыцарямъ съ просьбою, дабы рыцари изгнали датчанъ изъ ихъ земли и взяли Виронію подъ свою власть. Ордену только и нужно было такое приглашеніе: осенью 1225 г., въ то самое время, когда легатъ объѣзжалъ подвинскія земли, орденская братія вступила въ Виронію и подъ предлогомъ, что земля эта крещена ливонскою, а не датскою церковію, изгнала датчанъ изъ всѣхъ виронскихъ городковъ. Вирония такимъ образомъ дѣлалась достояніемъ ордена. Легатъ, однакоже, не согласился съ этимъ совершившимся фактомъ. Онъ вызвалъ въ Ригу изъ Одемпэ ордепцевъ, присвоившихъ себѣ Виронію, и принудилъ ихъ, подъ угрозою отлученія отъ церкви (censura ecclesiastica), предоставить Виронію покровительству самаго

папы. Легатъ въ то же время отправилъ въ Ревель своихъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ датчане передали въ вѣдѣніе его, легата, не только Виронію, но и всѣ земли, о которыхъ спорили нѣмцы съ датчанами, т. е. Ервенъ, Гаррію и Викъ.

Подобное требованіе, неожиданное какъ для датчанъ, такъ и для нѣмцевъ, даетъ поводъ подозрѣвать, что папа Гонорій III, отправляя Вильгельма легатомъ въ Ливонію, имѣлъ въ виду не одно улаженіе споровъ и недоумѣній между властителями этой страны, но и утвержденіе здѣсь своей собственной власти посредствомъ учрежденія ливонской митрополіи. Какъ бы то ни было, но датчане повиновались легату: они, говоритъ Генрихъ, не осмѣлились противу рожна прати (contra stimulum calcitrare), обѣщали повиновеніе папѣ, и передали посламъ легата Виронію, Ервенъ, Гаррію и Викъ, утвердивъ такую передачу письменнымъ актомъ за печатью.

Датчанамъ дѣйствительно было трудно прати: ихъ король находился въ плѣну, а въ 1225 г. въ то самое время, когда легатъ объѣзжалъ Ливонію, дѣла приняли оборотъ весьма печальный для датчанъ. Графъ Генрихъ Шверинскій, пріобрѣтя себѣ многихъ союзниковъ, отъ угрозъ перешелъ къ дѣлу и когда Альбрехтъ герцогъ Лауенбургскій съ войскомъ вступилъ въ Голштейнъ, напалъ на него подъ Мельномъ. Датчане были разбиты на голову и самъ герцогъ Альбрехтъ попался въ плѣнъ. Тогда съ плѣннымъ королемъ Генрихъ началъ новые переговоры, кончившіеся тѣмъ, что король обязался за свой выкупъ заплатить 45000 марокъ, всѣ земли между Эльбою и Эйдеромъ, всѣ вендскія земли, за исключеніемъ острова Рюгена, обѣщался возвратить имперіи, крѣпость Рендсбургъ сдать герцогу Голштейнскому, за Любекомъ, Гамбургомъ и за всѣми другими торговыми нѣмецкими городами, имѣвшими связи съ Даніею, признать ихъ прежнія вольности и права, и въ исполненіе всего дать заложниковъ. Король Вальдемаръ II принялъ всѣ эти условія, далъ присягу, что исполнитъ ихъ, и только тогда получилъ свободу весною 1226 г. Вальдемаръ, прибывъ въ Данію, увидѣлъ на сколько тягостны условія, на какихъ онъ получилъ свободу, и рѣшился обратиться къ папѣ Гонорію III, чтобъ онъ разрѣшилъ его отъ присяги и отъ исполненія вынужденыхъ условій.

Вотъ причина почему датчане исполнили всѣ требованія легата: имъ нельзя было порывать съ папою.

Вильгельмъ, между тѣмъ, получивъ письменный актъ на уступку папѣ Виронiи, устранилъ изъ этой земли всѣхъ нѣмцевъ и датчанъ, послалъ туда своихъ священниковъ и крестоносцевъ и принялъ подъ власть папы всѣ уступленныя датчанами земли. За тѣмъ послѣ праздника Крещенія Господня, въ январѣ 1226 г., когда установился зимній путь, предпринялъ путешестіе въ эти уступленныя папѣ земли. Взявъ съ собою епископа Семигальскаго (Селонскаго) Ламберта, рижскаго соборнаго пробста Іоанна, нѣсколько рижскихъ гражданъ и орденскихъ рыцарей, также своихъ клериковъ и слугъ, онъ отправился изъ Риги чрезъ ливскія земли въ Феллинъ. Отдохнувъ въ этой орденской крѣпости двое сутокъ, легатъ отправился въ Ервенъ и остановился въ деревнѣ Каретенѣ, куда сошлись ервенцы со всѣхъ мѣстъ.

Поучая народъ и принявъ его подъ защиту папы, легатъ отправился въ Вironію, побывалъ здѣсь въ разныхъ городкахъ, и вызвалъ сюда датскихъ уполномоченныхъ изъ Ревеля. Въ Вironской деревнѣ Тарваупе онъ заключилъ миръ между нѣмцами и датчанами и эстонцами всѣхъ земель. Поставивъ въ Вironіи, какъ папской землѣ, старшинъ и судей, легатъ отсюда отправился въ Ревель. Принятый дружелюбно датчанами, онъ настоялъ, чтобы датчане отдали вironцамъ ихъ заложниковъ, но за то возвратилъ датчанамъ Гаррію, оставивъ за папою лишь Викъ, Ервенъ и Вironію. Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Ревелѣ, легатъ послалъ священника Петра Какевальда съ другимъ священникомъ въ Викъ крестить еще не крещенныхъ язычниковъ, а самъ чрезъ Саккалу возвратился въ Ригу.

Здѣсь онъ созвалъ на 15 марта 1226 г. епископовъ, священниковъ, орденскихъ братьевъ, епископскихъ вассаловъ и рижанъ на соборъ. Когда къ назначенному времени собрались всѣ призываемые, легатъ торжественно открылъ въ церкви св. Маріи соборъ, на которомъ были прочитаны постановленія Латеранскаго собора 1215 г. (см. выше стр. 185), касавшіяся крестовыхъ походовъ, ересей, улучшенія правовъ духовенства и различныхъ частностей церковной дисциплины. Къ прочитаннымъ для возобновленія въ памяти постановленіямъ этого собора легатъ, говоритъ Генрихъ въ гл. XXIX, § 8, добавилъ кое-что новое необходимое для церкви юнаго насажденія, но что именно остается неизвѣстнымъ, такъ какъ Генрихъ о томъ не упоминаетъ, а актовъ рижскаго собора не сохранилось, по крайней мѣрѣ, они неизвѣстны до сихъ подъ.

Въ апрѣлѣ, когда открылось судоходство, легатъ, устроивъ по возможности все, что подлежало его устроенію, отправился изъ Риги и 28 апрѣля 1226 г. прибылъ въ Динаминдъ. Здѣсь почти цѣлый мѣсяцъ ему пришлось ждать попутнаго вѣтра, и здѣсь же онъ получилъ вѣсти, указывавшія, что ни датчане, ни нѣмцы не особенно склонны уважать неприкосновенность папскихъ владѣній. Рыцарь Іоаннъ Даленскій, жившій въ Одемпэ и получившій уже отъ епископа Германа одну килегунду земли, вторгся въ Вironію и овладѣлъ тутъ однимъ городкомъ. Легатъ лишилъ его (см. Бунге Urkundenbuch № 88 отъ 22 мая 1226) за это ленныхъ владѣній, находившихся около Риги, и передалъ ихъ рижскимъ гражданамъ. Вѣроятно около этого же времени и датчане вторглись въ папскія владѣнія и священникъ легата Іоаннъ, управлявшій ими, началъ войну съ датчанами.

Когда подулъ попутный вѣтеръ, епископъ Вильгельмъ вышелъ изъ Динаминда въ открытое море 23 мая 1226 года, направляясь къ Готланду. Онъ пробылъ въ Ливонію годъ времени и исполнилъ свое дѣло добросовѣстнымъ образомъ: лично посѣтилъ земли ливовъ, латышей и чуди и многочисленными распоряженіями по организаціи и

улаженію дѣлъ въ Ливоніи (см. регесты въ Scriptores rerum Prussicarum Штрельке II, 100—134) старался упорядочить, такъ сказать, отношенія между властителями новопокоренныхъ странъ. Онъ, какъ мы видѣли, объявилъ папскій протекторатъ надъ нѣкоторыми эстонскими землями, способствуя тѣмъ, быть можетъ, видамъ папы Гонорія III на учрежденіе въ Ливоніи митрополіи, но такое учрежденіе не состоялось: папа Гонорій III умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отбытія изъ Ливоніи Вильгельма, на папскій престолъ 18 марта 1217 г. вступилъ Григорій IX, по отношенію къ Ливоніи, не раздѣлявшій видовъ своего предмѣстника, и ниже мы увидимъ какимъ образомъ и панскія и датскія владѣнія въ Эстоніи явились въ рукахъ нѣмцевъ и орденской братіи.

На пути въ Готландъ Вильгельмъ видѣлъ эзельцевъ, возвращавшихся на своихъ бригантинахъ съ набѣга, который они сдѣлали на берега Швеціи. Эзельцы везли награбленную добычу и плѣнныхъ, которыхъ обыкновенно продавали куронамъ. На Готландѣ Вильгельмъ узналъ о разореніяхъ, какія эзельцы произвели въ Швеціи, объ ограбленіи церквей, умерщвленіи священниковъ, но ему несомнѣнно было извѣстно и то, что эзельцы ни мало не щадятъ и ливонскихъ побережій, являясь ожесточенными врагами католиковъ. Вотъ причина почему Вильгельмъ на Готландѣ началъ проповѣдывать крестовый походъ на Эзель съ цѣлію покоренія этого острова и крещенія эзельскихъ язычниковъ. Проповѣдь его, однако, не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: готы и датчане отказались отъ участія въ походѣ, одни лишь нѣмецкіе купцы, проживавшіе въ Висби (Вильгельмъ въ этомъ городѣ былъ 6 іюля 1226 года) возложили на себя крестъ, добыли лошадей и съ другими нѣмцами отправились въ Ригу, чтобы совмѣстно съ рижанами и орденскою братіею ударить на Эзель. Рижане встрѣтили прибывшихъ съ радостію, говоритъ Генрихъ, и это совершенно понятно: эзельцы нападали на самую Ригу, вторгались не разъ въ земли ливовъ. Обуздать и смирить эзельцевъ было необходимо, и потому рижане охотно стали готовиться къ походу на Эзель вмѣстѣ съ крестоносцами.

Вильгельмъ, отправляя крестоносцевъ, поручилъ имъ оказать помощь управлявшему папскими владѣніями въ Эстоніи священнику Іоанну, на котораго въ Роталіи и Вироніи напали датчане, убили 50 его слугъ, другихъ забрали въ плѣнъ въ городкѣ Малипаста. Рижане, однако, постарались уладить распрю между датчанами и Іоанномъ (изъ за чего собственно она возникла неизвѣстно), отправили посла и заключили миръ съ датчанами, чтобы не раздѣлять напрасно силъ крестоносцевъ въ предпринимаемомъ походѣ на Эзель.

Епископъ Альбертъ призвалъ къ походу всѣ силы, какія только находились въ его распоряженіи: составилось значительно большое, въ 20000 человѣкъ, войско. Въ составъ этого войска вошли кресто-

носцы (въ Рифмованной Хроникѣ, въ описаніи похода на Эзель, сдѣланномъ въ стихахъ 1613—1689, сказано, что въ числѣ крестоносцевъ находился графъ Арнштейнскій, одинъ изъ лучшихъ рыцарей Тюрингіи и Франконіи), орденская братія, рижане, ливы, латыши и чудь съ повластныхъ нѣмцамъ чудскихъ земель. Сборнымъ пунктомъ назначена были мѣстность на рѣкѣ Пернавѣ (Генрихъ пишетъ въ гл. XXX, § 3 на рѣкѣ, называемой Матерью водъ, но такъ называлась и Пернава, войску же, предпринимающему походъ на Эзель, назначать сборный пунктъ на Эмбахѣ подъ Юрьевымъ было бы совершенно несообразностію). Послѣ праздниковъ Рождества и Крещенія, когда рѣка стала и установился зимній путь, войско собралось въ назначенныхъ мѣстахъ, и послѣ 20 января 1227 г. двинулось въ походъ къ берегу, противъ котораго лежитъ островъ Монъ. Альбертъ, семигальскій епископъ Ламбертъ, орденскій магистръ Вольквинъ шли съ войскомъ. Проливъ, отдѣлявшій Монъ отъ материка, оказался замерзшимъ и доступъ такимъ образомъ на этотъ островъ, а съ него на Эзель, являлся открытымъ. Послѣ обѣдни войско вступило на ледъ. „Когда войско это, раздѣленное на отряды, (пишетъ Генрихъ въ гл. XXX, § 3), со знаменами, на лошадяхъ и саняхъ ступило на морской ледъ, то отъ бряцанія оружія, движенія саней, криковъ людей и лошадей, кои то тамъ, то индѣ падали и снова поднимались на льду, возникъ шумъ будто отъ великаго грома, и ледъ былъ гладокъ какъ стекло, ибо предъ тѣмъ при южномъ вѣтрѣ шолъ дождь, покрывшій ледъ водою, а потомъ наступилъ морозъ. И съ большимъ трудомъ они шли по морю, пока наконецъ съ радостію достигли береговъ“ Озмліи (Генрихъ ошибочно считалъ островъ Монъ не отдѣленнымъ проливомъ отъ Эзеля).

На десятый день войско, говоритъ Генрихъ, подошло къ городку (существуетъ и понынѣ, войско шло чрезмѣрно долго, потому что разстояніе отъ эстонскаго материка до этого городка не превосходитъ 90 верстъ, впрочемъ неизвѣстно, съ какого пункта на материкѣ войско переходило на Монъ по льду). Ночью жители городка прислали сказать епископу и начальникамъ, что они примутъ крещеніе и миръ христіанъ; но, вѣроятно, не согласились или на условія или не дали заложниковъ, потому что войско начало осаду городка, продолжавшуюся пять дней. 3 февраля 1227 года нѣмцы штурмомъ взяли городокъ и перебили всѣхъ его защитниковъ. Собравъ все имущество, какое было въ городкѣ, лошадей и скоть, войско зажгло городокъ, за тѣмъ по льду чрезъ узкій проливъ, отдѣляющій Монъ отъ Эзеля, вступили на этотъ островъ и подошли къ Вальдіи (существуетъ и понынѣ), самому крѣпкому и большому городку изъ всѣхъ эзельскихъ городковъ, находившемуся почти по серединѣ острова. Вальдійцы не захотѣли испытать участи Мона: видя приготовленія къ осадѣ, они запросили мира на всей волѣ епископа, обѣщаясь принять католи-

чество. Миръ былъ данъ съ условіемъ представленія въ заложники сыновей знатнѣйшихъ лицъ. Заложники были даны и епископъ Альбертъ самъ крестилъ ихъ. Священники послѣ того вступили въ городокъ, освятили колодезь, находившійся среди городка, наполнили водою бочку и начали крестить народъ. „И насталъ, говоритъ Генрихъ въ гл. XXX, § 5, очень большой натискъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, кои съ утра до вечера кричали: „скорѣе меня крестите!“ такъ что сами священники, коихъ было пять, а потомъ шесть, устали отъ труда крещенія“.

Въ Вальдію не замедлили придти послы изъ другихъ городковъ и округовъ (килегундъ) Эзеля съ заявленіемъ покорности, готовности принять крещеніе и дать заложниковъ. Епископъ потребовалъ, чтобы эзельцы освободили илѣнныхъ шведовъ. Когда заложники были доставлены и плѣнные освобождены, епископъ разослалъ священниковъ въ городки крестить народъ. Давъ Эзелю такіе же распорядки, какіе были заведены въ другихъ новокрещенныхъ земляхъ, епископъ съ войскомъ возвратился во свояси, торжествуя важное пріобрѣтеніе. Дѣйствительно съ покореніемъ Эзеля стихаютъ морскіе разбои эзельцевъ и острововъ ихъ мало по малу дѣлается достояніемъ католиковъ.

За покореніемъ Эзеля послѣдовали новыя важныя пріобрѣтенія: управлявшій папскими владѣніями священникъ Іоаннъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи войскъ для защиты земель отъ датчанъ и потому видя невозможность противустоять претензіямъ ихъ на Вироніо, Ервень и Викъ, передалъ эти земли епископамъ рижскому и леальскому, ордену и городу Ригѣ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ онѣ были получены имъ отъ легата Вильгельма съ сохраненіемъ за папою извѣстныхъ юрисдикціонныхъ правъ надъ ними (см. Бунге UrkundenBuch, № 145). Орденъ немедленно же вступилъ во владѣніе Ервеномъ и Викомъ, и побуждаемый папскимъ управляющимъ Іоанномъ (см. Бунге UrkundenBuch, № 145), открылъ военныя дѣйствія противъ датчанъ, осадилъ Ревель и взялъ эту датскую крѣпость. Находившіеся здѣсь датскіе епископы, Весселинъ и Острадъ, были изгнаны и такимъ образомъ вся Эстонія явилась въ рукахъ нѣмцевъ.

Датчане не оказали сильнаго сопротивленія ордену, да и не могли оказать, ибо внутреніе дѣла ихъ государства находились въ весьма печальномъ положеніи.

Было уже сказано (см. выше стр. 242), что король Вальдемаръ II, освобожденный изъ плѣна 21 декабря 1225 г., обратился къ папѣ Гонорію III съ просьбою освободить его отъ присяги и отъ исполненія вынужденныхъ условій. Папа исполнилъ королевскую просьбу, разрѣшилъ Вальдемара II отъ присяги, отмѣнилъ договоръ, заключенный королемъ съ Генрихомъ Шверинскимъ, и потребовалъ въ угрожающихъ выраженіяхъ отъ Генриха отступиться отъ этого договора. Генрихъ не только не послушался папы, напротивъ рѣшился добиваться исполненія договора силою, и для этого вступилъ въ союзъ съ герцогомъ Альбрехтомъ Саксонскимъ, съ архіепископомъ Гергардомъ Бременскимъ и другими князьями, вовсе и не участвовавшими въ переговорахъ объ освобожденіи датскаго короля отъ плѣна.

Само собою разумѣется, что подобный споръ могъ быть рѣшенъ только оружіемъ. Король датскій съ герцогомъ Брауншвейгъ-люнебургскимъ Оттономъ, примкнувшимъ къ датчанамъ еще въ 1224 г., началъ въ 1226 г. борьбу съ Генрихомъ Шверинскимъ и его союзниками. Въ 1227 г. король вступилъ въ Гольштейнъ и въ іюлѣ 1227 г. въ сраженіи подъ Бернгевде потерпѣлъ совершенное пораженіе: самъ онъ былъ опасно раненъ и его союзникъ Оттонъ попалъ въ плѣнъ. Сраженіе подъ Бернгевде повлекло за собою весьма важныя послѣдствія: датчане лишились всѣхъ своихъ завоеваній въ Сѣверной Германіи, городъ Любекъ получилъ полную свободу; герцогъ Альбертъ Орламюндскій, чтобъ освободиться отъ плѣна, вынужденъ былъ уступить Лауэнбургъ герцогу Альберту Саксонскому; Гольтшейнъ остался въ владѣніи графа Адольфа Шауэнбургскаго.

Вотъ причина почему Вальдемаръ II не оказалъ никакого содѣйствія Ревелю. когда этотъ городъ осадили меченосцы. Разбитый своими противниками, обезсиленный войною съ ними, лишившись всѣхъ владѣній и въ Эстоніи, датское королевство пало съ той высоты, на какой находилось до плѣна короля въ 1223 г.

Чтобъ закрѣпить за собою владѣніе въ Эстоніи всѣми землями, какіе были въ рукахъ датчанъ, орденъ обратился и къ папѣ и къ германскому королю Генриху (сыну императора Фридриха II), за подтвержденіемъ власти надъ Ревелемъ, Гарріею, Ервеномъ и Вироніею. Добиться такого утвержденія отъ папы Григорія IX, въ мартѣ 1227 г. вступившаго на папскій престолъ, ордену не удалось, но германскій король Генрихъ 4 іюля 1228 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 100) призналъ за орденомъ право имѣть названныя земли въ вѣчномъ ленномъ владѣніи.

Такимъ образомъ къ 1228 г. всѣ земли, составляющія нынѣшнюю Лифляндскую и Эстляндскую губерніи, явились въ рукахъ нѣмцевъ. Епископъ Альбертъ, покоривъ Эзель, посвятилъ туда, вѣроятно, въ 1228 г., епископомъ аббата Готфрида, который 28 іюня 1228 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 101. a) уступилъ ордену третью часть этого острова, а за тѣмъ въ октябрѣ 1228 г. уступилъ свое епископство германскому королю Генриху и получилъ его обратно отъ короля, но уже на вассальныхъ условіяхъ. Впрочемъ, епископъ Готфридъ едва-ли и являлся на Эзель, потому что легатъ Вильгельмъ въ 1234 г. свидѣтельствуетъ (см. Бунге Urkundenbuch, №№ 2721, 2722), что Готфридъ никогда не вступалъ на Эзель, не строилъ каѳедральной церкви здѣсь, не отводилъ своимъ каноникамъ ни церкви, ни нолей, ни десятинъ, ни доходовъ. „Будучи лишь нѣсколько мѣсяцевъ епископомъ, онъ, пишетъ легатъ, позорно (viliter) оставилъ епископство, чтобъ отказаться отъ него и отдать въ ленъ, продалъ и растратилъ почти все принадлежащее епископу частію за деньги, а частію и даромъ“. Поэтому легатъ объявилъ всѣ распоряженіе Готфрида незаконными и уничтожилъ ихъ.

Давно уже нѣмцы видѣли необходимость для обезпеченія своихъ владѣній по правому берегу Двины отъ вторженій литовцевъ и лѣво-

бережныхъ подвинскихъ жителей утвердиться въ земляхъ по лѣвому берегу Двины; походы на Зельбургъ (см. выше стр. 121) и Месотенъ (см. стр. 205) предпринимались именно съ этою цѣлью, но однакоже ничего прочнаго не выходило изъ этихъ походовъ и епископство Селонское, учрежденное Альбертомъ (см. выше стр. 206) существовало скорѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Утвержденію въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи мѣшали разныя обстоятельства, войны, возстанія, усмиренія, споры съ датчанами и пр. Но теперь, когда Эзель былъ покоренъ, когда датчане были совершенно вытѣснены изъ Эстоніи, а съ русскими нельзя было ожидать войны, у нѣмцевъ развязались руки и имъ уже можно было подумать о покореніи и лѣво-бережныхъ подвинскихъ земель: Семигалліи и Куроніи, примыкавшихъ къ землямъ уже чисто литовскимъ, къ Жмуди (Самогитіи).

Поводъ начать дѣло не замедлилъ представиться: 18 августа 1228 г. (см лѣтопись Вартберга въ Приб. Сборникѣ II, 90) куроны и семигаллы напали на Динаминдъ, овладѣли динаминдскимъ монастыремъ и умертвили монаховъ, какихъ застигли въ этомъ монастырѣ. Какимъ образомъ дикари овладѣли укрѣпленнымъ пунктомъ (монастырь былъ своего рода крѣпостью) — неизвѣстно. Орденскій магистръ не замедлилъ отомстить этоть набѣгъ: съ орденскою братіею и войскомъ онъ вступилъ въ Семигаллію и нанесъ сильное пораженіе семигальскому предводителю Вестгарду, подвергнувъ Семигаллію обычному въ тѣ времена разоренію. Вестгардъ въ свою очередь (см. Рифмованную Хронику, стихи 1690—1798), вѣроятно зимою 1228 сдѣлалъ набѣгъ на орденскія владѣнія подъ Ашераденомъ, ограбилъ окрестныя земли, захватилъ полонъ, но на возвратномъ пути былъ настигнутъ начальникомъ (попечителемъ) Ашераденскаго замка, орденскимъ рыцаремъ Марквартомъ, и иотерпѣлъ сильное пораженіе: его войско было истреблено и самъ онъ едва спасся отъ гибели. Семигаллія съ этихъ поръ начинаетъ подчиняться нѣмцамъ (Вестгардъ скоро послѣ понесенныхъ утратъ и пораженій умеръ). Къ этому времени слѣдуетъ относить и упраздненіе Селонскаго епископства, лучше сказать, соединеніе его съ Семигальскимъ епископствомъ, учрежденнымъ епископомъ Альбертомъ въ Семигалліи, гдѣ христіанство, впрочемъ, едва только начиналось. Епископъ Ламбертъ съ этого времени является уже епископомъ Семигальскимъ. Папа Григорій IX въ декабрѣ 1228 г. предоставилъ (см. Бунге Urkundenbuch, регесты 114 и VI) этому епископу брать изъ каждаго монастыря въ Германіи для проповѣди христіанства въ его епископствѣ по одному канонику и монаху иремонстранскаго ордена.

Начало прочнаго утвержденія нѣмцевъ въ Семигалліи было уже послѣднимъ событіемъ въ жизни Альберта. Онъ умеръ 17 января 1229 г. и похороненъ въ соборной церкви св. Маріи, имъ же построенной, послѣ 30-ти лѣтняго управленія дѣлами ливонской церкви, ко-

торую онъ поставилъ на высоту не бывалую ни до, ни послѣ него. Соединяя съ обширнымъ умомъ необыкновенную энергію, онъ въ концу своей жизни добился таки своей цѣли, ради осуществленія которой принялъ на себя епископскій санъ: ввелъ и утвердилъ католичество въ земляхъ ливовъ, латышей и эстовъ, подавилъ начинавшееся православіе между населеніемъ этихъ земель и основалъ, не скажемъ государство, а обширную нѣмецкую колонію въ Ливоніи. Онъ управлялъ церковію, но онъ же направлялъ и руководилъ завоеваніями Ливоніи: орденъ при его жизни игралъ роль весьма и весьма второстепенную, подчиняясь его волѣ и если обнаруживалъ стремленія къ самостоятельности и главенству въ колоніи, то въ предѣлахъ еще весьма ограниченныхъ. Епископъ Альбертъ былъ полнымъ представителемъ воинствующаго католичества и съ ничтожными средствами умѣлъ достигать важныхъ результатовъ, отлично пользуясь обстоятельствами, складывавшимися, впрочемъ, весьма благопріятно для него.

Въ лицѣ Альберта ливонская церковь потеряла не только энергическаго руководителя, но и умнаго посредника въ возникавшихъ уже распряхъ между духовною и свѣтскою властями въ краѣ, потеряла также и вліятельнаго представителя при дворахъ римскомъ, имперскомъ, датскомъ, ибо его уважали папы, уважали императоры и короли, при дворахъ которыхъ онъ являлся; его ходатайства и представленія исполнялись, крестоносцы охотно являлись на его призывъ. Трудно было съискать другого Альберта на ливонскую каѳедру, подъискать другого человѣка, который бы равнялся ему по уму и талантамъ и который бы поддержалъ значеніе духовной власти въ краѣ на той высотѣ, на какую ее возвелъ Альбертъ, но, однако же, подъискать надобно было.

Бременскій архіепископъ Гергардъ II и его капитулъ, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти Альберта, назначили рижскимъ епископомъ бременскаго схоластера Альберта Зуэрбеера, назначили на томъ основаніи, что ливонская церковь при своемъ началѣ была подчинена бременской. Но рижскій капитулъ и рижская старшина не согласились на такое назначеніе. На основаніи буллы папа Иннокентія III отъ 20 февраля 1213 г. (см. Бунге Urkundenbuch № 26), въ силу которой рижское епископство получило независимость отъ какой-бы то ни было митрополитской власти, а также на основаніи права, предоставленаго Альбертомъ 1 января 1223 г. рижскому епископскому капитулу избранія епископа, права, утвержденнаго папою (см. Бунге Urkundenbuch № 56), капитулъ и рижская старшина избрали преемникомъ Альберту премонстранскаго каноника въ Магдебургѣ Николая, безспорно, человѣка почтеннаго и доброжелательнаго, но необладавшаго ни энергіею, ни блистательными способностями своего предшественника. Возникъ споръ: кому же быть рижскимъ епископомъ — бременскому ли схоластеру или магдебургскому канонику.

Папа Григорій IX 4 апрѣля 1230 г. поручилъ своему легату въ Даніи, кардиналу Оттону разобрать споръ. Оттонъ послалъ въ Ригу своего духовника, монаха Балдуина Альнскаго, для управленія дѣлами рижскаго епископства въ качествѣ своего мѣстоблюстителя, и впослѣдствіи рѣшилъ споръ въ пользу Николая. Папа утвердилъ рѣшеніе своего легата и буллою отъ 8 апрѣля 1231 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 108) устранилъ бременскаго архіепископа отъ участія впредь въ замѣщеніи рижской каѳедры.

Весною 1230 г., по открытіи судоходства, Балдуинъ Альнскій отправился изъ Даніи въ Ригу. На пути онъ присталъ къ Готланду; находившіеся здѣсь рижане потребовали отъ него (смотри Бунге Urkundenbuch, № 106. 1) соблюденія правъ и преимуществъ города Риги. Такое требованіе указываетъ, что они не довѣряли Балдуину, а быть можетъ и провѣдали, что Балдуинъ ѣдетъ въ Ригу съ намѣреніями, неблагопріятными нѣмцамъ. Дѣйствительно Балдуинъ, по прибытіи въ Ригу, началъ распоряжаться такимъ образомъ, что ни рижане, ни орденъ не могли быть довольными имъ. Прежде всего онъ разсорился съ рижанами изъ за ихъ имѣній, которыя они какими то судьбами пріобрѣли себѣ въ землѣ куроновъ. Имѣнія эти Балдуинъ причислилъ къ епископству Семигальскому и не отдавалъ ихъ рижанамъ; споры дошли до того, что Балдуинъ оставилъ Ригу и поселился въ Динаминдскомъ монастырѣ, утверждая, что рижане домогаются его жизни. Впрочемъ, онъ чрезъ нѣкоторое время возвратился снова въ Ригу.

Своими дѣйствіями въ Ригѣ Балдуинъ показалъ, что рижане имѣли полное основаніе не довѣрять ему, такъ какъ въ его распоряженіяхъ обнаружились явныя стремленія отодвинуть на задній планъ и рижскаго епископа и орденъ и рижанъ, предоставивъ главенство въ краѣ папѣ. Началось съ земель куроновъ.

Куроны, обитавшіе въ земляхъ по рѣкѣ Виндавѣ, терпя сильный голодъ отъ неурожая, прибыли въ Ригу, за хлѣбомъ. Хлѣбъ они получили, но должны были обязаться, что чрезъ два года крестятся и примутъ къ себѣ священниковъ отъ рижанъ, — слѣд. признаютъ надъ собою власть рижской церкви. Это не понравилось Балдуину: онъ повелъ дѣло такъ, что только восточные куроны, т. е. жившіе на востокъ отъ Виндавы по обѣимъ сторонамъ рѣки Абавы, подлежатъ рижской церкви, а западные должны подлежать папѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ, какъ папскій намѣстникъ, 28 декабря 1230 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 106, IX) заключилъ съ куронами договоръ, по которому западные куроны должны покориться папѣ, отъ папы должны получить священниковъ и епископа и вообще оказывать послушаніе только Балдуину и его распоряженіямъ. Чрезъ нѣсколько дней, именно 17-го января 1231 г., Балдуинъ заключилъ новый договоръ съ тѣми же

куронами, по которому епископъ для нихъ назначается папою, а священники опредѣляются Балдуиномъ. Не понравились рижанамъ подобные договоры и когда Балдуинъ отказался имъ выдать заложниковъ, отъ восточныхъ куроновъ, то и рижане отказались признавать второй договоръ и отправили къ куронамъ своихъ священниковъ; Балдуинъ отправилъ къ тѣмъ же куронамъ своихъ. Посланные священники заспорили между собою и распря эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока папскій легатъ не утвердилъ рижскимъ епископомъ Николая. Новый епископъ, основываясь на постановленіи легата Вильгельма въ 1226 г., въ силу котораго часть новоприсоединенныхъ земель должна переходить къ рижскому епископу, другая къ ордену, а третья рижскимъ горожанамъ, въ августѣ 1231 г. отдалъ третью часть Семигалліи, острова Эзеля и Куроніи рижскимъ горожанамъ въ-ленъ. Балдуинъ счелъ подобное распоряженіе епископа Николая самоуправствомъ и отправился въ Римъ къ панѣ Григорію IX съ жалобою на епископа.

Во время этихъ-то неурядицъ, ясно указывавшихъ, что и духовенство и орденъ и рижане заботились единственно о стяжаніяхъ и закрѣпленіяхъ земель за собою, считая распространеніе христіанства дѣдѣломъ второстепеннымъ, магистръ Вольквинъ рѣшился на важный шагъ, именно рѣшился произвести соединеніе орденовъ меченосцевъ съ тевтонскимъ, открывшимъ свои дѣйствія въ это время въ прусскихъ земляхъ. Вольквинъ двадцатый уже годъ управлялъ орденскими дѣлами въ Ливоніи и лучше всякаго другого могъ видѣть и сознавать какъ непрочно и какъ шатко положеніе и ордена и всѣхъ нѣмцевъ въ Ливоніи сдѣлалось по смерти Альберта. Во первыхъ уже нельзя было ожидать, что крестоносцы будутъ прибывать по прежнему въ Ливонію, потому что съ появленіемъ тевтонскаго ордена на берегахъ Вислы нѣмецкіе крестоносцы устремились въ прусскія земли, оставляя въ сторонѣ Ливонію. Число крестоносцевъ видимо уменьшалось, а число враговъ увеличилось, ибо король датскій Вальдемаръ II ни мало не покидалъ мысли снова овладѣть Эстоніею, изъ которой датчане были вытѣснены орденомъ, слѣд. можно было ожидать войны съ датчанами. Русскіе потеряли всѣ свои владѣнія въ Ливоніи; нѣмцы ихъ вытѣснили изъ подвинскихъ земель, вытѣснили изъ Юрьева, но мириться съ совершившимися фактами Новгородская Русь не думала; орденъ и нѣмцы должны были ожидать войны и съ русскими. Приступивъ къ покоренію земель по лѣвому берегу Двины, нѣмцы придвинулись къ литовскимъ предѣламъ, дѣлались сосѣдями народа сколько отважнаго, столько же и хищнаго, годъ отъ году усиливающагося, а не слабѣщаго, ибо литовскія племена въ послѣдніе годы жизни Альберта начали выходить изъ своего раздробленія и собираться въ одинъ народъ. Нѣмецкой колоніи такимъ образомъ съ трехъ сторонъ угрожали враги: съ сѣвера датчане, съ востока русскіе, съ юга литовцы. Гдѣ же силы для отраженія ихъ, когда и на

вѣрность новокрещенныхъ латышей, ливовъ и эстонцевъ расчитывать много нельзя было?

Между тѣмъ въ Пруссіи появился сильный тевтонскій орденъ, цѣли и назначеніе котораго были тождественны съ цѣлями и назначеніями меченосцевъ. Почему бы не соединиться обоимъ орденамъ для общности дѣйствій? Моритъ Брандисъ, современникъ Рюссова и Ніенштета, въ своей исторіи Лифляндіи полагаетъ, будто Вольквинъ и епископъ Альбертъ уже совѣщались между собою о соединеніи орденовъ и будто совмѣстно отправили посла къ магистру тевтонскаго ордена, Герману Зальцѣ, но подобное мнѣніе не имѣетъ за собою никакого прямого доказательства. При жизни Альберта тевтонскій орденъ еще не начиналъ военныхъ дѣйствій противъ пруссовъ, потому и рѣчь о соединеніи орденовъ была слишкомъ преждевременною. Гораздо вѣрнѣе предположить, что мысль о соединеніи орденовъ возникла у Вольквина уже послѣ смерти Альберта, когда тевтонскій орденъ началъ свои завоеванія, а въ Ливоніи обнаружилась неурядица, указавшая Волквину, что меченосцамъ нельзя будетъ имѣть надлежащей опоры ни въ духовенствѣ, ни въ рижанахъ.

Какъ бы то ни было, но Волквинъ рѣшился предложить соединеніе орденовъ и, по свидѣтельству Петра Дусбурга въ его Chronicon terrae Prussiae (III с. 28) и Гартмана Гельдрунгена о соединеніи орденовъ, впервые началъ рѣчь о томъ въ 1231 г., отправивъ къ Герману Зальцѣ пословъ. Посольство это, однако, осталось безъ послѣдствій, мысль о соединеніи оставлена, однако, не была. Оно, какъ увидимъ, совершилось въ 1237 г. и составило событіе такой важности для Ливоніи, что предварительно изложенія хода его необходимо сдѣлать перерывъ и изложить подробности о тевтонскомъ орденѣ и его появленіи и утвержденіи въ землѣ пруссовъ.

IX. Пруссы и тевтонскій орденъ.

Древніе пруссы. — Анархія въ Польшѣ. — Набѣги пруссовъ на польскія земли. — Конрадъ, князь Мазовецкій. — Основаніе въ Оливѣ цистерціанскаго монастыря. — Христіанъ и его проповѣдь пруссамъ. — Крестовые походы на пруссовъ. — Основаніе тевтонскаго ордена. — Германъ Зальца. — Переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ. — Начало покоренія прускихъ земель. — Первое посольство меченосцевъ о соединеніи орденовъ.

Было уже выше сказано (стр. 14), что литовско-арійское племя съ глубокой древности дѣлилось на три главныя вѣтви: прусскую, принѣманскую и латышскую; было указано также (стр. 76) когда именно католичество начало проникать къ пруссамъ, кто былъ первымъ проповѣдникомъ у нихъ,

и какія слѣдствія повлекъ за собою напоръ на литовцевъ съ юга польскихъ, и съ востока русскихъ славянъ; было сказано также, что король польскій Болеславъ I Храбрый (992—1025) въ отомщеніе за умерщвленіе пруссами первыхъ проповѣдниковъ христіанства у нихъ — Адальберта (23 апрѣля 997 г.) и Бруно (14 февраля 1009 г.) — страшно опустошилъ и разорилъ земли пруссовъ.

Земли пруссовъ состояли изъ одинадцати областей, несвязанныхъ между собою никакимъ политическимъ союзомъ: Кульмская земля, Помезанія (границы Осса, Виола, Драузензее), Погезанія (у Фришгафа), Вармія (отъ Фришгафа до Алле), Натангія (по нижнему теченію Прегеля и Алле), Самія (между Фришгафомъ и Куришгафомъ), Бартія (отъ рѣки Алле до озера Мауеръ), Галиндія (къ югу отъ Бартіи къ Мазовіи), Судавія (до Нарева и Мемеля), Надравія (по обѣимъ сторонамъ верхняго Прегеля) и Шалавія (по обѣимъ сторонамъ Мемеля). Петръ Дусбургъ въ своей лѣтописи*) Пруссіи пишетъ, что древніе пруссы имѣли у себя князей, которые не занимали, однако, у нихъ особенно высокаго положенія: вслучаѣ войны пруссы выбирали предводителя и о своихъ общихъ дѣлахъ совѣщались въ собраніяхъ (placitum, parlamentum, concilium), въ которыхъ жрецы играли первенствующую роль. Средства прокормленія они получали отъ земледѣлія, охоты и рыбной ловли. Вообще пруссы были, говоритъ Дусбургъ, народъ дѣятельный, чрезвычайно гостепріимный, но весьма склонный къ пьянству. Убійство влекло за собою родовую месть. У нихъ допускалось многоженство; въ семьяхъ же существовалъ варварскій обычай убивать раждающихся дочерей (кромѣ одной), оставляя въ живыхъ лишь мальчиковъ. Своихъ умершихъ они сжигали, предавая огню оружіе, коня, одежду, раба и служанку, охотничьихъ собакъ и птицъ умершаго, вѣруя, что все понадобится умершему въ загробной жизни. Ихъ религіозныя воззрѣнія были общія всему литовскому народу (см. выше стр. 15).

Появленіе среди пруссовъ христіанскихъ проповѣдниковъ, напоръ на нихъ съ юга польскихъ славянъ, а съ сѣвера датчанъ повлекъ за собою то же самое явленіе, какое произвелъ напоръ Карла Великаго на саксовъ. Въ дикаряхъ пробудилась воинственная энергія, они начинаютъ соединяться въ многочисленные военные отряды и мстя набѣгами за набѣги, не даютъ покоя сосѣдямъ. Что было въ Жмуди, то же самое было и въ земляхъ Пруссіи.

Болеславъ I Храбрый обложилъ пограничныя съ Польшею земли пруссовъ данью. Это былъ первый шагъ къ покоренію всѣхъ прусскихъ земель, прилегавшихъ къ Балтійскому морю отъ устья Вислы до Нѣмана, но онъ такъ и остался безъ продолженія. Болеславъ I Храбрый, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ въ 1025 г. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Мечиславъ II, оказавшійся совершенно неспособнымъ удержать отцовскія пріобрѣтенія. Начались усобицы, войны, и Мечиславъ понесъ огромныя потери: онъ долженъ былъ уступить чехамъ Моравію, нѣмцамъ землю лужичей, подѣлиться съ братомъ Оттономъ (Безпремомъ) Польшею, который и выгналъ его изъ его части. Поляки умертвили Оттона, Мечиславъ возвратился, но уже не могъ поправить дѣлъ и даже вынужденъ былъ признать себя вассаломъ императора Конрада II. Во время этихъ усобицъ и войнъ нечего было и думать о какой

*) Священникъ тевтонскаго ордена, Петръ Дусбургъ, умеръ въ 1-й половинѣ 14 столѣтія. Его Chronicon terrae Prussiae излагаетъ событія въ этой странѣ съ 1190 по 1326 г. Лѣтопись эта была продолжена неизвѣстнымъ авторомъ до 1435 г. Первоначально она была издана Гарткнохомъ въ 1679 г. Лѣтопись эта, писанная на латинскомъ языкѣ, помѣщена съ нереводомъ на нѣмецкій языкъ въ 1-мъ томѣ Scriptores rerum Prussicarum. Она составляетъ важнѣйшій источникъ для исторіи Пруссіи.

либо дани съ пруссовъ, которые не только сдѣлались вполнѣ независимыми, но скоро были позваны поднять оружіе на поляковъ.

Мечиславъ II умеръ въ 1034 г. Онъ оставилъ по себѣ малолѣтняго сына Казиміра, опеку надъ которымъ и управленіе дѣлами приняла на себя его мать, Рикса, урожденная принцесса Пфальцская. Она окружила себя нѣмцами и предоставила имъ чрезъ-чуръ большое значеніе въ государствѣ. Польскіе магнаты выгнали и Риксу и нѣмцевъ, и приняли на себя опеку надъ малолѣтнимъ королемъ. Съ этого времени начинается чрезвычайное значеніе польскаго магнатства, которое впослѣдствіи дошло до чудовищныхъ размѣровъ. Когда Казиміръ выросъ, то магнаты, боясь что онъ, получивъ власть, отомститъ имъ за мать, выгнали его изъ Польши. Во главѣ государства явилась олигархія, но олигархи не могли ужиться между собою: знатнѣйшіе и сильнѣйшіе изгнали или покорили себѣ слабѣйшихъ и возсталп наконецъ другъ на друга. Произошла анархія: кметы (низшее народонаселеніе) поднялось на леховъ (шляхту, господъ), начали истреблять ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возстали и противъ католичества, неуспѣвшаго еще утвердиться между ними, начали истреблять духовенство, церкви и монастыри. Польша явилась на краю гибели. Чешскій король Брячиславъ I вступилъ въ эту страну и началъ забирать ее города и земли безъ всякаго сопротивленія, но тутъ вступился за Польшу и ея короля, Казпміра, императоръ Генрихъ III, политикою котораго было не допускать усиленія одпаго славянскаго государства надъ другимъ. Генрихъ III прпнялъ Казиміра подъ свое покровительство, принудилъ Брячислава силою отказаться отъ видовъ на Польшу, и далъ Казиміру нѣмецкое войско для подавленія анархіи въ Польшѣ. Казиміръ съ нѣмцами вступилъ въ Польшу, возстановилъ порядокъ, и пошелъ войною на Моислава, одного изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, который овладѣлъ Мазовіею и объявилъ себя независимымъ отъ Польши. Моиславъ призвалъ себѣ на помощь языческихъ пруссовъ, жмудиновъ и славянъ поморскихъ, а Казиміръ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ русскомъ великомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ. Въ 1043 г. онъ женился на сестрѣ Ярослава, Маріи (Доброгнѣвѣ), и съ помощію русскихъ началъ войну съ Моиславомъ. Война тянуласть нѣсколько лѣтъ; въ 1047 г. самъ Ярославъ пошелъ на помощь Казиміру. Въ происшедшемъ сраженіи Моиславъ былъ разбитъ и убитъ, а Мазовія снова подчинилась Польшѣ.

Во время этой войны пруссы ознакомились съ Мазовіею, прилегавшею къ ихъ землямъ, и съ этихъ поръ дѣлаютъ частые набѣги на Польшу.

Въ 1058 г. Казиміръ (Возстановитель, Restaurator) умеръ. Ему наслѣдовалъ его сынъ, Болеславъ II Смѣлый, который, воспользовавшись смутами, возникшими въ Германіи въ малолѣтство императора Генриха IV, съумѣлъ возвратить Польшѣ прежнее значеніе, какое она имѣла при Болеславѣ I. Пруссы дѣлали набѣги на польскія земли, Болеславъ II принудилъ сосѣднія съ Польшею земли пруссовъ платить себѣ дань, но это ни къ чему не служило: пруссы продолжали вторгаться въ польскія земли, подвергая ихъ такимъ же опустошеніямъ, какимъ жмудины подвергали на востокѣ земли полочанъ, новгородцевъ, латышей и эстонцевъ.

Болеславъ Смѣлый, счастливый во внѣшнихъ войнахъ, никакъ не могъ осилить враговъ внутреннихъ: принятіе королевскаго титула, стремленіе обуздать магнатовъ и духовенство, умерщвленіе краковскаго епископа Станислава, возбудили противъ него и пановъ и духовенство. Въ 1081 г. онъ былъ изгнанъ и на польскій престолъ возведенъ его братъ Владиславъ-Германъ, который былъ на столько слабъ, что во всемъ ввѣрился палатину Сецеху, человѣку корыстолюбивому и склонному къ насильственнымъ поступкамъ.

Явилась масса недовольныхъ, возставшихъ противъ него подъ предводительствомъ его же побочнаго сына, Збигнѣва. Польша снова замутилась, а тутъ пришлось вести упорную войну съ поморскими славянами. Въ 1102 году Владиславъ-Германъ умеръ, раздѣливъ волости между своими сыновьями — законнымъ Болеславомъ, по прозванію Кривоустымъ, и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали кому же изъ двоихъ сыновей онъ даетъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: «мое желаніе, чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливѣе другаго и доблестнѣе при защитѣ родной земли». Лучшимъ оказался Болеславъ III Кривоустый, который вовсе не походилъ на своего слабаго отца, отличаясь мужествомъ и дѣятельностію. Открытая вражда между братьями не замедлила обнаружиться и Болеславъ III изгналъ Збигнѣва. Княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ поморянами, чехами и нѣмцами. Восточная Померанія хотя и сохранила за собою право имѣть своихъ собственныхъ князей, но вынуждена была признать надъ собою главенство Польши и платить ей дань. Покореніе начало было угрожать и землямъ пруссовъ, но наступившія въ Польшѣ по смерти Болеслава III неурядицы дали другой оборотъ дѣламъ. Онъ умеръ въ 1139 г., оставивъ пятерыхъ сыновей, между которыми начались нескончаемыя распри изъ за старшинства, изъ за волостей, точь въ точь какъ на Руси. Старшій изъ Болеславичей, Владиславъ II, подстрекаемый своей женою, сталъ обижать меньшихъ братьевъ и былъ изгнанъ ими; его мѣсто въ Краковѣ, какъ старшемъ столѣ, занялъ Болеславъ IV Кудрявый. Владиславъ искалъ помощи то у нѣмцевъ, то у южно-русскихъ князей, ходилъ войною на братьевъ: польскія земли терпѣли большое разореніе отъ этихъ войнъ, южно-русскіе князья уводили большой полонъ изъ Польши, а на сѣверныхъ и западныхъ предѣлахъ ея происходили болѣе или менѣе сильныя, болѣе или менѣе разорительныя набѣги пруссовъ, земли которыхъ покрытыя въ тѣ времена густыми лѣсами, многочисленными болотами, озерами, рѣчками и были доступны развѣ только зимою. Когда воды покрывались прочнымъ льдомъ, тогда прусскіе поселки являлись открытыми для иноземныхъ вторженій, поляки отплачивали пруссамъ за набѣги набѣгами же, не имѣя рѣшительно никакого опредѣленнаго плана по обезпеченію своихъ земель отъ прусскихъ вторженій.

Проповѣди христіанства пруссамъ послѣ Бруно не было. Правда, сохранилось извѣстіе (см. Scriptores rer Prussicarum III, 423), что въ 1141 году епископъ Ольмюцкій, Генрихъ, ходилъ проповѣдать христіанство въ прусскія земли, но проповѣдь его не имѣла ровно никакаго успѣха. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того, Болеславъ IV Кудрявый, чтобы обуздать набѣги пруссовъ, предпринялъ въ 1161 г. большой походъ на прусскія земли съ цѣлію покоренія ихъ и обращенія въ христіанство, но походъ его кончился полною неудачею: польское войско обманомъ было заведено въ непроходимыя болота и погибло подъ ударами пруссовъ.

По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ третьему Болеславичу, Мечиславу III, который былъ изгнанъ вельможами, провозгласившими великимъ княземъ послѣдняго изъ Болеславичей, Казиміра Справедливаго (четвертый Болеславичъ, Генрихъ, умеръ раньше). По смерти Казиміра въ 1194 г., вельможи и прелаты рѣшили передать старшій польскій столъ, Краковъ, малолѣтнему сыну Казиміра, Лешко, помимо оставшагося въ живыхъ Болеславича, Мечислава Стараго. Возникла усобица, Мечиславъ овладѣлъ Краковомъ, былъ изгнанъ и снова занялъ этотъ стольный городъ, въ которомъ и удержался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1202 г. Краковскіе вельможи позвали Лешко на Краковскій столъ, но съ условіемъ,

чтобъ онъ не бралъ съ собою въ Краковъ сандомирскаго палатина, Говорка, имѣвшаго на него сильное вліяніе (здѣсь начало условій, предлагаемыхъ польскими магнатами ихъ князьямъ, впослѣдствіи получившихъ названіе pacta conventa). Лешко не согласился на это условіе, магнаты позвали тогда на Краковскій столъ сына Мечислава Стараго, Владислава Ласконогаго, но скоро изгнали его изъ Кракова и снова призвали Казиміровича Лешка, который прибылъ въ Краковъ и тотчасъ же предалъ себя и свои земли въ покровительство св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Причиною, побудившею его рѣшиться на такой важный шагъ, было, конечно, желаніе найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ. Папа торжественно утвердилъ Лешка наслѣдственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему своему сыну. Съ своей стороны Лешко въ 1206 г. предоставилъ своему младшему брату, Конраду, въ управленіе Мазовію и Куявію съ землями Добринскою и Кульмскою (Холмскою, отвоеванную отъ пруссовъ въ XII столѣтіи), какъ независимое княжество. Этотъ-то Конрадъ и былъ виновникомъ событія, оказавшаго сильное вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ сѣверо восточной Европѣ, призванія на берега Вислы тевтонскаго ордена.

Нижнее теченіе Вислы составляло естественную границу между прусскими и восточно-поморскими землями. Одинъ изъ мелкихъ князей этихъ послѣднихъ земель, Самборъ, основалъ около 1178 г. въ Оливѣ цистерціенскій монастырь, на содержаніе коего приписалъ какъ городокъ Оливу, такъ и 6 деревень. Полный конвентъ этого монастыря учредился 2 іюля 1186 г., слѣд. почти одновременно съ началомъ проповѣди католичества Мейнгардомъ придвинскимъ ливамъ. Проповѣдь христіанства язычникамъ было главною задачею цистерціенскихъ монаховъ, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ изъ польскаго цистерціенскаго монастыря въ Лугнѣ (нынѣ Лекно, Брамберскаго округа) отправились на проповѣдь къ пруссамъ, но были враждебно приняты язычниками, которыя ихъ схватили и бросили въ тюрьму. Аббатъ Лугненскаго монастыря, Готфридъ, отправился лично къ язычникамъ хлопотать объ освобожденіи своихъ монаховъ и, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ дружелюбный пріемъ у какого-то властителя земли (dominus terrae). Цистерціенцевъ отпустили, а Готфридъ имѣлъ случай убѣдиться что «поле уже готово для жатвы». По возвращеніи въ свое аббатство, онъ незамедлилъ донести папѣ Иннокентію III о случившемся и испрашивалъ у него разрѣшенія и содѣйствія на проповѣдь евангелія пруссамъ. Папа буллою, состоявшеюся въ 1206 г., слѣд. одновременно съ появленіемъ Конрада въ Мазовіи, не только уполномочилъ Готфрида на проповѣдь, но и повелѣлъ всѣмъ польскимъ епископамъ, чтобъ они поддерживали его, Готфрида, и словомъ и дѣломъ. Въ слѣдующемъ 1207 году аббатъ Готфридъ съ монахомъ Филиппомъ вступилъ въ прусскія земли и имъ удалось обратить въ католичество двухъ знатныхъ пруссовъ — Фалета и Содреха (ducem Phalet et regem Sodrech, какъ они названы въ лѣтописи Альберика; Содрехъ, по видимому, былъ тотъ самый властитель, у котораго Готфридъ встрѣтилъ дружелюбный пріемъ), но проповѣдь не имѣла, однако, дальнѣйшихъ успѣховъ: язычники умертвили Филиппа и тѣмъ на нѣкоторое время пріостановили успѣхи христіанства въ земляхъ пруссовъ.

Неудача и убіеніе Филиппа ни мало не смутило другихъ цистерціенцевъ. Въ 1209 г. монахъ Оливскаго цистерціенскаго монастыря, Христіанъ, взялся за дѣло проповѣди и въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ монаховъ этого монастыря и одного монаха, по имени Филиппа, отправился къ пруссамъ, не безъ согласія, вѣроятно, князя Мазовецкаго, Конрада.

О происхожденіи, о предшествовавшей жизни Христіана ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Винтеръ въ своей исторіи цистерціенскаго ордена (стр.

266, 267) полагаетъ, что Лугненскій аббатъ Готфридъ избралъ Христіана для миссіи въ Пруссію, но, кажется, что Христіанъ взялся за дѣло проповѣди по собственному почину, безъ всякаго участія Готфрида, по крайней мѣрѣ папа Иннокентій III въ своихъ буллахъ отъ 4 сентября 1210 г. и 10 августа 1212 г., называетъ Христіана главнымъ лицомъ въ проповѣди пруссамъ, ни слова не упоминая о Готфридѣ. Какъ бы то не было, но этотъ Христіанъ, человѣкъ несомнѣнно мужественный и преданный своему дѣлу, явившись къ пруссамъ, имѣлъ уже то преимущество предъ своимъ предшественникомъ, Готфридомъ, что шелъ не изъ Польши, съ которою пруссы вѣчно враждовали и вели войны, а изъ поморской земли, которую пруссы иногда и поддерживали въ войнахъ князей ея съ поляками. Проповѣдь Христіана имѣла успѣхъ: нѣсколько знатныхъ пруссовъ крестились, а ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе пруссы, менѣе знатные. Ободренный успѣхомъ Христіанъ въ началѣ 1210 г. отправился въ Римъ къ папѣ Иннокентію III, чтобъ испросить его содѣйствія на продолженіе дѣла, успѣшно начатаго.

Папа благосклонно принялъ Христіана (въ октябрѣ тогоже 1210 г онъ принималъ епископа Альберта и Вольквина, какъ сказано выше на стр. 157) и 4 сентября 1210 г. поручилъ архіепископу гнѣзненскому Генриху содержать Христіана и его товарищей и новокрещенныхъ пруссовъ подъ его охраною впредь до того времени, когда число новокрещенныхъ увеличится и имъ будетъ данъ особый епископъ. Въ буллѣ этой папа ясно указывалъ, что Пруссія должна оставаться внѣ всякой епархіальной связи съ сосѣднею землею, и вмѣстѣ поручалъ архіепископу, епископамъ и прочимъ прелатамъ и свѣтскимъ властямъ покровительствовать и вспомоществовать прусскимъ миссіонерамъ.

По возвращеніи изъ Рима, Христіанъ въ 1211 г. усердно принялся за проповѣдь христіанства пруссамъ и крестилъ не мало народа изъ нихъ. Успѣхи проповѣди, безъ сомнѣнія, были бы очень успѣшны, если бы Христіанъ встрѣтилъ надлежащую поддержку со стороны цистерціенскихъ монастырей и сосѣднихъ свѣтскихъ князей, но никакой поддержки не было: аббаты цистерціенскихъ монастырей крайне непріязненно относились къ прусскимъ миссіонерамъ, не принимали ихъ въ свои монастыри, указывая, что въ число миссіонеровъ втерлись бродяги, обманщики (girovagi aut fidei subversores), а свѣтскіе князья польскіе и поморскіе тотчасъ же начали обременять новокрещенныхъ тяжкими податями и службами. Вслѣдствіе непріязненности аббатовъ, многіе изъ помощниковъ Христіана отстали отъ него, а обремененіе новокрещенныхъ податями и службами отвращали отъ христіанства другихъ язычниковъ, видѣвшихъ, что принятіе христіанства влечетъ за собою одно угнетеніе. Все это дошло до свѣдѣнія папы Иннокентія III, который буллою отъ 10 августа 1212 г. далъ знать генеральному капитулу цистерціенцевъ, что Христіанъ и его помощники состоятъ подъ покровительствомъ папы, что цистерціенцы ни какъ не должны препятствовать миссіонерамъ въ ихъ дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялось въ обязанность архіепископа Гнѣзненскаго испытывать людей, желавшихъ быть миссіонерами въ Пруссіи, и только оказавшихся достойными назначать миссіонеріи съ выдачею имъ на то письменныхъ свидѣтельствъ. За тѣмъ 13 августа 1212 г. папа издалъ буллу князьямъ польскимъ и поморскимъ съ требованіемъ, чтобъ они новокрещенныхъ пруссовъ не обременяли податями и службами, а кротко обращались съ ними, кто же изъ князей будетъ поступать вопреки этому требованію и будетъ угнетать новокрещенныхъ, того архіепископъ Гнѣзненскій долженъ отлучить отъ церкви.

Папа не ограничился буллами: въ томъ же 1212 г. онъ возвелъ Хри-

стіана въ санъ епископа и назначилъ его епископомъ Прусскимъ. Такъ на берегахъ Вислы явилось новое епископство, и Христіанъ, сдѣлавшись епископомъ, пріобрѣлъ надлежащую самостоятельность и могъ дѣйствовать несравненно рѣшительнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ могъ, будучи простымъ монахомъ. Новый епископъ не остался и безъ матеріальной поддержки: князь калишскій, Владиславъ, подарилъ ему въ своемъ княжествѣ деревню Цековичи, предоставивъ ей большія права и вольности.

Утверждая христіанство въ прусскихъ привислинскихъ земляхъ, Христітнъ успѣлъ обратить въ католичество двухъ прусскихъ туземныхъ князей, Свабуно и Варпода. Оба они были торжественно крещены въ Римѣ (первый въ крещеніи получилъ имя Павла, а второй имя Филиппа). Ихъ примѣру не замедлили послѣдовать подвластные имъ пруссы, а сами новокрещенные князья сдѣлали важную дарственную запись. Свабуно-Павелъ подарилъ прускому епископству землю Лабовію (нынѣ Лебау), на верхнемъ теченіи рѣки Древенцъ, а Варпода-Филлипъ землю Ланзанію. Пріобрѣвъ такимъ образомъ земельныя участки, епископъ Христіанъ получилъ обезпеченное и независимое положеніе въ Пруссіи, что, конечно, было для него дѣломъ первостепенной важности, и могъ, конечно, распространять католичество между пруссами дальше и дальше. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: число новокрещенныхъ увеличивалось постоянно и наконецъ встревожило язычниковъ: въ 1215 г. начинается сильная реакція язычества противъ христіанства. Прусскіе князья, остававшіеся язычниками, крайне враждебно отнеслись къ крещенію Свабуно и Варпода, еще болѣе враждебно отнеслись къ подарку этими князьями земель Христіану, видя въ томъ вредныя для себѣ послѣдствія, ибо Христіанъ, явившись въ краѣ землевладѣльцемъ, уже переставалъ быть апостоломъ новой вѣры и духовнымъ пастыремъ новокрещеныхъ, а какъ бы новымъ государемъ, угрожающимъ существованію не только язычества, но и всякой самостоятельности прусскаго народа и ихъ князей. Подобныя опасенія были совершенно основательны: учрежденіе Прусскаго епископства дѣйствительно и безпорно угрожало самостоятельности пруссовъ и могло повлечь за собою, какъ то и произошло на самомъ дѣлѣ послѣ, полное порабощеніе ихъ иноземными католиками. Вотъ причина почему прусскіе князья — язычники какъ только замѣтили усиленіе христіанства начали преслѣдовать новокрещенныхъ и грозить Христіану изгнаніемъ изъ его епископства и умерщвленіемъ всѣхъ католиковъ, въ то время еще сравнительно немногочисленныхъ въ прусскихъ земляхъ. Христіанъ для защиты своихъ новыхъ владѣній, Лабовіи и Ланзаніи, вызвалъ и принялъ въ службу польскихъ жолнеровъ. Очень возможно, что и князь Мазовецкій, Конрадъ, подалъ ему военную помощь. Появленіе у Христіана военной силы было сигналомъ къ возстанію языческихъ князей. Въ 1215 г. они вторглись въ земли Христіана, потомъ бросились жечь и грабить польскія сосѣднія имъ земли Кульмскую, Мазовію и Куявію. Князь Мазовецкій Конрадъ ни мало не обладалъ качествами война и полководца, да и не располагалъ достаточными силами, чтобы дать отпоръ язычникамъ. Онъ бѣжалъ изъ своего княжества, а прусскіе предводители сильнѣйшимъ образомъ разорили земли его княжества и въ особенности земли гнѣзненскаго архіепископства. Въ слѣдующемъ 1216 году прусскіе язычники сдѣлали новый набѣгъ и разорили до тла всѣ земли сѣверной Польши, предавъ огню церкви, монастыри, даже цѣлыя города. Нигдѣ никакого отпора не было. Годы 1217 и 1218 г. были самые несчастные для земель по среднему теченію Вислы: язычники пруссы неладно разоряли ихъ вполнѣ безнаказанно, до того Польша ослабѣла отъ усобицъ своихъ князей и совершеннаго безнарядья въ своей внутренней жизни.

Епископъ Христіанъ, не имѣя никакихъ средствъ защитить свое епископство отъ прусскихъ язычниковъ, покинулъ свои земли еще въ 1215 г. и христіанство почти совсѣмъ исчезло въ прусскомъ епископствѣ. Ему однакоже не хотѣлось терять плоды своихъ трудовъ, какіе онъ несъ съ 1209 г. въ прусскихъ земляхъ, но гдѣ же искать помощи и содѣйствія противъ язычниковъ, если не въ Римѣ, у всемогущаго папы Иннокентія III, двигавшаго въ тѣ времена ополченіями западно-европейскихъ народовъ на огромныхъ пространствахъ, призывавшаго не безуспѣшно католиковъ къ крестовымъ походамъ въ Палестину, въ Испанію противъ арабовъ и въ Ливонію. Христіанъ и прибылъ въ Римъ, чтобы ходатайствовать у папы разрѣшеніе на проповѣдь крестоваго похода противъ языческихъ пруссовъ. Здѣсь онъ уже не засталъ въ живыхъ Иннокентія III (умеръ 16 іюля 1216 г.), папскій престолъ занялъ Гонорій III, человѣкъ хотя и любившій дѣйствовать больше кротостію, чѣмъ строгостію, но во всякомъ случаѣ весьма способный слѣдовать путемъ, указаннымъ римской куріи его знаменитымъ предшественникомъ. Хотя новый папа избавленіе Святой Земли отъ власти мусульманъ ставилъ на первомъ планѣ своей дѣятельности, но, однакоже, не покинулъ безъ содѣйствія и помощи епископа Христіана. 3 марта 1217 г. папа разрѣшилъ Христіану возлагать крестъ на всѣхъ, кто желалъ отправиться въ походъ на прусскихъ язычниковъ, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что походъ въ Пруссію равнозначителенъ походу въ Палестину.

Съ этого времени начинаются крестовые походы на земли пруссовъ и начинается цѣлый рядъ папскихъ распоряженій по устройству Прусскаго епископства, но папскія воззванія къ католикамъ Германіи, Чехіи, Даніи, Польши и Поморья и призывы къ походу на пруссовъ дѣйствовали не особенно сильно. Крестоносцы являлись, но въ силахъ далеко недостаточныхъ, чтобы смирить прусскихъ язычниковъ отъ вторженій въ христіанскія земли; эта послѣдняя цѣль достигалась очень плохо: пока крестоносцы занимали границы, прусскіе язычники не тревожили ихъ, но чуть-лишь уходили отъ границъ, язычники дѣлали набѣги и вносили разоренія и опустошенія на значительно большія пространства.

Въ 1218 г. крестовый походъ на Пруссію предприняли епископъ Бреславскій Лаврентій и князь Теобальдъ Чешскій, но ихъ походъ не имѣлъ равно никакихъ послѣдствій. Въ 1219 и 1220 годахъ крестовыхъ походовъ во все не было, и язычники грабили и жгли польскія земли безнаказанно; новокрещенцы оставались беззащитными. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Христіанъ побывалъ въ Германіи, Силезіи, Саксоніи, стараясь пробудить участіе къ судьбѣ своего епископства, но его слова и призывы оставались мало успѣшными, и только въ 1222 году собралось ополченіе крестоносцовъ довольно значительное. Снарядились въ походъ на пруссовъ князь Лешко Краковскій, давшій обѣтъ отправиться въ Палестину и получившій папское разрѣшеніе замѣнить походъ въ Палестину походомъ на пруссовъ, Генрихъ князь Силезскій, Конрадъ Мазовецкій и епископы Краковскій, Познанскій и Куявскій. Къ нимъ присоединились князья поморскіе, Святополкъ и Вратиславъ. Ихъ задачею было обезпечить Кульмскую землю отъ прусскихъ вторженій. Съ этою цѣлію они начали возстановлять разрушенныя пруссами укрѣпленныя городки, и въ особенности городъ Кульменъ на Вислѣ. Въ концѣ лѣта 1222 г. крестоносцы переправились на лѣвый берегъ Вислы въ Мазовію.

Здѣсь въ Ловичѣ (между Иноврославомъ и Вислою) предводители крестоносцевъ 5 августа 1222 г. согласились между собою возстановить разрушенный язычниками Кульменъ, обратить этотъ городъ въ крѣпость и назначить въ немъ мѣстопребываніе Прусскаго епископа. Вмѣстѣ съ тѣмъ было

опредѣлено присоединить всю Кульмскую землю къ Прусскому епископству, епископъ Христіанъ получилъ сверхъ-того отъ князя Конрада нѣсколько деревень и мѣстечекъ. Тутъ впервые опредѣлились предѣлы Прусскаго епископства, въ которомъ епископъ не имѣлъ ни какой свѣтской власти, а Кульмская земля осталось какъ и прежде польскою провинціею. Это соглашеніе было утверждено папою Гоноріемъ III 18 апрѣля 1223 г.

Крестоносцы, однако, ровно ничего не предпринимали противъ прусскихъ язычниковъ, но крайней мѣрѣ о военныхъ дѣйствіяхъ ихъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Пока они стояли на границахъ польскихъ земель, пруссы также не выходили изъ своихъ лѣсовъ, но чуть лишь ополченіе крестоносцевъ отошло отъ границъ, пруссы немедленно же возобновили свои нападенія. До 1222 года они жили въ ладу съ поморскими князьями, вторгаясь лишь въ польскіе предѣлы, но когда въ крестовомъ походѣ на пруссовъ приняли участіе поморскіе князья, Святополкъ и Вратиславъ, то прусскіе язычники не считали уже нужнымъ щадить поморскія земли. Весною 1224 г., послѣ удаленія крестоносцевъ, пруссы сдѣлали чрезвычайно опустошительный набѣгъ, но уже на поморскія земли. Она переправилась на лѣвый берегъ Вислы и предали разоренію поморскія земли на обширныя пространства. Бывшее мѣстопребываніе Христіана. Оливскій монастырь, былъ также ограбленъ, а монахи умерщвлены. Другая партія пруссовъ вторглась во владѣніе Конрада и жестоко разорила ихъ. У Конрада не было рѣшительно никакихъ средствъ противиться разбойничьимъ набѣгамъ, да и собственные подданные его, мазовшане и куявяне, плохо повиновались ему, лучше сказать, вовсе не повиновались. Разсказываютъ про Конрада, что однажды шайка пруссовъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не могъ не исполнить требованія, но у него у самого не были ни платья, ни лошадей. Онъ тогда зазвалъ къ себѣ на пиръ своихъ знатнѣйшихъ пановъ съ женами и, во время пира отобралъ у пирующихъ пановъ ихъ лошадей и верхнее платье и отдалъ пруссамъ. Если Конрадъ не имѣлъ средствъ защитить свои владѣнія отъ хищническихъ набѣговъ, то еще менѣе ихъ имѣлъ Христіанъ. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ сидѣть въ бездѣйствіи въ своемъ укрѣпленномъ мѣстопребываніи и смотрѣть какъ пруссы безнаказанно грабятъ Кульмскую землю и всѣхъ христіанъ.

При такихъ обстоятельствахъ Конраду приходилось уже помышлять объ охранѣ своей жизни. Но чѣмъ охранить, если не постоянною военною силою? Крестонсоцы приходили, хищныя шайки не трогались, не тревожили христіанъ, но крестоносныя ополченія не были постояннымъ войскомъ, ополченцы возлагали на себя крестъ на извѣстный срокъ и расходились по домамъ, когда срокъ проходилъ, но чуть лишь крестоносцы уходили, какъ набѣги начинались снова съ удвоенною яростію. Какъ же быть, гдѣ найти постоянную военную силу? Примѣръ, данный епископомъ Альбертомъ въ Ливоніи былъ у всѣхъ предъ глазами. Онъ находился въ положеніи не лучшемъ, въ какомъ былъ Христіанъ, но съумѣлъ восторжествовать надъ всѣми препятствіями съ помощію постоянной силы, съ помощію военно-монашескаго ордена. Такъ не послѣдовать-ли примѣру Альберта и здѣсь, не прибѣгнуть-ли къ средству уже испытанному и оказавшемуся несомнѣнно успѣшнымъ, не попытаться ли поставить военно-монашескій орденъ плотиною противъ язычниковъ и силою, единственно способною обуздать хищниковъ, привести ихъ къ католичеству?

Въ это время въ Западной Европѣ гремѣлъ славою своихъ подвиговъ военно-монашескій орденъ тевтонскій (нѣмецкій), къ нему-то обратились и Христіанъ и Конрадъ.

Еще въ первой трети 12-го столѣтія въ Іерусалимѣ былъ основанъ паломническій домъ для бѣдныхъ и больныхъ нѣмцевъ. Одинъ благочестивый и зажиточный нѣмецъ построилъ этотъ домъ и рядомъ съ нимъ часовню въ честь Пресвятыя Богородицы. Домъ этотъ получилъ названіе тевтонскаго (нѣмецкаго, das deutsche Haus) и въ немъ помѣстилась община госпитальныхъ служителей, учрежденная благочестивыми паломниками. Община руководилась уставомъ св. Августина и въ 1143 г. поступила въ главное вѣдѣніе магистра военно-монашескаго ордена іоаннитовъ, при чемъ было постановлено, что пріоръ и братья общины должны быть непремѣнно нѣмцы по происхожденію.

Тевтонскій домъ скоро пріобрѣлъ себѣ своею дѣятельностію по призрѣнію бѣдныхъ и больныхъ почетную извѣстность. Король іерусалимскій Амальрихъ 1 одарилъ его землями, доходами, а императоръ Фридрихъ 1 расширилъ этотъ домъ. Іерусалимское королевство существовало недолго: въ 1187 г. Іерусалимъ былъ взятъ Саладиномъ и тевтонскій домъ прекратилъ свое существованіе. Вѣсть о паденіи Іерусалима произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ Западной Европѣ: составилось стотысячное войско крестоносцевъ, которое подъ предводительствомъ Фридриха I Барбароссы вступило въ Азію. Но императоръ утонулъ во время похода въ рѣчкѣ Селефѣ и съ его смертью разстроился весь походъ. Лишь жалкіе остатки большого войска достигли 8 октября 1190 г. Птолемаиды, (Акконъ, Акра), приморскаго укрѣпленнаго города, который христіане безуспѣшно осаждали. Голодъ, моровое повѣтріе, раздоръ свирѣпствовали въ христіанскомъ войскѣ. Французы и итальянцы находили помощь у храмовниковъ и іоаннитовъ, но многочисленные нѣмецкіе больные не имѣли никакого крова и покинутые на произволъ судьбы погибали отъ язвы и голода. Любекскіе и бременскіе бюргеры, находившіеся въ войскѣ, устроили изъ корабельныхъ парусовъ полевой госпиталь для своихъ земляковъ, пораженныхъ язвою. Скоро появился въ лагерѣ новый тевтонскій домъ, и герцогъ Фридрихъ швабскій, приведшій подъ Птолемаиду остатки крестоноснаго ополченія Фридриха Барбароссы, возъимѣлъ мысль учредить военно-монашескій орденъ исключительно изъ нѣмцевъ, который заботился бы о призрѣніи больныхъ и безпріютныхъ нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несъ военную службу противъ невѣрныхъ на защиту Святой Земли. Орденъ долженъ былъ имѣть своего собственнаго магистра и главное мѣстопребываніе ему предназначалось въ Птолемаидѣ. При содѣйствіи другихъ нѣмецкихъ предводителей новопредполагаемый орденъ учредился, и уставъ его былъ посланъ на утвержденіе папѣ Клименту III, который 6 февраля 1191 г. и принялъ новый орденъ подъ защиту св. Петра и апостольскаго престола.

Птолемаида была взята христіанами 12-го іюля 1191 года и новый орденъ, получившій названіе тевтонскаго, немедленно же приступилъ здѣсь къ необходимымъ для него постройкамъ: церкви, госпиталя и жилыхъ зданій. Съ появленіемъ новаго ордена, нѣмецкіе паломники, застигаемые болѣзнями, могли найти себѣ пріютъ въ орденскомъ госпиталѣ. а нѣмецкому рыцарству не было надобности вступать въ чужой орденъ. Тевтонскій орденъ явился средоточіемъ нѣмецкаго элемента въ Палестинѣ.

Папа Целестинъ III въ 1196 г. освободилъ тевтонскій орденъ отъ всякой зависимости и связи съ іоаннитами и предоставилъ ему право избирать для себя магистра. Первымъ самостоятельнымъ магистромъ тевтонскаго ордена былъ Генрихъ, по прозванію Вальпотъ. Окончательную организацію ордена, его одѣяніе и уставъ утвердилъ папа Иннокентій III въ 1198 г., съ признаніемъ духовнаго общества и рыцарскимъ орденомъ. Новые рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ.

Только нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ. Главною обязанностью рыцарей было ходить за больными и биться съ врагами вѣры. Уставъ ордена былъ очень строгій: полное отреченіе отъ всякой собственности, безусловное повиновеніе и чистота жизни составляли основу обѣтовъ. Каждаго вновь вступающаго брата встрѣчали суровыми словами: «Жестоко ошибаешься, если думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ—когда хочешьѣсть, то долженъ поститься; когда хочешь поститься, тогда долженъ ѣсть; когда хочешь спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери, отъ брата и сестры, и въ награду за это орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду, да рубище».

Вскорѣ послѣ своего основанія орденъ началъ получать для содержанія госпиталей и военныхъ цѣлей земли въ подарокъ, сперва въ Палестинѣ, а потомъ въ Европѣ. Императоръ Генрихъ VI подарилъ ордену землю у Барлеты, гдѣ орденъ основалъ свой первый госпиталь въ Европѣ, а за тѣмъ подарилъ въ Палермо бывшій цистерціанскій монастырь съ приписанными къ нему имѣніями. Самые многочисленные подарки землями орденъ получалъ уже въ началѣ XIII ст. въ Тюрингіи, Франконіи, Гессенѣ и Австріи. Король германскій Филиппъ, тотъ самый, который покровительствовалъ Альберту (см. выше стр. 125), оказалъ важную услугу ордену тѣмъ, что принялъ его подъ свое покровительство на всемъ пространствѣ Римской имперіи и 20 мая 1206 года предоставилъ всякому владѣльцу имперскихъ леновъ уступать въ пользу ордена тѣ имѣнія или посредствомъ продажи, или даренія.

Тевтонскій орденъ возрасталъ съ каждымъ годомъ, и когда во главѣ его сталъ Германъ Зальца, пріобрѣлъ весьма уже видное положеніе въ Европѣ. Германъ Зальца, тюрингенцъ родомъ, былъ четвертымъ магистромъ ордена (Генрихъ Вальпотъ, Оттонъ Керпенъ и Германъ Бартъ были предшественниками ему). Орденскій лѣтописецъ Петръ Дусбургъ, восхваляя Зальца, называетъ его человѣкомъ краснорѣчивымъ, ласковымъ, разумнымъ. И въ самомъ дѣлѣ четвертый орденскій магистръ обладалъ замѣчательно тонкимъ пониманіемъ современныхъ ему политическихъ дѣлъ и замѣчательнымъ искуствомъ поддерживать расположеніе къ ордену и императоровъ, и папъ. Императоръ Оттонъ IV подтвердилъ ордену право, предоставленное ему королемъ Филиппомъ, пріобрѣтать имперскія имѣнія; императоръ Фридрихъ II мало того, что предоставилъ ордену богатыя имѣнія, но одарилъ его разными правами и преимуществами и орденскаго магистра сдѣлалъ членомъ императорской свиты. Папа Гонорій III съ своей стороны не только утверждалъ права и преимущества ордена, дарованныя ему Целестиномъ III и Иннокентіемъ III, но значительно расширялъ ихъ. Такъ въ 1220 г. тевтонскій орденъ былъ не только сравненъ съ орденами храмовниковъ и іоаннитовъ. но и получилъ полную независимость отъ кого либо изъ прелатовъ, такъ какъ папа подчинилъ орденъ непосредственно апостольскому престолу. Орденскому духовенству было предписано подчиняться магистру и его капитулу.

Расширеніемъ своихъ правъ, обогащеніемъ имѣніями, увеличеніемъ своего состава орденъ былъ обязанъ, конечно, Зальцѣ, который умѣлъ себя поставить такъ, что и папа, и императоръ одинаково были милостивы къ нему, одинаково довѣряли, одинаково прибѣгали къ его совѣтамъ и не разъ употребляли его посредникомъ въ дѣлахъ и спорахъ между собою.

Здѣсь не мѣсто описывать дѣятельность тевтонскаго ордена на Востокѣ въ борьбѣ съ мусульманами; въ этой борьбѣ онъ снискалъ много чести себѣ. но не въ его силахъ было поднять дѣло, падавшее само собою въ силу из-

мѣнившихся обстоятельствъ и условій жизни европейскихъ народовъ. Дѣло христіанъ на Востокѣ видимо падало, и Богъ вѣсть какая судьба постигла бы тевтонскій орденъ, если бы его главная дѣятельность не была перенесена въ Европу за долго до окончательнаго вытѣсненія христіанъ изъ Палестины. Такою перемѣною театра дѣйствій орденъ былъ всецѣло обязанъ Зальцѣ.

Еще въ 1211 г., слѣд. на второй годъ послѣ избранія Зальца магистромъ, король венгерскій Андрей отдалъ тевтонскому ордену въ ленъ Бурзенскую землю въ Трансильваніи (Семиградіи) съ тѣмъ, чтобы орденъ защищалъ какъ эту землю, такъ и Венгрію отъ вторженій языческихъ кумановъ (половцовъ). Борьба съ невѣрными гдѣ бы то ни было составляла главную цѣль существованія ордена, потому орденскій магистръ принялъ королевское предложеніе и послалъ своихъ рыцарей въ Бурзу на борьбу съ язычниками. Нѣмецкая орденская дружина прибыла въ Семиградію и повела дѣло съ полнымъ успѣхомъ; куманы были обузданы и смирены, въ краѣ появились крѣпости, появилась сильная власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ воинственная и властолюбивая нѣмецкая дружина ясно показала, что она стремится германизировать весь край и подчинить его своему господству. Угры во время увидѣли опасность для себя призванія тевтонскаго ордена и постарались отдѣлаться отъ опасвыхъ ленниковъ. Король Андрей въ 1225 г. самъ вступилъ во владѣніе Бурзою и изгналъ изъ своихъ предѣловъ тевтонскій орденъ. Никакое дипломатическое искуство Зальца, никакія предстательства папы не помогли: король Андрей не пускалъ уже больше въ свои владѣнія рыцарей.

Въ это время тевтонскій орденъ широко раскинулся по землямъ Западной Европы. На Рейнѣ, Ланѣ, Салѣ и Эльбѣ, на Майнѣ и Пемицѣ, на Дунаѣ, Эсѣ и Дравѣ всюду уже были его командорства, замки (дома), обширныя имѣнія; множество дворянъ сдѣлались членами его. Тѣмъ не менѣе для воинской дѣятельности ордена въ Западной Европѣ не было мѣста: здѣсь язычество давнымъ давно уже исчезло и борьбы съ невѣрными никакой не могло быть; съ удаленіемъ изъ Венгріи ордену приходилось бездѣйствовать въ Европѣ, и тутъ-то и явилось предложеніе, открывшее ему богатые виды на обширное военное и завоевательное поприще.

Было уже выше сказано, что прусскіе язычники послѣ безплоднаго крестоваго похода на нихъ въ 1222 г. до такой степени усилили свои набѣги на Мазовію, Куявію и Кульмскую землю, что въ конецъ раззорили эти страны. Безсильный Мазовецкій князь Конрадъ не находилъ средствъ бороться съ пруссами, опасность конечнаго разоренія начала грозить Плоцку и плоцкой епархіи и вотъ плоцкій епископъ, Гюнтеръ, первый подалъ Конраду мысль призвать на защиту своихъ владѣній тевтонскій орденъ, поступить такъ, какъ поступилъ король Андрей, когда призвалъ орденъ на борьбу съ куманами. Конрадъ, доведенный до совершенной крайности, по валъ на совѣтъ своихъ епископовъ и магнатовъ и предложилъ имъ обсудить: не позвать-ли на помощь орденъ. Рѣшились позвать съ предоставленіемъ ордену во владѣніе Кульмской и другой по близости къ пруссамъ земли съ тѣмъ, чтобы орденъ открылъ наступленіе на пруссовъ и завоевалъ земли ихъ въ честь и славу Господню. Снарядили посольство и отправили его въ южную Италію находившемуся тамъ орденскому магистру Зальцѣ сдѣлать ему о томъ надлежащее предложеніе. Посольство это въ началѣ 1226 г. прибыло къ Зальцѣ. Онъ очень хорошо видѣлъ всѣ выгоды для ордена отъ подобнаго предложенія, но, будучи человѣкомъ осторожнымъ и дальновиднымъ, не торопился рѣщеніемъ, чтобъ торопливостію не испортить дѣла, несомнѣнно выгоднаго, если только повести его умѣючи.

Ордену предлагали взять во владѣніе Кульмскую область съ обязатель-

ствомъ покорить Пруссію, но для кого покорить? Для ордена, для Польши, для императора? Объ этомъ послы ничего не сказали, да и самъ Конрадъ не могъ, конечно, рѣшить этого вопроса. Предлагали взять во владѣніе Кульмскую землю, но гдѣ ручательство, что поляки не поступятъ съ орденомъ такъ, какъ поступилъ венгерскій король не далѣе какъ въ прошломъ году: онъ вѣдь самъ предоставилъ Бурзенскую землю ордену, но когда орденъ смирилъ и покорилъ кумановъ, когда обезопасилъ и привелъ въ порядокъ страну, то тотъ же король и вытѣснилъ орденъ. Въ это время шли приготовленія къ крестовому походу, подъ начальствомъ императора Фридриха II; тевтонскій орденъ былъ обязанъ принять участіе въ походѣ, слѣд. въ Пруссію можно послать только небольшое число рыцарей, но небольшимъ числомъ развѣ можно было бороться съ дикарями сколько многочисленными, столько же и отважными. Дѣло другое, если бы можно было основать на берегахъ Вислы ни отъ кого независимое орденское княжество, если бы можно было всѣ завоеванія въ Пруссіи сдѣлать неотъемлемымъ достояніемъ ордена, заручившись на то согласіемъ императора. Магистръ и обратился къ императору Фридриху II, находившемуся въ это время въ Римини. Мысль объ учрежденіи на отдаленномъ сѣверо-востокѣ Европы нѣмецкаго княжества понравилась императору и онъ въ мартѣ 1226 г. далъ жалованную грамоту магистру въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ тотъ желалъ. Выдачу такой грамоты императоръ считалъ своимъ правомъ потому, что признавалъ самую Польшу леномъ Римской имперіи. Грамотою этою императоръ утверждалъ за орденомъ владѣніе предлагаемою княземъ Конрадомъ Кульмскою землею и другою, какую обѣщалъ дать князь, за тѣмъ предоставлялъ ордену право начать наступательныя дѣйствія на пруссовъ, покорять ихъ земли своей власти, при чемъ магистръ и его преемники должны были въ покоренныхъ земляхъ пользоваться такою же судебною властью и господствомъ, какую имѣетъ каждый имперскій князь въ своей землѣ. При этомъ императоръ пожаловалъ орденскому магистру достоинство имперскаго князя, вслѣдствіе чего магистръ получилъ право вклю ать въ свой магистерскій гербъ изображеніе одноглаваго имперскаго орла и орденское знамя должно было быть съ такимъ же орломъ.

Надобно полагать, что и папа Гонорій III, чрезвычайно расположенный къ Зальцѣ, не противился такой жалованной грамотѣ и по всей вѣроятности также согласился предоставить ордену какъ Кульмскую землю, такъ и прусскія земли, какія только будутъ завоеваны орденомъ; хотя на это прямого доказательства и нѣтъ, но быть же не можетъ, чтобы осторожный Зальца въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовалъ безъ вѣдома и согласія папы.

Заручившись жалованною грамотою императора и по всей вѣроятности согласіемъ папы, Зальца въ томъ же 1226 году отправилъ орденскаго рыцаря Конрада Ландсберга съ другимъ товарищемъ къ Конраду Мазовецкому разузнать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, осмотрѣть предлагаемую во владѣніе ордена Кульмскую землю и за тѣмъ войти въ ближайшее и обстоятельное соглашеніе съ княземъ. Никакого военно-рыцарскаго отряда магистръ, съ пожалованіемъ въ имперскіе князья, принявшій титулъ великаго магистра (гохмейстера), къ Конраду не отправлялъ, да и не могъ отправить, потому что всѣ военныя силы ордена должны были въ августѣ 1227 г. выступить въ крестовый походъ, предпринять который императоръ Фридрихъ II обѣщалъ еще въ 1215 году, но откладывалъ подъ разными предлогами и теперь рѣшился двинуться въ Палестину, угрожаемый папою отлученіемъ отъ церкви.

Посольство Зальца не застало Конрада дома и было принято его супругою, Агафіею. Самъ Конрадъ находился на войнѣ, которая шла въ это время между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его Владиславомъ

Оттоновичемъ, обыкновенно называвшимся Одоничемъ. Въ усобицу между дядею и племянникомъ вмѣшались другіе польскіе князья и война охватила всю Польшу, что, конечно, было на руку разбойничьимъ набѣгамъ пруссовъ, не встрѣчавшихъ себѣ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Посольство Ландсберга осталось безъ всякихъ послѣдствій: онъ видѣлъ только, что такое Кульмская земля, предлагаемая ордену, участвовалъ съ мазовецкими людьми въ отраженіи какого-то прусскаго набѣга, и уѣхалъ къ магистру, ничего не достигнувъ, быть можетъ и потому, что не имѣлъ полномочія войти съ Конрадомъ въ письменное соглашеніе и принять отъ него именемъ ордена Кульмскую землю.

Весь 1227 г. прошелъ и дѣло о передачѣ земли ни мало не подвинулось впередъ: Зальцѣ было не до Мазовіи и не до пруссовъ, все вниманіе его было обращено на крестовый походъ, а между тѣмъ въ 1227 г. Одоничъ разбилъ на голову Ласконогаго и занялъ почти всѣ его владѣнія. Тогда на помощь Ласконогому пошли князья Лешко Краковскій, Конрадъ Мазовецкій и ГенрихъБреславскій, а на сторонѣ Одонича сталъ зять его (женинъ братъ) Святополкъ, князь Поморскій. Одоничъ съ Святополкомъ напали на враждебныхъ имъ князей, разбили ихъ, при чемъ Лешко Краковскій былъ убитъ. Тогда Конрадъ позвалъ на помощь постоянныхъ союзниковъ убитаго Лешка, южно-русскихъ князей, Даніила и Василька Романовичей. Тѣ прибыли, осадили Калишъ, поплѣнили множество польской челяди и боярынь. Конрадъ осадилъ Краковъ, потерпѣлъ неудачу и самъ позвалъ языческихъ пруссовъ и жмудиновъ вторгнуться въ Малую Польшу. Тѣ, конечно, не заставили себя долго просить: ворвались въ Польшу, ограбили что можно было ограбить, выжгли церкви и монастыри, перебили множество народа и увели въ свою землю большой полонъ. Мазовецкія, Куявскія и Кульмскія земли ни мало не были пощажены.

Помощи со стороны ордена не было, да и не могло быть: крестовый походъ былъ во всемъ разгарѣ, но Зальца, однако, не упускалъ изъ вида польско-прусскихъ дѣлъ и весною 1228 г. прислалъ къ Конраду новое посольство: орденскаго командора Филиппа съ рыцаремъ Генрихомъ и монахомъ Конрадомъ. Они вошли въ предварительное соглашеніе съ Конрадомъ Мазовецкимъ: князь уступилъ во владѣніе ордену всю Кульмскую землю и куявскую деревню, Орлеву, лишь бы только орденъ сталъ противъ пруссовъ. О какомъ либо подчиненіи ордена Польшѣ не было и рѣчи. Орденъ, если бы и прибылъ, то былъ-бы имперскимъ, а вовсе не польскимъ ленникомъ, и земли пруссовъ, которыя предстояли покоренію, составили бы ленъ имперскій, а не польскій. Орденъ, однако, не являлся, да и явится-ли когда оставалось не извѣстнымъ, потому что дѣла и отношенія между папою и императоромъ въ то время приняли оборотъ далеко не мирный.

Папскій престолъ послѣ умершаго Гонорія III занялъ 19 марта 1227 г. Григорій IX, человѣкъ характера твердаго и рѣшительнаго. 8 сентября 1227 г. императоръ Фридрихъ II приготовился было садиться на корабли, чтобы плыть въ Палестину, но страшное моровое повѣтріе охватило крестоносцевъ, собравшихся въ Брундузіумѣ. Фридрихъ II снова отложилъ походъ; тогда Григорій IX, лично не расположенный къ императору, отлучилъ его отъ церкви и такимъ образомъ между духовнымъ и свѣтскимъ повелителями христіанства возникла сильнѣйшая распря. Зальца еще осенью 1227 г. отправился въ Палестину, и императоръ волею-неволею тоже отправился въ походъ, и 28 іюня 1228 г. благополучно высадился въ Птолемаидѣ и началъ войну съ султаномъ Камелемъ.

Вотъ тутъ-то и выступилъ на сцену епископъ пруссовъ Христіанъ. Не видя никакой помощи отъ тевтонскаго ордена, неувѣренный даже и въ томъ,

будетъ-ли эта помощь, ибо Зальца съ орденскими силами находился въ Палестинѣ съ императоромъ и какой оборотъ могла принять война тамъ оставалось невѣдомымъ, предложилъ Конраду, его магнатамъ и духовенству послѣдовать примѣру ливонскаго епископа Альберта и основать въ Мазовіи собственный военно-монашескій орденъ, на подобіе ливонскаго ордена меченосцевъ. Князь Конрадъ, по соглашенію съ нѣмецкимъ епископомъ Гюнтеромъ, рѣшился принять совѣтъ Христіана и 4 іюля 1228 г. основалъ военно-монашескій орденъ на подобіе ливонскаго (Fratres militaturi contra Prutenos more Livoniensi). На содержаніе новаго ордена былъ назначенъ замокъ Добрынь на правомъ берегу Вислы съ прилегавшими къ нему землями. Папа Григорій IX утвердилъ 28 октября 1228 г. новый орденъ подъ названіемъ fratres militiae Christi contra Prutenos (Дусбургъ называетъ новый орденъ fratres ordinis militum Christi, но оба эти названія не удержались, новый орденъ сталъ называться по мѣсту пребыванія его братіи просто *Добрынскимъ*). Назначеніемъ ордена было защищать польскія земли отъ прусскихъ вторженій. Магистромъ его былъ избранъ Бруно, и пятнадцать рыцарей составили первую братію ордена.

Добрынскіе рыцари открыли свои дѣйствія съ 1228 г., но скоро оказалось, что ни Конраду, ни Христіану ожидать лучшаго отъ новаго ордена нельзя: пруссы, свѣдавъ о новомъ врагѣ, нѣсколько разъ подступали къ Добрыни, взять его не могли, но за то нагнали такой страхъ, что четверо или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыни, и никто не смѣлъ остановить ихъ. Между тѣмъ оружіе императора Фридриха II, не смотря на всѣ препятствія и козни со стороны папы, торжествовало надъ мусульманами. Султанъ Малекъ-эль-Камель терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ и наконецъ 18 февраля 1229 г. заключилъ договоръ съ императоромъ, въ силу котораго уступалъ ему Іерусалимъ и большую часть прежнихъ владѣній христіанъ въ Святой Землѣ. Фридрихъ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ и 17 марта 1229 г. короновался Іерусалимскимъ королемъ, но не долго пробылъ тутъ. Получивъ извѣстіе, что въ Апулію вторглись папскіе ключеносцы, императоръ Фридрихъ въ іюнѣ 1229 г. возвратился въ Италію. Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Италію и Зальца. Императоръ прогналъ ключеносцевъ (наемные папскіе солдаты, предводимые Іоанномъ Бріенскимъ) и началъ угрожать папскимъ владѣніямъ. Тогда нѣмецкіе князья и во главѣ ихъ Зальца постарались примирить враговъ. Зальца въ ноябрѣ 1229 г. поѣхалъ въ Римъ въ качествѣ посланника Фридриха и ему удалось кое-какъ устроить примиреніе. Папа снялъ съ императора отлученіе, но за то получилъ отъ императора согласіе на всѣ его требованія по италіанскимъ дѣламъ. Миръ кое-какъ состоялся, хотя ни папа, ни императоръ не довѣряли этому миру: они по просту обманывали другъ друга, стараясь лишь выиграть время.

Теперь только Зальца счелъ возможнымъ приступить къ покоренію земель пруссовъ. Конрадъ въ особой грамотѣ повторилъ свои прежнія предложенія, т. е. предоставлялъ ордену въ полное и постоянное владѣніе Кульмскую землю съ деревнею Орлевою. Осторожный Зальца этимъ неудовольствовался, въ концѣ 1229 г. онъ отправилъ орденскихъ пословъ къ Конраду, которые должны были выяснить отношенія ордена къ епископу Христіану. Въ январѣ 1230 г. въ Леслау состоялось, при посредствѣ двухъ куявскихъ аббатовъ, Генриха Лугненскаго и Іоанна Линденскаго, соглашеніе съ Христіаномъ: епископъ сохранялъ за собою всѣ имѣнія, какія ему были прежде подарены Конрадомъ и епископомъ плоцкимъ Гюнтеромъ въ Кульмской землѣ; орденъ уплачиваетъ епископу извѣстную сумму денегъ съ каждаго плуга земли; 200 нѣмецкихъ плуговъ и 6 дворовъ остаются въ полной собствен-

ности епископа; орденъ признаетъ вассаловъ, получившихъ лены отъ Христіана, епископскими, а не орденскими вассалами; орденъ раздаетъ лены въ Кульмской землѣ съ согласія епископа; въ походахъ епископское знамя предшествуетъ орденскому; орденъ никакой юрисдикціи епископа не подлежитъ, такъ какъ орденскимъ епископомъ состоитъ самъ папа; ловичское соглашеніе 1222 г. за тѣмъ отмѣняется и въ силу входитъ нынѣ состоявшееся въ Леславѣ Одновременно послы начали переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ и епископомъ плоцкимъ на счетъ точнѣйшаго опредѣленія уступаемыхъ ордену земель. Однимъ словомъ, Зальца не упустилъ ничего для яснаго и точнаго опредѣленія будущихъ отношеній къ Конраду и епископу прусскому, дабы въ прусской землѣ не могло повториться того, что уже случилось съ орденомъ въ землѣ угровъ, гдѣ орденъ трудился много и все-таки былъ удаленъ венгерскимъ королемъ изъ его владѣній.

Отправляя посольство къ Конраду, Зальца послалъ на берега Вислы передовой орденскій отрядъ, который построилъ для себя противъ Торна на возвышеніи на лѣвомъ берегу Вислы укрѣпленіе, получившее названіе Фогельзанга.

18 января 1230 г. папа издалъ возваніе къ тевтонскимъ рыцарямъ, дабы они мужественно вступили въ бой съ прусскими язычниками и исключили изъ язычества ихъ земли. Въ буллѣ этой Григорій IX говоритъ, что князь Конрадъ подарилъ тевтонскому ордену Кульмскую землю съ другими городами и что орденъ покоряетъ прусскія земли не для кого иного, какъ для самаго себя.

Зальца, заручившись такимъ образомъ договорами и документами, имѣя на своей сторонѣ и папу и императора, могъ уже смѣло начинать дѣло покоренія прусскихъ земель и весною 1230 г. прислалъ въ Мазовію первый уже значительно большой орденскій отрядъ, подъ начальствомъ *Германа Балка*. То былъ первый магистръ тевтонскаго ордена въ Пруссіи, человѣкъ столько же отличавшійся военными дарованіями, сколько и искуствомъ дипломата. Маршаломъ у Балка былъ Теодорихъ Бернгеймскій; изъ важнѣйшихъ рыцарей, находившихся при немъ, были: Конрадъ Тутеленъ, Генрихъ Верка, Генрихъ Цейцъ. Значительное число оруженосцевъ сопровождало рыцарей. Балкъ энергично взялся за дѣло: получивъ отъ Конрада городокъ Нессау съ округомъ по куявской границѣ, онъ сталъ на Вислѣ и укрѣпился тутъ на мѣстности между этимъ городкомъ, который рыцари незамедлили укрѣпить, и Фогельзангомъ. То была первая позиція тевтонскаго ордена и первое мѣстопребываніе его. Изъ этой повислинской мѣстности и начинаютъ предприниматься походы на прусскія земли.

Дѣлая военныя приготовленія и распоряженія, Балкъ счелъ необходимымъ подтвердить и вполнѣ уже точно выяснить свои отношенія къ Мазовецкому князю. Въ іюнѣ 1230 г. въ Крузвицѣ состоялся новый договоръ съ Конрадомъ, которымъ онъ уступалъ на вѣчныя времена ордену Кульмскую землю при согласіи на то своей жены и сыновей, епископовъ и магнатовъ Мазовіи; съ своей стороны орденъ обязался защищать Конрада и его наслѣдниковъ противъ пруссовъ и другихъ сосѣднихъ язычниковъ. Епископъ Христіанъ согласился на договоръ и подписалъ его, а папа 12 сентября 1230 г. утвердилъ оный и снова уполномочилъ орденъ приступить къ покоренію прусскихъ земель. Независимо отъ этого папа 13 сентября 1230 издалъ буллу ко всѣмъ вѣрующимъ, чтобы они возлагали на себя крестъ противъ пруссовъ язычниковъ, и 17 сентября 1230 году другую буллу, коею поручалъ доминиканскимъ монахамъ проповѣдывать крестовый походъ на Пруссію и вспомоществовать ордену.

Весною 1231 г. Балкъ у Нессау переправился чрезъ Вислу. Тутъ на правомъ берегу ея на возвышеніи стоялъ огромный дубъ и самая мѣстность чрезвычайно подходила для закладки укрѣпленія. Балкъ и заложилъ здѣсь

укрѣпленіе, названное Торномъ. Укрѣпленіе это чрезъ пять лѣтъ, вслѣдствіе сильныхъ разливовъ Вислы, было перенесено на 1½ мили вверхъ рѣки. Оно и послужило началомъ нынѣшняго Торна. Вслѣдъ за закладкою Торна Балкъ овладѣлъ тремя ближайшими прусскими городками и сталъ твердо въ Кульмской землѣ. Съ этого времени и начинается пятидесятилѣтняя война, оказавшая не малое вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ Восточной Европѣ.

Слухъ о появленіи на берегахъ Вислы тевтонскаго ордена и о первыхъ успѣхахъ его не замедлилъ достигнуть Ливоніи и мы уже видѣли, что магистръ меченосцевъ Волквинъ уже въ 1231 г., слѣд. тотчасъ же послѣ перехода Балка чрезъ Вислу и закладки Торна, отправилъ къ великому магистру тевтонскаго ордена Зальцѣ, пребывавшему въ Италіи, пословъ съ предложеніями соединенія орденовъ для общности дѣйствій противъ язычниковъ. Посольство осталось безъ всякихъ послѣдствій, но иначе и не могло быть: Зальца былъ человѣкъ слишкомъ осторожный, чтобы, не развѣдавъ въ всей точности ливонскихъ дѣлъ и обстоятельствъ, рѣшиться на такой важный шагъ, какъ соединеніе орденовъ. Обратимся теперь къ дальнѣйшему изложенію событій въ Ливоніи, происшедшихъ послѣ того времени, когда осенью 1231 г. Балдуинъ отправился къ папѣ Григорію IX съ жалобою на самоуправство рижскаго епископа Николая.

X. Соединеніе ордена меченосцевъ съ тевтонскимъ орденомъ.

Назначеніе Балдуина легатомъ. — Споры и пререканія. — Назначеніе легатомъ Вильгельма Моденскаго. — Новгородскія дѣла. — Война съ Новгородомъ. — Возобновленіе переговоровъ о соединеніи орденовъ. — Созваніе капитула въ Марбургѣ. — Совѣщанія въ Вѣнѣ. — Переговоры съ папою въ Витербо. — Саульская катастрофа. — Торжественный актъ соединенія орденовъ. — Назначеніе Германа Балка въ Ригу. — Возвращеніе датчанамъ ихъ завоеваній въ Эстоніи.

(1231—1237).

Папа Григорій IX не только благосклонно принялъ Балдуина и выслушалъ его жалобы на рижскаго епископа Николая и рижанъ, но принялъ его сторону, одобрилъ всѣ его распоряженія и договоры, заключенные съ куронами (см. Bunge Urkundenbuch I, № 124), посвятилъ его въ епископы Семигалліи и за тѣмъ назначилъ его папскимъ легатомъ для Ливоніи, Готландіи, Финляндіи, Эстоніи, Семигалліи, Куроніи и др. новокрещенныхъ и языческихъ земель съ прилегающими къ нимъ островами (см. буллу Григорія IX отъ 28 янв. 1232 г.: Bunge Urkundenbuch I, № 115 и Silva documentorum № 48 въ Scr. rerum Livonicarum I, стр. 397). Вслѣдъ за тѣмъ буллою отъ 3 февраля 1232 г. (см. Bunge Urkundenbuch I, № 118) папа

ввѣрилъ ему духовное управленіе въ вакантныхъ епископствахъ; буллою отъ 4 февраля 1232 г. (см. тамъ же № 119) предоставилъ ему Куронію въ личное пожизненное управленіе; буллою отъ 30 января 1232 г. (см. тамъ же № 117) предоставилъ его управленію Виронію, Ервенъ и Викъ, т. е. земли, о которыхъ спорили нѣмцы и датчане. Даже отношенія нѣмцевъ къ ливонскимъ туземцамъ папа поставилъ въ зависимость отъ Балдуина, безъ согласія котораго они не могли заключать съ окрестными язычниками миръ и облагать ихъ данью (см. тамъ же № 121). Однимъ словомъ папа Григорій IX предоставилъ Балдуину положеніе верховнаго распорядителя во всей Ливоніи, верховнаго главы и надъ епископами, и надъ орденомъ. Намѣчалось нѣкоторое единовластіе и будь Балдуинъ человѣкъ рѣшительный и энергичный и имѣй въ своемъ распоряженіи достаточныя военныя силы, чтобъ заставить и орденъ и рижанъ, епископовъ и всѣхъ нѣмцевъ повиноваться папскимъ опредѣленіямъ, то, конечно, ходъ дѣлъ во всей Ливоніи принялъ бы совершенно другое направленіе противъ того, какое уже приняло по смерти Альберта, но этого именно и не произошло: папа далъ полномочія, но что значили эти полномочія, если привести ихъ въ исполненіе было невозможно, ибо ни орденъ, ни рижскій епископъ, ни рижскіе горожане и купцы не только не думали повиноваться такимъ расиоряженіямъ, — напротивъ, приложили всѣ старанія, чтобъ Балдуинъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и всѣ папскія буллы и данныя ему полномочія остались мертвою буквою.

Иначе и быть не могло: обширныя полномочія, данныя Балдуину лишали ливонскихъ нѣмцевъ всей самостоятельности, терять которую они не хотѣли.

Возвратившись лѣтомъ 1232 года въ Ливонію, въ качествѣ уже папскаго легата и епископа Семигальскаго, Балдуинъ нашелъ свое епископство распредѣленнымъ между рижанами (купцами и горожанами) и, конечно, потребовалъ, чтобы всѣ земли Семигальскаго епископства были возвращены ему. За тѣмъ донесъ папѣ, что епископъ рижскій Николай дѣйствуетъ неправильно: подчинилъ себѣ Куронію (см. Бунге Urkundenbuch I, № 123, suae subjicit, sui servituti), присвоилъ себѣ права чужихъ епископствъ, о сооруженіи церквей не заботился, епископамъ десятины, какъ было постановлено въ 1225 г. легатомъ Вильгельмомъ, не даетъ, даже отдалъ десятину въ ленъ рижскимъ горожанамъ. Папа по этому донесенію сдѣлалъ строгій выговоръ Николаю, приказалъ ему впредь воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ и предоставилъ Балдуину право подвергнуть Николая церковному наказанію, если онъ не будетъ исполнять папскихъ распоряженій и приказаній (см. тамъ же, въ № 123). Орденъ въ силу такого опредѣленія долженъ былъ сдать Викъ, Виронію и Ервенъ Балдуину, но исполнять этого онъ и не думалъ, напротивъ въ сен-

тябрѣ 1232 г. обратился къ императору Фридриху II съ просьбою о выдачѣ ордену охранной грамоты на Эстонію, именно на Ервенъ и получилъ таковую (см. Бунге Urkundenbuch I, № 127). Заручившись грамотою, орденъ ничего уже не отдавалъ Балдуину.

Весь 1232 и слѣдующій 1233 г. прошли въ спорахъ и пререканіяхъ, купцы и рижане не хотѣли уходить изъ Семигалліи и Куроніи, орденъ не уступалъ своихъ правъ, рижскій епископъ своихъ. Правда, въ іюнѣ 1233 г. 70 вассаловъ изъ рижскихъ купцовъ и за тѣмъ прочіе рижскіе горожане отказались отъ своихъ правъ въ Семигалліи и Куроніи, но это дѣлу не помогало: неурядицы и противодѣйствіе Балдуину усиливались болѣе и болѣе. Тщетно Балдуинъ пошелъ на уступки, тщетно началъ держаться примирительной тактики по отношенію къ Николаю и ордену, ссоры не унимались, дѣла оставались въ неопредѣленномъ положеніи и ненависть къ Балдуину дошла до того, что папа изъ опасенія совершеннаго распаденія ливонской церкви призналъ необходимымъ смѣнить Балдуина. Буллою отъ 21 февраля 1234 г. (см. Бунге Urkundenbuch I, № 132) папа лишилъ Балдуина полномочій легата, оставилъ его въ должности епископа семигальскаго, и за тѣмъ 28 февраля 1234 г. (см. тамъ же № 133) назначилъ легатомъ въ Ливоніи Вильгельма Моденскаго, того самаго, который уже былъ легатомъ здѣсь прежде и дѣятельность котораго мы уже видѣли (см. выше стр. 238). Новому легату папа поручилъ опредѣлить и разграничить предѣлы епископствъ, замѣстить вакантныя должности и въ особенности приложить стараніе къ улаженію непріязненныхъ дѣйствій, обнаружившихся между датчанами и нѣмцами.

Мы видѣли, что орденъ, воспользовавшись затрудненіями, въ какихъ находилась Данія во время плѣна короля Вальдемара II, овладѣлъ всѣми землями, какія находились во власти Даніи (см. выше стр. 246) и самимъ Ревелемъ. Король Вальдемаръ II, однако, отъ правъ своихъ на эстонскія владѣнія не отрекался и замысловъ на возвращеніе отнятаго отнюдь не покидалъ. Не имѣя возможности послать войско для отобранія отъ меченосцевъ своихъ бывшихъ владѣній въ Эстоніи, король Вальдемаръ сдѣлалъ распоряженіе не допускать крестоносцевъ въ Ливонію, началъ захватывать корабли, шедшія съ крестоносцами въ Ливонію, чѣмъ, конечно, наносилъ самый существенный и чувствительный ударъ и рижанамъ, и ордену, ибо безъ свѣжихъ силъ крестоносцевъ имъ обойтись было невозможно.

А тутъ поднялся и именно въ то самое время, когда Вальдемаръ пресѣкъ доступъ крестоносцевъ въ Ливонію, новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, пошелъ войною на орденъ и въ 1234 г. со значительно-большимъ войскомъ вторгся въ Дерптское епископство. Изъ за чего же возникла война, ускорившая, какъ увидимъ ниже, дѣло соединенія орденовъ?

Мы видѣли (см. выше стр. 237), что въ 1224 г., послѣ паденія Юрьева, новгородцы и псковичи заключили миръ съ нѣмцами. Съ тѣхъ поръ внутреннія дѣла Новгорода и Пскова ни мало не измѣнились къ лучшему: борьба партій, смѣна князей, всякаго рода неурядицы и разоренія со стороны Литвы продолжались по прежнему. За годъ предъ тѣмъ, 31 мая 1223 г., южнорусскіе князья потерпѣли страшное пораженіе у береговъ Азовскаго моря на рѣчкѣ Калкѣ отъ татаръ, впервые появившихся въ Европѣ. Вѣсть объ этомъ пораженіи разнеслась по всей Руси, но, однакоже, бѣдствіе, постигшее южно-русскихъ князей. ни мало не нарушило обычнаго теченія русской жизни и между княжескихъ отношеній съ ихъ распрями и спорами о волостяхъ, тѣмъ болѣе не нарушило теченія жизни въ Новгородской Руси, отдѣленной отъ степей, гдѣ появились и потомъ на 14 лѣтъ скрылись какіе-то невѣдомые кочевники, на значительно большое разстояніе, и не принимавшей никакого участія въ ополченіи южно-русскихъ князей на отраженіе новопоявившихся хищниковъ.

Мы уже видѣли когда и при какихъ обстоятельствахъ (см. выше стр. 237), новгородскимъ княземъ явился князь Михаилъ Черниговскій. Этотъ южный князь пришелся по нраву новгородцамъ: при немъ бысть, сказано въ лѣтописи, легко по волости Новгороду. Михаплъ не болѣе, однако, года пробылъ въ Новгородѣ и сказалъ новгородцамъ: «Не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ, пускайте ко мнѣ купцовъ, пусть ваша земля будетъ какъ моя земля». Новгородцы много упрашивали его остаться, но безуспѣшно. Князь Михаилъ уѣхалъ, тогда новгородцы послали въ Переяславль Залѣскій къ князю Ярославу звать его снова на новгородскій столъ. Ярославъ Всеволодовичъ согласился, и со своею дружиною зимою 1225 г. отправился въ Новгородъ. Въ это самое время литовская партія, силою въ 7000 человѣкъ, грабила окрестности Торжка и Торопецкую волость; князь Ярославъ съ другими князьями ударилъ на грабителей, отбилъ полонъ, перебилъ 2000 человѣкъ литвы и прогналъ остальныхъ.

Князь Ярославъ въ 1226 году пришелъ въ Новгородъ и на этотъ разъ пробылъ здѣсь почти три года, но Новгородской волости уже не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новые распорядки, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ ярославовыхъ, а эти новшества не могли нравиться новгородцамъ. Отсюда ропотъ, недовольство, вѣчевыя самоуправства. Недовольные княземъ, вожаки южно-русской партіи уходили изъ Новгорода и нерѣдко находили себѣ убѣжища въ Псковѣ, болѣе и болѣе начинавшемъ стремиться къ самостоятельности, къ отдѣленію отъ Новгорода. Обстоятельство это не могло нравиться князю. Слѣдующій разсказъ лѣтописца (см. П. С. Р. Л. III, 43) показываетъ до какой степени разлада доходили отношенія между Новгородомъ и Псковомъ. Въ 1228 г. Ярославъ Всеволодовичъ отправился во Псковъ, куда предъ тѣмъ удалились вожаки противной ему партіи. Псковичи не пустили князя къ себѣ: у нихъ пронеслась молва, что князь везетъ съ собою въ корабляхъ оковы когать лучшихъ (вятшихъ) мужей. Князь обидѣлся, воротился въ Новгородъ, созвалъ вѣче и говорилъ новгородцамъ: «Не мыслилъ я ничего грубаго противъ псковичей, въ коробахъ везъ имъ дары. паволоки и овощи, а они меня обезчестили». И положи на псковичей жалобу велику, говоритъ лѣтописецъ. Между тѣмъ въ Новгородъ пришли полки изъ Переяславля Залѣскаго, съ которыми князь Ярославъ Всеволодовичъ хотѣлъ идти на Ригу (лѣтописецъ не объясняетъ причинъ предположеннаго похода на Ригу).

Прибытіе войска подняло въ Новгородѣ цѣны на съѣстные припасы, что возбудило неудовольствіе въ народѣ. Враги князя дали знать псковичамъ,

что Ярославъ намѣренъ ударить не на Ригу, а на Псковъ. Псковичи тотчасъ же заключили отдѣльный миръ съ рижанами, дали имъ 40 человѣкъ въ заложники (въ талбу) съ условіемъ, чтобъ рижане помогли псковичамъ вслучаѣ войны ихъ съ новгородцами. Новгородцы съ своей стороны заподозрили своего князя, стали говорить: «Князь-то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ». Ярославъ послалъ въ Псковъ сказать: «Ступайте со мною въ походъ (на путь), я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте кто обадилъ (наговорилъ) вамъ на меня». Псковичи прислали въ Новгородъ игумена Гречина сказать: «Тебѣ князь, кланяемся, и вамъ братья новгородцы, но въ походъ не пойдемъ, и братьи своей не выдадимъ, а съ рижанами мы помирились; вы къ Колываню ходили, взяли серебро, и возвратились ничего не сдѣлавши, города не взяша, также и у Кеси (Вендена) и у Медвѣжьей Головы, и за то нашу братью нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли, а вы раздравше (раздразнивши нѣмцевъ) та прочь. А теперь на насъ что-ли удумали? Такъ мы противъ васъ съ Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ и кланяемся». Новгородцы со своей стороны сказали князю: «Мы безъ своей братьи, псковичей, нейдемъ на Ригу, а тебѣ, князь кланяемся». Много князь уговаривалъ, но напрасно: новгородцы не яшася по путь. Тогда Ярославъ, видя невозможность ударить на рижанъ безъ псковичей и новгородцевъ, отослалъ свои полки обратно въ Переяславль.

Псковичи въ свою очередь отпустили отъ себя вспомогательный отрядъ, пришедшій къ нимъ отъ рижанъ и состоявшій изъ нѣмцевъ, чуди, латышей (лотыголу) и ливовъ (либь), выгнали изъ своего города тѣхъ, кого они подозрѣвали, что брали подарки у Ярослава, говоря: «Пойдите по князи своемъ, намъ есте не братья».

Изъ этого разсказа лѣтописца дѣлается вполнѣ понятнымъ, что при подобной разладицѣ въ Новгородской Руси. нѣмцамъ не трудно было утвердиться и на берегахъ Двины и въ волостяхъ, прилегавшихъ къ Пейпусу.

Князь Ярославъ Всеволодовичъ не долго послѣ этого пробылъ въ Новгородѣ. Въ томъ же 1228 г. онъ съ княгинею уѣхалъ въ Переяславль Залѣскій, оставивъ въ Новгородѣ двухъ своихъ сыновей, Ѳеодора и Александра (впослѣдствіи знаменитый герой Невскій, причисленный православною церковію къ лику святыхъ). Волненія и ожесточенная борьба партій (суздальская и народная) въ Новгородѣ продолжалась. Неудовольствовавшись частою смѣною тысяцкихъ и посадниковъ, пошли смѣны и владыкъ. Осень 1228 г. была страшно дождливая: съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца, ни сѣна добыть нельзя было, ни нивъ дѣлати, говоритъ лѣтописецъ (П. С. Р. Л. Ш. 43). Тогда новгородцы возстали на своего владыку, Арсенія, крича: «Это изъ за Арсенія такъ долго стоитъ тепло: онъ выпроводилъ прежняго владыку Антонія, а самъ сѣлъ, задаривши князя». Владыку чуть не убили, вытолкали его какъ злодѣя и призвали Антонія, за тѣмъ ограбили тысяцкаго Вячеслава и другихъ, и послали къ Ярославу въ Переяславль сказать: «Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ ва всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, или ты себѣ, а мы себѣ». Оставленные въ Новгородѣ оба княжича и ихъ пѣстуны, Ѳеодоръ Даниловичъ и тіунъ Якимъ, видя невозможность жить посреди смятеній и бунтовъ, бѣжали изъ Новгорода. Новгородцы сказали: «Мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, князю же Ярославу зла не сдѣлали, но Богъ съ ними, другого князя себѣ промыслимъ. Послали въ Червиговъ за Михаиломъ. Пословъ, по наущенію Ярослава, задержали въ Смоленскѣ, но князь Михаилъ все-таки провѣдалъ о новгородскихъ событіяхъ,

пріѣхалъ въ Торжокъ и въ 1229 г. на Ѳоминой недѣлѣ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ ноцаловалъ крестъ на всей волѣ новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Рады были новгородцы своему хотѣнію, говоритъ лѣтописецъ (П. С. Р. Л. Ш, 44) и въ радости обратились на суздальскую партію, на приверженцевъ Ярослава; дворовъ ихъ, впрочемъ, не ограбили, взяли только съ нихъ много денегъ на строеніе большого моста, смѣнили посадника. Михаилъ не долго оставался въ Новгородѣ, въ томъ же 1229 г. уѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новгородѣ своего малолѣтняго сына Ростислава. Въ слѣдующемъ 1230 г. онъ снова прибылъ въ Новгородъ, справилъ постриги Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять ушелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтняго князя для новгородцевъ было все равно, что не имѣть князя вовсе. Вслѣдствіе этого начались новыя волненія, за волненіями пошли грабежи дворовъ, убійства, казни, а тутъ ранній морозъ избилъ озими, произошелъ страшный голодъ, дошедшій до того, что, по свидѣтельству лѣтописца, народъ кормился мохомъ и древесною корою, всякою падалью, даже человѣческими трупами. Наконецъ зимою 1230 г. новгородцы удалили отъ себя Ростислава и послали вновь за Ярославомъ. Тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнять грамоты Ярославовы, но уже не жилъ постоянно въ Новгородѣ. Его мѣсто занимали сыновья, Ѳеодоръ и Александръ. По смерти въ 1233 г. Ѳеодора, мѣсто отца въ Новгородѣ сталъ занимать юный князь Александръ Ярославовичъ, о дѣятельности и подвигахъ котораго будетъ рѣчь ниже.

Утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ повлекло за собою торжество суздальской партіи; члены противной партіи, слѣд. приверженцы южно-русскаго князя, Михаила Черниговскаго, ушли къ нему въ Черниговъ, зная, что Михаилъ не могъ не быть враждебенъ Ярославу именно за его утвержденіе въ Новгородѣ, изъ котораго былъ изгнанъ его сынъ, Ростиславъ. Здѣсь они жили нѣкоторое время и подговорили трубневскаго князя Святослава, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними шелъ въ Новгородъ, обѣщая ему, что новгородцы примутъ его къ себѣ. Въ 1232 г. Святославъ и новгородскіе изгнанники появились въ предѣлахъ новгородскихъ; Святославъ тотчасъ увидѣлъ, что надежды на успѣхъ овладѣнія Новгородомъ нѣтъ никакой и ушелъ обратно въ свою волость; изгнанники же бросились въ Псковъ, который недавно еще враждовалъ съ Ярославомъ и въ которомъ они надѣялись найти себѣ приверженцевъ столько, чтобъ можно было выступить противъ суздальской партіи въ Новгородѣ. Псковичи приняли изгнанниковъ, которые не замедлили схватить Ярославова намѣстника, Вячеслава, прибили его и заключили въ оковы. Поднялся мятежъ и въ Новгородѣ, возстали противники суздальской партіи. Князя Ярослава въ Новгородѣ въ это время не было, онъ находился въ Переяславлѣ, но, получивъ извѣстіе о мятежѣ, поспѣшилъ въ Новгородъ, утишилъ волненіе и, велѣвъ схватить подъ стражу псковичей, проживавшихъ въ Новгородѣ, послалъ сказать въ Псковъ (П. С. Р. Л. Ш, 48): «Мужа моего отпустите, а тѣмъ т. е. изгнанникамъ путь покажите прочь, пусть идутъ откуда пришли». Псковичи не послушались, стали крѣпко за изгнанниковъ и велѣли отвѣчать Ярославу и новгородцамъ: «Вышлите къ намъ женъ ихъ и все имѣніе, тогда мы отпустимъ Вячеслава, или мы себѣ, а вы себѣ». Все лѣто прошло безъ мира. Тогда Ярославъ не велѣлъ пускать къ псковичамъ купцовъ, во Псковѣ сдѣлалась дороговизна (берковецъ соли сталъ продаваться по 7 гривенъ). Псковичи смирились, отпустили Вячеслава, а Ярославъ отпустилъ женъ новгородскихъ изгнанниковъ. Мира, однако, не было. Наконецъ псковичи (быть долго въ враждѣ съ Новгородомъ имъ было также нельзя, какъ нельзя было долго враждовать Новгороду съ Суздалемъ: суздальскій князь пресѣкалъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ, а новгородскій под-

возъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ въ Псковъ) прислали пословъ въ Новгородъ, которые, поклонившись Ярославу, сказали: «Ты нашъ князь», и просили у него прислать въ Псковъ княземъ сына его, Ѳеодора. Ярославъ сына не далъ, а сказалъ: се даю вы шуринъ свой, Юрія». Псковичи взяли Юрія, посадили княземъ въ Псковъ, а новгородскимъ изгнанникамъ съ ихъ женами показали отъ себя путь. Изгнанники не поѣхали уже въ Черниговъ, къ Михаилу, а отправились къ нѣмцамъ въ Одемпе, гдѣ уже жилъ изгнанный изъ Пскова князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго Владиміра Псковскаго, о которомъ приходилось упоминать неоднократно.

Одемпе въ это время составляла орденскую крѣпость (см. выше стр. 235) и орденская братія, составлявшая гарнизонъ ея, конечно, охотно приняла къ себѣ изгнанниковъ (сынъ новгородскаго посадника Вадовика Внѣзда, Петръ Вадовиковичъ, и съ нимъ пятеро другихъ новгородцевъ: Борисъ Нѣгочевичъ, Михаилъ съ братомъ, Глѣбъ, Миша), надѣясь извлечь изъ ихъ пребыванія выгоды для себя и земельныя пріобрѣтенія. Надежды ихъ оправдались: въ 1233 г. эти изгнанники съ Ярославомъ и нѣмцами ворвались въ Псковскія земли и овладѣли псковскимъ пригородомъ Изборскомъ. Псковичи не замедлили возстать противъ захвата, окружили Изборскъ, овладѣли имъ и захватили въ плѣнъ князя Ярослава и нѣмцевъ (изъ нѣмцевъ въ схваткѣ былъ убитъ какой-то Данила, а иніи побѣгоша, говоритъ русскій лѣтописецъ). Всѣхъ плѣнныхъ съ княземъ Ярославомъ*) псковичи отправили въ Новгородъ, а новгородскій князь Ярославъ заковалъ ихъ въ кандалы и отправилъ въ свой удѣлъ, въ Переяславль (см. П. С. Р. Л. III, 49). Орденская братія, вѣроятно, въ отмщеніе за плѣнъ своихъ захватила въ плѣнъ въ Тесовѣ какого-то Кирилла Синкинича и заточила его въ Одемпе.

Ярославъ Новгородскій никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что у новгородцевъ нѣмцы отняли Юрьевъ и чудскія запейпусскія земли. Мы видѣли, что онъ собирался ударить на Ригу еще въ 1228 г., но новгородскія смуты не дозволяли ему сдѣлать похода. Теперь же, когда нѣмцы стали принимать къ себѣ русскихъ измѣнниковъ и обнаружили стремленія къ захвату уже псковскихъ земель, онъ рѣшился отмстить за Изборскъ. Онъ отправился въ Переяславль, привелъ оттуда сильное войско и въ началѣ 1234 г. съ новгородцами, со всею областью и съ полками своими (см. П. С. Р. Л. III, 49) вступилъ въ земли Дерптскаго епископства. Подойдя къ Юрьеву, сдѣлавшемуся уже мѣстопребываніемъ Дерптскаго епископа (см. выше стр. 236), князь остановился, не доходя до этого города, уже порядочно укрѣпленнаго нѣмцами, и „пусти люди своя въ зажитіе воевать“ т. е. воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ. Орденская братія выступила противъ князя изъ Юрьева, выступила братія тоже изъ Одемпе и ударила на русскихъ, — но потерпѣла полную неудачу: „И поможе Богъ князю Ярославу съ новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, и биша я и до рѣки, и ту паде лучшихъ нѣмецъ нѣколико; и яко быша на рѣкѣ на Омовжѣ нѣмцы, и ту

*) Супруга князя Ярослава Владиміровича, Евпраксія, осталась на жительство въ Одемпе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ она была убита своимъ пасынкомъ и погребена въ псковскомъ монастырѣ св. Іоанна. Православною церковію она причислена къ лику святыхъ (см. Карамзина III, 269 и прим. 341).

обломишася, истопе ихъ много, а иные язвени вбѣгоша въ Юрьевъ, а другіе въ Медвѣжью Голову". Разсѣявъ орденскую братію, русское войско опустошило землю и „обиліе потратиша". Тогда нѣмцы поклонились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ „на всей правдѣ своей". Эти слова первой новгородской лѣтописи (стр. 49), говоритъ Соловьевъ (Исторія Россіи III, 154), могутъ вести къ заключенію, что тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Іоанну IV поводомъ лишить Ливонію независимости.

Заключивъ миръ, новгородцы возвратишася здрави вси, а низовыхъ (т. е. переяславльскихъ) нѣколико паде, — говоритъ новгородскій лѣтописецъ, не указывая послѣдствій этого Ярославова похода, — а между тѣмъ послѣдствія эти были весьма важны для Ливоніи, потому что пораженіе, понесенное орденскою братіею подъ Юрьевымъ, побудило магистра Волквина возобновить старанія о соединеніи орденовъ въ одинъ, начатыя имъ, какъ мы видѣли, еще въ 1231 г. (см. выше стр. 252), но оставшіяся безъ послѣдствій.

Въ эти четыре года, когда въ Ливоніи шли распри изъ за лѣвобережныхъ подвинскихъ земель и папа назначилъ вновь Вильгельма Моденскаго своимъ легатомъ въ Ливоніи, тевтонскій орденъ достигъ важныхъ результатовъ. Въ 1231 г. онъ сталъ твердою стопою въ Кульмской землѣ, въ 1232 г. магистръ Балкъ построилъ крѣпость Кульмъ и учредилъ здѣсь командорство, и съ этого времени начинается покореніе прусскихъ земель по хорошо обдуманному плану: что ни шагъ виередъ, то новая крѣпость, новый городъ, и новые колонисты, ибо орденъ заселеніе новопостроенныхъ мѣстъ нѣмецкими колонистами ставилъ на нервомъ планѣ своей дѣятельности, привлекая колонистовъ разными льготами и раздачею въ ленное владѣніе земельныхъ участковъ. Одновременно съ покореніемъ полагалось начало и германизаціи края. Въ 1233 г. появляется на рукавѣ Вислы крѣпость Маріенвердеръ. Сюда сходятся ополченія крестоносцевъ изъ Польши, изъ мѣсть между Одеромъ и Вислою, изъ Поморья. Крестоносцы вступили въ земли пруссовъ, называвшихся Номераніею, а зимою 1233 г. подъ Сиргуною (близъ Христбурга) нанесли сильнѣйшее пораженіе язычникамъ: болѣе 5000 человѣкъ пруссовъ погибло въ бою. Но крестоносцы, не воспользовавшись побѣдою, вышли изъ Померанін и тѣмъ дали возможность пруссамъ оправиться и сосредоточиться. Въ отмщеніе за Сиргунское пораженіе, они вторглись въ Поморскія земли за Вислою и подвергли ихъ нещадному разоренію. Но это ни мало не остановило настунленій тевтонскаго ордена. Шагъ за шагомъ подвигаясь впередъ, орденцы въ 1234 г. основали Реденъ, укрѣпили его, снабдили сильнымъ гарнизономъ, и привлекли сюда нѣмецкихъ колонистовъ. Померанія явилась въ рукахъ ордена, а

папа Григорій IX буллою отъ 3 августа 1234 г. объявилъ всѣ покоренныя тевтонскимъ орденомъ земли и имѣющія быть впредь покоренными собственностью св. Петра. Всѣ эти земли объявлялись состоящими подъ особеннымъ покровительствомъ апостольскаго престола и вручались во владѣніе тевтонскаго ордена со всѣми правами и доходами, который обязуется платить римской куріи годовую дань, какъ знакъ признанія папскаго покровительствующаго главенства надъ собою. Успѣхи ордена пробудили сочувствіе къ нему не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Щедрыя милостыни, подарки домовъ, деревень, имѣній посылаютъ ордену со всѣхъ сторонъ и чрезъ это у ордена явились средства продолжать завоеванія и при томъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Онъ началъ получать свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изъ всей Европы, — и потому его невозможно было обезсилить опустошеніемъ его владѣній. Пруссы могли разбить одно, два орденскихъ ополченія, и орденъ, благодаря своимъ богатымъ средствамъ, немедленно же могъ пополнять убыль и со свѣжими силами продолжать завоеванія. Къ тому же крѣпости и укрѣпленные городки затрудняли вторженія, но если бы вторженія и удавались, то они не приносили имъ никакой пользы: жители находили убѣжище въ крѣпостяхъ и укрѣпленныхъ городахъ, а разоренія немедленно же возстановлялись орденомъ. Тѣмъ не менѣе борьба съ пруссами была самая упорная и ожесточенная, и если орденъ въ концѣ концовъ и восторжествовалъ, то восторжествовалъ, какъ это будетъ разсказано ниже, благодаря лишь тому обстоятельству, что пруссы не съумѣли и не смогли придать надлежащаго единства своимъ оборонительнымъ дѣйствіямъ и между ними ни разу не являлось вождя, который бы сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ силы прусскихъ земель и двинулъ бы ихъ на защиту самостоятельности страны.

Безспорно, что тевтонскій орденъ всѣмъ своимъ величіемъ, богатствомъ, средствами былъ обязанъ, какъ уже было сказано, своему гохмейстеру Герману Зальцѣ, который умѣлъ искусно пользоваться обстоятельствами и имѣлъ на своей сторонѣ въ одно и тоже время и папу и императора.

Мы уже видѣли, что буллою отъ 9 февраля 1234 г. папа Григорій IX назначилъ своимъ легатомъ въ Ливоніи Вильгельма Моденскаго, тою же буллою ему были даны полномочія распорядиться и въ новопокоренныхъ прусскихъ земляхъ точно также, какъ и въ Ливоніи. Онъ былъ легатомъ для всѣхъ Прибалтійскихъ странъ съ правомъ учреждать епископства, ставить въ нихъ епископовъ и измѣнять по своему усмотрѣнію, и опредѣлять предѣлы епархій. Въ 1234 г. Вильгельмъ побывалъ въ земляхъ прусскаго епископства и отсюда прибылъ въ Ливонію, гдѣ, конечно, одобрилъ мысль Волквина, о соединеніи военно-монашескихъ орденовъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ орденъ меченосцевъ оказывался слишкомъ слабымъ, чтобы поддержи-

вать нѣмецкое господство въ ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земляхъ. Въ 1234 г. орденцы подъ Юрьевымъ понесли сильное пораженіе, а тутъ съ юга Жмудь начинаетъ выходить изъ своего раздробленія, на мелкія княженія и общины, и собраться въ одинъ народъ, живущій государственною жизнію. Набѣги литовцевъ не только не прекращаются, но принимаютъ размѣры болѣе и болѣе обширные и угрожающіе. Медлить было нельзя, потому Волквинъ и возобновилъ рѣчь о соединеніи орденовъ. Онъ отправилъ къ Зальцѣ своихъ пословъ, кого именно и когда источники умалчиваютъ, но въ хроникѣ тевтонскаго ордена (см. Scriptores rerum Livonicarum I, 843—866) сказано только, что Зальца въ 1235 г. послалъ въ Ливонію двухъ своихъ сановниковъ, командора Альтенбургскаго Эренфрида Нейнбурга командора Нагельштетскаго Арнольда Нейендорфа, чтобъ они лично осмотрѣли Ливонскій край, и на мѣстѣ получили бы свѣдѣнія о его положеніи и бытѣ, а равно о положеніи и бытѣ ордена меченосцевъ и его отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Осторожный Зальца, очевидно, не хотѣлъ рѣшиться на столь важный шагъ, какъ соединеніе орденовъ, безъ точныхъ данныхъ объ орденѣ, съ которымъ приходилось соединяться. Послы Зальцевы пробыли въ Ливоніи зиму 1235 г.; какія мѣста они посѣтили, съ кѣмъ имѣли свиданіе и совѣщанія — неизвѣстно, но весною 1236 г. послѣ открытія судоходства, они изъ Риги, конечно, прибыли въ Германію. Съ ними пріѣхали и послы Волквина: командоръ венденскій Раймундъ и рыцари Іоаннъ Салингеръ и Іоаннъ Магдебургскій. Имъ было поручено вести переговоры.

Герману Зальцѣ въ это время было не до меченосцевъ и не до Ливоніи, потому что между папою и императоромъ, по поводу ломбардскихъ дѣлъ, возникли споры, принявшіе острый характеръ. Ему приходилось быть посредникомъ, сопровождать императора и пребывать въ Италіи болѣе и чаще, чѣмъ въ Германіи. Ему было недосужно лично заняться дѣломъ, по которому прибыли послы Волквина, вслѣдствіе чего онъ поручилъ рыцарю Людвигу Этингену выслушать докладъ возвратившихся изъ Ливоніи тевтонскихъ командоровъ, выслушать посольство меченосцевъ, за тѣмъ созвать орденскій капитулъ, которому и поручить обсужденіе всего дѣла. Этингенъ исполнилъ порученіе великаго магистра (провинціальнымъ орденскимъ магистромъ для Германіи былъ въ то время Генрихъ Гоэмоэ), и лѣтомъ 1236 г. созвалъ орденскій капитулъ въ Марбургѣ. На капитулъ съѣхались до 70 тевтонскаго ордена рыцарей. Предъ этимъ собраніемъ прежде всего командоръ Эренфридъ Нейнбургъ изложилъ въ какомъ положеніи онъ засталъ Ливонію и изобразилъ поведеніе рыцарей не въ привлекательномъ видѣ, описывая ихъ людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общаго блага, — а „эти, прибавилъ онъ, указывая нальцемъ на присутствующихъ меченосцевъ, да еще

четверо мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ". Условіемъ соединенія своего ордена съ тевтонскимъ они ставятъ выдачу имъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что, противъ воли, ихъ никуда изъ Ливоніи посылать не будутъ, и требуютъ еще много другого.

Отзывъ рѣзкій, но справедливый, потому что и въ самомъ дѣлѣ орденъ меченосцевъ, какъ мы уже видѣли, черезъ чуръ ужъ много заботился о стяжаніяхъ и своихъ выгодахъ. Въ хроникѣ Альберика (см. Script. rerum Livonicarum I, 323) подъ 1232 г. между прочимъ сказано: Хотя они и признаютъ себя принадлежащими къ ордену храмовниковъ, однако, ни въ чемъ не подчиняются храмовникамъ и, будучи купцами и богачами, они, изгнанные нѣкогда изъ Саксоніи за злодѣянія, возгордились до того, что думали жить безъ закона и царя (sine lege et sine rege).

Послѣ Нейенбурга говорилъ командоръ Арнольдъ Нейендорфскій. Онъ подтвердилъ слова своего товарища, но совѣтовалъ, однако, принять меченосцевъ въ общеніе съ тевтонцами. Находясь въ общеніи съ нами, говорилъ онъ, они исправятся въ своей жизни, видя примѣръ себѣ въ тевтонскихъ братьяхъ. Капитулъ, однако, не согласился съ такими словами Арнольда, а, принявъ во вниманіе отзывъ Эренфрида, хотѣлъ отказать меченосцамъ въ ихъ просьбѣ и не принимать ихъ въ общеніе съ тевтонскимъ орденомъ. Тогда молодой, незадолго предъ тѣмъ поступившій въ тевтонскій орденъ братъ, Гартманъ Гельдрунгенскій (впослѣдствіи магистръ, составившій описаніе этихъ переговоровъ), заявилъ капитулу, что дѣло столь важное не слѣдуетъ рѣшать безъ вѣдома великаго магистра. Къ мнѣнію Гартмана присталъ командоръ Арнольдъ и за тѣмъ капитулъ согласился подождать: что скажетъ и какъ рѣшитъ великій магистръ. Но Зальца въ это время находился съ императоромъ въ Италіи и нельзя было ожидать его скораго возвращенія. . Вслѣдствіе этого венденскій командоръ Раймундъ и рыцарь Іоаннъ Салингеръ воротились домой въ Ливонію, а старшій членъ посольства, рыцарь Іоаннъ Магдебургскій вмѣстѣ съ намѣстникомъ магистра Людвигомъ Этингеномъ, отправились къ Зальцѣ, находившемуся въ это время въ Ломбардіи при императорѣ Фридрихѣ II, безпрерывно мѣнявшемъ свое мѣстопребываніе и переходившемъ изъ города въ городъ, смотря по ходу военныхъ дѣйствій. Трудно было узнать, гдѣ находится Зальца. Наконецъ въ концѣ 1237 г. императоръ Фридрихъ II, по укрощеніи возстанія герцога Фридриха Австрійскаго, вступилъ въ Вѣну. Здѣсь только Людвигъ Этингенъ и меченосецъ Іоаннъ Магдебургскій могли найти Зальца и лично переговорить съ нимъ по дѣлу соединенія орденовъ. Къ Зальцѣ въ это время прибыли тевтонскіе орденскіе рыцари: ландграфъ Конрадъ Вихманъ, командоръ Вюрцбургскій, Ульрихъ Дурне и Гартманъ Гельдрунгенъ. Начались новыя совѣщанія и великій магистръ Зальца высказался въ пользу принятія меченосцевъ въ

общеніе съ тевтонцами. Но соединеніе орденовъ нельзя было произвести безъ согласія папы и императора, коимъ и тотъ и другой орденъ были обязаны послушаніемъ. Зальца былъ увѣренъ въ согласіи императора, оставалось заручиться согласіемъ папы. Случай къ тому скоро представился.

Весною 1237 г. императоръ Фридрихъ II отпустилъ Зальца къ папѣ въ качествѣ посредника при устройствѣ ломбардскихъ дѣлъ. Папа въ это время находился въ Витербо. Сюда и прибылъ Зальца совмѣстно съ имперскимъ канцлеромъ Петромъ Винеа. Меченосецъ Іоаннъ Магдебургскій и тевтонецъ Германъ Гельдрунгенскій находились въ свитѣ Зальца, который и рѣшился воспользоваться случаемъ чтобъ переговорить съ папою по вопросу о соединеніи орденовъ.

Переговоры начались, но замедлились вслѣдствіе настойчивыхъ требованій короля датскаго Вальдемара II, чтобъ меченосцы возвратили ему датскія завоеванія въ Эстоніи. Возвращенія этого король давно добивался, и папа принялъ его сторону, предписывая легату Вильгельму буллами отъ 24 февраля, 12 марта и 10 апрѣля 1236 года (см. Бунге Urkundenbuch I, №№ 145, 146 и 147) распорядиться, дабы Ревель съ ревельскою землею былъ возвращенъ Даніи. Буллы эти, однако, еще не были приведены въ исполненіе въ то время, когда Зальца началъ переговоры съ папою о соединеніи орденовъ. Король Вальдемаръ II съ неудовольствіемъ узналъ о предполагаемомъ соединеніи орденовъ, находя совершенно основательно, что усиленіе меченосцевъ въ Ливоніи не соотвѣтствуетъ интересамъ Даніи, и потому чрезъ свое посольство у папы старался противодѣйствовать соединенію, но и Зальца съ своей стороны находилъ, что уступка королю Ревеля и др. датскихъ завоеваній въ Эстоніи не соотвѣтствуетъ интересамъ нѣмцевъ въ Ливоніи, и потому всячески старался противодѣйствовать требованіямъ датчанъ или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ по возможности болѣе. Переговоры затянулись и могли бы продолжаться при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ очень долгое время, если бы въ Ливоніи не послѣдовали совершенно неожиданныя событія, указавшія и Зальцѣ и папѣ, что въ рѣшеніи вопроса о соединеніи медлить нельзя.

Папскій легатъ епископъ Вильгельмъ Моденскій, побывавъ въ прусскомъ епископствѣ, отправился еще въ 1234 году въ Ливонію, и, конечно, писалъ папѣ о положеніи церкви здѣсь, и объ опасностяхъ, какія угрожаютъ ей. Изъ донесеній Балдуина папа могъ знать подробности о Семигальскомъ епископствѣ и о набѣгахъ, какіе литовцы безпрерывно дѣлаютъ на ливонскія земли.

Въ мартѣ 1236 г. папа поручилъ (см. Silva documentorum № 52) легату принять всевозможныя мѣры для защиты ливонскихъ новокрещенныхъ отъ литовцевъ и утвержденія католичества въ Ливоніи. По папскому распоряженію, всѣ крестоносцы, возложившіе на себя

крестъ въ Сѣверной Германіи, должны быть направляемы въ Ливонію для защиты ливонской церкви и дальнѣйшаго распространенія католичества. Вмѣстѣ съ тѣмъ ливонскимъ епископамъ, рыцарямъ, рижскимъ горожанамъ и новокрещеннымъ вмѣнялось въ обязанность идти рука объ руку вмѣстѣ, строить новые укрѣпленные городки и сообща защищать страну отъ язычниковъ.

Папскія воззванія, проповѣди монаховъ и священниковъ не оставались еще втунѣ, и хотя стремленія къ крестовымъ походамъ значительно уже ослабѣли, но все же находилось не мало народа, которые возлагали на себя крестъ для борьбы съ язычниками въ Пруссіи и Ливоніи, тѣмъ болѣе, что папа объявилъ походы на пруссовъ и въ Ливоніи равнозначительными съ походами въ Палестину. Въ 1235 г. въ Сѣверной Германіи собралось значительно большое ополченіе крестоносцевъ для похода въ Ливонію. Во главѣ этихъ крестоносцевъ находились графъ Данненбергскій (графство Данненбергское находилось у Эльбы) и Теодорихъ (Дитрихъ) Газельдорфскій (Газельдорфъ у Итерзена).

Лѣтомъ 1236 г. крестоносцы прибыли въ Ригу, и, конечно, не захотѣли бездѣйствовать здѣсь, потому что возложили крестъ на себя для войны, а никакъ не для мирныхъ какихъ либо занятій. Въ Рифмованной Хроникѣ о прибывшихъ крестоносцахъ и ихъ дѣйствіяхъ разсказано, въ стихахъ 1859—1966, такъ (другихъ источниковъ для изложенія событій нѣтъ):

Мало крестоносцевъ прибыло въ Ригу. Узнавъ положеніе дѣлъ въ краѣ, они начали неотступно просить магистра Волквина, чтобъ онъ вмѣстѣ съ ними предпринялъ лѣтній военный походъ на литовцевъ. „Придется вамъ пробиваться оттуда, отвѣчалъ Волквинъ, даю вамъ въ томъ мое слово".

„Ir muset uch dannen howen,
Des habet uch die truwe min".

Такъ, по словамъ Хроники, говорилъ магистръ. Онъ, очевидно, понималъ всю тягость лѣтняго похода въ страну, гдѣ много рѣкъ, рѣчекъ и болотъ, затрудняющихъ переходы, и гдѣ вслѣдствіи этого удобно устраивать засады.

Крестоносцы возражали на это, что они именно для войны и прибыли. Магистръ, разрѣшая войну, сказалъ: „И мы, меченосцы здѣсь также по соизволенію Господню: охотно пойдемъ вмѣстѣ съ вами на войну, если вамъ такъ хочется воевать, дайте нѣсколько сроку и я приведу васъ туда, гдѣ мы всѣ будемъ удовлетворены

Ich brenge uch kurzlich an di stat,
Da wir des alle werden sat.

Срокъ ему, конечно, былъ нуженъ, чтобъ собрать ополченія. Онъ послалъ къ русскимъ (къ псковичамъ) гонца просить помощи, ко-

торая скоро и прибыла, не сильная числомъ: всего 200 чел. (см. П. С. Р. Л. III, 50), но прибыла. Пришли на призывъ къ войнѣ съ литовцами эстонцы, ливы, латыши. Крестоносцы были рады тому — die pilgerime des waren wro — сказано въ Хроникѣ. Многочисленное ополченіе двинулось на Жмудь, встрѣчая большія затрудненія при переправахъ чрезъ рѣчки. Въ какія именно мѣста Жмуди направлялись крестоносцы — въ Хроникѣ не сказано, но, кажется, что въ нынѣшній Поневѣжскій уѣздъ Достигнувъ литовскихъ земель, крестоносцы раздѣлились на нѣсколько отрядовъ и начали жечь и грабить все встрѣчное и опустошать землю вокругъ себя.

Sie stiften, сказано въ Хроникѣ, roub brant
Mit mancher schar vil wunneclich,
Sie herten vrilich umme sich
Das laut uf unde nider.

Однимъ словомъ крестоносцы и рыцари въ Жмуди дѣйствовали совершенно также, какъ дѣйствовали въ предшествовавшихъ походахъ на землѣ ливовъ и эстонцевъ, но о полонѣ ничего въ Хроникѣ не упомянуто, не сказано: мущинъ умертвили, женщинъ, дѣтей забрали въ плѣнъ, скотъ согнали въ сборныя мѣста. Очевидно жмудины во время провѣдали о шедшемъ на нихъ войскѣ и во время попрятали свои семьи и скотъ въ недоступныхъ лѣсныхъ трущобахъ и укрѣпленныхъ городкахъ. Крестоносцы жгли покинутыя деревушки и могли грабить только то, что было покинуто на разграбленіе самими жмудинами.

Опустошивъ землю, крестоносцы по топямъ и лугамъ (durch bruch und uber heide — сказано въ Хроникѣ) предприняли обратный походъ въ Ригу чрезъ Саульскую землю (gen Soule — этимъ именемъ латыши называютъ земли въ окрестности Радена у Бауска). Вступивъ въ эту землю, крестоносцы у одной рѣчки увидѣли литовцевъ. Очевидно, литовцы зорко слѣдили за отступавшими крестоносцами и, выйдя изъ своихъ убѣжищъ, успѣли опередить христіанское войско и отрѣзать ему отступленіе. Крестоносцы, такъ хваставшіеся въ Ригѣ, не спѣшили въ бой:

Da sah man, сказано въ Хроникѣ. lutzel gahen
Vil manchen, der zu Riga streit.

Тогда магистръ подъѣхалъ къ лучшимъ изъ крестоносцевъ и сказалъ: Теперь наступило время сраженія: разобьемъ этихъ нервыхъ, спокойно тогда можемъ возвратиться домой. «На этомъ мѣстѣ мы не хотимъ сражаться, отвѣчали достойные герои (die helde wert), можемъ тутъ потерять лошадей, тогда придется бороться съ врагами пѣшими». Такъ вы потеряете и ваши головы вмѣстѣ съ лошадьми, говорилъ Волквинъ. Язычники между тѣмъ подошли ближе и число ихъ уве-

личивалось больше и больше. На другой день утромъ, въ день св. Маврикія (22 сентября 1236 г.) христіанское войско двинулось было впередъ, но уже было поздно: литовцы отрѣзали имъ путь и сами атаковали крестоносцевъ. Защита была слабая: литовцы избивали крестоносцевъ какъ женщинъ (man flue sie nider sam die wip — сказано въ Хроникѣ). Все христіанское войско разбѣжалось, но едва-ли кто спасся, потому что спасшіеся бѣгствомъ отъ литовцевъ попались въ руки семигалловъ и были перебиты ими. Одинъ Волквинъ съ меченосцами неустрашимо бились съ литовцами. Когда лошади подъ орденскою братіею были убиты, то сражались пѣшіе, но горсть рыцарей не могла долго противиться массѣ враговъ. Литовцы повырывали съ корнями молодыя деревья и ими перебили всѣхъ закованныхъ въ желѣзо рыцарей до единаго. Волквинъ и съ нимъ 50 орденскихъ братьевъ погибли въ бою (по Вартбергу погибло 50, по Рифмованной Хроникѣ 48, по Гельдрунгену 60). Погибли тоже графъ Данненбергскій и Теодорихъ Газельдорфскій. Псковичи, пришедшіе на помощь крестоносцамъ, понесли жестокій уронъ: изъ десяти возвратился домой только одинъ. Вотъ что сказано объ этомъ походѣ въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 50): Того же лѣта придоша въ силѣ велицѣ Нѣмци изъ заморья, въ Ригу, и ту совкупившеся вси, и Рижане, и вся Чудская земля, и Псковичи отъ себя послаша помошь мужей 200, идоша на безбожную Литву: и тако, грѣхъ ради нашихъ, безбожными погаными побѣждены быша, придоша каждо десятый въ домы своя. Лѣтописецъ относитъ Саульское пораженіе къ 6745 (1237) году, но это не вѣрно: Саульское сраженіе происходило 22 сентября 1236 г., какъ ясно указываютъ лѣтописи Стаденскія и Альбіана. Въ буллѣ Григорія отъ 12 мая 1237 г. (см. Бунге, Urkundenduch I, № 149) сказано: post casum lugubrem, quem in occasu magistri et quinquaginta fratrem eiusdem militae ac peregrinorum plurium paganorum saevieter perfidia, noviter pertulerunt, слово noviter (недавно) можетъ относиться лишь къ событію, происходившему въ прошлую осень. Впрочемъ позднѣйшіе ливонскіе лѣтописцы также невѣрно обозначаютъ годъ Саульскаго пораженія: Рюссовъ и Брандисъ — 1238 г., Гіернъ 1237 г.

Какъ бы то ни было, но Саульское сраженіе, послѣднее, въ которомъ бились меченосцы, ускорило развязку переговоровъ, происходившихъ въ Витербо о соединеніи орденовъ (см. выше стр. 279). Оставшіеся въ живыхъ меченосцы послали орденскаго брата Герлаха Рыжаго къ папѣ и Зальцѣ возвѣстить о Саульской катастрофѣ. Зальца и Герлахъ представили папѣ настоятельную необходимость соединенія орденовъ. Независимо этого къ папѣ, какъ пишетъ Вартбергъ (см. Нриб. Сб. II, 91), обратились съ просьбою о соединеніи орденовъ епископы Рижскій, Дерптскій и Эзельскій. Папа, извѣстившись о пораженіи, понесенномъ крестоносцами въ Саульской землѣ,

убѣдился, что безъ сильной поддержки вся ливонская церковь, созданная Альбертомъ, можетъ рухнуть, и потому рѣшился соединить орденъ меченосцевъ съ тевтонскимъ, который въ это время побѣдоносно дѣйствовалъ на Вислѣ, занималъ уже земли пруссовъ у Фришгафа и имѣлъ достаточно силъ, чтобъ поддержать власть нѣмцевъ въ Ливоніи.

Принятіе меченосцевъ въ общеніе съ тевтонскимъ орденомъ совершилось въ Витербо 12 мая 1237 г. (см. Гохмейстерскую Хронику въ Scriptores rerum Livonicarum I, 851 и 852). При торжественномъ актѣ соединенія присутствовали: патріархъ Альбертъ Антіохійскій, архіепископъ Марино Филанджіери Барскій, Германъ Зальца, папскій маршалъ Конрадъ Страсбургскій, Гартманъ Гельдрунгенъ былъ ассистентомъ Зальца. Находившіеся въ Витербо два меченосца, Іоаннъ Магдебургскій и Герлахъ Рыжій, были, въ качествѣ представителей всего ордена меченосцевъ, введены въ залъ. Они стали предъ папою на колѣни. Григорій IX даровалъ имъ прежде всего прощеніе грѣховъ и объявилъ, что орденъ тевтонскій принимаетъ меченосцевъ въ свое общеніе вслѣдствіе чего, онъ, папа, упраздняетъ уставъ и орденъ меченосцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваетъ меченосцамъ слѣдовать законамъ новаго ордена, который принимаетъ ихъ въ свое общеніе. Меченосцы должны снять свое прежнее орденское одѣяніе и возложить на себя одѣяніе тевтонцевъ — бѣлую мантію съ чернымъ крестомъ.

Въ тотъ же самый день, 12 мая, когда совершилась эта торжественная церемонія соединенія орденовъ, папа издалъ три, почти тождественныя буллы: одну орденскимъ братьямъ въ Ливонію, другую епископамъ Рижскому, Дерптскому и Эзельскому, и третью своему легату Вильгельму Моденскому (см. Бунге Urkundenbuch I, № 149 и Regesten №№ 168, 168.1 и 168.2; Silva documentorum № 54 въ Scrip. rerum Liv. I, 402). Изъ этихъ буллъ видны условія, на какихъ совершилось соединеніе орденовъ.

Тевтонскій орденъ вступаетъ во всѣ владѣнія, права и обязанности, какія орденъ меченосцевъ имѣлъ въ Ливоніи, безъ всякихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ къ прочимъ ливонскимъ состояніямъ, къ епископамъ, рижанамъ, новокрещеннымъ. Рыцари, имѣющіе образовать новую ливонскую отрасль тевтонскаго ордена, должны подчиняться юрисдикціи ливонскихъ епископовъ совершенно такъ же, какъ подчинялись меченосцы. Новая отрасль обязана исполнять всѣ опредѣленія апостольскаго престола о свободахъ ливонской церкви и новокрещенныхъ и сохранять всѣ прочія отношенія въ Ливоніи, и за тѣмъ всѣ права, какія папою даны ордену до соединенія, остаются въ полной силѣ. Однимъ словомъ, тевтонскій орденъ въ Ливоніи есть ни что иное, какъ наслѣдникъ ордена меченосцевъ и въ силу того, ливонская отрасль не сохраняетъ за собою свободнаго и независимаго положенія

по отношенію къ высшему духовенству, какое тевтонскій орденъ имѣлъ въ Пруссіи и другихъ мѣстахъ своего пребыванія. Тамъ орденъ независѣлъ отъ духовной власти, въ Ливоніи зависѣлъ; тамъ магистръ былъ внѣ юрисдикціи епископства, въ Ливоніи подчиняется такой юрисдикціи. Въ Пруссіи епископы подчинялись ордену въ гражданскомъ управленіи и орденъ имѣлъ полную державную власть въ своихъ владѣніяхъ; въ Ливоніи тоть же орденъ долженъ былъ признавать себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ и находиться въ такомъ же подчиненіи имъ, въ какомъ находились меченосцы.

Такова была существенная разница въ положеніи одного и того же ордена въ Пруссіи и двухъ другихъ его провинціяхъ (Сицилія, Германія) и въ Ливоніи. Въ этой разницѣ и скрывался зародышъ будущихъ распрей и усобицъ между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ, тянувшихся, какъ увидимъ ниже, многіе десятки лѣтъ.

Вслѣдъ за названными тремя буллами, Григорій IX на другой же день, 13 мая 1237 г., далъ буллу своему легату Вильгельму Моденскому, коею поручалъ ему озаботиться, дабы король датчанъ не переносилъ ненріязни, какую онъ имѣлъ противъ меченосцевъ за захватъ ими датскихъ владѣній въ Эстоніи, на тевтонскій орденъ, который охотно вступитъ въ соглашеніе съ Даніею касательно Ревеля.

Немедленно послѣ совершившагося соединенія орденовъ Зальца отправилъ Герлаха Рыжаго и Гартмана Гельдрунгена (см. Гохмейст. Хрон. въ Scr. rerum Liv. I, 852 и отчетъ Гельдрунгена стр. 89 и 90) въ Марбургъ. Они должны были передать находившемуся въ Марбургѣ намѣстнику, Людвигу Эттингену, приказаніе Зальца выбрать 60 тевтонскихъ братьевъ, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, дабы избранные могли по возможности скорѣе отправиться въ Ливонію для пріема тамъ въ свое вѣдѣніе владѣній бывшаго ордена меченосцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зальца приказалъ созвать командоровъ на большой капитулъ въ Марбургъ для обсужденія и опредѣленія всего, что нужно сдѣлать при образованіи новой отрасли ордена, имѣющей учредиться вслѣдствіе принятія меченосцевъ въ общеніе съ тевтонцами. Самъ же Зальца изъ Витербо отправился къ императору Фридриху II, находившемуся въ это время въ Германіи. Фридрихъ II съ удовольствіемъ узналъ о расширеніи владѣній и силы тевтонскаго ордена и вручилъ Зальцѣ нѣкоторую сумму денегъ на отправленіе отряда рыцарей на берега Двины. За тѣмъ въ іюлѣ 1237 г. Зальца поспѣшилъ въ Марбургъ на капитулъ, — на который собралось до 100 самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ братьевъ изъ всей Германіи. При обсужденіи ливонскихъ дѣлъ, было признано необходимымъ избрать и назначить особаго магистра въ Ливоніи. Зальца думалъ было назначить магистромъ Дитриха Грюнингена, три года тому назадъ поступившаго въ орденъ и своими способностями обратившаго на себя

вниманіе въ орденѣ, но, однако, принявъ во вниманіе строгость и трудность дѣла, рѣшился послать въ Ливонію человѣка болѣе опытнаго и испытаннаго, самаго Германа Балка, пріобрѣвшаго себѣ громкую извѣстность въ качествѣ сколько искуснаго дипломата, столько же и отличнаго военачальника, прославившагося военными дѣйствіями на берегахъ Вислы. Въ помощь Балку былъ приданъ Дитрихъ Грюнингенъ. Балкъ былъ назначенъ ливонскимъ магистромъ, съ оставленіемъ въ должности магистра Пруссіи. Его титулъ былъ: Praeceptor domus Theutonice in Livonia et Prucia.

Къ этому времени тевтонскій орденъ въ Пруссіи значительно подвинулся впередъ. Въ 1235 г. съ орденомъ соединился Добрынскій орденъ, основанный Конрадомъ Мазовецкимъ для защиты польскихъ земель отъ литовскихъ вторженій (см. выше стр. 266), въ 1236 г. были покорены Померанскія земли пруссовъ, а въ 1237 г. завоеванія достигли до Фришгафа. Получивъ назначеніе, Балкъ собрался въ дорогу и съ 60 ю орденскими рыцарями, назначенными изъ Германіи, отправился въ Ригу, куда и прибылъ позднимъ лѣтомъ 1237 г. (въ концѣ августа или началѣ сентября).

Принятый съ почетомъ и дружелюбно рижанами и остатками меченосцевъ, Балкъ вступилъ въ должность ливонскаго магистра. Немедленно Божіи рыцари — die gotes ritere, сказано въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 2010—2026, сняли свой знакъ т. е. красный крестъ и въ замѣнъ его приняли черный тевтонскаго дома. Тому были рады магистръ (landes meister) и всѣ присланные съ нимъ изъ нѣмецкой земли (von dutschen lant). На мысли мейстера Балка было какъ бы пріобрѣсть любовь народа (die lute) и не потерять Божіей награды по своей винѣ. Онъ усердно старался о томъ, обративъ свою душу къ добродѣтели. Какъ обстояли дѣла въ краѣ, было все доведено до его свѣдѣнія.

Wie es in dem lande was getan
Das wart im alles wissen lan

сказано въ Хроникѣ.

Новому магистру предстояло прежде всего организовать мѣстное управленіе землями, находившимися во власти меченосцевъ. Здѣсь особеннаго труда не предвидѣлось: главнымъ условіемъ соединенія орденовъ было то, чтобъ ливонская провинція тевтонскаго ордена оставалась къ мѣстнымъ епископамъ въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился до толѣ орденъ меченосцевъ, слѣд. какихъ либо коренныхъ измѣненій управленія и не приходилось дѣлать, надобно было образовать только провинціальный капитулъ, назначить новыхъ или утвердить прежнихъ командоровъ и фохтовъ, ввести въ дѣйствіе уставъ тевтонскаго ордена, вмѣсто дѣйствовавшаго у мече-

носцевъ устава ордена храмовниковъ. Все это могло быть произведено и скоро, и безъ особенныхъ затрудненій, какъ и было въ самомъ дѣлѣ. Другое, для ордена самое существенное условіе акта соединенія было обратная уступка датчанамъ тѣхъ земель, которыми они владѣли уже въ Эстоніи и изъ которыхъ были вытѣснены орденомъ.

Король Вальдемаръ II настойчиво требовалъ этого возвращенія. папа не только не противился тому, напротивъ побуждалъ своего легата Вильгельма Моденскаго ускорить возвращеніе, но дѣло, однако, плохо подвигалось впередъ: нѣмцамъ не хотѣлось возвращать датчанамъ ихъ завоеваній, и самъ легатъ не особенно усердствовалъ въ исполненіи папскаго порученія по возврату датчанамъ эстонскихъ земель.

Мы уже видѣли, что папа немедленно же послѣ соединенія орденовъ послалъ Вильгельма озаботиться возвратомъ эстонскихъ земель Даніи. Чрезъ три мѣсяца послѣ соединенія, именно 10 августа 1237 г. послѣдовала новая булла (см. Бунге Urkundenbuch I, № 152), съ новымъ напоминаніемъ, чтобъ Ревель съ принадлежащими къ нему землями былъ возвращенъ Даніи.

Въ то время, когда Германъ Балкъ прибылъ въ Ригу, легатъ былъ занятъ опредѣленіемъ спорныхъ границъ между епископствами рижскимъ, куронскимъ и семигалльскимъ. Границы были опредѣлены, когда же была получена помянутая булла, то Вильгельмъ и Балкъ должны были заняться исполненіемъ папскаго требованія. Время уходило, а исполненія все-таки не было. Король Вальдемаръ потеряль наконецъ терпѣніе, пожаловался папѣ на бездѣйствіе легата и распорядился готовить флотъ и войско, дабы лѣтомъ 1238 г. вступить въ Эстляндію и силою добыть то, чего нельзя было получить дипломатическимъ путемъ. Папа съ своей стороны 13 марта 1238 г. (см. Бунге Urkundenbuch I, № 159), написалъ Вильгельму, что если и за симъ не исполнится данное ему порученіе о возвратѣ датчанамъ эстонскихъ земель, то все дѣло будетъ передано къ исполненію архіепископамъ Бременскому и Магдебургскому и епископу Верденскому. Въ виду этой буллы, а еще болѣе въ виду военныхъ приготовленій Вальдемара II, Вильгельму и Балку ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить папское требованіе. Весною 1238 г. по открытіи судоходства, оба они изъ Риги отправились на островъ Зеландію, гдѣ въ то время находился король Вальдемаръ II, и здѣсь, въ деревнѣ Стенби, подписали съ королемъ договоръ, въ силу котораго Ревельская земля съ Ревелемъ, Гаррія, Ервенъ и Внонія отдавались датчанамъ; Ервенъ, однако, король уступилъ ордену въ видѣ дара за уступку Ревеля, но съ условіемъ, что орденъ не можетъ въ этой землѣ строить никакихъ укрѣпленій безъ дозволенія датчанъ; за тѣмъ Викъ и островъ Эзель предоставлялись ордену. Вмѣстѣ съ тѣмъ договаривающіяся стороны обѣщались дѣйствовать сообща противъ язычниковъ и всѣ земли, какія только

будутъ пріобрѣтены при совмѣстномъ дѣйствіи дѣлить такимъ образомъ, что датчане получаютъ двѣ, а орденъ одну часть.

Стенбійскій договоръ, заключенный 7 іюня 1238 г. (см. Бунге Urkundenbuch I, № 160), обусловилъ появленіе вновь и утвержденіе датчанъ въ нынѣшней Эстляндской губерніи. Съ 1238 г. всѣ земли ордена меченосцевъ составили провинцію тевтонскаго ордена и съ этого времени начинаются новые порядки, новыя отношенія и ходъ событій получаетъ другое направленіе.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ изложенію этихъ событій, разсмотримъ внутреннее положеніе и быть Ливоніи за время съ появленія въ ней католичества до соединенія военно-монашескихъ орденовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутреннее состояніе Ливоніи отъ начала въ ней католичества до соединенія орденовъ.

I. Завоеванная территорія.

а) Епископства.

Къ 1238 г. всѣ эсто-латышскія земли явились въ рукахъ датчанъ и нѣмцевъ. Датчанамъ принадлежали земли, составляющія нынѣшнюю Эстляндскую губернію, за исключеніемъ Вика и Ервена. Нѣмцамъ принадлежала вся нынѣшная Лифляндская губернія съ присоединеніемъ Вика и Ервена и вся нынѣшная Курляндская губернія, въ которой, однако, власть нѣмцевъ была еще далеко не упроченная. Во всѣхъ этихъ земляхъ уже частію опредѣлились, частію населились *епископства* и *орденскія земли*.

Мы уже упоминали, что при первомъ посѣщеніи Ливоніи папскимъ легатомъ Вильгельмомъ Моденскимъ въ ней уже насчитывалось пять епископствъ (см. стр. 239): рижское, леальское, дерптское, ревельское и селонское.

Изъ этихъ епископствъ первое по старшинству, первое по обширности и значенію было епископство *Рижское*. Мы уже видѣли, что начало ему положилъ Мейнгардъ, основавшій Икскульское епископство, что въ Икскулѣ было первоначальное мѣстопребываніе епископа и его капитула, что это епископство съ перенесеніемъ мѣстопребыванія епископа въ Ригу стало именоваться Рижскимъ, — видѣли также какъ по мѣрѣ завоеванія эсто-латышскихъ земель рижское епископство расширяло свои предѣлы. Заставъ Икскульское епископство готовымъ къ совершенному разложенію и уничтоженію, епископъ Альбертъ оставилъ послѣ себя значительно большую епархію, ибо рижское епис-

коиство къ 1229 г. занимало уже всю нынѣшнюю Лифляндскую губернію, за исключеніемъ Феллинскаго и Дерптскаго уѣздовъ, простираясь по Двинѣ до нынѣшняго Динабурга и по морскому побережью отъ устья Двины до Пернова. Первоначально Рижское епископство находилось въ зависимости отъ Бременскаго архіепископа, но уже въ 1210 г. Альбертъ получилъ (см. выше стр. 157) полномочіе отъ папы избирать и посвящать епископовъ въ заморскихъ странахъ, которыя Богъ чрезъ Ливонскую церковь покорилъ христіанству, слѣд. получилъ права архіепископа; — тѣмъ не менѣе Бременскіе архіепископы считали Альберта своимъ викарнымъ епископомъ, и его епископство зависимымъ отъ Бременской церкви, хотя эта зависимость всегда существовала болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ епископъ Альбертъ распоряжался ливонскими дѣлами всегда вполнѣ самостоятельно и независимо не только отъ архіепископа Бременскаго, но и отъ папы и отъ императора, вассаломъ котораго онъ призналъ себя еще въ 1206 г. (см. выше стр. 125). Впрочемъ, Бременскій архіепископъ имѣлъ право считать рижскую церковь зависимою отъ себя, ибо Иннокентій III въ 1214 г. (см. выше стр. 175) вопросъ о самостоятельности ливонской церкви отложилъ до всеобщаго собора.

Вотъ причина, почему Бременскій архіепископъ продолжалъ считать ливонскую церковь подчиненною себѣ и былъ не прочь повредить ей изъ вражды къ своему викарному, явно отбивавшемуся отъ архіепископскихъ рукъ. Зная, что Альбертъ не можетъ обойтись безъ крестоносцевъ, архіепископъ Гергардъ въ 1217 г. не пропускалъ ихъ уѣзжать въ Ливонію изъ Любека, зависѣвшаго отъ него въ церковномъ отношеніи. Альбертъ пожаловался папѣ и Гонорій III воспретилъ Гергарду притѣснять ливонскую церковь и посягать на ея самостоятельность (см. Бунге Urkundenbuch, № 41). Архіепископъ не унимался и все-таки задерживалъ крестоносцевъ, когда папа въ 1219 г. сдѣлалъ внушеніе (см. тамъ-же № 44) не касаться ливонской церкви. Ободренный успѣхами завоеванія эсто-латышскихъ земель, Альбертъ въ 1219 г. просилъ папу о возведеніи Рижскаго епископа въ санъ архіепископа и обращеніи Рижскаго епископства въ архіепископство, но просьба его успѣха не имѣла: папа отказалъ Альберту и оставилъ его по прежнему епископомъ (см. Бунге Urkundenbuch, №№ 49—52) и въ прежнемъ довольно неопредѣленномъ положеніи. Однако же вопросъ объ архіепископствѣ не былъ преданъ забытію, да и Альбертъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отступить отъ разъ задуманнаго. Надобно полагать, что онъ возобновлялъ свои ходатайства, потому что римская курія въ 1225 г. поручила легату Вильгельму Моденскому разобрать на мѣстѣ вопросъ объ архіепископствѣ. Разбиралъ ли легатъ этотъ вопросъ и къ какимъ заключеніямъ пришелъ, если разбиралъ, неизвѣстно, но Бременскій архіепископъ не отступалъ отъ своихъ притязаній на главенство и когда Альбертъ 17 января 1229 г. умеръ, то назначилъ, какъ мы

видѣли, на мѣсто Рижскаго епископа клерика Альберта Свербера, утверждая, что право ординаціи епископа въ Ригу принадлежало Бременскому архіепископу съиздавна. Папа, какъ мы видѣли (см. стр. 250) утвердилъ Рижскимъ епископомъ кандидата, выставленнаго Рижскимъ капитуломъ и буллою отъ 8 апрѣля 1231 года наложилъ на Бременскую церковь по отношенію къ церкви ливонской вѣчное молчаніе. Съ этихъ только поръ прекращаются претензіи Бременскаго архіепископа на главенство въ ливонской церкви.

Рижское епископство получило въ 1237 г. новое приращеніе землями въ нынѣшней Курляндской губерніи. Въ разрѣшеніе споровъ, возникшихъ между епископами Рижскимъ, Куронскимъ и Семигальскимъ о предѣлахъ ихъ епископствъ, папскій легатъ Вильгельмъ постановилъ отчислить къ Рижскому епископству земли по морскому побережью отъ устья Двины до устья рѣки Виндавы, земли по Виндавѣ до впаденія въ нее рѣчки Абавы, за тѣмъ граница шла Абавою до ея истока и отсюда направлялась на Кокенгузенъ. Всѣ земли въ этихъ предѣлахъ должны были составлять собственность Рижской церкви (см. Бунге Urkundenbuch, № 153), здѣсь никто безъ разрѣшенія церкви не могъ занимать никакого земельнаго участка и занявшій долженъ былъ, подъ угрозою отлученія, возвратить занятое чрезъ 15 дней. Весь сѣверъ Куроніи и Семигалліи отходилъ такимъ образомъ къ Рижскому епископству, причемъ Вильгельмъ выставилъ и причины, по которымъ онъ призналъ необходимымъ произвести такое увеличеніе, именно: Рижское епископство несетъ самыя большія издержки какъ при отправкѣ пословъ въ Римъ, такъ и въ другихъ случаяхъ (tam in nuntiis Roma, quam in aliis negotiis), и на поприщѣ распространенія христіанства трудится почти одно (quasi totaliter) за всѣ прочія епископства. Не смотря на расширеніе епископства, утвержденное папскою буллою отъ 28 мая 1237 г., Рижскій епископъ еще долго, какъ увидимъ, не былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Второе епископство, о которомъ упоминаютъ документы, относящіеся къ первой четверти XIII ст., есть *епископство Эстонское*, но это епископство было, такъ сказать, номинальнымъ, не существовавшимъ въ какихъ либо опредѣленныхъ для него границахъ. Мы видѣли, что сподвижникъ Мейнгарда, Теодорихъ, былъ посвященъ первымъ епископомъ Эстоніи, по всей вѣроятности, въ концѣ 1211 г. (см. выше стр. 159), когда покореніе этой страны едва только начиналось. Въ 1213 г. Теодорихъ былъ въ Германіи и въ этомъ году состоялось нѣсколько папскихъ буллъ (см. Бунге Urkundenbuch, №№ 32—34, 35, 36, 37), коими подтверждалось посвященіе его и освобожденіе его епископства отъ всякой другой митрополіи. Папа, очевидно, старался всячески усилить Эстонское епископство и сдѣлать его равнозначительнымъ съ епископствомъ Рижскимъ, но изъ этихъ стараній ничего, однако, не вышло: епископъ Теодорихъ былъ убитъ

15 іюня 1219 г. (см. выше стр. 204); датчане покорили себѣ часть Эстоніи и поставили въ ней своего епископа Весселина (Весцелина), а проникнувъ въ 1220 г. въ Ервенъ и Виронію поставили епископомъ сюда Острада. Альбертъ съ своей стороны на мѣсто убитаго Теодорика назначилъ своего брата Германа съ наименованіемъ его епископомъ Леальскимъ (см. выше стр. 212). Такимъ образомъ съ 1220 г. номинальное Эстонское епископство Теодориха распалось на два: *Ревельское*, находившееся подъ главенствомъ архіепископа Лундскаго и *Леальское*, подчиненное епископу рижскому.

Король Вальдемаръ II не пропускалъ Германа въ Ригу, но когда обстоятельства измѣнились и Германъ прибылъ въ Ливонію, Альбертъ уже былъ въ состояніи предоставить ему новыя владѣнія. 24 іюня 1224 г. епископу Леальскому были даны земли: Саккала, Нурмегундъ, Моха, Унганія, Собелицъ и Вайгела, а бывшія его земли, Сонтагана, Роталія и остальная часть Вика, были присоединены къ Рижскому епископству. Епископъ Германъ отстроилъ и укрѣпилъ Одемпе (см. выше стр. 235) и назначилъ Дерптъ (Юрьевъ) мѣстопребываніемъ своего капитула. Такимъ образомъ въ Ливоніи появилось и учредилось новое епископство, — *Дерптское*. Германъ, однако, продолжалъ именоваться епископомъ Леальскимъ до 8 января 1235 г., когда легатъ Вильгельмъ разрѣшилъ ему (см. Бунге Urkundenbuch VI, № 2716) именоваться Дерптскимъ.

Года черезъ четыре послѣ образованія епископства Дерптскаго, появляется новое епископство, *Эзельское*, учрежденное Альбертомъ, по всей вѣроятности, въ 1228 г. Первымъ епископомъ туда былъ назначенъ Готфридъ (см. выше стр. 247), но онъ на Эзель и не являлся, вслѣдствіе чего легатъ Вильгельмъ, въ силу папскаго полномочія (см. Бунге Urkundenbuch № 133), назначилъ 10 сентября 1234 г. епископомъ Эзельскимъ монаха-доминиканца Генриха, уничтоживъ всѣ распоряженія Готфрида какъ незаконныя и противорѣчащія церковнымъ канонамъ. Въ то же время легатъ назначилъ и предѣлы Эзельскаго епископства. Въ составъ его вошли острова: Эзель, Даго, Монъ съ другими ближайшими къ нимъ островами и Викъ съ половины рѣки Пернавы до рѣчки Палы. Мѣсяца черезъ два послѣ назначенія Генрихъ былъ введенъ въ свое епископство съ предоставленіемъ ему права избрать мѣсто для каѳедральной церкви, опредѣлить число и орденъ канониковъ и содержаніе (praefenda) имъ. Генрихъ, вступивъ въ управленіе Эзельскимъ епископствомъ, въ 1235 году предоставилъ меченосцамъ третью часть Эзеля, Монъ, Гакеле и триста гаковъ земли въ Килигундѣ съ островами, мѣстами рыбной ловли, свѣтской юрисдикціей и всѣми принадлежностями (attinentibus) и временными выгодами (emolumentum). Орденъ съ своей стороны за это обязался защищать епископа отъ непріятельскихъ нападеній, оказывать вспоможеніе въ духовныхъ дѣлахъ и давать епископу деньги на двукратное въ

году въ 12 экипажахъ посѣщеніе орденскихъ церквей. Но соединеніи орденовъ, всѣ права и обязанности меченосцевъ въ Эзельскомъ епископствѣ перешли къ ордену тевтонскому.

Независимо названныхъ епископствъ, епископомъ Альбертомъ въ 1219 г. было учреждено епископство *Селонское* (см. выше сор. 206). Первымъ епископомъ былъ здѣсь динаминдскій абать Бернардъ, мѣстопребываніемъ которому былъ назначенъ Зальбургъ. Онъ почти вовсе и не жилъ въ своемъ епископствѣ, пребывая то въ Германіи, то въ Ригѣ, и только въ апрѣлѣ 1224 г., когда Альбертъ возвратился изъ Германіи, онъ прибылъ въ Зальбургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Преемникомъ ему былъ назначенъ, какъ мы уже видѣли (стр. 240) Ламбертъ, при чемъ папа 14 ноября 1224 г. подтвердилъ границы Селонскаго епископства. Въ январѣ 1226 г. Альбертъ, съ согласія легата Вильгельма, упразднилъ Селонское епископство и въ замѣнъ его учредилъ епископство *Семигальское* съ назначеніемъ епископомъ того же самаго Ламберта. Когда умеръ Ламбертъ неизвѣстно, но въ 1234 г. его уже не было въ живыхъ. Послѣ него Семигальскимъ епископомъ явился Балдуинъ Альнскій, о дѣятельности котораго было уже разсказано выше (стр. 250). Предѣлы Семигальскаго епископства были опредѣлены лишь въ 1237 г. легатомъ Вильгельмомъ Въ составъ его вошли земли, составлявшія Семигаллію, и земли до Мемеля, находившіяся внѣ епископствъ Рижскаго и Куронскаго. Съ юга епископство это отдѣлялось отъ Литвы линіею, проведенною отъ верховьевъ Нигерицы до Полоцка.

Балдуинъ въ 1236 г. отказался отъ семигальскаго епископства, вручивъ оное папѣ (см. Бунге Urkundenbuch № 145). Послѣ Балдуина должность Семигальскаго епископа оставалась вакантною лѣтъ шесть или даже и болѣе, ибо возстаніе семигалловъ и куроновъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, дѣлало невозможнымъ пребываніе епископа въ ихъ земляхъ.

Папа Григорій IX, утверждая разграниченія епископствъ, счелъ необходимымъ назначить для куроновъ особаго епископа и потому въ 1236 г. поручилъ легату Вильгельму подъискать и основать прочное мѣстопребываніе для Куронскаго епископа (см. Бунге Urkundenbuch, № 144). Вильгельмъ въ 1237 г. поставилъ Куронскимъ епископомъ Энгельберта. Въ составъ *Куронскаго епископства* Вильгельмъ назначилъ земли отъ рѣки Виндавы до Мемеля и отъ впаденія Абавы въ Виндаву до границы Семигалліи.

О дальнѣйшей судьбѣ какъ Семигальскаго, такъ и Куронскаго епископствъ будетъ сказано ниже, здѣсь же ограничимся замѣчаніемъ, что съ 1238 г., когда совершилось окончательное соединеніе орденовъ, въ Ливоніи существовали слѣдующія епископства: въ нынѣшней Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ: *Ревельское*, *Дерптское*, *Эзельское и Рижское* и въ нынѣшней Курляндской губерніи: *Семигальское и Куронское*.

б) Орденскія земли.

Мы уже видѣли, когда и при какихъ обстоятельствахъ начался раздѣлъ покоренныхъ въ Ливоніи земель (см. выше стр. 128); видѣли также, что епископъ Альбертъ и орденъ не могли придти къ соглашенію на счетъ этого раздѣла и потому вопросъ о томъ предоставили на рѣшеніе папы Иннокентія III, который буллою отъ 20 октября 1210 года присудилъ предоставить ордену одну треть завоеванныхъ земель: на счетъ же дѣлежа земель, подлежащихъ еще покоренію, орденъ обязанъ условливаться съ епископами, назначаемыми въ эти земли, при чемъ папа оставлялъ за собою право дальнѣйшихъ распоряженій. Сообразно такого рѣшенія папы, былъ предпринятъ прежде всего раздѣлъ земель ливовъ и латышей, при чемъ ордену досталась треть земель по лѣвому берегу рѣки Аа до Двины. По учрежденіи Дерптскаго епископства (см. выше стр. 236) ордену въ 1224 году была удѣлена половина земель этого епископства, именно западная часть его, т. е. Саккала, Нурмегундъ, Моха и половина Вайги. При учрежденіи въ 1228 году Эзельскаго епископства, орденъ получилъ третью часть земель онаго, изъ коихъ нѣкоторыя находились на островахъ Эзелѣ и Монѣ, а остальныя въ Викѣ. Точно также и въ епископствахъ Семигальскомъ и Куронскомъ орденъ получилъ по трети земель отъ каждаго, но о положеніи и границахъ этихъ третей въ названныхъ епископствахъ ничего положительнаго неизвѣстно (оба эти епископства едва только учреждались въ послѣдніе годы существованія меченосцевъ и сами опредѣленныхъ границъ еще не имѣли). Какъ бы то ни было, но орденъ получилъ нѣсколько болѣе трети покоренныхъ земель, около 36%, остальныя же неполныя двѣ трети были раздѣлены между пятью епископами. Въ 1227 году орденъ отнялъ (см. выше стр. 246) у датчанъ эстонскія земли — Гаррію, Виронію и Ервенъ, — изъ которыхъ не далъ ни клочка земли ни одиому епископу, вслѣдствіе чего и явился по землевладѣнію гораздо сильнѣе всякаго епископа порознь, какъ то наглядно указалъ Бунге въ монографіи „Der Orden der Schwertbrüder“ на стр. 45—46.

По его вычисленію, въ то время когда въ Витербо окончательно рѣшался вопросъ о соединеніи орденовъ, меченосцы владѣли:

Нынѣшнимъ Гаррійскимъ уѣздомъ почти	въ	100	географ.	квадр.	миль.	
„ Виронскимъ	„	„	„ 95	„	„	„
„ Ервенскимъ	„	„	„ 45	„	„	„
Третью Эзеля и Вика	„	„	65	„	„	„
Въ нынѣшнихъ Перновскомъ и Феллинскомъ уѣздахъ	„	„	145	„	„	„
Въ нынѣшнемъ Венденскомъ уѣздѣ	„	„	130	„	„	„
Въ Семигаллiи	„	„	60	„	„	„
Въ Куронiи	„	„	90	„	„	„

Всего вообще во владѣніи меченосцевъ къ 1238 году состояло эсто-латышскихъ земель 730 квадратныхъ географическихъ миль.

Состояло же къ этому времени во владѣніи епископовъ:

Рижскаго — нынѣшній Рижскій и часть нынѣшняго Венденскаго уѣзда около .	260	географ.	квадр.	миль.
Дерптскаго — нынѣшній Дерптскій уѣздъ	170	„	„	„
Эзельскаго — двѣ трети Эзеля и Вика, около	140	„	„	„
Семигальскаго — около	120	„	„	„
Куронскаго — „	180	„	„	„

Всего вообще во владѣніи епископовъ состояло эсто-латышскихъ земель около 870 квадратныхъ географическихъ миль

Слѣдовательно орденъ, по землевладѣнію, былъ сильнѣе Рижскаго епископа почти въ три раза, Дерптскаго и Куронскаго почти болѣе чѣмъ въ четыре раза, епископа Эзельскаго въ пять и Семигальскаго въ шесть разъ.

в) Земли города Риги.

При самомъ основаніи Риги, епископъ Альбертъ надѣлилъ ее нѣкоторымъ количествомъ земли, которая и составила такъ называемый городской патримоніальный округъ (Marchia Civitatis, Patrimonialgebiet). Каковы были предѣлы первоначальной городской земли — неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, весьма ограниченныя, потому что и самый новозаложенный городъ былъ очень невеликъ. Онъ занималъ площадь отъ Двины по нынѣшнюю городскую Кузнечную улицу — не больше Съ увеличеніемъ населенія, увеличивался и городъ, увеличивался и его земельный надѣлъ, предѣлы котораго впервые были опредѣлены и обозначены легатомъ Вильгельмомъ Моденскимъ въ первую его бытность въ Ригѣ грамотою отъ 15 марта 1226 г , утвержденною папою въ декабрѣ того же года. Тогдашняя граница городскаго округа очень близко соотвѣтствуетъ нынѣшней: начинаясь отъ границъ Дюнаминдскаго монастыря, она шла вдоль Розенпойскаго (нынѣ Штинтскаго) озера къ Руммелю (Даленъ), переходила на лѣвый берегъ Двины къ Бабитскому озеру и морю. Луга, лѣса, рыбныя ловли, камнеломни, находящіеся въ этой чертѣ, принадлежали городу.

Рижскіе горожане и купцы принимали участіе въ походахъ, предпринимаемыхъ для покоренія языческихъ племенъ. Такъ они участвовали, какъ мы уже видѣли, въ 1214 г. въ походѣ на Эзель, въ 1215 г. въ походѣ на Виронію, въ 1217 г. въ походѣ на Ревельскую землю, въ 1223 г. на Гаррію, вслѣдствіе чего легатъ Виль-

гельмъ грамотою отъ 23 мая 1226 г. призналъ и за Ригою право на полученіе во владѣніе трети земель, какія будутъ покорены. Въ силу этой грамоты преемникъ Альберта, епископъ Николай, грамотою отъ 9 августа 1230 г. (см. Sylva documentorum № 49 въ Script. rer. Livon. I, 398) предоставилъ рижанамъ треть земель острова Эзеля, Куроніи и Семигалліи. Такимъ образомъ и Рига явилась землевладѣльцемъ въ Ливоніи. Впрочемъ владѣнія Риги были незначительны, они подали лишь поводъ къ безконечнымъ спорамъ и пререканіямъ и рижскіе граждане вослѣдствіи утратили почти всѣ свои доли, такъ что владѣнія Риги ограничились первоначальнымъ городскимъ округомъ, да нѣкоторыми пріобрѣтенными землями на лѣвомъ берегу Двины.

Таково было раздѣленіе земель Ливоніи къ 1238 г. Мы уже видѣли, какъ шло завоеваніе этихъ земель и видѣли также, что завоеватели для упроченія своего мѣстопребыванія въ покоренныхъ земляхъ и для удержанія покоренныхъ народцевъ въ новиновеніи строили замки, число которыхъ къ 1238 г. возросло до 17. Въ настоящее время отъ этихъ первоначальныхъ замковъ сохранились однѣ развалины, изъ которыхъ можно, однако, видѣть, что замокъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостью, служившею хорошею защитою для людей, селившихся подъ стѣнами его. Замокъ представлялъ зданіе съ башнями и бойницами, обведенное водянымъ рвомъ и построенное такимъ образомъ, чтобъ въ немъ можно было обороняться малому гарнизону противъ непріятеля многочисленнаго. У такого замка строились помѣщенія для военныхъ складовъ, для лошадей и пр. Большихъ дворовъ нигдѣ не было, потому что турнировъ въ Ливоніи въ тѣ времена вовсе не устраивалось, и вся крѣпостца занимала небольшую площадь. Рвы, окружавшіе крѣпостцу, были глубоки и имѣли значительную ширину. Вооруженіе замковъ составляли камнеметныя машины, дѣйствовавшія на подобіе пушекъ, самые же замки строились обыкновенно на возвышеніяхъ, командовавшихъ надъ окрестностью.

Къ 1238 году епископство Рижское имѣло слѣдующія крѣпости и замки: 1) Рига, по тогдашнему состоянію военнаго искуства, хорошо укрѣпленный городъ; 2) Икскуль, построенный въ 1192 г.; 3) Даленъ, построенный около этого же времени; 4) Дюнаминдъ, каменный укрѣпленный монастырь; 5) Ленневарденъ былъ первоначально ливскою крѣпостью, перестроенъ и обращенъ въ замокъ въ 1205 г.; 6) Кукейносъ, первоначально былъ русскою крѣпостью, перестроенъ вновь въ 1208 г.; 7) Трейденъ, заложенный въ 1213 г. подъ именемъ Фределанда.

Епископство Дерптское имѣло двѣ крѣпости: 1) Одемпе, первоначально былъ эстонскою крѣпостью, занятъ нѣмцами въ 1210 г. и

перестроенъ вновь; 2) Дерптъ, отстроенный на мѣстѣ русской крѣпости Юрьева, взятый въ 1224 г. Кромѣ этого въ 1233 г. епископъ Германъ заложилъ каменное укрѣпленное аббатство Фалькенау (Мука у русскихъ), служившее впослѣдствіи мѣстопребываніемъ епископа.

У епископа Эзельскаго была крѣпость Леаль.

Ордену принадлежали слѣдующіе замки: 1) Венденъ первоначально находился на мѣстности, гдѣ нынѣ Аррашъ, и служилъ мѣстопребываніемъ магистра; впослѣдствіи магистръ Волквинъ построилъ другой замокъ, на мѣстѣ нынѣшняго Вендена, куда и перенесъ свое мѣстопребываніе. 2) Кирхгольмъ, построенный въ 1192 г.; 3) Ашераденъ и 4) Зегевольдъ построены магистромъ Винно; 5) Феллинъ, первоначально эстонская крѣпость, взята нѣмцами въ 1210 г. и перестроена ими; 6) Оберъ-Паленъ, первоначально эстонская крѣпость, перестроенная орденомъ; 7) Ревель, заложенный датчанами въ 1219 г. и взятый орденомъ въ 1227 г. и наконецъ 8) Везенбергъ, заложенный датчанами же въ 1220 г. и взятый орденомъ въ 1227 г.

Въ описываемое время въ земляхъ куроновъ и семигалловъ еще не появлялось нѣмецкихъ крѣпостей, такъ какъ и самое покореніе этихъ земель едва только начиналось.

Въ названныхъ 17 замкахъ и укрѣпленныхъ пунктахъ и сосредоточивались всѣ военныя силы нѣмцевъ. Самые же замки составляли надежную оборону края, ибо, защищаемые небольшими гарнизонами, они могли выдерживать продолжительныя осады и съ успѣхомъ отражать нападенія. Такъ русскіе въ 1221 г. должны были отступить отъ Вендена (см. выше стр. 221), будучи не въ состояніи взять птотъ замокъ открытою силою.

II. Областное управленіе.

Появленіе католичества въ Ливоніи совпало съ тѣмъ временемъ, когда власть папы въ Западной Европѣ достигла высшей степени своего развитія, когда папскія буллы были закономъ для всѣхъ католическихъ земель, когда папа считался не только духовнымъ, но и свѣтскимъ главою всего католическаго міра, — когда всѣ западноевропейскіе католики были убѣждены, что власть духовная выше свѣтской, какъ духъ выше тѣла, что нѣтъ выше этой власти, которая если свяжетъ на землѣ, то вмѣстѣ съ этимъ свяжетъ и на небеси. Мы видѣли, какъ началось католичество въ Ливоніи и указали (см. выше стр. 78), что Мейнгардъ, чуть лишь проповѣдь его католичества увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ, построилъ въ Икскулѣ церковь и при ней учредилъ конвентъ изъ клериковъ и монаховъ, которые

должны были помогать ему въ распространеніи католичества между ливами. Изъ сколькихъ лицъ состоялъ этотъ конвентъ, какіе это были клерики и монахи — ничего неизвѣстно, но, конечно, они были присланы Бременскимъ архіепископомъ изъ подвѣдомственныхъ ему монастырей. При помощи этого конвента и учредился первый католическій приходъ въ Ливоніи, Икскульскій, а вслѣдъ за тѣмъ и другой, Гольмскій, гдѣ была построена церковь если не одновременно съ Икскульскою, то очень скоро послѣ нея. Вотъ эти-то два прихода и послужили зерномъ нѣмецкой колоніи въ Ливоніи.

Въ 1188 г. Мейнгардъ возводится въ санъ епископа и два прихода, Икскульскій и Гольмскій, обращаются въ Икскульское епископство. Мы видѣли, въ какомъ положеніи оно было въ первые десять лѣтъ своего существованія и разсказали судьбу его: Икскульское епископство чуть было не погибло при самомъ основаніи своемъ и погибло бы непремѣнно, если бы въ главѣ его не явился Альбертъ. Мы уже разсказали, кто былъ Альберъ родомъ, прослѣдили всю его дѣятельность въ Ливоніи съ перваго года его епископства по день смерти, и видѣли силы и средства, которыми онъ располагалъ, покоряя эсто-латышскій край нѣмецкому господству. Эти силы и средства онъ почерпалъ исключительно, изъ Сѣверной Германіи. Происходя самъ изъ довольно знатнаго сѣверо-германскаго рода, имѣя довольно обширныя связи при дворахъ владѣтельныхъ князей сѣверо-германскихъ, онъ съ проповѣдью крестоваго похода въ Ливоніи являлся по преимуществу въ земляхъ Сѣверной Германіи, не заходя не только въ другія современныя ему европейскія государства, но даже и въ южныя земли Германіи. Его первые пособники были по преимуществу сѣверо-германцы, съ ними онъ совершалъ завоеванія и походы, съ ними же и устроивалъ завоеванныя эсто-латышскія земли, вводя тѣ самые порядки и отношенія, при какихъ эти пособники жили на своей родинѣ, къ какимъ привыкли и измѣнять которые не считали ни нужнымъ, ни удобнымъ для себя.

Альбертъ принялъ на себя санъ Икскульскаго епископа въ то время, когда епископство это совсѣмъ погибало, когда ясно обнаружилось, что ливонскіе язычники добровольно не сдѣлаются католиками. Онъ рѣшился дѣйствовать открытою силою и прибылъ на свое епископство не въ качествѣ проповѣдника христіанства или миссіонера, а въ качествѣ предводителя христіанскаго ополченія, возложившаго на себя крестъ для истребленія язычниковъ, не желавшихъ стать подъ власть папы.

Мы видѣли, съ чего именно началъ Альбертъ свое дѣло: на второй же годъ своего епископства, онъ закладываетъ Ригу, закладываетъ тутъ каѳедральный соборъ съ домами для себя и для своего духовенства и въ новозаложенный городъ переноситъ мѣстопребываніе епископа и его капитула. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посвящаетъ Пресвятой Бого-

родицѣ епископскую каѳедру со всею Ливоніею, покореніе и крещеніе которой онъ имѣлъ лишь въ виду. Почему именно онъ объявилъ свою каѳедру и всю Ливонію достояніемъ Богородицы неизвѣстно, но когда успѣхъ увѣнчалъ его предпріятія, когда онъ явился не мнимымъ, не гадательнымъ главою правобережныхъ подвинскихъ земель ливовъ и латышей, а дѣйствительнымъ властителемъ ихъ, то усердные католики оставались въ полномъ убѣжденіи, что Богоматерь приняла посвященіе и сохраняетъ Ливонію подъ своимъ кровомъ. Такъ Генрихъ въ XXV гл. § 2 своей лѣтописи писалъ:

„Таково, таково Звѣзда Моря*) всегда стережетъ свою Ливонію; таково, таково владычица мира и повелительница всѣхъ земель всегда защищаетъ свою духовную землю. И развѣ она не повелѣваетъ? Сколь многихъ королей, воевавшихъ противъ Ливоніи, она наказала. И развѣ она не наказываетъ? Не поразила развѣ она (въ 1216 г.) скоропостижною смертью великаго короля Владиміра Полоцкаго, пришедшаго съ войскомъ въ Ливонію? Развѣ она не наказала великаго короля Новгородскаго, опустошившаго въ первый разъ въ 1218 году Ливонію, лишеніемъ его королевства, ибо онъ съ позоромъ былъ изгнанъ своими гражданами**), и не наказала развѣ другого короля Новгородскаго, который во второй разъ (1221 г.) ограбилъ Ливонію и за то былъ убитъ татарами***). Развѣ она мало огнемъ и мечомъ унизила Всеволода Герсикскаго, грабившаго рижанъ? И развѣ не она предала тяжкой смерти въ Тарбетѣ (Юрьевѣ, въ 1224 г.) короля Вячко, который нѣкогда умертвилъ епископскихъ мужей въ Кукейносѣ? И развѣ не слѣдуетъ упомянуть о шведахъ, которые вторглись въ Ротальскія земли, покоренныя подъ знамя Пресвятой Дѣвы, и развѣ шведы не были истреблены озилійцами? И развѣ не Пресвятая Дѣва подвергла продолжительному и удивительному плѣненію короля датскаго (Вальдемара II), совершенному рукою немногихъ, за то, что думалъ было подчинять Ливонію своей власти? Развѣ не Она умертвила Свелегата, какъ и многихъ другихъ начальниковъ и старшинъ литовцевъ посредствомъ рабовъ своихъ, ливонцевъ? И развѣ Ако, одинъ изъ начальниковъ вѣроломныхъ ливовъ въ Гольмѣ, не былъ умерщвленъ рижанами и развѣ не погибъ въ Дабрельскомъ городкѣ Руссинъ, старшина латышей? И развѣ всѣ торейдскіе старшины, пребывавшіе вѣроломными, не пали и не умерли во время заразы? И развѣ старшины озилійцевъ и старшины ротальскихъ земель не истреблены рижанами? Развѣ Лембитъ, Витамасъ и прочіе вѣроломные

*) Stella maris. Этими словами Генрихъ именуетъ Пресвятую Дѣву, по современному ему толкованію значенія еврейскаго имени Маріамъ, Марія.

**) Это Святославъ Мстиславовичъ. См. выше стр. 194.

***) Это Святославъ Всеволодовичъ. См. выше стр. 220. Въ первой Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 41) въ числѣ князей, убитыхъ татарами 31 мая 1223 г. въ сраженіи на Калкѣ, показаны Святославъ князь Яновскій, и Святославъ, князь Шумскій.

старшины Саккалы не были умерщвлены рижанами? И развѣ не всѣ погибли, кто пребывалъ и очерствѣлъ въ вѣроломствѣ своемъ? Такъ смотри, какъ Божія Матерь милостива къ своимъ, вѣрно служащимъ ей въ Ливоніи, и какъ она всегда защищаетъ ихъ отъ всѣхъ враговъ, и какъ Она жестока ко всѣмъ, которые нападаютъ на Ея землю или посягаютъ на вѣру и честь Ея Сына на этой землѣ! Смотри, сколь многихъ королей Она казнила. Смотри, какъ много истребила Она съ лица земли начальниковъ и старшинъ вѣроломныхъ и язычниковъ и какъ часто своимъ давала побѣду надъ ихъ противниками? Ибо Она до тѣхъ поръ всегда защищала свое знамя въ Ливоніи, предшествуя ему или слѣдуя за нимъ, и давала ему торжество надъ врагами. И кто не погибъ изъ воевавшихъ противъ Ливоніи королей или язычниковъ?

Такъ замѣчайте же и смотрите вы, начальники язычниковъ и русскихъ, или датчанъ, и старшины всякихъ другихъ народовъ! Бойтесь этой столь крѣпкой матери милосердія, почитайте Ее, Матерь Божію, ищите милости этой грозной мстительницы враговъ Ея! Не нападайте на Ея землю, да пребудетъ Она вашею матерью, какъ до сего времени была противницею всѣхъ Ея враговъ и тѣхъ, кто оскорбилъ Ея слугъ въ Ливоніи и тѣмъ самымъ оскорбилъ Ее самое.

Внимайте же и глядите вы, владѣтели и судьи земли Пресвятой Дѣвы, не угнетайте слишкомъ бѣдныхъ, говорю, бѣдныхъ ливовъ и латышей и всякихъ новокрещенныхъ слугъ Пресвятой Дѣвы, которые имя Христа, Ея Сына, приносятъ другимъ народамъ и еще будутъ приносить вмѣстѣ съ нами. Имѣйте предъ глазами страшную смерть, которая постигла всѣхъ противниковъ Ея, глубоко раздумайте про то и ужасайтесь! Ибо Пресвятая Дѣва не вмѣняетъ въ заслугу большую дань, которую даютъ новокрещенные, и милость Ея не пріобрѣтается деньгами, и не желаетъ Она тяжелаго ига, но ига милосерднаго, такаго ига, о которомъ Сынъ Ея говоритъ: „мое иго кротко и тягость моя легка“, и Который требуетъ, дабы вы вѣрили въ Его имя и признавали, что Онъ со Отцемъ есть истинный и единый Господь, и вѣруя, имѣли жизнь въ имя Того, который благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Такъ думалъ и писалъ католическій священникъ и, конечно, увѣренность, что посвященная Пресвятой Богородицѣ Ливонія состоитъ подъ особымъ кровомъ Ея была общею между тогдашними католиками. Проповѣдуя крестовый походъ въ Ливонію по сѣверо-германскимъ землямъ и городамъ, епископъ Альбертъ, конечно, не упускалъ случая разъяснять крестоносцамъ, что, возлагая на себя крестъ и способствуя покоренію Ливоніи власти Римской церкви, они несутъ трудъ въ честь Божіей Матери и получатъ за то отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Мы, говорили рижане, когда зашла было рѣчь о сдачѣ всей

Ливоніи датскому королю (см. выше стр. 219), вели войны съ язычниками не въ честь датскаго короля, а въ честь Господа нашего Іисуса Христа и его возлюбленной Матери (ad honorem Domini nostri Jesu Christi suaeque dilectae Genetricis), пишетъ Генрихъ въ XXV гл. § 1 лѣтописи). Совершая набѣги и разоренія, истребляя оружіемъ язычниковъ, покорители Ливоніи оставались, конечно, въ полной увѣренности, что совершаютъ самое богоугодное дѣло. Да и какъ не быть такой увѣренности, когда самъ папа, призывая католиковъ къ крестовымъ походамъ, давалъ отпущеніе грѣховъ всякому, кто съ оружіемъ въ рукахъ шелъ на истребленіе невѣрныхъ и язычниковъ.

Съ перенесеніемъ мѣстопребыванія епископа въ Ригу, новозаложенный городъ явился мѣстопребываніемъ и епископскаго капитула. О первоначальномъ личномъ составѣ Икскульскаго, а потомъ Рижскаго, капитула извѣстій не сохранилось, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ капитулъ учредился совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ существовали капитулы во всѣхъ католическихъ епархіяхъ Западной Европы. Въ рижскомъ капитулѣ первенствующее положеніе занималъ каѳедральный протоіерей и изъ изложеннаго уже разсказа о завоеваніи Ливоніи можно видѣть, въ чемъ по преимуществу состояли предметы вѣдомства епископскаго капитула. Онъ составлялъ какъ бы совѣтъ епископа, принимая участіе въ управленіи дѣлами. Капитулъ избиралъ епископа и представлялъ избраннаго на утвержденіе папы и вслучаѣ отсутствія епископа непосредственно управлялъ всѣмъ епископствомъ. Эти именно предметы вѣдомства оставались за капитулами во все время существованія въ Ливоніи католическихъ епископствъ.

Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что епископу Альберту приходилось и завоевать Ливонію, и дать нарядъ въ ней. Мы видѣли, въ какомъ положеніи онъ засталъ Ливонію, когда впервые прибылъ съ крестоносцами въ эту страну, и видѣли, какъ шло завоеваніе ея. Завоевать было не трудно, но удержать за собою завоеваніе было уже несравненно труднѣе, такъ какъ эсто-латышскіе народы покорялись и католичеству и нѣмцамъ отнюдь не добровольно, а вынужденные къ тому оружіемъ и открытою силою.

Говорятъ (см. напримѣръ Рихтера Geschichte der deutschen Ostseeprowinzen I, 119), будто ливы и латыши сдѣлались католиками добровольно. Совсѣмъ нѣтъ. Добровольно приняли лишь католичество нѣсколько ливовъ въ первые годы проповѣди Мейнгарда (см. выше стр. 78), другіе ливы обѣщали лишь креститься, если для нихъ выстроятъ крѣпкіе замки для защиты отъ литовскихъ набѣговъ, слѣд. обѣщали принять католичество изъ за прямыхъ выгодъ, а вовсе не по убѣжденію. Они получили замки, но крестилось лишь шестеро, прочіе отказались, а за тѣмъ началось обратное движеніе новокрещенныхъ къ язычеству, повлекшее за собою крестовой походъ, ибо папа объ-

явилъ (см. выше стр. 82), что не только не слѣдуетъ дозволять отпаденій, а нужно силою удерживать въ вѣрѣ, принятой добровольно. Латыши въ 1207 г. приняли католичество (см. выше стр. 134) вовсе не по убѣжденію, а единственно изъ расчетовъ получить отъ нѣмцевъ защиту и помощь отъ набѣговъ литвы и притѣсненій со стороны ливовъ и сосѣдней чуди-унганійцевъ и чуди-саккаланъ; мы видѣли, какъ была крещена Эстонія. Болѣе насильственныхъ, болѣе свирѣпыхъ дѣйствій по принужденію язычниковъ принимать католичество и представить себѣ трудно. Довольно сказать, что Рудольфъ Венденскій съ орденскою братіею умертвилъ въ 1219 г. (см. выше стр. 208) нѣсколько тысячь человѣкъ въ Виронiи и избивалъ народъ до тѣхъ норъ, пока оставшіеся въ живыхъ не пришли къ нему съ заявленіемъ, что согласны принять католичество.

Двадцать пять лѣтъ продолжалось введеніе католичества въ нынѣшнихъ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ и въ эти двадцать пять лѣтъ было истреблено и ограблено множество народа. Источники не указываютъ потерь, понесенныхъ язычниками во время войнъ, набѣговъ и битвъ, коими знаменовалось появленіе католичества у нихъ, ограничиваясь лишь общими фразами: перебили всѣхъ мущинъ, захватили въ полонъ женщинъ и дѣтей, забрали скотъ и всякое добро, и такіе погромы происходили непрерывно, въ теченіе цѣлой четверти столѣтія! Какое же оскудѣніе въ поселеніяхъ, деревушкахъ, городахъ, усадьбахъ тогдашнихъ ливовъ, латышей и чуди должно было произойти послѣ погромовъ, коими сопровождалось введеніе религіи мира и любви въ Ливоніи. За набѣгами и свирѣпымъ истребленіемъ народа и ограбленіемъ имущества, произведеннымъ нѣмцами, крещенными ливами и латышами въ эстонскихъ земляхъ, слѣдовали отмщенія со стороны чуди, которая съ удвоенною яростію истребляла и грабила все встрѣчное въ земляхъ ливовъ и латышей, такъ что удивляться надобно не обоюдной свирѣпости, а тому, какъ Ливонія при непрерывныхъ войнахъ и набѣгахъ вдосталь не запустѣла, какъ еще не исчезли съ лица земли ливонскіе туземцы при напорѣ на нихъ католичества. Не слово истины возвѣстило имъ католичество, не миръ внесло имъ съ собою, а пожары, убійства, ограбленія. Какъ же могъ дикарь отнестись къ католичеству иначе, какъ не со злобою и ненавистію. Какъ могъ онъ обратиться въ усерднаго католика, когда въ каждомъ изъ католиковъ видѣлъ лишь врага себѣ и эксплуататора, стремившагося изъ вѣры создать источникъ дохода для себя. На какой бы низкой степени развитія язычники ни стояли, они не могли не видѣть, что датчане и нѣмцы стараются наперерывъ другъ предъ другомъ присоединить язычниковъ къ своей церкви — уже чисто изъ своекорыстныхъ расчетовъ. Такъ Генрихъ разсказываетъ (см. выше стр. 213), что датчане повѣсили одного вирончскаго старшину Табелина, крещенаго нѣмцами, именно за то, что онъ принялъ креще-

ніе отъ нѣмцевъ и своего сына отдалъ заложникомъ орденской братіи, а не датчанамъ. Въ другомъ мѣстѣ (гл. XXIV, § 2) Генрихъ пишетъ, что датскіе священники, окрестивъ чудь-гаррійцевъ, подстрекнули ихъ напасть на чудь-ервенцевъ, принявшихъ крещеніе отъ нѣмцевъ, и биться до тѣхъ поръ, пока ервенцы не откажутся отъ нѣмцевъ и не примутъ датскаго господства и датскаго крещенія. И ходили гаррійцы, говоритъ Генрихъ, въ земли ервенцевъ въ одно и тоже лѣто (1220 г.) девять разъ съ войскомъ, ограбили и убили многихъ и плѣнныхъ взяли и бились до тѣхъ поръ, пока большинство ервенцевъ не признали господства и крещенія датчанъ (donec plurimi eorum dominium ac baptizmum Danorum elegerunt). Не могли не видѣть дикари, какъ католики грабятъ другъ друга, какъ отнимаютъ дань, собранную съ язычниковъ, другъ у друга. Такъ Генрихъ въ XXIV гл. § 6 пишетъ, что въ 1220 г. датчане напали въ Вироніи на священника Теодориха, ограбили его и отослали домой въ Ливонію, въ другой разъ въ Роталіи ограбили священника Соломона и отобрали у него дань, которую онъ собралъ для рижской церкви. Не могли не понимать дикари и того, что католики, присоединяя ихъ къ своей вѣрѣ, тотчасъ же облагаютъ ихъ данью и дань, въ видѣ десятины, ставятъ на первомъ мѣстѣ обязанностей новокрещенныхъ.

Но вотъ сѣверо-германскіе и датскіе католики, заливъ кровію язычниковъ нынѣшнія Лифляндскую и Эстляндскую губерніи, осилили таки язычниковъ, заставили ихъ принять католичество, и принять на себя обязанности христіанъ (jura Christianorum, jugum Christinitatis, см. выше стр. 155), но могли-ли новокрещенные ливы, латыши и эстонцы сдѣлаться усердными католиками, могло-ли католичество прочно утвердиться между ливонскими туземцами на подобіе той прочности, съ какою утвердилось православіе у ихъ русскихъ сосѣдей, въ Полоцкой и Новгородской Руси и вообще всюду у русскихъ?

Русскіе язычники приняли православіе, когда книги Священнаго Писанія были уже переведены святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ на славянскій языкъ, вполнѣ понятный тогдашнему русскому народу, приняли лѣтъ чрезъ 100 по смерти св. Меѳодія, когда богослуженіе въ славянскихъ земляхъ совершалось на славянскомъ же языкѣ. Русскій язычникъ, принявъ православіе, богослуженіе въ церкви слушалъ на понятномъ ему языкѣ, Священное Писаніе не могло быть и не было ему непонятно, ибо читалось ему и передавалось не на чужомъ, а на понятномъ языкѣ. И у насъ православіе не сразу восторжествовало надъ язычествомъ, но восторжествовало не огнемъ и мечемъ, а школою. Равноапостольный князь Владиміръ отбираетъ у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдаетъ ихъ по церквамъ учиться грамотѣ, христіанскимъ догматамъ, воспитываться въ духѣ православія. Сынъ его Ярославъ дѣлаетъ тоже самое въ Новгородѣ. Св. Леонтій подобнымъ же образомъ поступаетъ въ Ростовѣ, собираетъ около себя

дѣтей, учитъ ихъ грамотѣ, воспитываетъ въ православіи. Но учиться грамотѣ уже было не трудно: Кириллъ и Меѳодій уже дали славянскую азбуку, и уразумѣть христіанство, имѣя Священное Писаніе и богослужебныя книги на понятномъ языкѣ, не представляло также непосильнаго труда. И вотъ на смѣну стараго, языческаго поколѣнія явилось новое, молодое поколѣніе, выученное грамотѣ и уже воспитанное въ православіи. Трудъ святыхъ Кирилла и Меѳодія — славянская азбука и славянскій переводъ Священнаго Писанія — свое дѣло сдѣлалъ: распространилъ, укрѣпилъ православіе въ русскомъ народѣ, скрѣпилъ единство русскаго народа и въ концѣ концовъ совершилъ то, что православіе принятое, а не навязанное силою, явилось необоримою силою въ народѣ, спасавшею его самостоятельность.

Ничего подобнаго не произошло въ Ливоніи. Католичество явилось сюда, не принося съ собою ни азбуки, ни перевода Священнаго Писанія на мѣстные языки. Да и какой переводъ могъ быть, когда католики допускали переводъ Св. Писанія только на языки греческій, латинскій и еврейскій, на томъ основаніи, что надпись на крестѣ Спасителя была сдѣлана на этихъ трехъ языкахъ, когда возстали противъ перевода Св. Писанія на славянскій языкъ и наконецъ возвели въ законъ совершать въ католическихъ земляхъ литургію на латинскомъ языкѣ, народнымъ массамъ непонятномъ. Что могъ разумѣть латышъ или эстонецъ въ церкви, какую католики строили для него, когда священникъ могъ служить обѣдню не иначе, какъ по латыни. Могло-ли проникать пониманіе христіанства въ среду ливскихъ язычниковъ, когда понятныхъ ему переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, не было, когда ни латышской, ни эстонской азбуки не было, когда и священники, назначавшіеся къ нимъ, едва-ли разумѣли мѣстные языки. Язычника силою заставляли отрекаться отъ его вѣры, силою заставляли быть католикомъ и принять крещеніе. Язычниковъ и крестили, но не лучше-ли сказать, перечисляли изъ язычества въ католичество — больше ничего. Какое-же это крещеніе, когда напримѣръ (см. выше стр. 216) даютъ святую воду новокрещеннымъ и тѣ, возвратившись въ свои деревни, этою водою окропляютъ свои семейства, женъ и дѣтей, и потому считаютъ уже и себя и всѣхъ католиками. Мы, говорили они нѣмцамъ, уже крещены и не примемъ ничего больше (см. Генриха гл. XXIV, § 5).

Папа Иннокентій III предписывалъ ливонскимъ миссіонерамъ (см. Бунге Urkundenbuch, № 13) учить новокрещенныхъ читать символъ вѣры и молитву Господню. Но, конечно, это приказаніе оставалось мертвою буквою. Кому было учить, когда монахи и клерики, составлявшіе конвентъ икскульскаго епископа, покинули Ливонію изъ страха быть истребленными поголовно (см. выше стр. 88), и когда вслѣдъ за тѣмъ крестоносцы начали проповѣдь по

своему. Завоеватели — католики, однако, видѣли, что нужно и поучить новокрещенныхъ и, однажды, прибѣгли къ оригинальному способу, разсказанному Генрихомъ въ гл. IX, § 14 его лѣтописи. Зимою 1206 г. они устроили въ Ригѣ, вѣроятно гдѣ либо на площади, для новокрещенныхъ и язычниковъ спектакль: дали духовное представленіе (ludus prophetarum ordinatissimus) съ цѣлію, чтобы язычники, говоритъ Генрихъ, изъ представленія въ лицахъ могли научиться первымъ началамъ христіанской вѣры. Представленіе шло на языкѣ нѣмецкомъ, а быть можетъ, и на латинскомъ, потому что содержаніе представленія (мистеріи) былъ, пишетъ лѣтописецъ, переводимо толмачомъ. Представлялись въ лицахъ войны Давида, Гедеона и Ирода, и когда Гедеонъ въ доспѣхахъ началъ бороться съ филистимлянами, то язычники изъ страха, чтобъ ихъ не перебили, начали убѣгать изъ представленія, но были съ предусмотрительностію позваны назадъ. Это зрѣлище, говоритъ Генрихъ, было какъ бы прологомъ и предвѣщаніемъ будущаго, ибо въ будущемъ приходилось посредствомъ многочисленныхъ войнъ обращать язычниковъ и чрезъ ученіе Ветхаго и Новаго Завѣта указать какимъ образомъ они могутъ достичь истиннаго миротворца и вѣчной жизни.

Повторялись-ли подобныя представленія въ Ригѣ и бывали-ли въ другихъ мѣстахъ — ничего этого неизвѣстно, но у Генриха въ гл. XXVШ, § 8 лѣтописи находимъ указаніе, что епископскіе вассалы должны были учить христіанству новокрещенныхъ. Когда Дерптскій епископъ отстроилъ Одемпе, водворилъ сюда на жительство знатныхъ орденскихъ рыцарей и благородныхъ мужей, давъ имъ въ ленъ каждому по килегундѣ земли, онъ обязалъ ихъ защищать замокъ и землю отъ враговъ и учить христіанской вѣрѣ подчиненныхъ имъ эстонцевъ (ut estones subditos suos fidem docerent christianam). Насколько исполняли одемпескіе рыцари это иостановленіе своего епископа — неизвѣстно, вѣроятно вовсе неисполняли, ибо ихъ вниманіе было обращено вовсе не на проповѣдь, а на захватъ имѣній. Они захватили Виронію (см. выше стр. 241) и легатъ Вильгельмъ только угрозою отлученія отъ церкви заставилъ ихъ отказаться отъ захвата, а рыцаря Іоанна Даленскаго (см. выше стр. 243) лишилъ даже рижскихъ имѣній за захватъ какого-то виронскаго городка. Какіе учители могли быть изъ орденской братіи меченосцевъ, составленной, какъ мы видѣли, изъ сѣверо-германскихъ проходимцевъ всякаго рода, общенія съ которыми тевтонскій орденъ даже брезгалъ.

Учительство новокрещенныхъ могло совершаться только при условіи хорошо учрежденныхъ приходовъ и при имѣніи достаточнаго числа церквей и постоянныхъ приходскихъ священниковъ. Нельзя сказать, чтобы епископъ Альбертъ не обращалъ на этотъ предметъ вниманія. Напротивъ, церковно-строительному дѣлу онъ посвящалъ не мало заботъ. По прибытіи въ Ливонію онъ засталъ двѣ церкви, въ Ик-

скулѣ и Гольмѣ, и первымъ его дѣломъ, какъ мы видѣли, была закладка Дюнаминдскаго монастыря и потомъ собора въ Ригѣ. Соборъ этотъ (см. выше стр 184) сгорѣлъ въ 1215 г., тогда былъ заложенъ новый на другомъ уже мѣстѣ внѣ городскихъ стѣнъ у Двины. Тутъ при новомъ соборѣ было построено помѣщеніе для епископскаго капитула (curia capituli) и для епископа (curia episcopi). Въ епископскомъ помѣщеніи была устроена домашняя для епископа церковь во имя св. Михаила. По всей вѣроятности новый соборъ былъ уже отстроенъ ко времени прибытія въ Ригу папскаго легата Вильгельма Моденскаго, потому что въ немъ происходило 15 марта 1226 г. торжественное собраніе духовенства, орденскихъ братьевъ, епископскихъ вассаловъ и рижанъ (см. выше стр. 243). Орденская братія имѣла въ Ригѣ свою церковь, сооруженную во имя св. Георгія. Время постройки ея неизвѣстно, но о ней упоминаетъ Генрихъ въ гл. XIII, § 2 своей лѣтописи; въ гл. XVIII, § 6 указываетъ, что она уцѣлѣла во время большаго пожара въ Ригѣ въ 1215 г. Вартбергъ въ своей лѣтописи (см. Приб. Сборникъ II, 90) пишетъ, что легатъ Вильгельмъ освятилъ эту церковь 19 декабря (полагать надобно 1225 г.) въ сослуженіи трехъ другихъ епископовъ. Вѣроятно освященіе церкви св. Георгія произошло послѣ перестройки и расширенія ея. Церковь это была въ 1226 г. легатомъ почти вовсе освобождена отъ епископской власти (см. Бунге Urkundenbuch, № 82). Въ описываемое нами время существовали въ Ригѣ церкви св. Петра и св. Іоанна. Полагаютъ, что первая изъ нихъ уже была отстроена въ 1209 г., вторая уже существовала въ 1226 г. потому что легатъ Вильгельмъ (см. тамъ же № 82) освободилъ ее отъ патронатства ордена.

Мы уже видѣли, къ какому времени относится устройство первыхъ приходовъ и приходскихъ церквей у новокрещенныхъ (см. выше стр. 124). Они появляются съ 1206 г. и во время войнъ неоднократно были разоряемы и сжигаемы то эзельцами, то русскими, то чудью. Во время большаго возстанія эстонцевъвъ 1223 г. почти всѣ приходскія церкви въ Ливоніи были сожжены, какъ свидѣтельствуетъ Генрихъ въ XXVII гл. § 1 своей лѣтописи и уже впослѣдствіи отстраивались вновь.

Любопытенъ разсказъ Генриха о Куббезельской церкви въ гл. XI, § 6 его лѣтописи. Въ ночь съ 24 на 25 декабря 1207 г. большая партія литовцевъ-жмудиновъ вторглась въ Торейду и, разсѣявшись по деревнямъ, перебила много народу и собрала большой полонъ. 25 декабря, въ день праздника Рождества Христова, два священника, именно Іоаннъ Штрикъ и Теодорихъ Раббе (или Раббіусъ по нѣкоторымъ спискамъ) со всѣмъ причтомъ совершали богослуженіе для ливовъ въ Куббезельской церкви (нынѣ Кремонская). По окончаніи первой миссы (обѣдни), Іоаннъ началъ служить вторую, (конечно, на латинскомъ языкѣ) какъ прихожане услышали о приближеніи литовцевъ и выбѣжали изъ церкви. Тѣ, которые успѣли скрыться въ чащѣ лѣсовъ, спаслись, а кто побѣжалъ въ свои дома, тѣхъ литовцы перехватали на дорогѣ и многихъ умертвили. Когда въ церкви было прочтено послѣдо-

ваніе евангелія, литовцы на своихъ быстрыхъ коняхъ прискакали въ Куббезель и напали не на церковь, а на священническій домъ (curia), гдѣ и ограбили до чиста все, уложивъ въ сани ограбленное.

Священникъ Іоаннъ, пока грабили домъ, въ сослуженіи съ Теодорихомъ продолжали службу, кончили обѣдню и тогда при помощи привратника собрали церковные сосуды и ризы, сложили ихъ въ углу ризницы и сами спрятались тамъ. Едва только они кончили уборку, какъ одинъ литовецъ вошелъ въ церковь, обошелъ кругомъ и былъ почти у самой ризницы, но увидѣвъ, что алтарь уже обнаженъ и на немъ ничего пригоднаго для него не было, сказалъ: ба! и ушелъ къ своимъ. Не успѣла эта партія уйти, какъ подошла другая. Одинъ литовецъ въѣхалъ на лошади въ церковь и, не найдя тутъ ничего для грабежа, ушелъ къ своимъ. Послѣ нихъ пришла третья партія. Одинъ изъ литовцевъ проѣхалъ чрезъ церковь въ саняхъ и не замѣтилъ спрятавшихся священниковъ (vehiculo suo sedens, ecclesiam transeundo sacerdotes non vidit). Священники, нишетъ Генрихъ, возблагодарили Господа за сохраненіе ихъ здравыми и невредимыми отъ язычниковъ; по удаленіи же литовцевъ, вечеромъ вышли изъ церкви и бѣжали въ лѣса. Не ѣвши трое сутокъ, они на четвертые (28 декабря) пришли въ Ригу.

Какая же это была церковь, если сквозь нея можно было проѣхать въ саняхъ?

Первоначальные источники не сообщаютъ никакихъ подробностей о предѣлахъ приходовъ, учреждавшихся въ ливонскихъ земляхъ во времена епископства Альберта, ни о приходскихъ священникахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ замкахъ епископскихъ и орденскихъ были церкви, но и о замковыхъ церквахъ свѣдѣній нѣтъ. Напрасно также искать отвѣта и на то, знало-ли духовенство, современное Альберту, латышскій и эстонскій языки. Надобно полагать, что священники, обходившіе эстонскія деревни для крещенія язычниковъ, знали ихъ языкъ. Источники не объясняютъ также, какая судьба постигала заложниковъ, которыхъ столь часто брали нѣмцы во время покоренія Ливоніи Заложниками были мальчики изъ лучшихъ семействъ; ихъ привозили въ Ригу, но отпускали-ли ихъ по домамъ по исполненіи обязательствъ, или же оставляли для воспитанія въ Ригѣ — неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что отпускали, потому что школъ, гдѣ бы могли учиться дѣти, не было. Правда, папскій легатъ Вильгельмъ въ 1226 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 82) далъ орденской церкви въ Ригѣ право держать у себя школу и мальчиковъ какъ изъ братьевъ, такъ и изъ другаго класса людей (scolam et scolares tam de fratribus, quam de alienis hominibus tribi), но воспользовалась-ли орденская братія этимъ правомъ, завела-ли при своей церкви школу — ничего неизвѣстно, вѣроятно не заводила вовсе. Да и гдѣ ужь было заводить школы въ то время, когда никто въ краѣ не могъ быть увѣренъ не только въ спокойствіи, но и въ самомъ существованіи.

Мы видѣли, что епископу Альберту было не особенно трудно, при помощи крестоносцевъ, вести войны, но удержать въ повиновеніи покоренныхъ, опредѣлить отношенія ихъ къ церкви и власти было уже несравненно труднѣе. Сдержать возстанія язычниковъ противъ власти

пришельцевъ могла только постоянная военная сила и возможность скораго сбора войска на отраженіе набѣговъ. На крестоносцевъ нельзя было много расчитывать: они являлись, иногда въ значительномъ числѣ, но являлись на короткій срокъ, по большей части на годъ времени, прибывали весною и уѣзжали домой слѣдующею весною. Въ крестовыхъ походахъ на Ливонію принимали участіе и люди знатные, люди высшихъ сѣверо-германскихъ сословій, которые могли бы быть дѣятельными и полезными пособниками въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, если бы оставались въ краѣ, но чѣмъ ихъ было удержать въ странѣ негостепріимной, скудной, ни мало не привлекательной. Другаго способа не было, какъ раздача покоренныхъ земель во владѣніе на ленномъ правѣ, въ то время въ Германіи вполнѣ уже развившемся, и мы уже видѣли, что именно къ такой раздачѣ и прибѣгнулъ Альбертъ чуть лишь твердо сталъ въ усть-двинскихъ мѣстахъ. Являются первые вассалы въ лицѣ Даніила Баннсрова и Конрада Мейндорфскаго и вслѣдъ за тѣмъ съ 1205 г. является и постоянная военная сила въ лицѣ ордена меченосцевъ, который скоро сдѣлался главнымъ вассаломъ епископа.

Мы уже видѣли, какъ учредился и сформировался орденъ и чѣмъ именно обезпечилъ себѣ содержаніе. Будучи вассаломъ епископа, орденъ обязанъ былъ въ лицѣ своего магистра принести епископу присягу въ вѣрности и послушаніи какъ свѣтскомъ, такъ и духовномъ, ленная же вѣрность (fidelitas) обязывала всякаго вассала къ ленной службѣ (servitium temporale), по преимуществу военной. Вассалъ обязанъ былъ, по требованію епископа, выставлять извѣстное число ратниковъ; орденъ-же долженъ былъ, по своему уставу, быть всегда въ готовности къ походу на защиту страны и церкви отъ враговъ. Всякій вассалъ, и орденъ въ томъ числѣ, должны были подчиняться суду епископа, его духовной такъ и свѣтской юрисдикціи, въ особенности когда епископъ Альбертъ, а послѣ и другіе ливонскіе епископы были возведены въ санъ имперскихъ князей и получили такимъ образомъ право земскаго верховнаго властительства, какое опредѣлилось и существовало въ то время въ Германіи.

Земское верховное властительство (Landesherrlichkeit, Landeshoheit) въ Германіи выражалось прежде всего въ правѣ суда, которое, по понятіямъ того времени, составляло сущность правительственной власти. Епископъ, жалуя вассалу и ордену въ томъ числѣ земельные участки, передавалъ вассалу и свои права, какія имѣлъ по званію имперскаго князя отъ императора и имперіи, слѣд. и право суда, право сбора податей и пр. Но эти права все-таки ограничивались зависимостью отъ епископа и въ особенности въ томъ отношеніи, что вассалъ лично подвергался непосредственному суду епископа.

Мы уже видѣли, что орденъ, получивъ отъ епископа Альберта одну треть покоренныхъ земель, сильно тяготился зависимостью отъ

епископа и пытался всячески освободиться отъ епископскаго главенства посредствомъ императорской верховной власти. Уже въ началѣ 1212 г. (см. Бунге Urkundenbuch № 19) орденъ исходатайствовалъ у императора Оттона IV утвержденіе о взятіи подъ императорскую охрану не только тогдашнихъ орденскихъ владѣній, но и тѣхъ, которыя впредь *законно* будутъ покорены или отняты у язычниковъ, не нарушая, однако, договоровъ, заключенныхъ орденомъ по этому поводу съ епископами рижскимъ и эстонскимъ. Въ слѣдующемъ 1213 г. орденъ представилъ императору, что за дарованную ему епископомъ рижскимъ землю онъ, по приказанію папы, долженъ нести лишь малыя и умѣренныя свѣтскія службы (temporalia obsequia), что орденъ несетъ эти службы скорѣе изъ почтенія предъ саномъ епископа (ob reverentiam ecclesiasticam), а не вслѣдствіе какого либо другаго обязательства, что орденъ отвоевалъ у язычниковъ Угаунію и Саккалу, лежащія внѣ владѣній епископа, что на эти отвоеванныя земли никакого договора ни съ кѣмъ заключено не было, потому орденъ и имѣетъ неоспоримое право на свободное владѣніе этими землями. Императоръ утвердилъ представленіе ордена (см. Бунге, Urkundenbuch № 25) грамотою отъ 7 іюля 1213. Но грамота эта осталась, однако, безъ послѣдствій, потому что и Угаунія, и Саккала далеко еще не были отвоеваны совсѣмъ и много лѣтъ прошло въ войнахъ, пока эти земли закрѣпились за нѣмцами, но тогда изъ нихъ уже образовалось Дерптское епископство (см. выше стр. 236) и Дерптскій епископъ, а не орденъ явился тутъ верховнымъ властителемъ. Тогда орденскій магистръ Волквинъ въ 1226 г. снова обратился къ императору Фридриху II съ просьбою объ утвержденіи за орденомъ всѣхъ предоставленныхъ ему прежде епископами земель, но и впредь имѣющихъ быть завоеванными. Императоръ далъ утвержденіе (см. Бунге, Urkundenbuch № 90) въ маѣ 1226 г. Когда же орденъ въ 1227 г. отвоевалъ безъ всякаго участія епископовъ и вполнѣ самостоятельно у датчанъ всѣ ихъ пріобрѣтенія въ Эстоніи, то король римскій Генрихъ VII (сынъ императора Фридриха II) обезпечилъ ордену вполнѣ владѣніе этими землями (velut nobis et imperio eadem bona attinebant, см. Бунге, Urkundenbuch, № 100, грамоту отъ 1 іюля 1228). Наконецъ въ сентябрѣ 1232 г. орденъ получилъ отъ императора Фридриха II жалованную грамоту (см Бунге, Urkundenbuch № 127), коею императоръ принималъ подъ защиту и охрану имперіи магистра, орденскихъ братьевъ и подданныхъ (homines) и ихъ преемниковъ съ ихъ домами (замками), ихъ владѣніями, ихъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, которыми они въ то время *законно* владѣли въ земляхъ ливовъ, латышей, на Эзелѣ, а также земли Саккалу, Моху, Алемпойсъ, Нурмегундъ, Ервенъ и половину Вайгели со всѣми принадлежностями, ихъ части земель въ Семигалліи и Куроніи, и все что они *законнымъ путемъ* пріобрѣтутъ въ будущемъ въ этихъ и другихъ странахъ, такъ

что орденъ будетъ въ безопасности въ рукахъ императора и имперіи и никто изъ орденцевъ не будетъ подсуденъ фохтейству (jus advocatiae).

Во всѣхъ этихъ императорскихъ жалованныхъ и охранныхъ грамотахъ особенное удареніе дѣлается на томъ, что утвержденіе относится до *законнымъ образомъ* (iusto titulo) пріобрѣтенныхъ или подлежащихъ къ пріобрѣтенію земель въ будущемъ, въ нѣкоторыхъ же грамотахъ особенное вниманіе обращается на договоры, заключенные съ епископами. Слѣдовательно въ грамотахъ этихъ признается *основаніе права*, по коему происходитъ пріобрѣтеніе, въ договорахъ же ничего не измѣняется. Основаніе же права ордена на земли въ епископствахъ есть не что иное какъ ленное право, дарованное ему епископами, слѣд. императорскія грамоты ни мало не нарушали отношеній ордена къ епископу. Освобожденіе отъ фохтейства тоже не измѣняли этихъ отношеній, ибо не имѣло никакой связи съ ленными отношеніями. Вообще ливонскіе епископы въ отношеніи къ имперіи были имперскими вассалами, въ отношеніи же къ ордену ленными властителями и этотъ характеръ отношеній остался, какъ мы видѣли, ненарушимымъ и послѣ соединенія орденовъ.

Вассалъ, а главнымъ вассаломъ былъ орденъ, получая отъ властителя землю, получалъ и право сбора податей съ ея жителей. Изъ всѣхъ правъ и преимуществъ вассала право сбора податей было самое важное, потому необходимо о податяхъ и сборахъ, какія установлялись въ Ливоніи до соединенія орденовъ, сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Когда Мейнгардъ началъ проповѣдь католичества подвинскимъ ливамъ, то нашелъ ихъ платящими дань полоцкому князю, слѣд. находившимися въ зависимости отъ полочанъ. Въ чемъ состояла дань, всѣ-ли ливы или только часть платила эту дань, сами-ли они вносили ее или князь съ дружиною приходилъ за сборомъ дани (кажется, приходилъ) — первоначальные источники умалчиваютъ. Платили дань, но ни мало не были стѣсняемы ни въ своемъ самоуправленіи, ни во владѣніи своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ. Ливонскіе туземцы, ливы, латыши, эстонцы имѣли своихъ старшинъ, предводительствовавшихъ на войнѣ, чинившихъ судъ и управу во время мира, для обсужденія же важныхъ дѣлъ, касавшихся интересовъ многихъ родовъ или всего народа, составлялись общія собранія. Начавъ проповѣдь католичества, Мейнгардъ, быть можетъ, ничего не требовалъ отъ новокрещенныхъ лично для себя, но когда появились церкви въ Икскулѣ и Гольмѣ, когда онъ самъ былъ возведенъ въ санъ епископа и при немъ явился конвентъ изъ монаховъ и клериковъ, то, конечно, не могъ не возникнуть вопросъ: чѣмъ жить духовенству и откуда брать средства для своего сосодержанія? Являлась необходимость въ приношеніяхъ, сборахъ, но какихъ? Католическое духовенство въ тѣ времена считало десятину (decima) податью установленною самимъ Богомъ для взи-

манія съ мірянъ въ пользу духовенства. Надобно полагать, что уже Мейнгардъ требовалъ съ новокрещенныхъ десятины и хотя прямыхъ доказательствъ на то нѣтъ, но, однакоже, чѣмъ объяснить обратное движеніе новокрещенныхъ къ язычеству, если не неудовольствіемъ за наложенную подать и не опасеніями усиленія пришельцевъ (см. выше стр. 81). Про епископа Бертольда ливы говорили (см. выше стр. 85), что бѣдность заставила его прибыть къ нимъ. Не могли они говорить такъ, еслибы Бертольдъ не требовалъ съ новокрещенныхъ десятины. При первомъ раздѣлѣ земель, происходившемъ въ 1207 году (см. выше стр. 128), десятина уже существовала какъ подать съ новокрещенныхъ, и папа, утверждая раздѣлъ, постановилъ (см. у Генриха, гл. XI, § 3), чтобъ орденъ удѣлялъ мѣстному епископу четвертую часть десятины, собиравшейся въ орденской части. Взималась-ли десятина съ однихъ только произведеній земли (хлѣбовъ, овощей, льна), какъ и кто производилъ десятинный сборъ — съ точностью неизвѣстно, но кажется сборъ производился фохтами (судьями, advocati, см. у Генриха гл. XXV, § 5), а гдѣ фохтовъ не было, тамъ особо назначаемыми послами (см. Бунге, Urkundenbuch, № 139).

Десятина до того ложилась тяжелымъ бременемъ на новокрещенныхъ ливовъ, что они просили объ облегченіи ея. Вслѣдствіе этого въ 1211 г. (см. выше стр. 159) епископы постановили: десятину преобразовать въ годовую подать (census) и впредь взимать съ каждой унки засѣянной земли по мѣркѣ зерноваго хлѣба. Воспрещалось и епископу и магистру возвышать эту норму, но въ случаѣ отпаденія отъ католичества виновнымъ грозили введеніемъ снова десятины (см. Бунге, Urkundenbuch, № 18). Запрещеніе возвышать дань ни мало, однако, не соблюдалось: подати и дани расли и скоро пошли сборы рѣшительно уже со всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства.

Первоначально сѣверо-германскіе завоеватели оставляли новокрещеннымъ ихъ поля и ихъ недвижимости, которыми они владѣли до присоединенія къ католичеству, не трогали ихъ земельнаго имущества. Такъ въ 1205 г. (см. выше стр 112) епископъ Альбертъ возвратилъ отпавшимъ было и потомъ смирившимся ливамъ ихъ усадьбы и земельные участки. Землю подъ соборъ въ Ригѣ епископъ купилъ у ливовъ (см. Бунге, Urkundenbuch, документъ отъ 25 іюля 1211 г.) Въ 1212 г. Венденская орденская братія, по приговору третейскаго суда, должна была возвратить новокрещеннымъ неправильно захваченные улья и вознаградить деньгами обиды, причиненныя новокрещеннымъ.

Всѣ эти немногочисленные, впрочемъ, факты указываютъ, что католики въ первое время старались не обижать новокрещенныхъ, оставляли за ними ихъ земли, ихъ движимыя и недвижимыя имущества, но эти продолжалось лишь до того времени, когда положеніе

завоевателей было еще не прочно, чуть же лишь они утвердились въ краѣ, чуть обзавелись замками, какъ начинается и возвышеніе повинностей, и притѣсненія всякаго рода новокрещенныхъ. Вѣроятно извѣстія о самоуправствахъ и стремленіяхъ католиковъ обратить новокрещенныхъ въ свою рабочую силу доходили до папы, ибо Иннокентій III еще въ 1213 г. предписывалъ рижскому епископу щадить ливонскихъ туземцевъ, а папа Гонорій III предписывалъ въ 1222 г. тоже самое ордену (см. Silva documentorum № 19, e). Въ 1219 г. Гонорій III буллою отъ 19 марта (см. Бунге, Urkundenbuch) воспрещалъ подвергать ливонскихъ туземцевъ испытанію желѣзомъ. Когда Ливонія вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и набѣговъ оскудѣла людьми, то лѣво-бережные двинскіе латыши — селоны, сравнительно вынесшіе разореній меньше, чѣмъ правобережные двинскіе, начали покупать земли у ливовъ. Такія покупки имъ дозволялись, но рижане стремились отнять у селоновъ купленные участки (см. Бунге, Urkundenbuch № 89). Мы видѣли, что папскій легатъ Вильгельмъ, при обозрѣніи покоренныхъ католиками земель, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ усовѣщивать орденскую братію (см. выше стр. 240) не угнетать новокрещенныхъ, соблюдать умѣренность во взиманіи податей и сборовъ съ новокрещенныхъ. Замѣчательно, что легатъ въ 1225 г. уже называетъ (см. у Генриха гл. XXIX, § 3) орденскую братію господами (domini), а туземцевъ подчиненными имъ (subditi), слѣд. признавалъ такое положеніе совершенно законнымъ, требуя только отъ господъ снисхожденія къ подчиненному имъ народу. Папа Григорій IX, однако, не желалъ, чтобъ новокрещенные ливонцы лишились полной свободы и буллою отъ 5 мая 1227 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 37) обнадеживаетъ ливонскихъ новокрещенныхъ въ ихъ полной свободѣ и заявляетъ желаніе, чтобы новокрещенные, оставаясь при своей свободы подъ защитою св. престола, принадлежали только Христу (ut, in libertate vestra manentes, nulli alii sitis, quem soli Christi, сказано въ этой буллѣ), подъ условіемъ, однако, пока они не отступятъ отъ христіанства. Но что значили буллы, не подкрѣпленныя никакою силою, способною обуздать насильниковъ. Слухи о насиліяхъ, объ обращеніяхъ въ рабство ливонскихъ туземцевъ дошли наконецъ и до императора Фридриха II, который, опираясь на извѣстіяхъ, что ливонскіе язычники откладываютъ креститься единственно изъ опасенія впасть въ рабство, счелъ нужнымъ издать въ 1232 г. указъ объ огражденіи ливонскихъ туземцевъ отъ ихъ господъ. Указомъ этимъ (см. Бунге, Urkundenbuch, № 112) онъ принимаетъ ливонскихъ туземцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ подъ покровительство и защиту имперіи, даруетъ имъ и ихъ наслѣдникамъ, въ виду принятаго католичества, вѣчную свободу и всѣ вольности (immunitates), которыми они пользовались до обращенія въ христіанство, изъемлетъ ихъ (eximimus) отъ рабства и юрисдикціи

государей, вождей и князей, графовъ и прочихъ магнатовъ, и ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ церкви и римской имперіи, какъ и всѣхъ другихъ свободныхъ людей Римской имперіи (quam admodo alii liberi homines imperii tenentur). Само собою разумѣется, что этотъ указъ остался безъ всякихъ послѣдствій, не имѣя за собою никакихъ ручательствъ, что ливонскіе завоеватели послушаются словъ императора. Слова такъ и остались пустыми словами, ибо въ томъ же 1232 г., 8 сентября, папа Григорій IX издаетъ буллу, въ которой воспрещаетъ меченосцамъ расхищать имущество ливонскихъ туземцевъ, злоупотреблять въ судахъ и практиковать кровавую месть (sanguinis vindictes exercent).

Датчане превзошли сѣверо-германскихъ завоевателей въ притѣсненіяхъ и обложеніяхъ данями эстонцевъ, которые явились подвластными имъ. Генрихъ въ XXIV гл. § 7 пишетъ, что въ 1221 г. эстонцы должны были уплачивать датчанамъ двойную и тройную дань (duplicem censum vel triplicem), которую и прежде платили, и кромѣ того датчане потребовали съ нихъ много и другихъ тяжелыхъ приплатъ (satisfactiones multas et graves). Иначе и не могло быть: эстонскія земли тотчасъ же по завоеваніи были розданы въ лены частнымъ лицамъ, которыя, пользуясь замѣшательствами въ Даніи и плѣномъ короля, распоряжались въ своихъ лепахъ совершенно безконтрольно. Вообще годовая дань составляла главный источникъ доходовъ епископовъ и епископскихъ вассаловъ и орденской братіи. Немаловажнымъ источникомъ дохода, вѣроятно, были и контрибуціи, которыя взимались съ возставшихъ туземцевъ не только натурою, но и деньгами, а также и добычи, которыя захватывались во время войнъ.

Вторая главная повинность, павшая на новокрещенныхъ по завоеваніи ихъ земель католиками, была повинность военная.

Хотя орденскій магистръ и имѣлъ обыкновенно главное начальство надъ христіанскимъ войскомъ, но созваніе войска, призывъ на войну, въ первыя времена завоеванія совершались всегда отъ имени властителей страны, епископовъ, и прежде всего отъ епископа рижскаго, который хотя и не имѣлъ титула архіепископа, но на дѣлѣ, какъ мы видѣли, рѣшительно считался первымъ между всѣми земскими властителями страны. Ему одному принадлежало право призыва на войну и мы уже видѣли изъ какихъ частей состояли войска, совершавшія походы во времена до соединенія орденовъ. То были:

1) Крестоносцы, составлявшіе въ первыя времена главную часть войска. Крестоносцы прибывали изъ Германіи и, кажется, первоначально имѣли всегда своего особаго начальника, dux peregrinorum. Въ 1226 г. папскій легатъ Вильгельмъ предоставилъ рижскому епископу право, по прибытіи перваго корабля съ крестоносцами въ Динаминдъ, выбирать въ теченіе 10 дней десятерыхъ изъ добровольныхъ крестоносцевъ для службы себѣ и своимъ замкамъ; по истеченіи этого

10-ти дневнаго срока разрѣшалось каѳедральному протоіерею, орденскому магистру и городу Ригѣ принять въ свою службу „добровольныхъ паломниковъ“. Обыкновенно крестоносцы оставались въ краѣ лишь годъ времени; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, получали отъ епископа лены и тогда являлись вассалами епископа

2) Вассалы (viri episcopi), получивъ лены, обязаны были являться на войну со своими людьми Первоначальныхъ вассаловъ было не много, но число ихъ постепенно увеличивалось, и они составляли вторую часть христіанскаго войска.

3) Прислуга епископа (familia, servi episcopi) составляла епископскую дружину и была обязана военною службою.

4) Рижскіе бюргеры (cives, граждане) и купцы (mercatores) очень часто принимали участіе въ войнахъ. По видимому, они не составляли отдѣльнаго отряда до 1231 г., но съ этого времени, когда получили въ нынѣшней Курляндской губерніи лены, они являются на войны уже въ видѣ особаго отряда.

5) Новокрещенцы. Они, при самомъ принятіи католичества, обязывались нести военную службу и должны были, по призыву епископовъ, являться и дѣлать походы. На неисполнившихъ призыва налагался, какъ мы видѣли, штрафъ; но новокрещенцы, жившіе на земляхъ, приписанныхъ къ соборнымъ церквамъ, отъ военной службы освобождались.

Что христіанское войско раздѣлялось на эти разряды, можно заключить изъ того, что каждый разрядъ имѣлъ собственное знамя. Главное знамя было знамя Пресвятой Богородицы, но орденъ и городъ Рига имѣли свои знамена. По видимому отдѣльныя племена туземцевъ, являвшіяся на войну, имѣли свои знамена. По крайней мѣрѣ имѣется указаніе, что латыши имѣли бѣлое и красное полосатое знамя.

Сколько можно судить изъ разсказа Генриха, ливы и латыши охотно являлись на призывъ къ войнѣ, такъ что едва-ли нѣмцамъ приходилось брать съ нихъ штрафы за неявки къ походамъ. Подстрекаемые жаждою добычи, еще болѣе подстрекаемые враждою, изстари существовавшею между латышами и эстонскими народцами, ливы и латыши охотно дѣлали набѣги на своихъ же земляковъ—язычниковъ и грабили нещадно земли, куда вторгались вмѣстѣ съ орденскою братіею и дружинами крестоносцевъ и епископовъ. При описаніи набѣговъ Генрихъ вездѣ упоминаетъ, что добыча, по окончаніи похода, дѣлилась между войскомъ. Добычи не всегда были маловажныя. Такъ при разгромѣ Роталіи (см. выше стр. 180) въ 1215 году сыновья Талибальда, не считая одежды, лошадей и всякаго другого добра, награбили серебра три ливскихъ таланта. Какъ дѣлилась добыча, кому и сколько приходилось изъ дѣлежа — источники не выясняютъ,

какъ не указываютъ и того, куда дѣвались захватываемыя въ полонъ женщины и дѣти (мущинъ обыкновенно умерщвляли). Эзельцы захваченный полонъ продавали куронамъ (см. выше стр. 244), но христіанское войско въ описываемое время до соединенія орденовъ едвали торговало людьми, по крайней мѣрѣ о томъ источники за время до соединенія орденовъ умалчиваютъ. Упоминанія о торговлѣ людьми встрѣчается въ документахъ, относящихся къ позднѣйшему времени. Такъ въ письмѣ рижскаго магистрата къ витебскому князю Михаилу, писанному около 1300 года (см. Прибалт. Сборн. II, 69) упоминается, что какой-то рижскій горожанинъ (бюргеръ. cives) въ то время, когда подъ Витебскомъ стояла рать литовская, хотѣлъ идти въ литовскій станъ „дѣвки купить“, но заблудился и былъ ограбленъ какими-то чернецами. Конечно литовцы продавали не своихъ женщинъ, а захваченныхъ гдѣ либо въ полонъ. Были продавцы, были и покупатели. У Бунге въ его Urkundenbuch подъ № 710 помѣщенъ документъ отъ 4 апрѣля 1325 г., изъ котораго видно, что ливонскіе властители продавали подчиненныхъ имъ людей въ вѣчное рабство литовцамъ и схизматикамъ, т. е. русскимъ. Случаи даренія людей, заклада за долги, случаи торговли военно-плѣнными и женщинами въ Ливоніи относятся къ гораздо позднѣйшему времени, къ XIV и XV ст., и эти случаи ясно показываютъ, что положеніе и бытъ эсто-латышскихъ народцевъ, не знавшихъ рабства до принятія католичества, постепенно и мало по малу ухудшались и наконецъ ко времени разгрома Ливоніи Іоанномъ Грознымъ дошли до крайней степени униженія, даже до низведенія туземцевъ на степень рабочаго скота, какъ о томъ будетъ ниже на основаніи свидѣтельствъ, не подлежащихъ ни сомнѣнію, ни спору.

Третьею повинностью новокрещенныхъ было ставить рабочихъ для постройки замковъ и церквей. О повинности этой упоминаетъ Рифмованная Хроника (см. выше стр. 195) и авторъ Хроники даетъ понять какъ была тягостна эта повинность, когда говоритъ въ стихахъ 1398—1413, что для защиты христіанства они (эстонцы) должны были строить замки, но этой работѣ „они скорѣе предпочли бы муки ада, только бы избѣгнуть ея. Они щедро даютъ свой хлѣбъ, они по принужденію строятъ церкви въ христіанствѣ, но къ сожалѣнію рѣдко во славу Божію, ибо, если бы ихъ къ этому не принуждали ихъ господа, то они перестали бы строить“.

Таковы въ общихъ чертахъ были повинности новокрещенныхъ по отношенію къ своимъ властителямъ.

Мы видѣли, что къ 1238 г. всѣ земли, составляющія три нынѣшнія Прибалтійскія губерніи, явились во власти сѣверо-германскихъ нѣмцевъ и разбились на двѣ главныя части: части епископовъ и части орденовъ (о Ригѣ будетъ сказано особо). Какъ же организовалось, какъ устроилось управленіе въ этихъ частяхъ?

На этотъ вопросъ, какъ ни важенъ онъ самъ по себѣ, первоначальные источники даютъ самые скудные и недостаточные отвѣты, что, впрочемъ, ни мало и не удивительно: сѣверо-германскіе завоеватели, внесшіе въ Ливонію католичество, въ XIII ст. сами не имѣли никакой земской организаціи, устроенной по какому либо опредѣленному плану. Не слѣдуетъ забывать, что Германія начала XIII ст., раздѣленная на множество частей, управлявшихся каждая своимъ обычнымъ правомъ, передававшимся отъ отца къ сыну и столь же древнимъ какъ самъ народъ, не имѣли даже сводовъ дѣйствовавшихъ нравъ, ибо такіе своды законовъ, извѣстные подъ именемъ „швабскаго и саксонскаго зерцала“ (Schwabenspiegel und Sachsenspiegel), появились только къ половинѣ XIII ст. Не было правильной организаціи земскаго управленія даже въ самыхъ большихъ территоріяхъ Германіи, такъ гдѣ уже быть такой организаціи въ Ливоніи въ началѣ XIII ст., когда только что опредѣлялись, намѣчались, такъ сказать, отношенія между властителями и имъ подчиненными.

Главное управленіе въ орденскихъ земляхъ принадлежало, конечно, магистру. Орденскіе сановники (см. выше стр. 102), командоры и попечители, были, по всей вѣроятности, и высшими административными чинами своего округа. Нисшими административными чинами были фохты (судьи, advocati). Они не имѣли постояннаго мѣста жительства и разъѣзжали для исправленія своей должности по назначеннымъ имъ округамъ. Такъ въ 1207 г. въ Торейду былъ посланъ судьею Годфридъ (см. выше стр. 129). Дѣленія должностей по различнымъ отраслямъ управленія не было. Одинъ и тотъ же фохтъ вѣдалъ и администрацію, и полицію округа, и былъ сборщикомъ податей. Такъ Генрихъ пишетъ про Владиміра Псковскаго (гл. XVIII, § 2 лѣтописи), что онъ въ Идумеѣ и Латыщинѣ собиралъ вещи и деньги, производя гражданскій судъ (colligit res et pecunias, iudicia iudicans civilia). Весьма возможно, что и туземные старшины (seniores), еще не утратившіе въ описываемое время своего значенія въ народѣ, принимали участіе въ земскомъ управленіи и въ составленіи приговоровъ по разнымъ дѣламъ. Апелировать на магистра только можно было подлежащему епископу, какъ верховному властителю страны, ибо магистръ состоялъ, какъ уже неоднократно было замѣчаемо, вассаломъ его.

Главное управленіе въ епископскихъ земляхъ принадлежало епископу и его капитулу. Каждый епископъ управлялъ въ своей области независимо отъ прочихъ, и въ каждой области въ епископскихъ частяхъ были назначены судьи, кругъ обязанностей коихъ былъ тотъ же, что и судей орденскихъ. Первоначально въ приходахъ священники вѣдали только духовныя и церковныя дѣла, не вмѣшиваясь въ свѣтскія. Генрихъ въ гл. X, § 15 пишетъ, что въ 1206 г. (см. выше стр. 124) торейдцы упросили священника Алобранда, чтобъ онъ у нихъ

рѣшалъ не только духовныя, но и свѣтскія дѣла по законамъ и правамъ христіанъ. Алобрандъ согласился и такимъ образомъ явился судьею у торейдцевъ. Впослѣдствіи, говоритъ Генрихъ, судебная власть всюду явилась въ рукахъ свѣтскихъ людей, которые и начали злоупотреблять ею, по просту обирать тяжущихся. Князь Владиміръ Псковскій, бывшій судьею, какъ мы видѣли, не былъ свободенъ отъ упрека въ стяжаніяхъ отъ судейства (см. выше стр. 179).

Генрихъ упрекаетъ свѣтскихъ людей, назначившихся судьями, въ стяжаніяхъ; но и духовенство было не прочь отъ стяжаній. Рижская долговая книга, обнимающая время съ 1286 по 1352 г., указываетъ, что духовенство въ Ригѣ участвовало въ разныхъ денежныхъ сдѣлкахъ и занималось торговлею, конечно, изъ за прибылей и стяжаній.

При раздѣлахъ земель между епископами и орденомъ, послѣднему нерѣдко доставались и церкви, находившіяся въ его надѣлахъ, потому самому переходившія подъ охрану ордена. Вслѣдствіе этого орденъ пріобрѣлъ *право патронатства* (охраны и защиты) какъ надъ этими церквами, такъ и надъ вновь возводимыми въ орденскихъ земляхъ. Въ силу этого права, орденскій магистръ, при открытіи вакансій священническихъ мѣстъ при церквахъ, представлялъ епархіальному епископу кандидатовъ на занятіе вакансій и епископъ не могъ уже отказать въ посвященіи представляемыхъ кандидатовъ. Въ орденскихъ земляхъ существовало два разряда священниковъ: одни служили исключительно въ орденскихъ замкахъ и вмѣстѣ съ орденскою братіею выступали въ походъ; это были орденскіе братья-священники, входившіе въ составъ ордена (см. выше стр. 101). Другіе назначались настоятелями приходскихъ церквей и совершали богослуженіе и требы для прочихъ жителей орденской области; эти священники орденскими братьями не были.

Первоначально десятина предназначалась и собиралась исключительно на содержаніе священниковъ, церквей и причтовъ; но впослѣдствіи, когда десятина и замѣнившая ее дань досталась вассаламъ, заботы о содержаніи церквей и причтовъ сами собою переходили къ вассалу, слѣд. и орденскій магистръ, какъ главный вассалъ, долженъ былъ взять на свое попеченіе приходскіе церкви и причты, находившіеся въ орденскихъ земляхъ (орденскій уставъ опредѣлялъ содержаніе орденскихъ братьевъ — священниковъ). Орденъ, какъ сказано выше, былъ обязанъ изъ поступавшихъ въ его казну даней удѣлять епископу четвертую часть, а остальныя три четверти обращать на свои надобности. На содержаніе приходскихъ причтовъ и церквей въ орденскихъ земляхъ Рижской епархіи удѣлялось изъ епископской части иолъ мѣры, и изъ орденской полторы мѣры хлѣба, кромѣ остальныхъ церковныхъ доходовъ, получавшихся, по всей вѣроятности, съ приписанныхъ къ церкви пашень и луговъ и отъ приношеній прихожанъ за

требы. Вѣроятно, что такая раскладка существовала и въ другихъ епископствахъ. Папа Григорій IX сдѣлалъ было распоряженіе, чтобы всѣ приходскія церкви и ихъ причты во всѣхъ ливонскихъ епархіяхъ получали треть десятины, но неизвѣстно было-ли приводимо въ исполненіе это папское распоряженіе. Кажется, приводимо не было.

Всѣ безъ исключенія священники, приходскіе и орденскіе, подлежали въ духовныхъ дѣлахъ (in spiritualibus) власти и суду мѣстнаго епископа, который, какъ духовный глава всей епархіи, имѣлъ право духовнаго суда во всемъ епископствѣ. Въ орденской области епископъ имѣлъ право визитацій всѣхъ церквей, при чемъ орденъ былъ обязанъ принимать епископа въ своихъ замкахъ одинъ разъ въ годъ, а въ приходахъ два раза. Приходскіе священники обязаны были вносить епископу опредѣленные сборы десятиной, примиціею, приношеніемъ и соборнымъ (cathedraticum), но орденскіе братья — священники были освобождены отъ всякихъ сборовъ. Орденская церковь св. Георгія въ Ригѣ занимала, какъ сказано выше, почти независимое положеніе отъ епископа.

Орденъ еще въ 1211 г. ходатайствовалъ у папы о назначеніи для его земель особаго епископа, но это ходатайство было оставлено безъ послѣдствій (см. выше стр. 174).

Іа сколько были обезпечены въ своемъ содержаніи приходскіе священники трудно сказать за недостаткомъ данныхъ на этотъ счетъ, но духовенство, составлявшее рижскій капитулъ, надобно полагать было обезпечено довольно роскошно по тогдашнему времени. Правда положительныхъ данныхъ на это, относящихся къ описанному въ предшествовавшей главѣ времени, нѣтъ, но что духовенство не забывало себя можемъ судить по даннымъ, относящимся къ первой половинѣ XIV в., лѣтъ сотню спустя послѣ соединенія орденовъ.

Въ концѣ XIV ст. между рижскимъ капитуломъ и курляндскимъ епископомъ Оттономъ произошли неудовольствія и ссоры. Какъ въ тѣ времена водилось, Оттонъ собралъ войско, напалъ на замокъ Дондангенъ, занялъ его, увелъ оттуда лошадей и скотъ и разграбилъ всѣ деревни, которыя были приписаны къ этому замку и составляли такъ называемыя «столовыя имѣнія» (bona mensae) капитула. Оказалось, что съ этихъ деревень капитулъ ежегодно получалъ: меду 5 ластовъ, хлѣба 9 ластовъ, тюленей на 25 марокъ, быковъ 20, овецъ 30, откормленныхъ свиней 16, коровъ и шерсти съ овецъ на 15 марокъ, куръ 300; воску на 26 марокъ; 2000 штукъ мѣховъ куньихъ, бѣличьихъ; сѣна возовъ 500; рыбы на 15 марокъ и пр. и пр. Всѣ эти предметы новокрещенцы обязаны были доставлять въ назначенныя мѣста и кромѣ того вспахать, засѣять и убрать поля, отдѣленныя для замка, скосить сѣно, поставить рабочихъ для разныхъ работъ въ замкѣ. И такъ, первоначальная десятина и замѣнившая ее подать хлѣбомъ обратилась въ сборы рѣшительно со всѣхъ продуктовъ земли

и производствъ крестьянина, и уже была введена барщина. Однимъ словомъ, духовенство не забыло себя, — не забыло ничего, чтобъ имѣть средства для привольной, роскошной жизни.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ выводовъ. Генрихъ упрекалъ русскихъ, что при покореніи инородцевъ они больше заботились о взиманіи съ нихъ даней, чѣмъ о крещеніи ихъ. Это точно: русскіе князья никогда и никому не навязывали силою православія, никогда не крестили огнемъ и мечемъ, но что принесло съ собою ливамъ, латышамъ и чуди католичество, появившееся въ Ливоніи въ восьмидесятыхъ годахъ XII столѣтія? Разоренія, убійства, пожары и наконецъ рабство самое суровое и безпощадное, примѣровъ которому не много въ исторіи.

Завоеваніе Ливоніи совершилось при помощи крестоносцевъ. Но кто составлялъ главную массу крестоносцевъ? Люди, имѣвшіе полную увѣренность, что истребленіе язычниковъ есть богоугодное дѣло, влекущее за собою отпущеніе грѣховъ и спасеніе въ загробной жизни. Такъ учило духовенство, проповѣдуя крестовые походы на язычниковъ, и проповѣдь имѣла успѣхъ: массы народа возлагали на себя крестъ, вооружались чѣмъ кто могъ и шли на борьбу съ невѣдомымъ врагомъ въ невѣдомыя страны, кто въ Палестину, кто въ Пруссію, кто въ Ливонію. Ливонскіе крестоносцы садились на корабли въ приморскихъ городахъ Сѣверной Германіи и отправлялись въ Ригу. Кто нанималъ для нихъ когги (транспортныя суда), кто продовольствовалъ ихъ во время пути источники умалчиваютъ, какъ умалчиваютъ и о численности ѣхавшаго народа: прибыло много, прибыло мало, пишетъ Генрихъ, но нигдѣ не отмѣчаетъ сколько именно.

Обо всемъ необходимомъ для переѣзда, полагать надобно, заботился Альбертъ, объѣзжавшій сѣверо-германскіе города и мѣстечки, посѣщавшій дворы государей и князей, собиравшій всюду пожертвованія и денежныя средства на крестовый походъ. Но вотъ крестоносцы прибыли, составлялось христіанское войско и предпринимало походъ на язычниковъ въ ту сторону, въ какую указывалъ или самъ епископъ или рижская старшина. Приходило и начинало разгромъ, другаго слова и подобрать нельзя для ливонскихъ походовъ начала XIII в., начинало истребленіе всего встрѣчнаго и захватъ всего, что можно было или угнать, или увезти. По возвращеніи совершался дѣлежъ добычи. Нельзя думать, чтобъ добычи были всегда богатыя но деревушкамъ и усадьбамъ народцевъ, жившихъ земледѣліемъ, скотоводствомъ, достигшихъ уже нѣкотораго благосостоянія, но не обладавшихъ ни золотомъ, ни серебромъ, ни какими либо драгоцѣнностями. Обирали лошадей, скоть, хлѣбъ, домашнюю утварь, забирали женщинъ и дѣтей; ограбленное, конечно, продавалось, за сколько именно, сколько перепадало на долю каждаго — ничего этого неизвѣстно, но во вся-

комъ случаѣ крестоносцы, прослуживъ годъ времени (обыкновенный срокъ, на какой возлагался крестъ), возвращались домой не безъ прибыли: много-ли, мало-ли, но все же что нибудь и перепадало отъ дѣлежей. Такимъ образомъ крестоносецъ, совершивъ походъ, возвращался со спокойною совѣстью и въ полномъ убѣжденіи, что убійствами и грабежемъ язычниковъ сослужилъ службу католичеству и угодилъ Богу.

Не всѣ крестоносцы возвращались домой. Нѣкоторые поступали на службу въ епископскую дружину, нѣкоторые на службу городу Ригѣ, и нѣкоторые на службу ордену, который въ 1227 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 91) исходатайствовалъ у папы право удерживать крестоносцевъ, желающихъ остаться въ странѣ для защиты замковъ, на службѣ ордену, пока они сами не пожелаютъ возвратиться на родину. Остававшіеся въ краѣ крестоносцы составили между собою особую корпорацію, которой епископъ предоставилъ право товарищества. Корпорація паломниковъ существовала въ Ригѣ въ теченіе всего XIII ст., имѣя своего предводителя (capitaneus peregrinorum, см. Urkundenbuch № 570) и фохта.

Оставалась въ краѣ, однако, самая малая часть, большинство крестоносцевъ весною обыкновенно уѣзжало домой въ Германію, давая мѣсто свѣжимъ паломникамъ, но многіе изъ болѣе знатныхъ крестоносцевъ получали отъ епископа во владѣніе помѣстья на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и съ тѣми же обязательствами, какія возлагались на вассаловъ въ Сѣверной Германіи. Эти первоначальные ленники дали начало будущему сословію вассаловъ, игравшему впослѣдствіи важную роль въ Ливоніи, но въ описываемое время вассалы еще не являлись корпораціею. Получившій ленъ крестоносецъ съ самаго вступленія своего во владѣніе онымъ, въ каждомъ туземцѣ, жившимъ на землѣ въ предѣлахъ лена, уже видѣлъ человѣка себѣ подвластнаго, обязаннаго и кормить, и содержать его. Здѣсь, именно въ этомъ взглядѣ и кроется начало полнаго порабощенія ливонскихъ туземцевъ. Въ началѣ довольствовались легкою данью, собственности туземцевъ не трогали, не касались ихъ земельныхъ участковъ, не касались и ихъ быта, некасались потому что боялись возстаній, не чувствовали себѣ довольно сильными противодѣйствовать и подавлять возстанія, но съ теченіемъ времени, когда войны обезлюдили и разорили Ливонію, начали возвышаться сперва дани, потомъ начали отбирать земли, а отсюда и до совершеннаго рабства уже не далеко. Но въ описываемое время туземцевъ еще щадили, еще побаивались ихъ, туземцы еще считались вольными людьми, истинное бѣдствіе ихъ начинается уже со времени послѣ соединенія орденовъ.

Болѣе знатные выходцы изъ Сѣверной Германіи получали помѣстья въ Ливоніи. Но въ какихъ непривлекательныхъ чертахъ описываютъ вообще знатныхъ людей XIII вѣка Сѣверной Германіи.

Насилія, самоуправства высшихъ надъ низшими были обычными явленіями въ католической Европѣ XIII в. Обезпеченные даровымъ трудомъ крестьянъ, знатные господа не знали сдержекъ своему самовластію и весьма часто жили sine lege, sine rege, какъ выразился о меченосцахъ лѣтописецъ Альберикъ. При томъ лучшіе ли изъ сѣверогерманскихъ господъ явились господами въ Ливоніи? Совсѣмъ не лучшіе. Кто изъ сѣверо-германскихъ дворянъ вступилъ въ меченосцы? Изгнанники изъ Саксоніи за злодѣянія, думавшіе лишь о наживѣ. Многочисленные рыцари-грабители, которыми кишѣла Германія въ началѣ XIII в., желая освободиться отъ отлученія, возлагали на себя кресть и шли въ Ливонію, гдѣ была возможность и вступить въ орденъ, и явиться настоящимъ господиномъ

Распутствомъ, беззаконіями и самоуправствами славилось католическое духовенство XIII в. Западной Европы. Да и самые паны свободны-ли были отъ упрековъ въ алчности и стяжаніяхъ? Однажды папа Адріанъ IV спросилъ у Іоанна Салисбюри (см. Всемірн. Истор. Шлоссера, томъ VII, гл. VI, 8): что говорятъ въ свѣтѣ о папѣ и церкви? „Я откровенно скажу вамъ, отвѣчалъ Салисбюри, что слышалъ во многихъ странахъ. Говорятъ, что римская церковь относится къ другимъ церквамъ не какъ мать, а какъ мачиха. Книжникамъ и фарисеямъ въ ней привольно и они наваливаютъ тяжесть на другихъ, а сами не хотятъ пошевелить пальцемъ, чтобы помочь имъ. Они деспотически правятъ духовенствомъ и не подаютъ хорошаго примѣра паствѣ; въ ихъ домахъ роскошь, на столахъ золото и серебро, а руки ихъ сжаты скупостью. Они никогда и никому не дарятъ ничего, и бѣдные только тогда смѣютъ приблизиться къ нимъ, когда того требуетъ ихъ тщеславіе. Они взимаютъ поборы съ церквей, возбуждаютъ тяжбы, вызываютъ раздоры между духовенствомъ и его паствой и считаютъ главною выгодою религіи то, что она доставляетъ имъ богатства. У нихъ все продажно, а когда нѣтъ случая грѣшить, они подобно падшимъ ангеламъ хвалятся своимъ превосходствомъ. Отъ этихъ упрековъ свободно развѣ самая малая часть изъ нихъ. Самъ нана невыносимое бремя для христіанства. Всюду жалуются, что церкви, построенныя благочестіемъ отцовъ, разваливаются, алтари ихъ пустѣютъ, а папы строятъ дворцы, ходятъ въ пурпурѣ и все болѣе и болѣе утопаютъ въ роскоши. На это и многое другое громко ропщетъ народъ“. «Ну, а ваше мнѣніе?“ спросилъ папа. „Этотъ вопросъ ставитъ меня въ затрудненіе, отвѣчалъ Салисбюри; противопоставляя свой голосъ общему, я былъ бы лжецомъ и льстецомъ, а съ другой стороны, боюсь подать поводъ къ неудовольствію“. Здѣсь онъ извернулся, сославшись на одного кардинала, сказавшаго въ собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія, что источникъ зла въ римской церкви составляютъ господствующія въ ней лживость и алчность.

Въ то самое время, когда крестоносцы, приводимые Альбертомъ изъ Сѣверной Германіи, и орденская братія меченосцевъ грабили и истребляли ливонскихъ язычниковъ, на Западѣ съ 1209 г. кипѣла альбигойская война и папскіе миссіонеры начали не обращеніе, какъ подобало бы служителямъ христіанской церкви, а истребленіе еретиковъ посредствомъ крестоносцевъ, свирѣпостію своею изумившихъ даже тогдашнихъ католиковъ, привыкшихъ уже къ рѣзнѣ, грабежамъ и пожарамъ. Эта рѣдкая по лютости война тянулась лѣтъ 20, послѣ чего папа Григорій IX учредилъ инквизиціонные суды для розыска еретиковъ, и такіе суды ввѣрилъ доминиканцамъ. Началась повсемѣстная травля людей, не хотѣвшихъ признавать истиннымъ христіанствомъ извращенный католицизмъ, началось время безчеловѣчія католическихъ монаховъ, начались наконецъ крестовые походы противъ такихъ, которые никогда еретиками не были. Бременскій архіепископъ и епископы любекскій, минденскій и рацебургскій въ 1232 г. начали проповѣдовать крестовый походъ на штединговъ (жившихъ въ Ольденбургѣ и Шлезвигѣ). Крестовый походъ удался: штединги были истреблены и страна ихъ досталась бременскому архіепископу.

Изъ такой-то школы безчеловѣчія, свирѣпости и распутства выходили монахи и проповѣдники и, являясь въ Ливонію, входили въ составъ ливонскихъ епископскихъ капитуловъ, занимали мѣста приходскихъ священниковъ и мѣста орденскихъ братьевъ-священниковъ. Какой пощады отъ нихъ могли ожидать новокрещенцы, какой проповѣди? Да и сами ливонскіе епископы развѣ подавали имъ примѣръ проповѣди? Епископъ Альбертъ провелъ половину времени своего епископства внѣ Ливоніи, въ разъѣздахъ и путешествіяхъ по Германіи. Новокрещенцы видѣли его въ главѣ войска, но видѣли-ли его хоть разъ служившимъ гдѣ либо для нихъ обѣдню, слышали-ли они хоть разъ отъ него проповѣдь? Не видѣли и не слышали, потому что Генрихъ нигдѣ не говоритъ, что Альбертъ предпринималъ такіе же объѣзды, какіе предпринималъ Вильгельмъ Моденскій, усовѣщивая господъ быть милостивыми къ новокрещеннымъ и уговаривая новокрещенныхъ не возвращаться въ язычество. Прочіе епископы также не любили проживать въ своихъ епископствахъ. Одному не было безопаснаго замка, гдѣ бы можно было жить спокойно, другому средствъ не было для содержанія себя и своего капитула, иному нужно было вербовать крестоносцевъ, иному нужно было нанимать корабли для перевозки крестоносцевъ и пр. И вотъ епископы отправляются въ Германію и находятъ тамъ ласковый пріемъ себѣ у тамошнихъ архіепископовъ и епископовъ. У тѣхъ такія обширныя епархіи, такая масса свѣтскихъ дѣлъ, что намѣстники необходимы для совершенія прямыхъ епископскихъ духовныхъ обязанностей. Лифляндскіе епископы охотно брались быть намѣстниками и неудивительно по тому, говоритъ Бунге въ своемъ сочиненіи „Livland die Wiege der deutschen Weihbischöfe“, что въ теченіи XIII

в. мы встрѣчаемъ въ качествѣ гостей и помощниковъ у разныхъ епископовъ сѣверной Германіи 16 ливонскихъ епископовъ.

А между тѣмъ ихъ-то присутствіе въ краѣ и было важно именно въ то время когда полагалась закладка нѣмецкой колоніи, когда начиналось возведеніе новаго зданія. Мы видѣли, что легло въ основу этого зданія. Легло своекорыстіе и ничего больше, а обращеніе въ католичество было лишь прологомъ къ обращенію новокрещенныхъ въ рабочую силу ордена и католическаго духовенства, каковое обращеніе и совершилось съ теченіемъ времени съ полнотою, какой, быть можетъ, завоеватели и не ожидали.

Не подняли католическіе пришельцы ливонскихъ новокрещенныхъ до себя, католичество не назвало ихъ своими, не указало новокрещеннымъ идеалы христіанства, а кинуло ихъ въ рабство, перечисливъ ихъ только на бумагѣ изъ язычества въ католичество, оставивъ на дѣлѣ такими же язычниками, какими они были до перечисленія, о чемъ будетъ подробно сказано ниже. „Они, говоритъ одинъ современный намъ историкъ (см. Geschichte d. Ostseeprovinzen, 1 Theil. Mitau, 1879, стр. 184), съ принятіемъ католичества дошли чрезъ всѣ ступени несчастія до самаго страшнаго состоянія и сдѣлались безправною вещію грубыхъ и безсовѣстныхъ господъ, которые своимъ произволомъ надъ подчиненными причинили продолжительное огрубѣніе собственнаго потомства, ибо подростающее потомство, свыкаясь съ такими ужасами и будучи окружено классомъ людей, лишенныхъ всякихъ правъ, становилось также грубымъ и жестокимъ и неспособнымъ къ высшему образованію. Рабство было въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сильнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ крестьяне въ это время по большой части были въ крѣпостномъ состояніи. Сословіе крестьянъ, различаясь здѣсь по языку и національности отъ господствующихъ сословій, было разсматриваемо до нѣкоторой степени какъ другая порода людей, предназначенная къ служенію и страданію; выродившійся, вѣчно чуждый странѣ орденъ показывалъ ежедневно примѣръ крайней жестокости и безнравственности, и развращенное духовенство, погрязшее въ роскоши и лицемѣріи, было далеко отъ того, чтобъ открыть бѣдствующему и презираемому крестьянскому сословію путь къ добродѣтели и образованію. Позднѣйшіе ландтаги привели это безутѣшное состояніе ливонскихъ туземцевъ посредствомъ законовъ въ опредѣленныя формы, развили далѣе крѣпостничество какъ неприкосновенное право господъ и этимъ сдѣлали невозможнымъ всякое свободное движеніе и всякое духовное развитіе туземцевъ вплоть до настоящаго столѣтія“.

III. Городъ Рига.

Мы видѣли какъ возникали города въ Германіи (см. выше стр. 50) и видѣли когда и при какихъ обстоятельствахъ была основана Рига — мѣстопребываніе властителя Рижскаго епископства.

Ко времени основанія Риги (1201 г.) большая часть сѣверогерманскихъ городовъ уже имѣли собственное управленіе, имѣли уже свои права и преимущества, дарованныя имъ властителями земель, имѣли магистраты (городскіе совѣты, consilium, Rath), состоявшіе изъ ратмановъ (consules), избираемыхъ изъ горожанъ дворянскихъ или другихъ свободныхъ родовъ, и бургомистровъ (proconsules). Городской совѣтъ (магистратъ) вѣдалъ уже всѣми городскими дѣлами, въ важныхъ случаяхъ призывая къ совѣщанію и рѣшенію всѣхъ горожанъ. Императоры и епископы уже освободили города отъ подсудности земскихъ властей, графовъ, и подчинили городской судъ особымъ фохтамъ (судьямъ). Въ городахъ уже существовали извѣстные городскіе законы, опредѣлявшіе права горожанъ, ихъ преимущества, вольности и свободы, права на занятіе должностей и пр. Въ городахъ уже появились отдѣльные союзы, корпораціи купцевъ и ремесленниковъ, получившія названіе *гильдій*.

Сѣверо-германскіе купцы первыя свои купеческія конторы и амбары для складовъ заложили и устроили въ ливскомъ городкѣ Икскулѣ, построенномъ на берегу Двины. Здѣсь же основалось и мѣстопребываніе епископа. Икскуль находился въ 40 верстахъ отъ моря — это слишкомъ далеко; тутъ нельзя было устроить порядочной пристани, имѣлись и другія неудобства, изъ которыхъ важнѣйшимъ было то, что городокъ Икскуль все-же принадлежалъ ливамъ и пребывавшіе тамъ нѣмецкіе купцы были лишь гостями, но никакъ не хозяевами въ немъ. Епископъ Альбертъ, прибывъ въ Ливонію и побывавъ въ Икскулѣ, видѣлъ всѣ неудобства мѣстопребыванія здѣсь епископа, и потому рѣшился основать собственный городъ, ближе къ морю, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ и торговымъ и военнымъ цѣлямъ зарождающейся колоніи. Городъ былъ заложенъ въ 1201 г. верстахъ въ 14 отъ моря на нынѣшнемъ его мѣстѣ и съ самаго начала принялъ видъ крѣпости несравненно сильнѣйшей, чѣмъ всѣ подвинскіе городки. Сюда, въ эту новорожденную крѣпость въ томъ-же 1201 г., Альбертъ перевелъ изъ Икскуля епископское мѣстопребываніе и епископскій капитулъ, — а въ слѣдующемъ 1202 г. братъ епископа, Энгельбертъ, привезъ изъ сѣверной Германіи (см. выше стр. 97) и первыхъ горожанъ для поселенія въ новомъ городѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сюда же были переведены и нѣмецкія купеческія конторы и амбары, существовавшія въ Икскулѣ.

Энгельбертъ cum primis venit civibus — пишетъ Генрихъ, но

не объясняетъ сколько ихъ и изъ какихъ городовъ прибыли эти первые горожане (бюргеры, cives). Были-ли то купцы или ремесленники неизвѣстно, но, конечно, были люди свободные, уже привыкшіе къ городской жизни и городскимъ порядкамъ, какіе уже существовали и уже довольно развились въ сѣверо-германскихъ городахъ. Привезти поселенцевъ еще было мало, надобно было повести дѣло такъ, чтобъ сѣверо-германскому купцу и горожанину былъ расчетъ покинуть родину и переселиться въ страну невѣдомую и негостепріимную. Другого способа не было какъ предоставленіе разныхъ льготъ, правъ и преимуществъ горожанамъ, обезпеченіе ихъ торга и промысла. Епископъ такъ и сдѣлалъ, и первое преимущество, предоставленное городу, когда онъ еще и отстроенъ не былъ, было воспрещеніе купцамъ посѣщать Семигальскую гавань (см выше стр. 95) т. е. устье рѣки Курляндской Аа и прибывать только въ Ригу. Этоне что иное какъ стапельное право города, въ силу котораго только горожане могли торговать съ иногородными купцами. Это первая и важная привиллегія города была оцѣнена купцами по ея достоинству и они сами уже постановили, что всякій купецъ, входящій въ Семигальскую гавань для торговли, долженъ лишиться товаровъ и жизни. Года чрезъ два послѣ основанія города, разсказываетъ Генрихъ въ гл. IV своей лѣтописи, нѣкоторые (quidem) поѣхали на своихъ корабляхъ внизъ по Двинѣ въ Семигальскую гавань (эти нѣкоторые, по всей вѣроятности, были русскіе купцы, не считавшіе для себя обязательнымъ стапельное право, предоставленное Ригѣ). Рижскіе купцы настоятельно (affectuose) просили ихъ не ѣздить; тѣ не послушались и поѣхали. Тогда рижане сѣли на другіе корабли и сразились съ упорными; схватили лоцмана и шкипера (gubernator et ductor navis), казнили ихъ жестокою смертію, а прочихъ принудили къ возвращенію (шкиперъ, ductor navis — былъ встарину въ одно и тоже время хозяиномъ корабля, капитаномъ и купцомъ; а лоцманъ — gubernator, rector navis — могъ быть взятъ въ Ригѣ. Казнили хозяина корабля, какъ нарушившаго постановленіе, и лоцмана, чтобъ и другіе лоцмана не брались проводить корабли въ Семигальскую гавань).

Западная Двина составляла изстари водный путь, по которому направлялась вся заграничная торговля земель, составляющихъ обширный Двинскій бассейнъ. Рига сдѣлалась посредницею для торговли сѣверныхъ державъ съ Россіею; сюда прибывали купеческіе корабли изъ за моря, сюда же сплавлялись и русскіе товары. Вслѣдствіе этаго городъ съ каждымъ годомъ росъ и развивался и пріобрѣталъ важное значеніе въ торговомъ мирѣ. Верховная власть надъ Ригою съ самаго ея основанія принадлежала епископу; горожане въ лицѣ рижскаго епископа признавали своего верховнаго властителя и отъ него именно получили свое первое устройство и свои первые законы. Въ 1211 г. епископъ Альбертъ предоставилъ Ригѣ готландское право,

которымъ пользовались нѣмецкіе купцы на Готландѣ. Съ этого времени появляется городское управленіе, появляется магистратъ (consilium, Rath), состоявшій первоначально изъ однихъ только ратсгеровъ (consules), коихъ въ 1231 г. было 12. Въ первыя времена магистратъ избирался на одинъ годъ и члены его, т. е. консулы или ратсгеры, сами назначали себѣ преемниковъ изъ горожанъ древнихъ родовъ (собственно cives), составлявшихъ первое городское сословіе, и лишь въ послѣдствіи начали назначать изъ купцовъ.

Магистратъ, согласно предоставленнаго городу права, завѣдывалъ всѣми городскими дѣлами и установленіями, принималъ въ гражданство, издавалъ для жителей постановленія, замѣщалъ всѣ городскія должности, за исключеніемъ должности городскаго судьи (judex civitatis, advocatus, Vogt), который избирался общимъ собраніемъ всѣхъ бюргеровъ и утверждался въ должности епископомъ. Магистратъ завѣдывалъ городскимъ имуществомъ, опредѣлялъ вѣсы и мѣры, и въ полномъ составѣ своемъ былъ второю инстанціею суда по всѣмъ дѣламъ, какія только подлежали рѣшенію городскаго фохта.

Получивъ права и преимущества, получивъ управленіе и изрядные доходы, городъ быстро богатѣлъ и его обогащеніе пробуждало зависть въ особенности въ орденской братіи, которая, хотя по уставу произносила обѣтъ бѣдности, но ни мало не исполняла его и гонялась за прибылями, гдѣ только можно было получить ихъ. При первоначальномъ раздѣлѣ ливскихъ и латышскихъ земель въ 1207 г. (см. выше стр. 128) Рига, въ которой орденскій магистръ имѣлъ пребываніе и въ которой находилась орденская церковь св. Георгія, участія не принимала. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ орденскій магистръ заявилъ предъ паной притязанія на треть разбогатѣвшаго города, именно на треть съ городскихъ доходовъ, получаемыхъ отъ десятинъ, фохтейства, монеты и рыболовства, ссылаясь будто епископъ предоставилъ эту треть ордену Ходатайства и притязанія ордена остались безъ послѣдствій (см. Бунге, Urkundenbuch, № 27). Орденъ, однако, не унимался и не покидалъ своихъ притязаній. Это именно и послужило поводомъ къ неудовольствіямъ между орденомъ и горожанами.

Споры и пререканія не стихали до 1226 г., когда наконецъ при посредствѣ папскаго легата Вильгельма Моденскаго между орденомъ съ одной стороны и рижскимъ магистратомъ съ другой состоялось соглашеніе, въ которомъ отношенія между договаривавшимися сторонами были выражены такъ (см. Бунге, die Bevaher Rathslinie VI и 143):

Магистръ и орденская братія должны жить съ бюргерами города Риги въ неложномъ добромъ согласіи и быть по отношенію лицъ и вещей вѣрными епископу рижскому, какъ своему господину и духовному отцу, а также и рижской церкви, какъ своей госпожѣ и духовной матери. Магистръ и орденская братія должны не только

охранять и поддерживать (manutenere) городъ и его область (ora), но и расширять; тоже самое бюргеры должны дѣлать по отношенію магистра и орденской братіи. Орденская братія должна считаться настоящими и дѣйствительными бюргерами Риги, но сохраняетъ за собою, однако, всѣ орденскія преимущества, такъ что братія не подчиняется городскому суду, а лишь единственно юрисдикціи епископа (это освобожденіе ордена отъ городской подсудности установлено легатомъ еще въ декабрѣ 1225 г., какъ значится въ UrkundenBuch Бунге подъ № 75). Городскія учрежденія (consuetudines civitatis) основываются и утверждаются магистромъ и орденскою братіею и самими бюргерами, на сколько они сами пожелаютъ и воспользоваться ими могутъ, съ сохраненіемъ бюргерскихъ земельныхъ участковъ въ городской чертѣ. Одинъ или два орденскихъ брата вступаютъ въ составъ магистрата, въ засѣданіяхъ коего они могутъ присутствовать когда хотятъ и могутъ. Въ походахъ, предпринимаемыхъ не для одной только защиты и охраны, городъ поддерживаетъ магистра на сколько то окажется подходящимъ (conveniens); въ такой же мѣрѣ и магистръ поддерживаетъ городъ. Если городъ налагаетъ сборъ (collecta) на земельные участки, то магистръ платитъ столько же сколько, и бюргеры, но дома, въ коихъ живутъ магистръ и братья, отъ сборовъ освобождаются. Если налагается сборъ съ имуществъ (collecta secundum existimationem divitiarum), то магистръ платитъ столько, сколько платитъ бюргеръ, имущество котораго оцѣнено въ 700 марокъ. Каждому бюргеру дозволяется вступать въ орденъ со своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, но съ условіемъ, что за земельный участокъ онъ остается въ долгу у города.

Соглашеніе это ни мало, однакоже, не воспрепятствовало развитію сильной и открытой вражды между городомъ и орденомъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Пребываніе Вильгельма Моденскаго въ Ригѣ въ 1225—1226 г, оказало большую пользу Ригѣ тѣмъ, что легатъ уладилъ много споровъ возникавшихъ при примѣненіи готландскаго права. Онъ предоставилъ выборъ городскаго судьи горожанамъ, предоставилъ рижанамъ пользоваться всѣми правами, какія нѣмцы имѣли на Готландѣ. Право чеканки монеты онъ оставилъ за епископомъ, а грамотою 15 марта 1226 г. опредѣлилъ границы патримоніальнаго округа (указаны выше на стр. 294), и опредѣлилъ участіе города въ земельныхъ раздѣлахъ.

Преемникъ Альберта, епископъ Николай, весьма благопріятствовалъ Ригѣ и не только не умалилъ ея участки въ разныхъ земляхъ, но и всячески благопріятствовалъ городу въ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ на Эзелѣ и въ нынѣшней Курляндской губерніи.

Въ началѣ XIII ст., когда въ Ригѣ опредѣлялось и выяснялось городовое устройство, купечество составляло уже отдѣльную корпорацію

отъ прочихъ бюргеровъ, права которыхъ, какъ и во всей Германіи, въ тѣ времена не слишкомъ много различались отъ правъ дворянскихъ. Купцы принимали участіе въ походахъ и въ описаніяхъ состава тогдашнихъ войскъ упоминаются почти всегда отдѣльно отъ гражданъ. Въ 1232 г. купечество было обязано выставлять подъ городское знамя не менѣе 71 ратника. Купечеству была предоставлена, при обязательствѣ уплачивать извѣстный сборъ, треть городскихъ участковъ въ Семигалліи и половина за Виндавою; будущія же завоеванія купечество должно было дѣлить пополамъ съ бюргерами.

Городъ въ своихъ печатяхъ употреблялъ бременскій гербъ, въ которомъ изображались стѣна съ воротами по срединѣ и двумя башнями по сторонамъ, между башнями находились два ключа, сложенные крестообразно, а надъ ключами епископскій крестъ.

Епископъ Альбертъ, какъ сказано выше, въ 1211 г. предоставилъ Ригѣ пользоваться *Готландскимъ правомъ*. Впослѣдствіи это неоднократно было подтверждаемо съ дозволеніемъ дополнять и поправлять оное сообразно съ мѣстными и временными обстоятельствами. На этомъ основаніи полагаютъ, что Рига заимствовала свои первые законы у жителей Готланда и въ особенности у города Висби, лучше сказать, у нѣмцевъ, проживавшихъ на Готландѣ (см. выше стр. 48); при дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ вопроса появилась мысль, что подъ именемъ Готландскаго права, перенесеннаго въ Ригу, слѣдуетъ разумѣть одни только нрава состоянія и учрежденія, и что гражданскіе и уголовные законы, равно какъ и законы о судопроизводствѣ, заимствованы Ригою изъ Гамбурга. Но откуда бы ни были заимствованы жителями Риги первые ихъ гражданскіе и уголовные законы, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ самые первые годы существованія Риги уже имѣлись въ ней *статуты* (письменное городское право, Stadtrecht), съ теченіемъ времени измѣнявшіеся и дополнявшіеся.

Самый древній списокъ „Рижскихъ Статутовъ“ былъ найденъ въ 1842 г. въ архивѣ Рижскаго Магистрата и напечатанъ Наперскимъ въ изданіи Бунге Archiv für die Geschichte Liv.-Esth - und Kurlands I, стр. 3—19. Въ современномъ предисловіи къ статутамъ упомянуто, что статуты эти, содержаніе въ себѣ рижское городское право, приняты ревельцами и виронцами, которые и велѣли ихъ переписать для своего руководства. Но городу Ревелю было предоставлено въ 1248 г. болѣе обстоятельное, чѣмъ рижскіе статуты, любекское право, потому и принятіе и написаніе статутовъ должно было послѣдовать ранѣе 1248 г., слѣд. очень возможно, что самые древнѣйшіе рижскіе статуты появились во времена епископа Альберта и имъ предоставлены Ригѣ*). Въ Статутахъ содержатся полицейскія, граждан-

*) Древніе Рижскіе Статуты извѣстны въ нѣсколькихъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ напечатанъ въ 1756 г. Пуффендорфомъ подъ заглавіемъ: Statuta Rigensia. Они состоятъ изъ 169 статей и заимствованы изъ Гамбургскихъ Статутовъ 1270 г. Статуты эти сохра-

скія и уголовныя постановленія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Преднамѣренное и разбойное убійства должны быть наказываемы смертію; но если виновный убѣжалъ, то разбойный убійца могъ очиститься четверною, а преднамѣренный убійца уплатою значительной пени (§ 2 и 3). Это древне-германскій законъ, по Саксонскому Зерцалу; но Вестготскому и Бургундскому пеня (вира, Wehrgeld) за смертоубійство допускалась лишь вслучаѣ убійства, происшедшаго при защитѣ отъ нанаденія. Изъ пеней съ разбойныхъ убійцъ въ пользу города отчислялась половина, а изъ пеней съ преднамѣренныхъ убійцъ шесть марокъ. За пораненія, побои, насилія, увѣчья и клеветы, за поддѣлку мѣръ и вѣсовъ, по древне-германскому праву, и по Саксонскому Зерцалу, налагались денежныя пени. За двоеженство налагалась пеня въ 10 марокъ. У всякаго, у кого найдется во владѣніи два эра фальшивой монеты, отрубали руку. Защищающій силою убійцу подвергался такому же наказанію, какъ и убійца (§ 5). Судебные поединки допускались и побѣжденный долженъ былъ заплатить пеню въ 12 марокъ (§ 6). Подозрѣваемый въ разбойномъ убійствѣ могъ, при новомъ подозрѣніи, очиститься лишь свидѣтельствомъ двѣнадцати неподозрительныхъ человѣкъ (§ 2). Вещь, находившаяся въ обладаніи одинъ годъ съ однимъ днемъ, могла быть защищена отъ требованія возврата свидѣтельствомъ двухъ сосѣдей (§ 15). Отрицающій долгъ долженъ представить свидѣтельство въ свою пользу двухъ ратмановъ или вообще двухъ свидѣтелей (здѣсь въ подлинникѣ текстъ испорченъ — 16). Должникъ можетъ быть выданъ кредитору на отработку долга лишь судьею и должникъ можетъ быть закованъ въ кандалы, но можетъ и быть освобожденъ за достаточнымъ поручительствомъ. Кредиторъ можетъ держать у себя должника лишь одну ночь и потомъ долженъ отвести его въ судъ (§ 17 и 24). Продавецъ лошади отвѣчаетъ за три главные недостатка ея (§ 20). Бѣжавшій въ городъ дѣлается свободнымъ, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ предъ судомъ объявляется подвластнымъ (крѣпостнымъ) или плѣннымъ (§ 21). Если хозяинъ отпускаетъ слугу, то долженъ расчитать его условленнымъ жалованьемъ, но если слуга оставляетъ хозяина, то теряетъ право требовать заслуженное жалованье (§ 23). Наниматель дома отвѣчаетъ предъ городомъ и предъ хозяиномъ за ножаръ, происшедшій въ домѣ по его, нанимателя, винѣ (§ 24). Иностранцы, желающіе заниматься въ городѣ какимъ либо промысломъ, должны подчиняться городскому праву (§ 38) Кто безъ дозволенія

няли силу до конца XIII ст. Въ это время были составлены другіе статуты, подлинникъ которыхъ хранится въ Рижской городской библіотекѣ. Они состоятъ изъ 11 частей, раздѣленныхъ на главы и въ первый разъ напечатаны въ 1773 году Гергардомъ Эльрихсомъ въ Бременѣ, отчего и получили названіе Эльрихскихъ Статутовъ (Oelrichsche Statuten). Найденный Наперскимъ списокъ болѣе сходенъ съ Эльрихскими Статутами, чѣмъ съ изданными Пуффендорфомъ. Эльрихскіе Статуты сохраняли силу даже до шведскихъ временъ, когда были составлены новые статуты, бывшіе въ употребленіи до самаго изданія свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ въ 1845 г.

бюргеровъ поднятіемъ знамени подастъ знакъ къ распрѣ, платитъ пени 40 марокъ; у кого у дома пѣтъ воды (при пожарѣ) платитъ пени 3 эра; сторожъ, заснувшій ночью на часахъ, платитъ 1 марку; браковщикъ, имѣвшій фальшивые вѣсы и мѣры, штрафуется тремя марками (§ 40, 43 и 45) и пр. и пр.

Всѣ эти постановленія, конечно, до нѣкоторой степени выясняютъ бытовую сторону первоначальныхъ бюргеровъ Риги.

Какъ велика была численность первоначальнаго населенія Риги — неизвѣстно, но, вѣроятно, очень незначительная, судя по тому, что новозаложенный городъ занималъ весьма небольшую сравнительно площадь, не больше половины нынѣшней городской части. Конечно, нѣмцы составляли преобладающее большинство жителей, но въ городѣ, а быть можетъ внѣ города, жили и ливы. Такъ при описаніи нападенія въ 1210 г. куроновъ на Ригу (см. выше стр. 147) Генрихъ упоминаетъ, что крещеные ливы защищали передовое укрѣпленіе города. Эти ливы были мѣстные жители. Весьма вѣроятно, что постоянными жителями Риги были и русскіе, занимавшіеся торговлею.

Ко времени соединенія орденовъ, Дерптъ недавно только что началъ отстраиваться и заселяться. Въ 1231 г. онъ уже имѣлъ соборную церковь.

Ревель, какъ мы уже видѣли (см. стр. 204) былъ заложенъ датчанами въ 1219 г. Первоначально Ревель составлялъ замокъ, въ которомъ помѣщались епископъ и военный гарнизонъ. Избранная для постройки этого замка мѣстность прилегала къ хорошей естественной гавани, но отношенія къ мѣстной чуди были на первое время еще столь враждебны, что селиться подъ защитою замка едва-ли находились охотники. Генрихъ (гл. XXIX, § 7), упоминая о посѣщеніи въ 1226 г. легатомъ Вильгельмомъ Ревеля, не называетъ еще Ревель городомъ, а лишь замкомъ (castrum Danorum). Скоро, однако, подъ замкомъ начали селиться поселенцы и мало по малу обстраиваться Въ 1227 г. Ревельскимъ замкомъ овладѣли меченосцы, наступили времена болѣе спокойныя, и число жителей возросло уже столь значительно, что по всей вѣроятности уже въ 1228 г. они обратились въ рижскій магистратъ съ просьбою о доставленіи имъ списка съ дарованныхъ Ригѣ Альбертомъ законовъ и правъ, такъ какъ они, ревельцы, постановили, чтобы и городъ Ревель слѣдовалъ этимъ законамъ и правамъ. Около этого времени Ревель уже является городомъ, и въ Стенбійскомъ договорѣ (см. выше стр. 287) о Ревелѣ уже написано: munitio et civitas Revaliensis, т. е. замокъ и городъ Ревельскій.

Другіе ливонскіе города возникли въ позднѣйшія времена. Вообще города въ Ливоніи, какъ и вездѣ въ Германіи, стояли особнякомъ, такъ сказать, отъ земства, отличаясь отъ него и законами, и учреж-

деніями и ни мало не подчиняясь ни ордену, ни вассаламъ. Впослѣдствіи городское населеніе разбилось на корпораціи, столь свойственныя духу германскаго народа, и городское право получило большое развитіе, что и будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

IV. Торговля.

Мы видѣли, что вовсе не миссіонерскія или завоевательныя цѣли побудили сѣверо-германскихъ куицовъ основаться въ усть-двинскихъ мѣстахъ, а чисто торговыя. Имъ выгодно было войти въ прямыя торговыя связи съ Россіею по мимо посредничества Готланда, но выгодно было и населенію земель ближняго Двинскаго бассейна имѣть покупателей подъ рукою. Вотъ причина, почему нѣмецкіе купцы безпрепятственно со стороны ливовъ и русскихъ устроили свои конторы и амбары въ Икскулѣ и, останься нѣмцы при своихъ коммерческихъ дѣлахъ, то, конечно, кромѣ обоюдной выгоды и мирныхъ отношеній ничего бы не вышло изъ ихъ поселенія въ ливскомъ городкѣ.

Двина для земель ея бассейна искони составляла путь для заграничнаго торга. Надобно полагать, что рѣка эта во времена основанія Риги была несравненно многоводнѣе, чѣмъ нынѣ, ибо по ней ходили большія ладьи, быть можетъ и парусныя суда, отправлявшіяся на островъ Готландъ. Заключаемъ это изъ того, что Генрихъ не упоминаетъ о двинскихъ порогахъ у Фридрихштата и Якобштата, нынѣ столь затрудняющихъ судоходство по этой рѣкѣ: высота воды на порогахъ была такъ велика, что пороги не мѣшали проходу судовъ.

Для Риги, заложенной почти у самаго устья Двины и получившей стапельное право тотчасъ по основаніи (см выше стр. 324) было весьма важно, чтобы рижское купечество имѣло свободный путь по Двинѣ въ земли Полоцкаго княжества, съ которымъ торговало еще съ середины XII ст., потому старанія о томъ, старанія о заключеніи съ Полоцкимъ княземъ торговаго договора начинаются очень рано. Мы видѣли, что еще въ 1210 г. (см. выше стр 152) орденскій братъ Арнольдъ ѣздилъ въ Полоцкъ для заключенія именно торговаго договора. Князь прислалъ какого-то богатаго смоленскаго жителя Лудольфа договориться о мирѣ. Въ 1212 г. при личномъ свиданіи князя Владиміра Полоцкаго съ епископомъ Альбертомъ условились, чтобъ путь по Двинѣ былъ навсегда свободенъ купцамъ Были-ли заключаемы письменные о томъ договоры — неизвѣстно, по крайней мѣрѣ они не дошли до насъ. Дошелъ только договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, заключенный въ 1229 г., въ годъ смерти Аль-

берта. Договоръ этотъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, которые и напечатаны въ Русско-Ливонскихъ актахъ, стр. 420—446.

Вотъ этотъ весьма замѣчательный документъ:

Князь Мстиславъ Давыдовиць послалъ свои мужи, Еремѣя Попа, Пантелѣя Сотьского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Ригы на Готьскый берегъ, утверживати миръ, а розлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а за тотъ миръ страдалъ (*старался*) Рулфь изъ Кашля (*Касселя?*) и Тумашъ Михайловичь, абы добросердье межь ихъ было, абы Рускымъ купцемъ въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смоленьской волости любо было, какъ миръ утверженъ, и добросердье абы въ вѣкы стояло, и Князю любо бы и всимъ Смольняномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, по Восточному морю ходящимъ, оже такую правду въпсали, которою правдою быти Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, . . абыша тоя правды держали и въ вѣкы.

Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ приходитьсь межи Нѣмци и Руси, что за что платити, абы миръ не раздрушенъ, абы . . Нѣмцичю любо было. А се починокъ правдѣ:

1. Оже убьють вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра . . по 4 гривны кунами или пѣнязи, а за холопа гривна серебра; аже кто холопа ударить, гривна кунъ. Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомъ березѣ.

2. Аще око выбьють или руку отътнуть, или ногу, или иная которая хромота на тѣлѣ явиться, 5 гривенъ серебра, а за зубъ 3 гривны серебра. Таже правда буди въ Смоленскѣ . . и на Готьскомъ берегу.

3. А . . кто деревомъ ударить человѣка до крови, полторы гривны серебра; аже ударить по лицю или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платить безъ четверти гривна серебра; аже иослови (*послу*) пригодится пакость или Попови, въ всякой обидѣ за два человѣка платити дань.

4. Аще кто друга ранить, а хромоты на тѣлѣ не будеть, полторы гривны серебра платити.

5. Аще Рускый гость или въ Ризѣ, или на Готьскомъ березѣ извинится (*будетъ виноватъ*), нникакоже его всадити въ дыбу (*колодку*), оже будеть порука понь . . ; не будеть ли порукы нонь, то лзѣ всадити въ желѣза. Или нѣмецкый гость извинится . . , не лзѣ его вереци въ погребъ; оже не будеть понь порукы, лзѣ его всадити въ желѣза.

6. Оже Нѣмечкый гость дасть свой товаръ въ долгъ въ Смоленьскѣ, а Русинъ будеть долженъ Руси, ино Нѣмцичю напереди взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

7. Аще князь взверьжетъ (*ингъвъ*) на Русина, и повелить его розграбити съ женою и съ дѣтьми, а Русинъ будеть долженъ Нѣмцичю,

(*то Нѣмцичю*) напередъ взяти, а потомъ како Богови любо и Князю. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегу.

8. Или Нѣмечкый гость дасть холопу Княжю или Боярьску, а кто задницю (*наслѣдіе*) его возметь, то у того Нѣмцичю товаръ взяти. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ.

9. Русину же не лзѣ . . вести одинаго Русина въ послушьство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.

10. Русину же не лзѣ имати Нѣмчина на желѣзо (*испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза*) такоже и Нѣмцичу Русина; аже возлюбить самъ своею волею, то . . его воля.

11. Русину же не лзѣ позвати Нѣмцича на поле (*поединокъ*) въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мечи или сулицами, Князю то ненадобѣ и никакому Русину, а . . правятся сами по-своему суду . . .

12. А . . иметь Русинъ Нѣмчица у свой жены, ино за соромъ 10 гривенъ серебра: такоже . . Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегу.

13. Аще который Нѣмцичь учинить насилье надъ вольною женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не слышати бладнѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ . . .

14. А како услышить Волоскый Тіунъ, еже гость Нѣмечкый пріѣхалъ въ Смолняны на Волокъ, послати ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, ать перевезуть Нѣмечкый гость . . съ товаромъ; а никтожь иметь имъ пакостити, занеже въ той пакости велика пагуба бываеть Смолняномъ отъ поганыхъ. И Нѣмцемъ метати . . жеребьи, кому пойти . . напередъ. Аще иный гость будеть Рускый, тому пойти позади.

15. А како будеть гость Нѣмечкый въ городѣ, дати имъ Княгини поставъ частнны, а Тивуну Волочкому рукавичь нерьстатый Готьскый (*рукавицы съ перстами или перчатки*).

16. А который Волочанинъ вскладываеть товаръ Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя чересъ Волокъ везти, а что погынеть того товара, . . всимъ Волочаномъ платити. Таже правда буди Русину . . и на Готьскомъ березѣ.

17. А како будеть Нѣмечкый гость въ Смоленьскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безо всякія борони (*препятствія*); а какъ будеть Рускый гость въ Ризѣ и . . на Готьскомъ березѣ, вольножь ему продати . . безовсякой борони.

18. Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, Князю не боронцти, ни Смолняномъ; или который Русинъ всхочеть . . съ Готьского берега въ Нѣмечкую землю въ Любокъ (*Любекъ*), Нѣмцемъ не боронити . . пути того.

19. Аще который Русинъ возметъ товаръ у Нѣмчица, о понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочается; или который . . товаръ купилъ у Русина и понесеть изъ двора, тый товаръ не ворочается.

20. Русину же не лзѣ позвати . . на опцій (*общій*) судъ, развѣе на Смоленскаго Князя; аже возлюбить Нѣмцичь на опьчій судъ, то его воля. А Нѣмцичю не лзѣ позвати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ берегѣ на опчій судъ: вскочеть ли Русинъ на обчій судъ, то его воля.

21. Русину же не лзѣ приставити Дѣчкаго (*Дѣтскаго, Отрока, военнаго пристава*) къ Нѣмцичю въ Смоленьскѣ, но преже обвсѣтить старѣйшему ихъ: оже старѣйшина его не умолвить, то лзѣ ему . . приставити. Такоже и Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, не лзѣ ему приставити Дѣтьского.

22. Оже будеть Русину товаръ имати на Нѣмчичи или въ Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, . . въ которомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ: пойти истьцю къ истьчю, и взяти ему тая правда, которая . . въ томъ городѣ; а рубежа имъ не дѣяти; а Нѣмчицю таже правда взяти въ Руси. (*Слово рубежъ употреблено здѣсь въ смыслѣ насильственнаго захваченія*).

23. А Нѣмчичю платити вѣсцю отъ двою капьѣ (*съ 24 пудъ*) купа Смоленьская.

24. Оже купити Нѣмцичю гривну золота, дати ему ногата вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. Или который Нѣмцичь купить . . судъ (*сосудъ*) серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

26. Аще купить Нѣмцичь гривну серебра, дати . . вѣсцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. Оже Нѣмчинъ дасть серебро платить, дати ему куна Смоленьская . . гривень (*съ гривны*).

28. Аще вощный пудъ (*вощаной вѣсъ или 12 пудъ*) исказиться, лежить капь во святій Богородици на горѣ, а другая въ Нѣмечкой Богородици: то тымъ пудъ извѣряче, право учинити. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. Нѣмчичю же всякой товаръ вольно купити безъ боронн въ Смоленьскѣ, такоже и Русину вольно купити всякый товаръ безъ боронн въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

30. Нѣмчичю же не надобѣ ни кое мыто изъ Смоленьска . . до Ригѣ, а изъ Ригы . . до Смоленьска; такоже и Русину не надобѣ мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги . . до Смоленьска.

31. Аще Смоленьскый Князь пойдеть на войну, не надобѣ ему (*Нѣмцу*) ѣхати; оже вскоцеть съ Княземъ, то своя ему воля; такоже буди и Русину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

32. Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь татя у своего товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. Русину же не дати пересуда (*судной пошлины*) ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣмчичю же платити пересуда въ Смоленьскѣ . . или у Князя, или у Тіуна, или урядили будуть добріи мужи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю въ Смоленьскѣ.

34. А пудъ (*вѣсъ*) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже . . имъ товаръ возити . . всякому гостю, и коли исказиться, а подругъ (*такой же*) его лежить въ Нѣмечькой божницѣ, а другый ковати извѣривши тими

35. Епископъ же Рижьскый, Фолкунъ Мастеръ Божіихъ Дворянъ (*Рыцарей Христовыхъ*), и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену отъ о устья доверху по водѣ, и по берегу всякому гостю Рыжьскому и Нѣмечькому ходящимъ внизъ и верхъ.

Богъ того не дай, аще кою притца пріиметь, или ладья уразиться . . Руская, или Нѣмечькая, вольно ему свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой борони. Аще будеть въ пособленіе людій мало будеть а къ тому . . принаймати людій въ помочь; то, что будеть сулилъ . . найма, черезъ то . . болѣ не взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, и Нѣмчичю въ **Смоленьской волости и въ Полотьской и въ Витебьской**.

А си грамота написана бысть . . при Попѣ Иванѣ и при Мастерѣ Фулкинѣ и при Рижьскихъ мужехъ, и при многыхъ купчехъ Рижьскаго Царства, еже есть тѣхъ печать на сей грамотѣ. А се . . суть сему послуси (*свидѣтели*) Регемботъ, Тетартъ, Адамъ, горожане на Готьскомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ, Домомъ изъ Люпка (*Любека*) . . ; Индрикъ, . . Тонліеръ: таже суть изъ Южата (*Данциа?*) — Кондрать кривый, Еганъ Киногъ: ти . . суть изъ Мунстера (*Мюнстера*) — Берникъ и Фолкирь, тиже суть изъ Глугли (*Гренинена?*) — Яремъ, . . Брахтъ: тиже суть изъ Дротмины (*Дортмунда*) — Индрикъ, Чижикъ: тижи изъ Дрямь (*Бремена?*) — Альбряхъ Слукъ, Бернярь Велетерь, Алеберъ судья Рижскій: тоже суть Рижане. Аще который Русинъ или Нѣмчичь противится всхочеть сей правдѣ, да тотъ противенъ Богу и сей правдѣ.

Этотъ договоръ даеть столь много подробностей о торговыхъ отношеніяхъ между русскими и нѣмецкими купцами, что на немъ стоить остановиться.

Смоленская земля занимала весьма выгодное географическое положеніе по отношенію къ торговлѣ, ибо въ ней находились верховья трехъ самыхъ важныхъ и самыхъ большихъ рѣкъ Россіи: Днѣпра,

Двины и Волги, составлявшихъ въ тѣ времена единственно удобные пути для торговли внутренней и внѣшней. Смоленская земля изстари была посредницею въ торговлѣ между Новгородомъ и Кіевомъ, между Суздальскимъ и Прибалтійскимъ краями. Природа страны, благопріятная для торговаго движенія, повліяла и на образъ жизни ея населенія: почва Смоленской земли вообще скудна, жить однимъ земледѣліемъ тутъ трудновато, за то можно было жить торговлею и промысломъ и смольняне (вѣтвь кривичей) изстари славились промышленно-торговымъ духомъ и ихъ земля изстари славилась многочисленными городами и селами Главнымъ городомъ былъ *Смоленскъ*, расположенный на холмистомъ лѣвомъ берегу Днѣпра Когда былъ основанъ этотъ городъ — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ранѣе того времени, съ котораго начинается достовѣрная исторія нашего отечества; онъ изстари славился богатствомъ и великолѣпіемъ своихъ храмовъ, монастырей, княжихъ теремовъ и обиловалъ гостинными дворами и лавками, какъ туземныхъ, такъ иногородныхъ и ипоземныхъ кунцовъ. Изъ иноземныхъ купцовъ (гостей) преобладали гости скандинавскіе (варяжскіе), прибывавшіе сюда по великому греческому пути, и нѣмецкіе, приходившіе по пути западно-двинскому. Иноземные купцы имѣли въ Смоленскѣ не только свои дворы, но и свои католическіе храмы. Такъ въ 28 пунктѣ вышеприведеннаго договора упоминается о храмѣ „Нѣмецкой Богородицы“, какъ о существовавшемъ уже въ 1229 г., слѣд. появившемся въ Смоленскѣ ранѣе этого времени.

Когда именно начались торговыя сношенія смоленскихъ купцовъ съ нѣмецкими неизвѣстно, но договоръ показываетъ, что и смольняне хаживали на Готландъ и нѣмецкіе купцы появлялись въ Смоленскѣ гораздо ранѣе 1229 г., ибо въ торговыхъ сношеніяхъ уже выработались извѣстныя правила, существовавшія давно, а въ договорѣ такъ сказать лишь оформенныя и разъясненныя.

Поводомъ къ заключенію договора была ссора, возникшая изъ за чего-то между смоленскими и нѣмецкими купцами Рульфъ изъ Кашля и Тумашъ Михайловичъ (по всей вѣроятности нѣмецкіе купцы) ходатайствовали предъ княземъ объ устраненіи причинъ, вызывавшихъ ссоры и князь, вслѣдствіе ихъ ходатайства, послалъ въ Ригу своихъ мужей, священника Еремея, конечно, какъ человѣка грамотнаго и, быть можетъ, знавшаго нѣмецкій языкъ, и сотскаго Пантелея, какъ выборнаго чиновника, вѣдавшаго торговыя дѣла въ Смоленскѣ, ибо сотскіе въ старину вѣдали вообще торговое сословіе (см. Иловайскаго Ист. Россіи II, 171).

Названные священникъ и сотскій и были княжими уполномоченными для заключенія договора. По прибытіи въ Ригу, они начали вести переговоры съ рижскими властями. То были, какъ значится въ договорѣ: попъ Иванъ, мастеръ Фулкинъ, рижскіе мужи и другіе купцы Попъ Иванъ, по всей вѣроятности, есть препозитъ (каѳед-

ральный протоіерей) церкви Пресвятыя Маріи, Іоаннъ, заявившій этотъ постъ въ 1209 г. по смерти брата епископа, Энгельберта (см. выше стр. 141) Его и слѣдуетъ считать представителемъ Рижскаго капитула, управлявшаго за смертію Альберта ливонскими дѣлами (въ 1229 г., когда былъ заключаемъ договоръ, вопросъ о рижскомъ епископѣ еще рѣшенъ не былъ). Мастеръ Фулкинъ (въ 35 ст. договора названный Фолкунъ Мастеръ Божіихъ Дворянъ: такъ русскіе уполномоченные перевели слова magister fratrum militiae Christi) есть магистръ орденской братіи меченосцевъ Волквинъ Рижскіе мужи— это по всей вѣроятности ратманы (consules) рижскаго магистрата. Купцы Рижскаго царства упоминаются отдѣльно отъ рижскихъ мужей, но они и въ другихъ источникахъ всегда упоминаются отдѣльно отъ горожанъ (cives). Очевидно, что они начинали уже составлять отдѣльную корпорацію, пока еще не окончательно сформировавшуюся, ибо купеческая (большая) гильдія появляется въ Ригѣ позднѣе описываемаго времени (первые уставы гильдій въ Ригѣ относятся къ 1354 году). Присутствовали при заключеніи договора нѣмецкіе горожане и купцы изъ Готланда и изъ нѣкоторыхъ сѣверо-германскихъ городовъ: Любека, Минстера, Дортмунда и пр. Они подписались на договорѣ въ качествѣ свидѣтелей, такъ какъ и самый договоръ касался не однихъ рижскихъ, а вообще нѣмецкихъ купцовъ, да и строгаго различія между ними въ тѣ времена не было. При заключеніи договора присутствовалъ также и городской фохтъ (судья Рижскій) Алиберъ. Такимъ образомъ въ договорѣ, какъ и слѣдовало было ожидать, приняли участіе вся рижская старшина (seniores), представители епископскаго, орденскаго и городскаго управленій.

Прежде всего договаривавшіеся условились объ огражденіи правъ личности, условились сколько слѣдуетъ платить за убійство, пораненіе, увѣчья, побои. Первыя четыре статьи договора опредѣляютъ сколько пени платятъ виновные въ убійствахъ, насиліяхъ и обидахъ. Убійство вольнаго человѣка влекло за собою пеню въ десять разъ большую, чѣмъ убійство холопа, именно 10 гривенъ серебра за вольнаго и 1 гривну за холопа. Полагаютъ, что ходячую монету повсемѣстно въ Россіи въ тѣ времена составляла гривна кунъ, имѣвшая въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи разную форму, достоинство и вѣсъ, слѣд. разную цѣнность. Новгородская гривна кунъ вѣсила 48 золотниковъ серебра (полфунта); смоленская четверть фунта. Гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ (лапки), или 25 кунъ, или 50 рѣзаней (отрѣзки). За всякую обиду, нанесенную пону или священнику, платится вдвое.

Статья 5 договора объ арестѣ виновныхъ купцовъ указываетъ, что у нѣмцевъ употребляли сажаніе въ дыбу или колодку, если виновный не могъ представить за себя поруку, у русскихъ сажали въ тюрьму и заковывали въ кандалы.

Изъ 14 и 15-й статей договора узнаемъ порядокъ, сохранявшійся при перевозкѣ товаровъ волокомъ съ берега Двины въ Смоленскъ. Какъ скоро волоцкій тіунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиной и Днѣпромъ), то немедленно шлетъ приказъ волочанамъ (занимавшимися перевозкою товаровъ въ телѣгахъ), чтобъ они перевезли товаръ и берегли его отъ иноплеменныхъ т. е. отъ литвы. Литва очевидно не давала покоя ни Полоцкимъ, ни Смоленскимъ землямъ. Волочане отвѣчаютъ за пропажу товара. По прибытіи въ Смоленскъ, нѣмецкій гость долженъ дать княгинѣ поставъ полотна, а волоцкому тіуну готландскія перчатки. Давалъ-ли что кому русскій гость въ Ригѣ и Готландѣ — изъ договора не видно.

Изъ дальнѣйшихъ статей оказывается, что для взвѣшиванія товаровъ существовали особые вѣсовщики, получавшіе опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ; существовали и нормальные вѣсы, съ которыми должно было свѣрять гири, употребляемыя вѣсовщиками. Одинъ экземпляръ нормальнаго вѣса, капь (12 пудовъ), хранился въ православной церкви Богородицы на горѣ (это по всей вѣроятности Успенскій соборъ, построенный въ Смоленскѣ Владиміромъ Мономахомъ, въ которомъ находилась весьма чтимая русскимъ народомъ икона Богородицы Одигитріи — путеводительницы), другой въ католической церкви, построенной также во имя Богородицы.

Условились быть проѣзду по Двинѣ безпошлинному и свободному для купцовъ какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ; условились также, что заключенный договоръ имѣетъ силу не только въ Смоленской волости, но и въ Полоцкой и Витебской. Очевидно, что земли древняго Полоцкаго княженія къ 1229 г. уже состояли подъ вліяніемъ Смоленскаго князя, которому онѣ подпали, быть можетъ, скоро послѣ смерти князя Владиміра, послѣдовавшей въ 1216 г. (см. выше стр. 187).

Во всѣхъ статьяхъ договора проведена равноправность гостей нѣмецкихъ, торговавшихъ въ Смоленскѣ, и гостей русскихъ, торговавшихъ въ Ригѣ и на Готландѣ, и если нѣмецкіе гости имѣли право жить въ Смоленскѣ и имѣли здѣсь свою церковь, то нельзя сомнѣваться и въ томъ, что и русскіе купцы имѣли право проживать въ Ригѣ и Висби и имѣть свои церкви, но проживали-ли дѣйствительно и имѣли ли церкви первоначальные источники умалчиваютъ, но кажется, что и проживали, и церковь имѣли, потому что на это указываетъ документъ, хотя и позднѣйшаго времени, но не слишкомъ отдаленнаго отъ времени заключенія торговаго договора 1229 года. Мы уже упоминали о Рижской долговой книгѣ, изданной въ 1872 г. Гильдебрандомъ подъ заглавіемъ „Das Rigische Schuld-Buch“ и обнимающей время съ 1286 до 1352 г. Въ книгѣ этой не трудно отличить русскія прозванія и имена отъ прозваній и именъ нѣмецкихъ. Русскихъ фамилій въ книгѣ насчитывается до 80 (нѣмецкихъ 1150, литовскихъ, латышскихъ, ливскихъ не болѣе 70), изъ нихъ 7 чело-

вѣкъ отмѣчены рижскими домовладѣльцами, а другіе отмѣчены состоящими между собою въ родствѣ: отецъ и сынъ, дядя и племянникъ, тести, зятевья, девери, свояки и пр. Родственныя отношенія встрѣчаются съ восьмидесятыхъ годовъ XIII ст., надобно допустить, что эти родственныя отношенія образовались вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія лицъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, слѣд. съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что въ Ригѣ съ середины XIII ст., и быть можетъ, и съ самаго уже начала города, русскіе, по преимуществу купцы, были постоянными тутъ жителями. Нѣкоторые жили въ Ригѣ промысломъ. Такъ въ книгѣ находимъ имена скорняковъ Акима и Семена, баньщика Демаса (Демьяна должно быть), и эта же книга указываетъ, что русскіе купцы предпринимали лѣтнія и зимнія поѣздки въ Ригу. Весною по Двинѣ на стругахъ или ладьяхъ привозили мѣха, дичь, медъ; зимою доставляли ленъ и воскъ. Здѣсь они распродавали привезенные товары и забирали у нѣмецкихъ купцовъ ихъ товары — ткани, желѣзныя издѣлія, и увозили на продажу къ себѣ домой.

Съ теченіемъ времени число прибывающихъ въ Ригу русскихъ увеличилось, въ Ригѣ появляется и русскій конецъ, и православная церковь, но это произошло гораздо въ позднѣйшее время, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Нѣмецкіе купцы, отправляя товары вверхъ по Двинѣ въ земли Полоцкія и Смоленскія, отправляли иногда товары и сухимъ путемъ въ Псковъ и Новгородъ, гдѣ уже въ XII ст. существовала нѣмецкая торговая контора (дворъ, см. выше стр 48). Изъ разсказа Генриха въ гл. XI, § 7 объ отправленіи въ 1207 г. священника Алобранда къ чуди-унганійцамъ (см. выше стр. 134) видно, что нѣмецкіе купцы еще до основанія Риги отправляли товары изъ Икскуля въ Псковъ сухопутьемъ. Чудь-унганійцы, по наущенію ливовъ, ограбили купеческій караванъ, а это обстоятельство, какъ мы видѣли, подало поводъ Альберту распространить нѣмецкія завоеванія къ предѣламъ псковскихъ земель. Вирочемъ, о сухопутной торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ съ Псковомъ и Новгородомъ за время до соединенія орденовъ первоначальные источники умалчиваютъ, что и не удивительно: безпрерывныя войны, набѣги прерывали всякія торговыя сношенія Ливоніи съ Новгородскою Русью. Да и какая могла быть торговля Риги съ Псковомъ и Новгородомъ, когда безопасныхъ путей нигдѣ не было, когда купеческому каравану нельзя было и отважиться тронуться въ путь сухопутьемъ, не рискуя быть ограбленнымъ или чудью, или литовцами, или наконецъ псковичами.

Торговыя сношенія Ливоніи съ Россіею болѣе правильныя и опредѣленныя начались гораздо позднѣе послѣ соединенія орденовъ, о чемъ и будетъ сказано ниже.

V. Датская Эстонія.

Мы видѣли, когда и при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ появились датчане въ земляхъ нынѣшней Эстляндской губерніи (см. выше стр. 198 и слѣд.). Обстоятельства эти складывались такъ что земли эти должны бы были явиться въ рукахъ датскихъ господъ, за города въ рукахъ датскихъ купцовъ и горожанъ, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ не то: датское господство явилось болѣе номинальнымъ, чѣмъ фактическимъ, и настоящими властителями сѣверной Эстоніи сдѣлались все-таки не датчане, а земляки тѣхъ же сѣверо-германцевъ, которые покорили своей власти земли нынѣшнихъ Лифляндской и Эстляндской губерній.

Весною 1219 г. (см. выше стр. 203) король Вальдемаръ II съ датскимъ войскомъ высадился въ землѣ чуди ревельцевъ, тамъ гдѣ стоялъ ихъ приморскій городокъ Линданисса (нынѣшній Ревель). Войско его состояло, по свидѣтельству Генриха (см. гл. XXIII, § 2 его лѣтописи), изъ датчанъ, славянъ — вендовъ и *нѣмцевъ* (Teutonici) Король занималъ земли чуди-ревельцевъ, чуди-гарійцевъ и чуди-вироицевъ, прилегавшія къ Финскому заливу, порядочно населенныя (не менѣе 150000 чел.); жители, обитавшіе земли дальнія отъ моря, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, приморскіе же жили рыболовствомъ, но преимущественно морскими разбоями. Всѣ жители обитали въ деревняхъ обширныхъ и красивыхъ, какъ пишетъ Генрихъ въ гл. XV, § 7 своей лѣтописи. Въ главѣ каждой деревни стоялъ старшина; нѣсколько же деревень составляли округъ, килегунду (эстонцы и понынѣ кирхшпиль, церковный приходъ называютъ килегундою — Kihlakond, Kihhelkond, Kihhelkuul)

Король, какъ уже было разсказано (см. выше стр. 204), велѣлъ сломать чудскій городокъ и на его мѣсто построить замокъ, чтобы датчане имѣли здѣсь надлежащій опорный пунктъ при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ въ Эстоніи. Когда новозаложенный замокъ былъ отстроенъ на столько, что въ немъ можно было жить, король Вальдемаръ въ томъ же 1219 г. уѣхалъ обратно въ Данію, оставивъ въ замкѣ гарнизонъ, состоявшій изъ датчанъ и нѣмцевъ. Славянскій князь Венцеславъ со своею славянскою дружиною оставилъ также Эстонію. Заключаемъ это изъ того, что въ описаніяхъ послѣдовавшихъ за удаленіемъ короля войнъ и походовъ нигдѣ ни слова не упоминается о славянскихъ ратникахъ, и впослѣдствіи, когда эстонскія земли начали раздаваться во владѣніе вассаламъ, ни одной славянской фамиліи въ числѣ вассаловъ не было.

Большинство оставленнаго въ новозаложенномъ замкѣ (будущей Ревельской крѣпости) гарнизона (королевской дружины, viri regis) состояло изъ нѣмцевъ, а не изъ датчанъ (Генрихъ въ XXVI гл. § 11

своей лѣтописи, говоря о вылазкѣ, сдѣланной ревельскимъ гарнизономъ противъ осаждающихъ, на первомъ планѣ ставитъ нѣмцевъ, а не датчанъ). Датчане вообще крайне неохотно выселялись изъ своей земли и не желали оставаться среди враждебныхъ имъ народцевъ. Такъ въ 1206 г. (см. выше стр 122), когда король Вальдемаръ, сдѣлавъ высадку на Эзель, построилъ здѣсь замокъ, то никто изъ датчанъ и крестоносцевъ не захотѣлъ остаться въ этомъ замкѣ и король вынужденъ былъ сжечь новоотстроенный городокъ, чтобъ онъ не могъ достаться эзельцамъ.

Для удержанія въ покорности новокрещенныхъ эстонцевъ королю датскому ничего не оставалось дѣлать, какъ раздавать новопокоренныя земли въ ленное владѣніе своимъ мужамъ. „Король, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6715—6766 оной, хорошо одарилъ ихъ ленами, такъ что у кого есть имѣніе, тому хорошо живется, и они помогаютъ защищать страну . . . Они всѣ зовутся королевскими людьми и часто оказывали дѣйствительную помощь противъ язычниковъ. Ихъ начальникъ (houbtmann, heuhtmann) имѣетъ власть созывать войско.“ Но какъ большинство королевскихъ мужей были нѣмцы, то и большинство леновъ досталось нѣмцамъ-же. Нѣмцы явились главными землевладѣльцами, въ чемъ насъ убѣждаетъ и списокъ древнихъ ленныхъ владѣльцевъ, значущихся въ древней кадастровой книгѣ (liber census Daniae), составленной во время Вальдемара II и его ближайшихъ преемниковъ. Послѣдующія событія способствовали усиленію нѣмецкаго элемента въ Эстоніи. Мы уже прослѣдили эти событія въ предшествовавшей главѣ и видѣли, сколь много споровъ и столкновеній было между датчанами и нѣмцами изъ за власти и преобладанія въ Эстоніи. Датскіе королевскіе мужи сильно угнетали эстонцевъ, такъ что папскій легатъ Вильгельмъ въ 1225 г. принялъ Викъ подъ покровительство папы, за тѣмъ принялъ подъ покровительство и власть папы и другія эстонскія земли, такъ что въ рукахъ датскихъ королевскихъ мужей остался лишь Ревель да Ревельская земля. Въ январѣ 1226 г. легатъ побывалъ лично въ Ревелѣ и возвратилъ королевскимъ мужамъ Гаррію. Для управленія же эстонскими землями Викомъ, Ервепомъ и Виронією онъ назначилъ своего капелана, магистра Іоанна, который вмѣстѣ со викаріемъ, Гермодомъ, раздалъ много помѣстій въ названныхъ земляхъ въ ленное владѣніе нѣмцамъ конечно, съ цѣлію удержанія въ повиновеніи новокрещенныхъ (см. Бунге, Urkundenbuch, № 145). По прибытіи въ 1226 г. въ Висби, легатъ Вильгельмъ (см. выше стр. 244) выслалъ въ Ригу значительное число паломниковъ, нѣмцевъ-же, чтобъ они помогали Іоанну. Священникъ Іоаннъ не удержался, однако, въ ввѣренныхъ его управленію земляхъ. Въ 1227 г. онъ передалъ (см. Бунге, Urkundenbuch, № 117) управленіе этими землями епископамъ Рижскому и Дерптскому, ордену и городу Ригѣ и поручилъ ордену (см. Бунге, Urkundenbuch, № 147)

овладѣть Ревельскимъ замкомъ и удалить изъ него королевскихъ мужей.

Орденъ въ 1227 г., какъ мы уже видѣли, овладѣлъ Ервеномъ, Вироніею и Гарріею, и принудилъ гарнизонъ Ревельскаго замка очистить какъ замокъ, такъ и всю Ревельскую землю.

Власть датскаго короля съ 1227 г. прекратилась въ Эстоніи, а это обстоятельство, конечно, сильно способствовало усиленію нѣмецкаго элемента во всей Эстоніи.

Ревельскій замокъ былъ основанъ въ 1219 г., но когда именно подъ защитою этого замка образовался городъ Ревель неизвѣстно, — но во всякомъ случаѣ первые горожане были по преимуществу не датчане, а выходцы изъ сѣверной Германіи. Въ 1227 г. когда Ревельскій замокъ перешелъ во власть ордена, тутъ, по всей вѣроятности, уже жили и нѣмецкіе ремесленники и нѣмецкіе купцы. Въ слѣдующемъ году эти поселенцы уже принимаютъ и рижское городское устройство и рижскіе законы и, ко времени обратной сдачи Ревельскаго замка датчанамъ, Ревель уже именуется городомъ, а иринятіе рижскихъ законовъ свидѣтельствуетъ, что нѣмецкій элементъ въ немъ былъ преобладающимъ.

Къ 1238 г. кромѣ Ревеля едва-ли существовали какіе либо другіе города въ сѣверной части Эстоніи. Городъ Везенбергъ (у русскихъ Раковоръ, у эстонцевъ Ракверре) въ документахъ впервые упоминается въ 1252 г., а Нарва еще позднѣе, въ 1329 г.

Вообще время до соединенія орденовъ было временемъ, когда только что начали опредѣляться и выясняться отношенія между властителями страны и земское и городское устройство. Это было время основанія нѣмецкой колоніи въ Ливоніи, закладка, такъ сказать, будущаго зданія. Неудивительно потому, что неопредѣленность, неясность отношеній господствовали всюду. Но, однакоже, не трудно подмѣтить, что новое зданіе воздвигалось на фундаментѣ весьма непрочномъ, ни мало не обѣщавшемъ спокойнаго и здороваго развитія колоніи, какъ то и не замедлило обнаружиться чуть ли не съ первыхъ же годовъ существованія ея.

Земельные раздѣлы между енископомъ, орденомъ и городомъ Ригою обусловили соперничество между властями духовною и свѣтскою, между рижскимъ епископомъ и Ригою съ одной, и орденомъ съ другой стороны, и эти соперничество и вражда, сперва затаенныя, а потомъ и явныя, составили, какъ увидимъ, главное содержаніе всей послѣдующей исторіи внутренней жизни Ливоніи послѣ соединенія орденовъ. Чтобы ни говорили, но въ основу колоніи легло своекорыстіе и стремленіе къ стяжаніямъ, ничего больше. Колонисты,

сѣвшіе въ городахъ, не замедлили разбиться на корпораціи и цехи и совершенно выдѣлиться отъ колонистовъ — земцевъ, получившихъ въ свое распоряженіе земли внѣ городовъ. Городскіе корпораціи и цехи начали прилагать всякое стараніе, чтобы выгоды отъ городской торговли и промысловъ шли единственно въ пользу ихъ и не переходили людямъ, къ городскимъ корпораціямъ и цехамъ не принадлежащимъ, при чемъ вступленіе въ корпорацію или цехъ было затрудняемо всячески. Колонисты — земцы (вассалы) въ свою очередь стремились всячески, чтобъ подвластные имъ туземцы данями и обязательными безплатными работами обезпечивали имъ содержаніе и сытное кормленіе. Вассалы не замедлили составить изъ себя отдѣльныя корпораціи, стремившіяся всячески къ тому, чтобъ помѣстья не ускользали изъ ихъ родовъ. Орденъ въ свою очередь, чуть лишь иолучилъ земельный надѣлъ, началъ тяготиться своею зависимостью отъ духовной власти, освободиться отъ которой сдѣлалось главною его задачею.

Ливонскіе колонисты, разбившись на корпораціи, ни мало не заботились о созданіи изъ своей колоніи какаго либо прочнаго государственнаго цѣлаго. То была не монархія, ибо никакого государя не имѣла; колонисты, правда, признавали надъ собою верховное главенство папы, но признавали главенство и императора, тѣмъ не менѣе и папа и императоръ были номинальными, а вовсе не дѣйствительными властителями Ливоніи. Слишкомъ они были далеки отъ Ливоніи чтобы заставить орденъ или ливонскихъ епископовъ уважать и исполнять ихъ указы. Что было толку, что и папа, и императоръ запрещали и ордену, и епископамъ обращать новокрещенныхъ въ рабочую силу, что принимали подъ свою охрану этихъ новокрещенныхъ. Никто и не думалъ слушаться этихъ запрещеній и указовъ: новокрещенные, лучше сказать, зачисленные изъ язычниковъ въ католики ливы, латыши и эстонцы все-таки были обращены въ рабочую силу колонистовъ. Не была Ливонія и республикою, ибо никогда не имѣла народа, и какого либо народнаго представительства. То была страна, представлявшая собою конгломератъ корпорацій, знать не хотѣвшихъ никакой общей связи между собою, никакой общей, крѣпкой власти надъ страною. Этотъ конгломератъ носилъ въ самомъ себѣ источникъ раздѣльности силъ и средствъ и если продержался самостоятельно три съ половиною столѣтія, то продержался, единственно благодаря тому обстоятельству, что сосѣди его, Полоцкая и Новгородская Русь, также не имѣли никакой прочной и твердой власти у себя, сами расползались, такъ сказать, въ разныя стороны и расползлись бы непремѣнно, еслибы владѣніе Русью цѣлымъ родомъ не перешло въ единодержавіе.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему изложенію событій въ Ливоніи послѣ соединенія орденовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возрастающее могущество ордена до пріобрѣтенія датской Эстоніи.

1237—1347.

I. Войны ордена съ новгородцами при Александрѣ Невскомъ.

Отъѣздъ Германа Балка изъ Ливоніи. — Его смерть. — Смерть Германа Зальцы. — Выборъ ему преемника. — Нашествіе татаръ. — Князь Александръ Ярославичъ. — Невская побѣда. — Вторженіе нѣмцевъ въ новгородскія земли. — Взятіе Пскова. — Призывъ князя Александра. — Освобожденіе Пскова. — Ледовое побоище. — Замиреніе съ орденомъ.

(1237—1242).

Источники: Рифмованная Хроника.
1-я и 4-я Новгородскія лѣтописи.

Мы видѣли, что по настоянію папы Григорія IX легатъ Вильгельмъ Моденскій и Германъ Балкъ уступили требованіямъ короля Вальдемара II и Стенбійскимъ договоромъ (см. выше стр. 286) обязались возвратить датчанамъ ихъ завоеванія въ сѣверной Эстоніи, т. е. Ревель и Ревельскую землю, Гаррію, Ервенъ и Виронію, при чемъ король предоставилъ ордену Ервенъ съ условіемъ, что орденъ, безъ согласія датчанъ, не будетъ строить въ этой землѣ крѣпостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ король призналъ владѣніе Викомъ и островомъ Эзелемъ за орденомъ и заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ противъ язычниковъ, въ силу котораго изъ всѣхъ завоеваній, какія будутъ совершены датчанами совмѣстно съ орденомъ, датчане получатъ двѣ, а орденъ третью часть.

Ордену такимъ образомъ пришлось отдать датчанамъ сѣверную Эстонію, которую онъ уже считалъ своею полною собственностію и въ которой онъ являлся властителемъ, а не вассаломъ, какъ въ другихъ частяхъ Ливоніи. Естественно, что Стенбійскій договоръ не нравился орденской братіи (бывшимъ меченосцамъ) и они начали, пишетъ

Вартбергъ въ своей лѣтописи (см. Приб. Сборникъ II, 92), сильно сердиться на своего магистра, брата Германа Балка, за эту уступку. Неудовольствіе было до того сильное, что Балкъ выѣхалъ изъ Ливоніи въ Пруссію, оставивъ своимъ замѣстителемъ въ Ливоніи Дитриха Грюнингена, того самаго, котораго великій магистръ тевтонскаго ордена, Германъ Зальца, предполагалъ было назначить магистромъ въ Ливоніи, но въ виду его молодости назначилъ его помощникомъ Балку. Такъ разсказываетъ Вартбергъ, и его свидѣтельство гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ разсказъ Рифмованной Хроники, изложенный въ стихахъ 2065—2298. Авторъ Хроники пишетъ, будто Балкъ, послѣ заключенія Стенбійскаго договора и возвращенія въ Ливонію, слѣдов. лѣтомъ 1238 г., предпринялъ войну съ русскими и овладѣлъ Изборскомъ и Псковомъ. Но это не такъ: русскія лѣтописи, первая Новгородская и первая Псковская (см. П. С. Р. Л. Ш, стр. 53 и томъ IV, стр. 179) положительно свидѣтельствуютъ, что Изборскъ и Псковъ явились во власти нѣмцевъ не въ 1238 г., а въ 1240 г., слѣд. уже по смерти Балка.

Вообще источники не даютъ точнаго указанія времени, когда именно Балкъ оставилъ Ливонію. Сопоставивъ, однако, показаніе Вартберга съ тѣмъ, что сказано въ лѣтописи Петра Дусбурга о событіяхъ въ Пруссіи въ 1238 году, съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что причины, побудившія Балка покинуть Ливонію и сдать дѣла Грюнингену, были болѣе важныя, чѣмъ неудовольствіе рыцарей за Стенбійскій договоръ.

Извѣстно, что Германъ Балкъ былъ ландмейстеромъ тевтонскаго ордена въ Пруссіи. Оставляя лѣтомъ 1237 г. (см. выше стр. 285) свой постъ и отправляясь, по приказанію великаго магистра, въ Ливонію вмѣстѣ съ Теодорихомъ Грюнингеномъ и 60-ю рыцарями, Балкъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы орденское войско, послѣ покоренія Погезаніи, продолжало дальнѣйшее наступленіе къ востоку для овладѣнія землею пруссовъ Варміею. Весною 1238 г. въ то самое время, когда Балкъ и легатъ Вильгельмъ Моденскій рѣшились ѣхать изъ Риги на островъ Зеландію для личнаго свиданія и договора съ королемъ Вальдемаромъ II датскимъ, тевтонская орденская братія съ небольшимъ отрядомъ войска сдѣлали высадку въ Фришгафѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится деревня Балга, съ цѣлію выбрать мѣсто для закладки крѣпости, какъ опорнаго пункта дальнѣйшихъ завоеваній. Здѣсь рыцари нашли языческій городокъ столь сильно укрѣпленный, что овладѣть имъ штурмомъ признали дѣломъ для себя невозможнымъ, потому сѣли на корабли и сдѣлали высадку на другомъ мѣстѣ Фришгафа. Прусскіе язычники подстерегли высадившихся, сдѣлали внезапное нападеніе на нихъ и истребили ихъ до послѣдняго человѣка (см. лѣтопись Дусбурга III, гл. 18 и Оливскую хронику, стр. 23 и 24). Остававшіеся на корабляхъ люди поспѣшили отплыть обратно и сообщили

орденцамъ о неудачѣ, постигшей экспедицію. Орденъ, конечно, не замедлилъ бы загладить эту неудачу, если бы не вынужденъ былъ къ бездѣйствію въ виду крайне подозрительнаго поведенія Святополка князя Поморскаго, бывшаго доселѣ союзникомъ тевтонскаго ордена, а теперь являвшагося врагомъ ему. Извѣстія обо всемъ этомъ дошли до Балка и онъ рѣшился оставить Ливонію, съ тѣмъ чтобы лично руководить дѣлами ордена на берегахъ Вислы. Когда именно онъ прибылъ въ Пруссію источники умалчиваютъ, но указываютъ только, что въ 1238 г. онъ, передавъ начальство надъ орденскими войсками на берегахъ Вислы рыцарю Берливину (vicepreceptor domus Theutonice in Prusciа, какъ онъ названъ въ современныхъ актахъ), отправился въ Германію, чтобы лично видѣться съ великимъ магистромъ, Германомъ Зальцою, и просить его объ увольненіи за болѣзнею отъ дѣлъ и отъ должностей орденскаго ландмейстера и ливонскаго провинціальнаго магистра (см. лѣтопись Дусбурга II, гл. 22). Свиданіе, однако, не состоялось: Балкъ не перенесъ своей болѣзни и умеръ 5 марта 1239 года.

Въ это время папа Григорій IX и императоръ Фридрихъ II находились въ открытой враждѣ между собою изъ за италіанскихъ городовъ и Ломбардіи. Папа принялъ сторону ломбардцевъ, венеціанцевъ и генуэзцевъ, противъ которыхъ дѣйствовалъ императоръ. Германъ Зальца находился при императорѣ. Въ началѣ 1238 года Зальца, по желанію императора, отправился въ Германію, но тутъ сильно заболѣлъ, въ концѣ іюля возвратился въ Верону, гдѣ въ послѣдній уже разъ видѣлся съ императоромъ. Изъ Вероны онъ отправился лечиться въ Салерно, и тутъ въ вербное воскресенье, 20-го марта 1239 г., умеръ (онъ пережилъ Балка только двумя недѣлями и былъ похороненъ въ церкви орденскаго замка Барлетты). Въ этотъ самый день папа предалъ императора Фридриха II новому отлученію отъ церкви, объявивъ его врагомъ католической церкви и апостольскаго престола и даже противникомъ самой христіанской религіи. Фридрихъ II, какъ извѣстно, не остался въ долгу у папы и на отлученіе отъ церкви отвѣчалъ сильнѣйшими утѣсненіями Италіи, осыпая папу бранью. Оба представителя католической духовной и свѣтской власти въ Западной Европѣ начали безпощадно поносить другъ друга.

Какъ бы то ни было, но въ мартѣ 1239 г. тевтонскій орденъ лишился своего во всякомъ случаѣ замѣчательнаго великаго магистра, а ливонская отрасль ордена лишилась своего провинціальнаго магистра.

Пришлось такимъ образомъ избирать и назначить на оба эти поста новыхъ людей. На выборы, назначенные въ Венеціи, собрались орденскіе сановники; поѣхалъ на выборы изъ Риги и замѣститель провинціальнаго магистра Дитрихъ Грюнингенъ, ввѣривъ управленіе орденскими дѣлами въ Ливоніи и командованіе войсками рижскому командору Андрею Фельфенскому. Выборъ въ должность великаго

магистра палъ на младшаго сына ландграфа Тюрингенскаго Германа I, орденскаго брата Конрада Тюрингенскаго, который и вступилъ въ главное управленіе дѣлами тевтонскаго ордена. Дитрихъ Грюнингенъ остался, по прежнему, замѣстителемъ провинціальнаго магистра въ Ливоніи.

Первою и главнѣйшею задачею тевтонскаго ордена, какъ и ордена меченосцевъ, была борьба съ язычниками и невѣрными, и если напа согласился на соединеніе названныхъ орденовъ, то, конечно, согласился въ тѣхъ видахъ, что тевтонскій орденъ, прославившійся уже своими подвигами въ Палестинѣ и Европѣ, съумѣетъ быть достойнымъ представителемъ воинствующаго католичества въ Ливоніи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ русскихъ и литовскихъ. Папы въ особенности желали распространить свое вліяніе на Россію. Еще въ 1207 г Иннокентій III писалъ къ духовенству и мірянамъ въ Россіи о посылкѣ къ нимъ легата — ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput (дабы дочь была возвращена матери и членъ къ головѣ). Потомъ Григорій IX писалъ о томъ же къ великому князю Юрію Всеволодовичу (см. Historica Russiae Monumenta I, № III, XXXIII). Папа Гонорій III буллою отъ 16 ноября 1224 г. (см. Бунге Urkundenbuch, № 66) обращался ко всемъ вѣрнымъ въ Россіи, чтобъ они доставляли милостыни въ пользу ливонскихъ епископовъ. Тѣмъ не менѣе всѣ папскія обращенія къ русскимъ оставались безъ послѣдствій, оставались безъ послѣдствій также и папскія запрещенія вести торговлю съ русскими, какъ съ врагами католичества (такихъ буллъ было нѣсколько: Гонорія III отъ 13 іюня 1221 г., Григорія IX отъ 23 января и 16 февраля 1229 г.). Нѣмцы и безъ папскихъ настояній были непрочь отвоевать у русскихъ побольше земли, воспользоваться земельными пріобрѣтеніями на счетъ русскихъ. Имъ удалось, какъ мы уже видѣли, вытѣснить иолочанъ изъ ихъ подвинскихъ княжествъ, удалось вытѣснить новгородцевъ изъ эстонщины, почему же не дѣлать попытокъ и дальше, если обстоятельства складывались благопріятно для захватовъ. Мы видѣли, что орденская братія въ Одемпе въ 1233 г. приняла къ себѣ новгородскихъ изгнанниковъ (см. выше стр. 274), воспользовалась новгородскою смутою и овладѣла было Изборскомъ, но потерпѣла пораженіе. Князь Новгородскій Ярославъ въ 1234 г. (см. выше стр. 275) сдержалъ орденцевъ, разбилъ ихъ и заключилъ миръ „на всей правдѣ своей“.

Миръ былъ заключенъ, но скоро открылись такіе богатые виды на овладѣніе не только Изборскомъ, но и Псковомъ и даже всею Новгородскою Русью, что завоеватели сочли своимъ долгомъ пренебречь миромъ и броситься на захваты въ томъ, конечно, соображеніи, что благопріятныя обстоятельства не повторяются по желанію, что надобно пользоваться ими.

«Не хотя исперва окаянный, всенагубный дьяволъ роду человѣческому добра, воздвиже крамолу между русскими князи, да быша человѣцы не жили

мирно; о томъ бо ся злый радуетъ кровопролитію крестьянску» такъ пишетъ лѣтописецъ подъ 1235 годомъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 50). Крамола и кровопролитіе въ самомъ дѣлѣ воздвиглись въ южной Руси не малыя изъ за Галича и владѣнія Кіевомъ. Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ въ 1236 г. достался князю Новгородскому (Переяславско-Суздальскому) Ярославу Всеволодовичу, тому самому, который два года назадъ побѣдоносно воевалъ съ орденскою братіею. Онъ отправился въ Кіевъ, взявши съ собою нѣсколькихъ лучшихъ новгородцевъ и 100 человѣкъ новоторжцевъ, а въ Новгородѣ посадилъ своего сына Александра, съ 1228 г. (см. выше стр. 272) проживавшаго въ Новгородѣ и неоднократно занимавшаго здѣсь мѣсто своего отца во время отлучекъ его изъ Новгородской Руси.

Крамола и междоусобія кипѣли въ Галичѣ и Кіевѣ, а между тѣмъ съ востока надвигалась на Русь пѣлая туча хищниковъ: полумилліонная орда татаръ двигалась отъ верховьевъ Иртыша съ семьями, кибитками и стадами на западъ. Медленно перекочевывала эта громада народа съ мѣста на мѣсто, останавливаясь тамъ, гдѣ находила достаточныя пастбища для своихъ коней и скота, и наконецъ осенью 1236 г. эта громада — орда, предводимая Батыемъ, въ то самое время когда князь Ярославъ изъ Новгорода прибылъ въ Кіевъ, а меченосцы съ ополченіями крестоносцевъ потерпѣли сильное пораженіе въ Саульской землѣ (см. выше стр. 282) отъ литовцевъ, вступила въ Поволжскія степи. Черезъ годъ, именно зимою 1237 г., орда громаднымъ полукругомъ, охватила земли Рязанскаго княжества и предала ихъ свирѣпому опустошенію. 16 декабря 1237 г. татары обступили Рязань и на шестой день осады овладѣли этимъ городомъ. Отсюда все окрушающею облавою орда хищниковъ охватила Суздальскую землю.

Тутъ-то высказалась вся несостоятельность строя древней Руси, при которомъ сосредоточеніе и объединеніе народныхъ силъ являлось дѣломъ немыслимымъ и невозможнымъ. «Въ военномъ мужествѣ и боевой отвагѣ, говоритъ Иловайскій (см. Ист. Россіи II, 377) русскія дружины не уступали монголо-татарамъ, а тѣлесною силою несомнѣнно ихъ превосходили. Притомъ Русь безспорно была лучше вооружена; ея полное вооруженіе того времени мало чѣмъ отличалось отъ вооруженія нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго. Между сосѣдями она даже славилась своимъ боемъ. Такъ, по поводу похода Даніила Романовича на помощь Конраду Мазовецкому противъ Владислава Стараго, въ 1229 г. волынскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что Конрадъ «любилъ русскій бой» и полагался болѣе на русскую помощь, чѣмъ на своихъ ляховъ. Но составлявшія военное сословіе древней Руси княжія дружины были слишкомъ малочисленны для отпора напиравшимъ теперь съ востока новымъ врагамъ, а простой народъ вслучаѣ надобности набирался въ ополченіе прямо отъ плуга или отъ своихъ промысловъ, и хотя отличался стойкостію обычною всему русскому племени, но не имѣлъ большаго навыка владѣть оружіемъ или производить дружныя, быстрыя движенія. Можно, конечно, обвинять нашихъ старыхъ князей въ томъ, что они не поняли всей опасности и всѣхъ бѣдствій, грозившихъ тогда отъ новыхъ враговъ, и не соединили свои силы для дружнаго отпора. Но съ другой стороны не должно забывать, что тамъ, гдѣ предшествовалъ долгій періодъ всякаго рода разъединенія, соперничества и развитія областной особности, тамъ никакая человѣческая воля, никакой геній не могла совершить быстрое объединеніе и сосредоточеніе народныхъ силъ. Такое благо дается только долгими и постоянными усиліями цѣлыхъ поколѣній при обстоятельствахъ, пробуждающихъ въ народѣ сознаніе своего національнаго единства и стремленіе къ своему сосредоточенію. Древняя Русь сдѣлала то, что было въ ея средствахъ и способахъ.

Каждая земля, почти каждый значительный городъ мужественно встрѣчали варваровъ и отчаянно защищались, едва ли имѣя при томъ какую либо надежду побѣдить. Иначе не могло и быть. Велпкій историческій народъ не уступаетъ внѣшнему врагу безъ мужественнаго сопротивленія, хотя бы и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ».

Въ началѣ февраля 1238 г. главная татарская рать обступила стольный городъ Суздальской земли, Владиміръ, и 8 февраля взяла его штурмомъ и предала огню и истребленію. Въ теченіе февраля татары истребили 14 городовъ и множество слободъ и погостовъ, наконецъ 4 марта 1238 г. ударили на велико-княжеское войско, стоявшее на берегахъ рѣки Сити. Сѣча была жестокая, но большинство русскаго войска, набранное изъ непривычныхъ къ бою земледѣльцевъ и ремесленниковъ, скоро смѣшалось и побѣжало. Русскіе были разбиты на голову и самъ великій князь Юрій II Всеволодовичъ палъ въ бою. Въ то самое время когда одна часть татаръ (часть полукруга, облавы) двигалась на Сить, другая часть вступила въ новгородскіе предѣлы и осадила новгородскій пригородъ, Торжокъ. 5 марта 1238 г. Торжокъ былъ взятъ и опустошенъ до тла. Отсюда татары пошли Селигерскою дорогою на Новгородъ, опустошая страну на право и налѣво.

Не дойдя 100 верстъ до Новгорода, татары вдругъ повернули на югъ, неизвѣстно изъ боязни-ли быть застигнутыми распутицею, изъ опасенія-ли потерять всѣхъ своихъ степныхъ лошадей, непривычныхъ къ болотистымъ странамъ и корму, выросшему на влажной почвѣ, а быть можетъ потому, что тутъ сошлась облава и Батый за позднимъ временемъ счелъ неудобнымъ составлять новую. Онъ выступилъ изъ новгородскихъ предѣловъ, опустошилъ восточную часть Смоленской земли и область Вятичей и удалился въ степь для окончательнаго порабощенія половецкихъ ордъ, взявъ по дорогѣ Козельскъ, отчаянно оборонявшійся.

Къ веснѣ 1238 г., когда Германъ Балкъ съ папскимъ легатомъ Вильгельмомъ Моденскимъ отправились изъ Риги на островъ Зеландію для переговоровъ съ королемъ Вальдемаромъ II датскимъ о передачѣ ему сѣверной Эстоніи, вся сѣверо-восточная Русь была до тла разорена Батыемъ, города и поселки ея были выжжены и народу погибло безъ числа. Въ слѣдующемъ 1239 г. татары повоевали Мордовскую землю и Черниговъ, а зимою 1240 г. сила татарская «остолпила», по выраженію лѣтописца, Кіевъ, 6 декабря овладѣла матерью городовъ русскихъ и подвергла опустошенію южную Русь, землю Волынскую и Галицкую. Весною 1241 г. Батый перешелъ Карпаты, поразилъ венгерскаго короля, опустошилъ Венгрію, Силезію и Моравію, но дальше не пошелъ: въ іюлѣ 1242 г. собравъ свои отряды, обремененные несмѣтною добычею, онъ покинулъ Венгрію и чрезъ Болгарію и Валахію воротился въ южно-русскія степи, гдѣ было ни чѣмъ не сѣсняемое приволье кочевникамъ. Западная Европа спаслась отъ нашествія хищниковъ, но сосѣдняя со степями Русь, составлявшая Европейскую Украину, на цѣлыя два столѣтія подпала вліянію и власти татаръ, разоренная, ограбленная и обложенная тяжкою данью. Но какъ ни тяжки были дани, говоритъ Иловайскій (см. Ист. Россіи II, 411), наложенныя татарами на русскій народъ, какъ ни велики были униженія и поруганія, которымъ подвергались въ Ордѣ русскіе князья и бояре — все это можно назвать благомъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась бы Россія, если бы варвары сами поселились въ ней. заняли бы своими полчищами ея стольные города, и, устранивъ природныхъ властителей, взяли бы управленіе ею въ собственныя руки, подобно тому какъ поступили османскіе турки съ балканскими славянами. Къ счастію, по своей дикости, политической незрѣлости и по своей привычкѣ

къ стенному быту, золотоордынскіе ханы ограничились вассальными отношеніями и удовлетворяли своей жадности посредствомъ тяжкихъ даней. Пребывая пока въ грубомъ язычествѣ, они не отличались религіознымъ фанатизмомъ, не воздвигали гоненія на православную вѣру, и казнили только за непокорность. Оставляя неприкосновенными церковь и наслѣдственную княжескую власть, они дали возможность будущему возрожденію самобытности, надъ чѣмъ немедленно начали трудиться наиболѣе дальновидные и энергичные изъ русскихъ князей. Во главѣ ихъ является нашъ національный герой Александръ Невскій.

Александръ Ярославичъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ Сѣверной Руси, въ которыхъ наиболѣе отразились основныя черты великорусской народности: практическій умъ, твердость воли и гибкость характера или умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами. Большую часть своей юности онъ провелъ въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ подъ руководствомъ суздальскихъ бояръ заступалъ мѣсто своего отца Ярослава Всеволодовича, и съ 1236 г., когда Ярославъ получилъ Кіевскій столъ, Александръ остался самостоятельнымъ новгородскимъ княземъ. Эти годы, проведенные въ Великомъ Новгородѣ, безспорно, имѣли большое вліяніе на развитіе его ума и характера. Дѣятельная кипучая жизнь торговаго города, постоянное присутствіе западныхъ туземцевъ и почти непрерывная борьба вѣча съ княжескою властію конечно производили на него глубокое впечатлѣніе и не мало способствовали развитію той выдержанности характера и той гибкости, соединенной съ твердою волею, которыми отличается вся его послѣдующая дѣятельность. Внутреннимъ качествамъ соотвѣтствовала и самая наружность Александра, красивая и величественная.

Новгородская Русь, за исключеніемъ юго-восточной части ея, въ 1238 г. не подверглась нашествію татаръ, гроза съ востока миновала ее, но за то поднялась другая съ запада, не менѣе опасная и разрушительная: западные сосѣди ея, шведы, нѣмцы съ датчанами и литва, чуть лишь провѣдали о разгромѣ Сѣверо-восточной Руси, какъ съ разныхъ сторонъ устремились на новгородскія земли для грабежа, разоренія и захватовъ въ ней. Счастье новгородцевъ, что они имѣли у себя въ то тяжелое время княземъ Александра Ярославича, который „ублюде ихъ и защити отъ иноплеменникъ“, счастье и то, что католики дѣйствовали безъ всякаго единства, а „поганыхъ“ т. е. литву они считали и своими врагами.

Наступленіе на Новгородскую Русь открыли шведы. Мы уже видѣли (см. выше стр. 54), что шведы совершили первый миссіонерскій походъ въ нынѣшнюю Финляндію въ 1156 г., начали съ того времени распространять католичество, но съ тѣмъ вмѣстѣ простерли свои виды на овладѣніе древнимъ новгородскимъ городомъ Ладогою. Но овладѣть Ладогою имъ все таки не удавалось: новгородцы отбивали шведскія покушенія и въ свою очередь вторгались въ Финляндію, мѣшая утвержденію здѣсь католичества. Шведы, однако, находились вовсе не въ такомъ иоложеніи, чтобы предпринять что-либо рѣшительное противъ Новгорода и мы уже видѣли, какъ неудачна была ихъ попытка утвердиться въ 1220 году въ Эстоніи (см. выше стр. 215).

Къ 1222 г. борьба въ Швеціи между готскимъ и шведскимъ владѣтельными домами кончилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ ярла. Могущественный представитель этой фамиліи, Биргеръ, подстрекаемый папскими поселеніями, рѣшился сдѣлать весною 1240 г., послѣ открытія судоходства, крестовый походъ на Новгородскую Русь съ прямою уже цѣлію завоевать Невское побережье, овладѣть Ладогою и такимъ образомъ захватить въ свои руки главный путь новгородской торговли съ сѣверо-западными европейскими державами. Моментъ для нападенія былъ выбранъ не неудачно: новгородцы не могли получить никакой помощи отъ князя Владимірскаго Ярослава (отца Александра, послѣ разгрома Суздальскаго княженія въ 1238 г. и убіенія князя Юрія II занявшаго Владимірскій столъ), ибо его княженіе, разоренное татарами, оскудѣло людьми, не могли скоро собрать рать изъ пригородовъ и волостей новгородскихъ, но, однакоже, расчеты шведовъ не оправдались. Когда шведское ополченіе крестоносцевъ, состоявшее, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 52 и четвертую, стр. 35 въ П. С. Р. Л. Ш и IV) изъ шведовъ, норвежцевъ (мурманъ) и финскихъ народцевъ, суми и еми, съ „пискупы своими“, прибыло въ Неву и стало въ устьяхъ Ижоры съ тѣмъ чтобы отсюда идти добывать Ладогу, князь Александръ Ярославичъ, чуть лишь получилъ вѣсть о появленіи крестоносцевъ въ Невѣ, рѣшился предупредить нападеніе и атаковать католиковъ, не дозволивъ имъ двигаться впередъ и усилиться толпами финновъ. Все дѣло состояло въ быстротѣ, рѣшительности и внезапности атаки. Новгородскій князь блистательно исполнилъ свою задачу: съ собственною дружиною и ладожанами 15 іюля 1240 г. онъ ударилъ на крестоносцевъ съ такою внезапностію и стремительностію, что, не давъ имъ опомниться, поразилъ ихъ на голову. „Бысть сѣча велика надъ римляны (католиками), говоритъ новгородскій лѣтописецъ (см. четвертую Новгородскую лѣтопись стр. 35), изби (князь Александръ) множество безчисленно ихъ, а самому королеви Бергелю (Биргеру) возложи печать на лицо острымъ своимъ копіемъ“. Крестоносцы бѣжали на свои корабли (шнеки) и въ слѣдующую же ночь ушли въ море, бросивъ свои замыслы на захваты въ Новгородской землѣ. По сказанію новгородскихъ лѣтописей, потери, понесенныя новгородцами и ладожанами въ бою съ крестоносцами, были очень не велики, не превосходя 20 человѣкъ убитыми. Невская побѣда прославила молодаго князя Александра (ему въ то время шелъ всего 21 годъ отъ роду), и доставила ему почетное прозваніе „Невскаго“. Какое сильное впечатлѣніе произвела на современниковъ Невская побѣда указываетъ сложившаяся тогда же легенда о явленіи нредъ битвою св. Бориса и Глѣба нѣкоему Пелгусію (въ крещеніи Филиппу), старшинѣ Ижорской земли. Праведный Пелгусій

сподобился видѣнія: однажды при восходѣ солнечномъ слышитъ онъ сильный шумъ на морѣ, видитъ — гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насада стоятъ св. мученики, князья Борисъ и Глѣбъ, въ нурпурныхъ одеждахъ и слышитъ онъ, что Борисъ говорилъ Глѣбу „Брате Глѣбе! Вели грести, да поможемъ сроднику своему Александру“.

Шведы были отбиты безъ большаго труда, но не такъ легко было совладать съ ливонскими завоевателями, вслѣдствіе соединенія орденовъ значительно усилившимися.

Мы видѣли, что новгородскій князь Ярославъ въ 1234 г. принудилъ меченосцевъ заключить миръ на всей правдѣ своей. Рыцари, конечно, не могли забыть своего пораженія и искали только случая, чтобы сдѣлать новую попытку на захватъ псковскихъ земель. Князь Александръ видѣлъ опасность со стороны Ливоніи и еще въ 1239 г. (въ этомъ году онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя Брячислава и игровалъ свою свадьбу сперва въ Торопцѣ, гдѣ вѣнчался, а потомъ въ Новгородѣ — „кашу вари“, какъ сказано въ лѣтописи), построилъ укрѣпленія на Шелони для безопасности новгородскихъ земель отъ нѣмецкихъ вторженій. Предосторожность была нелишнею: Дерптскій епископъ Германъ давно уже простиралъ свои виды на Водьскую землю, лежавшую за рѣкою Наровою и принадлежавшую новгородцамъ. Еще въ 1233 г., когда о татарахъ не было еще и слуха, римскій король Генрихъ VII (см. Бунге, Urkundenbuch, № 129) побуждалъ любекскихъ и всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Ливоніи и на Готландѣ поддерживать дерптскаго епископа противъ язычниковъ и всѣхъ противниковъ его (т. е. русскихъ). Весьма возможно, что изъ за стремленій дерптскаго епископа обратить вожанъ въ католичество возникали споры между имъ и новгородцами, споры, обострявшіеся болѣе и болѣе. „Въ это время (послѣ Стенбійскаго договора, когда датчане уже вступили во владѣніе Ревелемъ и сѣверною Эстоніею) дерптскій епископъ Германъ, началъ, говорится въ 2069—2131 стихахъ Рифмованной Хроники, спорить съ русскими, которые, какъ и прежде, желали возстать (ufstrasen) противъ христіанства (т. е. католиковъ). Ихъ непреклонное упрямство много причиняло горя епископу, ибо они наносили ему многій вредъ. Долго терпѣвъ, онъ попросилъ наконецъ помощи у орденской братіи. Магистръ тотчасъ же пришелъ къ нему, приведя съ собою много доблестныхъ героевъ, храбрыхъ и отборныхъ людей, а также и датскіе королевскіе люди пришли съ хорошимъ войскомъ Радъ былъ тому епископъ Германъ, а войско со смѣлымъ одушевленіемъ (vrolichen) вступило въ русскую землю“.

Вступило орденское ополченіе смѣло, потому что все обѣщало имъ легкій успѣхъ.

Русскій измѣнникъ, князь Ярославъ Владиміровичъ пошелъ по слѣдамъ своего отца князя Владиміра Псковскаго, который такъ сошелся съ нѣмцами и былъ судьею въ Ливоніи. Мы видѣли, что въ

1233 г. онъ съ одемпескими рыцарями овладѣлъ было Изборскомъ (см. выше стр. 274), попался въ плѣнъ, былъ отосланъ въ Переяславль, но какими-то судьбами освободился и явился опять среди нѣмцевъ, въ томъ же Одемпе, гдѣ находилась его супруга, Евпраксія. Онъ началъ побуждать рыцарей сдѣлать новую попытку на Изборскъ и на самый Псковъ, гдѣ кипѣли внутреннія неурядицы и распри гдѣ Твердило, Иванковичъ (кажется нотомокъ извѣстнаго новгородскаго посадника Мирошки Нездилича) захватилъ себѣ посадничество и свирѣпствовалъ противъ своихъ соперниковъ, такъ что многіе изъ псковичей со своими семьями бѣжали въ Новгородъ. Этотъ Твердило былъ, по видимому, готовъ на все, чтобъ удержать за собою власть, готовъ былъ даже впустить нѣмцевъ въ Псковъ, чтобъ они помогали ему, и новгородскій лѣтописецъ прямо говоритъ, что онъ навелъ нѣмцевъ на Псковъ.

Орденская братія не преминула воспользоваться обстоятельствами и въ самый годъ Невской побѣды, въ 1240 г. открыла наступленіе на Псковскую землю. Нѣмцы, медвѣжане, юрьевцы, вельядцы съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, по словамъ первой Новгородской лѣтописи (стр. 53), и датскими королевскими мужами, по словамъ Рифмованной Хроники, пришедшими на помощь орденцамъ, согласно Стенбійскаго договора, по которому нѣмцы съ датчанами должны были дѣйствовать сообща и завоеванныя земли дѣлить на три части (датчанамъ двѣ, а нѣмцамъ одну), стали подъ Изборскомъ и осадили этотъ псковскій пригородъ. Осада была удачная, Изборскъ былъ взятъ. „И пришла вѣсть, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, что нѣмцы взяли Изборскъ и вышли псковичи всѣ на бой“. Ими предводительствовалъ воевода Гаврила Гориславичъ. Рифмованная Хроника и Рюссовъ называютъ его Герпольтомъ (См. Приб. Сб. II, 196). Быстро псковичи шли впередъ, говорится въ 2105 ст. Рифмованной Хроники, въ боевой одеждѣ свѣтлаго цвѣта, ихъ шлемы блесѣтли какъ стекло и много стрѣлковъ было у нихъ. Русскіе смѣло кинулись подъ Изборскомъ на нѣмецкое войско, датскихъ королевскихъ людей и на дружину дерптскаго епископа, который самъ участвовалъ въ бою и велъ себя какъ герой (als ein helt, пишетъ авторъ Хроники), но были не только отбиты, но и понесли сильное пораженіе. Воевода Гаврила Гориславичъ палъ въ сраженіи и число убитыхъ псковичей простиралось до 800 человѣкъ. Оставшіеся въ живыхъ обратились въ бѣгство. Они, говорится въ Рифмованной Хроникѣ, сильно погоняли своихъ лошадей плетьми и шпорами (mit geiseln und mit sporn) и считали себя погибшими. Дорога казалось имъ черезъ чуръ далекою, лѣсъ оглашался ихъ жалобными криками, они всѣ торопились въ свою землю (въ Псковъ).

Рыцари преслѣдовали псковичей. „Гоняче много побиша, а иныхъ руками изъимаша“, говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Перейдя чрезъ рѣку Великую (Mode по Рифмованной Хроникѣ), орденское войско

разбило палатки предъ самымъ Псковомъ, въ полѣ, и епископъ и королевскіе люди расположились также тамъ. Многіе рыцари и кнехты, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, заслужили тамъ себѣ лены. Чѣмъ именно заслужили объясняетъ первая Новгородская лѣтопись (см. стр. 53): пригнавши псковичей подъ городъ, нѣмцы, говоритъ лѣтописецъ, зажгли посадъ весь, и много зла было, и погорѣли церкви и честныя иконы, и книги, и евангелія, и много селъ попустили (истребили) около Пскова.

Орденское войско цѣлую недѣлю стояло подъ Псковомъ и наконецъ приготовилось къ штурму. Обезсиленные пораженіемъ подъ Изборскомъ, псковичи вступили въ переговоры съ орденскимъ войскомъ. По словамъ Рифмованной Хроники (стихи 2132—2176), переговоры кончились тѣмъ, что псковскій князь Герпольтъ (Gerpolt, der in konic hies) добровольно предоставилъ во владѣніе нѣмецкихъ орденскихъ братьевъ псковскій замокъ и псковскую землю (burge т. е. кремль und gute lant). Штурма никакаго уже не было, орденское войско вышло изъ псковскихъ предѣловъ, для охраны же страны въ Псковѣ остались двое орденскихъ братьевъ съ небольшимъ отрядомъ нѣмцевъ.

Такъ разсказываетъ Рифмованная Хроника, но въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. Ш, 53) дѣло разсказано нѣсколько иначе: „Нѣмцы, говоритъ лѣтописецъ, города не взяша, но дѣти поимаша у добрыхъ мужъ въ тали (заложниками), и отъидоша прочь; и тако быша безъ мира, бяху бо перевѣтъ держаче съ нѣмцы псковичи, и подвели ихъ Твердило Иванковичъ съ иными, и самъ ноча владѣти Псковомъ съ нѣмцами, воюя села новгородскія, а иные псковичи вбѣжаша въ Новгородъ съ женами и съ дѣтьми“.

Изъ сопоставленія обоихъ этихъ источниковъ имѣемъ право заключить, что переговоры о сдачѣ Пскова велъ не воевода Гаврила Гориславичъ, ибо онъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Изборскомъ, а скорѣе Твердило Иванковичъ. Онъ сдалъ Псковъ и псковскую, землю во власть ордена съ условіемъ владѣнія городомъ совмѣстно съ орденскими братьями. Нѣмцы, по своему обычаю, какъ то всегда дѣлали въ Ливоніи, въ обезпеченіе договора взяли заложниками дѣтей изъ лучшихъ семействъ и отошли отъ города съ тѣмъ, чтобъ распространить свои завоеванія далѣе въ нынѣшней Петербургской губерніи, на земли принадлежавшія Новгороду. Зимою 1240 г., какъ свидѣтельствуетъ первая Новгородская лѣтопись (стр. 53) орденское войско съ чудью пошло на Водь (Водскую пятину), завоевало и обложило вожанъ данью, за тѣмъ въ Копорьи погостѣ заложило крѣпость для удержанія въ повиновеніи вожанъ; по берегамъ Луги обобрало лошадей и скотъ; по селамъ нельзя было земли пахать, да и не чѣмъ; по дорогамъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода орденское войско било и грабило кунцовъ. Къ довершенію бѣдствій литовцы усилили свои набѣги на Новгородскія земли, истребляя все встрѣчное.

Но гдѣ же былъ князь Александръ, какъ могло случиться, что и орденъ, и литва не встрѣчали себѣ серьезнаго сопротивленія? Дѣло въ томъ, что новгородцы сидѣли въ это время безъ князя, не имѣли слѣд. предводителя войскомъ. Послѣ Невской побѣды они разсорились съ княземъ Александромъ Ярославичемъ, стремившимся по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ ограничить власть вѣча, какъ источникъ всякихъ внутреннихъ неурядицъ и усилить власть князя, совершенно правильно видя въ томъ единственное средство отбиться отъ опаснаго врага съ запада — ливонскихъ рыцарей и сдержать разбойничьи набѣги литвы. Разсорившись съ вѣчемъ, князь Александръ въ 1240 г. уѣхалъ въ Владиміръ къ отцу своему, великому князю Ярославу Всеволодовичу, и покинулъ новгородцевъ на пронзволъ судьбы.

Доведенные до крайности разореніями, причиняемыми въ Водской пятинѣ орденомъ, а съ юга литвою, новгородцы, вѣроятно, въ концѣ 1240 г. послали къ Ярославу просить себѣ князя; тотъ далъ имъ другаго своего сына, Андрея; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ не Андрей, а искусный и мужественный воинъ, какимъ былъ Александръ. Тогда новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, „сдумавше“, послали вновь къ Ярославу но уже своего владыку, архіепископа Спиридона, съ мужи (боярами) просить дать Александра. Ярославъ исполнилъ просьбу, далъ новгородцамъ князя Александра, но, вѣроятно, уже не на всей волѣ новгородской (впослѣдствіи новгородцы жаловались на самовластіе Александрово и жалобы свои выразили въ договорахъ съ братомъ Александровымъ). Александръ прибылъ въ Новгородъ въ 1241 г. и рады были новгородцы, пишетъ лѣтописецъ. Радость была вполнѣ основательною потому, что князь Александръ ловко и быстро исправилъ дѣла. Со своею дружиною, новгородцами и ладожанами, съ корѣлою и ижорянами, онъ немедленно по прибытіи пошелъ на нѣмцевъ къ Копорью, въ томъ же 1241 году овладѣлъ этою крѣпостцею, перевѣшалъ измѣнниковъ вожанъ и чудь, и взялъ въ плѣнъ нѣмецкій гарнизонъ, часть котораго отпустилъ на волю, а другую привелъ въ Новгородъ. Водская пятина была очищена отъ нѣмцевъ, но освободить Псковъ нельзя было такъ скоро: военныя силы Александровы были слишкомъ слабы, чтобы совладать съ нѣмецкою дружиною, засѣвшею въ этомъ городѣ. Пришлось звать на помощь рать низовую, которая и прибыла подъ начальствомъ брата Александрова, князя Андрея Ярославича, но уже въ 1242 году. Съ этимъ низовымъ войскомъ и новгородцами Александръ выступилъ къ Пскову и взялъ его штурмомъ въ томъ же 1242 г., при чемъ было убито, какъ пишетъ Рюссовъ (см. Приб. Сб. II, 197), орденскихъ братьевъ 70 человѣкъ и много нѣмцевъ, а шесть братьевъ были взяты въ плѣнъ и замучены до смерти.

Неизвѣстно откуда Рюссовъ заимствовалъ свѣдѣніе о числѣ убитыхъ; въ первой Новгородской лѣтописи сказано только, что князь

Александръ, занявъ всѣ дороги къ Пскову, взялъ городъ, а находившихся тамъ нѣмцевъ и чудь, сковавъ, отправилъ въ Новгородъ. Въ Рифмованной же Хроникѣ (стихи 2177—2203) сказано: „Когда король новгородскій узналъ о взятіи нѣмцами Пскова, то поднялся съ большою силою на освобожденіе Пскова, къ радости псковичей. Найдя въ Псковѣ нѣмцевъ, онъ свергнулъ двухъ орденскихъ братьевъ, отнявъ у нихъ фохтейство (vogetie, судейство какъ принадлежность властительства) и изгналъ всѣхъ ихъ кнехтовъ, такъ что ни одного нѣмца тутъ не осталось и страна отошла къ русскимъ. Такъ пострадала тутъ орденская братья, а будь Псковъ лучше охраняемъ, служилъ бы онъ христіанству (т. е. католичеству) до скончанія міра. Но тутъ была ошибка со стороны ордена. Кто покоряетъ страну, да недостаточно занимаетъ ее войскомъ, тотъ самъ долженъ приписать себѣ вину, коли его постигнетъ несчастье. Король новгородскій (konic von nogarden) возвратился въ свою землю“.

Какъ бы то ни было, но Псковъ былъ отобранъ у нѣмцевъ; князь Александръ Ярославичъ въ Новгородъ не возвращался, и не теряя времени самъ вступилъ въ землю Дерптскаго епископства, нустивъ все свое войско въ зажитье (сказано въ первой Новгородской лѣтописи). Однимъ отрядомъ, вѣроятно передовымъ, начальствовалъ Домашъ Твердиславичъ (братъ посадника) и Кербетъ; отрядъ этотъ нѣмцы и чудь встрѣтили у какаго-то моста и разбили на голову; Домашъ былъ убитъ, многіе попали въ плѣнъ, а иные прибѣжали къ Александру съ вѣстью о пораженіи. Князь съ войскомъ отступилъ къ чудскому озеру и сталъ на урочищѣ Узмени, у Воронея камени, сказано въ лѣтописи, на льду, который былъ еще крѣпокъ, хотя и было уже 5 апрѣля. На солнечномъ восходѣ нѣмцы и чудь, построившись своимъ обычнымъ военнымъ строемъ, клиномъ (свиньею, какъ называли на Руси такой боевой порядокъ), ударили на русскихъ и прорвали ихъ линію. Русскіе, однако, не смутились этимъ, и вступили въ рукопашный бой съ нѣмецкимъ войскомъ. „И была тутъ, пишетъ лѣтописецъ, сѣча великая. Богъ же молитвами святыя Софіи и мучениковъ Бориса и Глѣба пособи князю Александру: нѣмцы тутъ падоша, а чудь дала плещи, и русскіе гнали ихъ на 7 верстъ по льду до Собелицкаго берега. И пало чуди безъ числа, а нѣмецъ 400, и 50 руками яша (взяты въ плѣнъ).“

Это сраженіе, происходившее 5 апрѣля 1242 году, въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстно подъ именемъ Ледоваго побоища. Въ Рифмованной Хроникѣ, въ стихахъ 2204—2280 упоминается объ этомъ сраженіи, и, между прочимъ, разсказывается, что въ русскомъ войскѣ, предводимомъ суздальскимъ королемъ Александромъ, было множество стрѣлковъ, красивые нанцыри, богатыя знамена и шлемы ихъ блестѣли на солнцѣ. Когда русскіе вошли въ орденскую землю, то орденская братья вышла на отраженіе ихъ, но въ неболь-

шомъ числѣ. Дерптскій епископъ, услышавъ о вторженіи короля Александра и объ учиненныхъ имъ грабежахъ и пожарахъ, послалъ своихъ мужей (епископскую дружину) на помощь орденской братіи. Епископская дружина была малочисленная, да и войско орденскихъ братьевъ было также чрезъ-чуръ малое. Тѣмъ не менѣе нѣмецкое войско ударило на русскихъ, съ обѣихъ сторонъ убитые падали на траву, но орденское войско было окружено русскими, 60 человѣкъ русскихъ приходилось на одного нѣмца. Орденская братья сражалась достаточно, но была перебита. Часть дерптскихъ спаслась бѣгствомъ, братіи же было убито 20 человѣкъ и 6 взято въ плѣнъ. Король, довольный побѣдою, возвратился въ свою землю.

Князь Александръ Ярославичъ дѣйствительно послѣ Ледоваго побоища возвратился въ русскіе предѣлы и торжественно вступилъ въ Псковъ. Весь Псковъ, игумены и священники съ крестами, вышли на встрѣчу князю; плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ. „О псковичи! говоритъ авторъ сказанія о великомъ князѣ Александрѣ, если забудете это и отступите отъ рода великаго князя Александра Ярославича, то похожи будете на жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ благодѣянія Его; если кто изъ самыхъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ нріѣдетъ въ печали жить къ вамъ въ Псковъ, и не примете его, но погоните, то назоветесь вторые жиды.“

Псковъ былъ освобожденъ, а Ледовое побоище разрушило надежды ливонскихъ завоевателей утвердиться въ новгородскихъ земляхъ. Разрушились надежды и папы и дерптскаго епископа распространить католичество въ Водской пятинѣ, мелькнувшія было въ 1239 г. когда какой-то знатный датскій вассалъ Тидеманъ (Дитрихъ) Кивель, помѣстья котораго находилось близь нынѣшней Нарвы и рижскій вассалъ Оттонъ Люнебургскій донесли папѣ, что язычники, обитавшіе по правую сторону рѣки Нарвы, готовы принять католичество. Папа Григорій IX незамедлилъ писать архіепископу лундскому 17 декабря 1240 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 167), чтобъ онъ побуждалъ вѣрующихъ идти войною на язычниковъ. Около того же времени и орденъ, послѣ закладки Копорья и обложенія данью вожанъ, просилъ паиу, чтобъ онъ расширилъ юрисдикцію эзельскаго епископа на занарвскую сторону, т. е. чтобы эзельскій епископъ былъ епископомъ и Водской пятины. Папа, по всей вѣроятности, согласился на такое ходатайство, потому что 13 апрѣля 1241 г. орденская братія распространила юрисдикцію эзельскаго епископа Генриха на Водь (Ватландъ), Ноуве (приневскія земли), Ингрію и Карелію, занятыя уже рыцарями Тидеманомъ и Оттономъ. Епископъ по этому договору долженъ былъ отправлять въ этихъ земляхъ духовныя обязанности за что и получать десятину отъ десятинъ всѣхъ доходовъ (исключая мѣховъ), орденская же братья, въ виду того, что ей придется нести

трудъ и опасности покоренія язычниковъ, получаютъ всѣ прочія выгоды (emolumenta), право патронатсва, рыбную ловлю, судъ и пр. и пр. Однимъ словомъ орденъ распоряжался такъ, будто новгородскія земли составили уже ихъ неотъемную собственность.

Александръ Ярославичъ, вытѣснивъ орденскую братію изъ новгородскихъ земель и овладѣвъ Псковомъ, удовольствовался этимъ успѣхомъ и поспѣшилъ уѣхать въ Владиміръ проститься съ отцомъ, отправлявшимся къ Батыю Орденская братія также не пыталась возвратить потерянное. Лѣтомъ 1242 г., уже послѣ отъѣзда князя Александра, орденцы прислали въ Новгородъ пословъ съ поклономъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 54): „Что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу, мечомъ, то ся всего отступаемъ; а что есмы изымали мужей вашихъ (плѣнныхъ), а тѣми ся розмѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите“. Новгородцы согласились на эти условія: размѣнялись плѣнными и получили обратно псковскихъ заложниковъ. „Таль псковскую нѣмцы пустиша и замиришася“, пишетъ лѣтописецъ. Былъ-ли договоръ заключенъ писменно — неизвѣстно, но по всей вѣроятности договоръ этотъ установилъ приблизительно тѣ границы между ливонскими землями и Новгородскою Русью, которыя оставались и въ послѣдующія вѣка и которые отдѣляютъ и нынѣ предѣлы Псковской и Петербургской губерній отъ губерній Лифляндской и Эстляндской*).

Отбивъ шведовъ и тевтонскій орденъ, князь Александръ Ярославичъ отбилъ охоту и у литвы нападать на Русь Въ 1245 году литва проникла въ самую глубь новгородскихъ земель до Бѣжецка и Торжка и овладѣла Торопцемъ. Александръ ударилъ на грабителей, отбилъ у нихъ полонъ, истребилъ восьмерыхъ литовскихъ князей съ ихъ дружинами и, преслѣдуя хищниковъ въ Смоленской и Полоцкой земляхъ, разбилъ ихъ еще два раза, подъ Жижичемъ и Усвятомъ.

Такимъ образомъ всѣ три западные враги — шведы, нѣмцы и литва были отражены отъ предѣловъ Новгородской Руси. Орденъ самъ предложилъ новгородцамъ помириться, и новгородцы приняли предложеніе, потому что и тѣмъ и другимъ миръ былъ одинаково нуженъ. Дѣла въ лѣво-бережныхъ двинскихъ земляхъ приняли оборотъ неблагопріятный для ордена и потому ему было важно развязаться съ Новгородомъ; Александру также необходимо было развязаться съ орденомъ, потому что обстоятельства складывались такимъ образомъ, что все вниманіе князя должно было обратиться на Востокъ, на Русь сѣверо-восточную, подпавшую власти татаръ. Помирились, потому что того требовали обстоятельства, но какъ причины, вызывавшія

*) О судьбѣ Твердила Ивановича послѣ освобожденія Пскова ничего неизвѣстно. О Ярославѣ Владиміровичѣ въ первой Новгородской лѣтописи упоминается, что въ 1245 г. онъ былъ княземъ въ Торжкѣ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

столкновенія, ни мало устранены не были, потому и враждебныя дѣйствія не преминули возобновиться.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Куроніи и Семигаліи и почему именно орденъ торопился заключить миръ съ новгородцами.

Въ то самое время когда орденская братія открыла наступленіе на Новгородскія земли, овладѣла было Псковомъ, Водскою пятиною и подбиралась къ самому Новгороду, но отбитая княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ потеряла всѣ свои завоеванія и вынуждена была ограничиться тѣмъ, что имѣла до 1240 г., въ Пруссіи и другихъ литовскихъ земляхъ происходили важныя перемѣны, оказавшія немалое вліяніе на весь ходъ дѣлъ Восточной Европы.

Послѣ взятія Кіева 6 декабря 1240 г., татарскія полчища, предводимыя Батыемъ, покинули юго-западную Русь и двинулись на Венгрію. Восточнымъ предѣламъ Римской имперіи грозила сильнѣйшая опасность, но императоръ Фридрихъ II не предпринималъ ровно ничего для отраженія этой опасности, онъ думалъ только объ итальянскихъ дѣлахъ и въ своихъ письмахъ откровенно сознавался, что вовсе не чувствуетъ желанія защищать христіанъ отъ язычниковъ пока глава церкви досаждаетъ ему больше всѣхъ татаръ.

Было уже выше сказано, что въ самый день смерти Германа Зальцы, 20 марта 1239 г., Фридрихъ II былъ отлученъ отъ церкви папою Григоріемъ IX. Отлученіе отъ церкви могло бы имѣть гибельныя послѣдствія для императора, еслибы авторитетъ папы въ тѣ времена не начиналъ уже колебаться. Григорій IX, отлучивъ отъ церкви императора, прилагалъ старанія низложить его съ престола; старанія его остались, однако, безъ послѣдствій. Онъ предложилъ императорскую корону принцу датскому Авелю, сыну Вольдемара, но тотъ, по совѣту отца, отказался отъ предложенія; предложилъ корону графу Артуа, брату французскаго короля Людовика IX, но также безуспѣшно, ибо магнаты и Франціи и Англіи неблагопріятствовали папѣ. Въ Германіи только король чешскій Венцель, да герцоги Оттонъ Баварскій и Фридрихъ Австрійскій стали на сторонѣ папы, прочіе имперскіе князья остались на сторонѣ императора; остался на сторонѣ императора и Тевтонскій орденъ.

Лѣтомъ 1240 г. многіе германскіе епископы и князья сдѣлали попытку примирить папу съ императоромъ и преемникъ Зальцы, великій магистръ Конрадъ Тюрингенскій, предназначался быть посредникомъ подобно тому, какъ Зальца неоднократно и съ успѣхомъ бывалъ посредникомъ въ спорахъ между духовнымъ и свѣтскимъ главами католичества въ Западной Европѣ. Но изъ посредничества ничего не вышло, потому что Конрадъ умеръ въ Римѣ 24 іюля 1240 г. — Импе-

раторъ между тѣмъ продолжалъ свои завоеванія папскихъ владѣній въ Италіи и привелъ тѣмъ папу въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ самой коллегіи кардиналовъ не всѣ члены были ему преданы. Въ этой крайности папа Григорій IX рѣшился созвать въ 1241 г. соборъ въ Римѣ въ увѣренности, что европейское и въ особенности французское духовенство поддержитъ его и въ концѣ концовъ низложитъ императора. Фридрихъ II, первоначально самъ предлагавшій созваніе собора, теперь и слышать не хотѣлъ о немъ, и объявилъ, что не пропуститъ ни одно духовное лицо, ѣдущее въ Римъ. Свою угрозу онъ привелъ въ исполненіе, и когда генуэзцы предложили французскимъ, испанскимъ и ломбардскимъ прелатамъ перевезти ихъ въ Римъ на своемъ флотѣ, императоръ напалъ на этотъ флотъ, забралъ прелатовъ въ плѣнъ, обобралъ у нихъ сокровища, которыя они везли папѣ и скоро сталъ лагеремъ подъ Римомъ. Григорій IX не перенесъ этихъ пораженій и умеръ 21 августа 1241 г. На его мѣсто конклавъ избралъ престарѣлаго, болѣзненнаго месинца Готфрида, который и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Целлестина IV, но онъ не пробылъ на престолѣ и двухъ недѣль: 10 ноября 1241 г. онъ умеръ. Кардиналы изъ опасеній новыхъ опасностей поспѣшно оставили Римъ и папскій престолъ оставался незанятымъ до іюня 1243 г., когда наконецъ состоялся выборъ и палъ на генуезца Сигибальда Фіеско, графа Лаванья. Новый папа, еще находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ и отличавшійся энеріею и неутомимою дѣятельностію, принялъ имя Иннокентія IV въ знакъ того, что держался и будетъ держаться принциповъ своего знаменитаго предшественника Иннокентія III.

Почти два года католическій міръ не имѣлъ духовнаго главы, и этимъ объясняется почему противъ Батыя, свирѣпствовавшаго въ Венгріи до іюля 1242 г., не было предпринято никакого крестоваго похода.

Вмѣсто умершаго Конрада Тюрингенскаго, великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена въ концѣ 1241 г. былъ избранъ Гергардъ Мальбергскій (фонъ Мальбергъ), а между тѣмъ завоеваніе прусскихъ земель продолжалось своимъ чередомъ. Шагъ за шагомъ орденцы подвигались впередъ, воздвигая крѣпости, основывая города, привлекая въ страну переселенцевъ изъ Германіи. Шло не только завоеваніе, но и нѣмецкая колонизація страны. Завоеваніе прусскихъ земель сопровождалось тѣми же свирѣпыми убійствами и опустошеніями, съ какими совершалось завоеваніе эсто-латышскихъ земель; языческіе пруссы должны были или покориться силѣ, или бѣжать на востокъ къ своимъ соплеменникамъ, жившимъ на Нѣманѣ. Оставшіеся въ живыхъ и небѣжавшіе въ принѣманскія страны пруссы — вармійцы, натанги и др. покорились, но, конечно, были не прочь свергнуть съ

себя чуждую власть при удобномъ случаѣ, который представился, когда бывшій орденскій союзникъ, Святополкъ князь Поморскій, сталъ во враждебныя отношенія къ ордену. Начались тайныя сношенія Святополка съ пруссами, началось подготовляться возстаніе, которое и вспыхнуло лѣтомъ 1242 г. Пруссы, поддержанные и руководимые Святополкомъ, бросились истреблять, жечь, грабить нѣмецкіе поселки и городки, избивая колонистовъ. Тысячи четыре нѣмцевъ погибло при этомъ возстаніи, но орденская братія и орденскія воинскія дружины сравнительно понесли потерь не много: они удержались въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ и скоро оправились, воспользовавшись тѣмъ, что Святополкъ и пруссы не съумѣли придать единство своимъ дѣйствіямъ, а прочіе еще непокоренные пруссы не подкрѣпили возставшихъ. Въ октябрѣ 1242 г. орденъ заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Конрадомъ княземъ Мазовецкимъ и его сыновьями, Казимиромъ и Болеславомъ, и самъ открылъ наступленіе на Святополка. Князь Поморскій терпѣлъ неудачи за неудачами и наконецъ весною 1243 г., когда соединенныя силы союзниковъ вторглись въ земли восточнаго Поморья, вынужденъ былъ заключить миръ съ орденомъ, въ силу котораго обѣщалъ и поклялся не только не поддерживать язычниковъ, но и помогать ордену въ покореніи ихъ, и въ залогъ далъ ордену своего старшаго сына и наслѣдника Местивина, бургграфа Вимара и начальника войскъ Вояка.

Совладавъ съ Святополкомъ, ордену не трудно было совладать съ возставшими пруссами. Пруссы смирились, но вынужденный миръ съ Поморскимъ княземъ продолжался самое короткое время, не болѣе нѣсколькихъ недѣль, потому что военныя дѣйствія между орденомъ и Святополкомъ возобновились лѣтомъ того же 1243 г.

Эти войны и завоеванія въ Пруссіи не могли не отзываться въ литовскихъ народцахъ, соиредѣльныхъ съ пруссами, въ Литвѣ и Жмуди. Сюда бѣжали отъ напора ордена пруссы и, конечно, собою усилили дружины литовскихъ и жмудскихъ князьковъ, съиздавна уже, какъ мы видѣли, жившихъ грабежомъ своихъ ближайшихъ сосѣдей и дѣлавшихъ набѣги на ихъ земли. Набѣги были по большой части удачны, сходили съ рукъ безнаказанно, обогащали хищниковъ, и потому литовско-жмудскіе князья не встрѣчали недостатка въ охотникахъ поступить въ ихъ дружины. По мѣрѣ того какъ князьки усиливались, полоцко-кривскіе князья, ослабляемые усобицами, начинаютъ входить въ союзы съ князьками литовскими, призывать ихъ себѣ на помощь, роднятся съ ними. Такъ мы видѣли (см. выше стр. 142), что герсикскій князь Всеволодъ былъ женатъ на дочери литовца Даугерута, конечно, литовскаго князька. Роднясь съ русскими князьями, принимая православіе и русскій языкъ, литовскіе князьки водворялись въ русскихъ земляхъ и, подчиняясь русской граждан-

ственности, начинали собою новое поколѣніе литовско-русскихъ князей, и это новое поколѣніе, конечно, могло появиться прежде всего на русско-литовской украйнѣ, въ странѣ, гдѣ уже были русскіе городки и населеніе, смѣшанное изъ кривичей, дреговичей и литвы. Наиболѣе благопріятныя условія для усиленія Литвы встрѣтились не въ Жмуди, а въ области верхняго Нѣмана съ его лѣвымъ притокомъ Шарою. Тутъ уже были русскіе городки: Новогородокъ, Слонимъ, Волковыйскъ, Городна, тутъ-то, въ этой области, извѣстной подъ именемъ Черной Руси и начинаются первые шаги къ политическому объединенію и развитію самостоятельнаго государственнаго быта Литвы.

Татарское нашествіе на Россію чрезвычайно помогло возвышенію Литвы на счетъ русскихъ областей. Литовскіе князьки, пользуясь разгромомъ русскихъ областей, произведенныхъ татарами, усилили свои набѣги на Россію. Партіи литовцевъ начали заходить въ Кіевскую область и францисканскій монахъ, Плано-Карпини, отправленный папою къ татарскимъ ханамъ, свидѣтельствуетъ, что проѣзжая въ 1245 году чрезъ Кіевскую область, онъ во все время пути здѣсь находился въ непрестанномъ страхѣ предъ литовцами. Партіи, стремившіяся въ Приднѣпровье, терпѣли иногда пораженія, предводители, князьки ихъ, не смогли утвердиться тутъ, но другія партіи, набѣгавшія на Полоцкую Русь, были счастливѣе. Князьки этихъ партій уже не довольствовались грабежомъ, они начинаютъ захватывать русско-полоцкія земли и скоро Полоцкъ явился во власти ихъ.

Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1239 году отмѣчено, что новгородскій князь вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя Брячислава. Этотъ Брячиславъ былъ, кажется, послѣдній русскій князь, княжившій въ Полоцкѣ, гдѣ скоро послѣ нашествія Батыева князьями являются уже литовцы. Источники не объясняютъ какимъ образомъ совершился переходъ всей Полоцкой земли подъ литовское владычество, но переходъ совершился, полагать надобно, еще въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія, и притомъ совершился безъ особенно большаго сопротивленія со стороны полочанъ, которымъ пришлось выбирать или литовское владычество или татарское иго, болѣе варварское и тяжелое, чѣмъ иго литовское.

Усиленіе Литвы не могло не тревожить ливонскую орденскую братію, въ особенности послѣ пораженія, какое потерпѣли меченосцы въ Саульской землѣ 22 сентября 1236 года (см. выше стр. 282). Мы видѣли, что владѣнія нѣмецкихъ завоевателей въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи пришли въ соприкосновеніе съ землями литовцевъ-жмудиновъ еще при жизни епископа Альберта, а тутъ во время самаго разгара войны съ Александромъ Невскимъ въ 1241 и 1242 годахъ пришли вѣсти, что куроны вошли въ связи съ жмудинами, связи въ во всякомъ случаѣ опасныя для нѣмцевъ, далеко еще не утвердив-

шихся въ лѣво-двинскихъ земляхъ. Обнаружилось и возстаніе. Вотъ главная существенная причина, почему орденская братія спѣшила заключеніемъ мира съ новгородцами: ордену необходимо было развязаться со своимъ русскимъ врагомъ, чтобы всѣ свои силы обратить на лѣвый берегъ Двины.

Миръ съ новгородцами былъ заключенъ и сохранялся десять лѣтъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Нѣмецкіе викарные епископы въ Ливоніи.

(Извлечено изъ сочиненія Бунге: „Livland, die Wiege der Deutschen Weihbischöfe. Leipzig, 1875).

I. Бертольдъ, епископъ Ливонскій.

Послѣ смерти августинскаго монаха изъ монастыря Зегебергъ въ Гольштейнѣ и перваго епископа Ливоніи *Мейнарда*, послѣдовавшей 12 октября 1196 г., архіепископъ бременскій Гартвигъ II (1184—1207), митрополитской власти коего была первоначально подчинена ливонская церковь, назначилъ и посвятилъ въ преемники Мейнгарда аббата (настоятеля) Цистерціанскаго монастыря въ Локумѣ[1]) *Бертольда*. Послѣдній отправился, вѣроятно въ 1197 г., въ Ливонію безъ войска, по скоро враждебное настроеніе туземцевъ вынудило его тайно сѣсть на корабль и отправиться черезъ Готландъ въ Саксонію. Здѣсь онъ обратился за помощью къ своему митрополиту, а затѣмъ къ папѣ Целестину III (1191—1198[2]), который ему и разрѣшилъ проповѣдь крестоваго похода и объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ крестоносцамъ. Во время своего пребыванія въ Саксоніи Бертольдъ освятилъ въ деревнѣ Гезеде, недалеко отъ Ганновера, вновь выстроенную тамъ

---

[1]) Бывшій монастырь Локумъ существуетъ и по нынѣ какъ лютеранское богоугодное учрежденіе миляхъ въ пяти къ сѣверу отъ Ганновера. Что Бертольдъ въ 1187 г. состоялъ аббатомъ въ Локумѣ доказываетъ булла къ нему папы Григорія VIII отъ 2 ноября 1187 г.; по всей вѣроятности онъ былъ аббатомъ этого монастыря въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, потому что его предшественникъ, аббатъ Экгардъ, упоминается въ послѣдній разъ въ 1183 г. см. Scr. rer. Prussicarum II, 23, прим. 1.

[2]) Въ гл. II, §§ 1—3 лѣтописи Генриха сказано, что онъ обратился за помощью сперва къ папѣ, а потомъ къ митрополиту Бременскому и всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ, но, какъ свои жалобы на паденіе Ливонской церкви онъ принесъ лично и устно, то и слѣдуетъ принимать, что онъ сперва посѣтилъ своего митрополита, а потомъ уже папу.

церковь и такимъ образомъ является первымъ нѣмецкимъ викарнымъ епископомъ изъ Ливоніи. По возвращеніи въ послѣднюю съ набраннымъ въ Германіи войскомъ крестоносцевъ, Бертольдъ палъ въ первой же битвѣ, данной ливамъ при ручьѣ Риге, 24 іюля 1198 г. [3]).

II. Альбертъ Бекесговеде, епископъ Ливонскій (рижскій).

Альбертъ фонъ Бекесговеде [1]), бременскій каноникъ, былъ посвященъ въ санъ ливонскаго епископа въ 1199 г., въ началѣ марта. Изъ тридцати лѣтъ почти, въ теченіе которыхъ этотъ основатель нѣмецкой колоніи въ Ливоніи носилъ званіе епископа, большую часть — около половины — онъ провелъ въ поѣздкахъ преимущественно въ Германію. Хотя главною цѣлью этихъ поѣздокъ и была вербовка крестоносцевъ, но все таки нѣтъ сомнѣнія, что онъ нерѣдко являлся иомощникомъ своихъ германскихъ товарищей по должности. Впрочемъ до сихъ иоръ извѣстны только два случая такого рода. Въ 1206 г. Альбертъ объѣхалъ Саксонію, Вестфалію и Фрисландію [2]) и здѣсь освятилъ — вѣроятно по порученію епархіальнаго епископа — часовню (капеллу горы святаго Николая, de monte s Nicolai) въ Девентерѣ [3]) Въ 1227 г., 18 декабря, онъ совершалъ богослуженіе въ монастырѣ св. Петра въ Эрфуртѣ, а въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, 19 декабря, присутствовалъ тамъ же, вмѣстѣ съ епископомъ гальберштадтскимъ (Фридрихомъ) и архіепископомъ майнцскимъ (Сигфридомъ) при хиротоніи епископа Іоанна Пражскаго [4]). Это было, вѣроятно, послѣднее пребываніе Альберта въ Германіи, такъ какъ 17 января 1229 г. онъ умеръ, — надобно полагать, въ Ригѣ.

III. Дитрихъ, епископъ Эстонскій.

Дитрихъ или Теодорихъ [1]), цистерціенскій монахъ, былъ сотруд-

[3]) См. выше стр. 86; у Генриха въ гл II, § 4 сказано, что войско крестоносцевъ стало у горы Риге. trans montem Rigae. а не fontem.

[1]) Иначе Бикисговеде. Буксговеде. Дворянскій лифляндской губерніи родъ бароновъ Буксгевденовъ, существуетъ и понынѣ.

[2]) О пребываніи Альберта въ Фрисландіи въ спискѣ Замойскаго лѣтописи Генриха не упоминается, но въ другихъ спискахъ упоминается.

[3]) Девентеръ въ Голландіи. Въ документѣ, касающемся этого монастыри и приведенномъ въ исторіи Девентерійскаго епископствъ Линдеберта, сказано въ заключеніи: Testibus, quorum nomina subscripta sunt praesentibus: Dominus Albertus, Livoniensis episcopus, capellae in Monte dedicator.

[4]) См. Перна, monum. German. XVI, 24.

[1]) Имена въ латинскихъ лѣтописяхъ и документахъ Theodoricus, Theodericus, Tidericus соотвѣтствуютъ нѣмецкому имени Dietrich.

никомъ уже епископа Мейнгарда, посылавшаго его въ Римъ, гдѣ онъ получилъ отъ папы для ливонскихъ крестоносцевъ разрѣшеніе отъ грѣховъ [2]). Свою вторую поѣздку въ Римъ онъ предпринялъ по порученію епископа Альберта, вѣроятно осенью 1200 г. [3]), а третью въ сопровожденіи ливскаго старшины Каупо, весной 1203 г. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Германіи, онъ возвратился обратно лишь къ началу сентября 1204 г. [4]) и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ Альбертомъ аббатомъ (настоятелемъ) вновь основаннаго въ Динамюндѣ цистерціанскаго монастыря горы св. Николая [5]). Лѣтомъ 1211 г. Альбертъ посвятилъ его въ Ригѣ въ епископа Эстоніи, назначивъ ему мѣстопребываніемъ Леаль (замокъ) въ Викѣ, почему Дитрихъ титулуется также епископомъ Леальскимъ [6]). Въ 1213 году епископъ Дитрихъ снова находится въ Германіи [7]), сначала при дворѣ дружественнаго ему еще въ Ливоніи епископа Бернгарда Падерборнскаго, а затѣмъ въ архіепископствѣ Кельнскомъ, архіепископъ коего Дитрихъ

---

[2]) См. выше стр. 82 и лѣтопись Генриха гл. I, § 12. По всей вѣроятности Теодорихъ привезъ съ собою въ Ливонію буллу Целлестина III отъ 27 апрѣля 1193 г. См. Бунге, Urkundenbuch, № 11.

[3]) См. выше стр. 94 и лѣтопись Генриха гл. IV, § 6. Булла папы Иннокентія III отъ 13 апрѣля 1201 г. была, по всей вѣроятности, результатомъ этой второй поѣздки въ Римъ.

[4]) См. выше стр. 106 и 107 и лѣтопись Генриха гл. VII. § 5 и гл. VIII, §§ 2 и 3.

[5]) Генрихъ въ гл. VI, § 5 подъ 1202 годомъ упоминаетъ объ основаніи монастыря и посвященіи аббатомъ онаго Теодориха. Въ послѣдующихъ главахъ (VII, § 5 и VIII, § 3), подъ 1203 и 1204 г. онъ называетъ Теодориха лишь «братомъ», frater. Въ гл. IX, § 7 Генрихъ снова подъ 1205 г. говоритъ объ основаніи монастыря и назначеніи Теодориха. Въ лѣтописяхъ цистерціенскаго ордена основаніе монастыря относится то къ 1208, то къ 1209 г. Быть можетъ, въ этихъ только годахъ монастырскія зданія были окончены постройкою и конвентъ могъ быть введенъ на жительство въ оныя.

[6]) См. выше стр. 159 и лѣтопись Генриха гл. XXIII, § 2. При хиротоніи Теодориха присутствовали, конечно, находившіеся въ то время въ Ливоніи епископы: Изо Верденскій. Филиппъ Ратцебургскій и Бернгардъ Падерборнскій. Ср. буллу Иннокентія III отъ 31 октября 1213 г. въ Urkundenbuch Бунге, № 35. Въ грамотѣ епископа Альберта отъ 21 іюля 1224 г. (Бунге, Urkundenbuch, № 61), между прочимъ, сказано: abbatem de Dunamunde Cisterciensis ordinis, ad titulum Lealensem in Estonia episcopum ordinavimus. Обыкновенный титулъ Теодориха былъ: episcopus Estoniae или Estiensis, или Heistorum.

[7]) Замѣчательно, что Генрихъ не упоминаетъ объ этой поѣздкѣ Теодориха въ Германію. Очень можетъ быть, что Теодорихъ выѣхалъ въ Германію весною 1212 г. вмѣстѣ съ епископами Верденскимъ и Падерборнскимъ (см. выше стр. 165 и лѣтопись Генриха гл. XV, § 12). Что весною 1213 г. Теодориха не было въ Ливоніи, можно заключить изъ того, что епископъ Альбертъ, уѣзжая въ этомъ году въ Германію оставилъ своимъ замѣстителемъ въ Ливоніи не Теодориха, какъ прежде, а епископа Филиппа Ратцебургскаго (см выше стр. 172 и лѣтопись Генриха гл. XVII, § 1).

фонъ Гейнсбергъ былъ за годъ предъ тѣмъ отлученъ отъ церкви. Здѣсь Дитрихъ является въ первый разъ замѣстителемъ епископа или викарнымъ епископомъ, освящая 25 августа того же года алтарь новаго хора Ксантской церкви. По всей вѣроятности въ этомъ же году, если не въ предшествовавшемъ, онъ былъ и въ Люттихской епархіи помощникомъ тамошняго епископа [8]). Далѣе, не невѣроятно, что осенью 1213 г. онъ отправился къ папскому двору и лично исходатайствовалъ папскія буллы отъ 30 и 31 октября и отъ 2 ноября того же года [9]), которыми пана рекомендовалъ и принималъ подъ свое покровительство какъ Дитриха, такъ и его новое епископство. Въ Ливонію Дитрихъ возвратился вѣроятно только въ 1214 г., [10]) но въ іюлѣ 1215 г. снова ее покидаетъ, сопровождая епископа Филиппа Ратцебургскаго [11]). Въ Дортмундѣ, въ Кельнской епархіи, освятилъ онъ премонстранскій монастырь св. Екатерины [12]). Въ ноябрѣ онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ епископомъ рижскимъ Альбертомъ на Латеранскомъ соборѣ [13]), а въ слѣдующемъ году снова былъ Кельнѣ и освятилъ тамъ 27 апрѣля церковь св. Панталеона [14]), въ маѣ же или іюнѣ возвратился въ Ливонію. Весной 1218 г. онъ предпринимаетъ съ епископомъ Альбертомъ и аббатомъ Динаминдскпмъ Бернгардомъ поѣздку въ Данію, чтобы хлопотать у короля Вальдемара II о помощи для покоренія эстовъ. Король согласился помочь, но взялъ обѣщаніе съ нихъ, что покоренная страна будетъ подчинена его власти. Епископъ Дитрихъ оставилъ послѣ того рижскую церковь, присягнулъ на вѣрность датскому королю и сопровождалъ его весной 1219 г. въ его походѣ на Эстонію. Королевская эскадра пристала къ берегу невдалекѣ отъ эстонскаго городка Линданиссы (на мѣстѣ котораго былъ впослѣдствіи выстроенъ Ревель) и дала 15 іюня эстамъ битву, въ которой епископъ Дитрихъ былъ убитъ [15]).

IV. Бернгардъ Липпскій, епископъ Селонскій (Семигальскій).

Бернгардъ Липпскій происходилъ изъ одного благороднаго семейства Вестфаліи и родился въ 1140 году; какъ младшій сынъ, онъ

---

[8]) См. Histoire ecclesiastique d'Allemagne I, 237.

[9]) См. Бунге, Urkundenbuch, №№ 32—37.

[10]) Сообщеніе Ливоніи съ Германіею происходило вообще моремъ, потому нельзя полагать, чтобъ Теодорихъ прибылъ въ Ливонію до истеченія зимы 1213 г. Въ исключительныхъ лишь случаяхъ зимою посылали гонцовъ сухопутьемъ чрезъ Куронію и Пруссію (см. Генриха гл. XV, § 2; гл. XXIII, § 11).

[11]) См. выше стр. 184 и лѣтопись Генриха гл. XIX, § 5.

[12]) См. Клейзорга Kirchengeschichte von Westfalen II, 114.

[13]) См. выше стр. 185 и лѣтопись Генриха гл. XIX, § 7.

[14]) См. у Бемера, fontes rerum Germanicarum II, 353.

[15]) См. выше стр. 204 и у Генриха гл. XXIII, § 2.

былъ предназначенъ къ духовному званію и уже въ молодыхъ лѣтахъ достигъ сана каноника въ Гильдесгеймѣ. Однако, вскорѣ послѣ смерти своего старшаго брата, онъ снова возвратился къ свѣтской жизни и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ герцога Генриха Льва. Онъ не только принималъ участіе въ его многочисленныхъ войнахъ, часто являясь въ рѣшающемъ положеніи, но и самъ за свой счетъ затѣвалъ ихъ, причемъ нерѣдко пускалъ въ ходъ насильственныя дѣйствія, между прочимъ и противъ духовныхъ учрежденій, у которыхъ отобралъ не мало имѣній. Около 1185 г. въ немъ произошла перемѣна: въ этомъ году онъ основалъ и одарилъ цистерціенскій монастырь Маріенфельдъ или Ваденгартъ, вблизи деревни Гарзевинкель въ Вестфаліи[1]), а въ 1198 году, возложивъ на себя крестъ, сопровождалъ епископа Бертольда въ Ливонію, вѣроятно побывавъ съ нимъ предварительно въ Римѣ[2]). Послѣ битвы, въ которой палъ епископъ Бертольдъ, Бернгардъ, надо полагать, возвратился съ остальными крестоносцами въ Германію и вскорѣ послѣ того впалъ въ тяжкую болѣзнь, во время которой далъ обѣтъ отречься отъ міра въ случаѣ выздоровленія. Онъ дѣйствительно выздоровѣлъ и вступилъ простымъ монахомъ въ основанный имъ уже монастырь Маріенфельдъ[3]). Будучи монахомъ, онъ весной 1211 года предпринялъ свою вторую поѣздку въ Ливонію, находясь въ свитѣ епископовъ Альберта Ливонскаго, Германа Падерборнскаго, Филиппа Ратцебург-

---

[1]) Монастырь Маріенфельдъ въ настоящее время принадлежитъ къ числу прусскихъ государственныхъ имуществъ. Наименованіе Ваденгартъ происходитъ отъ названія имѣнія, принадлежавшаго этому монастырю.

[2]) Вопросъ, когда Бернгардъ Липпскій впервые прибылъ Ливонію, очень теменъ. Генрихъ въ гл. XV, § 2 своей лѣтописи относитъ его прибытіе въ Ригу къ 1211 г. (см. выше стр. 158). а между тѣмъ имѣются нѣкоторыя указанія, что онъ былъ въ Ливоніи прежде чѣмъ постригся въ монахи. Въ грамотѣ, коею Бернгардъ предоставляетъ Липпштату городское право упоминается, что онъ былъ въ Ливоніи въ качествѣ воина. Но какъ въ документахъ и грамотахъ Бернгардъ въ 1197 году въ послѣдній разъ называется «благороднымъ мужемъ» (vir nobilis), а въ 1207 г. впервые называется монахомъ, потому его пребываніе въ Ливоніи должно отнести къ одному изъ годовъ этого десятилѣтія. Принявъ же во вниманіе, что Бернгардъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Локумскому монастырю, потому что въ грамотахъ и документахъ 1185—1188 годовъ, относящихся къ этому монастырю, онъ показанъ свидѣтелемъ три раза, и находясь въ такихъ отношеніяхъ къ монастырю не могъ не имѣть знакомства съ настоятелемъ онаго, Бертольдомъ, можно съ большимъ вѣроятіемъ предполагать, что Бертольдъ, предпринимая въ 1198 г. крестовый походъ въ Ливонію, пригласилъ къ участію въ этомъ походѣ и Бернгарда, какъ опытнаго военнаго человѣка. Если это такъ, то, значитъ, Бернгардъ прибылъ въ 1211 г. въ Ливонію уже во второй разъ.

[3]) Объ этомъ упоминаетъ Генрихъ въ гл. XV, § 4 лѣтописи (см. выше стр. 160), упоминаетъ Юстинъ V, 531—640; Альбертъ Штаденскій въ monumenta Germaniae XVI, 360.

скаго и Изо Верденскаго, а вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Ригу былъ тамъ же посвященъ епископомъ Альбертомъ въ аббаты Динаминдскаго монастыря [4]). Впрочемъ и въ этомъ своемъ званіи онъ принималъ участіе въ борьбѣ съ туземцами, побывалъ снова, вѣроятно въ 1216 г., на своей родинѣ и въ слѣдующемъ году возвратился снова въ Ливонію. Затѣмъ въ 1218 г. онъ сопровождаетъ епископовъ Альберта Ливонскаго и Дитриха Эстонскаго въ Данію [5]). Во время этого путешествія онъ былъ возведенъ Альбертомъ въ санъ епископа Селонскаго или Семигальскаго [6]), и посвященъ въ Альденземе — нынѣшнемъ Ольдензалѣ въ Голландіи — своимъ собственнымъ сыномъ Оттономъ, епископомъ Утрехтскимъ [7]). Послѣ этого онъ повидимомому пробылъ еще довольно долго въ Голландіи и Германіи. Осенью 1219 году онъ, совмѣстно со своимъ сыномъ Оттономъ, совершалъ посвященіе другого своего сына, Гергарда, въ архіепископа Бременскаго [8]). Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Ливоніи въ слѣдующемъ 1220 году онъ снова является въ Германію [9]). Въ 1221 году онъ освятилъ во имя св. Панкратія часовню и большой алтарь въ Шауенбургѣ [10]), а затѣмъ только что оконченную церковь св Маріи въ Липпштадтѣ, получившемъ, благодаря ему, городское право [11]). Когда, черезъ годъ, была отстроена базилика въ Маріенфельдскомъ монастырѣ, то она была торжественно освящена епископами Минстерскимъ, Минденскимъ и Оснабрюкскимъ, при участіи также Бернгарда; освященіе трехъ главныхъ алтарей совершали упомянутые три епископа, остальные же алтари освящены имъ, епископомъ Селонскимъ [12]). Въ 1223 году мы также находимъ Бернгарда въ Германіи [13]), затѣмъ онъ возвратился въ Ливонію, гдѣ содѣйствовалъ, если не дѣломъ, то словомъ, покоренію возставшихъ эстонцевъ [14]) и умеръ, вѣроятно, въ своей

---

[4]) См. у Генриха, гл. XV, § 4 и выше стр. 159.

[5]) См. у Генриха гл. XXII. § 1.

[6]) См. у Генриха гл. XV, § 4 и XXII, § 1.

[7]) См. у Генриха гл. XXII, § 1 и въ особенности у Альберта Штаденскаго въ monumenta Germaniae XVI. 360. Что хиротонія совершалась въ 1218 году, доказываетъ грамота епископа Оттона Утрехтскаго отъ 1 января 1219 г. (въ Lippische Regesten № 3262), въ которой онъ своего отца титулуетъ Selonlensis episcopus.

[8]) См. Альберта Штаденскаго тамъ же.

[9]) Двѣ данныя имъ въ 1220 году въ Герфордѣ грамоты помѣщены въ Линнскихъ Регестахъ подъ №№ 156 и 157.

[10]) См. тѣже Регесты № 164.

[11]) Тамъ же № 165.

[12]) Тамъ же № 167.

[13]) См. тамъ же № 169.

[14]) См. у Генриха гл. XXVII, § 4 и выше стр. 226.

резиденціи Зельбургѣ 28 апрѣля 1224 г.[15]) Его земные останки были погребены въ Дипаминдскомъ монастырѣ[16]).

V. Германъ Бекесговеде, епископъ Леальскій и Дерптскій.

По смерти епископа Эстонскаго или Леальскаго *Дитриха*, епископъ ливонскій Альбертъ, вѣроятно, еще въ 1219 г. назначилъ ему въ преемники своего брата Германа, бывшаго дотого аббатомъ бременскаго монастыря св. Павла[1]); въ началѣ 1220 г. Германъ былъ посвященъ архіепископомъ Альбертомъ Магдебургскимъ, а вскорѣ послѣ того утвержденъ въ санѣ епископа папой Гоноріемъ III[2]). Но переѣзду его въ Эстонію помѣшалъ король датскій Вальдемаръ II, имѣвшій притязанія на эту страну, и только послѣ взятія короля въ плѣнъ графомъ Шверинскимъ 6 мая 1223 г., епископъ Германъ прибылъ въ Ливонію вмѣстѣ со своимъ братомъ Альбертомъ весной 1224 г.[3]). Въ іюлѣ того же года братья епископы и орденъ меченосцевъ пришли относительно раздѣла Эстоніи — насколько она не находилась во власти датчанъ — къ слѣдующему рѣшенію: Альбертъ получилъ западную часть до морскаго берега, такъ называемый Викъ (Maritima) съ Леалемъ, разрушеннымъ эзельцами и бывшимъ до сихъ поръ резиденціею эстонскаго епископа; за Германомъ осталась восточная часть, а именно земли: Угенойсъ, Вайгеле, Соболицъ, Саккала, Нурмегундъ и Моке; но три послѣднихъ и половину Вайгеле онъ долженъ былъ уступить ордену[4]). Часть доставшагося Герману Угенойса или Унгауніи находилась еще въ рукахъ непріятеля, впрочемъ была завоевана въ августѣ 1224 года послѣ паденія главной крѣпости, Дерпта[5]). Тогда епископъ Германъ рѣшилъ имѣть своимъ мѣстопребываніемъ Дерптъ и водворилъ тамъ соборный капитулъ канониковъ, но однако удержалъ за собой титулъ епископа Леальскаго[6]) хотя Леаль и лежалъ внѣ границъ его епархіи. Въ апрѣлѣ 1225 г. онъ находился еще въ Ригѣ[7]), но уже

---

[15]) См. Липпскія Регесты №№ 173 и 3259.

[16]) О перенесеніи тѣла Бернгарда въ Динаминдъ см. книгу Шефера-Бойхорста стр. 100.

[1]) См. у Генриха гл. XXIII, § 11.

[2]) См. у Генриха гл. XXIII, § 11 и гл. XXIV, § 3.

[3]) См. у Генриха гл. XXVIII, § 1 и выше стр. 231.

[4]) См. Бунге, Urkundenbuch. №№ 61—63, у Генриха гл. XXVIII, § 2 и выше стр. 232.

[5]) См. у Генриха гл. XXVIII, § 3 и выше стр. 236.

[6]) Въ грамотахъ №№ 73, 103 и 104, относящихся къ 1225—1231 гг., помѣщенныхъ въ Urkundenbuch Бунге и въ другихъ документахъ, онъ титулуется леальскимъ епископомъ.

[7]) См. Бунге, Urkundenbuch, № 73.

очень скоро послѣ того онъ, должно быть, уѣхалъ изъ Ливоніи [8]). Въ концѣ этого года мы его находимъ при дворѣ короля римскаго Генриха (сына императора Фридриха II) въ Вимпфенѣ и въ Нюрнбергѣ [9]), гдѣ онъ псходатайствовалъ для себя и для своего брата Альберта пожалованіе въ ленъ ихъ областей съ ихъ монастырями, а также званіе имперскихъ князей. Въ данныхъ по этому поводу грамотахъ Германъ въ первый разъ называется епископомъ Дерптскимъ [10]), хотя титулъ этотъ былъ признанъ за нимъ папскимъ легатомъ, епископомъ Вильгельмомъ, только въ 1235 г. и съ этого только времени уже постоянно дается ему и другими [11]).

Въ 1226 г. епископъ Германъ отправился въ Триръ, гдѣ онъ около 4-хъ лѣтъ состоялъ при архіепископѣ Дитрихѣ, графѣ Видѣ (de Weda), викарнымъ епископомъ и жилъ попеременно то въ Кобленцѣ, то въ замкѣ Нойтгузенъ (нынѣ Нотгаузенъ у Нейвида) [12]). 20 сентября 1226 г. онъ присутствовалъ въ Кельнѣ при посвященіи архіепископа Генриха, а въ 1229 г. освятилъ, по порученію архіепископа Дитриха, церковь женскаго монастыря на островѣ Обервертѣ у Кобленца. Въ началѣ 1230 г. онъ, кажется, представлялся лично въ Перуджіи папѣ Григорію IX и получилъ отъ послѣдняго утвержденіе за собой земель, назначенныхъ для его епархіи епископомъ Аль-

---

[8]) Легатъ Вильгельмъ Моденскій прибылъ въ Ригу лѣтомъ 1225 года. Генрихъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы епископъ Германъ имѣлъ свиданіе съ легатомъ, а изъ грамотъ 1226 году, помѣщенныхъ въ Urkundenbuch Бунге подъ №№ 74 и 87, видно, что замѣстителемъ Германа былъ рижскій пробстъ Іоаннъ.

[9]) См. Бунге, Urkundenbuch №№ 66, 67 и 68.

[10]) Нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются въ подлинности этихъ грамотъ.

[11]) Такъ папа титулуетъ Германа епископомъ дерптскимъ въ 1236 и 1237 годахъ (см. Бунге Urkundenbuch, №№ 145 и 149); король датскій въ 1242 г. (см. тамъ же № 172); Германъ самъ именуетъ себя дерптскимъ въ 1242 и 1243 г. (см. тамъ же №№ 173 и 2725).

[12]) Это указываетъ Гольцеръ на стр. 15 de proepiscopis Trevirens., и на основаніи архивныхъ документовъ присовокупляетъ къ тому, что Германъ оставилъ Дерптъ и четыре года состоялъ викарнымъ у Трирскаго архіепископа вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій меченосцевъ по отношенію къ нему, Герману. Это весьма возможно и подтверждается грамотою короля Генриха отъ 20 ноября 1233 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 129). Ко времени пребыванія при архіепископѣ Трирскомъ относится безъ означенія даты письмо Германа къ епископу Бернгарду Падерборнскому, въ коемъ Германъ извѣщаетъ, что епископъ Альбертъ Ливонскій по обстоятельствамъ въ краѣ и по слабости здоровья не можетъ прибыть въ Германію, и потому поручилъ ему, Герману, не только проповѣдывать крестовый походъ въ Ливонію, но и управлять его имѣніями въ Германіи и передать епископу Падерборнскому и его церкви право патропатства надъ монастыремъ Фолькарднигузенъ (къ югу отъ Арользена), принадлежащее Альберту. Такъ какъ Альбертъ въ 1227 г. самъ былъ въ Германіи, а умеръ въ 1229 г., потому и письмо Германа должно быть было писано въ 1228 г.

бертомъ [13]). Въ томъ же году онъ освятилъ колокола для монастыря Фрекенгорста въ Мюнстерской епархіи, слѣдующую же зиму провелъ въ Ливоніи, какъ то видно изъ двухъ документовъ, въ которыхъ онъ значится свидѣтелемъ [14]). Его пребываніе въ Ливоніи повидимому небыло продолжительно, такъ какъ въ 1233 г. онъ снова является въ Германіи, гдѣ освятилъ, по порученію архіепископа Кельнскаго, алтарь Ромерсдорфской церкви. Къ концу того же года Германъ исходатайствовалъ у римскаго короля Генриха рекомендательную грамоту городу Любеку и къ купцамъ, торгующимъ съ Ливоніей, приглашавшую ихъ оказывать ему, Герману, помощь не только противъ язычниковъ, но и вообще противъ его враговъ (contra quoslibet malefactores suos [15]). Изъ этого можно заключить не безъ основанія, что епископъ Германъ такъ долго отвращалъ вниманіе отъ своего епископства вслѣдствіе враждебныхъ происковъ по всей вѣроятности со стороны ордена меченосцевъ. Подъ защитой упомянутой грамоты, онъ въ 1234 году возвратился въ Ливонію и еще въ томъ же году, 20 ноября, папа Григорій IX поручилъ ему призвать къ папскому престолу епископа рижскаго и орденскаго магистра для оправданія во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ [16]). Вслѣдствіе этого, вѣроятно, уже осенью 1235 г., вызванные явиться и самъ епископъ Германъ представились въ Витербо папѣ, который и далъ свой приговоръ въ февралѣ 1236 г. [17]). Вскорѣ затѣмъ Германъ снова возвратился въ Ливонію. Послѣ этого въ сентябрѣ 1240 г. онъ является участникомъ въ походѣ на Псковъ и при взятіи Изборска, въ 1242 г. ведетъ переписку съ епископомъ Ревельскимъ о количествѣ прокурацій [18]), а въ слѣдующемъ 1243 г. заключаетъ съ епископами Рижскимъ и Эзельскимъ, а также съ орденскимъ магистромъ союзъ противъ датчанъ и русскихъ [19]). Въ 1245 г. онъ отказался отъ епископства [20]), годъ же его смерти неизвѣстенъ.

---

[13]) См. Бунге, Urkundenbuch, № 2719.

[14]) См. Бунге, Urkundenbuch, №№ 103 и 104.

[15]) См. Бунге, Urkundenbuch, № 129.

[16]) См. папскую буллу отъ 20 ноября 1234 г. въ Urkundenbuch Бунге III, Reg. № 154 a.

[17]) См. Буллу Григорія IX къ легату Вильгельму Модеискому отъ 23 февраля 1236 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 145.

[18]) См. Бунге, Urkundenbuch, №№ 172 и 173.

[19]) См. Бунге, Urkundenbuch, № 2725.

[20]) Такъ значится у Моойера въ его Onomasticon chronographicon hierarchiae Germanicae на стр. 34, безъ указанія, однако, источника.

VI. Весселинъ, епископъ Ревельскій.

Послѣ того какъ епископъ Эстонскій Дитрихъ былъ убитъ въ 1219 году въ сраженіи съ эстонцами, король Вальдемаръ II назначилъ преемникомъ ему своего капеллана *Весселина*[1]) — называемаго также Вецелиномъ, Весцело, Гвицелиномъ — и подчинилъ его архіепископу Лундскому, который для его епископства назначилъ гаррійскія земли[2]). По главному городу этихъ земель, избранному для мѣстопребыванія епископа, Весселинъ назывался епископомъ Ревельскимъ[3]). Въ концѣ 1225 и въ мартѣ слѣдующаго года мы находимъ Весселина въ Ригѣ, гдѣ онъ представлялся папскому легату епископу Вильгельму Моденскому и во многихъ грамотахъ послѣдняго значится въ качествѣ свидѣтеля[4]). Въ началѣ 1227 г. онъ является викарнымъ епископомъ въ архіепископствѣ Кельнскомъ и въ санѣ викарнаго освящаетъ съ 28 января по 7 февраля рядъ алтарей въ Гейстербахскомъ монастырѣ[5]). Остается нерѣшеннымъ, отправился ли Весселинъ въ Германію уже изъ Риги, или бѣжалъ туда вслѣдствіе пенріязненныхъ дѣйствій, предпринятыхъ около этого времени орденомъ меченосцевъ противъ датской Эстоніи, во всякомъ случаѣ его имя съ того времени исчезаетъ въ историческихъ памятникахъ. Только въ 1240 году король Вальдемаръ II назначилъ преемникомъ ему Торхиля[6]).

VII. Ламбертъ (?) епископъ Эстонскій (Семигальскій?).

„Епископъ Ламбертъ Эстонскій освятилъ въ 1224 году часовню св. Николая въ Ксантѣ“. Это извѣстіе, встрѣчающееся только въ но-

---

[1]) См. у Генриха гл. XXIII, § 2 и выше стр. 204. Гаусманъ полагаетъ, что Весселинъ былъ нѣмецъ родомъ, такъ такъ это имя есть видоизмѣненіе нѣмецкаго имени Вериеръ. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія служитъ то обстоятельство, что Весселинъ, по оставленіи Ливоніи, удалился не въ Данію, а въ Германію. См. das Ringen der Deutschen und Dänen, стр. 20, прим. 1.

[2]) См. у Генриха гл. XXIV, § 2.

[3]) Епископомъ Ревельскимъ называетъ его Генрихъ въ гл. XXIV, § 2 и папа Гонорій III въ буллѣ отъ 19 марта 1220 г. См. Бунге, Urkundenbuch, №№ 49 и 50.

[4]) См. у Генриха въ XXIX, § 4 и грамоты легата Вильгельма отъ декабря 1226 г въ Urkundenbuch Бунге подъ №№ 75, 76, 81.

[5]) Такъ сообщаетъ Бинтеримъ, ссылаясь на «Monumenta Heisterbacensia».

[6]) Грамоту короля Вальдемара II отъ 15 сентября 1240 г. см. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 166.

вѣйшихъ источникахъ [1]), съ большой вѣроятностью можетъ быть названо ошибочнымъ. Епископа эстонскаго Ламберта никогда не существовало: за первымъ эстонскимъ епископомъ Дитрихомъ слѣдовали непосредственно въ южной Эстоніи Германъ Бекесговеде, въ сѣверной же Весселинъ и оба оставались въ своемъ званіи и послѣ 1224 года. Имя Ламберта носилъ преемникъ Бернгарда Липпскаго, епископъ Семигалльскій, и возможно, что въ упомянутомъ извѣстіи подразумѣвался онъ, такъ какъ Бернгардъ умеръ въ апрѣлѣ 1224 г. Но возможно также, что тутъ смѣшали мнимаго Ламберта съ дѣйствительнымъ епископомъ Дитрихомъ эстонскимъ, который освятилъ въ 1213 году одинъ алтарь Ксантской церкви.

VIII. (Готфридъ?), епископъ Ливонскій (Эзельскій?).

Въ 1227 г. нѣмцы завоевали островъ Эзель [1]), чрезъ что подали поводъ епископу Альберту рижскому основать новое епископство, эзельское, къ которому была присоединена часть Вика (Maritima) съ Леалемъ. Время основанія эзельскаго епископства можетъ быть отнесено съ большой вѣроятностью къ 1228 г., ибо въ первой половинѣ этого года является первый эзельскій епископъ *Готфридъ*, состоявшій до того времени аббатомъ динаминдскимъ, а еще ранѣе настоятелемъ цистерціанскаго монастыря Пфорта въ Тюрингенѣ [2]). Прежде чѣмъ покинуть Динаминдъ, онъ подарилъ этому монастырю двѣ деревни и четыре гакена (agatra) земли въ своемъ новомъ епископствѣ и дарственную запись на эти недвижимости совершилъ чрезъ своего синдика Іоанна фонъ Луде, 26 іюля слѣдующаго года [3]). Уже 28 іюня 1228 года — вѣроятно еще въ Динаминдѣ или въ Ригѣ — онъ уступилъ третью часть Эзеля и другихъ острововъ, принадлежавшихъ къ его

---

[1]) У Коха въ Zeischrift für Thüring. Geschichte VI, 63 со ссылкою на Биктерима и Моорена, древнее и новое архіепископство Кельнское I, 374 и 415.

[1]) См. у Генриха гл. XXX, §§ 3—5 и выше стр. 245.

[2]) Въ хроникѣ Альбериха (monum Germaniae XXIII, 902) годъ 1215 записано: In partibus Livonie martyrisatus est dominus Theodoricus, primus episcopus Estonie, cui successerunt duo: magister Hermannus, primus episcopus Ogonie (т. е. Угауніи), et Godefridus, prior de Porta, episcopus circa Maritime et Osilie insule. Postea additi sunt duo, scilicet Wescelo, episcopus Revalie, et unus de Ducia, Ostradus, episcopus Wironie» Хотя это свидѣтельство и не лишено ошибокъ, но оно важно въ томъ смыслѣ, что обозначаетъ прежнее положеніе Готфрида и имя перваго Виронскаго епископа. Груберъ допускаетъ возможность, что епископъ Готфридъ и упоминаемый подъ 1215—1218 г. Генрихомъ въ гл. XIX, § 8 и гл. XXI, § 7 священникъ Готфридъ (см. выше стр. 186) одно и тоже лицо.

[3]) Грамота синдика Луде отъ 26 іюля 1229 г. помѣщена въ Urkundenbuch Бунге подъ № 101.a.

епископству, ордену меченосцевъ [4]). 1 октября того же 1228 года мы встрѣчаемъ Готфрида въ Германіи, а именно въ Вильценбургѣ (нынѣ Вюльцбургъ, къ сѣверо-востоку отъ Нердлингена, въ Баваріи), гдѣ онъ вручаетъ свое епископство римскому королю Генриху и получаетъ оное отъ короля обратно въ видѣ лена [5]).

Не особенно лестное свидѣтельство далъ Готфриду въ 1234 году папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій при введеніи въ должность преемника Готфрида, епископа Генриха эзельскаго: Нашлась, говоритъ легатъ, грамота, въ коей значилось назначеніе многихъ въ каноники, qui omnes abundantes (состоятельны? или излишни?) fuerant, съ опредѣленіемъ и доходовъ имъ, но безъ означенія, изъ какихъ источниковъ будутъ поступать эти доходы, такъ какъ епископъ Готфридъ никогда не вступалъ на эзельскую землю, не основывалъ ни собора, ни церкви и каноникамъ не назначалъ ни пашенъ, ни доходовъ, ни десятинъ и пр. Пробывъ лишь немного мѣсяцевъ епископомъ, онъ постыднымъ образомъ (villter) ушелъ (recedens) изъ своего епископства, чтобы отречься отъ него (ut resignaret illum) и все принадлежавшее къ нему частью даромъ, частью небезвозмездно поотдавалъ въ ленъ, понродавалъ или промоталъ [6]). Поэтому всѣ опредѣленія упомянутой грамоты и всѣ распоряженія, сдѣланныя епископомъ, отмѣнялись легатомъ и объявлялись недѣйствительными. Если и признать справедливость обвиненій противъ Готфрида, то все таки показаніе относительно того, что Готфридъ былъ „лишь не много мѣсяцевъ епископомъ“, опровергается тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству другихъ документовъ, болѣе года, по меньшей мѣрѣ съ 29 іюня 1228 г. до 26 іюля 1229 г., управлялъ епископствомъ, въ послѣднее время конечно не лично, но при посредствѣ своего синдика. Также по меньшей мѣрѣ странно, чтобы при упомянутыхъ обстоятельствахъ епископское мѣсто оставалось незамѣщеннымъ въ теченіе пяти лѣтъ. Что этого не было, но что напротивъ и позднѣе, а именно еще въ 1232 г. Готфридъ занималъ свою должность, доказывается тѣмъ, что лишь отъ него, Готфрида (преемникъ ему былъ назначенъ въ 1234 г.), могла исходить жалоба, поданная папѣ на орденъ меченосцевъ, вслѣдствіе которой папа Григорій IX буллою отъ 8 сентября 1232 г. предписалъ аббату и пріору динаминдскому и рижскому пробсту (протоіерею) побудить орденъ,

---

[4]) См. грамоту отъ 29 іюня 1228 года въ UrkundenbucH Бунге подъ № 99.а Уступку эту подтвердилъ второй Эзельскій епископъ, Генрихъ. грамотою отъ 23 марта 1235 г. См. тамъ же № 141.а.

[5]) См. грамоту короля Генриха отъ 1 октября 1228 г. въ UrkundenbucH Бунге подъ № 2718. Король въ сентябрѣ 1228 года находился въ Нердлингенѣ.

[6]) Грамота легата Вильгельма отъ 10 ноября 1234 года помѣщена въ UrkundenbucH Бунге подъ № 2722. Папѣ, а слѣд. и его легату не могла быть пріятною передача епископства королю Генриху.

путемъ угрозы отлученія, возвратить епископу эзельскому похищенное у него. Въ тотъ же самый день Григорій IX подписалъ еще двѣ буллы: епископу Эзельскому и аббату и іріору Динаминдскому, въ которыхъ приказывалъ имъ брать подъ свою защиту новокрещенныхъ туземцевъ, если орденская братія будетъ притѣснять ихъ и принуждать къ испытанію раскаленнымъ желѣзомъ, угрожая притѣснителямъ отлученіемъ отъ церкви.

Впрочемъ, изъ всего сказаннаго можно съ достовѣрностію заключить, что Готфридъ вскорѣ послѣ своего назначенія епископомъ — конечно вслѣдствіе скудости своей епархіи въ только что завоеванной области — отправился въ Германію, гдѣ, по примѣру своихъ товарищей по службѣ, искалъ средствъ къ существованію въ должности викарнаго епископа. По крайней мѣрѣ къ нему только можетъ относиться извѣстіе, сообщаемое въ 1257 г. Конрадомъ, архіепископомъ Кельнскимъ, что „venerabilis pater, dominus G , episcopus Lyvoniae, de ordine Cisterciensi“ — много лѣтъ тому назадъ освятилъ алтарь монастырской церкви въ Порцетумѣ (въ нынѣшнемъ Буртшейдѣ близь Аахена) и постановилъ праздновать память освященія въ день Іоанна Крестителя, каковое торжество архіепископъ перенесъ на день Рождества Богородицы [7]). Въ тринадцатомъ столѣтіи въ Ливоніи, кромѣ Готфрида, не было епископа, имя котораго начиналось бы съ буквы G. и къ цистерціанскому ордену принадлежали, кромѣ него, только епископы Дитрихъ Эстонскій и Бернгардъ и Балдуинъ Семигальскіе.

IX. Балдуинъ, епископъ Семигальскій.

Когда послѣ смерти епископа Альберта рижскаго въ 1229 году возникъ споръ между архіепископомъ бременскимъ и рижскимъ соборнымъ капитуломъ относительно назначенія ему преемника, то папа Григорій IX приказалъ разслѣдовать и рѣшить спорный вопросъ своему легату въ Даніи, Оттону, кардиналу св. Николая in carcere Tulliano [1]). Тотъ, вслѣдствіе этого, послалъ въ Ригу своего духовника, Балдуина, монаха изъ цистерціанскаго монастыря Альна (нынѣшній Ауне, къ югу отъ Шарльруа въ Бельгіи), конечно для предваритольнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла. Балдуинъ, по своемъ пріѣздѣ въ Ливонію, велъ себя тамъ какъ намѣстникъ папы (nos, domini pape vices in hac parte agentes) и скоро проявилъ необычайную дѣятельность, выходившую за границы его первоначальныхъ полномочій; такъ

---

[7]) Грамоту архіепископа Конрада отъ 1257 года см. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 3028

[1]) См. буллы Григорія IX отъ 4 апрѣля 1230 г. и 8 апрѣля 1231 г. въ Urkundenbuch Бунге № 108 и Reg. 129.b.

напримѣръ онъ отъ имени папы заключилъ съ нѣкоторыми племенами куроновъ, обратившихся къ нему за помощью по случаю голоднаго времени, договоры о подчиненіи ихъ папской власти [2]). По поводу этихъ договоровъ между Балдуиномъ, орденомъ меченосцевъ, епископомъ рижскимъ и городомъ Ригою, которые со своей стороны также имѣли притязанія на тѣ области, возникли сильные споры [3]). Но Балдуинъ отправился, осенью 1231 г., въ Римъ и такъ съумѣлъ расположить въ свою пользу папу, что тотъ не только назначилъ его въ январѣ 1232 г. Семигальскимъ епископомъ [4]) и лично посвятилъ въ епископскій санъ, но пожаловалъ его въ то же время званіемъ папскаго легата всей Ливоніи и граничащихъ съ ней земель, давъ ему самыя широкія полномочія. Затѣмъ онъ поручилъ ему управленіе всею Куроніей и датской частью Эстоніи, а также верховный надзоръ надъ епископомъ Николаемъ рижскимъ (очевидно оклеветаннымъ Балдуиномъ) и другими ливонскими епископами и т. д. [5]). Между тѣмъ Балдуинъ вѣроятно неразъ злоупотреблялъ своею властію и до такой степени возбудилъ противъ себя неудовольствіе остальныхъ епископовъ, ордена и города Риги, что этимъ его противникамъ удалось уже чрезъ два года выхлопотать у папы увольненіе Балдуина отъ должности легата [6]). Тогда Балдуинъ снова отправился къ папѣ лично, чтобы оправдаться и принести новыя жалобы на своихъ враговъ [7]) Въ Римѣ мы его находимъ еще въ 1236 г , когда онъ передалъ папѣ свое епископство [8]). Вскорѣ послѣ того мы встрѣчаемъ Балдуина въ качествѣ помощника архіепископа кельнскаго Генриха, причемъ онъ титулуетъ себя „episcopus *quondam* Semigalliensis. 13 октября 1237 г. онъ освятилъ въ Гейстербахѣ вновь выстроенную монастырскую церковь, а 2 ноября церковь св. Северина въ Кельнѣ съ нѣсколькими алтарями въ ней [9]). Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что 3 октября 1232 г. онъ присутство-

---

[2]) См. договоры эти отъ 28 декабря 1231 г. въ Urkundenbuch Бунге №№ 103 и 104.

[3]) См. Urkundenbuch Бунге №№ 105, 106, 120.

[4]) Назначеніе это, повидимому, произошло при жизни епископа Ламберта, назначеніе коего, произведенное епископомъ Рижскимъ, папа признала недѣйствительнымъ, какъ несогласное съ католическими правилами. См. буллу отъ 4 февраля 1232 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 122.

[5]) См. папскія буллы и бреве съ 28 января по 11 февраля 1232 г. въ Urkundenbuch Бунге №№ 115—124.

[6]) См. буллу Григорія IX отъ 21 февраля 1234 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 132.

[7]) См. буллу Григорія IX отъ 20 ноября 1234 г. въ Urkundenbuch Бунге Reg. № 154.a.

[8]) Въ хроникѣ Альбериха подъ 1236 г. сказано: Episcopus Baldwienes Semigallensis episcopatum suum in manus domini pape reddidit; ita quod possit facere benedictiones et ordines.

[9]) См. грамоту Балдуина отъ 2 ноября 1237 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 3168.

валъ при освященіи церкви Доберанскаго монастыря. Въ 1239 году онъ сопровождалъ въ Палестину Византійскаго императора Балдуина II, былъ назначенъ архіепископомъ Висціененскимъ или Визойненскимъ, а въ 1243 г. скончался.

X. Генрихъ, епископъ Эзельскій и Викскій.

Легатъ, епископъ Вильгельмъ Моденскій, по власти, предоставленной ему папою[1]), назначилъ 10 сентября 1234 г., на мѣсто Готфрида, Эзельскимъ и Викскимъ епископомъ брата ордена проповѣдниковъ (Доминиканскаго) Генриха[2]), а чрезъ два мѣсяца ввелъ его формально въ должность епископа въ его епископство[3]). При томъ печальномъ положеніи, въ коемъ Генрихъ нашелъ свою епархію, для него наиболѣе важнымъ дѣломъ было установленіе добрыхъ отношеній съ ближайшимъ своимъ сосѣдомъ, орденомъ меченосцевъ, поэтому онъ прежде всего подтвердилъ раздѣлъ страны, установленный его предшественникомъ въ соглашеніи съ орденомъ[4]). Благоразуміе этой мѣры скоро обнаружилось на дѣлѣ. Чрезъ два года мѣсто ордена меченосцевъ занялъ орденъ Тевтонскій, къ которому перешли всѣ права и обязанности меченосцевъ[5]), и уже къ началу 1238 года Генрихъ вынужденъ былъ обратиться къ нему за помощью противъ своихъ собственныхъ непокорныхъ вассаловъ, а именно братьевъ Одварда и Генриха Лоде, захватившихъ силою нѣсколько епископскихъ имѣній въ Викѣ[6]). При этомъ случаѣ ордену были сдѣланы новыя земельныя уступки[7]). Орденъ со своей стороны предложилъ Генриху увеличить его епархію завоеванными зимой 1240—1241 г. восточными областями въ Ватландѣ, Ингерманландіи и Кареліи[8]) и Генрихъ, для устроенія этого дѣла, отправился лично въ Римъ, весной 1241 г. Во время этого путешествія мы его встрѣчаемъ въ качествѣ гостя архіепископа Трирскаго Дитриха, по порученію коего онъ въ августѣ 1241 г. освятилъ

[1]) См. буллу Григорія IX отъ 28 февраля 1234 году въ Urkundenbuch Бунге подъ № 123.

[2]) См. Urkundenbuch Бунге подъ № 2721.

[3]) См. грамоту епископа Вильгельма Моденскаго отъ 10 ноября 1234 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 2722.

[4]) См. грамоту отъ 23 марта 1235 года въ Urkundenbuch Бунге подъ № 141.a.

[5]) См. буллу Григорія IX отъ 13 мая 1237 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 149.

[6]) См. грамоту легата Вильгельма Моденскаго отъ 28 января 1238 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 2723.

[7]) См. тамъ же грамоту Вильгельма отъ 28 февраля 1238 года подъ № 156.

[8]) См. выше стр. 356.

церковь на горѣ Беата близь Кобленца. Въ его отсутствіе эзельцы отпали отъ христіанства, но снова были приведены къ повиновенію орденскимъ магистромъ Андреемъ Фельфенскимъ, которому Генрихъ поручилъ управленіе своимъ епископствомъ[9]). По возвращеніи въ свою епархію епископъ сдѣлалъ ордену новыя земельныя уступки, между тѣмъ какъ изъ предполагавшагося увеличенія его епархіи ничего не вышло, такъ какъ орденъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ завоеваній на востокѣ[10]). Весьма возможно, что стараніями Генриха былъ тотчасъ же заключенъ между нимъ, епископами рижскимъ и дерптскимъ и орденскимъ магистромъ оборонительный и наступательный союзъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ[11]). Повидимому онъ пользовался въ странѣ особеннымъ довѣріемъ и значеніемъ, являясь неоднократно посредникомъ въ распряхъ между ливонскими земскими властителями[12]), и безъ сомнѣнія благодаря только его миролюбивой политикѣ, король Датскій Авель отказался въ его пользу отъ своихъ притязаній на Викъ и Эзель[13]).

Уирочивъ такимъ образомъ свою власть[14]) въ странѣ въ отношеніи внѣшнихъ враговъ и покоривъ внутреннихъ, епископъ Генрихъ ириступилъ въ 1251 году къ внутреннему устроенію своей епархіи: основалъ въ Перновѣ соборъ, а также учредилъ и одарилъ свой капитулъ[15]).

Весной 1254 году мы встрѣчаемъ епископа Генриха въ Ригѣ, гдѣ онъ договаривался съ намѣстникомъ великаго магистра, Эбергардомъ Зейненскимъ о разныхъ спорныхъ вопросахъ относительно владѣній ордена въ его епархіи[16]). Изъ Риги онъ отправился въ Германію, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ къ ряду въ качествѣ викарнаго епископа. Въ сентябрѣ 1254 году онъ былъ въ Вормсѣ и раздавалъ индульгенціи въ пользу женскаго монастыря на

---

[9]) См. грамоту магистра Андрея Фельфенскаго въ Urkundenbuch Бунге № 169.

[10]) См. выше стр. 357).

[11]) См. Urkundenbuch Бунге № 2725.

[12]) Такъ онъ былъ посредникомъ при раздѣлѣ земель между епископомъ Генрихомъ Куронскимъ и орденомъ Смотри Бунге Urkundenbuch №№ 234 и 248.

[13]) См. грамоту короля Авеля отъ 8 августа 1251 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 228.

[14]) Онъ исходатайствовалъ тоже у папы Иннокентія IV воспрещеніе доставлять язычникамъ оружіе, желѣзо, лошадей, съѣстные припасы и пр. См. буллу отъ 5 октября 1248 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 201.

[15]) См. грамоту епископа Генриха отъ 1251 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 2731, и утвержденіе оной Альбертомъ, архіепископомъ ливонскимъ, отъ 24 августа 1253 г. подъ № 2734.

[16]) См. грамоты епископа Генриха отъ 20 марта и 13 мая 1254 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ №№ 2735 и 2736.

горѣ св. Андрея, въ Вормсѣ же даваль индульгенціи всѣмъ жертвователямъ на предпринятую братьями-проповѣдниками во Франкфуртѣ на Майнѣ постройку церкви во имя Пресвятой Маріи. Въ декабрѣ въ Сенонѣ (нынѣшнемъ Сансѣ (Sens) во Франціи) онъ принималъ участіе въ переговорахъ между ливонскими прелатами и орденскимъ магистромъ Дитрихомъ Гренингенскимъ объ отношеніяхъ ордена къ епископамъ[17]). Въ слѣдующемъ 1255 году онъ даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ жертвователямъ на постройку церкви въ женскомъ премонстратскомъ монастырѣ въ Альдинбургѣ (у Вецлара). Въ 1256 г. онъ проживалъ въ Любекѣ и предоставилъ нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ съ его епархіей, право безпошлиннаго торга и другія важныя привиллегіи[18]). Въ 1259 г. онъ освящаетъ алтарь во имя Спасителя „in monte Calvariae pagi Wingardten, inter monasterium Eilliae et Euskirchen situm“, а въ слѣдующемъ году, совмѣстно съ братьями Видекиндомъ и Гергардомъ Гойскими, епископами минденскимъ и верденскимъ, освящаетъ церковь братьевъ-проповѣдниковъ, въ Минденѣ. Бывалъ ли онъ въ своей епархіи въ это время и вообще въ послѣдніе годы своей жизни или же умеръ въ Германіи, остается, за недостаткомъ извѣстій, нерѣшеннымъ Его смерть, должно быть, послѣдовала въ первой половинѣ 1262 года[19]).

XI. Дитрихъ Минденъ, епископъ Виронскій.

Изъ всѣхъ ливонскихъ епископовъ епископу Дитриху Виронскому безспорно принадлежитъ самая продолжительная и широкая дѣятельность въ качествѣ нѣмецкаго викарнаго епископа. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію этой дѣятельности, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ основаніи и продолжительности существованія Виронскаго епископства.

Отдѣливъ, въ 1220 г., для епархіи епископа Весселина гаррійскія земли съ Ревелемъ, архіепископъ Лундскій въ то же время избралъ „новаго епископа для земель Впронской и Ервена“[1]). Это былъ датчанинъ, по имени *Острадъ;* но онъ былъ, можетъ быть уже въ 1226 г., изгнанъ орденомъ меченосцевъ подобно епископу ревельскому. По одному извѣстію, за которое впрочемъ нельзя поручиться,

---

[17]) См. Urkundenbuch Бунге № 3024.b.

[18]) См. Urkundenbuch Бунге № 289.

[19]) По крайней мѣрѣ его преемникъ, епископъ Германъ Бекесговеде былъ посвященъ въ Любекѣ 20 августа 1262 г. См. Urkundenbuch Бунге № 368. Мооейеръ въ Onomasticon стр. 75 указываетъ, безъ означенія источника, что смерть Генриха послѣдовала 10 марта 1260 г.

[1]) См. у Генриха гл. XXIV, § 2.

онъ умеръ впослѣдствіи насильственною смертью [2]). Послѣ того какъ датчане по Стенбійскому договору снова вступили во владѣніе страной, епископство ревельское въ 1240 г. было снова занято королемъ Вальдемаромъ II [3]), епископство же Виронское оставалось безъ назначенія епископа. Король назначилъ епископу ревельскому въ видѣ дара, кромѣ 80 гакеновъ земли въ Гарріи, еще 40 гакеновъ въ Вироніи, постановивъ при этомъ однако, что по избраніи виронскаго епископа эти 40 гакеновъ должны быть уступлены сему послѣднему. Сынъ и преемникъ Вальдемара II, король Эрихъ Плогпеннигъ, повторилъ 11 сентбяря 1249 года дословно дарственную грамоту своего отца [4]), но чрезъ 10 дней, не упоминая уже объ ограничительномъ условіи, назначилъ помянутые 40 гакеновъ въ Вироніи епископу ревельскому; этой мѣрой косвенно было упразднено отдѣльное виронское епископство. Соединеніе обоихъ епископствъ въ одно безъ сомнѣнія имѣлось въ виду раньше, именно уже въ 1234 г. легатъ, епископъ Вильгельмъ, доносилъ папѣ, что въ „Ревелѣ и Вироніи“ господствовала такая бѣдность, что средствъ обоихъ епископствъ едва хватало на содержаніе одного епископа. Вслѣдствіе такого донесенія легатъ былъ уполномоченъ Григоріемъ IX соединить эти епископства или раздѣлить, или отнести къ другимъ, не нарушая, однако, правъ архіепископа Лундскаго [5]). Этотъ послѣдній около того же времени принесъ папѣ жалобу на то, что орденъ меченосцевъ и „другіе сосѣди“ изгнали епископовъ подчиненныхъ ему епископствъ „Леаля, Вироніи и Ревеля“ и захватили въ свои руки не только свѣтскія судебныя дѣла, но и духовныя. Жалоба эта подала поводъ Григорію IX предложить своему легату Вильгельму взять въ свои руки духовныя дѣла въ епископствахъ виронскомъ и ревельскомъ и передать ихъ архіепископу Лундскому, съ епископствомъ же Леальскимъ, гдѣ архіепископъ никогда не имѣлъ митрополитскихъ правъ, поступить такимъ образомъ, чтобы не нарушить его, епископа Леальскаго, привиллегій [6]). Архіепископу Лундскому не удалось расширить своихъ митрополитскихъ правъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ такое расширеніе удалось произвести хитрому и властолюбивому архіепископу прусскому, ливонскому и эстонскому (впослѣдствіи рижскому) Альберту (Суербееру). При возведеніи его въ санъ архіепископа въ 1246 году, папа Иннокентій IV очень опредѣленно изъялъ отъ его подсудности тѣхъ епископовъ, которые уже были подчинены какому нибудь другому архіепископу, въ томъ

---

[2]) Сказано у Гебгарди во всемірной исторіи I. 348, безъ указанія источника.

[3]) См. Urkundenbuch Бунге № 166.

[4]) См. Бунге Urkundenbuch № 206.

[5]) См. буллу Грнгорія IX отъ 28 февраля 1234 года въ Unkundenbuch Бунге № 133.

[6]) См. Бунге, Urkundenbuch, № 146.

числѣ слѣдовательно епископовъ ревельскаго и виронскаго [7]). Несмотря на это, преемникъ Иннокентія Александръ IV, вскорѣ послѣ своего вступленія на папскій престолъ въ 1255 году, по просьбѣ Альберта не только подтвердилъ за нимъ его свѣтскія прерогативы, поименованныя въ буллѣ, но, — оставляя въ силѣ права папскаго престола и ордена, — опредѣлилъ границы архіепископской области слѣдующимъ перечисленіемъ входящихъ въ него епископствъ: „Эзель, Дерптъ, Куронія, Виронія, Кульмъ, Эрмеландъ, Помезанія, Самландъ, Рутенія и Варсовія“ [8]). И такъ Альбертъ простеръ свои притязанія и заручился согласіемъ паны на митрополитскія права и въ епископствѣ Виронскомъ, которое однако многократно было утверждаемо за архіепископствомъ Лундскимъ, сверхъ того уже въ теченіи шести лѣтъ было упразднено и бывшая область коего находилась въ рукахъ датчанъ. Впрочемъ, фактически онъ уже и ранѣе пользовался этими правами; такъ въ 1247 году, когда Виронское епископство еще существовало, хоть и номинально, онъ назначилъ туда епископа въ лицѣ миноритскаго или францисканскаго монаха Дитриха [9]). Вѣроятно по поводу этого назначенія, архіепископъ Лундскій исходатайствовалъ отъ паны Иннокентія IV обѣщаніе въ томъ, что чрезъ назначеніе (citatio) Дитриха не послѣдуетъ нарушенія митрополитскихъ правъ его, архіепископа Лундскаго, въ Ревелѣ и Виронiи, также какъ и въ „нѣкоторыхъ другихъ епископствахъ Эстоніи“ [10]) Подобное обѣщаніе хотя и не помѣшало назначенію Дитриха епископомъ Виронскимъ, но онъ никогда и не вступилъ во владѣніе своимъ епископствомъ, не имѣется даже свѣдѣній, чтобы онъ вообще когда либо бывалъ въ Эстоніи или Ливоніи. Напротивъ, мы его встрѣчаемъ, впродолженіе четверти столѣтія, исключительно въ Германіи, гдѣ онъ переходилъ изъ одного епископства въ другое, оказывая ихъ ирелатамъ услуги викарнаго епископа.

Дитрихъ происходилъ изъ почетнаго бюргерскаго семейства *Минденъ* (de Minda) въ Гильдесгеймѣ и посвятилъ себя, подобно своимъ двумъ братьямъ, Гартману и Іогаиу, духовному званію, вступивъ въ орденъ миноритовъ Относительно времени его рожденія, его молодости, какъ и относительно того, гдѣ, когда и кѣмъ онъ былъ посвященъ въ епископа, — не осталось прямыхъ извѣстій. Однако болѣе чѣмъ вѣроятно, что архіепископъ Альбертъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ пап-

[7]) См. буллу Иннокентія IV отъ 9 января 1246 г. въ Urkundenbuch Бунге. подъ № 188.

[8]) См. буллу Александра IV отъ 31 марта 1255 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 282.

[9]) См. Urkundenbuch Бунге № 3030.

[10]) См. буллу Иннокентія IV отъ 24 ноября 1248 г.

скимъ легатомъ для Пруссіи, Ливоніи и Эстоніи, въ одно изъ своихъ многочисленныхъ легатскихъ путешествій познакомился съ Дитрихомъ, можетъ быть въ Гильдесгеймѣ, назначилъ его епископомъ Виронскимъ и самъ вѣроятно посвятилъ его. Это было между 17 іюня и 2 августа 1247 года. Современный лѣтописецъ относится къ Дитриху съ похвалой, называя его: „vir per omnia discretus, mansuetudinis et benignitatis predicande, multis a domno papa spiritualium (et) auctoritatum privilegiis honoratus“. Дитрихъ былъ лично извѣстенъ папѣ и бывалъ въ Римѣ уже до 1249 г. Надо полагать, что онъ и въ 1260 году представлялся папѣ Александру IV, ибо послѣдній въ то время не только подтвердилъ всѣ изданныя до тѣхъ поръ Дитрихомъ индульгенціи, но и обратился къ архіепископу Альберту съ письмомъ, гласившимъ, между прочимъ, такъ: „Нашъ братъ... епископъ Виронскій, твой викарій, извѣстилъ насъ (coram nobis) о томъ, что онъ въ теченіи четырнадцати истекшихъ лѣтъ не могъ проживать въ своемъ епископствѣ, такъ какъ не только онъ самъ лично находится подъ гнетомъ бѣдности, но и еще епископскіе доходы, состоящіе въ десятинѣ, насильственно подвергаются секвестру со стороны подчиненныхъ ему лицъ и не доставляются ему. Изъ твоихъ заявленій, а также другихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, намъ извѣстно, что этотъ епископъ отличается осмотрительностью въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, научнымъ образованіемъ, честностью и чистотою образа жизни. Такъ какъ онъ сверхъ того издавна, подавляемый многочисленными бѣдствіями, заботливо старается быть покорнымъ папскому престолу, то мы считаемъ достойнымъ и приличнымъ обратить наше благосклонное вниманіе на просьбы означеннаго епископа. Поэтому мы приказываемъ тебѣ, какъ только освободится которое нибудь изъ подчиненныхъ тебѣ епископскихъ мѣстъ, дать оное означенному епископу Виронскому и ввести его въ должность, если онъ добровольно откажется отъ своего (теперешняго) мѣста“ и т. д. Однако это требованіе, столь настоятельное, осталось безъ послѣдствій и Дитрихъ, покинутый и забытый своимъ митрополитомъ, до конца жизни носилъ только титулъ епископа виронскаго. Однако совсѣмъ безъ состоянія онъ не былъ, ибо въ 1258 году составилъ въ Гильдесгеймѣ завѣщаніе, въ коемъ назначалъ исполнителями его нѣсколькихъ гильдесгеймскихъ канониковъ, которымъ онъ и поручалъ раздѣлъ своего движимаго и недвижимаго имущества на основаніи данныхъ имъ (въ другомъ мѣстѣ) инструкцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявлялъ, что на его незначительное наслѣдство не имѣютъ права ни епископъ Падерборнскій (Симонъ Липпе), ни аббатъ Корвейскій (Тимо), и никто либо другой, такъ какъ его состояніе ни пріобрѣтено изъ епархіи, ни наслѣдовано имъ (patrimonium), но составилось изъ доходовъ по должности (ex officio), изъ пожертвованій добрыхъ людей и даяній дворянъ.

Достойно еще замѣчанія необычное выраженіе, которымъ онъ, за

немногими исключеніями, начинаетъ всѣ свои грамоты: „Bonitate Divina Theodericus episcopus etc.“ Только два раза, въ 1261 году и 1265 году, встрѣчается у него обыкновенно употреблявшееся: „Dei gratia etc.“ И на его печати подпись также гласила: „Bonitate Divina Theodericus, Viron. ep.“, или же „B. D. Th. episcopus Wierlandensis“.

Теперь перейдемъ къ изложенію дѣятельности Дитриха какъ викарнаго епископа, въ хронологическомъ ея порядкѣ.

1) Уже въ 1247 году, слѣдовательно вскорѣ по возведеніи въ епископскій санъ, Дитрихъ освящаетъ, съ дозволенія архіепископа Арнольда Трирскаго, хоръ реставрированной базилики въ Кародунумѣ, теперешней деревнѣ Карденъ, по нижнему теченію Мозеля.

2) Въ слѣдующемъ году онъ, по порученію архіепископа майнцскаго Сигфрида, освятилъ во имя св. Филиппа церковь въ Целлѣ и объявилъ жертвователямъ на этотъ храмъ отпущеніе грѣховъ. Въ томъ же году онъ получилъ отъ папы приказаніе дать разводъ Маркару Турскому и Людоминѣ Нейгаузенской, вступившимъ въ бракъ и находившимся въ четвертой степени родства.

3) Въ 1249 г. папскій легатъ, архіепископъ кельнскій Конрадъ, поручилъ Дитриху собрать для него въ епархіяхъ минстерской, оснабрюкской и минденской такъ называемую прокурацію, для каковой цѣли Дитрихъ и отправился въ Дортмундъ и Сестъ, извѣстивъ предварительно тамошнее духовенство о времени своего прибытія.

4) Въ концѣ слѣдующаго года мы встрѣчаемъ Дитриха въ утрехтской епархіи въ качествѣ „прокуратора“ (повѣреннаго) епископа. 8-го декабря 1250 году онъ освятилъ знаменитый монастырь Эгмондъ съ его церковью и строеніями, 17 декабря рукоположилъ во священники многихъ клериковъ, а на слѣдующій день преподалъ свое благословеніе двумъ аббатамъ. 2-го января 1251 году Дитрихъ же освятилъ 2 алтаря въ монастырской церкви и часовнѣ пресвятой Маріи тамъ же и далъ свое согласіе на различныя индульгенціи. Передъ отъѣздомъ Дитриха изъ Эгмонда, онъ самъ, его братъ, миноритскій монахъ Іоаннъ, и канелланъ Генрихъ были приняты въ число монастырской братіи.

5) Въ сентябрѣ 1251 г. Дитрихъ освящаетъ алтарь монастырской церкви въ Липпштадтѣ, въ Падерборнской епархіи, и при этомъ случаѣ раздаетъ отпущеніе грѣховъ.

6) Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ находится въ Гекстерѣ (Huxaria) и даетъ отпущеніе грѣховъ жертвователямъ на женскій монастырь Фалькенгагенъ или на горѣ св. Маріи (въ Липпенскомъ монастырѣ), въ церкви коего онъ освятилъ, съ согласія Симона, курфюрста Падерборнскаго, алтарь въ честь пресвятой Богородицы.

7) 10 іюля 1252 г. Дитрихъ является въ качествѣ намѣстника архіепископа Гергарда Майнцскаго (cuius vices gerilius) въ своемъ родномъ городѣ Гильдесгеймѣ и, съ соизволенія епископа Генриха

Гильдесгеймскаго, даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ не оставляющимъ своими щедрыми дарами тамошній женскій монастырь Маріи Магдалины.

8) Въ томъ же году, онъ объявляетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто 20 іюля, въ день освященія цистерціанскаго монастыря въ Порцетумѣ (Буртшейдъ у Аахена), и въ теченіе слѣдующей за тѣмъ недѣли будетъ стоять на молитвѣ въ томъ монастырѣ.

9) Въ слѣдующемъ 1253 году Дитрихъ снова является въ качествѣ „замѣстителя архіепископа Тюрингенскаго“ и какъ замѣститель рукополагаетъ на Троицыной недѣлѣ (8—14 іюня) нѣсколькихъ духовныхъ лицъ въ Эрфуртѣ въ церкви св Петра; 12 іюля освящаетъ часовню въ монастырѣ св. Маріи тамъ же; на слѣдующій день при торжественномъ крестномъ ходѣ полагаетъ камень въ фундаментъ Брунненской часовни, а въ день раздѣленія апостоловъ (15 іюля) постригаетъ (velavit) многихъ инокинь въ монастырѣ братьевъ проновѣдниковъ.

10) 28 іюня 1254 г. Дитрихъ освятилъ главный алтарь церкви миноритовъ въ Арнесбергѣ, въ Кельнской епархіи.

11) Въ 1255 году онъ объявилъ отпущеніе грѣховъ въ пользу монастыря Рупертсберга у Бингена на Рейнѣ.

12) Черезъ два года Дитрихъ снова появляется въ монастырѣ Арнсбургѣ въ Веттерау, когда архіепископъ Гергардъ Майнцскій подтверждаетъ индульгенціи, пожалованныя имъ монастырю для освященія церкви.

13) Въ 1258 году Дитрихъ снова находится въ своемъ родномъ городѣ Гильдесгеймѣ и опять возвѣщаетъ отпущеніе грѣховъ въ пользу тамошняго монастыря Маріи Магдалины. Тамъ же онъ составилъ и свое завѣщаніе.

14) Осенью того же года онъ освятилъ во имя Пресвятой Богородицы новый алтарь приходской церкви въ Дорфпродзельтенѣ на Майнѣ, недалеко отъ Ашаффенбурга. Затѣмъ снова проходитъ полтора года, пока

15) Мы не наталкиваемся на два документа, отъ 27 апрѣля и 7 іюля 1260 г., заставляющіе предполагать, что Дитрихъ въ то время находился въ Римѣ. Но къ концу года онъ уже находится въ

16) Майнцѣ, гдѣ даетъ, съ соизволенія архіепископа, индульгенціи всѣмъ не оставляющимъ своими щедрыми дарами тамошнюю церковь отшельниковъ Августинскаго ордена.

17) Тамъ же Дитрихъ издаетъ, въ февралѣ 1261 г., съ согласія архіепископа, отпустительную (индульгенціонную) грамоту въ пользу цистерціанскаго монастыря Короны пресвятой Дѣвы (Corona S. Virginis), расположеннаго въ Гарцѣ около Баденгаузена.

18) Вскорѣ послѣ того мы его встрѣчаемъ въ самомъ Гарцѣ. Тамъ онъ въ апрѣлѣ того же года объявляетъ отпущеніе грѣховъ

всѣмъ благодѣтелямъ женскаго монастыря Маріи Магдалины во Франкенбергѣ, въ Госларѣ, Гильдесгеймской епархіи.

19) 5 іюня Дитрихъ издаетъ въ Ламмешпринге отпустительную грамоту въ пользу принадлежавшаго къ Майнцской епархіи августинскаго женскаго монастыря въ Винденѣ, нынѣшнемъ Веенде, у Геттингена; а

20) черезъ нѣсколько дней онъ издаетъ такую же грамоту въ пользу августинскаго женскаго монастыря въ Кателенборгѣ.

21) 19 октября того же года Дитрихъ объявляетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ приносящимъ щедрые дары въ августинскій женскій монастырь св. Маріи въ Гильвардсгаузенѣ, Майнцской епархіи.

22) Въ апрѣлѣ 1262 г. онъ въ Кобленцѣ, съ соизволенія архіепископа Трирскаго, даетъ отпустительную грамоту въ пользу церкви св. Кастора.

23) Въ августѣ того же года онъ освятилъ часовню въ стѣнахъ монастыря Эрбахъ въ Боппардѣ на Рейнѣ.

24) 2 іюня 1263 г. епископъ Дитрихъ удостовѣряетъ, совмѣстно съ Оттономъ, аббатомъ Бейвелерскимъ, неприкосновенность привиллегіи папы Григорія IX, объявленной 31 мая 1228 году въ Анагни.

25) 15 іюля онъ освятилъ алтарь и часовню въ монастырѣ св. Флорина въ Кобленцѣ.

26) 23 сентября онъ же освятилъ, съ согласія епископа Вормскаго Эбергарда, алтарь и часовню во дворѣ цистерціанскаго монастыря Оттербурга въ Вормсѣ.

27) Въ томъ же году, по всей вѣроятности почти одновременно съ предъидущимъ своимъ дѣйствіемъ, Дитрихъ освятилъ въ томъ же дворѣ молитвенный домъ, выстроенный во имя св. Николая аббатомъ того монастыря Фридрихомъ.

28) 10 октября 1263 г., по просьбѣ братьевъ Тевтонскаго ордена и съ соизволенія епископа Мецскаго, Дитрихъ объявилъ отпущеніе грѣховъ въ пользу орденскаго храма въ Саарбургѣ.

29) 11 мая 1265 г. онъ объявилъ индульгенціи жертвователямъ больницы св. Духа и Маріи въ Ганноверѣ, каковое дѣйствіе получило ратификацію епископа Минденскаго.

30) Черезъ два дня онъ присутствовалъ тамъ же въ качествѣ свидѣтеля, когда Тимо, аббать Корвейскій, иредоставилъ герцогу Брауншвейгскому фохтейство надъ Гекстеромъ и Корвеемъ.

31) 9 іюля 1267 г. Дитрихъ, въ качествѣ замѣстителя Генриха, курфюрста Трирскаго, издалъ въ Маріенштатѣ (Locus Mariae, недалеко отъ Гахенбурга) индульгенціи въ пользу монастыря Мейнфельдъ, теперешняго Мюнстермайфельдъ.

32) 22 сентября того же года онъ объявилъ въ Ветцларѣ отпущеніе грѣховъ всѣмъ кто будетъ поддерживать своими пожертвованіями иремонстратскій женскій монастырь въ Альдинбургѣ.

33) 20 февраля 1269 года Дитрихъ присутствовалъ при рѣшеніи спорнаго дѣла между герцогомъ Альбертомъ Брауншвейгскимъ и архіепископомъ Майнцскимъ Вернеромъ, а

34) 24 февраля является въ таковой же роли въ Нертенѣ (Nortunis).

35) Въ 1270 г. онъ освятилъ кладбище (cemeterium) и алтарь кармелитской церкви во Франкфуртѣ на Майнѣ и издалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отпустительную грамоту.

36) Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ его въ цистерціанскомъ монастырѣ Валькенридѣ, гдѣ онъ 20 марта 1272 г., въ качествѣ намѣстника архіепископа майнцскаго, освятилъ часовню больницы и въ пользу послѣдней объявилъ индульгенціи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что епископъ Виронскій, Дитрихъ Минденскій, являлся въ качествѣ викарія не только въ трехъ архіепископствахъ: Майнцскомъ, Трирскомъ и Кельнскомъ, но и въ шести епископствахъ, подчиненныхъ имъ: въ Гильдесгеймскомъ, Вормскомъ, Мецскомъ, Минденскомъ, Падерборнскомъ и Утрехтскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ изученіи монастырскихъ архивовъ трехъ названныхъ архіепископствъ найдется еще много свидѣтельствъ викарной дѣятельности Дитриха. Но кругъ его дѣйствій повидимому не простирался за предѣлы этихъ архіепископствъ.

XII. Арнольдъ, епископъ Семигалльскій.

Не только современникомъ Дитриха Виронскаго, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и его товарищемъ по судьбѣ былъ епископъ Семигалльскій *Арнольдъ*. Мѣсто епископа Семигалльскаго, какъ было указано выше, осталось вакантнымъ послѣ отреченія Балдуина въ 1236 г. Тогда же были вновь опредѣлены границы епархій Рижской, Куронской и Семигалльской на лѣвомъ берегу Двины, при чемъ предѣлы Семигалльской епархіи въ общемъ были сокращены, съ предоставленіемъ, однако, названной епархіи нрава получить вознагражденіе изъ областей, которыя предполагалось обратить въ христіанство въ ближайшемъ будущемъ[1]). Впрочемъ, замѣщеніе епископской семигалльской каѳедры не послѣдовало ни при этомъ случаѣ, ни вообще до 1242 г. и только въ 1246 г. мы вновь встрѣчаемся съ епископомъ Семигалльскимъ въ лицѣ Арнольда. Объ его происхожденіи ничего не

---

[1]) См. грамоту легата Вильгельма Моденскаго отъ (сентября) 1237 г. и Семигалльскаго соборнаго капитула отъ 17 сентября 1237 г. въ UrkundenBuch Бунге подъ №№ 153 и 154.

извѣстно [2]), такъ же какъ и относительно его возведенія въ епископскій санъ, посвященія и дѣятельности въ своей епархіи, въ которую онъ по всей вѣроятности никогда и не вступалъ. Первое извѣстіе, которое мы имѣемъ о немъ, относится, какъ сказано выше, къ 1246 г., когда онъ, находясь въ Бременѣ, совмѣстно съ архіепископомъ Альбертомъ закрѣпляетъ печатью въ качествѣ свидѣтеля грамоту совѣта (магистрата) и общины города Бремена отъ 31 іюля. Изъ этого появленія другъ подлѣ друга и совмѣстнаго дѣйствія обоихъ прелатовъ быть можетъ позволительно заключить, что названный случай имѣлъ мѣсто непосредственно за посвященіемъ Арнольда Альбертомъ или непродолжительное время спустя и что посвященіе это было слѣдовательно совершено въ Бременѣ Въ октябрѣ слѣдующаго года Арнольдъ, совмѣстно съ архіепископомъ кельнскимъ, освящаетъ вновь выстроенную въ Кельнѣ церковь св. Куниберта и издаетъ въ ея пользу разныя индульгенціи [3]). Но уже къ концу того же 1246 г. папа Иннокентій IV далъ приказаніе архіепископу Альберту Суербееру передать епископство Семигалльское миноритскому монаху Генриху Люцибургскому, такъ какъ онъ, папа, извѣстился изъ одного письма Семигалльскаго епископа (Арнольда), что тотъ вслѣдствіе болѣзненности (propter infirmitatem sui corporis debilitatem) и многихъ другихъ препятствій не въ состояніи исполнять какъ слѣдуетъ обязанности пастыря, а поэтому готовъ передать свое епископство въ руки папы [4]). Но хотя это приказаніе, какъ мы увидимъ ниже, было вскорѣ приведено въ исполненіе, однако Арнольдъ еще много лѣтъ къ ряду не переставалъ титуловать себя епископомъ Семигалльскимъ, даже когда епископство это было формально упразднено въ 1251 году [5]). Такъ въ сентябрѣ 1251 году онъ издавалъ въ качествѣ повѣреннаго (procurator) курфюрста Люттихскаго индульгенціи въ пользу церкви св. Эвермара въ деревнѣ Рюттенъ. Въ одной грамотѣ, состоявшейся черезъ два года спустя, онъ называетъ себя: „Frater Arnoldus, Dei gratia epis-

---

[2]) Въ Рижской церкви въ первой половинѣ XIII ст. духовныя лица, носившія имя Арнольда, занимали важныя должности. Въ 1225 г. Арнольдъ былъ капелланомъ епископа Альберта. въ 1231 г. капелланомъ епископа Николая. въ 1232 г. Арнольдъ былъ канцлеромъ, а въ 1239 г. Арнольдъ былъ соборнымъ пробстомъ (каѳедральнымъ протоіереемъ). Быть можетъ это одно и тоже лицо, но. какъ Арнольдъ по документамъ 1245 и 1246 г. (см. Бунге Urkundenbuch №№ 74, 109, 126, 163, 179.a, 3015 и 3172) значится соборнымъ протоіереемъ, потому и нельзя предполагать его тождественность съ епископомъ Арнольдомъ. По всей вѣроятности епископъ Арнольдъ, до своей хиротоніи, былъ монахомъ какого либо ордена въ Германіи, ибо въ большей части документовъ именуется «братомъ» (frater).

[3]) См. Бунге Urkundenbuch № 3174.

[4]) См. буллу Иннокентія IV отъ 5 декабря 1247 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 3020.

[5]) См. Бунге Urkundenbuch № 219.

corpus quondam Semigalie, provisor spiritualium domini Henrici, Leodiensis electi. Datum anno Domini M. CC. LIII". Въ 1257 г. онъ освятилъ главный алтарь церкви св. Лупа въ Кельнѣ, а въ 1259 г. объявилъ отпущеніе грѣховъ въ пользу доминиканскихъ инокинь тамъ же. Наконецъ 14 мая 1261 г. онъ издаетъ индульгенціи для кармелитскаго монастыря въ Кельнѣ и снова называетъ себя: „Frater Arnoldus, Dei gratia episcopus quondam Semigallie, vicem gerens pontificalium domini H(enrici), Leodiensis episcopi". Судя по этимъ свидѣтельствамъ, онъ, повидимому, былъ постояннымъ викаріемъ Люттихской епархіи. Время его смерти неизвѣстно.

XIII. Генрихъ Лютцельбургскій, епископъ Семигалльскій, а затѣмъ Куронскій.

Ссылаясь на великія заслуги, оказанныя церкви Сигфридомъ Эппштейномъ, архіепископомъ Майнцскимъ, папа Иннокентій IV новелѣлъ, въ декабрѣ 1246 г., своему легату, епископу Феррарскому: въ случаѣ если въ предѣлахъ области, подлежащей его легатской власти, имѣется незанятымъ какое либо епископское мѣсто или имѣеть освободиться въ скоромъ времени, то передать таковое племяннику (repos) означеннаго архіепископа, минориткому монаху Генриху, религіозность, честность и правдивость коего заслуживаютъ одобренія [1]). Такого же рода повелѣніе было дано и Альберту, архіепископу Ливонскому и Прусскому, а черезъ годъ, за неоткрытіемъ ни одной вакансіи, ему было приказано дать означенному брату „Генриху Люцибургскому" епископство Семигалльское, ибо тамошній епископъ (Арнольдъ) готовъ былъ вслѣдствіе болѣзненности сложить съ себя свое званіе [2]). Генрихъ вслѣдствіе этого принялъ посвященіе отъ архіепископа Майнцскаго, но, повидимому не отправился въ свою епархію, ибо мы встрѣчаемъ его еще въ 1249 г. въ Швейцаріи, гдѣ онъ издаетъ двѣ отпустительныя грамоты въ пользу двухъ освященныхъ имъ же алтарей Цоффингенскй (у Берна) церкви. Когда черезъ два года епископство Семигалльское было упразднено и присоединено къ рижской митрополіи, то Генрихъ получилъ въ замѣнъ его освободившееся тогда мѣсто Куронскаго епископа. Еще въ томъ же году онъ получилъ отъ папы повелѣніе блюсти совмѣстно съ епископомъ Эзельскимъ за тѣмъ, чтобы папская охрана, пожалованная

---

[1]) См. буллу Иннокентія IV отъ 16 декабря 1246 г. въ UrkundenBuch Бунге подъ № 3019.

[2]) См. буллу Иннокентія IV отъ 5 декабря 1247 г. въ UrkundenBuch Бунге подъ № 3020.

великому князю Литовскому, не встрѣчала себѣ противодѣйствія [3]). Вслѣдствіе этого епископъ Генрихъ отправился въ свою новую епархію, гдѣ, начиная съ апрѣля 1252 г. и до іюля 1253 г., находился въ постоянной дѣятельности, направленной прежде всего на то, чтобы порѣшить съ Тевтонскимъ орденомъ раздѣлъ Куроніи и точно опредѣлить границы своей епархіи. Уладивъ совершенно эти дѣла, епископъ Генрихъ отправился снова въ 1254 году, вѣроятно въ сопровожденіи одноименнаго съ нимъ епископа Эзельскаго, въ Германію. Въ Любекѣ онъ освободилъ купцовъ, торгующихъ въ его епархіи, отъ береговаго нрава. Въ Вормсѣ онъ издалъ одновременно съ Генрихомъ Эзельскимъ отпустительную грамоту въ пользу тамошняго монастыря св. Маріи Магдалины. Оттуда оба епископа отправляются въ Сенонъ (нынѣ Сенсъ), во Франціи, чтобы въ декабрѣ присутствовать на упомянутыхъ выше переговорахъ съ Ливонскимъ великимъ магистромъ. Весной слѣдующаго года епископъ Генрихъ Куронскій находится въ Гахенборнѣ (въ Гессенѣ, Майнцской епархіи), гдѣ взываетъ о пожертвованіяхъ на возобновленіе погорѣвшаго тамъ женскаго Августинскаго монастыря. Въ апрѣлѣ 1256 г. мы его встрѣчаемъ въ Куроніи, но въ маѣ и августѣ онъ получилъ отъ папы повелѣніе проповѣдывать крестовый походъ на Ливонію [4]) и съ этой цѣлью вѣроятно снова отправился въ Германію. Черезъ два года — въ 1258 г. — онъ опять въ своей епархіи, работаетъ совмѣстно съ орденскимъ магистромъ Бургардомъ Горнгаузеномъ надъ организаціей вновь основаннаго города Мемельбурга и остается въ Куроніи по крайней мѣрѣ до осени 1259 года. Въ слѣдующемъ году онъ снова находится въ Германіи и освящаетъ въ Кельнѣ церковь миноритскаго монастыря. По всей вѣроятности, „Henricus, episcopus Wermelandiensis (вмѣсто Curlandiensis) in Livonia“, который 24 августа 1262 г. издалъ индульгенціи въ пользу командорства Тевтонскаго ордена въ Нюренбергѣ, есть именно онъ, епископъ Куронскій. Возвращался ли онъ затѣмъ еще разъ въ Куронію — остается нерѣшеннымъ. Изъ буллы папы Урбана IV [5]) къ легату епископу Ансельму Эрмеландскому отъ 1263 г. видно, что епископъ Генрихъ Куронскій былъ перемѣщенъ на должность епископа въ епископство Кименское, т. е. въ Хіемзее [6]).

---

[3]) См. буллу отъ 17 іюля 1251 г. въ Urkundenbuch Бунге № 225.

[4]) См. буллу папы Александра IV отъ 11 марта и 21 августа 1256 г. въ Urkundenbuch Бунге VI, № 325 a и № 327.b.

[5]) Отъ 5 марта въ Urkundenbuch Бунге подъ № 374.a.

[6]) См. буллу отъ 5 мэрта 1263 года въ Urkundenbuch Бунге подъ № 374.a. По словамъ Моонера (Onomasticon, стр. 24) Генрихъ умеръ 3 октября 1274 г., вѣроятно, въ своей тогдашней резиденціи.

XIV. Германъ Бекесговеде, епископъ Эзельскій.

Германъ Бекесговеде или Буксгевденъ былъ непосредственнымъ преемникомъ епископа Эзельскаго Генриха и принялъ хиротонію 20-го августа 1262 г., вѣроятно въ Любекѣ, ибо тамъ онъ черезъ день послѣ своего посвященія подтверждаетъ привиллегіи, признанныя имъ уже раньше за купцами, торгующими въ предѣлахъ его епархіи [1]). Вскорѣ послѣ того онъ, должно быть, уѣхалъ на мѣсто своего назначенія, ибо въ томъ же году онъ издалъ одну свою грамоту въ Леалѣ [2]). Здѣсь онъ посвятилъ себя устроенію внутреннихъ дѣлъ епархіи [3]) и въ 1277 году, а также 1278 принималъ участіе въ переговорахъ съ прочими ливонскими земскими властителми относительно организаціи торговли въ Ливоніи [4]). Впродолженіе этого времени мы встрѣчаемъ его въ Германіи всего одинъ разъ, а именно въ 1274 году, когда онъ далъ свое дозволеніе на изданіе индульгенцій въ пользу соборной церкви въ Регенсбургѣ [5]).

XV. Эмундъ Вердскій, епископъ Куронскій.

Одновременно съ сообщеніемъ о перемѣщеніи епископа Куронскаго Генриха въ Хіемзее, папа Урбанъ IV — по желанію великаго магистра Анно Зангерсгаузена и другихъ членовъ Тевтонскаго ордена — повелѣлъ своему легату, епископу Ансельму Эрмеландскому, поставить безъ нарушенія, однако, правъ рижской церкви, какъ митрополіи, епископомъ Куронской епархіи или священника-брата Тевтонскаго ордена Эмунда Вердскаго, рекомендованнаго означенными лицами за свои знанія, чистоту жизни и осмотрительность, или какого нибудь другого достойнаго брата Тевтонскаго ордена; посвятить вновь назначеннаго и позаботиться о томъ, чтобы подчиненныя ему лица оказывали ему должное повиновеніе, а также чтобы онъ получалъ въ исправности слѣдуемыя ему дани и доходы съ епископства. Однако, епископъ, имѣющій быть назначеннымъ, послѣ хиротоніи, долженъ

---

[1]) См. грамоту Германа отъ 21 августа 1262 года въ Urkundenbuch Бунге подъ № 368.

[2]) См. въ Urkundenbuch Бунге № 2742

[3]) См. грамоты отъ 1272 и 1275 г. въ Urkundenbuch Бунге №№ 2748 и 439.b. Сюда же относится грамота отъ 1279 г. (см. Urkundenbuch № 490), коею епископъ Генрихъ основываетъ свою каѳедру въ Гапсалѣ и предоставляетъ этому мѣсту городовое право

[4]) Гм. Urkundenbuch Бунге №№ 452, 453, 457 и 458.

[5]) Послѣднее извѣстіе о епископѣ Германѣ относится къ 1285 г. См. Бунге Urkundenbuch № 504.

представиться архіепископу Рижскому и принести ему, какъ своему митрополиту, обычную присягу въ вѣрности [6]).

Эмундъ, достигшій такимъ способомъ епископства, происходилъ изъ рыцарскаго рода, носившаго имя „Вердскаго“ или „de Insula“ отъ острова Нидервердъ на Рейнѣ, выше Кобленца. Черезъ четыре года по вступленіи въ должность, онъ оставилъ свою епархію и отправился въ Германію, гдѣ пробылъ по меньшей мѣрѣ до 1283 года и гдѣ исправлялъ въ разныхъ епархіяхъ должность викарнаго епископа. Въ качествѣ таковаго, онъ прежде всего освятилъ, въ 1267 г., по просьбѣ аббата Ромерсдорфскаго монастыря, алтарь въ приходѣ означеннаго аббата въ Аденроде. Трирской епархіи, объявивъ при этомъ отпущеніе грѣховъ. И въ Люттихской епархіи по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ совершалъ въ томъ же году освященія. Въ слѣдующемъ году онъ является викаріемъ епископа Утрехтскаго, проповѣдуетъ крестовый походъ во Фрисландію и освящаетъ вновь выстроенную церковь и нѣсколько алтарей въ премонстранскомъ монастырѣ Лидлумъ, а также возобновленный старый монастырь Antiqua Vallis. 9 сентября Эмундъ освятилъ церковь премонстранскаго монастыря „Campus Rosarum“ у Виттеверума въ восточной части Фрисландіи, Минстерской епархіи. Затѣмъ мы его встрѣчаемъ только черезъ 6 лѣтъ, а именно въ Трирѣ, гдѣ онъ, съ одобренія архіепископа, раздаетъ индульгенціи въ пользу госпитальной часовни св. Матвѣя, находившейся внѣ городскихъ стѣнъ. Въ 1276 г. онъ, какъ „vicem gerens in spiritualibus archiepiscopi Coloniensis,“ объявляетъ отпущеніе грѣховъ въ пользу монастыря „Врата неба“ въ Вестфаліи. Вскорѣ послѣ того онъ освящаетъ церковь въ Брилонѣ и обѣщаетъ жертвователямъ оной индульгенціи. И на Люттихскую епархію простираетъ Эмундъ въ томъ же году свою дѣятельность. Въ 1279 году онъ даруетъ индульгенціи кармелитскому монастырю въ Кельнѣ, а 11 ноября 1280 года освящаетъ алтарь и монастырскую часовню св. Мартина у Боннарда. Въ послѣдній разъ онъ является въ 1283 г. въ Бременѣ, гдѣ 13 іюля объявляетъ отпущеніе грѣховъ жертвователямъ часовни новаго дома Тевтонскаго ордена, тамъ же. О мѣстонребываніи его впродолженіе слѣдующихъ 7 лѣтъ не имѣется ни одного извѣстія. Лишь въ 1290 г. рядъ документовъ указываетъ на его присутствіе въ своей епархіи; на основаніи ихъ онъ съ одной стороны основываетъ соборный капитулъ изъ братьевъ Тевтонскаго ордена и одаряетъ его, съ другой входитъ въ соглашенія какъ съ орденскимъ магистромъ, такъ и съ рижскимъ соборнымъ капитуломъ относительно земельныхъ владѣній. Годъ смерти Эмунда неизвѣстенъ, но вѣроятно она застигла его еще въ XIII вѣкѣ.

---

[6]) См. буллу Урбана IV отъ 3 марта 1263 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 374.a.

XVI. Фридрихъ Газельдорпъ, епископъ Карельскій, потомъ Дерптскій.

Хотя отъ завоеваній Тевтонскаго ордена, сдѣланныхъ въ 1240 году къ востоку отъ Нарвы, пришлось вскорѣ отказаться, однако въ 1255 году двое дворянъ, имѣвшихъ владѣнія на русской границѣ, — Отто Люнебургъ изъ рижской епархіи и Дитрихъ Кивель изъ ревельской — довели до свѣдѣнія папы, что они убѣдили нѣкоторое число сосѣднихъ язычниковъ принять добровольно христіанство. Вслѣдствіе этого папа Александръ IV счелъ себя вынужденнымъ повелѣть архіепископу рижскому Альберту, дабы тотъ назначилъ для новой области епископа, а вскорѣ и дополнилъ свое повелѣніе въ томъ смыслѣ[1]), что земли Ватландъ (Водь, Водская пятина), Ингрія и Карелія должны составить одно отдѣльное епископство. Для достиженія этой цѣли и для расширенія и укрѣпленія папской власти въ тѣхъ областяхъ, начиная съ 1256 г., было предпринято нѣсколько походовъ противъ Новгорода, въ зависимости коего находились обитатели названныхъ областей, а также начата постройка крѣпости (Нарвы или Копорья?). Вскорѣ послѣ того и архіепископъ Альбертъ выполнилъ папское повелѣніе, назначивъ епископомъ Карельскимъ гамбургскаго каноника Фридриха Газельдорфа.

Епископъ *Фридрихъ* происходилъ изъ знаменитаго рыцарскаго рода *Газелторповъ* или *Газелдорфовъ*, имѣвшаго земельныя владѣнія въ Голыптейнѣ; онъ былъ сыномъ рыцаря Дитриха Газельдорфа, навшаго въ несчастной битвѣ ордена Меченосцевъ противъ литовцевъ въ Саульской землѣ, 22 сентября 1236 г. Достигнувъ лично рыцарскаго званія, Фридрихъ рѣшился въ 1255 г. вступить въ духовное званіе и по всей вѣроятности уже вскорѣ послѣ того сдѣлался членомъ гамбургскаго соборнаго капитула. Затѣмъ, онъ былъ избранъ архіепископомъ Альбертомъ во епископа Карельскаго, однако болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онъ тогда же отправился въ Ливонію, такъ какъ, съ одной стороны, область, назначенная ему въ епархію, не долго находилась во владѣніи нѣмцевъ, а съ другой стороны его имя совершенно не встрѣчается въ грамотахъ и хроникахъ послѣдующихъ 10 лѣтъ. Впервые епископъ Фридрихъ упоминается лишь въ преецской (въ Голынтейнѣ) грамотѣ отъ 12 мая въ числѣ свидѣтелей — между именемъ одного любекскаго каноника съ одной стороны и иротоіерея преецскаго монастыря съ другой, и упоминается просто какъ „F. de Haselthorpe“, безъ означенія званія. Но отъ слѣдующаго, 1268 года, начиная съ 30 мая, до насъ дошелъ цѣлый рядъ грамотъ, въ коихъ Фридрихъ титулуется не только „episcopus Careliensis“ но вмѣстѣ съ

[1]) См. буллы отъ 19 марта и 3 августа 1255 году въ UrkundenBuch Бунге подъ №№ 281 и 283.b.

тѣмъ и „postulatus Tarbatensis.“ И такъ въ вознагражденіе за утраченную Карелію Фридрихъ, послѣ смерти епископа дерптскаго Альберта, послѣдовавшей въ битвѣ съ русскими у Везенберга 18 февраля 1268 году, былъ призванъ — по всей вѣроятности архіепископомъ Альбертомъ или дерптскимъ соборнымъ капитуломъ — къ исполненію обязанностей Дерптскаго епископа.

По первой изъ упомянутыхъ грамотъ отъ 1268 года Фридрихъ является въ Любекѣ въ качествѣ одного изъ посредниковъ въ переговорахъ орденскаго магистра Конрада Мандернскаго съ „простымъ купцомъ“ относительно торговли съ Россіей. 22 іюля онъ въ Госларѣ раздаетъ индульгенціи въ пользу женскаго монастыря во Франкенбергѣ. 8 сентября онъ освятилъ, совмѣстно съ епископами Фридрихомъ Мерзебургскимъ и Христіаномъ Литовскимъ, монастырскую церковь въ Пфортѣ и при этомъ случаѣ объявилъ отпущеніе грѣховъ. Изъ Пфорты онъ отправился въ Демминъ, въ Помераніи, гдѣ 26 ноября далъ свое соизволеніе на изданіе индульгенцій въ пользу женскаго монастыря Вирхина. Наконецъ въ томъ же 1268 г. онъ былъ въ Мекленбургѣ и объявилъ отпущеніе грѣховъ жертвователямъ женскаго монастыря въ Рене и госпиталя св. Духа въ Ростокѣ. Почти во всѣхъ подлежащихъ грамотахъ Фридрихъ называетъ себя „episcopus Careliensis, Tarbatensis postulatus“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „crucis Christi minister“, т. е. проповѣдникомъ крестоваго похода. Въ началѣ слѣдующаго, 1269 года онъ снова является въ Голыптейнѣ, а именно въ Эмекенторпѣ, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ Іоганомъ Любекскимъ и графомъ Гергардомъ Голынтейнскимъ былъ посредникомъ въ соглашеніи между монастыремъ Преецкимъ и Л. Кюреномъ. Здѣсь онъ впервые называетъ себя episcopus Tarbatensis и поэтому по всей вѣроятности около этого времени — въ декабрѣ 1268 году или январѣ 1269 — принялъ посвященіе на эту должность. Но и теперь онъ еще не отправился въ Ливонію, но продолжалъ въ Германіи свою проповѣдь крестоваго похода. Такъ около пасхи 1269 году мы встрѣчаемъ его снова въ Пфортѣ, гдѣ онъ издаетъ четыре отпустительныя грамоты въ пользу церквей и часовень какъ самой Пфорты, такъ и Геркцислебена и кажется также Наумбурга. Вскорѣ послѣ того Фридрихъ отправился на мѣсто своего новаго назначенія, гдѣ слѣдующею зимою принималъ участіе въ походѣ нѣмцевъ противъ литовцевъ, вторгшихся въ Эзель, и въ Каруссенской битвѣ на льду 16 февраля 1270 году, въ коей палъ орденскій магистръ Оттонъ фонъ Люттербергъ. Въ 1272 году епископъ Фридрихъ, по словамъ одной грамоты, снова является въ Зегебергѣ, въ Гольштейнѣ, въ качествѣ свидѣтеля, но съ 1274 года повидимому не покидаетъ болѣе Ливонію. Въ Ливоніи онъ частью самостоятельно, частью съ согласія прочихъ ливонскихъ властителей, даровалъ важныя привилегіи куицамъ, торговавшимъ съ Ливоніей, былъ посредникомъ въ

спорахъ между архіепископомъ рижскимъ и орденскимъ магистромъ и принималъ участіе — осенью 1280 и лѣтомъ 1281 г. — въ двухъ походахъ ордена противъ шамаитовъ (жмудиновъ) и семигалловъ. 16 декабря 1284 года онъ писалъ къ совѣту города Любека, что тяжело заболѣлъ и что, чувствуя приближеніе смерти, составилъ завѣщаніе, въ коемъ заключается распоряженіе и относительно хранящейся въ Любекѣ суммы денегъ, предназначенной на благотворительныя цѣли. Однако сомнительно, чтобы Фридрихъ умеръ отъ этой болѣзни, такъ какъ въ его гамбургскомъ некрологѣ днемъ его смерти означено четвертое декабря [3]), а преемникъ его, епископъ Бернгардъ, не упоминается ранѣе 1290 года. О его наслѣдствѣ было ведено не мало переговоровъ еще въ 1291 году.

---

[2]) Имѣются нѣкоторыя указанія, что Фридрихъ умеръ 4-го декабря 1289 года.

[3]) См. Бунге Urkundenbuch №№ 503, 504, 531 и 540a.b.

Содержаніе.

Страницы.

Отъ составителя книги къ членамъ русскихъ обществен ныхъ учрежденій въ Ливоніи . . . . . I—V

Вступленіе.

I. Общее обозрѣніе страны и общій выводъ. Разселеніе славянъ . . . . . 1— 5

II. Финны. — Ихъ бытъ и характеръ. — Ливы и чудь — Ихъ мѣста обитанія. — Языкъ. — Образъ жизни. — Религіозныя вѣрованія . . . . . 5—14

III. Литовцы и ихъ развѣтвленія. — Латышскія племена. — Языкъ и религіозныя вѣровѣнія литовцевъ . . . . . 14—20

IV. Полоцкіе кривичи и ихъ отношенія къ литовцамъ. — Русскіе поселки на Двинѣ. — Кукейносъ и Герсикъ. — Отношенія новгородцевъ къ чуди. — Юрьевъ и походы на чудь. — Вліяніе русскихъ на Ливонію . . . . . 20—26

V. Отношенія туземцевъ къ Ливоніи. — Извѣстія о Ливоніи грековъ. — Свѣдѣнія о Ливоніи римлянъ. — Германскія племена. — Скандинавы. — Походы викинговъ. — Норманы. — Варяги. — Появленіе христіанства у скандинавовъ. — Бремено-гамбургское архіепископство. — Образованіе сѣверныхъ государствъ. — Отношенія русскихъ къ скандинавамъ . . . . . 26—41

IV. Борьба съ Балтійскими славянами. — Архіепископъ Адальбертъ. — Походы въ Ливонію . . . . . 41—46

VII. Торговыя сношенія со скандинавскими государствами. — Готландъ и Висби. — Появленіе нѣмецкихъ купцовъ въ Ливоніи . . . . . 46—56

VIII. Существовало-ли православіе въ Ливоніи до появленія и утвержденія въ ней нѣмцевъ . . . . . 56—66

Глава первая.

Завоеваніе Ливоніи нѣмцами (1184—1237).

Источники . . . . . 67—71

I. Начало католичества въ Ливоніи.

Зигебергскій монастырь. — Мейнгардъ. — Полоцкое княжество. — Первые католики между ливами. — Постройка первой католической церкви въ Икскулѣ. — Посвященіе Мейнгарда въ епископы. — Смерть его. — Новгородскія дѣла . . . . . 72—84

Страницы.

II. Начало завоеванія Ливоніи.

Назначеніе икскульскимъ епископомъ Бертольда. — Прибытіе его. — Первый крестовый походъ на ливовъ. — Смерть Бертольда — Положеніе ливонской церкви. — Назначеніе и прибытіе епископа Альберта. — Его первыя дѣйствія. — Основаніе Риги . . . . . 85—98

III. Орденъ меченосцевъ.

Основаніе ордена. — Первоначальное его названіе. — Уставъ. — Составъ ордена. — Конвентъ и капитулы. — Подчиненіе ордена епископу какъ властителю страны 98—103

IV. Покореніе Ливскихъ земель.

Бой съ эзельскими морскими разбойниками. — Первое вооруженное столкновеніе съ русскими. — Отправка Каупо въ Римъ. — Столкновеніе съ литовцами. — Первый орденскій магистръ. — Походъ на ашерадскихъ и леневардскихъ ливовъ. — Свиданіе Альберта съ Вячко. — Посольство къ полоцкому князю. — Третейскій судъ. — Собраніе ливовъ. — Походъ полочанъ на Ригу и осада Гольма. — Покореніе ливовъ . . . . . 103—125

V. Покореніе русскихъ подвинскихъ княжествъ.

Прибытіе Альберта въ Ригу. — Свиданіе Вячка съ Альбертомъ. — Первый дѣлежъ покоренныхъ земель. — Назначеніе судей. — Набѣгъ литовцевъ на Тор йду. — Взятіе Зельбурга. — Паденіе Кукейноса. — Первыя сношенія съ чудью. — Начало католичества у имерскихъ латышей. — Набѣгъ на Унгаунію. — Возобновленіе Кукейноса. — Смерть Винно и выборъ новаго магистра Вольквина. — Смерть Энгельберта. — Паденіе Герсика 126—144

VI. Борьба съ эстонцами до датскаго вмѣшательства.

Набѣгъ на Унганію и отъѣздъ епископа. — Нападеніе куроновъ на Ригу. — Псковскія и новгородскія дѣла. — Нападеніе чуди на Венденъ. — Пораженіе христіанъ. — Миръ съ Полоцкомъ. — Походъ на Викъ. — Осада и взятіе Феллина. — Опустошительные набѣги. — Прибытіе Альберта съ тремя епископами. — Пораженіе чуди въ Торейдѣ. — Походъ на сѣверныя части Саккалы. — Моровое повѣтріе. — Походъ на Унгаунію и Ервенъ. — Походъ русскихъ на Варболинъ. Владиміръ Псковскій въ Ригѣ. — Перемиріе съ эстонцами. — Свиданіе Альберта съ Владиміромъ Псковскимъ. — Возстаніе ливовъ и латышей. — Усмиреніе и улаженіе споровъ. — Набѣги литовцевъ. — Распоряженія папы. — Сыновья Талибальда отступаютъ отъ православія. — Взятіе Герсика. — Возобновленіе войны и набѣгъ на Роталію и Саккалу. — Отмщеніе со стороны эстонцевъ. — Эзельцы подъ Ригою. — Латеранскій соборъ. — Походъ на Эзель. — Смерть Владиміра Полоцкаго. — Русскіе подъ Одеипе. — Пораженіе нѣмцевъ. — Новое возстаніе эстонцевъ. — Обращеніе епископа Альберта за помощію къ датскому королю Вальдемару II . . . . . 144—197

Страницы.

VII. Датское вмѣшательство и вытѣсненіе Новгородской Руси изъ Эстоніи.

Альбертъ у короля датскаго Вальдемара II. — Русскіе подъ Венденомъ. — Литовскій набѣгъ. — Походъ нѣмцевъ на ревельскія земли. — Прибытіе Вальдемара II въ Эстонію и закладка Ревеля. — Крещеніе чудиревельцевъ. — Начало завоеванія лѣво-бережныхъ двинскихъ земель. — Взятіе Месотена. — Походъ на Вироніо. — Походъ на Гаррію. — Столкновеніе нѣмцевъ съ датчанами. — Крещеніе Вироніи. — Споры датчанъ съ нѣмцами. — Шведы въ Викѣ. — Епископъ Альбертъ въ Римѣ. — Соглашеніе его съ Вальдемаромъ II. — Осада Ревеля эзельцами. — Сдѣлка съ архіепи копомъ лундскимъ. — Походъ русскихъ. — Датчане на Эзелѣ. — Возстаніе въ Эстоніи. — Русскіе въ Эстоніи. — Усмиреніе возстанія. — Осада и взятіе Юрьева. — Общее замиреніе . . . . . 198—238

VIII. Папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій въ Ливоніи и событія въ ней до смерти Альберта.

Назначеніе епископа Вильгельма Моденскаго легатомъ въ Ливонію. — Объѣздъ земель ливовъ, латышей и эстонцевъ. — Посольство къ легату — Объѣздъ подвинскихъ земель. — Передача легату соборныхъ земель. — Путешествіе легата въ уступленныя папѣ земли. — Соборъ въ Ригѣ — Отъѣздъ легата и проповѣдь крестоваго похода на Эзель. — Покореніе Эзеля. — Переходъ всей Эстоніи подъ власть нѣмцевъ. — Начало покоренія Семигаллін. — Смерть Альберта. — Назначеніе Николая рижскимъ епископомъ. — Неурядицы. — Мысль о соединеніи орденовъ . . . . . 238—252

IX. Пруссы и тевтонскій орденъ.

Древніе пруссы. — Анархія въ Польшѣ. — Набѣги пруссовъ на польскіи земли. — Конрадъ, князь Мазовецкій. — Основаніе въ Оливѣ цистерціанскаго монастыря. — Христіанъ и его проповѣдь пруссамъ. — Крестовые походы на пруссовъ. — Основаніе тевтонскаго ордена. — Германъ Зальца. — Переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ. — Начало покоренія прусскихъ земель. — Первое посольство меченосцевъ о соединеніи орденовъ . 252—268

X. Соединеніе ордена меченосцевъ съ тевтонскимъ орденомъ.

Назначеніе Балдуина легатомъ. — Споры и пререканія. — Назначеніе легатомъ Вильгельма Моденскаго. — Новгородскія дѣла. — Война съ Новгородомъ. — Возобновленіе переговоровъ о соединеніи орденовъ. — Созваніе капитула въ Марбургѣ. — Совѣщанія въ Вѣнѣ. — Переговоры съ папою въ Витербо. — Саульская катастрофа. — Торжественный актъ соединенія орденовъ. Назначеніе Германа Балка въ Ригу. — Возвращеніе датчанамъ ихъ завоеваній въ Эстоніи . . . . . 268—287

Глава вторая.

Внутреннее состояніе Ливоніи отъ начала въ ней католичества до соединенія орденовъ.

Страницы.

I. Завоеванная территорія . . . . . 288—296
II. Областное управленіе . . . . . 296—322
III. Городъ Рига . . . . . 323—330
IV. Торговля . . . . . 330—338
V. Датская Эстонія . . . . . 339—342

Глава третья.

Возрастающее могущество ордена до пріобрѣтенія датской Эстоніи.

Страницы.

I. Войны ордена съ новгородцами при Александрѣ Невскомъ.

Отъѣздъ Германа Балка изъ Ливоніи. — Его смерть. — Смерть Германа Зальцы. — Выборъ ему преемника. — Нашествіе татаръ. — Князь Александръ Ярославичъ. — Невская побѣда. — Вторженіе нѣмцевъ въ новгородскія земли. — Взятіе Пскова. — Призывъ князя Александра. — Освобожденіе Пскова. — Ледовое побоище. — Замиреніе съ орденомъ . . . . . 342—362

Приложеніе.

Нѣмецкіе викарные епископы въ Ливоніи . . . . . 363—394

Важнѣйшія опечатки.

				Напечатано.	Слѣдуетъ быть.
Стр.	17,	строка	4 сверху:	Если	Эти
»	178,	»	4 снизу	Владиміра	Всеволода
»	192,	»	20 сверху	товавъ	товаръ
»	193,	»	3 »	1517	1217
»	271,	»	10 снизу	корабляхъ	коробахъ
»	275,	»	11 »	Помераніею	Помезаніею
»	275,	»	1 »	Померапія	Помезанія
»	277,	»	9 »	Гоэноэ	Гоэнлоэ
»	285,	»	14 сверху	Померанскія	Помезанскія
»	291,	»	8 снизу	praefenda	praebenda
»	299,	»	16 сверху	крѣпкой	кроткой